Тартт Донна
Маленький друг

Посвящается Нилу

Самые скудные познания, которые можно получить о высоких материях, гораздо ценнее точнейших сведений, полученных о вещах низких…

Святой Фома Аквинский. Сумма теологии. I, 1, 5 AD, 1

Дамы и господа, на мне надеты наручники, над которыми лучшие механики Британии работали в течение пяти лет. Я не знаю, смогу ли я освободиться в этот раз, но могу заверить вас в одном — я буду очень стараться.

Гарри Гудини. Лондонский ипподром. День святого Патрика, 1904

Пролог

До конца своих дней Шарлот Клив будет винить себя в смерти сына — ведь самая страшная в ее жизни трагедия случилась только потому, что в День матери она решила перенести прием гостей на вечер, а не праздновать, как обычно, в полдень, сразу после возвращения из церкви. Ее престарелые тетушки, конечно, слегка поворчали из-за такого неслыханного нарушения традиций — сейчас, много лет спустя, Шарлот не сомневалась, что должна была прислушаться к их недовольной воркотне, которая, как раскаты далекого грома, возвещающие о приближении грозы, предупреждала ее о надвигающемся несчастье.

Семейство Кливов всегда отличалось словоохотливостью, и главной темой их разговоров были события семейной жизни. Все, что когда-то происходило с членами семьи, столько раз излагалось, что постепенно теряло реальные черты, превращаясь в аккуратные звенья цепи семейной истории. Тетушки могли часами, смакуя подробности, пересказывать друг другу слова дальнего родственника, произнесенные им на смертном одре, или спорить о том, в каких выражениях будущий муж их троюродной бабушки предлагал ей руку и сердце. Но никто из них никогда не заикался о событиях дня, полностью перевернувшего жизнь семьи, — та давняя трагедия не обсуждалась не только во время застолий, но и когда тетушки разъезжались парами с очередного семейного сборища или встречались бессонной ночью на чьей-нибудь кухне за рюмочкой успокоительного. То, что произошло, было настолько

чудовищно, непоправимо, ужасно, что стало абсолютным семейным табу.

Семейная история Кливов, благодаря привычке членов семьи бесконечно пережевывать одни и те же события до тех пор, пока все не заучивали их наизусть, напоминала уютные, покатые волны спокойного океана памяти, в котором не было места трагедии. Даже смерть маленького племянника Шарлот, случившаяся во время пожара (малыш задохнулся ядовитым дымом), обросла трогательными подробностями: например, как огромный здоровяк-пожарник, утирая скупую слезу, выносил безжизненное тело мальчика из горящего особняка. Или гибель дяди Шарлот, который сломал шею, упав на охоте с лошади: она обсуждалась много месяцев подряд, пока дамы не нашли нужную им пикантную подробность этого происшествия. Как оказалось, у погибшего была преданная ему собака, которая после смерти хозяина совершенно отказалась от еды и только выла около своей конуры, пока смерть не прибрала и ее. По легенде, собака, кстати единственная из всех, не раз видела призрак дяди и, когда тот появлялся около калитки, всегда заливалась радостным лаем.

«Ведь собаки видят то, чего не видим мы, люди», — многозначительно произносила в этих случаях тетя Тэт. Она сама придумала призрак дяди и очень этим гордилась.

Все эти истории повторялись порознь и вместе, каждая начиналась, подобно народному напеву, сольно, чтобы потом каждый из присутствующих мог добавить полюбившуюся ему деталь в общую копилку воспоминаний. Постепенно исполняемые вразнобой партии становясь более дружными, сливались в один мощный поток в финале. Кому нужна уродливая правда жизни? Творить историю, по мнению Кливов, было просто необходимо.

Но вот Робин, их нежный маленький Робин… Прошло уже больше десяти лет со дня трагедии, но они так и не смогли пережить его смерть, тот ни с чем не сравнимый первобытный ужас перед бессмысленной, необъяснимой жестокостью, совершенной по отношению к их любимому мальчику. И поскольку история его гибели не была подвергнута обычной для Кливов творческой переработке, она носила какой-то безумный, фрагментарный характер, как осколки разбитого зеркала в детском кошмаре, наполняя внезапной тоской сердце Шарлот то при взгляде на бельевую веревку, то при виде грозового неба.

Иногда в разгар очередного приступа тоски Шарлот как будто просыпалась от дурного сна — оглядывалась по сторонам, на мгновение воображая, что ничего плохого в ее жизни не случилось. И тут же понимала, что ужасная смерть Робина на самом деле была единственным по-настоящему реальным событием в ее жизни.

Мучительные воспоминания не оставляли ее ни на минуту: постепенно ей стало казаться, что все в тот день служило предзнаменованием беды — стоило только обратить внимание. На что?

Ну как на что… Во-первых, по обычаю Кливы отмечали День матери в доме дедушки, а не у нее. В тот год впервые многолетняя традиция была нарушена. Потом она решила подать на ужин крокеты из цыпленка — прекрасное блюдо, конечно, признанный шедевр кулинарного искусства домработницы Иды, но ведь крокеты готовили обычно на Рождество или на именины, а никак не в День матери. Стол она украсила композицией из орхидей, а не привычным букетом из полураспустившихся розовых бутонов. В общем, в том застолье, кроме ветчины с горошком и пудинга, ничего и не осталось от традиционных семейных обедов Кливов.

Стоял теплый, предгрозовой весенний день — облака плыли низко, и золотистый рассеянный свет освещал покрытую одуванчиками поляну перед домом. Воздух был таким свежим и разреженным, что казалось, вот-вот начнут полыхать молнии. Из дома доносились голоса и смех, над общим хором вдруг возвысился голос тети Либби, взвизгнувшей: «Аделаида, ну как ты можешь так говорить? Да я в жизни ничего подобного не делала!» Сестры любили дразнить тетю Либби. Она была трепетной старушкой и панически боялась всего на свете: собак, грозы, кексов с ромом, пчел, негров и полиции. Поднялся ветер, пополоскал белье, развешанное на веревке, пригнул почти до земли сорняки на брошенном участке земли через дорогу. Где-то в доме хлопнула ставня. Робин выскочил на крыльцо и с восторгом выкрикивая считалку, которой его только что научила бабушка: «Вы-шел ме-сяц из тумана, вы-нул но-жик из кармана…», прыгал вниз по лестнице через две ступеньки.

Кто-то должен был оставаться во дворе с Харриет. Малышке тогда было чуть больше полугода; вообще в то время Харриет была серьезной крепышкой с копной черных кудрей и отличалась тем, что никогда не плакала. Ее переносной манеж установили прямо на дорожке, ведущей к дому; внутри он был оборудован мини-качелями, которые Харриет раскачивала с маниакальным упорством, стоя перед ними на коленях. Ее четырехлетняя сестра Алисой сидела на крыльце и водила ниткой перед носом кошки Винни, которая лениво поднимала лапку, не очень, впрочем, стремясь зацепить нитку. В отличие от брата с его веселым, взрывным темпераментом, Алисон была застенчивой, тихой девочкой — робкой серой мышкой. Она легко расстраивалась и могла заплакать просто так, не из-за чего, — например, когда бабушка показывала ей буквы. Понятно, что такое отсутствие индивидуальности ужасно раздражало бабушку Эдит, и она практически не обращала на девочку внимания.

Тетя Тэт все утро провела на улице, присматривая за девочками. Сама Шарлот металась между кухней и столовой и пару раз в запале даже ударилась головой о косяк — о детях она не беспокоилась, потому что Ида Рью тоже была на лужайке, развешивала белье. Но Ида в тот день была не в себе, ведь обычно по воскресеньям она уходила домой

около часа дня. Ну а тут мало того что ей пришлось столько времени потратить на крокеты, так она еще и церковную мессу пропустила... И ко всему прочему ее мужу, Чарли Т., пришлось теперь самому разогревать себе обед — дело в их семье просто неслыханное. В знак протеста Ида включила на кухне радио на полную громкость и с мрачным видом расхаживала между плитой и столом, разливая по высоким бокалам остуженный морс.

Эдди, бабушка Робина, в тот момент стояла на крыльце — по крайней мере, было доподлинно известно, что она выходила на крыльцо, потому что собиралась сделать несколько снимков любимого внука в окружении семьи. Вообще, поскольку в семействе Кливов мужчин было совсем мало, вся тяжелая работа вроде подстригания кустов, мелкого ремонта или развозки старушек по магазинам выпадала на ее долю. Она выполняла эту «мужскую» работу в обычной для нее четкой, собранной манере и к тому же достаточно охотно, чем приводила в восхищение своих более боязливых и застенчивых сестер. В тот день они, конечно, были заинтригованы обещанной им фотосессией, но все равно отнеслись к фотоаппарату с опаской, особенно Либби, которая на дух не переносила никаких механических приборов. «Ох, Эдит, — часто повторяла она, — ты у нас прямо солдат в юбке, даже не знаю, есть ли в мире что-нибудь, чего ты не умеешь делать».

Но, несмотря на разнообразие талантов, Эдди не слишком хорошо умела общаться с детьми. Она была для этого чересчур нетерпелива и высокомерна и не прощала слабости никому, даже собственным отпрыскам. Шарлот, ее единственная дочь, в детстве всегда бежала за советом и утешением к тетушкам. Ну а дети Шарлот? Малышка Харриет, конечно, была еще совсем кроха и пускала слюни, совершенно не различая, в какой компании она находится, а вот Алисон боялась бабушки как огня и заливалась слезами, если приходилось остаться с ней наедине. Зато любовь Эдди к Робину была взаимной и очень сильной. Как же она обожала внука! И как он любил ее в ответ! Шарлот часто с улыбкой наблюдала довольно абсурдное зрелище — величественная дама с генеральской выправкой бегает по лужайке, а Робин, хохоча, пытается ее запятнать. Эдди учила внука стишкам, считалкам и дурацким песенкам, которые сама подхватила у солдат, когда работала медсестрой в госпитале во время войны:

Я не знал, что ты такая дура — да!
Как корявый пень твоя фигура — эх!

А Робин с восторгом подпевал ей своим хрипловатым, милым детским голоском.

Это он стал называть бабушку *«Эдди»,* а ведь даже ее собственный отец и сестры никогда не рискнули бы пойти на такую фамильярность. Однажды, когда Робину было четыре, он со всей серьезностью назвал

бабушку *старушкой.* «Бедная моя старушка», — сказал он, подойдя к ее кровати и поглаживая по руке маленькой ручонкой в цыпках и веснушках. Шарлот чуть не упала: ей даже в голову не пришло бы так разговаривать с матерью, но Робину все сходило с рук. Сама Эдди, хоть и лежала в постели с сильнейшей мигренью, пришла от такого обращения в полный восторг и с тех пор всегда подписывала ему подарки так: «Моему рыжику Робину с любовью от его бедной старушки».

Эдди-Эдди-Эдди-Эдди-Эдди-Эдди-Эдди! Ему уже было девять, но он всегда встречал и провожал ее восторженным воплем, своей любовной песней. Так было и в этот раз, когда Эдит вышла на крыльцо с фотоаппаратом в руках.

— Ну-ка иди сюда, поцелуй свою старушку, — улыбаясь, сказала она, но Робин не спешил подходить.

Обычно он любил фотографироваться, но иногда на него нападал приступ застенчивости, и тогда на снимке проявлялась только смазанная рыжая копна волос, острые локти да худые коленки, выставленные для защиты. Увидев фотоаппарат на шее Эдит, он отбежал на безопасное расстояние и запрыгал, пытаясь дотянуться до свисающих веток глицинии.

— Да иди же ко мне, сорванец! — тоже смеясь, крикнула Эдит и вдруг, резко подняв фотоаппарат, щелкнула кнопкой.

По горькой иронии судьбы, это оказался последний его снимок — размытый, невнятный. На снимке было отчетливо видно только зеленое пятно лужайки, куст гардении около крыльца, беловато-пасмурное небо да еще силуэт Робина, убегающего от камеры по траве — прямо в объятия смерти, затаившейся под темными ветвями, терпеливо ждущей его под раскидистым платаном на самом краю кадра.

Много дней спустя Шарлот лежала у себя в комнате, напичканная лекарствами, плохо понимая, что происходит вокруг, и ее грызла, мучила, истязала одна мысль — она не успела попрощаться с Робином, не сказала ему «пока, милый!», а для него ритуал прощания всегда был очень важен. Он как будто предчувствовал, что ему придется уйти раньше срока, и его прощания всегда носили длительный, даже церемонный характер. Он и говорить «пока!» стал гораздо раньше, чем «привет!», поначалу так и здоровался с людьми: «Пока, тетя!» Каждый вечер перед сном она заходила в его комнату, поправляла тапочки у кровати и бесконечное количество раз повторяла «доброй ночи, мой мальчик!», пока он не успокаивался и не засыпал. И теперь, когда Шарлот, заливаясь слезами, лежала в своей зашторенной спальне, она вспоминала, как он махал ей рукой из школьного автобуса: «До свидания, мамочка!» — пока автобус не скрывался из виду, как оставлял маленькие записочки («Целую») на кухонном столе. Шарлот особенно мучило то, что он ушел не попрощавшись; она даже не могла вспомнить последние слова, которыми они обменялись. Обезумев от горя, не в силах заснуть, она все повторяла и повторяла одно и то же: «До

свидания, мой мальчик, мой мальчик», что-то лепетала, хватая за руки тетю Либби, а слезы катились по ее лицу. В те ужасные дни именно тетя Либби спасла ее — не отходила от кровати ни на шаг, держала за руки, меняла холодный компресс на голове и в результате выходила. Никто, кроме Либби, не мог ее утешить — ни муж, ни даже собственная мать. Впрочем, последняя, заходя в ее комнату, чаще всего отдергивала занавески на окнах и гаркала, как сержант на плацу: «А ну вставай, хватит валяться! Выпей кофе, оденься, причешись! Посмотри, на кого ты похожа, прошлого не воротишь, нельзя всю жизнь прятаться в постели!»

Сердобольная тетя Либби каждый раз содрогалась, видя ледяной взгляд сестры, устремленный на лежащую без движения дочь, — такой он был безжалостный, беспощадный. Горе превратило сердце Эдди в лед, а саму ее — в камень.

«Жизнь продолжается», — любила повторять Эдди, но это было ложью даже по отношению к себе. Шарлот, просыпаясь ночью, иногда на секунду забывала о случившемся, вскакивала, боясь, что Робин проспит школу, и вдруг, увидев смятые простыни, спящую в кресле тетю Либби, пузырьки и ампулы с лекарствами на столике, вновь задыхалась от плача и всхлипывала до тех пор, пока не начинали болеть ребра.

Как-то раз Робин прикрепил жестяные пластинки к спицам своего велосипеда, чтобы они дребезжали на ходу. Хоть ее это и раздражало, Шарлот невольно научилась прислушиваться к их нестройному треньканью, определяя по нему местонахождение мальчика — вот он поехал по улице прочь от дома, а вот возвращается. А теперь у кого-то из соседей появился точно такой же велосипед, и Шарлот вздрагивала, издалека заслышав знакомый дребезжащий звук. И каждый раз на секунду Робин являлся ей из-за угла, изо всех сил крутя педали, хохоча от радости и избытка жизненных сил.

Звал ли он ее в те последние, ужасные минуты? Думать о них было непереносимо, но ни о чем другом она думать не могла. Как долго это продолжалось? Как сильно он мучился? Дни напролет она смотрела на побеленные балки потолка, наблюдая за передвижением пятен солнечного света, а потом так же, не отрываясь, всю ночь — на светящиеся в темноте стрелки циферблата.

«Ты встанешь или нет, в конце-то концов? — как-то рявкнула на нее Эдди. — Ты не забыла, что у тебя еще остались две дочери? Надень платье, смотреть на тебя противно!»

Но Шарлот не слышала мать — она спала наяву. В ее снах Робин был какой-то неотчетливый, она мучительно ждала, что он скажет ей хоть слово, но он поворачивался спиной и уходил, уходил… В голове ее всплывала фраза, которую Либби шептала ей в тяжелые дни: «Робин не был создан для нас, дорогая, и мы не в силах были его задержать. Нам повезло, что наш мальчик так долго оставался рядом».

И одним душным, жарким утром Шарлот вдруг поняла: а ведь Либби-то права. Его бесконечные прощания были знаком, который ни

она, и никто другой не смогли тогда разгадать, — просто он заранее прощался с ней, прощался всю свою маленькую жизнь.

Эдди была последней, кто видел Робина живым. После неудачного снимка последовательность событий в голове Шарлот нарушалась. Члены семьи расселись на диванах и креслах в гостиной, ожидая приглашения к столу, Шарлот хорошо помнила, как она стояла на четвереньках перед раскрытым кухонным комодом, пытаясь отыскать там праздничные салфетки — Ида почему-то разложила на столе клетчатые, годные разве что для пикника. Шарлот уже было выпрямилась с возгласом: «Видишь, они всегда здесь лежали! Почему самой было не догадаться?» — как вдруг ее охватила непонятная паника. У нее и раньше случались такие панические атаки, но обычно посреди ночи; тогда она вскакивала и неслась в детскую, чтобы удостовериться, что с детьми все в порядке.

Что-то не так с малышкой — это первое, что пришло ей в голову. Шарлот уронила салфетки на пол и бросилась на крыльцо. Но Харриет все так же мерно раскачивала свои качели, стоя на коленках в манеже, — она подняла на мать широко раскрытые, серьезные глаза. Алисон сидела на крыльце, засунув палец в рот, и тоже качалась вперед-назад, издавая высокий звук, похожий на зудение комара. Ее личико было бледным, и Шарлот показалось, что она плакала.

— Что случилось? — спросила ее Шарлот. — Ты поранилась?

Но Алисон отрицательно покачала головой, не вынимая пальца изо рта.

Где-то на периферии зрения Шарлот заметила быстрое движение в самом конце лужайки — Робин? Но когда она взглянула туда, там никого не было.

— Ты уверена? — спросила она Алисон. — Может быть, тебя киса поцарапала?

Девочка опять покачала головой. Шарлот быстро осмотрела дочь — нет, ни царапин, ни ссадин. Кошка исчезла.

— Детка, иди на кухню, посмотри, что там Ида делает. — Шарлот легонько подтолкнула Алисон, потом вынула малышку из манежа, посадила на бедро и отнесла ее тете Аделаиде в гостиную.

Ее муж, Диксон, сказал, чтобы к ужину его не ждали. Это было нормально, он и так все время проводил или в банке, или охотясь на бедных уток, или в доме своей матери. Шарлот пошла на кухню за абрикосовым пюре для малышки.

На кухне Ида Рью вытаскивала из духовки булочки. Радио стонало на все лады — воскресная служба евангелистов, которую Ида не могла отстоять в церкви. «Боже, — пел хор, — Боже, будь всегда с на-аамии-ии».

Шарлот никому не говорила об этом, но ей не раз приходила в голову мысль, что, если бы радио не орало так громко, в доме можно было бы услышать какие-то звуки, понять, что происходит что-то

неладное… Но, с другой стороны, она ведь сама не отпустила Иду домой в ее законное время.

— По-моему, булки готовы, — сказала Ида, выпрямляясь от плиты.

— Ида, я ими займусь, пойди сними белье, вроде бы дождь собирается. Да крикни Робину, чтобы шел ужинать.

— Он не придет, — сказала Ида с мрачной уверенностью.

— То есть как это — не придет? Сию минуту позови его!

— Да я ему уже двадцать раз кричала — не идет.

— Может, он побежал на тот участок через улицу?

Ида подхватила корзинку для белья и удалилась. Где-то хлопнула ставня. «Робин! — Услышала Шарлот ее раскатистый бас. — Робин, иди сюда, я сейчас тебе ноги повыдергаю!» А потом, минуту спустя, опять: «Робин!!»

Но Робин не появился.

«Господи, ну что еще случилось?» Шарлот с раздражением вытерла руки о кухонное полотенце и вышла на крыльцо.

На крыльце она внезапно поняла, что даже не представляет, где искать сына. Велосипед стоял, прислоненный к стене дома, и Робин прекрасно знал, что перед ужином не следует уходить далеко, особенно когда у них гости.

— Робин! — крикнула она. Может, он где-то спрятался? К ним на улицу иногда забегали грязные, оборванные дети — как черные, так и белые, — и хотя Шарлот не разрешала Робину с ними играть, он все равно частенько бегал по улице в их компании. Ида всей душой ненавидела этих маленьких оборванцев и всегда с криком прогоняла их со двора, но Шарлот жалела их, украдкой давала четвертаки и поила лимонадом. Впрочем, когда они подрастали, ей становилось не по себе при виде угрюмых подростков с бегающими глазами, и она охотно предоставляла Иде право распоряжаться двором по своему усмотрению.

— Тут недавно мелкая шваль опять пробегала.

Если Ида говорила *шваль,* это означало, что оборванцы были белыми. Их она ненавидела с особой яростью.

— Робин был с ними? — спросила Шарлот.

— Не-а.

— А где они сейчас?

— Я их прогнала.

— Куда они побежали?

— Туда и побежали, к порту.

Старая миссис Фонтейн вышла на свое крыльцо посмотреть, что происходит у соседей. Ее пудель, такой же старый и облезлый, как и хозяйка, ковылял следом.

— У вас что, вечерника? — дружелюбно осведомилась она.

— Нет, просто семейный ужин, — отозвалась Шарлот, осматривая окрестности.

— А что случилось?

— А вы не видели Робина?

— Нет. Я разбирала вещи на чердаке. Видите, сколько мусора там накопилось? Вот, я сложила все на улице. Так что, Робин убежал? И вы не можете его найти? Может, он упал в пруд? — спросила миссис Фонтейн, озабоченно нахмурив лоб. — Всегда боялась, как бы кто-нибудь из ваших детей не свалился туда.

— Господи, да наш пруд всего полметра глубиной.

Но Шарлот устремилась на задний двор.

На крыльце появилась Эдит:

— Что случилось?

— Его нет на заднем дворе, я уже смотрела! — крикнула откуда-то Ида Рью.

Шарлот как раз проходила мимо открытого окна на кухне, оттуда лилось стройное пение:

Нежно, так нежно зовет нас Иисус,
Тебя зовет и меня,
Видишь, ворота открыты в рай, он смотрит на
нас и ждет...

На заднем дворе никого не было. Дверь в сарай приоткрыта — внутри пусто. Пруд весь затянуло ряской — вязкая зелень стояла нетронутой. Шарлот повернулась, чтобы пойти назад, — как раз в этот момент небо разорвало первой молнией.

Робина обнаружила миссис Фонтейн. Ее вопль заморозил кровь в жилах Шарлот, приковал ее к месту. На негнущихся ногах она сначала пошла, а потом неуклюже побежала на крик — туда, где на самом краю лужайки ее ожидало что-то ужасное, от чего у нее должно было разорваться сердце. Странно, что она помнила каждую секунду: как прохладный ветер играл в ее волосах и как первые капли дождя упали на лицо, как шумело в ушах, а земля под ногами была такой рыхлой, что в ней вязли каблуки.

Где же была Ида, когда Шарлот добежала до дерева? А где была Эдди? Она не могла этого вспомнить — видела только лицо миссис Фонтейн, ее безумные глаза за запотевшими стеклами очков, открытый в крике рот, руку с зажатым в ней носовым платочком.

Робин висел на обрывке веревки, которую перекинули через нижний сук сизо-серого платана, что рос на самом краю лужайки между их участком и садом миссис Фонтейн. Он был уже мертв. Его ноги болтались сантиметрах в двадцати над травой. Кошка Винни, распластавшись на ветке над головой Робина, скребла лапой веревку, пытаясь дотянуться коготками до его развевающихся медно-рыжих волос. Веревка легонько качалась и подергивалась. Доносящийся с кухни хор мелодично выводил:

Вернись…
Вернись домой, усталый путник мой…

Из кухонного окна пополз столб черного дыма — это загорелись на плите крокеты из цыпленка. Их раньше все так любили, но с того дня никто в семье Кливов их не готовил.

Глава 1
Смерть кошки

Прошло двенадцать лет со дня гибели Робина, но до сих пор никто так и не смог раскрыть причину смерти несчастного ребенка.

Конечно, в городе по сию пору шли разговоры о том, *что* на самом деле могло произойти в тот злосчастный день. Обычно о смерти Робина говорили как о «несчастном случае», хотя факты свидетельствовали об обратном. Ведь даже самые искушенные местные сплетники не могли объяснить, как девятилетний мальчик смог изловчиться и повесить самого себя, пусть даже он случайно соскользнул с ветки. Но поскольку про обстоятельства его смерти знали все, каждый стремился выдвинуть собственную теорию. Робина повесили на обрывке волоконного кабеля — такой встречается достаточно редко, по крайней мере в доме Кливов никогда ничего подобного не держали. Откуда он взялся, никто сказать не мог. Кабель был толстый, узлы на нем завязаны хоть и не профессионально, но достаточно крепко — приехавший из Мемфиса инспектор полиции выразил сомнение, что такой маленький мальчик, как Робин, справился бы со скользким, тугим проводом. Следы на теле Робина (по словам его педиатра, который сам тела не видел, но слышал, что говорил медицинский эксперт штата, которому, в свою очередь, это поведал делавший вскрытие патологоанатом) свидетельствовали о том, что мальчик умер от удушья, а не от перелома шейных позвонков. Некоторое время соседи с жаром обсуждали эту новую деталь — кто-то считал, что Робин умер, будучи повешенным, кто-то уверял, что его сначала задушили, а подвесили позже.

Но если горожане и рассматривали иные версии, семья Робина не сомневалась — их мальчика убили, зверски, мерзко, подло убили. Но кто? Кому могла прийти в голову такая чудовищная мысль? На этот вопрос уж точно никто ответа дать не мог. В городе очень давно не происходило загадочных убийств. Нет, конечно, время от времени ревнивый муж мог придушить или прибить неверную жену, но такие случаи происходили в негритянских кварталах, во время семейных разборок, и к белым людям никакого отношения не имели. Другое дело — убитый *ребенок*. Ну кто способен на такое преступление? Подобных монстров в городе вроде и быть не могло…

Вскоре коллективный разум горожан придумал наиболее возможное объяснение случившейся трагедии: наверное, во всем

виноват *маньяк*. Никто конкретно не знал, как выглядит *маньяк,* но людям сразу стало страшно. Этот *маньяк* (его назвали Черный Душитель) был огромным мужчиной двухметрового роста. Высокий рост сомнений ни у кого не вызывал, но прочие детали его внешности сильно разнились от рассказа к рассказу. То он был черным, то белым, то просто душил детей, а то и ел их, иногда на щеке у него возникал багровый шрам, а иногда он хромал на левую ногу. Но в любом случае долгое время матери не позволяли детям играть на улице, в особенности ближе к вечеру — самое опасное время, когда Черный Душитель мог, выйдя на охоту, подкарауливать невинных крошек в припаркованном в укромном месте запыленном автомобиле.

Но если горожане без устали обсуждали подробности смерти Робина и строили всевозможные догадки, Кливы никогда даже не упоминали тот день.

Зато Кливы без конца вспоминали живого Робина. На такие воспоминания семейное табу наложено не было. Образ мальчика постепенно менялся, обрастал новыми деталями, округлялся, терял резкость, но взамен приобретал благообразие, почти ореол святости. Старые тетушки пересказывали друг другу смешные случаи из его жизни: как он коверкал слова, как никогда не мучил животных, как защищал малышей в детском саду — трогательные маленькие истории, смешные, пусть несущественные подробности взросления их маленького героя. День за днем, год за годом тетушки старательно лепили посмертный образ Робина. В такие игрушки он играл, такую одежду носил, те учителя ему нравились, а те нет, такие ему снились сны, и такие подарки он любил получать на день рождения. Конечно, далеко не все подробности жизни Робина соответствовали действительности, но уж если Кливы брались за сотворение истории, они подходили к вопросу со всей основательностью. Из милого, но довольно избалованного ребенка их обожаемый мальчик постепенно превратился в абсолютного идола, в смеющегося Будду, рассыпающего цветы на своем пути.

«Как бы это понравилось Робину!» — восторженно восклицала Либби. «Ох, как бы Робин над этим посмеялся!» — говорила Тэт. И сестры Робина, которые совершенно его не помнили, росли в убеждении, что их брат из всех цветов предпочитал красный, что его любимой книгой был «Ветер в ивах», а любимым персонажем этой книги — мистер Жаба, что он любил только шоколадное мороженое и всегда болел за бейсбольную команду «Кардинал». Сами они, как и все дети, сегодня предпочитали шоколадное мороженое, а завтра — персиковое, сегодня — красный цвет, а завтра — зеленый, поэтому постоянство Робина вызывало у них чувство завистливого восхищения. Его образ, отполированный миллионами слов, светил над ними ровным, тускловатым светом, еще больше подчеркивая слабость и переменчивость их собственных натур. Они были уверены, что причиной такого постоянства был ангельский характер их старшего

брата, а вовсе не тот факт, что брат был уже двенадцать лет как мертв.

Младшие сестры Робина были абсолютно непохожи как на него, так и друг на друга.

Алисон было уже шестнадцать. Маленькая серенькая мышка, которая постоянно плакала, обгорала на солнце за пять минут и падала на ровном месте, неожиданно для всех превратилась в прехорошенькую девушку — длинные ноги, рыжевато-каштановые кудри, большие карие глаза с влажным блеском. Прелесть ее заключалась в основном в мягкости. Ее нежный голос всегда звучал тихо и нерешительно, манера общения была довольно апатичная, а черты лица несколько смазаны. Эдди, которая сама была «лед и пламя» и ценила силу характера и жизненный огонь во всех их проявлениях, сердилась на Алисон и негодовала. Да, внучка расцвела и похорошела, но ее обаянию, подобно качающимся на ветру хорошеньким головкам полевых цветов, не был отмерен долгий срок — как и им, ей предстояло быстро увянуть. Алисон жила в мире грез, она запоем читала дешевые романы, много вздыхала и при ходьбе слегка загребала носками внутрь. Однако на мужчин она производила самое благоприятное впечатление — мальчики из ее класса уже давно взяли за правило названивать ей по телефону.

Какая жалость, говорила Эдди довольно презрительным тоном, что такая *милая* девочка (для нее «милая» было синонимом «вялая» и «анемичная») совершенно не умеет себя подать. Алисон должна стоять прямо, распрямив плечи, она должна больше читать, и не глупости, а серьезную литературу, должна уметь задавать людям вопросы, хоть чем-то интересоваться, в конце концов. А то поговорить с ней совершенно не о чем. После очередного вердикта, вынесенного бабкой в ее обычной категоричной манере, Алисон в слезах выбегала из комнаты и пряталась у себя в спальне.

«А мне наплевать, что вы думаете, — вызывающе заявляла Эдди, оглядывая притихших сестер, явно не одобрявших ее манеру воспитания внучки, — кому-то надо поучить ее жизни. Если бы я постоянно не долбила ее как дятел, она бы и десятый класс не закончила. Уж я-то знаю!»

Вообще-то это было сущей правдой. Хотя Алисон никогда не оставалась на второй год, несколько раз она была к этому пугающе близка, особенно в младших классах. «Детка, наверное, тебе надо немножко больше заниматься», — не слишком строгим тоном бормотала Шарлот, глядя на очередные двойки в дневнике дочери. Впрочем, ни Алисон, ни ее мать не придавали большого значения школьным отметкам. Зато для Эдди оценки Алисон были делом ее собственной чести. Она устраивала настоящие конференции со школьными учителями внучки, задавала ей дополнительные задачи по математике и читала ей вслух, до сих пор проверяла все ее домашние задания. Бессмысленно было напоминать ей, что Робин тоже не всегда был

примерным учеником.

«Чепуха! — заявляла она со свойственным ей апломбом. — В нем жизнь играла, била через край, очень скоро он научился бы работать как следует!» Признавая тем самым, что больше всего ее раздражало во внучке именно отсутствие огня.

После смерти Робина Эдди ожесточилась, Шарлот же впала в меланхолическую депрессию, от которой ее жизнь как будто потускнела и утратила краски. Она бесцельно слонялась по дому, перекладывая вещи с места на место, не в силах вспомнить, что хотела сделать минуту назад. Конечно, она защищала Алисон, но так же вяло и равнодушно, как и все, что делала.

Ее муж, Диксон, за эти годы еще больше отдалился от семьи. Финансово он, конечно, продолжал их поддерживать, но постепенно все реже появлялся дома.

Некоторое время после трагедии он пытался воздействовать на Шарлот, раздвигал занавески на окнах, зажигал свет, включал телевизор, говорил что-то вроде «Давай же, милая, поднимайся!» или «Мы же с тобой в одной упряжке», но Шарлот только непонимающе глядела на мужа. Когда же до него дошло, что его усилия не приносят никакого результата, Дикс не на шутку обиделся. Потерпев еще пару месяцев, он принял приглашение на работу в банк в соседнем городе. Хоть он и пытался обставить этот переезд как бескорыстную жертву во имя семьи, каждый, кто хоть немного его знал, прекрасно понимал его мотивы. Дикс не хотел жить в склепе, он жаждал веселья, новых впечатлений, желал, чтобы жизнь вокруг него бурлила, он был счастлив за карточным столом, на балу или в ночном клубе, но никак не в спальне напичканной лекарствами жены. Он хотел ездить во Флориду в отпуск, а по вечерам пить коктейли и слышать женский смех. Он хотел женщину, у которой дом всегда был бы безукоризненно чист, волосы красиво уложены, а брови подбриты, которая смотрела бы на него с обожанием и по первому его знаку подавала на стол вино и закуски.

Но его семья была полной противоположностью — жена почти совсем ушла в себя, дочери чурались незнакомых компаний, предпочитая общество своих полоумных старых теток. Кто мог обвинить Дикса в том, что ему это все ужасно надоело? По крайней мере, не он сам.

Хоть Алисон и раздражала бабушку своим видом и мечтательностью, тетушки ее просто обожали. В их глазах она олицетворяла истинную женственность и была именно такой, какой призвана быть юная девица, — не только красивой, но и милой, доброй и ласковой, одинаково терпеливой с животными, стариками и малыми детьми. По мнению тетушек, эти качества в девушке были гораздо важней, нежели все хорошие оценки вместе взятые.

Они яростно защищали ее перед Эдди. «Бедная крошка, она столько

пережила, оставь ее наконец в покое!» — в сердцах воскликнула как-то тетушка Тэт. Тогда этот аргумент сработал и Эдди закрыла рот, впрочем, ненадолго. Конечно, все прекрасно помнили, что Харриет и Алисон были во дворе в тот ужасный день, и хотя Алисон было лишь четыре года, никто не сомневался, что «бедная крошка» могла увидеть нечто столь ужасное, что сломало ее неокрепшую детскую психику.

Конечно, после смерти Робина и полиция, и члены семьи бесконечно допрашивали ее: видела ли она кого-нибудь в тот день?

Может быть, кто-то заходил к ним во двор? Мальчик или взрослый дядя? Но Алисон не говорила ни слова, хоть и начала по ночам мочиться в постель и часто плакала и кричала во сне. Вообще, казалось, что этот и без того не слишком развитой ребенок внезапно потерял даже те крошечные навыки общения, что у него были. Какие бы вопросы ей ни задавали, Алисон только сосала палец, прижимая к груди плюшевую собачку, да смотрела на полицейских широко открытыми глазами, по которым даже не было видно, понимает ли она, о чем ее спрашивают. Никто, даже Либби, самая нежная из всех тетушек, не мог вывести ее из этого состояния.

Постепенно первый шок у девочки прошел, и в последующие годы Алисон часто искренне пыталась хоть что-то вспомнить о том дне. Но как бы она ни старалась выкопать из глубин памяти хоть какую-то деталь, какую-то зацепку, она каждый раз натыкалась на непреодолимую, глухую стену. Да и что она могла вспомнить? Декорации той сцены никуда от нее не делись — она все так же каждое утро сбегала по крыльцу на лужайку, все так же играла с «кисой», которая очень быстро выросла в пушистую рыжую кошку. Однако иногда ее охватывало странное чувство: в ушах начинался мерный гул, и она видела двор как будто другими глазами — на ветру полоскалось белье, около крыльца были сложены стопкой оставшиеся с обеда грязные тарелки, но никого из взрослых поблизости не было. Алисон видела внезапно обезумевшие, пустые глаза кошки Винни, как та вдруг отпрянула от нее и грациозными прыжками бросилась через лужайку к стоящему вдалеке дереву. Была ли эта картина реальной или выдуманной? Сама она, по крайней мере, не чувствовала себя настоящей — скорее ощущала себя как два незрячих глаза, следящих за происходящим, но не принимающих в нем участия.

Но если честно, то Алисон не слишком много времени размышляла над смыслом этих отрывочных воспоминаний — она вообще не уделяла прошлому большого внимания, чем приводила в изумление всех своих родственниц, которые только прошлым и жили. Во время семейных сборищ тетушки со всех сторон атаковали Алисон вопросами: «Ты помнишь, дорогая, то мое платье из зелененького муслина с узором из веточек?», «А помнишь, какая в том году была прекрасная розовая флорибунда?», «Что ты, Либби, то была чайная флорибунда, правда, Алисон?» И Алисон напряженно хмурила брови, изображая, что

пытается вспомнить цвет роз на кусте, о котором шла речь, и рассеянно кивала в поддержку обеим тетушкам. «Детка, — вступала мать, — а помнишь, какое чудесное утро было на Пасху, ну, тогда, когда Харриет была еще совсем крошкой, и как вы слепили из снега зайца во дворе тети Либби?» — «Да, конечно, помню», — храбро лгала Алисон. Она и в самом деле что-то вспоминала, поскольку слушала эти истории изо дня в день и из года в год и даже, бывало, вносила собственные трогательные детали в какое-нибудь событие с ее участием. Так, она придумала, что тогда на Пасху они с Харриет собрали сбитые морозом цветы дикой яблони и украсили ими носик и глазки снежного зайчика. Ее дополнение было единогласно одобрено семейным советом и стало неотъемлемой частью истории о зайце.

Но, положа руку на сердце, Алисон со стыдом признавалась себе, что вообще мало что помнит из детства — ни детский сад, ни первые классы школы, ни домашняя жизнь не оставили в ее памяти никакого следа. Только с восьмилетнего возраста она начала более или менее уверенно себя чувствовать. Алисон никому не говорила об этом и отчаянно завидовала Харриет, которая утверждала, что прекрасно помнит все, что с ней происходило, чуть ли не с рождения.

К моменту смерти Робина Харриет было чуть больше шести месяцев, но, по ее словам, она помнила о брате практически все. И действительно, бывало, она вдруг вспоминала какую-нибудь мелкую, но очень точную деталь одежды, погоды или обеденного меню со времен, когда ей было явно меньше двух лет, так что у всех присутствующих даже рты открывались от удивления.

А вот Алисон совсем не помнила Робина, хотя прожила с ним почти пять первых лет своей жизни. Позор, да и только. Тетя Тэт, у которой девочки долгое время гостили после смерти брата, много раз пересказывала племяннице подробности полицейского расследования. Симпатичный молодой инспектор полиции так упорно пытался ее разговорить: и шоколадки ей предлагал, и показывал фотографию своей маленькой дочки, раскладывал на столе другие снимки, в основном черных мужчин с тяжелыми подбородками и набрякшими веками. Но маленькая Алисон только всхлипывала, сжимая в испачканном кулачке шоколадку, отворачивалась от фотографий и так ни слова и не сказала. Тетя Тэт любила пересказывать эту историю, сидя на своем любимом синем плюшевом диване, рядом с которым стоял неизменный обогреватель, — в эти минуты ее мутновато-карие глаза устремлялись вдаль, а голос приобретал мечтательную интонацию, словно рассказ шел о незнакомом ей человеке.

У Эдди к Алисон было совсем другое отношение: бабушка не оставляла надежды вывести внучку из состояния легкой летаргии, в котором та пребывала, и часто рассказывала ей довольно жуткие, но, по ее мнению, поучительные истории из жизни.

«Сестра моей матери, — начинала Эдди, когда они с Алисон

усаживались в машину, чтобы отправиться на урок музыки, — знала одного мальчика, его звали, э-э-э-э, по-моему, Рэндел Скофилд. Представь себе, все его семейство в одночасье погибло во время торнадо. Как-то раз возвращается он из школы домой — и что же он видит? Весь дом разрушен до основания, только развалины дымятся, а негры, что разбирали завалы, вытащили из-под руин тела его родителей и трех младших братьев и положили на песок возле дома — так они и лежали, как сардины в банке. — Тут Эдди переводила дух, давая Алисон возможность самой представить страшную картину разрушения. Прямой, изящный нос Эдди с чуть заметной горбинкой еще выше взмывал в воздух. — Только представь себе, у одного из братиков отрезало руку по плечо, а у матери из головы торчит дверной порожек — прямо из виска. Ну, и как ты думаешь, что стало с бедным мальчиком? Так вот, *он онемел.* И молчал семь лет. Все время ходил с полосками бумаги и карандашом и писал на них все, что хотел сказать, до последнего слова. Владелец прачечной давал ему бумагу бесплатно».

Это была одна из любимых историй Эдди. Детали ее раз от раза варьировались — иногда дети слепли, или прикусывали языки, или даже сходили с ума при виде ужасных картин жизненных катастроф. Но все эти «страшилки» почему-то рассказывались с неодобрением, даже с порицанием по отношению к Алисон, а почему — девочка понять не могла.

Большую часть свободного времени Алисон проводила в одиночестве и совсем от этого не страдала — она рисовала принцесс, слоников и сказочных мышек в своем розовом альбоме, выплавляла из огарков свечей новые, разноцветные, вырезала картинки из журналов и мастерила из них коллажи. В школьной столовой она сидела за одним столом с самыми заметными девочками класса, но после уроков практически с ними не общалась. Внешне она была одной из них — хорошо одетая, с гладкой кожей и ясными глазами, и жила она в большом доме на престижной улице. Но больше ее с ними ничего не связывало.

«Господи, Алисон, да ты могла бы стать самой яркой девочкой в классе! — с досадой твердила ей Эдди. — Тебе надо только сделать маленькое усилие...»

Но Алисон не хотела делать над собой никаких усилий — ей и так было хорошо. Правда, во сне ее постоянно мучил один и тот же кошмар — желтое небо, и на нем что-то полощется и мелькает, но утром она уже про него и не вспоминала.

Алисон много времени проводила у тетушек, особенно в выходные. Тетушки, правда, обитали в разных домах, но часто собирались вместе. В такие дни Алисон была для них самой желанной гостьей. Она охотно участвовала в их повседневных делах: помогала вдеть нитку в иголку, читала им вслух любимые книги, лазала на пыльный чердак за давно забытыми вещами... К тому же Алисон всегда с удовольствием слушала

их бесконечные рассказы: про давно умерших одноклассников, про симпатичного учителя пения, в которого были влюблены и Тэт и Адди, про их потерянное нынче родовое гнездо и про ее собственное детство. По субботам она пекла пирожки или готовила по старинным рецептам сласти, чтобы тетушки могли раздать их бедным на воскресном благотворительном базаре, — сливочную помадку, меренги, а то и песочный торт. В такие дни тетушки, раскрасневшиеся, румяные, весело семенили из кухни в гостиную и назад, в полном восторге оттого, что в доме происходит нечто удивительно приятное.

«Какая же ты у нас маленькая хозяюшка, — хором пели тетушки. — Какая красавица! Наш ангел пришел нас проведать, вот радость-то! Красавица наша. Деточка наша».

Харриет, *малышка,* не была хорошенькой. И уж деточкой ее точно никто не называл. Зато Харриет была умной.

С раннего детства Харриет развивалась не так, как, по мнению Кливов, должна развиваться девочка. Она дерзила бабушке и теткам, презирала сказки, предпочитая им исторические романы о походах Чингисхана, и доводила мать до слез своим упрямством. Сейчас ей было двенадцать с половиной. Хотя училась она блестяще, учителя часто жаловались на ее поведение. В этом случае они звонили Эдди — каждый, кто хоть раз встречался с Кливами, сразу понимал, кто истинный глава этого семейства. Никто и раньше не оспаривал власть Эдди, но после отъезда Дикса она окончательно воцарилась на семейном троне и теперь обладала поистине беспредельной властью. Но даже Эдди с ее замашками главнокомандующего не представляла, какую линию поведения ей следует проводить с младшей внучкой. Не то чтобы Харриет совсем не слушалась, но эта девочка обладала способностью выводить из себя практически любого взрослого, попавшего в диапазон ее общения.

У Харриет не было ни обаяния сестры, ни ее мечтательно-апатичного характера. Она росла крепким ребенком: круглолицая, с румяными щеками, острым носиком и решительно сжатыми тонкими губами. Говорила она отрывистыми фразами и непривычно для Миссисипи отчетливо произносила гласные. Ее часто спрашивали, откуда у нее взялся такой акцент — настоящая янки, да и только! Острый, бескомпромиссный взгляд светлых глаз был как у Эдди, но если бабушка была аристократически красива, внучка унаследовала от нее только резкую манеру поведения да быстроту реакции.

С раннего возраста Харриет приставала с вопросами не только к членам семьи, но и к слугам. Она ходила по пятам за Идой Рью, забрасывая ее вопросами на самые разнообразные темы, например: сколько Ида зарабатывает в неделю? А в месяц? А что она покупает на зарплату? А знает ли она молитву святому Иисусу? А может ли научить Харриет молиться? Ида усмехалась, но учила. Ее забавляло, что Харриет

умудряется внести смуту даже в ряды миролюбивых Кливов. Например, девчушка «по секрету» поведала тете Аделаиде, что ее вышитые наволочки, которые она дарила сестрам на все праздники, никто не только не использует по назначению, но даже дома у себя не держит — их сразу же передаривают знакомым. А Либби она сообщила, что маринованные с укропом огурцы, которые тетушка наивно считала своим кулинарным шедевром, вообще оказались несъедобны — правда, в семье их используют как средство от сорняков.

«Видишь то голое место на лужайке? — заговорщически прошептала Харриет на ухо убитой этой новостью Либби. — Вон там, слева от заднего крыльца? Тэтти когда-то выкинула туда твои огурцы, так там уже шесть лет ничего не растет».

Харриет какое-то время была увлечена идеей закрутить побольше банок с огурцами и продавать их на рынке как пестициды — вот Либби разбогатела бы!

Либби от огорчения потом три дня без остановки плакала. А Аделаида вообще затаила на сестер большую обиду — две недели она не разговаривала ни с Тэтти, ни с Эдит, высокомерно оставляя на съедение местным собакам дары, которые провинившиеся сестры клали на ее крыльцо в знак примирения. Либби бегала туда-сюда, пытаясь помирить сестер, и почти уже добилась желаемого результата, но тут Харриет нанесла еще один, решающий удар, рассказав Аделаиде, что Эдди никогда даже не открывает ее подарков. Просто заклеивает поздравительную записочку Аделаиды цветной бумагой и отправляет дальше — в основном в благотворительные организации, чаще всего негритянские. От этого удара Аделаида так и не смогла оправиться и вспоминала о нем все последующие годы, демонстративно преподнося сестрам на праздники дорогущие подарки, купленные в лучших магазинах Мемфиса. Она даже ценники не всегда удосуживалась срезать.

«Я-то сама предпочитаю подарки, сделанные своими руками, — громко заявляла она партнершам по бриджу в дамском клубе или на кухне Иде Рью так, чтобы сестры, сидящие в гостиной, могли слышать каждое ее гневное слово, — потому что для меня самое главное — *внимание.* Но для некоторых людей, — тут она делала многозначительную паузу, — важно только знать, сколько денег на них потратили. Они считают, что если вещь не куплена в дорогущем магазине, так и дарить тогда ее незачем».

«Не расстраивайся, тетушка Аделаида, — говорила в таких случаях Харриет, — мне-то очень нравятся твои подарки!»

И ей они действительно нравились. Конечно, Харриет не пользовалась вышитыми тетушкой передниками, полотенцами и наволочками, но ее вдохновляли безвкусные аляповатые картинки: танцующие чайники, целующиеся голландские дети, толстые мексиканцы в сомбреро. Они ей настолько нравились, что Харриет даже

выкрадывала предметы своего вожделения из чужих комодов. Поэтому ее безмерно раздражало отношение Эдди, которая презирала подарки сестры до такой степени, что даже не хотела делиться ими с внучкой. («Помилуйте, молодая леди, к чему вам эти ужасные тряпки?»)

«Я знаю, что тебе они нравятся, моя милочка, — тетушка Аделаида театрально закатывала глаза, брала голову внучки в свои сухие ладони и демонстративно целовала ее в лоб. За ее спиной Тэтти и Либби нетерпеливо закатывали глаза и обменивались понимающими взглядами, но возражать не рисковали. — Когда-нибудь, когда меня уже не будет в живых, ты порадуешься, что не выбрасывала их, как это делали другие».

«Ох, кому-нибудь не мешало бы вздуть эту „малышку“, — ворчал садовник Честер, встречаясь во дворе с Идой Рью. — Посмотри на нее, как глазенки-то блестят в ожидании скандала».

Эдди, у которой глазенки тоже, бывало, блестели в предвкушении хорошей ссоры, нашла в Харриет родственную душу. Несмотря на сходство взрывных характеров, а может быть, именно благодаря ему, бабушка и внучка много времени проводили вместе.

Эдди постоянно жаловалась на дерзость и несдержанность Харриет, которая частенько выводила ее из себя, но все же предпочитала ее компанию обществу ее старшей сестры. Ведь Алисон была уж до того скучная и предсказуемая, ее ничего не интересовало и она соглашалась с любым мнением, которое высказывали в ее присутствии. В результате Харриет почти каждый день после школы заходила к Эдди и проводила там несколько часов.

Тетушки, конечно, тоже любили Харриет, но у них она часто вызывала чувство недоуменного опасения. Слишком уж она была резкая, прямолинейная. Как скажет что-нибудь этакое, так и не знаешь, как реагировать. Они, как могли, пытались привить ей хорошие манеры, впрочем, практически всегда безуспешно.

— Дорогая, ну как же ты не понимаешь, — деликатно заводила разговор тетя Тэт. — Если тебе, к примеру, не нравится фруктовый кекс, незачем прямо заявлять об этом хозяйке. Ведь ты можешь ее обидеть!

— Тэтти, но ведь я терпеть не могу фруктовый кекс! — с возмущением восклицала Харриет.

— Я знаю это, дорогуша, поэтому и привела такой пример.

— Да я вообще не знаю никого, кто любил бы фруктовый кекс, — развивала свою мысль Харриет. — Потому что его есть совершенно невозможно. А если я скажу, что он мне нравится, она и впредь будет мне его совать.

— Не в этом дело, дорогая. Дело в том, что, если хозяйка что-то приготовила специально для тебя, настоящая маленькая леди съест кусочек да еще поблагодарит.

— А в Библии сказано: «Не солги».

— Это про другую ложь. Мы сейчас говорим про ложь из

вежливости, про «белую» ложь.

— В Библии не сказано про черную или белую ложь. Просто про ложь.

— Поверь мне, Харриет, хоть Иисус и учил нас не лгать, это не значит, что мы должны грубить хозяйке дома.

— Иисус ничего не говорил про хозяйку дома. — Харриет, набычившись, глядела на тетушек исподлобья. — Зато он говорил, что Сатана — лжец и человекоубийца.

— Но ведь Иисус еще говорил: «Возлюби соседа своего»? — спросила тетушка Либби в приливе внезапного озарения. — Разве это не значит, что мы должны возлюбить и хозяйку дома? Чаще всего, к тому же она и живет-то от нас неподалеку.

— А я не понимаю, как это любовь к соседу может быть связана с отвратительными фруктовыми кексами. Меня от них тошнит, что же мне, молчать об этом?

И так могло продолжаться часами. Можно было до посинения втолковывать Харриет азбучные истины этикета и постоянно натыкаться на ее демагогические сентенции, которые в большинстве своем опирались на перефразированные цитаты из Священного Писания. Перед лицом божественного слова тетушки сдавались, однако на Эдди такие аргументы не действовали. Хотя Эдди сама пела в церковном хоре и участвовала в разнообразных благотворительных акциях, в глубине души она не верила, что все слова из Библии, есть истина. Впрочем, она не верила даже в собственные высказывания, например в то, что все, что ни делается, делается к лучшему или что негры внутри устроены так же, как и белые.

— Может быть, Господь действительно не видит разницы между белой ложью и скверной ложью? Может быть, любая ложь в Его глазах кажется скверной? — задумчиво сказала тетя Либби, когда Харриет, сердито топая после неудавшейся дискуссии, отправилась домой.

— Да ладно тебе, Либби.

— Нет, может быть, Господь послал нам младенца, чтобы его устами нам открылась истина?

— Ну уж нет, Либби, — заявила возмущенная Эдди (она пришла позже и пропустила начало, но быстро поняла, о чем шла речь), — я уж лучше пойду в ад, чем буду бегать по городу и рассказывать всем, что я о них думаю.

— Ах, Эдит! — воскликнули хором все три шокированные сестры.

— Эдит, что ты хочешь этим сказать?

— То, что сказала. И я также совершенно не хочу знать, что думают мои соседи обо мне.

— Вот уж не знаю, Эдит, что такого ужасного ты могла в своей жизни сделать, — елейным тоном произнесла Аделаида, — что так боишься узнать, что о тебе думают другие?

Сестры слегка повысили голоса, перекинулись парочкой ядовитых замечаний, но быстро выпустили пар и сели за чаепитие в полной гармонии с жизнью и друг с другом. Их существование было таким тихим, гладким и скучным, что они приветствовали даже то оживление, которое привносила в него малышка Харриет.

В школе, в отличие от сестры, которую, сами не зная почему, принимали все, Харриет не пользовалась особой популярностью. Друзей у нее было немного, но те, что вились вокруг (в основном это были мальчики, и чаще всего младше ее на год-два), были преданы ей абсолютно фанатично. Они готовы были проехать полгорода на велосипеде после школы, только чтобы увидеться со своим кумиром. Харриет обожала играть в исторические реконструкции: к полному восторгу мальчишек, она учила их разыгрывать сцены из Крестовых походов или из жизни Жанны д'Арк. Однако чаще всего сюжетом для инсценировок становились подвиги и страдания Иисуса. Дети закутывались в простыни и декламировали целые параграфы из Нового Завета, которые дома предварительно учили наизусть. Понятное дело, сама Харриет в этих импровизированных постановках всегда выступала только в роли Спасителя. Любимой ее сценой была Тайная вечеря. Все рассаживались по одну сторону (как на картине Леонардо) длинного стола на заднем дворе под старым кипарисом и с нетерпением ждали кульминации сцены предательства. Харриет, раздав «последние» сушки и «последние» стаканы виноградной фанты, как бы в смертельной тоске оглядывала своих «учеников», останавливая на каждом из них холодный, горький, испытующий взгляд. «Истинно говорю вам, что один из вас предаст меня сегодня», — произносила она с леденящим душу спокойствием, и холодок пробегал по спинам у сидящих за столом апостолов.

«Нет, учитель, нет! — с восторгом взвизгивали все, включая Хилли, который по сценарию играл Иуду Искариота. Хилли был фаворитом Харриет, поэтому у него была возможность играть сразу несколько ролей: святого Иоанна, святого Луку и святого Петра. — Никогда мы не предадим тебя!»

После трапезы все шли в Гефсиманский сад, который располагался под сизо-серым платаном, что рос на краю лужайки. Здесь Харриет (Иисуса) захватывали римские воины. Конечно, смешно было даже подумать, что Харриет сдастся римлянам без боя, и схватки обычно получались очень жаркими — бывало, доходило и до разбитых носов. Для мальчишек, однако, основная прелесть игры заключалась в том, что она происходила под «тем самым деревом», на котором был когда-то повешен брат Харриет. Хоть убийство и случилось еще до их рождения, все они много раз слышали о нем, и у каждого в голове сложилась своя ужасающая картина, составленная из тайком подслушанных разговоров родителей и ужасающих подробностей, которые им нашептывали по ночам старшие братья и сестры.

Кстати, никто не мог понять, почему дерево до сих пор не срубили. Уж не говоря о тоскливых воспоминаниях, которые оно навевало, старый платан начал гнить изнутри — верхушка его высохла, и черные ветки торчали над пожухлой кроной, придавая ему сходство с человеком, в отчаянии вскинувшим руки к небесам. Осенью на несколько дней листва платана приобретала яркий, кроваво-красный цвет, но быстро опадала, а появляющиеся весной новые листья были темно-зелеными, почти черными, и блестели как отполированные. «Это дерево слишком неустойчиво и растет слишком близко к дому, — сказал Шарлот специалист-лесоруб, которого она вызвала, чтобы проконсультироваться по поводу старого платана. — Сильный ветер может повалить его прямо на вашу веранду». («Не говоря уж о несчастном мальчугане, — пробормотал он помощнику, усаживаясь в кабину своего грузовичка, — не понимаю, как бедная женщина может каждый день, просыпаясь, глядеть в окно на этого монстра?») Даже соседка Кливов, миссис Фонтейн, проявила инициативу и предложила оплатить спилку дерева. Такое предложение было на нее настолько не похоже, что все изумились — ведь у миссис Фонтейн была репутация жуткой скряги, она даже полиэтиленовые пакеты никогда не выбрасывала, — но Шарлот лишь покачала головой.

— Нет, благодарю вас, миссис Фонтейн, — ответила она таким тихим голосом, что старая леди сначала даже не расслышала ее слов.

— Да ты послушай меня, — разгорячилась старуха, — я предлагаю *заплатить* за то, чтобы его спилили. Ты меня понимаешь? Заплатить! В конце концов, это ведь угроза и моему дому тоже! А вдруг налетит торнадо...

— Нет, благодарю вас, миссис Фонтейн.

Она не глядела ни на соседку, ни на злосчастное дерево, где на черном суку сиротливо притулился полусгнивший домик, который Дикс когда-то соорудил для сына. Ее невидящий взгляд был устремлен через улицу на участок, заросший сорняками и ивняком, среди которого маленькие птички вили свои гнезда и выводили птенцов.

— Послушай меня, девочка, — сказала миссис Фонтейн, ободренная ее молчанием. — Ты думаешь, я не знаю, *что* значит потерять сына? Будь уверена, и дня не проходит, чтобы я не вспоминала моего бедного Линей... У тебя хоть дочки остались, а он был у меня единственный, и, когда мне сообщили, что его самолет подбили и что он сгорел прямо в воздухе, я чуть разума не лишилась. Но на все божья воля, надо принимать удары судьбы со стойкостью. Помнится, тогда почтальон пришел к нам с утра, хотя всегда являлся после обеда, и я сказала моему Портеру (он еще здоров был, мой Портер): «Поди открой, как сегодня рано газету принесли...».

Ее голос сорвался, и она взглянула на Шарлот. Но Шарлот уже не было рядом, она медленно брела назад к своему дому, все так же глядя в пространство широко раскрытыми, пустыми глазами.

Это было много лет назад, и дерево стояло так же, как и раньше, и все так же гнил на ветке старый домик Робина. Зато сейчас миссис Фонтейн уже не была так доброжелательно настроена по отношению к Шарлот.

— Знаете ли, что я вам скажу, — заявила она как-то раз дамам, собравшимся у миссис Нилли на стрижку и укладку, — она не обращает на своих бедных дочек ни малейшего внимания. Вся в себе, ходит как сомнамбула в ночной рубашке целыми днями. Куда это годится, я вас спрашиваю? А дом? Весь зарос грязью, каким-то жутким барахлом. В окно поглядеть — там газеты до потолка сложены в каждой комнате.

— Да, дела, — протянула сухонькая, остроносая миссис Нилли, — интересно, а не закладывает ли она, что называется, за воротник?

— Я ничуть не удивлюсь, если так оно и есть! — отрезала миссис Фонтейн.

Поскольку миссис Фонтейн постоянно кричала на друзей Харриет и бранила их, когда та приводила их к себе играть, они с удовольствием рассказывали о ней страшилки. В их историях старая соседка Кливов похищала и жарила на вертеле маленьких детей, а косточки их потом перемалывала в муку и удобряла ею свои грядки — недаром у нее так хорошо росли розы! Потасовка в Гёфсиманском саду была тем более интересна, что она проходила прямо под носом у старухи-людоедки. Но само дерево пугало мальчишек даже больше, чем людоедское соседство, — было в нем что-то мрачное, угрожающее, трагическое, от чего хотелось бежать без оглядки, но к чему их, наоборот, непреодолимо тянуло. В этом старом дереве была скрыта непостижимая тайна, сравнимая с черным бездонным дуплом, ведущим в преисподнюю.

Над Алисон в школе немилосердно потешались, постоянно напоминая ей о несчастье с Робином *(«Мамочка, мамочка, можно мне поиграть с братиком?» — «Ни в коем случае, ты сегодня его уже три раза выкапывала!»)* Она застенчиво молчала и отворачивалась, никак не реагируя на издевательские вопросы, частушки и дразнилки, пока однажды их не услышала учительница и не положила этому конец.

Харриет же избежала насмешек в школе, отчасти из-за своей резкой и задиристой натуры (мало кто ушел бы без синяков, вздумай он дразнить ее), но отчасти и потому, что все ее друзья были слишком малы, когда случилась та давняя трагедия. В их глазах погибший брат придавал Харриет ореол мрачного очарования, против которого они были не в силах устоять. Харриет часто рассказывала им о Робине, причем с таким видом, будто он до сих пор был жив. Снова и снова мальчики ловили себя на мысли, что, может быть, *она и есть Робин,* восставший из могилы невинно убиенный ребенок, переселившийся в ее тело, видящий то, что от них было скрыто. По крайней мере, в ее жилах текла та же кровь, что и в его, и хотя внешне они были совершенно непохожи, через нее мальчишки могли получить представление о том, каким Робин был при жизни.

Дети, конечно, не замечали горькой иронии, по которой древняя трагедия предательства и смерти, которую они с таким восторгом разыгрывали под старым платаном, отчасти напоминала трагедию реальную, случившуюся двенадцать лет назад. Хилли важничал: ему, как лучшему «актеру», выпала честь представлять Иуду, выдавшего Иисуса римлянам, и одновременно играть апостола Петра, отсекшего ухо римскому солдату. Немного нервничая, но чрезвычайно довольный обеими ролями, он отсчитал тридцать орехов арахиса, за которые ему предстояло предать своего Учителя, а потом, под свист и смешки сотоварищей, сделал еще один глоток виноградной фанты и повернулся к Харриет. Для совершения обряда предательства Хилли должен был поцеловать ее в щеку. Однажды, уступив подначкам друзей, он набрался смелости и поцеловал Харриет прямо в губы. Холодная ярость, с которой подруга стерла с губ следы его поцелуя — тыльной стороной ладони, а потом и рукавом, — восхитила его даже больше, чем сам процесс.

Завернутые в простыни, как в саваны, маленькие фигурки Харриет и ее апостолов выглядели диковато на залитой солнцем лужайке. Бывало, что, когда Ида Рью отрывалась от мытья посуды и бросала взгляд в окно, она видела эту нелепую процессию, бредущую то по направлению к платану, то к заднему двору. Она не могла рассмотреть подробностей, поэтому не понимала смысла разыгрываемых сцен, однако каждый раз при виде закутанных по глаза белых фигур ее охватывало дурное предзнаменование. Возможно, то же самое почувствовала и прачка в древней Палестине, когда, оторвав взгляд от колодца, у которого она полоскала белье, она заметила тринадцать одинаковых фигур с закрытыми капюшонами лицами, тихо бредущих мимо нее по пыльной дороге в сторону оливковой рощи на вершине холма. Кто были эти люди, куда они направлялись? Их миссия явно была важной, об этом свидетельствовала и твердость поступи, и решительность жестов, но тут воображение ей отказывало. Может быть, они шли на похороны? Или спешили к ложу умирающего? Может быть, совершали религиозный обряд? В процессии было что-то непонятное и слегка пугающее, отчего прачка на мгновение застыла, подняв руку к глазам, но потом опять вернулась к своей стирке, не подозревая, что стала свидетельницей события, которому суждено было перевернуть мировую историю.

— И что это вы всегда топчетесь около этого старого дерева? Места на дворе мало, что ли? — спросила Ида Рью, когда Харриет вернулась в дом.

— Мы играем там, потому что под платаном темно, а во дворе слишком светло, вот почему! — сурово ответила на это Харриет.

С раннего детства Харриет обожала археологию. Ее одновременно страшили и привлекали сооруженные ацтеками курганы; разрушенные, заросшие джунглями города, погребенные под вековыми слоями земли

обломки древних цивилизаций. Все началось с маниакального интереса к динозаврам, который Харриет проявила года в четыре, но постепенно он перерос в нечто большее. Кстати, сами динозавры не особенно интересовали «малышку», особенно те их карикатурные версии с длинными, загнутыми кверху ресницами и голубыми глазами, что показывали по субботам в популярных мультиках. Эти глупые ручные динозавры, которые якобы катали на своих спинах детишек и ели мороженое из их рук, не привлекали Харриет совершенно. Собственно, ее воображение будоражил только тот факт, что *динозавров больше не существует*.

— Но как же *ученые узнали,* — допрашивала она Эдди, которую к тому времени тошнило от одного слова «динозавр», — скажи мне, как *они могли узнать,* что динозавры выглядели именно так?

— Они нашли кости, сколько можно повторять...

— Но если бы я нашла *твои кости,* Эдди, разве я бы узнала, как именно ты выглядишь?

Эдди была занята — она очищала персики от бархатистой розовой кожуры, — поэтому ничего на это не ответила.

— Эдди, пожалуйста, ну посмотри сюда. Вот здесь написано, что они нашли только кость ноги. — Харриет влезла на табуретку и с надеждой протянула бабушке через стол раскрытую книгу. — А на рисунке нарисован *весь* динозавр. *Целый!*

— Ты что, не знаешь эту песенку, детка? — вступила из угла кухни Либби — она вынимала из персиков косточки. Старушка подняла вверх очищенный персик и запела дрожащим голосом: — *От коленки, от коленки кость идет к бедру... От бедра, от бедра кость идет...*

— Подожди ты, Либби, я хочу спросить: *откуда они знают, как выглядит динозавр?* Почему они нарисовали его зеленым? Может быть, он был черный или серый. Ну погляди же, Эдди. *Смотри же!*

— Я смотрю, — пробормотала Эдди, не поднимая глаз от персика.

— Нет, ты не смотришь.

— Я уже посмотрела в этой книге все, что хотела. Сядь на стул и успокойся, в конце концов! Прости меня господи, этот ребенок выведет из себя кого угодно.

Когда Харриет было девять или десять лет, она страстно полюбила археологию. В этом новом увлечении она, неожиданно для себя, нашла себе компанию в лице тетушки Тэт. Правда, интерес Тэт был несколько ограничен, поскольку из всех загадок древности Тэт обожала только Атлантиду. Тетушка более тридцати лет проработала в местной школе, преподавая латынь, а когда ушла на пенсию, всецело посвятила себя изучению предмета своей страсти. По ее мнению, многие из загадок древних цивилизаций были так или иначе связаны с Атлантидой. Тэт объясняла, что и египетские пирамиды, и каменные изваяния на острове Пасхи построили именно жители Атлантиды, даже электрические

батареи, которые недавно нашли в пирамидах, были подброшены туда ими же. Книжные полки Тэт ломились от псевдонаучных трудов на эту тему, начиная с книг, изданных в конце девятнадцатого века, которые собирал при жизни еще ее отец, и кончая дешевыми современными брошюрами. Вообще-то, ее отец, старый судья Клив, когда-то был уважаемым человеком, однако к восьмидесяти годам тронулся рассудком и последние годы жизни провел в запертой на ключ спальне, придумывая разнообразные способы побега. Свою скрупулезно собранную, достаточно богатую библиотеку он завещал дочери Теодоре, уменьшительно Тэт.

Сестры Тэт не одобряли ее увлечения — Аделаида и Либби считали, что изучение реально никогда не существовавшей страны противоречит христианскому верованию, а Эдди говорила, что все эти россказни про Атлантиду — просто полный бред.

— Но, Тэт, ведь не было такой страны, Атланты, — нерешительно произнесла Либби, нахмурив лобик и глядя на сестру ясными глазами (сестры сидели на кухне у Либби и лущили горох). — Если она существовала, почему же о ней нет упоминания в Библии?

— Потому что Атланту к тому времени еще не построили, — с жестким блеском в глазах сострила Эдди. — Атланта — столица Джорджии, Либби. Помнишь? Шерман сжег ее дотла во время Гражданской войны.

— Ох, Эдит, не надо быть такой злюкой!

— Атланты были предками древних египтян, — сказала Тэт.

— Ну вот, видишь, а древние египтяне были безбожниками, — торжествующе закончила Аделаида. — Помнится, они еще поклонялись кошкам, собакам и другой домашней твари…

— Господи, Аделаида, какая же ты глупышка! Как они могли быть христианами — Христос-то еще не родился!

— Ну и что. Зато Моисей уже родился, и водил своих евреев по пустыне, и соблюдал десять заповедей. И уж кошкам не кланялся, это точно.

Сестры рассмеялись, их руки заходили еще быстрее.

— Атланты, — сказала Тэт высокомерным тоном, — знали так много разных вещей, что современным ученым остается только ахать. Папа мне об этом рассказывал. Папа знал все про Атлантиду, а он был хорошим христианином, и образования у него было больше, чем у всех нас вместе взятых.

— Папа, — пробормотала Эдди, — каждую ночь будил меня часа в три и кричал, что кайзер Вильгельм наступает и чтобы я опустила фамильное серебро обратно в колодец.

— Эдит, перестань сейчас же!

— Эдит, ты сама знаешь, что это неправда. Папа так говорил, когда был уже серьезно болен.

— Я и не говорю, что папа был плохим человеком, Тэтти. Просто

почему-то заботилась о нем в основном я.

— Папа всегда узнавал меня, — мечтательно сказала Аделаида. Она была самой младшей сестрой и всегда считалась отцовской любимицей. — До самого конца узнавал. А в день, когда он умер, он вдруг поднялся на постели, посмотрел на меня грустно-грустно и сказал: «Адди, золотко мое, что же они со мной сделали?» Не могу понять, почему он только меня всегда узнавал? Так странно...

Харриет обожала читать тетины книги; кроме многочисленных томов, посвященных Атлантиде, у Тэт были и серьезные научные труды — Гиббон, к примеру, и «Всемирная история» Ридпата. Ее полки также пестрили дешевыми изданиями исторических любовных романов в бумажных обложках с изображениями гладиаторов, обнимающих полуголых девиц.

«Это, конечно, не настоящие исторические романы, — объясняла ей тетушка Тэтти. — Просто легкие такие романчики, которые приятно читать на ночь, к тому же действие в них происходит на фоне исторических событий. Я их даже давала своим ученикам, чтобы расшевелить у них интерес к Древнему Риму. — Она провела тонким пальцем с разросшимся от артрита суставом по выстроенным на полке разноцветным корешкам. — Вот смотри, Х. Монтгомери Сторм, у меня полно его книг. Кажется, он писал также романы об эпохе Возрождения, только под другим псевдонимом, а впрочем, я уже не помню».

Харриет не интересовали романы о гладиаторах. Она презирала любовные истории так же сильно, как и все, что было связано с романтическими отношениями вообще. Ее любимой книгой в библиотеке Тэт был огромный, тяжелый том под названием «Помпеи и Геркуланум — забытые города», богато иллюстрированный цветными вклейками.

Тэт с удовольствием рассматривала картинки вместе с Харриет. Вдвоем они усаживались на синий плюшевый диван Тэт и переворачивали страницу за страницей, обсуждая увиденное и строя собственные предположения и догадки относительно того, кто жил в том или ином доме и успели ли хозяева спастись от гибели. Изящные фрески на стенах разрушенных вилл, пощаженный временем прилавок уличного булочника («Ты только погляди, тетя, даже булки сохранились!»), безликие гипсовые слепки погибших римлян, скорчившихся в последних судорогах в безвоздушном пространстве пепла, заполнившего город более двух тысяч лет тому назад, будили воображение Харриет и могли занимать ее часами.

— Не понимаю, почему люди не ушли из города раньше, чем началось извержение? — рассуждала Тэт. — Полагаю, в те годы они еще не понимали, какую опасность представляет вулкан.

Думаю, там все обстояло примерно так же, как во время урагана «Камилла», который когда-то пронесся над побережьем Залива. Когда же это было? Впрочем, неважно. Харриет, ты можешь себе представить

такой идиотизм? Многие местные жители отказались эвакуироваться и остались в городе, чтобы полюбоваться на ураган! Они устроились на террасе отеля «Буэна-Виста», включили музыку и заказали себе текилу, ожидая, что сейчас им будет очень весело. Так вот что я тебе скажу: когда вода спала, спасатели потом несколько недель стаскивали их тела с верхушек деревьев. От отеля не осталось ни кирпичика. Ты, конечно, не помнишь, дорогая, но когда-то это был шикарный отель. Они даже на стаканах ставили свой фирменный знак — маленькую коралловую рыбку, красненькую такую. — Тэт перевернула тяжелую страницу. — О, смотри, какой бедный маленький песик. И лапки сложил. Гляди, у него изо рта торчит кусочек печенья. Знаешь, я где-то читала историю про этого пса: будто его хозяином был маленький бродяжка и песик побежал раздобыть ему еды, потому что они собирались вместе бежать из Помпей. Как это трогательно, верно? Может, это и неправда, но почему нет? Такое вполне могло случиться, как ты думаешь?

— Может, этот песик сам хотел съесть печенье.

— А почему же он тогда его не съел? Нет, ему явно было не до еды, особенно когда с неба повалились огненные шары и раскаленные камни.

Тэт наслаждалась тихими вечерами, проведенными бок о бок с племянницей за перелистыванием страниц, но никак не могла понять, почему Харриет больше интересовали такие неромантичные, тривиальные подробности, как осколки разбитых черепков, куски ржавого металла неопределенного назначения и обрывки истлевшего холста. Ей было невдомек, что для Харриет исторические реконструкции означали нечто большее, чем простое перелистывание страниц, — девочка с такой же мучительной жадностью по крупицам восстанавливала историю собственной семьи или того, что от нее осталось.

Кливы, как и большинство старинных семей, проживавших в штате Миссисипи чуть ли не со дня освоения Новой Англии, когда-то были гораздо богаче, знатнее и влиятельнее. Как и о сгинувшем с лица земли городе Помпеи, о былом богатстве Кливов сейчас можно было только догадываться, хотя оно и служило любимой темой семейных разговоров. Кое-какие подробности, которые тетушки так обожали муссировать за вечерним чаем, несли в себе зерна истины — к примеру, во время Гражданской войны янки действительно похитили семейные реликвии и драгоценности, подчистую смели все, что хозяева не успели вовремя закопать на заднем дворе. Однако то были вовсе не огромные сундуки, доверху набитые золотыми монетами, на которые намекали сестры, многозначительно посматривая друг на друга и поднимая тонкие брови. Судья Клив тоже и вправду пострадал во время Великой депрессии, однако основной, непоправимый вред он нанес своему состоянию сам, когда, будучи уже в маразме, вложил почти все свои деньги в разработку «автомобиля будущего», оснащенного крыльями, чтобы летать, и специальными полозьями, чтобы передвигаться по воде.

После его смерти большой дом, в котором сестры родились и выросли, а до них родились и умерли и судья, и его родители, и еще три поколения предков, пришлось продать, чтобы уплатить долги. Сестры до сих пор оплакивали этот дом. Их семейное гнездо, построенное еще в 1809 году, пошло с молотка, более того, новый владелец, купивший дом на аукционе, тут же вновь перепродал его еще кому-то, кто переоборудовал старый особняк в приют для престарелых. Потом владелец приюта то ли обанкротился, то ли лишился лицензии — так или иначе, дом отошел государству и превратился в убежище для бедных негров, а через три года после смерти Робина вообще сгорел дотла.

— Эх, даже Гражданскую войну пережил наш дом, — с горечью говорила Эдди, — и все-таки черномазые с ним в конце концов расправились.

Вообще-то «расправился» с домом судья Клив собственной персоной, а вовсе не «черномазые», — это он не ремонтировал усадьбу в течение семидесяти лет, как не притрагивалась к дому и его благородная матушка. Ко времени смерти судьи деревянные полы уже давно прогнили, перекрытия были изъедены термитами, да и вся конструкция шаталась так, что готова была вот-вот обвалиться. Однако в тетушкиных рассказах все обстояло иначе — они в красках описывали мраморные камины, люстры из богемского стекла и чудесные, вручную разрисованные розово-голубые обои, которые когда-то им доставили прямо из Франции. На второй этаж вели две лестницы — для девочек и для мальчиков отдельно, а весь второй этаж был разделен глухой стеной, чтобы ретивые мальчики не лазали к девочкам по ночам после особенно веселого бала. Конечно, при этом тетушки «забывали» упомянуть, что последний бал их семья давала, по крайней мере, пятьдесят лет тому назад, что лестница для мальчиков давно уже сгнила и обрушилась, что некогда великолепная гостиная почти полностью выгорела, когда судья пытался отбиться парафиновой свечой от напавшей на него посреди ночи армии воинственных пруссаков, и что знаменитые обои свисали со стен длинными, покрытыми плесенью полосами.

Усадьба именовалась «Домом Семи Невзгод» — довольно странное название для особняка, однако прадед судьи Клива клялся, что именно столько треволнений и неприятностей досталось ему при строительстве дома как в материальном, так и физическом смысле. Сейчас от старой усадьбы не осталось ничего, кроме двух черных печных труб да заросшей травой подъездной дороги. Уцелели также ступеньки парадного крыльца — на них до сих пор виднелось слово «КЛИВ», выложенное белыми и синими изразцовыми плитками.

Для Харриет эти плитки представляли гораздо больший интерес, чем какая-то мертвая собачка с печеньем во рту. Они олицетворяли еще

одну ушедшую в небытие цивилизацию — некогда существовавшее богатство собственной семьи, погребенное под пепелищем со знаковым названием «Семь Невзгод».

Харриет представляла себе, как ее брат бродил по не существующим ныне залам семейного гнезда. Дом пошел на продажу, когда ей еще не было года, но в свое время Робин часто гостил у тетушек. Он проводил там почти все выходные, съезжал по перилам парадной лестницы (по свидетельству тети Либби, однажды даже чуть не въехал в зеркальную горку, стоявшую в холле); играл в домино на персидском ковре под распростертым крылом мраморного серафима; засыпал рядом с чучелом медведя, которого когда-то застрелил его двоюродный дедушка; и даже видел стрелу, с потускневшими синими перьями сойки, которую индеец из племени команчи выпустил в его прапрапрадеда.

Но кроме изразцовых плиток, от «Дома Семи Невзгод» не осталось практически ничего. Большая часть наиболее ценных вещей — ковров, мебели, люстр, торшеров — была продана оптом скупщику антиквариата, который дал тетушкам едва ли половину ее настоящей стоимости. Изъеденное молью чучело медведя обрушилось, едва к нему прикоснулись, и пришлось выкинуть его на помойку, где его тут же обнаружили какие-то негритянские дети и с восторгом поволокли по грязи к себе домой.

И Харриет оказалась перед сложной проблемой: как ей воссоздать стертые с лица земли «Помпеи» собственной семьи? Где найти обломки, осколки, ископаемые остатки ушедшего великолепия? Харриет была на пепелище всего один раз несколько лет назад. Тогда обгоревший фундамент показался ей огромным, пригодным скорее для города, чем для одного дома. Она помнила, как Эдди, раскрасневшаяся, похожая на мальчика в своих узких брючках цвета хаки, прыгала по кирпичному основанию, возбужденно жестикулируя: «Смотри, Харриет, смотри, вот там у нас была гостиная, а здесь столовая, тут холл, а здесь библиотека. Правда, Либби? Что с тобой, Либби? Ну не надо, ну успокойся, не плачь!» Помнила горькие рыдания Либби и как она в своем хорошеньком красном пальто села прямо на грязные ступеньки несуществующего больше крыльца.

После этого визита Харриет занялась реконструкцией дома со свойственной ей основательностью. Она начала со сбора уцелевших реликвий. Их оказалось достаточно много: фамильное серебро и сервизы, полотенца с вышитыми монограммами и салфетки, китайские вазы, фарфоровые часы и старинные стулья — она находила их как в собственном доме, так и в домах тетушек. Воссоздаваемый ею макет «динозавра», которого она собирала по кусочкам — здесь кость ноги, там позвонок, тут подобие черепа, — так же далеко отстоял от оригинала, как и картинки в книгах о древнем мире, что вызывали у нее такое негодование. Все без исключения старинные вещи, обнаруженные в процессе поисков, казались Харриет намного красивее, богаче и

изящнее, чем окружающие ее современные предметы быта. Однако главную прелесть для нее составляли истории, которые тетушки наперебой рассказывали племяннице, — эти великолепные, пышные свидетельства роскоши ушедших времен подвергались дальнейшей обработке в голове Харриет и в окончательном варианте представляли собой отточенные до последнего слова легенды о некоем сказочном, почти мистическом дворце невероятной красоты и богатства. Харриет в полной мере обладала свойством Кливов изменять историю по своему усмотрению — с легкостью забывать то, о чем не хотелось вспоминать, и широкими, яркими мазками разрисовывать то, что невозможно было забыть. В пылу стремления собрать воедино скелет исчезнувшего монстра, который когда-то был символом семейного благополучия, Харриет не замечала, что некоторые из найденных ею костей оказались поддельными, другие принадлежали иным существам, а наиболее крупные, на которых, собственно, держалась вся конструкция, вообще оказались не костями, а грубо слепленными гипсовыми имитациями. (Например, люстра из богемского стекла, по поводу утраты которой так скорбела Либби, не была привезена из Франции, да и вообще не была сделана из хрусталя — мать судьи Клива когда-то заказала ее в местной лавке.)

Она также не замечала, что в процессе поисков постоянно натыкалась на уродливые, старые, пыльные предметы или обломки предметов, которые, если бы она взяла на себя труд проанализировать их, в действительности были истинным ключом к воссозданию подлинного облика сгоревшего дома. Но Харриет они были ни к чему — ее целью не была историческая правда, она стремилась построить себе сказочный замок и вполне преуспела в этом.

Харриет проводила целые дни, рассматривая старый альбом с фотографиями, который она нашла в доме Эдди (этому маленькому бунгало на две спальни, построенному в 1940-х, было очень далеко до «Дома Семи Невзгод»). На старинных фотографиях было запечатлено Есе семейство Кливов: худенькая, бесцветная Либби даже в восемнадцать лет выглядела старой девой, в ее лице проступали черты Алисон. Рядом с ней мрачно хмурилась девятилетняя Эдди — точная копия отца, возвышающегося за ее плечом. Необычная Тэт с лунообразной физиономией полулежала в плетеном кресле, держа на коленях котенка, а малышка Аделаида, которой впоследствии суждено было пережить трех супругов, лукаво прищурившись, усмехалась в камеру. Аделаида была самой хорошенькой из четырех сестер, но даже в двухлетнем возрасте уголки ее смеющегося рта словно таили в себе капризность и раздражительность. Снимок был сделан прямо на ступенях «Дома Семи Невзгод», и под ногами позирующих Харриет с замирающим сердцем каждый раз различала заветное слово «КЛИВ». Оно одно осталось неизменным с тех далеких пор.

Но больше всего Харриет любила фотографии, на которых был

изображен ее брат. После смерти Робина их все забрала к себе Эдди — матери Харриет было слишком больно смотреть на фотографии сына. Эдди спрятала их в коробку из-под шоколадных конфет и засунула ее в чулан на самую верхнюю полку. Она, конечно, не предполагала, что внучка найдет коробку, но Харриет обшаривала чулан со свойственной ей основательностью, и, когда она впервые обнаружила фотографии, ее волнение было сравнимо только с эмоциями археологов, наткнувшихся на гробницу Тутанхамона.

Конечно, Эдди и не подозревала, что Харриет нашла фотографии, — откуда бедной старушке было знать, что именно поэтому внучка проводит в ее доме столько времени. Вооружившись карманным фонариком, Харриет усаживалась в чулане, занавесившись старыми платьями Эдди, и часами перебирала снимки. Иногда она перекладывала фотографии в свой розовый кукольный чемоданчик с изображением Барби и относила в сарай, где Эдди позволяла ей играть. А один раз Харриет даже принесла фотографии домой, чтобы показать Алисон.

— Смотри, — сказала она, — вот наш брат.

На лице Алисон отразился такой неподдельный ужас, что Харриет слегка опешила.

— Да ты взгляни, не бойся, — пробормотала она, — ты там тоже есть на некоторых фотках.

— Не хочу! — выдохнула Алисон, отталкивая ее руку и забираясь под одеяло по самые брови.

Все снимки были цветными, вот только краски со временем поблекли, стали какими-то неестественными. Многие фотографии были захватаны грязными пальцами, порваны по краям и обтрепаны, как будто их не раз доставали из альбома и вставляли назад, у некоторых на обороте черным фломастером были написаны номера (видимо, эти фотографии использовались в полицейском расследовании).

Харриет могла рассматривать их часами. Их слегка размытые контуры и выцветшие краски переносили ее в магический, безвозвратно ушедший, замкнутый в себе мир, откуда не возвращаются. Вот маленький Робин спит, обеими руками прижимая к себе рыжего котенка; а вот он скачет на палке на крыльце «Дома Семи Невзгод», машет рукой, смеется; вот пускает мыльные пузыри и косит в объектив хитрым глазом. На этом снимке он важно серьезен, видимо в первый раз надел форму бойскаутов, а тут он еще совсем малыш, одет для детсадовского представления «Имбирного пряника».[1] В том спектакле он играл жадную ворону, и его костюм произвел настоящий фурор. Этот легендарный костюм сшила Либби из черного трикотажа, она сама придумала выкройку, украсила его сзади от лопаток до бедер черными бархатными ленточками и пришила два больших бархатных крыла,

[1] «Имбирный пряник» — американская версия сказки о колобке. (Здесь и далее прим. перев.)

которые завязками прикреплялись к сгибам рук. На голове у Робина была маленькая бархатная шапочка, с которой свисал оранжевый картонный клюв. Это был прекрасный костюм — Робин надевал его на Хэллоуин два года подряд, а потом его носили и Алисон, и сама Харриет. Даже сейчас каждый год кто-нибудь из соседских мамочек приходил попросить костюмчик для своего маленького чада.

В день представления Эдди отщелкала целую пленку, запечатлев Робина в самых разных позах: здесь он бежит по длинным коридорам «Дома Семи Невзгод», а тут рвется из рук Шарлот, которая тщетно пытается пригладить его непослушные кудри. Харриет с изумлением изучала лицо матери, такое знакомое и в то же время совершенно непривычное, — на снимках Шарлот казалась беззаботной, воздушной, полной жизни и веселья, совсем не похожей на полумертвое существо с рассеянным взглядом, которое знала Харриет.

Старые снимки завораживали Харриет, зачаровывали ее: она чувствовала, что когда-то, когда дом еще стоял и ее брат был жив, мир был иным — наполненным радостью, весельем и любовью. Харриет недоверчиво разглядывала фотографии, на которых Эдди играла с Робином. Вот они вместе лежат на ковре, бросая по очереди кости, чтобы узнать, чья фишка придет к финишу первой, а вот Робин бросает бабушке мяч, и она, комично закатив глаза и забыв про свой величественный вид, прыгает вверх, чтобы поймать его. А вот снимок, сделанный во время его последнего дня рождения, — торт с девятью свечами, Эдди и Алисон наклонились, чтобы помочь Робину задуть свечи с одного раза, — три улыбающихся лица, выхваченных из темного фона. Вот рождественские снимки: подарки под светящейся огнями елкой, серванты со сверкающим внутри хрусталем, хрустальные блюда с пирожными, апельсинами, засахаренными фруктами, ангел на каминной полке украшен гирляндами из сосновых веток и остролиста, все обнялись и смеются, смеются... А на заднем плане Харриет могла рассмотреть накрытый стол, на нем красуется знаменитый рождественский сервиз — тончайший фарфор, украшенный узором из перевитых алых лент, зеленой хвои и золотых колокольчиков. После продажи дома сервиз при перевозке почти весь разбился — наверное, его плохо упаковали. Остались только два блюдечка да молочник. Но на фотографиях он был представлен во всем своем рождественском великолепии.

Харриет родилась как раз незадолго до того самого Рождества, во время снегопада, который был зафиксирован как самый обильный за всю историю Миссисипи. В конфетной коробке она обнаружила фотографию, сделанную как раз в день ее рождения. На снимке дубы стояли все белые, подъезд занесло снегом, и давно умерший терьер Аделаиды мчался к дому, взметая за собой маленькие снежные вихри. А на заднем плане виднелась полуоткрытая дверь «Дома Семи Невзгод», и на пороге стояли Робин и маленькая Алисон, жмущаяся к брату. Робин

махал рукой — Харриет знала, что он махал Эдди, делающей этот снимок, Либби, Тэт и Аделаиде, которые столпились около машины, и маме, стоящей рядом со свертком в руках. В свертке лежала сама Харриет, их с мамой только что привезли из роддома. Тетушки обожали эту историю и постоянно пересказывали ее на разные лады.

— Ты стала нашим лучшим рождественским подарком, — говорили они, — а уж как Робин был счастлив, ты себе не представляешь. В ночь перед тем, как вас с мамой должны были выписать из больницы, он почти совсем не спал. И Эдди не давал спать до четырех часов утра. А уж когда он увидел тебя, так замолчал на несколько минут, потом подошел к маме, обнял ее за пояс и тихо так говорит: «Мамочка, ты выбрала самую красивую девочку из всех, что там были». Мы так и ахнули.

— Харриет была таким чудесным ребенком, — мечтательно пробормотала Шарлот, не поднимая головы. Она сидела у камина на полу, обняв колени руками. Все знали, что тяжелее всего она переносила день рождения Робина и Рождество.

— Правда я была хорошей, мамочка?

— О да, детка, просто чудесной. — И это была чистая правда, Харриет была сущим ангелом, пока не научилась разговаривать.

Любимой фотографией Харриет, которую она снова и снова во всех подробностях изучала при свете фонарика, был единственный снимок, на котором все трое детей были изображены вместе. Он был сделан в рождественскую ночь в гостиной «Дома Семи Невзгод» — маленькая Алисон в белой ночной рубашке до пят стояла рядом с Робином, который держал на руках сверток с новорожденной Харриет, — на лице его застыло смешанное с ужасом восхищение, как будто ему подарили невероятно дорогую, но хрупкую игрушку, которую легко сломать. Мягкий свет от горящих свечей и от елочной гирлянды придавал фотографии сентиментальный вид благостного спокойствия и счастья. Глядя на нее, невозможно было представить, что через месяц умрет судья Клив, еще через пару месяцев семейное гнездо будет разрушено, а в конце весны не станет и самого Робина.

После смерти Робина Первая баптистская церковь объявила о сборе пожертвований в память о бедном мальчике — сначала пастор хотел на пожертвования посадить вокруг собора несколько кустов японской айвы или сшить новые подушечки для преклонения колен во время молитвы. Однако размеры пожертвования оказались намного больше той скромной суммы, которую он ожидал собрать. Особенно отличились одноклассники Робина — они устраивали благотворительные базары, на которых продавали печенье собственного изготовления, стайками бегали по окрестным домам и собирали деньги на «памятник» другу. Один из школьных приятелей Робина, Пембертон Халл (который когда-то играл Имбирный пряник в одноименном спектакле), вообще принес двести долларов. Он сказал, что разбил копилку, в которой несколько лет копил деньги, но на самом деле маленький плут вытащил

эти купюры из кошелька своей рассеянной бабушки. Пембертон, кстати, хотел пожертвовать также обручальное кольцо матери, десять серебряных ложек и булавку для галстука с масонской символикой — никто не помнил, откуда она взялась, но украшена она была настоящими бриллиантами, так что кое-чего должна была стоить. К большому сожалению Пембертона, его пожертвования были обнаружены родителями и конфискованы, но даже и без них общая сумма, собранная одноклассниками Робина, в несколько раз превзошла самые смелые ожидания пастора. Поэтому, подумавши немного и посоветовавшись с прихожанами, пастор решил отреставрировать один из церковных витражей, разбитый несколько лет назад во время очередного урагана и с тех пор так и стоявший без ремонта, заколоченный фанерой. Изначально этот витраж, один из шести, изображавших сцены из жизни Иисуса, воспроизводил его первое чудо: претворение воды в вино на свадебном пиру в Кане Галилейской. Однако пастор решил, что в новом витраже должна быть как-то отражена личность несчастного Робина, а также его маленьких друзей, столь самоотверженно трудившихся над сбором пожертвований.

Новый витраж понравился всем без исключения — изображенный на нем голубоглазый Иисус весьма благостной наружности сидел на камне под оливой и разговаривал с рыжеволосым мальчиком в бейсболке, лицом очень похожим на Робина. Ниже помещалась лента с широкой надписью:

> «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне».

А еще ниже была прикреплена медная табличка с надписью:

> Незабвенному Робину Кливу-Дюфрену
> С любовью от школьников Александрии, штат Миссисипи «Ибо таковых есть Царство Небесное»[2]

Всю свою жизнь Харриет видела брата в ореоле разноцветных лучей — ему светила та же звезда, что и архангелу Гавриилу, святому Иоанну Крестителю, Иосифу, Марии и, конечно, самому Христу. Когда по воскресеньям Харриет заходила в церковь, солнце, подсвечивающее витраж снаружи, зажигало волосы Робина рыжим огнем, а его загадочная улыбка эльфа несла в себе тайну вечного блаженства. Его лицо было более узнаваемым, более четким, чем лица окружающих его святых, но их объединяло общее знание, недоступное смертным, безмятежная отстраненность лишенных плоти духовных существ.

Надо сказать, что Харриет с ее извечной дотошностью очень

---

[2] Мф. 19:14.

занимал вопрос потери человеком его плоти. Что на самом деле случилось тогда на Голгофе? А потом в могиле — что? Как могла плоть подняться от своей низменной сущности и дойти до воскрешения? Харриет не знала этого, но Робин знал, и это знание явно читалось на его просветленном лице.

А что случилось со Спасителем, когда он воскрес? Конечно, в Евангелиях это было описано как великая тайна, но все же почему люди никогда не пытались выяснить, что там произошло? Библия говорит, что Иисус восстал из мертвых, правильно? Ну и как же он восстал — только духом, а не плотью? Но нет, в том же Евангелии сказано про Фому Неверующего, который вложил свой перст в раны Иисуса. К тому же Иисуса видели идущим по дороге, а Мария Магдалина обнимала его вполне осязаемые ноги. И тело Спасителя исчезло из пещеры... Хорошо, ну а где это тело сейчас? Вознеслось на небо и живет там? И вообще, если Иисус так любил всех людей, почему же они до сих пор умирают, а тела их гниют в земле?

Когда Харриет было семь или восемь лет, она решила заняться черной магией и даже пошла в библиотеку поискать, что написано по этому поводу. Тогда она была до глубины души возмущена и разочарована тем, что даже самые «научные» книги по черной магии предлагали лишь дешевые трюки, вроде монетки, которую вынимаешь из уха собеседника. Она-то ожидала настоящего волшебства! В церкви, напротив витража с портретом Робина, размешался еще один витраж, изображавший воскрешение святого Лазаря. История бедного Лазаря действительно до сих пор не давала Харриет покоя. Как реально могло произойти это воскрешение? Ведь Лазарь пробыл в могиле целую неделю, и от его тела уже сильно воняло. Что же стало с этим его телом, покрытым струпьями и язвами? Они зажили или от него и дальше продолжало нести трупным запахом? Что он рассказал о той, проведенной в гробу неделе Иисусу и сестрам? Мог ли он после воскрешения жить дома, как обычный человек, или ему пришлось стать отшельником, как чудовищному творению Франкенштейна, поскольку никто не мог переносить его ужасного запаха и видеть его изуродованное трупным разложением лица? Она с раздражением думала, что, если бы она, Харриет, оказалась тогда на месте святого Луки, она бы уж описала эту поразительную историю гораздо подробней.

А может быть, все это сплошные россказни и никакого воскрешения не было вовсе? А если Иисус все-таки откатил камень и вышел из могилы живым, то почему же тогда ее брат не смог этого сделать? Почему?

Такие мысли преследовали Харриет как наваждение, но главной ее навязчивой идеей стало следующее: раз она не может вернуть брата, она *должна, обязана,* по крайней мере, выяснить, кто убил его.

Одним майским утром в пятницу, через двенадцать лет после смерти Робина, Харриет сидела на кухне Эдди, погруженная в чтение дневников капитана Скотта, написанных во время его последней трагической экспедиции в Антарктиду. Книга стояла на столе, прижатая с одной стороны локтем Харриет, а с другой — тарелкой с омлетом, который она рассеянно, но с аппетитом уничтожала. И она, и Алисон на неделе часто завтракали у Эдди — Ида Рью приходила к ним только в восемь утра, а их мать обычно на завтрак не употребляла ничего, кроме сигареты и бутылки пепси.

В тот день девочкам не надо было идти в школу, потому что уже начались каникулы. Эдди стояла у плиты, повязав на платье веселенький передник в белый горошек, и потряхивала на сковороде омлет для себя. Конечно, она вовсе не одобряла привычку Харриет читать за столом, но в то утро решила не связываться — иногда легче не заметить нарушения приличий, чем делать замечания каждые пять минут.

Омлет застыл, образовав красивую бледно-желтую горку, и Эдди, прихватив сковородку, пошла к серванту за тарелкой. По дороге ей пришлось переступить через лежащую на кухонном полу Алисон, издающую монотонные всхлипы.

Алисон лежала так уже почти двенадцать часов, поэтому Эдди притерпелась к ее нынешнему расположению. Поначалу она попыталась воздействовать на внучку, но когда поняла, что уговоры не подействуют, попросту перестала ее замечать. Она уже слишком стара, чтобы постоянно гасить чужие истерики, решила Эдди, к тому же она на ногах с пяти утра и, вообще, сыта этими детьми по самое горло.

Проблема заключалась в кошке Винни, любимице девочек, что лежала, тяжело дыша, в картонной коробке на полотенце рядом с головой Алисон. Неделю назад кошка перестала есть, а несколько дней назад начала жалобно мяукать, когда ее брали на руки. Тогда сестры принесли ее на осмотр Эдди.

Эдди прекрасно умела обходиться с животными, она была уверена, что, если бы в ее время девочкам разрешали заниматься медициной, из нее вышел бы талантливый ветеринар, а может быть, даже и врач. За свою жизнь она выходила бессчетное количество раненых, изголодавшихся и больных щенков и котят, выкормила десятки выпавших из гнезда птенцов, чистила раны и вправляла кости не только собственным питомцам, но всем нуждающимся в лечении животным, которых тащили к ней соседские дети, — не отказывала в помощи никому.

Безусловно, Эдди очень любила животных, но не была в отношении них сентиментальной. Не была она также и волшебницей, о чем не преминула напомнить внучкам и в этот раз. После короткого осмотра — действительно, кошка как будто себе места не находила, хотя никаких видимых повреждений у нее не было, — Эдди встала, вытерла руки о

юбку и взглянула на два юных личика, смотрящих на нее с искренней надеждой.

— Сколько лет этой кошке? — спросила она их.

— Шестнадцать с половиной, — сказала Харриет.

Эдди нагнулась и погладила бедняжку — кошка с несчастным видом прислонилась к ножке стола и замерла так, не шевелясь. Эдди и сама любила эту кошку — она ведь принадлежала Робину, когда-то он нашел ее в канаве совсем маленьким котенком и притащил домой, — тогда Винни умещалась у него на ладонях. А сколько времени и сил Эдди потратила, чтобы выходить ее, — у бедняжки весь бок был выеден червяками, пришлось чистить рану в тазу с теплой водой, а потом выкармливать ее из пипетки.

— О, Эдди, она поправится? — спросила Алисон.

Она уже тогда с трудом удерживалась от слез. Кошка была ее лучшим другом. После смерти Робина кошка привязалась к Алисон и ходила за ней по пятам, спала всегда у нее на шее и каждый день ровно без четверти три начинала скрестись в кухонную дверь, чтобы пойти на угол и встретить из школы хозяйку. А благодарная Алисон в ответ изливала на кошку потоки любви. Она беспрестанно разговаривала с ней, поверяла ей все свои тайны, кормила кусочками курицы и ветчины со своей тарелки и зарывалась носом в теплый рыжий мех.

— Может, она просто съела чего-нибудь? — спросила Харриет.

— Поглядим, — сказала Эдди.

Но следующие дни не показали никакого улучшения. С кошкой, в общем-то, ничего особенного не случилось, просто она была уже очень старая и пришло ее время умирать. Для очистки совести Эдди попыталась кормить ее куриным бульоном и молоком из пипетки, но кошка только устало прикрывала глаза, а пища выходила назад из ее пасти вместе с бледно-зеленой пеной. Прошлым утром кошка вошла на кухню боком, как-то странно скорчившись, и Эдди завернула ее в полотенце и отнесла на осмотр к ветеринару.

Когда девочки зашли к ней после обеда, она сказала:

— Мне очень жаль, но похоже, с нашей кошкой уже ничего нельзя поделать. Утром ее осмотрел доктор Кларк. Он говорит, что, наверное, придется ее усыпить.

Удивительно, но Харриет, от которой можно было ожидать взрыва эмоций любой силы, восприняла эту новость достаточно спокойно.

— Бедная Винни, — сказала она, присев около коробки и погладив кошачий бок. — Бедная маленькая киса.

Она любила кошку почти так же сильно, как Алисон, хотя Винни никогда не обращала на Харриет особого внимания.

Но Алисон побледнела и взглянула на бабушку широко раскрытыми, молящими глазами.

— Что ты хочешь этим сказать — усыпить?

— То, что сказала, — отрезала Эдди.

— Нет, ты этого не сделаешь. Я тебе не позволю.

— Мы уже ничем не сможем ей помочь, — сказала Эдди. — Так врач сказал.

— Я не дам тебе убить ее!

— Ну и что ты будешь делать? Смотреть, как бедняжка мучается?

Алисон с трясущимися губами опустилась на колени рядом с коробкой, в которой лежала кошка, и разразилась истерическим плачем.

Это случилось вчера около трех часов дня. С того момента Алисон не отходила от кошки ни на минуту. Она пропустила ужин, отказалась от подушки и одеяла и пролежала целую ночь на кухонном полу, тихо всхлипывая. В течение первого часа Эдди просидела с ней на кухне, гладила по голове и пыталась объяснить доходчивыми словами, что все живое непременно когда-нибудь умирает — надо с этим смириться. Однако Алисон плакала все громче, и в конце концов Эдди это надоело, она хлопнула кухонной дверью, отправилась к себе в спальню и открыла роман Агаты Кристи.

Наконец, около полуночи, если верить настенным часам, висевшим в спальне у Эдди, плач прекратился — Алисон заснула. А утром с удвоенной энергией принялась за старое. Эдди отхлебнула чаю. Харриет не отрывалась от книги — казалось, страдания капитана Скотта и его спутников в заснеженной Антарктике полностью поглотили ее. На столе остывал завтрак Алисон.

— Алисон, — сказала Эдди.

Никакого ответа, только плечи стали вздрагивать чуть чаще.

— Алисон, сядь за стол и съешь свой завтрак. — Она повторяла это уже в третий раз.

— Не хочу, — послышался приглушенный ответ.

— Послушайте меня, мисс, — взорвалась Эдди. — Мне это все, в конце-то концов, надоело! Сию же минуту прекратите пускать слюни, встаньте с пола и съешьте свой паршивый завтрак! Что ты валяешься, как младенец, на полу, тебе самой-то не стыдно?

Ответом на это был лишь новый взрыв рыданий.

— О, боже мой, — простонала Эдди в сердцах, отворачиваясь к окну. — Да господь с тобой, делай что хочешь. Только хотела бы я взглянуть на лица твоих учителей, если бы они тебя сейчас увидели. То-то бы они изумились, право слово.

— Послушайте-ка меня, — внезапно сказала Харриет. Она начала читать отрывок из книги: — «Тит Оутс совсем плох, похоже, конец его близок. Что нам с ним делать, ума не приложу. Мы обсудили его положение за завтраком; он такой смелый, отважный парень и отлично понимает нашу ситуацию, и все же…»

— Харриет, сейчас не время вспоминать, что случилось с капитаном Скоттом, — резко прервала ее Эдди. Она и сама находилась на грани срыва.

— Я просто хочу сказать, что Скотт и его люди были отважными и не

боялись смерти. Они до самого конца пытались шутить, даже когда их палатку уже засыпало снегом и они знали, что умрут. — Она продолжала читать, повысив голос: — «Мы все близки к смерти как никогда и все же остаемся веселыми...».

— Да уж конечно, что и говорить, ведь смерть — это часть жизни, — пробормотала Эдди.

— И люди Скотта очень любили и своих ездовых собак, и вьючных пони, — продолжала гнуть свою линию Харриет, — но когда стало ясно, что им нечего есть, они их всех застрелили, всех до единого. И съели, слышишь? — Она опять склонилась над книгой: — «Бедные наши животные! Они работали не хуже нас, и при таких ужасных обстоятельствах. Мне так жаль, что придется всеми ими пожертвовать..».

— Не смей! Замолчи! Эдди, пусть она замолчит! — закричала Алисон с пола.

— Заткнись, Харриет! — прошипела Эдди.

— Но...

— Никаких «но». Алисон, — сказала Эдди резко. — Давай вставай с пола. Все твои вопли кошке не помогут.

— Никто не любит Виннннни-ии... — заикаясь от слез, выдавила из себя Алисон. — Никто никогда ее не любии-ил...

— Алисон, послушай меня, — сказала вдруг Эдди, дотронувшись до ее руки. — Когда-то давно твой брат принес мне маленького лягушонка — он попал под нож газонокосилки, и у него была отрезана лапка. Робин хотел, чтобы я его вылечила. Но я ничего не могла сделать, и мне пришлось убить бедняжку. Робин тогда тоже очень плакал. Он был слишком мал, чтобы понять, что иногда гуманнее прекратить страдания живого существа быстро и безболезненно. Но ему было лет шесть, а тебе уже шестнадцать!

Этот маленький монолог совершенно не подействовал на ту, которой он предназначался, но когда Эдди подняла глаза, Харриет посмотрела на нее в упор, приоткрыв рот.

— А как ты его убила, Эдди?

— Наиболее быстрым способом, — сказала Эдди уклончиво. На самом деле она отрубила лягушонку голову мотыгой и имела глупость сделать это в присутствии Робина. Ей до сих пор было неприятно вспоминать о сделанной глупости, но обсуждать ее с Харриет она не собиралась.

— Ты что, наступила на него?

_ Никто не слушает меня! — выпалила Алисон в сердцах. — Я же говорю — ее отравила эта противная миссис Фонтейн. Я знаю, что это *она* сделала. Винни часто заходила к ней на участок и оставляла следы на капоте ее машины.

Эдди вздохнула. Они уже не раз слышали эту историю.

— Ты прекрасно знаешь, что я люблю Грейс Фонтейн не больше чем

ты, — со вздохом сказала она. — Грейс противная старая гусыня и вечно суёт свой нос куда не следует, но поверь мне, она не травила твою кошку.

— Нет, травила. Я это точно знаю!

— Да нет же, Алисон, — вмешалась Харриет, — это не она, я бы знала.

— Что ты имеешь в виду — «ты бы знала»? Ты что, ясновидящая?

— Да, вроде того, — сказала Харриет, возвращаясь к книге. — Но если окажется, что это она сделала, клянусь, она сильно пожалеет.

Эдди хотела что-то сказать, но тут Алисон сотряс очередной приступ рыданий.

— Ну почему всегда так получается? — всхлипывала она. — Почему Винни должна умереть? Почему те несчастные замерзли до смерти? *Почему все в жизни так ужасно?*

— Да потому, что так устроен мир, — сказала Эдди. — Жизнь всегда заканчивается смертью.

— Меня тошнит от такого мира.

— Знаешь, миру на это глубоко наплевать.

— Я ненавижу этот мир. Да! И буду ненавидеть его до самой смерти!

— Скотт и его команда были действительно очень смелыми людьми, — сказала Харриет, — даже когда умирали. Вот, послушайте-ка: «Мы находимся в ужасном состоянии, ноги у всех уже обморожены...» Ладно, это пропустим. А, вот, нашла! «У нас нет топлива, и я уже не помню, когда мы в последний раз ели, но на сердце теплеет от наших разговоров, от задушевных песен...»

Эдди резко поднялась.

— Ну ладно, хватит болтать, — сказала она. — Я сейчас отвезу кошку к доктору Кларку. А вы, девочки, оставайтесь здесь. — Она начала собирать со стола тарелки, не обращая внимания на истерические взвизгивания, доносящиеся с пола.

— Ох нет, Эдди, — вскричала Харриет, со скрипом отодвигая стул и подбегая к коробке. — Ох, бедная наша Винни, — сказала она, гладя кошку по всклокоченному боку. — Кисонька, бедная. Пожалуйста, не забирай ее сейчас, Эдди.

Глаза старой кошки были наполовину прикрыты от боли. Она еле-еле постукивала хвостом о край коробки.

Алисон, задохнувшись от слез, обхватила голову кошки руками.

— Нет, Винни, — простонала она, — нет, нет, нет!

Эдди с удивительной нежностью забрала кошку у нее из рук и прижала к себе. Кошка издала слабый, почти человеческий крик. Ее поседевшая мордочка напоминала сморщенное лицо старухи — страдающее, терпеливое.

Эдди легонько почесала ее за ухом.

— Дай-ка мне то полотенце, Харриет, — приказала она.

— Нет, Эдди, — умоляюще произнесла Харриет. Она тоже начала плакать. — Ну пожалуйста, не уноси ее. Я ведь еще не попрощалась с

ней.

Эдди нагнулась, подняла полотенце и прикрыла им кошку.

— Ну так попрощайся, — сказала она с привычной резкостью. — Кошка уходит со мной прямо сейчас и неизвестно, вернется ли.

Час спустя Харриет, с красными от слез глазами, сидела на заднем крыльце дома Эдди и вырезала из «Энциклопедии животных» фотографию бабуина. После того как старый синий автомобиль Эдди скрылся из виду в клубах пыли, она легла на пол рядом с сестрой и тоже вволю наплакалась. Потом, когда слезы кончились, она поднялась, пошла в спальню, выдернула булавку из подушечки в виде помидора и нацарапала *«ненавижу Эдди»* мелкими буковками на одной из ножек кровати. Однако от этого ей совсем не полегчало, поэтому Харриет придумала более изощренную месть. Она собиралась заклеить лицо Эдди на ее свадебной фотографии в семейном альбоме изображением бабуина. Она попыталась заинтересовать Алисон этим проектом, но сестра отказывалась отойти от уже пустой коробки, поэтому Харриет оставила ее лежать на кухонном полу.

Внезапно калитка, ведущая на задний двор, резко распахнулась, и в нее с воплем восторга проскочил Хилли Халл. Ему было одиннадцать лет, он был на год младше Харриет и прошлой зимой отпустил свои грязновато-русые волосы до плеч, подражая старшему брату Пембертону.

— Эй, Харриет, — закричал он нетерпеливо, подбегая к крыльцу, — мы пойдем играть? Эй? Что-то случилось? — спросил он обеспокоенно, заглядывая в ее заплаканные глаза. — О нет, вас что, отправляют в лагерь?

Этот летний лагерь Селби был просто наказанием господним и для Хилли, и для Харриет. Его организовала Первая баптистская церковь прошлым летом, и всем детям тогда пришлось провести там шесть недель. Девочки и мальчики жили на противоположных берегах небольшого озера и по четыре часа в день занимались изучением библейских текстов, а потом разыгрывали мерзкие сентиментальные сценки, которые писали для них воспитатели. Хилли был глубоко оскорблен тем, что воспитатели произносили его имя как «Хелли», что явно рифмовалось с противным девчоночьим именем «Нелли», но хуже всего было то, что его заставили остричь волосы прямо на глазах у других мальчиков. На долю Харриет не выпало таких тяжелых испытаний, наоборот, это она подвергла испытанию терпение педагогов, каждый день излагая им свою неортодоксальную точку зрения на Священное Писание, но в целом ее пребывание в лагере было таким же тоскливым и скучным, как и у Хилли, — в пять утра подъем, а в восемь вечера отбой, и палочная дисциплина, чтобы отбить у некоторых охоту нарушать правила. К концу шестой недели измученные дети, потрясенные таким откровенным нарушением их гражданских прав,

сидели в зеленом автобусе с церковной символикой, везшем их домой, глядя в окно невидящими глазами, и если переговаривались, то только шепотом.

— Скажи своей маме, что ты себя убьешь! — возбужденно воскликнул Хилли, опасливо оглядываясь на кухонные окна, откуда доносился монотонный плач. Только вчера в лагерь отбыла первая порция несчастных — они шли к автобусу с таким обреченным видом, будто он должен был доставить их прямиком в ад. — Я сказал своей, что отравлюсь. Сказал, что лягу на дорогу — пусть меня переедет машина.

— Не в этом дело. — Харриет рассказала ему о кошке.

— Так ты не едешь в лагерь?

— Если смогу этого избежать. — На самом деле Харриет уже несколько недель просматривала всю поступающую в их почтовый ящик корреспонденцию и немедленно ликвидировала все письма, на которых стоял обратный адрес лагеря. Но если такой способ прекрасно работал с ее рассеянной матерью, Эдди было не так-то легко обвести вокруг пальца. Она могла и позвонить в церковный комитет, с нее станется!

Харриет рассказала Хилли про усыпление и про свой план мести.

— Здорово придумано, но может быть, лучше взять другое животное? — сразу же заинтересовался Хилли. — Ну, свинью, например, или бегемота? — Хилли терпеть не мог бабушку Харриет, потому что она все время дразнила его за длинные волосы.

— Нет, эта вполне сойдет.

Он наклонился над ее плечом, наблюдая, как Харриет аккуратно приклеивает ухмыляющуюся обезьяню морду на лицо Эдди, чтобы она оказалась окаймленной затейливой прической невесты. Жених, дед Харриет, глядел на морду влюбленными глазами. Внизу фотографии была подпись, сделанная рукой Эдди:

Эдит и Хейвард Счастливы вместе Миссисипи, 11 июня 1935 года

— Да, — после паузы проговорил Хилли. — Хорошо получилось.

— Неплохо, да только гиена сюда еще лучше бы подошла.

Они едва успели поставить на место «Энциклопедию» и положить на полку альбом, как на дорожке раздался шелест гравия — вернулась Эдди.

Через секунду хлопнула парадная дверь.

— Девочки! — раздался голос Эдди, как обычно резкий, как обычно деловой.

Ей никто не ответил.

— Девочки, я решила пойти вам навстречу и отвезла кошку к вам домой. Думала, что, наверное, вам захочется похоронить ее, но если вы уже и думать забыли о бедном создании, я сейчас же отвезу ее назад к доктору Кларку...

Раздался топот трех пар ног, и трое детей появились на пороге гостиной.

Эдди подняла бровь.

— Кого я вижу? Какая хорошенькая маленькая девочка! Как ее зовут? — Она с притворным изумлением прищурилась, делая вид, что не узнает Хилли. Вообще-то он напоминал ей Робина, хоть и с длинными волосами, и поэтому она втайне его любила, но не могла удержаться, чтобы хоть немного не подразнить. — Ах, Хилли, неужели это ты? Прости, я не разглядела тебя за твоими чудесными золотыми локонами...

Хилли презрительно фыркнул:

— Мы тут рассматривали ваши старые фотки.

Харриет незаметно пнула его сзади ногой под коленку.

— Ну, не знаю, что может быть интересного в моих старых фотографиях, — сказала Эдди рассеянно. — Девочки, — обратилась она к внучкам, — я думала, вы захотите похоронить кошку в вашем собственном дворе, поэтому попросила Честера выкопать яму.

— А где Винни? — спросила Алисон. Ее голос был хриплым от слез, лицо распухло так, что глаз почти не было видно. — Где она? Где ты ее оставила?

— В сарае у Честера. Она завернута в полотенце. Думаю, вам не стоит ее разворачивать.

— Ну, давай, Харриет, — сказал Хилли, подталкивая ее локтем в бок. — Разверни ее, давай посмотрим.

Они с Харриет стояли бок о бок в темном сарае для инструментов и смотрели на маленький сверток, замотанный в голубое полотенце и лежащий на скамье. Алисон, все еще плача, рылась у себя в комнате по полкам в поисках старого свитера, на котором когда-то Винни любила спать, чтобы положить его в могилу.

Харриет взглянула на улицу сквозь пыльное окно сарая. В углу сада виднелась фигура Честера, склонившегося над ямой с лопатой в руках.

— Ладно, давай, — сказала она, — только быстро, пока сестра не вернулась.

Только гораздо позднее Харриет сообразила, что именно тогда она в первый раз увидела смерть и потрогала руками мертвое существо. Она не ожидала, что шок будет столь сильным. Бок кошки был холодный и твердый, и по пальцам Харриет пробежала неприятная дрожь.

Хилли наклонился, чтобы лучше рассмотреть мертвое животное.

— Фу, гадость, — сказал он.

Харриет погладила рыжую шерсть. Она была все такая же мягкая, несмотря на деревянную твердость застывшей плоти. Лапы кошки были растопырены, словно ее собирались бросить в таз с водой, а глаза, при жизни такие яркие, ясные, зеленые, подернуты полупрозрачной пленкой.

Хилли нерешительно дотронулся до кошки.

— Уу-уу, — вскрикнул он, отпрыгивая назад, — какая мерзость!

Но Харриет, не моргнув глазом провела пальцем по боку Винни, задержавшись на почти голом участке ее тела, где шерсть так и не выросла. Когда-то кошка никому не давала прикоснуться к этому месту, даже Алисон не подпускала, шипела, царапалась. А сейчас она лежала, не шевелясь и не реагируя ни на что. Рот ее застыл в оскале, острые зубы — как на ладони.

Так вот что это за секрет, который знали и капитан Скотт, и Лазарь, и Робин и который сейчас постигла кошка Винни, так вот каков этот переход от жизни к витражному церковному окну! Когда Скотта нашли, он лежал в спальном мешке рядом со своими товарищами — их мешки были застегнуты наглухо. Рядом с ним лежал его дневник. Последняя запись в нем гласила: «Как жаль, мне кажется, что я больше не смогу писать». То было в Антарктиде, понятное дело, что тела полярников застыли, но сейчас на дворе стоял теплый май, и, тем не менее, от мертвого тельца Винни веяло ледяным холодом.

— Давай поспорим, что ты побоишься дотронуться до глаза? — спросил Хилли, придвигаясь к ней поближе.

Харриет не слушала его — образы и обрывки мыслей, сметая друг друга, неслись перед ее глазами: слова, сползающие с замерзающей руки на бумагу, все неразборчивее, все бледнее; темнота, которую человек был не в силах преодолеть, вечный ужас загадочного перехода от бытия... к чему?..

— Ты что, боишься? — спросил Хилли, кладя Харриет руку на плечо.

— Заткнись и убери руку, — отрезала она, передергивая плечами.

Снаружи раздался голос матери — их звали ужинать. Харриет быстро набросила полотенце на голову мертвой кошки и повернулась к Хилли.

— Пойдем, — сказала она, — пора предать тело земле.

Ее сердце стучало мучительно, глухо; что-то сродни не страху, а скорее звериному гневу поднималось в ее душе.

Хотя миссис Фонтейн и не имела отношения к смерти кошки, она все равно от души порадовалась этому событию. Как обычно, она спряталась за кухонной занавеской, где проводила большую часть дня, наблюдая за жизнью соседей, и увидела, что Честер роет яму. Потом к яме подошли трое детей и встали по краям. Младшая девочка — Харриет — держала в руках голубой сверток. Старшая плакала.

Миссис Фонтейн спустила очки в перламутровой оправе на нос, вдела руки в рукава длинной вязаной кофты (на улице было тепло, но она легко простужалась), скатилась вниз по заднему крылечку и подошла к забору.

Воздух был свежий, легкий ветерок качал головки цветов (как можно запускать лужайку до такой степени?) на участке Шарлот. В

шелковистой зелени, еще не успевшей побуреть от летнего зноя, яркими точками светились ранние фиалки, начинали зацветать маргаритки, а одуванчики уже отцвели и теперь рассылали по округе сотни прозрачных парашютистов. Плети глицинии свешивались с крыльца, тонкие, нежные, как морские водоросли. Они так сильно опутали дом, что опор крыльца почти не было видно, еще немного — и оно обрушится под их тяжестью, ведь все знают, что глициния — паразитирующая лоза. Сколько раз она говорила об этом Шарлот, но нет, некоторые люди готовы учиться только на своих ошибках.

Миссис Фонтейн постояла некоторое время у забора, ожидая, что дети поздороваются с ней, однако те не смотрели в ее сторону и продолжали свою странную церемонию.

— Дети, что это вы там делаете? — спросила она наконец сладким голосом.

Все трое испуганно взглянули на нее, прямо как потревоженные олени.

— Вы что, хороните кого-то?

— Нет! — крикнула младшая девочка, Харриет, причем грубым тоном, что совсем не понравилось миссис Фонтейн. Надо же, какая грубиянка растет.

— А похоже, что хороните. Наверное, эту вашу старую противную кошку.

Ответа не последовало. Миссис Фонтейн еще ниже спустила очки с носа и внимательно присмотрелась. Ну да, старшая девочка плачет. Надо же! Она слишком большая для таких глупостей. А маленькая опускает сверток в яму.

— Да-да, именно так. — Миссис Фонтейн от радости закашлялась. — Меня не обманете. Хорошо, что мерзавка сдохла, а то ведь каждый день сюда бегала, всю мою машину лапами перепачкала.

— Не обращай на нее внимания, — сквозь зубы сказала Харриет Хилли. — Вот старая сука.

Хилли никогда раньше не слышал, чтобы Харриет употребляла бранные слова, и ощутил, как холодок запретной радости пополз у него по спине.

— Сука, — сказал он более внятно, смакуя дурное слово.

— Что такое? — спросила миссис Фонтейн. — Это кто такое сказал?

— Заткнись, — тихо сказала Харриет Хилли.

— Кто из вас это сказал, признавайтесь? Девочки, кто это там с вами?

Харриет опустилась на колени, руками стала зачерпывать пригоршни земли и бросать их на полотенце.

— Быстро, Хилли, — сказала она. — Помоги мне.

— Кто там с вами? А ну-ка быстро говорите мне, а то я сейчас пойду и позвоню вашей маме.

— Вот дерьмо, — сказал Хилли, использовав, таким образом, весь

свой запас дурных слов, и опустился на колени рядом с Харриет. Алисон стояла над ними, закусив губы, слезы неудержимо катились по ее лицу.

— *Дети, отвечайте мне немедленно, слышите?*

— Подождите! — вскричала вдруг Алисон. — Стойте! — Она повернулась и со всех ног бросилась к дому. Харриет и Хилли застыли у кошачьей могилы по локоть в земле.

— Куда это она побежала? — прошептал Хилли и перепачканной рукой пришлепнул у себя на лбу комара.

— Не представляю, — призналась Харриет.

— Ага, так это младший Халл там сидит! — торжествующе провозгласила миссис Фонтейн. — А ну иди сюда немедленно! А то я сейчас позвоню твоей маме. Иди сюда, кому сказала!

— Звони, сука, — пробормотал Хилли. — Ее все равно нет дома.

Дверь хлопнула, и Алисон выбежала из дома, прижимая что-то к груди.

— Вот, — выдохнула она, бросая кусочек картона в яму.

Это была ее лучшая фотография, сделанная прошлой осенью. На ней Алисон сидела, улыбаясь, глядя вдаль задумчивым, ясным взором, в розовом платье с кружевами у ворота и с розовыми заколками в волосах.

Не переставая всхлипывать, Алисон зачерпнула горсть земли и бросила ее на свое улыбающееся изображение. Земля рассыпалась по глянцевой поверхности фотографии. Какое-то время ее розовое платье просвечивало сквозь черные комья, застенчивые глаза еще виднелись, но следующие горсти скрыли их из виду.

— Ну же, живее! — прикрикнула она на младших детей, которые с некоторым испугом наблюдали за ее действиями. — Хватит возиться, быстрее закапывайте яму.

— Так вот оно что! — вскричала миссис Фонтейн. — Ну ладно, вы еще пожалеете об этом. Я иду звонить вашим мамам. Поняли? Видите, я уже иду к телефону. Я сейчас буду звонить вашим родителям. Вы *очень пожалеете* об этом.

Глава 2
Черный дрозд

Несколько дней спустя, около десяти часов вечера, когда Шарлот и Алисон давно уже лежали в постелях, Харриет осторожно спустилась вниз по лестнице и на цыпочках вошла в гостиную. Она зажгла свет и приблизилась к стеклянному шкафчику, где на полках было выставлено оружие — пистолеты и ружья, когда-то принадлежавшие некоему «дяде Клайду», которого Харриет в жизни своей не видела. По рассказам тетушек она знала, что по профессии Клайд был инженером, что характер у него был достаточно противный (в старших классах Аделаида училась вместе с ним) и что его самолет во время войны сбили над Атлантикой. Поскольку официального заключения о смерти дяди так и

не поступило и по бумагам он «без вести пропал в море», Харриет никогда не думала о нем как о покойнике. Скорее она представляла его кем-то наподобие Бена Ганна из «Острова сокровищ»: исхудавшим, загорелым до черноты гигантом, скитающимся по необитаемым островам в изорванных в клочья штанах и с часами, разъеденными морской водой.

Она осторожно положила одну руку на стекло, чтобы оно не дребезжало, а другой потянула на себя дверцу шкафчика. Дверца задрожала, но поддалась и с неохотой открылась. Харриет придвинула к шкафчику табуретку и начала свой ритуальный осмотр домашнего арсенала с верхней полки. Там, в сафьяновом футляре, лежали антикварные дуэльные пистолеты — крошечные, отделанные серебром и перламутром, причудливой формы произведения искусства работы фирмы «Дерринжер» всего десять сантиметров длиной. Харриет обожала вытаскивать их из бархатных гнезд и любоваться изящными узорами отделки. На нижних полках, пронумерованные в порядке поступления в коллекцию, хранились образцы более серьезного оружия: кремневые ружья из Кентукки; мрачного вида тяжеленная нарезная винтовка; старинный мушкет с заржавевшим дулом, который, по семейному преданию, принимал участие еще в Гражданской войне. А из современных ружей наиболее интересным Харриет казался обрез времен Второй мировой.

Нынешний владелец этой коллекции, по совместительству отец Харриет, был для нее личностью хоть и неприятной, однако не слишком надоедливой. Она прекрасно знала, что люди шепчутся за их спинами о том, что ее отец живет в Нэшвилле, — ведь он все еще официально был женат на ее матери. Хотя Харриет не имела представления, почему все так получилось, лично ее такая ситуация устраивала на сто процентов. Каждый месяц семья получала чек, покрывающий домашние расходы, папаша приезжал навестить их на Рожество и Пасху, а иногда на несколько дней оставался погостить осенью по пути к своему охотничьему лагерю в Дельте. На взгляд Харриет, более неподходящих для совместной жизни людей, чем ее мать, проводящая в постели большую часть своего времени, и полный энергии отец, было трудно сыскать. Отец все делал быстро — быстро ел, быстро говорил, слегка брызгая слюной, и если не сидел за столом с бокалом в руке, то вообще не мог оставаться на стуле и пяти минут. На людях он постоянно вертелся, смеялся и шутил, поэтому в обществе у него сложилась репутация завзятого остряка, но в домашней обстановке его способность ляпать первое, что придет в голову, была не столь востребованной, ибо он обижал своих близких, даже не замечая этого. Хуже того, отец Харриет принадлежал к категории людей, которые считают себя всегда правыми, даже когда несут полную чушь. Любой спор он умело превращал в битву — хоть его никогда нельзя было хоть в чем-то разубедить, он любил спорить просто для того, чтобы унизить

собеседника. Особенно ему нравилось дразнить Харриет: «умные девицы никому не нравятся» или «зачем тратиться на твое образование — все равно выйдешь замуж да нарожаешь сопляков» — такие отцовские сентенции до ужаса бесили Харриет, и она сразу же бросалась в бой. Однако возражений от дочери папаша не принимал, и поэтому Харриет нередко доставалось ремня, не говоря о часовых бдениях в углу, и других, иногда довольно странных наказаниях. Например, однажды Дикс приказал дочери собственноручно выкосить всю траву на лужайке (Харриет было тогда лет семь), а в другой раз — разобрать завалы на чердаке. Однако такие задания Харриет просто отказывалась выполнять. Она не боялась порки (ее кумир, наш Спаситель, и не такие муки выдерживал), а потакать придури своего предка она не желала. Бывало, что Ида Рью, мучительно боявшаяся хозяина, сама потихоньку шла на чердак и разгребала скопившийся там мусор.

Поскольку отец был непредсказуем, Харриет была счастлива, что он появлялся дома нечасто, и считала жизненный уклад своей семьи нормой. Однако в один прекрасный день, когда она училась в четвертом классе, ее иллюзии были развеяны — совершенно случайно она узнала, что их семья является предметом постоянных соседских пересудов. Дело было так: школьники отправились на автобусную экскурсию, но по дороге автобус сломался, и они застряли на целый час посреди сельской дороги. Харриет сидела рядом с девочкой на класс младше — ее звали Кристи Дули — и пыталась не слушать, что болтает ее соседка. Харриет удивлялась, как это Кристи умудряется пить из термоса суп, без конца трещать, смеяться, жестикулировать и при этом не пролить ни капли на свое белоснежное вязаное пончо, в котором она всегда ходила в школу. Несмотря на то, что Харриет не выказывала ни малейшего интереса к ее болтовне, Кристи продолжала выбалтывать ей секреты всех и вся, которые она, по всей вероятности, почерпнула из родительских бесед. Харриет отвернулась к окну и с тоской ждала, когда же наконец починят автобус, когда вдруг осознала, что Кристи рассказывает ей о ее собственной семье, о ее родителях.

Она медленно повернулась и не мигая уставилась на соседку.

— О, так это все знают, — доверительно прошептала Кристи, придвигаясь ближе к Харриет и дыша на нее супом (она всегда подходила ближе, чем было комфортно собеседнику). — А что, ты сама никогда не задумывалась, почему твой папа живет в другом городе?

— Он там работает, — сказала Харриет не слишком уверенно. Внезапно этот аргумент ей самой показался очень слабым. Кристи театрально и как-то очень по-взрослому вздохнула и поведала Харриет всю историю целиком. По ее словам выходило, что после смерти Робина отец Харриет хотел переехать в другое место, начать, так сказать, все заново, забыть об этом ужасном случае.

— Но *она* ему *не позволяла,* — Кристи говорила о Шарлот так, как если бы она была персонажем ужастика с привидениями. — *Она*

сказала, что останется здесь *навсегда*. И ему пришлось бежать.

Харриет с самого начала раздражало это соседство, а тут она вообще отвернулась и как можно дальше отодвинулась на скамье от Кристи.

— Ты что, злишься на меня? — спросила Кристи с приторно-сладкой усмешкой.

— Нет.

— Тогда в чем дело?

— От тебя супом пахнет — противно.

После этого случая Харриет часто слышала похожие слова от других своих знакомых, как взрослых, так и детей, — всем казалось, что в укладе ее семьи было что-то неестественное, однако для самой Харриет такие условия были если не идеальными, то вполне удобными. Ее отца в семье Кливов никто не любил, его визиты с трудом терпели и тетушки, которых он и сам недолюбливал, и девочки, и даже сама Шарлот. Ее Дикс изводил с особым старанием — в прошлом году, например, он целую неделю приставал к жене, чтобы она пошла с ним на какую-то рождественскую вечеринку — сидел на ее кровати и не давал ей спать до тех пор, пока она не сказала «хорошо». Ну и чем все это кончилось? Когда пришла пора собираться на вечеринку, Шарлот присела к зеркалу, подняла руку к волосам и вдруг застыла, не в силах пошевелиться, — не смогла ни губы накрасить, ни даже волосы расчесать, так и просидела целый час. А когда Алисон пришла за ней, чтобы посмотреть, как у нее дела, Шарлот опустила голову на руки и расплакалась, сославшись на мигрень. Хорошенькое было Рождество! Девочкам пришлось отмечать его вдвоем друг с другом; они сели около елки и включили стереопроигрыватель на полную мощность — рождественские песни разносились по всему дому, но не могли заглушить истеричные вопли матери и грубую ругань, доносящуюся из спальни. Все вздохнули с облегчением, когда на следующий день отец буквально скатился вниз по лестнице, держа в одной руке чемодан, а в другой — пакет с так и не розданными подарками, сел в свою машину и укатил обратно в Теннесси, а дом опять погрузился в привычную дремоту.

Этот дом вечно спал — все его обитатели, кроме Харриет, обожали проводить время в постели. Мать вообще не вставала бы, если бы у нее была такая возможность, а Алисон шла спать около девяти вечера, поэтому Харриет часто оставалась с домом один на один.

Иногда по вечерам ее охватывала такая невыразимая тоска, что она даже останавливалась, с удивлением прислушиваясь к своим ощущениям — словно ее что-то разрывало изнутри. В такие вечера она бродила по дому как привидение, пила молоко прямо из картонного пакета, бесцельно забиралась на пачки газет, которые возвышались почти в каждой комнате. После смерти Робина Шарлот почему-то утратила способность выбрасывать мусор, и постепенно он заполонил сначала чердак, потом подвал, а теперь начал просачиваться в комнаты.

Иногда Харриет даже получала удовольствие от своих одиноких

ночных бдений. Она зажигала везде свет, включала телевизор или радио на полную мощность, а то звонила в молитвенный центр или соседям и вешала трубку. Таскала еду из холодильника, прыгала на диване, пока пружины не начинали скрипеть, в общем, развлекалась — как могла. Иногда она вытаскивала из шкафа старинные наряды матери — еще со времен колледжа: проеденные молью кашемировые свитера пастельных тонов, шелковые платья, лайковые перчатки до локтя всех цветов радуги. Это было опасно, поскольку, хотя Шарлот больше в свет не выходила, одежду свою она берегла, но Харриет умудрялась убирать вещи на место очень аккуратно, так что мать не замечала ее проказ.

Ружья не были заряжены. Единственное, что Харриет нашла на стеклянном шкафчике, была коробка с патронами двенадцатого калибра. Харриет имела смутное представление о том, чем охотничье ружье отличается от винтовки или обреза, и совсем не знала, как эти ружья надо заряжать. Поэтому она рассыпала патроны на ковре и расположила их в виде красивой звездочки. У одного из больших ружей спереди был приделан штык, и это было интересно, но больше всего Харриет нравилась винтовка с оптическим прицелом. Она выключила верхний свет, установила приклад на письменном столе перед окном и посмотрела прищуренным глазом через круглое отверстие прицела на припаркованные машины, тротуары, залитые неоновым светом, бесшумно крутящиеся водяные распылители, установленные на пышных зеленых лужайках в соседских дворах. Ее крепость подверглась нападению, она единственная стояла на карауле, все жизни гарнизона зависели от ее бдительности.

Несколько колокольчиков, подвешенных на крыльце миссис Фонтейн, тихо позвякивали на вечернем ветерке. В конце лужайки, где погиб ее брат, она отчетливо видела каждый лист на том дереве. Ветер гулял по этим листьям — черным, блестящим, почти живым.

Иногда во время своих ночных прогулок по дому Харриет явно ощущала присутствие брата. Странным образом оно ее успокаивало, его молчание было дружеским, доверительным. Она узнавала его шаги по скрипу ступеней, видела его руки в складках дрожащих на сквозняке портьер, от его незримого толчка перед ней внезапно распахивались двери. Иногда он шутил над ней — прятал ее шоколадки и книги, потом подбрасывал их в кровать или тихонько клал на сиденье ее стула. Харриет не обижалась — без него ей было бы совсем одиноко. Она представляла себе, что Робин живет в месте, где всегда только ночь, поэтому, когда наступает день и она уходит из его жизни, ему становится очень грустно — и он сидит, болтает ногами от скуки, не знает, чем себя занять, и ждет, когда стрелки часов совершат свой круг.

«Вот я стою здесь на страже, — сказала себе Харриет и добавила для брата: — Не бойся, я не дам тебя в обиду». Она почувствовала, что и ему стало легче. Со дня его смерти прошло уже двенадцать лет, многое изменилось, но вид из окна гостиной остался прежним. Даже дерево все

еще стояло.

Харриет стало тяжело держать ружье на весу. Она осторожно положила его на подоконник и отправилась на кухню в поисках конфет. В морозилке она нашла коробку с фруктовым льдом. Виноградный вкус, ее любимый. Вот повезло! Она взяла одну палочку, села на подоконник в гостиной и неспеша обсосала холодный, сладкий, замерзший сок. Вкусно! Можно было бы съесть всю коробку (кто ее остановит?), но она должна нести вахту, а есть мороженое и одновременно следить через оптический прицел за наступлением противника было бы крайне сложно.

Харриет провела стволом ружья по всему ночному небу, стараясь разглядеть звезды, — глупое занятие, она это знала, звезды были слишком далеко. На улице хлопнула дверца машины. Харриет быстро направила прицел в сторону звука. А, это приехала миссис Фонтейн, видимо вернулась из кружка хорового пения, и прошлепала по дорожке к двери. Два фонаря отбрасывали две шальные тени. Глупая старуха, она не знает, что на мушке у Харриет уже давно сидит одна из ее дурацких блестящих сережек. Свет на крыльце погас и через секунду загорелся на кухне, показав Харриет неряшливый силуэт миссис Фонтейн — покатые плечи, лошадиное лицо, — который мелькал за занавеской как кукла в театре теней.

— Ба-бах! — прошептала Харриет, нажимая на курок. Если бы ружье было заряжено, ей потребовалось бы всего лишь легкое движение пальца, такое небольшое усилие, чтобы отправить миссис Фонтейн к праотцам. Или в ад, где ей и место. Харриет представила себе, как старуха Фонтейн, переваливаясь, катит по аду тележку с продуктами, а из ее шиньона торчат два бараньих рога.

Где-то сбоку загорелось еще одно окно, и Харриет с радостью поняла, что домой вернулось семейство Годфри. Мистер и миссис Годфри были бездетной парой, обоим уже давно перевалило за сорок, оба были добродушными, розовощекими и улыбчивыми — приятно было увидеть их так близко от себя в этот одинокий вечер. Миссис Годфри накладывала какое-то желтое мороженое в две мисочки — себе и мужу. Мистер Годфри сидел за столом спиной к Харриет. Оптический прицел позволял Харриет рассмотреть их обстановку во всех деталях — вплоть до узора из виноградных листьев на миске мистера Годфри. У них было так уютно, желтый свет от низко подвешенной лампы заливал покрытый кружевной скатертью стол. Харриет крепче вжалась щекой в приклад. А у нее дома всегда темно, и стол на кухне покрыт старой клеенкой. Хорошо, что у нее хотя бы есть Робин. В такие вечера брат утешал ее так же истово, как она защищала его. Она чувствовала его дыхание у себя за спиной, тихое, ободряющее. Однако, несмотря на его незримое присутствие, скрипы и шорохи в доме все равно пугали ее.

Харриет в такие ночи начинала нервничать и делать глупости. Она курила сигареты матери, хотя терпеть не могла курить. Она не могла

читать — буквы почему-то сливались у нее перед глазами, и даже любимые книги, вроде «Острова сокровищ», начинали казаться занудной, невыносимо скучной абракадаброй. Однажды вечером Харриет не выдержала вечного безмолвия дома и, размахнувшись изо всех сил, швырнула в каминную полку любимую фарфоровую безделушку матери — раскрашенного котенка. Фигурка разлетелась на тысячу мелких брызг, а Харриет сразу же овладела паника — она знала, как мать любила этого котенка, она хранила эту статуэтку с детства. В течение часа Харриет ползала по ковру, подбирая осколки и выковыривая их из щелей паркета, а потом завернула все в салфетку, положила в старую коробку из-под кукурузных хлопьев и спрятала на самом дне мусорного бака. Это случилось два года назад, но мать до сих пор не обнаружила пропажу статуэтки. Однако воспоминание об ужасе и каком-то гадливом чувстве, которое охватило Харриет после расправы над котенком, впоследствии останавливало ее от повторных проявлений вандализма, хотя бывали вечера, когда ей ужасно хотелось что-нибудь разбить или порезать. Она ведь и дом могла поджечь, никто бы и не заметил.

На луну наползло рваное облако, и Харриет опять перевела прицел на кухонное окно соседей Годфри. Теперь уже и миссис Годфри сидела за столом и ела мороженое. Она что-то говорила мужу с довольно холодным, даже раздраженным выражением лица. Слов Харриет, конечно, не слышала, только увидела, как мистер Годфри внезапно поставил локти на стол. Потом он поднялся, слегка потянулся и вышел из кухни. Миссис Годфри еще посидела минутку, продолжая что-то говорить в темноту, а потом тоже встала и направилась за мужем. Щелк! — и картинка выключилась. Стало совсем скучно — у всех соседей свет был погашен.

Харриет взглянула на часы — ого, уже двенадцатый час, а у нее завтра воскресная школа в десять. Пора спать.

И нечего бояться — смотри, как ярко светят лампы на улице, — но в доме было слишком тихо, слишком пусто, и Харриет ощутила привычную пустоту и холод в желудке. Несмотря на то, что убийца пришел к ним домой среди бела дня, она всегда представляла свою встречу с ним именно ночью. В кошмарных снах сцена повторялась снова и снова во всех ужасающих подробностях: холодный ветер дует по коридорам, все окна и двери распахнуты, она бежит из комнаты в комнату, пытаясь закрыть их на засовы, задвижки, кричит, зовет на помощь, а ее мать сидит на диване и рассеянно намазывает лицо кремом. Она не смотрит на Харриет и даже не думает защитить ее, и вот уже рука в черной перчатке разбивает дверное стекло, просовывается внутрь и открывает щеколду. Каждый раз она видела эти черные руки, но всегда просыпалась раньше, чем в кадре сновидения появлялось страшное лицо убийцы.

Харриет опустилась на четвереньки и быстро собрала патроны.

Аккуратно упаковав их в коробку, она стерла с винтовки отпечатки своих пальцев и положила ее на место, заперла шкафчик, спрятала ключи в красную кожаную шкатулку в кабинете отца, где они всегда хранились, и поднялась наверх.

В спальне она быстро разделась, стараясь производить как можно меньше шума. Алисон спала на животе, спрятав голову под подушку. Лунный свет за окном играл с листвой, отбрасывая пляшущие тени на одеяло. У изголовья были выстроены любимые игрушки Алисон — почти Ноев ковчег: лоскутный слон, плюшевая собачка с одним глазом, мохнатый черный ягненок, фиолетовый кенгуру и целый выводок медведей — их смешные, невинные очертания сторожили голову Алисон с таким серьезным видом, будто берегли ее сны, а может быть, и сами участвовали в них.

— Ну-с, девочки и мальчики, начнем! — сказал мистер Дайл. Своим холодным светло-серым левым глазом он глядел на Харриет и Хилли, в то время как правый был устремлен в окно церкви. Благодаря стараниям энтузиастов летнего лагеря Селби воскресный класс был наполовину пуст. — Я хочу, чтобы вы все хорошенько подумали о Моисее. Скажите мне: отчего Моисей так сильно желал привести сынов Израилевых к Земле обетованной?

Молчание. Мистер Дайл обвел оценивающим, профессиональным взглядом бизнесмена скучающие маленькие лица. Какая досада — пастор не знал, что ему делать с новым зеленым автобусом, купленным на деньги прихожан, и поэтому решил начать программу обращения детей из малообеспеченных семей в лоно церкви, а именно — доставлять их по воскресеньям в просторные залы Первой баптистской церкви на урок Слова Божьего. И поэтому большинство детей, сидевших перед мистером Дайлом, были грязными, оборванными, с немытыми шеями и сопливыми носами. Все они сидели, опустив глаза в пол, поскольку сказать им было абсолютно нечего. Только Кертис Ратклифф, который родился с синдромом Дауна и был на несколько лет старше остальных детей, открыв рот, с идиотически-радостным видом глядел прямо в глаза проповеднику.

— Или возьмем другой пример, — продолжал мистер Дайл. — Что вы скажете об Иоанне Крестителе? Почему он так хотел жить в пустыне, носить грубую одежду и питаться акридами?

Не было смысла даже пытаться достучаться до всех этих маленьких Ратклиффов, Скирли и Одумов, думал мистер Дайл. Все они родились от матерей, которые в первый раз зачали где-нибудь в подворотне в четырнадцать лет, до сих пор нюхали клей и с трудом считали до десяти. А папы этих маленьких подонков, татуированные развратники, разъезжали на купленных в кредит машинах, попивая за рулем пивко и даже не думая о том, что кредит необходимо погашать. Только на прошлой неделе ему пришлось отправить зятя, которого он взял на

работу в свою компанию по продаже «шевроле», к одному из таких Одумов, чтобы отобрать его машину за неплатеж. Такие же визиты предстояло нанести еще нескольким подобного рода семейкам, которым было невдомек, что шесть месяцев просрочки за кредит — это уж слишком.

Взгляд мистера Дайла смягчился, когда он посмотрел на Харриет — маленькую племянницу мисс Либби — и ее друга Хилли Халла. Да, вот это — дети из старых семей Александрии, из хорошего района: уж будьте уверены, их родители всегда вовремя платят по своим счетам.

— Хилли, — сказал мистер Дайл.

Хилли вздрогнул и уронил на стол школьную брошюрку, которую он терпеливо складывал в малюсенькие квадратики.

Мистер Дайл широко улыбнулся. Его мелкие зубы и странная манера никогда не поворачиваться к собеседнику лицом, а смотреть на него сбоку, скашивая глаза, придавали ему сходство с хищным дельфином.

— Хилли, скажи нам, почему Иоанн Креститель жил в пустыне и возвещал о пришествии Мессии?

Лицо Хилли сморщилось от напряжения:

— Потому что ему так велел Иисус?

— *Не совсем!* — потирая руки, сказал мистер Дайл. — Давайте на минуту задумаемся о положении Иоанна. Вам не приходило в голову, почему он цитирует слова пророка Исайи в... — он провел пальцем по открытой странице Библии, — в двадцать третьем стихе?

— Может быть, он исполнял замысел Божий? — раздался тонкий голос в первом ряду.

Это сказала Аннабел Арнольд. Она сидела, чинно положив руки в белых перчатках на Библию в белом переплете, лежавшую у нее на коленях.

— *Очень хорошо!.* — вскричал мистер Дайл. Родители Аннабел были истинными христианами, не то что родители Халла, которые любили выпить и все свободное время проводили в своем загородном клубе. Аннабел к тому же была чемпионкой города по художественной гимнастике. В прошлый вторник, например, она принимала участие в региональных соревнованиях, которые спонсировала фирма «Шевроле».

Краем глаза мистер Дайл увидел, что Харриет готовится что-то сказать, и быстро продолжил:

— Дети, вы слышали, что сказала Аннабел? Она совершенно права: Иоанн Креститель выполнял Божью волю. А почему он ее выполнял? Потому что, — тут мистер Дайл повернулся к классу другим боком, чтобы дать левому глазу отдохнуть, — потому что у Иоанна Крестителя *была очень важная жизненная цель*.

В зале воцарилось молчание.

— А почему так важно всем нам тоже иметь цель в жизни? — Он

выдержал паузу, надеясь, что кому-нибудь придет в голову хоть мало-мальски дельная мысль, но все молчали. — Давайте все вместе подумаем сейчас об этом, хорошо? Ведь без цели у нас нет смысла в жизни, так? Без цели мы никогда не достигнем финансового благополучия. Без цели мы никогда не сможем выполнить то, чего ожидает от нас Господь, и стать хорошими членами общества.

Он заметил в некоторой панике, что Харриет глядит на него весьма агрессивно, и быстро продолжил свою мысль, чтобы не дать ей времени прервать его:

— О нет, жизнь без цели нам не нужна! — Мистер Дайл хлопнул рукой по столу. Перстень с рубином на среднем пальце его левой руки вдруг сверкнул на солнце ярко-багровым светом. — Только цель удерживает нас в русле жизни, проводит по водоворотам, помогает пройти водопады и не дает свернуть в опасные гавани и бухты. — Он взглянул на детей орлиным взглядом. Большинство совсем перестало понимать, о чем он говорит, и только следило за игрой рубина в солнечных лучах. — Поймите, дети, очень важно, чтобы уже сейчас вы привыкали ставить себе цели, пусть маленькие, сиюминутные, но все же цели, а то потом, когда вырастете и станете взрослыми, вы не сможете оторвать ваши жирные задницы от дивана и заработать денег на пропитание своим семьям.

Произнося эту речь, мистер Дайл брал один за другим листы бумаги и складывал их в квадратики. Закончив говорить, он начал раздавать сложенные листы бумаги и цветные карандаши детям. Он собирался дать им задание, которое ему самому пришлось выполнить на конференции по Христианским продажам автомобилей, которая проходила в прошлом году в Линчберге, в Вирджинии. А этим маленьким тупицам не помешает выслушать небольшую лекцию об этических ценностях, дома-то они такого в жизни не слыхали. Их собственные родители в массе своей живут на деньги честных налогоплательщиков, жрут, пьют, трахаются как кролики и больше ничем не интересуются.

— Я хочу, чтобы вы все написали здесь о цели, которой вы хотели бы достичь этим летом, — сказал мистер Дайл. Он молитвенно сложил руки и дотронулся пальцами до нижней губы. — Пишите что хотите, любая цель достойна уважения. Это может быть какойнибудь школьный проект, а может быть, вы захотите заработать денег для своей семьи или помочь вашей церкви. Если не хотите подписываться — не надо, просто поставьте внизу маленький символ, который отразил бы вашу сущность.

Несколько голов в панике завертелись.

— Нет-нет, ничего сложного, — заверил их мистер Дайл. — Например, вы можете даже ничего не писать! Можете нарисовать футбольный мяч, если вам нравится заниматься спортом. Или улыбающееся лицо, если вы любите делать людей счастливыми.

Он сел на место, дети затихли и больше не смотрели на него,

поэтому его открытая, добрая улыбка слегка оползла по краям, превратившись в недовольную гримасу. Нет, с этими уродами все равно ничего не сделаешь, все эти Одумы и Ратклиффы обречены в точности копировать жизнь своих никчемных родителей. Он бросил взгляд на сероватые, невыразительные лица детей, грызущих карандаши. Пройдет несколько лет, и эти подонки будут задерживать платежи за свои автомобили точно так же, как сейчас это делают их братья и сестры.

Хилли скосил глаза и попытался подсмотреть, что пишет на своем листе бумаги Харриет.

— Эй! — тихонько сказал он.

Сам-то он давно уже нарисовал футбольный мяч, затем просидел оставшиеся пять минут бездумно глядя в окно.

— Тихо там, на заднем ряду, — шикнул мистер Дайл.

Посмотрев на часы, он с шумом выдохнул, поднялся и собрал работы.

— Ну а теперь, — произнес он, разложив квадратики у себя на столе, — пусть каждый из вас подойдет ко мне и выберет одну работу. Нет! — резко скомандовал он, увидев, как несколько детей уже вскочили на ноги, готовые бежать к его столу. — Вы же не обезьяны, чтобы мчаться не разбирая дороги. Подходите по порядку, как цивилизованные люди.

Дети лениво выстроились в очередь, подошли к учительскому столу и выбрали по одной работе. Харриет с трудом развернула доставшийся ей лист бумаги, который был сложен в малюсенький квадратик.

Рядом с ней прыснул Хилли. Он украдкой показал Харриет свой лист бумаги. На нем корявым почерком было написано: «Мая цель штобы папа взял миня с сабой в Диско Бар».

— Ну что же вы, — сказал мистер Дайл. — Пусть кто-нибудь начнет, неважно кто.

Харриет наконец-то удалось развернуть бумагу. На ней круглым детским почерком, в котором Харриет сразу же узнала почерк Аннабел Арнольд, было написано:

> «Моя цель!
>
> Моя цель, это каждое утро прочитать молитву о том, чтобы Господь послал мне человека, которому я могу помочь».

Харриет со злостью уставилась на записку. Внизу вместо подписи Аннабел нарисовала две заглавные буквы В, поставленные спиной друг к другу, так что они образовали кривую бабочку.

— Харриет? — спросил мистер Дайл. — Давай начнем с тебя.

Харриет постаралась вложить все свое презрение в тон, которым она прочитала послание Аннабел.

— О, какая прекрасная, великая цель, — сказал обрадованный мистер Дайл. — Автор говорит о молитве, но он также говорит и о служении людям. Вот достойный маленький христианин, который думает о других… Я сказал что-то смешное, а, мистер Хилли?

Хихиканье прекратилось.

— Харриет, — продолжил мистер Дайл, — по тексту этой записки можем ли мы догадаться, кто ее писал?

Хилли постучал по коленке Харриет. Она скосила глаза вниз и увидела два его опущенных больших пальца, сложенных в понятном ей жесте: *придурок*.

— Там стоит подпись?

— Что, сэр?

— Как подписана эта работа? Может быть, там стоит какой-то знак?

— Да, сэр, насекомое.

— *Насекомое?*

— Это бабочка, — чуть слышно сказала Аннабел, но мистер Дайл ее не услышал.

— Какое еще насекомое? — потребовал он ответа у Харриет.

— Я не уверена, сэр, но мне кажется, у него есть жало.

Хилли изогнул шею, чтобы посмотреть.

— Фу, какая мерзость! — закричал он с хорошо разыгранным ужасом. — Что *это* такое?

— Передайте сюда бумагу, — резко сказал мистер Дайл.

— И кому могло прийти в голову нарисовать такое? — нахмурив брови, Хилли с подозрением огляделся по сторонам, как будто выискивал среди одноклассников безумного маньяка.

— Это *бабочка!* — сказала Аннабел немного громче.

Мистер Дайл поднялся, чтобы взять протянутый ему лист бумаги, как вдруг Кертис Ратклифф так громко шмыгнул носом что все подпрыгнули от неожиданности. Кертис показал пальцем на что-то, лежащее на столе у мистера Дайла.

— Хам, моя, — попытался он выговорить. В горле у него булькало и клокотало. — Рака, акар.

Мистер Дайл застыл с протянутой рукой. Он всегда втайне боялся, что тихий и на вид абсолютно смирный Кертис когда нибудь выйдет из-под контроля и начнет крушить все вокруг.

Он быстро сошел с подиума и поспешил к первому ряду.

— Что у тебя произошло, Кертис? — спросил он, нагибаясь к взволнованному монголоидному лицу мальчика и говоря громко, так, чтобы все могли его слышать. — Тебе надо в туалет?

Кертис захлебывался словами, его лицо стало багровым. Он так возбужденно подпрыгивал на своем месте, что стул под ним ходил ходуном. Мистер Дайл на всякий случай отступил на шаг.

Кертис вскинул вверх короткие толстые руки.

— Рака моя! — вскричал он нетерпеливо. Неожиданно для всех он

вскочил со стула и бросился к учительскому столу. Мистер Дайл в ужасе отшатнулся и издал тихий писк. Кертис торжествующе схватил со стола мятый лист бумаги, осторожно разгладил его на коленке и подал мистеру Дайлу. Он указал на лист, потом ткнул себя пальцем в грудь:

— Моя.

— Ах, так! — произнес мистер Дайл с облегчением. С задних рядов слышались смешки и перешептывания. — Ты прав, Кертис, это действительно твоя работа. — Мистер Дайл специально положил ее отдельно. Хотя Кертис тоже потребовал карандаш и бумагу, его работа представляла собой бессвязные каракули, какие рисуют дети до двух лет, поскольку он не умел ни читать, ни писать.

— Моя, — повторил Кертис. Он несколько раз ткнул себе пальцем в грудь.

— Твоя, твоя, — настороженно произнес мистер Дайл. — Это твоя цель, Кертис, мы это поняли.

Он положил бумагу на стол и оглянулся на класс. В это время Кертис опять подскочил к столу, схватил свою работу и сунул ее в лицо мистеру Дайлу, улыбаясь с таким видом, как будто ждал от него похвалы.

— *Спасибо,* Кертис, — сказал мистер Дайл и помахал рукой в сторону пустого стула, — ты можешь сесть. *Садись,* говорят тебе, а я хочу всем объяснить...

— А-пи!

— Кертис, что я тебе сказал?

— *А-пи* моя! — взвизгнул Кертис. К ужасу мистера Дайла, он начал трястись всем телом, повторяя: *—А-пи моя! А-пи моя! А-пи моя!*

Потрясенный мистер Дайл оглядел класс, потом посмотрел на бумагу. Начирканные на ней каракули ничего ему не сказали.

Кертис несколько раз моргнул и осторожно взял мистера Дайла за руку. Для монголоида у него были необыкновенно длинные ресницы.

— *А-пи рака,* — нежно сказал он.

— Интересно, какая у Кертиса была цель? — спросила Харриет раздумчиво, когда они с Хилли вместе брели домой. Низкие каблучки ее воскресных лаковых туфель весело цокали по мокрому асфальту. Ночью прошел ливень, и тротуар был весь покрыт унесенными с лужаек пучками скошенной травы и помятыми лепестками цветов, слетевших с окрестных кустов и деревьев.

— Я имею в виду, — продолжала Харриет, — есть ли у него вообще цель?

— Ну, у меня-то была цель — хорошенько поддать мистеру Дайлу! — с чувством сказал Хилли.

Они повернули на Джордж-стрит, по обеим сторонам обсаженную огромными деревьями грецкого ореха. Их темно-зеленая, промытая дождем листва, переливалась на солнце. Пчелы жужжали в зарослях

жасмина и в розовых кустах, растущих перед живыми изгородями из лавра. Тяжелый, пьянящий запах магнолий проникал в головы, дурманил, клонил ко сну. Постепенно становилось все жарче.

Харриет, не отвечая, шла по тротуару, нарочно громко стуча каблуками. Она заложила руки за спину, думая о своем.

Чтобы поддержать разговор, Хилли закинул голову назад и издал свой лучший «дельфиний» свист.

— *Его называли Флиппер, Флиппер,* — пропел он вкрадчивым голосом, имитируя мистера Дайла. — *Он плавал быстрее ветра*...

Харриет одобрительно хмыкнула. Из-за противного смеха с тонким присвистом и характерного бугра на лбу они давно уже прозвали мистера Дайла дельфином *Флиппером*.

— А что ты написала? — спросил Хилли. Он с облегчением снял свой ненавистный воскресный пиджак и теперь размахивал им в воздухе, разгоняя мух. — Это ты поставила черную метку?

— Ага.

Хилли просиял. Он обожал Харриет за абсолютную непредсказуемость и загадочность. Он не мог толком объяснить, почему ее поведение вызывает у него такое восхищение, но сердцем чувствовал, что Харриет — крутая девчонка. Ее работа очень расстроила, даже немного напугала мистера Дайла, особенно после выступления Кертиса. Он несколько раз растерянно моргнул, когда мальчишка на задней парте развернул работу, на которой не было ничего, кроме черного кружка посередине страницы.

— Дурацкая шутка, — пробормотал мистер Дайл и сразу же перешел к следующей работе. Разговоры и смешки в классе на минуту прекратились — маленький черный кружок почему-то показался всем зловещим предвестником беды, и детям стало жутко. Такой жест был вполне в духе Харриет — она могла напугать кого угодно, и человек потом гадал: и с чего это у него душа в пятки ушла?

Хилли толкнул подругу плечом:

— Знаешь что? Тебе надо было написать там еще что-нибудь вроде «задница» или «придурок» маленькими буковками, чтобы их было почти не разобрать. Было бы смешно! — Хилли часто придумывал опасные шутки для друзей — сам-то он побаивался так шутить. — Представляю, чтобы у него тогда с лицом стало!

— Дурак, — спокойно ответила Харриет. — Черная метка — пиратский знак из «Острова сокровищ», ты что, не помнишь? Когда пираты хотели с кем-то разделаться, они посылали ему чистый лист бумаги с черным кругом посередине. Такова моя цель на лето, понял теперь?

Дома Харриет пошла в спальню и вытащила свою записную книжку, которую прятала под стопкой нижнего белья в ящике комода. Она легла на свою сторону их с Алисон двуспальной кровати, так, чтобы ее было не

видно от двери. Хотя кому ее видеть? Мать и Алисон были в церкви. Харриет должна была прийти туда после воскресной школы и там встретиться с тетушками, но ее совсем не привлекала идея задерживаться хоть на одну лишнюю минуту.

Хотя Харриет терпеть не могла мистера Дайла, его задание заставило ее задуматься. Она поставила черную метку не только чтобы напугать проповедника, но и просто потому, что не смогла придумать ни одной цели, которой ей хотелось бы достичь ни этим, ни следующим летом. Это ее обеспокоило — действительно, человек, не видящий смысла в жизни, мог легко погибнуть от депрессии, а у нее, кстати, в последнее время участились кошмары, в которых постоянно мелькала то дохлая кошка, замотанная в полотенце, то засыпанная землей фотография.

Харриет обожала проверять себя на физическую стойкость (однажды она решила узнать, сколько времени она сможет прожить на восемнадцати арахисовых орехов в день — таков был дневной паек конфедератов в последние месяцы Гражданской войны), но обычно физические испытания, которые она себе устраивала, не имели высокой цели. Единственной целью, которую Харриет могла бы себе поставить, была победа в ежегодном конкурсе по чтению, устраиваемом Детской библиотекой. Харриет участвовала в нем каждый год с тех пор, как ей исполнилось шесть лет, и дважды выигрывала. Впрочем, в этом году победа ей никак не светила, поскольку самое важное значение в конкурсе имело *количество* прочитанных книг, а не их объем. Буквально неделю назад Харриет встретила в библиотеке черную девочку, уносящую домой целую стопку детских книжек вроде «Цыпленка и утенка» и «Скруджа МакДака», в то время как Харриет за две недели смогла осилить лишь «Айвенго» и «Мифы и легенды древней Японии». Правда, даже сама библиотекарша, миссис Фосетт, подняла брови, увидев книги черной девочки, и разговаривала с ней таким надменным тоном, что ни у кого не осталось сомнений, что *она* думает по этому поводу.

Харриет открыла записную книжку. Это была простенькая, дешевая книжка, которую подарил Хилли, потому что ему не разрешили пользоваться ею на уроке географии. Страницы книжки были ярко-оранжевого цвета, за что Харриет и любила ее. На первом же листе фломастером (что также не разрешалось в школе) почерком Хилли были начирканы беспорядочные записи — видимо, он пытался конспектировать слова учителя.

География мира — Академия Александрия

Дункан Хилли Халл — Четвертое сентября

Два констинета, которые образуют сплошное пространство Ероп и Азиа

Одна половина земли на икватром называется

Севирное полушар...

Почему нужны стандартные идиницы измирений?

Теория не всегда может объяснить веления природы

В карте четыре части

Харриет с ласковым презрением перечитала каракули Хилли. Она несколько раз порывалась вырвать первую страницу, но потом решила, что это придает книжке особую индивидуальность, и оставила ее.

Перевернув страницу, она обратилась к собственным записям. Они в основном состояли из списков. Это были списки книг, которые она прочитала и которые хотела бы прочитать; списки стихов, которые она выучила наизусть; списки мест, которые она посетила, и тех, в которых она мечтала побывать (Непал, Тибет, Антарктида, Нью-Йорк). Там были также списки великих полководцев и исторических личностей, которыми Харриет восхищалась (Наполеон, Чингисхан, Лоуренс Аравийский, Александр Великий, Гарри Гудини и Жанна д'Арк). Была целая страница жалоб на то, что ей приходится делить спальню с Алисон. Было несколько писем, которые Харриет написала (но не отправила) разным людям, которых она терпеть не могла. Там было письмо, адресованное миссис Фонтейн, и даже несколько писем мистеру Дайлу. Над последними Харриет работала больше месяца. Ей пришлось долго тренироваться, но в конце концов удалось идеально подделать свой почерк под округлый детский почерк Аннабел Арнольд. Первое письмо гласило:

Дорогой мистер Дайл!

Я — молодая дама, которую Вы знаете. Я уже давно втайне обожаю Вас, хотя и никогда не рискну сказать Вам об этом. Но сейчас я так много думаю о Вас, что совсем потеряла сон. Я знаю, что я очень молода, и я знаю про миссис Дайл, но, может быть, Вы согласились бы встретиться со мной на заднем дворе «Шевроле Дайла»? Я долго молилась над этим письмом, и Господь сказал мне, что это Любовь. Пожалуйста, не показывайте никому это письмо.

P.S. Я думаю, Вы догадались, кто это писал.

С любовью, мой обожаемый Валентин.

Внизу страницы Харриет приклеила маленькую фотографию Аннабел, которую она вырезала из газеты, на огромную желтушную голову мистера Дайла, вырванную из «Желтых страниц». Его глаза вылезали из орбит от деланого энтузиазма, а на голове красовалась корона, на которой прыгающими черными буквами было начертано:

«ШЕВРОЛЕ ДАЙЛА» — ТАМ, ГДЕ СБЫВАЮТСЯ

МЕЧТЫ!
БЕСПРОЦЕНТНЫЙ КРЕДИТ НА НЕОГРАНИЧЕННЫЙ СРОК!

Харриет хотела было написать мистеру Дайлу угрожающую записку, стилизовав ее под каракули Кертиса, но потом решила, что это будет несправедливо по отношению к бедному мальчику-дауну. Она симпатизировала Кертису, особенно после того, как он практически напал на мистера Дайла.

Харриет перевернула страницу и написала:

Цели на лето Харриет Клив-Дюфрен

Харриет с беспокойством уставилась на написанные слова. Ею все больше овладевало какое-то странное тоскливое ощущение потерянного времени, жизни, проходящей мимо, хотелось бежать из дома, уехать куда-нибудь очень далеко, чтобы путешествовать по всему миру и вершить великие дела. Она точно не знала, что именно ей хотелось совершить, но это должно было быть что-то великое, мрачное и ужасно сложное.

Харриет перевернула назад несколько страниц и открыла книжку на списке великих людей. Жанна д'Арк была не сильно старше ее, когда возглавила целую армию и вела в бой войска во имя Бога и своего короля. А отец Харриет на прошлое Рождество подарил ей унизительно детскую настольную игру «Кем я стану, когда вырасту?». И не важно, как часто Харриет в нее играла, ей все равно всегда выпадала одна из четырех профессий: учительница, балерина, домохозяйка или медсестра.

Такое будущее Харриет не интересовало вообще. Это пусть Алисон серьезно обдумывает шаги своей скучной и предсказуемой женской «карьеры» — колледж, свидания, замужество, материнство. Вот уж глупость так глупость! Харриет в жизни не выйдет замуж и уж точно никогда не будет иметь детей. Вообще, ее любимым героем был Шерлок Холмс, а ведь он даже не был реальным человеком. А Гарри Гудини? Вот кто был великим мастером гворить невозможное, его искусство никто так и не смог превзойти, но больше всего Харриет впечатляло, что Гудини был специалистом по части *побегов.* Никакая тюрьма в мире не могла остановить его, ни смирительные рубашки, ни запертые сундуки, сброшенные в быстрые реки, ни гробы, закопанные на три метра под землю.

Как же ему удавалось выбираться из ловушек и камер, если, конечно, он не жульничал? Харриет казалось, что она нашла ответ на этот вопрос: просто *он не боялся.* У святой Жанны в помощниках ходили сами ангелы Господни, но у Гудини не было такой божественной поддержки, ему приходилось усмирять страх самому. В биографии

Гудини Харриет прочитала, что в ходе упорных тренировок он научился загонять приступы клаустрофобии в подкорку головного мозга, не думать о смерти от удушья, не бояться темноты, воды, холода или огня. Когда его, скованного по рукам и ногам, бросали в запертом сундуке на дно реки, он не терял на испуг ни мгновения, потому что знал: позволь он себе хоть на долю секунды расслабиться, почувствовать головокружение, потерять ориентацию — и ему уже никогда не выплыть на поверхность.

В чем заключался секрет Гудини? В ежедневных тренировках, конечно. Каждый божий день он погружался в ванну с ледяной водой, он проплывал невероятно длинные расстояния, он мог задержать под водой дыхание на целых три минуты. Конечно, ванны со льдом здесь найти практически невозможно, но упражнения по плаванию и задержке дыхания Харриет могла начать прямо сейчас.

На кухне послышались голоса — это вернулись из церкви мать и Алисон. Харриет услышала тихий, чуть капризный голос сестры, произносящий что-то нечленораздельное, быстро спрятала блокнот под белье и сбежала вниз по лестнице.

— Детка, не надо говорить «ненавижу», это плохое слово, — рассеянно произнесла Шарлот, поглаживая Алисон по руке. Мать и дочери, все еще в воскресных платьях, сидели за кухонным столом и ели холодного цыпленка, которого им приготовила на обед Ида Рью.

Алисон сидела не шевелясь, уставившись в свою тарелку, и жевала дольку лимона, выловленную из стакана с остуженным чаем. Несмотря на то, что она положила себе изрядную порцию цыпленка, есть она его, видимо, не собиралась — возила вилкой куски по тарелке и складывала их в неаппетитные кучки (эту ее привычку Эдди просто ненавидела).

— Ну, мама, я не понимаю, почему Алисон не может говорить «ненавижу», — вступилась Харриет. — «Ненавижу» — совершенно нормальное слово.

— Это невежливо.

— А в Библии оно постоянно употребляется. Господь ненавидит это, Господь ненавидит то, он практически на каждой странице что-нибудь ненавидит.

— Ну и что, а вам это слово произносить не следует.

— Ну, хорошо, — выпалила Алисон. — *Я терпеть не могу* миссис Биггс. — Миссис Биггс была воскресной проповедницей в классе Алисон.

Шарлот, как всегда глядевшая на мир сквозь дымку транквилизаторов, слегка нахмурилась от удивления. Ее старшая дочь была такой милой, тихой девочкой. Что это на нее нашло? «Ненавижу» по характеру гораздо больше подходило Харриет.

— Что ты говоришь, детка? Миссис Биггс — премилая старая дама, и к тому же лучшая подруга твоей тети Аделаиды.

— Все равно я ее ненавижу! — упрямо повторила Алисон, возя лист

салата кругами по своей тарелке.

— Ну, знаешь, милочка, ненавидеть человека только за то, что он не захотел молиться о твоей мертвой кошке, по крайней мере глупо.

— Интересно почему? Она ведь заставляла нас молиться о том, чтобы Сисси и Аннабел Арнольд выиграли соревнование по художественной гимнастике.

Харриет возмущенно сказала:

— Ну да, и этот придурок мистер Дайл тоже заставлял нас молиться за этих дур. Наверное, потому, что их отец — дьякон.

Алисон осторожно положила вилку на край тарелки.

— Я буду молиться о том, чтобы у них из рук выпали ленты и обручи. А воскресная школа пусть вообще сгорит.

— Девочки, девочки, — рассеянно сказала Шарлот. Ее затуманенному сознанию, было не под силу задержаться надолго на одном предмете и она поинтересовалась: — А вы уже сходили в медицинский центр, сделали прививки от тифа?

Когда от изумленных девочек не последовало ответа, Шарлот продолжала более твердым голосом, укоризненно помахивая пальцем:

— Первым делом в понедельник утром отправляйтесь туда и сделайте прививки. И от столбняка тоже, не забудьте! А то когда все лето бегаешь босиком, купаешься вместе с коровами и тому подобное, надо быть абсолютно уверенным…

Ее голос постепенно затихал и умолк на середине фразы. Харриет и Алисон мрачно переглянулись. Они в жизни не купались вместе с коровами, даже коров-то толком не видели. Их мать снова думала о собственном детстве и путала прошлое с настоящим, и, когда это случалось, девочки не знали, как реагировать.

Ступая как можно тише, чтобы не разбудить мать и сестру, Харриет спустилась в гостиную. Она все еще была в своем воскресном платье с ромашками и в белых носках, ставших от грязи снизу серыми. Было девять тридцать вечера, и в доме уже полчаса, как все спали.

Алисон, в отличие от матери, чья сонливость была вызвана таблетками, была сонлива от природы. Она казалась наиболее счастливой, когда лежала в постели, спрятав голову под подушкой и видя радужные сны, которые, впрочем, никогда не помнила утром. Алисон целый день мечтала о том, как ляжет в постель, и стремглав неслась в спальню, как только на улице темнело. Эдди, которая в жизни не разрешала себе спать больше шести часов в сутки, ужасно возмущало это качество ее старшей внучки. Она не раз водила Алисон в больницу, чтобы сдать анализы на мононуклеоз и энцефалит, но все они показывали отрицательный результат.

— Она просто растет, — говорил доктор Бридлав Эдди. — Подросткам необходим полноценный отдых.

— Но не шестнадцать часов! — возмущенно парировала Эдди. Она

прекрасно понимала, что доктор ей не верит, она также подозревала (причем справедливо), что именно он выписывал Шарлот транквилизаторы, от которых та ходила, как в замедленной съемке, и практически ничего не соображала.

— Да хоть семнадцать часов, — сказал доктор Бридлав, усевшись половиной увесистых ягодиц на край своего стола и глядя на Эдди холодным, пронзительным взглядом профессионала. — Оставьте девочку в покое, хочет спать — пусть спит.

— Как ты можешь спать так долго? — С любопытством спросила однажды Харриет сестру.

Алисон пожала плечами.

— Тебе не скучно спать?

— Мне скучно, когда я не сплю.

Харриет поглядела на сестру с сочувствием. Она ее прекрасно понимала. Скука была их злейшим врагом, и Харриет храбро сражалась с ней, но иногда скука доводила и ее до состояния такой одурманенной слабости, что ей казалось, будто она нанюхалась хлороформа. Но сегодня Харриет чуть не прыгала от нетерпения в предвкушении одиночества и, спустившись в гостиную, вместо шкафчика с ружьями направилась к отцовскому столу. Там хранились вещи, которые ей не полагалось трогать (от этого еще более интересные), — свидетельства о рождении, золотые монеты, ножики и старые чеки. Пошарив в верхнем ящике, Харриет вытащила оттуда пластиковый секундомер с красным циферблатом — подарок какой-то финансовой компании.

Она уселась на тахту, набрала полную грудь воздуха и включила таймер. Гудини умел задерживать дыхание более чем на три минуты: это и позволило ему исполнять большинство трюков. Что ж, сейчас Харриет узнает, на что способна *она*.

Десять секунд. Двадцать. Тридцать. Харриет почувствовала, что кровь начинает стучать в висках.

Сорок. Сорок пять. Глаза начали слезиться, удары сердца раздавались где-то внутри глаз. На пятидесяти все тело сковал спазм, и ей пришлось зажать рот и нос, чтобы не вздохнуть.

Пятьдесят восемь, пятьдесят девять. Слезы лились из глаз, Харриет не могла сидеть, она вскочила и закружила по гостиной, махая руками, пытаясь остановить взгляд хоть на чем-то — двери, столе, ковре, своих выходных туфлях, оставленных у ковра. Комната прыгала у нее перед глазами в одном ритме с ударами сердца, которые становились все сильнее, пока не превратился в громовые, а стена газет не закачалась, как при землетрясении.

Шестьдесят пять секунд. Розовые полоски на занавесках превратились в кроваво-красные с ярко-белым пульсирующим пятном посередине, от которого, как щупальца осьминога, расползались в стороны полосы темноты. Где-то рядом зудела оса, нет, не рядом, а прямо у нее в голове, и вдруг комната закружилась и полетела все

быстрее и быстрее, и она уже не могла больше зажимать нос, с мучительным всхлипом сделала вдох и упала на тахту, едва успев нажать на кнопку «стоп».

Какое-то время Харриет неподвижно лежала на тахте, пытаясь отдышаться и прислушиваясь к своим ощущениям. Комната ходила ходуном, в голове рассыпались звоном хрустальные колокольчики, мысли путались, как шерсть, не смотанная в клубок. Она не могла понять, где кончается зрение и начинается осязание, где вкус переходит в запах.

Когда красные угольки в глазах начали постепенно гаснуть, Харриет посмотрела на секундомер — минута и шестнадцать секунд. Для первого раза это был неплохой результат, да только Харриет чувствовала себя как-то странно — черные колокольчики все так же звенели в ушах, хрустальные молоточки стучали не переставая. Она попробовала подняться, но тут же упала обратно на тахту — пол под ней ходил ходуном, как волны на море в хороший шторм.

Что ж, никто и не обещал, что будет легко. Если бы все люди в мире могли задерживать дыхание, подобно Гудини, на три минуты, как бы он тогда смог прославиться?

Харриет медленно поднялась и тихонько посидела, пока в голове у нее не просветлело окончательно. Потом встала и несколько раз нагнулась, чтобы проверить, кружится ли голова. Все нормально. Тогда она снова вдохнула как можно глубже, запустила секундомер и стала ждать. В этот раз она решила не смотреть на циферблат, а думать о чем-нибудь совершенно постороннем.

По мере того как шли секунды, дискомфорт увеличивался, стук сердца становился все громче, пока не перерос в оглушающий шум, и вскоре ярко-красные огни заплясали у нее перед глазами. Откуда-то появился огромный черный сундук, окутанный цепями, его бросили в реку, и течение потащило его за собой, стукая о камни — бум, бум, бум. Внутри сундука тоже что-то стучало, только тише, потому что там было полуразложившееся тело, — она попыталась заткнуть рукой нос от вони, но сундук все катился вперед по обросшим мхом камням, а оркестр в театре, где золоченые люстры бросали на сцену яркий свет, вдруг грянул веселую песенку и голос Эдди запел: *«Не оставляй меня, моя красавица. Твой верный страж давно уж спит на дне морском...»*

Ах, нет, это была вовсе не Эдди, а тенор с черными блестящими волосами, во фраке, губы и глаза его были подведены, как в старых немых фильмах. Он встал перед тяжелым занавесом из красного бархата и под оглушительные аплодисменты сделал знак рукой — створки занавеса поползли в стороны, открывая сцену, на которой стояла огромная глыба льда. Внутри ее виднелась маленькая, вмерзшая в лед фигурка.

Публика ахнула от восторга. Взволнованный оркестр, состоящий в основном из пингвинов, исполнил туш. На галерке затеяли драку белые

медведи, на головах у некоторых красовались рождественские колпачки. Один из медведей перегнулся через низкий бортик, бросил свой колпак в воздух и прорычал:

— Так давайте же выпьем за капитана Скотта!

От восторга все заорали и затопали ногами, а из-за кулис появился голубоглазый капитан Скотт в меховой парке, обмазанной ворванью и покрытой льдом, и приветственно поднял руку в меховой варежке. Рядом с ним маленький Бауэрс, который пришел на лыжах, издал низкий удивленный свист и с недоумением огляделся по сторонам. Доктор Уилсон, прикрывая обгоревшее лицо от ослепительного света софитов, вышел вслед за ними. За ним тянулась цепочка снежных следов, которые сразу же таяли на полу, превращаясь в маленькие лужицы. Доктор Уилсон вытащил из кармана книжицу в черном переплете, пролистал ее, затем захлопнул с щелчком и посмотрел в зал, который сразу же умолк.

— Положение у нас критическое, капитан, — сказал он, с каждым вздохом выпуская изо рта облачко белого пара. — Ветер с севера и северо-запада с каждым днем усиливается. Запасов провианта осталось на два дня, да и с ногами дела обстоят совсем плохо. Лечить ноги не будет возможности, пока он не сможет принимать горячую пищу. Ампутация — это лучшее, на что можно рассчитывать, но не распространится ли гангрена?

— О, тогда мы должны немедленно спешить на помощь! — сказал капитан Скотт и вытащил трубку изо рта. — Осман! *Иш то!* Сидеть! — нетерпеливо крикнул он ведущей лайке, которая прыгала вокруг него, издавая радостный лай. — Лейтенант Бауэрс, возьмите ваш ледоруб и приступайте.

Бауэрс, казалось, совсем не удивился, что вместо лыжных палок в обеих руках у него оказалось по ледорубу. Он бросил один из них Скотту, повернулся к глыбе льда, стоявшей на сцене, и, размахивая ледорубом, начал рубить ее. Оркестр играл что-то бравурное, зал гремел, рычал и взвизгивал, а доктор Уилсон в это время рассказывал про интересные свойства льда.

— Бедняга, — сказал капитан Скотт, вытирая пот со лба, — похоже, конец его уже недалек.

— Поспешите же, капитан, мы должны его спасти.

— Молодцы, ребята, налегайте сильнее! — проревел с галерки белый медведь.

— Мы все в руках Божьих, и без его милости нам не спасти этого несчастного, — мрачно сказал доктор Уилсон. От ледорубов летели искры, но казалось, мужественные полярники никак не могли расколоть ледяную глыбу. — Друзья, давайте возьмемся за руки и помолимся о Его милости.

Не все в зале знали молитвы. Пингвины спели *«Ромашка, ромашка, открой мне мою судьбу»,* кто-то прочитал клятву верности, кто-то —

просто стихи, но вдруг из-под купола театра появилась и стала спускаться вниз огромная цепь, на которой болтался человек в вечернем костюме и смирительной рубашке. Все замолкли, глядя, как человек извивается, трепещет, бьется на цепи, — вот он освободился от рубашки и скинул ее вниз, на сцену, и потом попытался снять с себя наручники: секунда — и они полетели вслед за рубашкой. Человек поклонился аудитории с высоты нескольких метров и, изящно изогнувшись, сделал пируэт и приземлился на сцену. Из шляпы у него, к изумлению и восторгу аудитории, вылетели сорок розовых голубей и закружили над сценой.

— Мне кажется, джентльмены, что в этом случае традиционные методы не сработают, — сказал прибывший таким странным образом Гудини (а это был именно он) оторопевшим полярникам. Он засучил рукава фрака и блистательно улыбнулся в камеру. — Я сам чуть не погиб дважды, когда пытался провернуть этот трюк. Ну да ладно, за дело! — Он выхватил из воздуха паяльную лампу и пистолет и несколько раз выстрелил в воздух. — Ассистенты, на сцену!

На сцену выбежали пять китайцев в алых робах и черных шапочках, вооруженные пилами и отбойными молотками. Гудини бросил пистолет в зал — к восторгу пингвинов, он в воздухе превратился в живого, извивающегося лосося — и выхватил ледоруб из рук капитана Скотта.

— Эй, вы, — крикнул он в зал, — помните, что субъект пролежал подо льдом без воздуха в течение четырех тысяч шестисот шестидесяти пяти дней двенадцати часов двадцати семи минут и тридцати девяти секунд, абсолютный рекорд всех времен. — Он бросил ледоруб обратно капитану Скотту и погладил рыжего кота, который сидел у него на плече.

— Маэстро, прошу вас, начинайте!

Китайцы, под предводительством Бауэрса, принялись весело рубить, пилить и выжигать лед под бравурную музыку оркестра. Посреди сцены расползалась огромная лужа к удовольствию пингвинов; вода капала прямо в оркестровую яму. Капитан Скотт пытался успокоить своего пса Османа, который заходился от лая, пытаясь броситься на рыжего кота, сидевшего у Гудини на плече.

Таинственная фигура, вмерзшая в лед, находилась уже лишь в нескольких сантиметрах от поверхности.

— Держись! — заорал с галерки белый медведь.

Другой медведь поднялся на задние лапы. Он выхватил из-под мышки розового голубя, оторвал ему голову и швырнул окровавленный комок на сцену.

Харриет никак не могла увидеть, что же происходило на сцене, хотя знала, что это было очень важно. Она нетерпеливо переступала с ноги на ногу, потом стала подпрыгивать, но заглянуть за спины пингвинов, которые были гораздо выше ее, ей не удавалось. Несколько пингвинов встали с мест и, переваливаясь, направились к сцене. Их клювы

смотрели в потолок, глаза, казалось, были полны сочувствия. Харриет бросилась к сцене вместе с ними, но тут ее сильно толкнули в спину, и она почувствовала на зубах маслянистый вкус пингвиньих перышек.

Со сцены раздался ликующий вопль Гудини:

— Дамы и господа, мы его достали!

Толпа рванула на сцену. Не зная, что ей делать, Харриет беспомощно огляделась и увидела, как из-за кулис на сцену выбегает взвод полицейских с наручниками и пистолетами в руках.

— Сюда, офицеры! — сказал Гудини, выступая вперед и элегантно взмахивая рукой.

И внезапно все головы повернулись к Харриет. В зале наступила зловещая тишина, прерываемая только стуком падающих со сцены капель. Все уставились на нее: капитан Скотт, и удивленный маленький Бауэрс, и Гудини с его взглядом василиска, и пингвины — все наклонились к ней, и кто-то протягивал ей какой-то предмет, говоря: *«Это целиком зависит от твоего решения, дорогая...»*

Харриет в панике вскочила с тахты, дико озираясь по сторонам.

— Ну, Харриет, — сказала Эдди в своей обычной резковатой манере. — Куда же ты вчера пропала? Мы ждали тебя в церкви.

Она развязала ленты фартука, аккуратно повесила его на крючок и, не обращая внимания ни на всклокоченные волосы Харриет, ни на то, что внучка заявилась к ней в понедельник утром все в том же воскресном платье, присела к столу и стала намазывать тост маслом. Эдди была в необычно приподнятом настроении и разодета не ко времени: темно-синий летний костюм и такие же туфли.

— Я уже собиралась начать без тебя, — продолжала она, придвигая Харриет тарелку с тостами, — а где Алисон? Она что, не придет завтракать? Я сейчас уезжаю на встречу.

— Какую встречу?

— В церкви. Твои тетушки и я собираемся поехать в путешествие.

Харриет навострила уши. Это было что-то новенькое, тетушки в жизни никуда не уезжали из города. Тетя Либби за всю свою жизнь так ни разу и не выехала за пределы штата Миссисипи. Все тетушки ужасно волновались, что от непривычной воды у них расстроятся желудки, что они не смогут заснуть в мотелях, а как же их растения, их кошки? Ну а что, если машина сломается? Или кто-нибудь вдруг заболеет?

— Мы все едем в августе, — сказала Эдди. — В Чарлстон. На историческую родину, так сказать.

— Ты поведешь машину? — осторожно спросила Харриет.

Хотя Эдди этого не признавала, зрение у нее было уже не то, что раньше, да и сосредоточиться ей не всегда удавалось. Сколько раз Харриет вжималась в сиденье, когда бабка пролетала на красный свет, перегораживала движения или оборачивалась назад, чтобы поболтать с сестрами, воркующими на заднем сиденье. Тс же весело щебетали и, как

и сама Эдди, совершенно не осознавали опасности. Харриет в такие минуты ужасно жалела измученного ангела-хранителя Эдди, что парил над олдсмобилем, с огромным трудом уберегая его от лобового столкновения на каждом втором перекрестке.

— Все дамы нашей церкви поедут, — сказала Эдди, с хрустом вгрызаясь в тост. — Этот мальчик Рой Дайл из компании по продаже «шевроле» дает нам напрокат автобус. И водителя. Я и сама могла бы вести автобус, но водители нынче пошли совершенно сумасшедшие. Ты бы видела, как они ездят…

— А что, и Либби едет?

— Ну да, почему бы и нет? Все ее подруги едут.

— Что, и Адди? И Тэт?

— Ну да, конечно.

— Они действительно *хотят* поехать? Ты их не заставляешь?

— Ну знаешь ли, мы не молодеем, а нам обязательно надо там побывать.

— Эдди, ты дашь мне девяносто долларов?

— Сколько? Девяносто долларов? — Голос Эдди внезапно стал пронзительным. — Конечно же нет! С чего это я должна давать тебе такие деньги?

— Я хочу возобновить членство в Загородном клубе.

— А зачем?

— Хочу брать там уроки плавания.

— Так пусть этот маленький Халл пригласит тебя.

— Он не может приглашать меня все лето, может только пять раз, а мне надо заниматься постоянно.

— Вот не понимаю, зачем платить девяносто долларов за то, чтобы пользоваться бассейном, если ты сможешь плавать сколько душе угодно в этом вашем спортивном лагере.

Харриет замолчала.

— Странно вообще-то, что в этом году они не торопятся открывать сезон. Я думала, первая смена должна была бы начаться, а?

— Наверное, нет.

— Ладно, напомни мне, чтоб я позвонила им сегодня днем. Даже не знаю, что такое с ними случилось? А что, маленький Халл тоже едет в лагерь?

— Могу я выйти из-за стола?

— Ты так и не сказала мне, что ты делаешь сегодня.

— Я хочу пойти в библиотеку и записаться на конкурс по чтению. Хочу опять его выиграть, — сказала Харриет. Ладно, подумала она, наверное, сейчас не самый подходящий момент, чтобы рассказывать о своей истинной цели на это лето.

— Я уверена, что ты победишь, — сказала Эдди, поднимаясь, чтобы вымыть свою чашку.

— Ты не рассердишься, если я кое о чем тебя спрошу? — сказала

Харриет.

— Зависит от того, что это за вопрос.

— Моего брата Робина убили, это так?

Глаза Эдди как будто подернулись матовой пленкой и остекленели. Она с грохотом опустила чашку на стол.

— Эдди, ты думала когда-нибудь о том, кто мог это сделать?

Глаза Эдди засверкали так сильно, что Харриет почудилось, будто она видит вылетающие оттуда молнии. Несколько секунд она смотрела на внучку не шевелясь, словно борясь с распирающим ее гневом, потом резко отвернулась, взяла чашку со стола и отнесла ее к раковине. Сзади ее талия казалась очень узкой, а плечи — очень прямыми.

— Пойди собери свои вещи, — сказала она сухо, не оборачиваясь.

Харриет не нашлась, что ответить на это. Никаких вещей у нее с собой не было.

По дороге Эдди смотрела прямо перед собой и хранила настолько глубокое молчание, что Харриет стало не по себе. Она ужасно обиделась на бабку и из принципа не пыталась первой начать разговор, но в душе чувствовала себя несчастной и одинокой. Харриет рассеянно глядела в окно, ковыряя обшивку олдсмобиля и мрачно размышляя о том, как легко испортить человеку настроение прямо с утра. Даже в библиотеку расхотелось идти. Впрочем, Эдди, не говоря ни слова, резко припарковалась у обочины и с каменным молчанием ждала, пока Харриет выйдет из машины и войдет в библиотеку, так что деваться ей было некуда.

В библиотеке было практически пусто. Миссис Фосетт сидела за своей стойкой и пила кофе. Перед ней лежал толстый журнал, в котором она делала какие-то пометки. Миссис Фосетт была худенькая стареющая дама, с птичьими лапками вместо рук и напоминающим клюв носом. Большинство детей боялось ее как огня, но, конечно, не Харриет. Харриет обожала библиотеку и все, что было с ней связано.

— О, Харриет, здравствуй! — протянула миссис Фосетт обрадованным голосом. — Пришла записаться на конкурс по чтению? Ты знаешь, что нужно делать, правда?

Она протянула Харриет карту Соединенных Штатов. Харриет посмотрела на карту, изо всех сил стараясь сдержать слезы. «И что это я разнервничалась? — сказала она себе твердо. — Давай держись, видишь, миссис Фосетт ничего особенного не замечает!» Обычно Харриет не так-то просто было обидеть, сегодня, наверное, сказалась эта странная, бессонная ночь.

— В этом году мы решили поиграть с картой, — объясняла тем временем миссис Фосетт. — За каждые четыре сданные книги я выдаю тебе наклейку в форме штата, и ты наклеиваешь ее на карту, поняла? Хочешь, чтобы я помогла тебе прикрепить ее?

— Нет, спасибо, я сама, — пробормотала Харриет.

Она подошла к стене, где уже висело несколько карт. Большинство было пустыми, но на одной карте три штата были уже заклеены. Соревнование началось в прошлую пятницу — это кто же мог прочитать двенадцать книг за несколько дней?

— Это кто такая, — медленно спросила она, возвращаясь. — *Лашарон Одум?*

Миссис Фосетт наклонилась вперед и молча показала пальцем в сторону маленькой, тщедушной фигурки, сгорбившейся за столом в детском читальном зале. Волосы у девчонки были грязные, нечесаные, и она давно уже выросла из обтрепанной футболки и шортов. Девчонка сипло дышала ртом, время от времени втягивая в нос обильные сопли. Ее прерывистое, тяжелое дыхание было слышно даже от стойки миссис Фосетт.

— Вот так она и сидит тут целыми днями, — заговорщически прошептала миссис Фосетт. — Бедняжка. Когда я утром прихожу сюда, она уже ждет меня на ступеньках библиотеки и не встает с места до самого вечера. Конечно, может быть, она только притворяется, что читает, но знаешь, книги она берет вполне подходящие для ее возрастной группы.

— Миссис Фосетт, а вы разрешите мне кое-что поискать в отделе газет?

Миссис Фосетт сделала удивленное лицо:

— Ты же знаешь, мы не разрешаем выносить газеты из библиотеки.

— Конечно, знаю, но я провожу исследование по заданию на лето и мне необходимо кое-что подтвердить.

Миссис Фосетт, успокоенная взрослым словом «исследование», посмотрела на Харриет поверх очков:

— Ты хоть знаешь, какой год тебе нужен?

— Да-да, не волнуйтесь, я найду все сама, — торопливо сказала Харриет, боясь, что миссис Фосетт решит ей помочь. Она вовсе не хотела посвящать старушку в свои тайны.

— Ну ладно, — сказала миссис Фосетт, — вообще-то нам не разрешается пускать детей в отдел газет, но если ты будешь осторожно листать газеты, я уверена, что ты их не порвешь.

Харриет нарочно пошла длинной дорогой, чтобы не проходить мимо дома Хилли. Он с утра тянул ее на рыбалку. Когда она вернулась домой, чтобы оставить взятые в библиотеке книги, была уже половина первого. Алисон сидела в столовой с заспанными глазами, с раскрасневшимися щеками и ела сэндвич с помидором.

— А тебе, Харриет, такой же приготовить? — крикнула Ида Рью с кухни. — Или лучше с курицей?

— Пожалуйста, с помидором, — сказала Харриет. Она села за стол рядом с сестрой. — Я сейчас пойду в Загородный клуб записываться на плавание. Хочешь со мной?

Алисон отрицательно покачала головой.

— А тебя записать?

— Мне все равно.

— Винни бы очень не понравилось, как ты себя ведешь, — сказала Харриет. — Винни хотела бы, чтобы ты взяла себя в руки, занялась каким-нибудь делом и была счастлива.

— Я никогда больше не буду счастлива, — сказала Алисон и положила сэндвич обратно на тарелку. Слезы стали собираться в уголках ее томных, темно-шоколадных глаз. — Я только жалею, что сама не умерла.

— Алисон? — спросила Харриет.

Молчание.

— Ты знаешь, кто убил Робина?

Алисон начала обирать кунжутные семечки с хлебной корки. Она не поднимала на сестру глаз.

— Послушай, — сказала ей Харриет, — ты же была все это время во дворе. Неужели ты действительно ничего не видела?

— Так ты тоже была во дворе.

— Но мне было меньше года, идиотка, а тебе уже четыре. Как ты можешь ничего не помнить? Я помню практически все, что случилось со мной, когда мне было четыре года.

Алисон оторвала от сэндвича кусок хлебного мякиша и стала деликатно жевать. В этот момент на пороге кухни появилась Ида Рью, и девочки замолчали. Когда Ида вышла, Харриет повернулась к сестре:

— Пойми, Алисон, это очень важно. Я видела сон.

Алисон вздрогнула и села прямо. Она бросила на сестру быстрый взгляд из-под опущенных ресниц, и эта внезапная вспышка интереса не ускользнула от Харриет. В отличие от Эдди, которая считала Алисон чуть ли не дебилкой, Харриет прекрасно знала, что ее сестра вовсе не глупа, просто с ней надо было общаться очень осторожно, деликатно, чтобы не спугнуть. Поэтому Харриет села поудобнее и во всех подробностях пересказала сестре свой сон.

— Ну вот, и я думаю, — заключила она, — что это был вещий сон. Гудини что-то пытался передать мне. Я думаю, он пытался сказать, что я должна найти убийцу Робина. И ты должна мне помочь.

— Я не могу, — быстро сказала Алисон. — Я действительно ничего не помню.

— Хорошо, но, может быть, ты попробуешь записывать свои сны? — спросила Харриет. — Ты ведь все время спишь, какие-то сны тебе должны сниться. Мне кажется, в снах нам приходит то, что скрыто от нас наяву.

Алисон это понравилось, ее глаза слегка блеснули.

— Алисон! — крикнула из кухни Ида Рью. — Пора идти, детка, «Темные тени» сейчас начнутся.

Обе они были помешаны на этом сериале и смотрели его каждый

день.

— Ну пойдем со мной, посмотри хоть одну серию, — сказала Алисон сестре. — Последнее время они стали ужасно интересными. Вчера там говорилось о прошлом, о том, как Барнабас стал вампиром.

— Нет, лучше ты мне потом расскажешь, а сейчас мне пора идти. Если я запишу тебя на плавание, ты будешь ходить?

— Не знаю. Наверное. Слушай, а когда у тебя в этом году начинается лагерь? Разве тебе не пора туда ехать?

— Девочки, девочки! — крикнула Ида Рью, вбегая в столовую и увлекая Алисон за собой. В руках она держала тарелку с собственным обедом, который намеревалась съесть, сидя перед экраном. — Идемте скорее, уже началось.

Харриет лежала на кафельном полу ванной комнаты — она заперла дверь на щеколду, аккуратно разложила вокруг инструменты и на мгновение застыла над чеком, вырванным из отцовской банковской книжки, крепко зажмурив глаза, чтобы собраться. Харриет уже давно овладела искусством подделывать как материнский, так и отцовский почерк, но на чеке отца надо было писать не останавливаясь, потому что иначе буквы начинали прыгать и выглядели не очень естественно. Сложнее всего было с почерком Эдди — у нее буквы стояли прямо, гордо, а ее характерные росчерки повторить было практически невозможно, поэтому Харриет подделывала ее чеки только в случае крайней необходимости.

Рука Харриет застыла над чеком — она сделала глубокий вдох. Из-за двери до нее донеслись тягучие аккорды музыкального вступления к «Темным теням».

Так, адрес бенефициара, *Загородный клуб Александрии,* стремительно, на одном дыхании вывела Харриет крупными, небрежными буквами. *Сто восемьдесят долларов.* А теперь самое простое — подпись. Она выдохнула, подняла листок и критически осмотрела его со всех сторон. Прекрасно, сам папа лучше не напишет. Харриет усмехнулась — с того времени, как она освоила искусство подделывания подписей, она уменьшила отцовский: чет на пятьсот долларов, а то и больше. Совесть ее совсем не мучила — эти деньги принадлежали ей по праву, служили малой компенсацией за все плохое, что он ей причинил, и только боязнь разоблачения останавливала Харриет, чтобы до конца не опустошить отцовский счет.

Тетушки вечно ругали отца и всю его родню, называя их «холодными» и «невежами», и Харриет была с этим вполне согласна.

Никто в семье, кроме матери Харриет, не любил Диксона Дюфрена. Он был плохим отцом и ужасным мужем еще при жизни Робина, неодобрительно поджимая губы, бормотали тетушки, а уж как он относится к девочкам, так это просто преступление. После трагической смерти сына он даже отпуск не взял, чтобы побыть с женой, так и

продолжал ходить на работу и на охоту поехал как ни в чем не бывало, когда Робин в земле еще и месяца не пролежал.

— Да лучше бы он просто с ней развелся, — гневно сказала как-то Эдди, — Шарлот ведь еще молода. А я видела, как молодой Виллори из Дельты на нее засмотрелся в церкви. Он из хорошей семьи, у него есть деньги...

— Ну знаешь, это ты загнула, — протянула Аделаида. — Ведь Диксон их обеспечивает.

— Я хочу сказать, что Шарлот могла бы сделать лучшую партию.

— А я хочу сказать, Эдит, что ты принимаешь желаемое за действительное. Вот уж не знаю, что бы случилось с малышкой Шарлот и девочками, если бы Дикс не посылал им чеки каждый месяц.

— Ну да, в этом что-то есть, — проворчала Эдит.

— Иногда я думаю, — дрожащим голосом сказала Либби, — что мы должны были настоять, чтобы Шарлот переехала в Нэшвилль.

После смерти Робина его отец принял предложение о новой работе и уехал в другой штат один, но спустя пару лет он предпринял несколько попыток убедить Шарлот перебраться к нему. В то время тетушки пришли в такую панику от самой мысли, что могут расстаться со своей «малышкой» и ее девочками, что проплакали не переставая несколько недель.

Харриет подула на подпись, но чернила уже высохли. «Ничего с ним не случится, — с презрением подумала она об отце. — Я могла бы попросить маму, она бы мне не отказала. Просто не хочу просить ее об этом сейчас, а то вдруг она тоже вспомнит про этот мерзкий летний лагерь?»

Харриет решила поехать в Загородный клуб на велосипеде. Дверь офиса была заперта — наверное, все ушли обедать. Она прошла по коридору до «Прошопа» («Магазина для профессионалов») и нашла там старшего брата Хилли — Пембертона Халла. Он курил сигарету за прилавком и читал газету.

— Можно я оставлю чек тебе? — спросила она. Ей нравился Пембертон: ровесники Робина, он когда-то был его лучшим другом.

Сейчас ему был уже двадцать один год. Городские доброжелатели говорили, что родителям следовало отдать его в военную академию, когда была такая возможность, чтобы из него там хорошенько выбили дурь. Хоть в школе он учился неплохо, по натуре Пем был законченным разгильдяем, бездельником и даже отчасти битником и не задержался ни в одном из трех колледжей, куда его пытались пристроить любящие родители. Сейчас Пем жил дома. Волосы у него были еще длиннее, чем у Хилли, летом он работал на пляже спасателем, а зимой только возился со своей машиной да слушал музыку.

— Эй, Харриет, — сказал Пембертон. «Наверное, ему одиноко, — подумала Харриет, — целый день сидеть тут одному». Пем был одет в

рваную футболку, клетчатые шорты и кеды на босу ногу, а на столе стояла тарелка с остатками гамбургера и жареной картошки. — А ну-ка иди сюда и помоги мне выбрать стереосистему для моей крошки.

— Я в них ничего не понимаю. Просто хочу оставить тебе чек.

Пем закинул волосы за уши, взял чек и осмотрел его со всех сторон. У него была хорошая фигура, приятное лицо, в котором угадывалось сходство с Хилли, только более правильное и тонкое, а волосы светлые, причем у корней светлее, чем внизу.

— Ну ладно, оставь, — протянул он, бросая на нее взгляд из-под пушистых ресниц, — но я понятия не имею, что мне с ним делать. Я не знал, что твой отец в городе.

— А его и нет в городе, — сказала Харриет.

Пембертон хитро приподнял бровь и глазами показал ей на дату.

— Отец прислал его по почте, — нетерпеливо бросила Харриет.

— Скажи мне по секрету, он вообще существует, твой папаша? Что-то я лет сто уже не видел старину Дикса.

Харриет передернула плечами. Хотя она сама любовью к отцу не страдала, слышать критику и пересуды от чужих людей ей было неприятно.

— Ладно, если увидишь его, скажи, чтобы он и мне выписал чек — так хочется купить вот эту систему для моей ласточки. — Он протянул ей журнал.

Харриет небрежно взглянула на картинки.

— По-моему, все приемники выглядят одинаково.

— Да ты что, деточка, не видишь разницы? Моя система самая сексуальная — ты только посмотри на все эти черные кнопочки! Видишь разницу между ней и дурацким «Пионером»?

— Ну так купи ее тогда, в чем проблема?

— Куплю, не волнуйся, как только твой папочка выпишет мне чек на триста долларов — он ведь у тебя такой щедрый! — Пем в послед ний раз затянулся сигаретой и потушил ее прямо в тарелке. — Слу шай, а ты не знаешь, где мой психованный братец?

— Не знаю.

Пембертон наклонился вперед, придав своей позе доверитель ность:

— Слушай, почему ты разрешаешь ему все время тереться околс себя?

Харриет холодно взглянула ему в лицо, потом перевела взгляд на остатки обеда: куски засохшей булки, картофель, плавающий в остывшем жире, дымящийся окурок в луже кетчупа — ну и кар тинка.

— Разве он не действует тебе на нервы? — продолжал Пембер тон. — Зачем ты заставляешь его переодеваться женщиной?

Харриет вздрогнула и подняла глаза:

— Что?

— Ну, сама знаешь что: он постоянно таскает старые халаты Марты. — (Марта была матерью Пема и Хилли). — Он их просто

обожает. Чуть не каждый день я вижу, как он выбегает из дома то обмотанный простыней, а то с наволочкой на голове. Он говорит что это ты заставляешь его так наряжаться.

— Чушь! Никого я не заставляю.

— Да ладно тебе, *Харриет!* — он произнес ее имя так, будто в нем было что-то нелепое. — А когда я проезжаю мимо твоего дома, у тебя во дворе всегда полно мелюзги и все завернуты в те же простыни. Рики Ашмор называет вас «Мелким ку-клукс-кланом» а мне почему-то кажется, что ты специально наряжаешь их как девчонок.

— Это игра такая, — сказала Харриет и отвернулась. Почему люди вечно суют нос не в свои дела? К тому же ей самой уже давным-давно надоели игры с переодеваниями, и она не собиралась больше реконструировать библейские сюжеты. — Послушай, у меня к тебе тоже есть дело. Я хочу поговорить с тобой о моем брате.

Теперь уже Пембертон смутился. Он взял с прилавка журнал с рекламой стереосистем и начал его листать с деланым вниманием.

— Скажи мне, ты знаешь, кто убил моего брата?

— Ну ты даешь, — оторопело проговорил Пембертон и вдруг закрыл рот. Через секунду он прищурил глаза и продолжал с хитрецой: — Ладно, так и быть, скажу тебе, только поклянись, что никому не расскажешь. Знаешь вашу соседку, миссис Фонтейн?

Харриет посмотрела на него с таким неприкрытым презрением, что Пембертон расхохотался.

— Вижу, вижу, — произнес он, когда смог отдышаться. — Тебя не проведешь. Ты ведь не веришь историям о том, как она закапывает свои жертвы в цветочных клумбах? — Пару лет назад Пем до смерти напугал Хилли, рассказав ему, что он собственными глазами видел человеческие кости, которые торчали из центральной клумбы в саду у миссис Фонтейн.

— Значит, ты не знаешь, кто это сделал?

— Нет, — довольно резко произнес Пембертон. Он до сих пор не мог забыть тот вечер, когда мать позвала его в гостиную, чтобы сообщить о смерти Робина. Он в тот момент был очень занят, потому что целый день склеивал одну очень хитрую модель самолета, ему было девять лет, и сообщение о смерти приятеля его удивило, но не расстроило. Мать плакала — глаза у нее были красные, опухшие, а он плакать не стал, пошел обратно клеить самолет. Забавно, как хорошо он помнит тот вечер, до сих пор у него в глазах стоит эта чертова модель — он заляпал клеем всю носовую часть и в результате выбросил ее вообще.

— Не следует шутить о таких вещах, — сказал он Харриет.

— Я и не шучу, я совершенно серьезна, — ответила Харриет надменно.

Пем в очередной раз подивился, какие они с братом разные. Дело даже не столько в цвете волос, просто Робин был всегда такой озорной, хохотал во все горло, дружил со всем классом, а эта девчонка ведет себя

так, будто она уже почти папа римский — даже не улыбнется. Ее сестра Алисон немного похожа на Робина (вот, кстати, красотка подрастает, пару дней назад он увидел ее на улице, так у него даже дыхание перехватило). Но Харриет не грозит вырасти красоткой — у нее нет того природного обаяния, какое требуется каждой женщине. Значит, она ошибка природы. Пем усмехнулся.

— Думаю, ты начиталась Агаты Кристи, милочка,— сказал он свысока.— Все это случилось так давно. Тогда еще электрички останавливались у нас по три-четыре раза в день. На вокзале и вокруг него было полно всякого сброда.

— Но, может быть, тот, кто убил Робина, все еще здесь?

— А почему же его тогда не поймали?

— Ты не замечал ничего необычного до того дня?

— Типа — страшного?

— Нет, просто необычного.

— Слушай, все происходит не так, как в кино. Не было двухметрового маньяка, которого все видели, а потом забыли об этом сказать.— Он вздохнул. В школе они потом долго играли в убийство Робина, только там убийцу всегда находили и наказывали. Дети собирались в круг и наносили удары невидимому убийце, который лежал у их ног.

— Какое-то время к нам в школу все время наведывались полицейские и священники. А мальчишкам нравилось говорить, что они что-то видели. Некоторые даже признавались, что это именно они убили твоего брата, представляешь? Просто чтобы на них обратили внимание.

Харриет глядела на него, не отводя глаз.

— Ну, знаешь, мальчишки любят дурака повалять. А этот Дэнни Ратклифф — вот урод! Он вечно хвастался тем, чего не делал, типа как он прострелил одному мужику коленную чашечку или подкинул живую гадюку нашей старухе математичке в машину. Он такое нес, у тебя бы уши завяли.— Пембертон помедлил. Он знал Дэнни Ратклиффа с детства — в школе тот был худым, неуклюжим и физически слабым парнем, который вечно бахвалился да нес всякую околесицу. Полное дерьмо. А вот нынче с ним связываться было бы опасно.

— Этот Дэнни просто ненормальный, — сказал он.

— А где я могу его найти?

— Полегче! Держись от него подальше. Он только что вышел из тюрьмы.

— За что же он там сидел?

— Почем я знаю? Драка на ножах или что-то в этом роде. Все эти Ратклиффы сидели за что-то, кроме малыша дауна. Кстати, Хилли сказал мне, что он недавно набросился на мистера Дайла?

Харриет была возмущена предательством Хилли:

— Что ты! Кертис его и пальцем не тронул.

Пембертон хмыкнул:

— А жаль. Этому мистеру Дайлу давно уже пора хорошенько наподдать.

— Так где я могу найти Дэнни?

Пембертон вздохнул:

— Послушай, Дэнни Ратклиффу сейчас двадцать лет. Он был совсем пацаненок, когда это случилось с Робином.

— Ну и что. Это мог сделать и ребенок. Может, поэтому его и не поймали.

— Ты что, самая умная? Думаешь распутать загадку, которую никто не смог до тебя разгадать?

— Так ты говоришь, он ходит в какой-то местный паб?

— Да! Да! Он ходит в таверну «Черная дверь». Но имей в виду, Харриет, он никак не связан с этим делом, а даже если бы и был, тебе надо держаться от него подальше. И от его сумасшедших братьев тоже.

— Они совсем сумасшедшие?

— Не то чтобы совсем... В общем, один из них — кто-то вроде проповедника, ходит по дорогам и несет всякую чушь о конце света и о том, что нам пора спасать свои души. А старший брат, Фариш, недавно вышел из психбольницы.

— А почему он там лежал?

— Его по башке ударили лопатой, что ли. Не знаю. Но каждый из них сидел в тюрьме, если хочешь знать, — он заметил, *как* Харриет взглянула на него, и быстро добавил, — не за убийство, поняла? Кражи машин, грабеж и все такое прочее.

Пем поднял чек и повертел его:

— Так что, малышка, это ваша плата? За тебя и Алисон?

— Да.

— А где Алисон?

— Дома.

— А что она делает? — спросил Пем, наваливаясь локтями на прилавок.

— Смотрит «Темные тени» по телику.

— И она будет ходить с тобой в бассейн?

— Если захочет.

— А у нее есть парень?

— Парни все время ей звонят, — мстительно сказала Харриет.

— Ах вот как? И что?

— А ничего. Ей не нравится с ними разговаривать. Полные придурки.

— А если я ей позвоню? Со мной она поговорит?

Харриет решила сменить тему и спросила:

— А знаешь, что я собираюсь делать этим летом?

— Ну?

— Я хочу проплыть весь бассейн под водой.

Пембертону уже надоело с ней болтать, и он картинно закатил

глаза.

— И что потом? Хочешь попасть в передачу «Дискавери»?

— Я знаю, что смогу это сделать. Вчера вечером я задержала дыхание почти на две минуты.

— Эх ты, малышка, — сказал Пембертон и зевнул. — Предупреди меня, когда будешь нырять, а то я не успею вытащить тебя живой.

Харриет провела остаток дня, сидя за книгой на заднем крыльце. Ида, как обычно по понедельникам, стирала, мать и Алисон спали. Она уже дочитывала «Копи царя Соломона», когда Алисон, босая, растрепанная и раскрасневшаяся со сна, вышла на крыльцо в цветастом платье Шарлот. Она устало вздохнула и опустилась на стоящие у крыльца качели, подложила под себя подушки и большим пальцем ноги оттолкнулась от земли. Качели медленно поплыли взад-вперед.

Харриет внимательно посмотрела на сестру, положила книгу на крыльцо и подошла к качелям.

— Ты что-нибудь видела во сне? — спросила она.

— Не помню.

— Очень хорошо; если не помнишь, — значит, видела.

Алисон ничего не сказала. Харриет про себя сосчитала до пятнадцати и вежливо повторила вопрос.

— Да нет же, ничего я не видела.

— Но ты только что сказала, что не помнишь.

— Да отстань ты от меня, хорошо?

— Эй! — негромко позвал тонкий голос со стороны дороги.

Алисон приподнялась на локтях. Харриет, досадуя на то, что ее допрос прервали, повернулась и увидела Лашарон Одум, грязную маленькую девочку, которую она утром встретила в библиотеке. В одной руке та сжимала ручонку еще более мелкого светлоголового создания неопределенного пола, одетого в замызганную рубашонку, едва доходящую ему до пупа, другой поддерживала малыша в подгузнике, который сидел на ее бедре. Они были похожи на маленьких голодных зверьков — любопытных, пугливых и диких. Их бледные глаза светились странным серебристым светом на грязных, темных от загара лицах.

— Ой, здравствуйте, — обрадованно протянула Алисон, вставая с качелей и осторожно приближаясь к странной группе. Несмотря на свою застенчивость, она любила детей — не важно, белых или черных, и чем младше, тем лучше. Иногда она подолгу разговаривала с грязными оборванцами и попрошайками, которые бродили по дороге, хотя Ида Рью строго-настрого запрещала ей это делать. «Вот найдешь у себя в голове вшей, так мигом разлюбишь этих милашек», — ворчала она.

Дети опасливо смотрели на Алисон, но не убегали. Алисон подошла поближе и погладила малыша по голове.

— Как его зовут? — спросила она.

Лашарон Одум не ответила. Она глядела не на Алисон, а на Харриет.

Несмотря на юный возраст, в ее лице было что-то старческое, а в глазах светились недобрые волчьи огоньки.

— Ты была в библиотеке, — сказала она.

Харриет молча встретила ее взгляд, но отвечать не собиралась. Она-то терпеть не могла всех этих оборвашек и была полностью согласна с Идой — пусть гуляют у себя во дворе.

— Меня зовут Алисон, — мурлыкала между тем Алисон. — А тебя?

Лашарон подкинула малыша повыше на бедро и ничего не сказала.

— Это твои братики, да? — обратилась к ней Алисон. — А как их зовут? — Алисон присела и взглянула в лицо ребенка, который волочил по земле большую книгу. Он держал ее за обложку так, что страницы подметали тротуар. — Ну, а ты скажешь мне, как тебя зовут?

— Давай, Рэнди, скажи, — толкнула его локтем сестра.

— Ах, так тебя зовут Рэнди?

— Скажи «да, мэм», Рэнди. — Лашарон опять подсадила малыша повыше. — Ну давай, скажи: «Я — Рэнди, а это Расти». — Лашарон говорила приторным, нарочито тоненьким «вежливым» голосом.

— Так их зовут Рэнди и Расти?

«Долго они еще будут здесь торчать?» — нетерпеливо подумала Харриет, отходя к качелям, пока Алисон выспрашивала у Лашарон чертову кучу несущественных подробностей о ее жизни.

— А это что? Книга? Ты дашь мне посмотреть? — Но мальчик по имени Рэнди только идиотически улыбнулся и в приступе застенчивости повернулся к ней спиной.

— Это моя книга, — сказала Лашарон. Ее голос звучал довольно звонко, несмотря на видимые проблемы с аденоидами.

— А о чем она?

— О быке Фердинанде.

— О, я помню эту книгу. Фердинанд любил нюхать цветочки и не любил драться, так?

— Леди, а ты кгасии-ивая, — сказал вдруг Рэнди. Он начал качать рукой так, чтобы страницы как можно сильнее мели асфальт.

— Разве можно так обращаться с книгой?

Тут Рэнди вообще бросил книгу на землю, отбежал на несколько шагов, чтобы сестра не смогла его догнать, и, виляя нижней частью тела, начал исполнять какой-то непристойный танец, глядя на Алисон.

— А что же *она* ничего не скажет? — спросила Лашарон, указывая на Харриет.

Алисон бросила на сестру удивленный взгляд.

— Ты ее мама?

«Вот идиотка!» — прошипела про себя Харриет, слушая объяснения запинающейся сестры. Она была избавлена от продолжения дурацкого спектакля появлением Иды Рью с тряпкой в руке. Ида бежала из кухни с весьма недвусмысленным видом, энергично хлопая руками и размахивая в воздухе тряпкой, как будто собиралась отгонять птиц,

клюющих ее рассаду.

— Кыш! Поди! — кричала она.

В одну секунду детей как ветром сдуло, а Ида, подбоченившись, встала на дороге, тряся им вслед кулаком.

— И чтобы больше не совались сюда, понятно? А то я быстро позвоню шерифу.

— Ида, ну что ты! — вскричала расстроенная Алисон.

— Что — Ида? Увижу их еще раз — ноги поотрываю. — Она обтерла руки о передник и вдруг увидела книгу, лежавшую на дороге, там, где дети уронили ее. Кряхтя, Ида подняла ее за корешок, как будто та была заразной, и, держа подальше от себя, брезгливо понесла к мусорному контейнеру.

— Ида, стой! — закричала Алисон. — Это ведь библиотечная книга!

— А мне плевать, — последовал мрачный ответ. — Она вся провоняла их помойкой. И вы не трогайте ее руками, понятно?

На крыльцо вышла Шарлот. Ее лицо припухло со сна, глаза смотрели рассеянно, но озабоченно.

— Что случилось? — спросила она.

— Мама, это были просто *маленькие дети.* Они ничего плохого не делали.

— Ах, боже мой, — сказала Шарлот, покрепче затягивая на талии ленты своего пеньюара. — Какая жалость. Я как раз хотела собрать мешочек ваших старых игрушек, чтобы отдать этим крошкам.

— Но, мама! — протестующее взвизгнула Харриет.

— Детка, ты ведь уже слишком большая, чтобы играть в игрушки, — безмятежно продолжала мать.

— Они мои, ты понимаешь? Мои!

Это были действительно *ее* игрушки, и балерина, и кукла Крисси, которые ей даже и не особенно нравились, но она все равно выпросила их у матери, поскольку у других девочек были такие куклы. Теперь Харриет не желала с ними расставаться, пусть она уже сто лет не играла в них. А ее самой любимой игрушкой была мышиная семья в париках и старинных французских костюмах, которую она увидела как-то в витрине магазина в Новом Орлеане и потом не могла ни спать ни есть, пока тетушки не скинулись и не подарили ей эту семейку. Она до сих пор помнила свое «мышиное» Рождество — как она была счастлива, увидев большую красную коробку, счастлива до изумления. Как она наглядеться не могла на своих мышей, прижимала их к груди, целовала, клала с собой спать, всегда носила в кармане. Ее мать не выбрасывает из дома ничего, даже старые газеты, но ей ничего не стоит разорить комнату Харриет. Она уже пыталась как-то выбросить мышек, и тогда Харриет стоило больших трудов вернуть их.

— Мама, ты что, не понимаешь? — вскричала Харриет. — Мне нужны мои игрушки!

— Дорогая, нельзя же думать только о себе.

— Они *мои!*

— Не могу поверить, что моей дочери жалко отдать маленьким детям часть старых игрушек, в которые она все равно не играет, — сказала Шарлот, моргая с недоуменным видом. — Ты же видела, как они были счастливы, когда мы отдали им игрушки Робина...

— Робин *мертв,* мама!

— Ежели вы штой-то тем оборванцам дадите, — мрачно сказала Ида Рью, — так они то изломают и бросят через пять минут, так и знайте.

Когда Ида Рью, с неодобрением топая ногами, ушла в дом, Алисой вытащила «Фердинанда» из мусорного контейнера. Начинало темнеть. Алисон села на крыльцо и попыталась оценить ущерб, нанесенный книге пребыванием в мусорной куче. Книга упала в опивки кофе, поэтому несколько страниц оказались заляпанными грязно-коричневыми пятнами. Алисон как могла отчистила их салфетками, затем вынула из кармана десятидолларовую купюру и заложила ею страницу. Она надеялась, что десяти долларов хватит, чтобы заплатить за книгу, когда миссис Фосетт увидит, в каком состоянии ее вернули назад.

Она села на ступеньки, уткнувшись подбородком в сложенные вместе ладони, и задумалась. Если бы Винни была жива, она бы сейчас мурлыкала рядышком, обвив свой пушистый хвост вокруг голой щиколотки хозяйки, устремив полузакрытые глаза в темную пустоту сада, видимую только ей одной, и ожидая полной темноты, чтобы выйти на охоту.

Ветер гнал по небу рваные облака, луна была на ущербе, листья на платане шуршали.

Алисон вдруг вспомнилось, как после смерти Робина с ней случилась странная вещь — она постоянно забиралась на ветки платана как можно выше и прыгала вниз. Каждый раз удар выбивал дыхание из ее груди, но она вставала, отряхивалась и опять лезла наверх. *Бах*. Снова и снова. В то время ей снился сон о том же самом, только во сне она не падала на землю. Откуда-то налетал теплый ветер, подхватывал ее и нежно возносил на облака, и она летела над кронами деревьев, над крышами домов, легкая, как ласточка, то складывая крылья и ныряя вниз, то опять взмывая в поднебесье. В то время она была мала и не могла отличить сон от яви, поэтому и наяву упорно пыталась взлететь, но в жизни теплый ветерок что-то не прилетал. Она до сих пор помнила, как стояла на ветке и смотрела на искаженное от ужаса лицо Иды Рью, бегущей к ней со всех ног. Как улыбнулась Иде и шагнула вниз. Удивительно, как это она шею себе тогда не сломала.

Алисон прислушалась и вздохнула — ночь была тихой, от цветов по саду разносился дурманящий аромат. А кто сказал, что она сейчас не спит? Как можно с уверенностью сказать, где сон, а где явь? Ведь во сне нам кажется, что мы не спим. Может быть, сейчас Алисон спит и видит

себя, босую, в мамином платье, сидящую на крыльце с запачканной книгой на коленях?

В последнее время Алисон стало казаться, что реальность и сны все теснее сплетаются друг с другом и даже что вещи начинают переходить из сна в реальность и наоборот. Например, она вдруг замечала, что розы в саду стали другого цвета или что бельевая веревка висит не там, где обычно, а там, где она висела, пока ее не сорвало во время урагана пять лет назад (или это было во сне?). Со старых семейных фотографий на нее вдруг начинали глядеть совершенно незнакомые люди, которых на них раньше не было — пугающие отражения в зеркале, мелькающие позади счастливых, привычных лиц ее домашних. Как невидимая рука, что машет из приоткрытого окна Времени.

«Да нет же, — убеждали ее мать и Ида Рью, — не глупи! Так всегда и было».

Как — так? И где была она сама? Может быть, ее и нет на земле, а она давно уже летает в том желтом небе, где на ветру бьется что-то белое, как подсохшая простыня?

Пембертон Халл возвращался домой из Загородного клуба на своем открытом «кадиллаке» шестьдесят второго года небесно-голубого цвета (радиатор тек, глушитель прогорел, найти запчасти в городе было практически невозможно, приходилось заказывать со склада в Техасе, но все равно он обожал свою машинку, свою лошадку, свою ласточку, единственную свою любовь). Он лихо завернул на Джордж-стрит, и его фары выхватили из темноты фигурку Алисон Дюфрен, одиноко сидевшую на крыльце. Вот удача!

Он припарковался рядом с их домом и вышел из машины. Потягиваясь, демонстративно разминая руки и хрустя шеей, он смущенно гадал, сколько ей лет. Пятнадцать? Семнадцать? В любом случае она — живая статуя на ножках, но он просто не мог пройти мимо этой неземной девушки с такими тонкими руками, на которых тихонько позвякивали браслеты, и с этими легкими волосами, падающими на ее глаза цвета молочного шоколада.

— Привет, — сказал он.

Она не ответила, не испугалась, только подняла на него огромные глаза, такие удивительно-сонные и мечтательные, что у него мурашки побежали по шее и плечам.

— Ждешь кого-нибудь?

— Не кого-нибудь. Просто жду.

«Ах ты, черт меня дери!» — восхищенно подумал Пем.

— Я еду кататься, — сказал он. — Хочешь поехать со мной?

Он ожидал, что она скажет «ох нет, я не могу» или «надо спросить у мамы», но вместо этого она откинула со лба свои медные волосы так, что браслеты на запястьях задрожали, и сказала (на несколько секунд позже, чем он ожидал):

— Почему?

Ее голос был глуховатым, сдержанным, чуть сонным.

— Что — почему?

Она передернула плечами. Пем был сильно заинтригован. Она была такой... потусторонней, что ли, она и ходила как-то странно, и волосы у нее были необычного медного цвета, и одевалась не как все (возьмите, к примеру, ее нынешний наряд — бабушкино платье, босиком)...

Ее туманный, легкий, подернутый дымкой образ необъяснимо бередил его неудержимое воображение. Романтические картины (берег реки, заднее сиденье машины, негромкая музыка) невольно начали формироваться у него в голове.

— Что ж, поехали? — сказал он и протянул ей руку. — Привезу тебя назад к десяти часам.

Харриет, лежа на кровати, едва откусила огромный кусок шоколадного кекса, как под окном взревел мотор автомобиля. Жуя на ходу, она подбежала к окну в ту секунду, когда машина Пембертона скрылась за углом, и успела рассмотреть только развевающиеся в воздухе волосы сестры, сидящей на переднем сиденье рядом с водителем.

Харриет от изумления чуть не выпала в окно и так и застыла на подоконнике, просунув голову между желтых штор и растерянно моргая. Алисон в жизни не ходила дальше, чем в гости к тетушкам, — что ей делать в машине Пема? Прошло десять минут, потом пятнадцать, и Харриет начала испытывать что-то вроде ревнивой зависти. Что они делают в его машине? О чем Пем может разговаривать с ее сестрой? Неужели она хоть чем-то может его заинтересовать?

Пока Харриет, застыв у окна, предавалась созерцанию ярко освещенного крыльца (книга про быка Фердинанда так и осталась лежать на месте), по кустам азалий, что росли около дороги, прошла рябь, из них выскользнула тень и шмыгнула прямо на их лужайку. Харриет прищурилась — это была Лашарон Одум.

Харриет даже в голову не пришло, что девочка вернулась, чтобы забрать свою книгу. В понурых плечах Лашарон, в ее тонких птичьих ногах было что-то настолько противное, что Харриет взяла да швырнула в нее кекс — точнее, то, что от него осталось.

Лашарон испуганно вскрикнула. В кустах позади нее послышался шорох, она повернулась и бросилась назад. Через несколько секунд Харриет увидела уже две тени, легко несущиеся по залитой лунным светом дороге. Вторая тень была намного меньше первой и на бегу слегка подпрыгивала.

Харриет еще дальше высунулась в окно, чтобы проследить, не вернутся ли Одумы снова, но ночь была абсолютно тиха. На небе ни облачка, ни листочек не шевельнется, ни кошка не мяукнет, даже «музыка ветра» на крыльце миссис Фонтейн совсем затихла.

Раздраженная этой тишиной, Харриет спрыгнула с подоконника и достала из-под кровати свой блокнот. Она полностью погрузилась в записи и какое-то время сосредоточенно писала, пока шум подъехавшей машины снова не отвлек ее.

На этот раз Харриет встала около окна и украдкой отодвинула занавеску. Алисон стояла около машины и рассеянно теребила браслеты. Она что-то тихо сказала Пему, на что он громко расхохотался:

— Милая, не верь всему, что говорят!

«Милая»? С каких это пор? Волосы Пема в свете фонаря казались совсем желтыми, как у Золушки, и закрывали ему почти все лицо, так что и сам он слегка походил на девушку. Харриет осторожно отодвинулась от окна, увидев, как сестра обходит машину и направляется к парадному крыльцу. В огненном свете задних фар ее голые коленки казались багровыми.

Хлопнула входная дверь. Машина Пема, взревев, исчезла за поворотом, а Алисон медленно поднялась по лестнице и задумчиво вошла в спальню. Не обращая внимания на Харриет, она подошла к зеркалу и долго внимательно изучала свое отражение. Потом вздохнула, села на свою половину кровати и стала аккуратно отряхивать мелкие камешки, приставшие к розовым ступням.

— Где ты была? — спросила Харриет.

Алисон, снимавшая через голову платье, отделалась неопределенным смешком.

— Я видела, как ты уехала в машине Пембертона. Где ты была?

— Не знаю.

— Ты даже не знаешь, куда ездила?

Алисон не слушала ее — продолжая бросать удивленные взгляды на себя в зеркало, она выудила из-под покрывала белые пижамные штаны и надела их.

— Ну хорошо, ты хоть приятно время провела?

Алисон, старательно отводя глаза от сестры, застегнула верх пижамы на все пуговицы и стала расставлять на ночь свои игрушки. Критически их осмотрев, она нырнула под одеяло и со вздохом удовлетворения накрылась им с головой.

— Алисон!

— Что? — послышался приглушенный ответ.

— Ты помнишь, о чем мы с тобой говорили?

— Нет.

— *Да,* ты помнишь. О том, чтобы записывать сны?

Ответа не последовало, и Харриет энергично потрясла сестру за то место, где, как она предполагала, у нее должно было быть плечо.

— Господи, ну что еще тебе нужно?

— Видишь, я положила лист бумаги рядом с кроватью. Вот, посмотри. *Посмотри,* я сказала.

Алисон высунула голову из-под одеяла и увидела, что рядом с ней

лежит листок бумаги, на котором четким почерком Харриет было выведено:

Сны. Алисон Дюфрен. 12 июня.

— Спасибо, Харриет, — пробормотала Алисон и отвернулась к стене.

Харриет с некоторой жалостью взглянула на неподвижное тело сестры и вытащила из-под кровати свои записи. С недавних пор она решила заносить туда все, что днем вычитала в местных газетах относительно смерти Робина. Оказалось, что она практически ничего не знала об убийстве брата: как было найдено тело, как Эдди пыталась делать мальчику искусственное дыхание, пока не приехала «скорая помощь», как ее мать потеряла сознание и ее пришлось госпитализировать, как местный шериф комментировал провал полицейского расследования («никаких улик не обнаружено», «все усилия тщетны»). Потом она записала все, что рассказал ей Пем. Постепенно в голове у Харриет начала складываться пока еще расплывчатая картинка, а в ее памяти всплывали мелкие, несущественные на первый взгляд детали: Робин умер всего за несколько недель до начала школьных каникул, в тот день шел дождь, а в то лето в окрестности случилось множество мелких краж — это может иметь отношение к делу? Тело Робина лежало в саду, поэтому первый, кто остановился там, привлеченный криками и плачем, был старый доктор Адлер — он как раз возвращался с вечерней службы. А ее отец тогда отдыхал в охотничьем лагере, пришлось пастору садиться в машину и гнать туда, чтобы привезти его домой.

«Ладно, даже если я не поймаю убийцу, я хоть пойму, как все произошло», — подумала Харриет.

У нее также было имя первого подозреваемого. Она записала имя, а по спине ее вдруг прошел озноб. Как просто забыть важные детали. Как важно записывать все до последнего слова! Вдруг ей пришло в голову, что она даже не знает, где живет Дэнни Ратклифф. Харриет тихонько спустилась в холл и села на пол, положив на колени «Желтые страницы». Ага, вот он — странный адрес, *Дг 260,* и телефон. Харриет, закусив губу, набрала указанный номер и чуть не выронила от испуга трубку, когда на другом конце провода голос заорал прямо ей в ухо: «Алёу!» Дрожа, двумя руками она осторожно положила трубку на рычаг.

— Я видел, как мой брат пытался поцеловать твою сестру, — сказал Хилли. Харриет сидела на ступеньках заднего крыльца дома Эдди. Она только что позавтракала и теперь размышляла о своих планах на день.

— И где ты это видел?

— Около речки. Я там рыбу удил.

Хилли вечно возился на берегу речки со своими жалкими червяками и удочками, которые он мастерил из ивовых веток.

Желающих ходить с ним не нашлось, и никому не нужны были уклейки, которых он вылавливал из реки, поэтому всех рыб Хилли отпускал обратно. Зато он обожал сидеть с удочкой на белом песочке темным вечером и думать о Харриет — или лучше о том, как они с Харриет построят себе домик и будут жить у реки как взрослые. По вечерам они будут жечь костры, ходить босые, с грязными ногами, ловить лягушек и маленьких водяных черепашек, спать на соломе, а глаза Харриет будут яростно светиться в темноте, как глаза дикой кошки. Он даже содрогнулся от удовольствия.

— Ты чего не пришла вчера? — спросил он. — Я видел сову.

— А что делала Алисон? — недоверчиво спросила Харриет.

— Что делала? — Хилли захихикал. — Да уж *не рыбу удила*.

В общем, я услышал машину Пема, когда он забирался на берег, ну, знаешь, у него всегда мотор барахлит. — Хилли искусно сымитировал звук барахлящего двигателя: «Хр-хррр-хррр». — Ну, я подумал, что он за мной приехал, стал собираться, но ему *было не до меня*. — Хилли опять издал смешок, который ему самому показался очень взрослым.

— А что в этом смешного?

— Ну, — протянул Хилли, опять усмехнувшись, — Алисон сидела на своем месте, а Пем перегнулся вот так, — Хилли нагнулся к Харриет, чтобы продемонстрировать, — да как начнет ее целовать! — Хилли смачно поцеловал воздух около лица Харриет.

Та с яростью оттолкнула его.

— И что, Алисон тоже целовала твоего придурка брата?

— По-моему, ей было плевать, целует он ее или нет. Я к ним очень близко подобрался, хотел кинуть в них лягушкой, но Пем меня убил бы.

Он вытащил из кармана орешек арахиса и протянул Харриет.

— Не хочу.

— Возьми, он не отравлен.

— Я не люблю орехи.

— Ну и ладно. Мне же больше достанется. Хар, пойдем со мной сегодня на рыбалку.

— Нет, спасибо.

— Я нашел чудесное местечко — маленький пляж, спрятанный в тростниках. Тростники — вот такие высокие, нас там никто не найдет. Тебе понравится. Песок белый, как во Флориде.

— Я же сказала *нет* ! — Харриет вскочила. Ее отец всегда говорил «я уверен, тебе понравится», а потом дарил ей какую-нибудь гадость вроде книги идиотских кулинарных рецептов или билетов на футбол.

Хилли отступил на шаг назад.

— Ты что? — спросил он обиженно. Его ужасно огорчало то, что она никогда не интересовалась тем же, что и он. А как здорово было бы пройти вместе с ней по тропинке в густых зарослях тростника, держаться за руки, курить сигареты, как взрослые, и чтобы коленки были в синяках, а ноги грязные от ила. И чтобы мелкая белая пена играла на

воде, а с неба сыпался теплый дождик.

Тетушка Аделаида, в отличие от своих сестер, обожала наводить порядок в своем доме, — правда, она никогда в этом не признавалась. У Либби и Тэт все комнаты были завалены и заставлены книгами, безделушками, выкройками, саженцами и объеденными кошкой цветами в горшках. Но тетя Аделаида из принципа не заводила кошек и не держала комнатных растений. Она всей душой ненавидела то, что называла «хаос в доме». Аделаида, к негодованию сестер, утверждала, что не имеет средств завести домработницу, хотя все отлично знали, что она получает аж три пособия за каждого из трех своих покойных мужей. В действительности же дело было совсем не в деньгах, просто Адди чувствовала себя счастливее всего, когда стирала занавески или гладила наволочки. Каждое утро она встречала с пылесосом и аэрозольным баллоном средства для полировки мебели.

Обычно, когда Харриет забегала к Аделаиде, тетушка хлопотала по дому, но сегодня она сидела на диване в гостиной, изящно сложив ноги в нейлоновых чулочках и наклонив набок головку в пепельно-серых букольках. Она всегда была самой хорошенькой из сестер, и даже сейчас, в шестьдесят пять, на ее лице часто появлялось чуть кокетливое, чуть капризное выражение избалованной вниманием мужчин девушки. Харриет была уверена, что, если бы рядом с тетушкой появился достойный мужчина (какой-нибудь пусть лысый, но еще крепкий нефтяной магнат или владелец фермы по разведению лошадей), Аделаида вполне могла бы рассмотреть вопрос о четвертом замужестве.

Сейчас Адди разглядывала страничку светской хроники глянцевого журнала «Город и пригород», который ей только что принес почтальон. Она уже дошла до раздела «Свадьбы».

— Как ты думаешь, кто из этих двоих богатенький? — спросила она Харриет, показывая ей фотографию темноволосого мужчины с измученными глазами, стоящего рядом с блондинкой в странном платье с кринолином, в котором она была похожа на маленького динозавра.

— Кажется, жениха сейчас стошнит, — заметила Харриет.

— Не понимаю я, что такого они нашли в блондинках — все только и говорят о том, что мужчины больше любят блондинок. Уж я-то навидалась их на своем веку — настоящие блондинки все такие бесцветные, и лица у них кроличьи, если только не наложат тонну макияжа. Вот, посмотри хотя бы на эту девочку. Бедняжка! У нее лицо как у овцы.

— Я хотела спросить тебя о Робине, — начала Харриет, решив идти напрямик.

— Что ты говоришь, крошечка моя? — рассеянно спросила Аделаида, разглядывая фотографию благотворительного бала. Элегантный молодой человек в черном смокинге с чистым, честным, неиспорченным лицом откинул голову назад, обнажив в широкой

улыбке белоснежные зубы. Правой рукой он обнимал за плечи миниатюрную брюнетку в кукольно-розовом платье и таких же перчатках до локтя.

— Я говорю о *Робине,* Адди.

— Ах, деточка моя дорогая,— вздохнула тетушка Аделаида, поднимая глаза от фотографии молодого красавца.— Если бы Робин был с нами, девушки пачками валились бы к его ногам. Он был такой... *живой,* такой веселый. Бывало, он даже, хохоча, падал на спину, до того сильно смеялся. А то подбирался ко мне сзади, обхватывал своими маленькими ручками за шею и дышал мне в ушко. Он был просто чудо, а не ребенок. Знаешь, как тот попугайчик, что Эдди мне когда-то подарила...

Аделаида снова взглянула на улыбающегося янки. Подпись под фотографией гласила: «выпускник колледжа Ридли Виллард». И Робин, будь он жив, ходил бы в колледж. Ее вдруг возмутила жестокость судьбы. Как смеет этот неизвестный ей Ридли Виллард смеяться и флиртовать с девушками, в то время как их обожаемый мальчик лежит в земле? Аделаида перенесла много утрат — похоронила трех супругов (один погиб от случайной пули во время Второй мировой войны, следующий по счету сломал себе шею, упав с лошади на охоте, третий умер от разрыва сердца). Ее первенцы, мальчики-близнецы, родились мертвыми, и девочка, которую она родила во втором браке, умерла в возрасте восемнадцати месяцев от отравления дымом, когда дымоход в ее тогдашней квартире засорился и посреди ночи начался пожар. Все эти удары судьбы — тяжелые, жестокие, несправедливые, она пережила с достоинством, и со временем раны затянулись, швы зарубцевались. Но только не Робин: его смерть мучила ее до сих пор; казалось, что со временем эта язва увеличивается, болит и саднит.

Харриет терпеливо наблюдала, как меняется выражение тетиного лица, опускаются уголки губ и около них появляется привычная горькая складка. Она деликатно откашлялась.

— Видишь ли, тетушка, я поэтому к тебе и зашла, чтобы спросить... — начала она.

— Мне всегда хотелось знать, какие у него будут волосы,— мечтательно пробормотала Аделаида, держа журнал в вытянутых руках и пристально вглядываясь в фотографии.— Наверное, они бы потемнели. Да, я определенно так думаю. Ведь он был настоящий «рыжик», не золотистый, не каштановый, а знаешь, такой яркий цвет, как солнышко. — Как это страшно, как трагично, думала она. Бедный мальчик никогда не сможет выпить вина, он никогда не узнает женщину. С теплотой она вспомнила о своих трех горячих мужьях и опять тяжело вздохнула.

— Тетя, я хотела тебя спросить, не знаешь ли ты, кто мог...

— Он бы вырос настоящим красавцем, наш Робин, а на первом балу был бы самым желанным кавалером, все эти Сюзи, Чичи и Сандры

висли бы у него на шее. Конечно, все эти балы — большая глупость, невесту надо выбирать совсем в другом месте...

Тук-тук-тук: за стеклянной дверью гостиной возникла тень.

— Адди?

— Кто там? — крикнула Аделаида. — Это ты, Эдит?

— Дорогая! — воскликнула тетушка Тэт, вбегая в гостиную и бросаясь к дивану, на котором сидела Адди. Нетерпеливым жестом она швырнула свою сумочку на кресло, чуть не попав в Харриет. — Ты не представляешь, *что* случилось! Этот мальчишка Рой Дайл из Центра «Шевроле» *запросил по шестьдесят долларов с каждой дамы,* которая записалась на экскурсию. Ты можешь себе такое представить? За свой никуда не годный старый автобус!

— Сколько? *Шестьдесят долларов?* — взвизгнула Аделаида. — Но ведь он сказал, что дает нам автобус бесплатно.

— Он и сейчас так говорит. Эти деньги, говорит он, пойдут на *бензин*.

— Этого хватит, чтобы до Китая доехать и вернуться.

— В общем, Южини Монмут будет жаловаться пастору.

Аделаида закатила глаза.

— Мне кажется, *Эдит* должна позвонить.

— Она и позвонит, когда узнает про эту выходку. А ты слышала, что сказала Эмма Карадин? «Он просто хочет на нас заработать».

— Да это ясно как божий день. Ему должно быть стыдно! Он ведь такой религиозный, даже в воскресной школе преподает. Чему же он может научить детей? Алчности? Да мне даже в уме не сосчитать, сколько он получит денег со всех нас. Харриет, детка, подай-ка мне листок бумаги. Сколько дам уже записалось?

— Двадцать пять, но теперь я не знаю, все ли поедут. Харриет, дорогая, я тебя не заметила, здравствуй, крошка! — Тетушка Тэт наклонилась и поцеловала ее в лоб. — Бабушка тебе сказала? Мы все собираемся на экскурсию. «Исторические сады штата Каролина». Так интересно!

— Ну, не знаю, что-то мне совсем не хочется платить шестьдесят долларов *Рою Дайлу*.

— Да уж, этого молодого сопляка надо поставить на место. Да, *сопляка,* я сказала, и не надо так на меня смотреть! Он уже купил себе неприлично огромный дом на Саут-Роуд, а теперь и яхту собирается покупать...

— Я просто хотела задать вам вопрос! — в отчаянии сказала Харриет. — О том, как умер Робин.

Адди и Тэт внезапно замолчали и повернулись к Харриет. В одну секунду их лица приобрели одинаковое выражение отчужденной замкнутости, которая несколько напугала Харриет, но она не сдалась.

— Вы же все были в доме в то время, — продолжала она дрожащим голосом. — Неужели вы ничего не слышали?

Старушки обменялись взглядами,— казалось, они пришли к одинаковому выводу, потому что, не сговариваясь, вздохнули и опустились на диван.

— Никто ничего не слышал, — сказала Тэт, сверля Харриет неодо- | брительным взглядом.— И знаешь, что я думаю? Это не слишком хорошая тема для разговора, ты меня поняла?

— Но ведь я...

— Надеюсь, ты не задавала подобных вопросов маме и бабушке?

— Нет, я...

— Надеюсь, что в будущем ты не будешь задавать их и здесь,— сказала Аделаида сдавленным голосом.— И кстати,— продолжала она натянуто и холодно,— мне кажется, тебе давно пора домой. Беги, Харриет, беги, у нас много дел.

Хилли сидел на берегу реки, щурясь от ослепительно-яркого солнца. Его бело-красный поплавок дрожал на мерцающей ряби грязноватой воды. Он выпустил из банки своих гусениц, но эти дуры даже не поняли, что они на свободе,— перепутанный комок противно шевелился на песке. Хилли смотрел на воду невидящими глазами.

В классе было полно девчонок красивее Харриет и уж точно добрее ее. Но никого, кто сравнился бы с ней по уму и дерзости. Она могла подделать почерк учителя и написать совершенно *взрослые* записки якобы от лица родителей, могла сделать бомбочку с помощью уксуса и соды, легко имитировала чужие голоса. Во втором классе она заставила одного мальчика съесть столовую ложку жгучего перца, а две года назад пустила в школе слух, будто их столовая на самом деле является воротами в ад, что привело к настоящей панике среди малышей. Если выключить свет, говорила она, лик Сатаны появится на стене около потолка. Группа девочек спустилась в столовую после уроков, чтобы проверить ее слова: они, хихикая, выключили свет, а потом их крики разнеслись не только по школе, но и по всей улице. После этого случая шум поднялся страшный, дети из младших классов отказывались ходить в столовую и совсем перестали есть. В конце концов миссис Милли собрала группу детей и повела их вниз, чтобы доказать, что бояться им совершенно нечего. Они спустились по бетонной лестнице в пустое помещение столовой, и мисс Милли повернула выключатель.

— Ну что, дети?— спросила она.— Видите, как глупо вы себя ведете?

И вдруг где-то сзади прозвучал голос, тонкий, слабый, но почему-то более авторитетный, чем голос учительницы:

— Он здесь. Я вижу его.

— Ай! Ай! — закричал какой-то маленький мальчик. — Вот он! Вот он!

Сначала дети ахнули, потом заголосили. На стене, в самом верхнем левом углу, начало проступать светящееся зеленоватое пятно.

Приглядевшись к нему, можно было увидеть два злобно прищуренных раскосых глаза и завязанный тряпкой рот. Даже миссис Милли попятилась, а дети бросились прочь из столовой, толкаясь и крича от страха.

Да, это был скандал так скандал! Хилли усмехнулся. Он-то знал, что никакой «лик» на самом деле на стене не проступал, — все это было делом рук Харриет, плодом ее безжалостного ума. Она не прощала обид и всегда мстила жестоко и немилосердно. Как-то она целый день ждала подходящего момента, чтобы уколоть булавкой толстого Фэя за то, что он назвал ее сукой. Тогда первый раз за всю историю школы наказали девочку. Три удара тростью по спине. Харриет даже не вскрикнула, а потом, когда они шли домой, холодно сказала, что ей было на это наплевать.

Как заставить такую крутую девчонку полюбить его, Хилли? Хотел бы он знать какой-нибудь секрет, что-нибудь, что могло бы ее поразить. Или лучше, чтобы он спас ее из горящего дома или прыгнул в воду, если бы она тонула в реке. К сожалению, Харриет плавала как рыба.

Утром он приехал на велосипеде на дальний ручей, у которого даже названия не было. Немного в стороне группа черных мальчишек чуть старше его тоже сидела с удочками, а с другой стороны по берегу бродили несколько пожилых негров в подвернутых до колен брюках цвета хаки. Один из них подошел к Хилли.

— Добрый день, — сказал он.

— Привет, — с опаской ответил Хилли.

— А почему вы выбросили этих прекрасных гусениц? — спросил негр.

Хилли не знал, что сказать, и почесал в затылке.

— А я пролил на них бензин, — наконец выпалил он.

— Ну, это не страшно, давайте бросим их в реку, — сказал негр. — Пусть будут как приманка для нашей рыбы.

— Да ладно, пусть лежат.

— Знаете, рыба их все равно съест, так пусть лучше сейчас, пока мы здесь. Давайте вот их тут побросаем, на мелководье.

— Пожалуйста, забирайте их всех, если хотите, они мне не нужны.

Негр сухо усмехнулся, потом зачерпнул ведром воды и смыл гусениц в ручей. Хилли вжался в берег и крепче схватил руками удочку. Он достал несколько орешков из пакета и забросил их в рот. Так, на чем он остановился?

Как же заставить ее влюбиться? Может, подарить ей что-нибудь? Хорошая мысль, но он не представлял себе, что ей может понравиться, и денег у него тоже не было. Хорошо бы он был гением, построил бы ракету или сконструировал робота. Или научился гнуться во все стороны, как гимнаст в цирке.

Хилли зевнул и сонно уставился на воду. Прошлым летом Пем показал ему, как переключать передачи в «кадиллаке». Он представил

себе их с Харриет в машине, летящих по шоссе со скоростью ветра. Ну да, ему только одиннадцать, но в Миссисипи можно получить водительские права в пятнадцать лет, а в Луизиане в тринадцать. Решено, они поедут в Луизиану.

Они могут взять с собой еду — огурцы, помидоры, бутерброды с колбасой. Он мог бы стащить виски у мамы из бара или, на худой конец, бутылку «доктора Тиченора» — это антисептик, на вкус ужасный, но зато в нем сто сорок градусов, во как! Они бы поехали в Мемфис, и он повел бы ее в музей, туда, где динозавры, — она ведь обожает всякие науки, ей бы понравились все эти скелеты и высохшие головы. А потом они бы поехали в отель «Пибоди», туда, где живые утки ходят по залу. И они бы пошли в номер с огромной кроватью и до утра смотрели бы телевизор, и никто бы им слова не сказал. А может быть, они залезли бы вместе в ванну. Совсем голые. Уши у Хилли запылали. Когда человеку можно жениться? Если бы он смог убедить какого-нибудь пастора, что ему пятнадцать, они могли бы обвенчаться. Он представил себе, как они стоят в церкви, — Харриет в своих любимых клетчатых шортах, а он в старой футболке Пема, и он держит ее маленькую горячую руку в своей руке. «А теперь можете поцеловать невесту». После свадьбы можно было бы выпить лимонада и сесть в машину и всю жизнь разъезжать по дорогам. Вдвоем. Папа с мамой с ума бы сошли от беспокойства. Вот было бы классно!

Из задумчивости его вывел резкий хлопок, потом всплеск воды и какой-то странный, сумасшедший смешок. На противоположном берегу вдруг поднялся переполох — старая негритянка, дремавшая над своей удочкой, выронила ее из рук, тяжело осела на песок и закрыла голову руками. Вода маленькими фонтанчиками плескала ей в лицо.

Еще раз. И еще раз. Безумный смех (если честно, слушать его было довольно страшно) раздавался с шаткого деревянного мостика, перекинутого через ручей. Не понимая, что происходит, Хилли поднял руку к глазам, защищая их от солнца, и разглядел силуэты двух мужчин, стоящих на мосту. Один из них — высокий и грузный — просто стоял, опустив руки и слегка покачиваясь. Второй, поменьше, в ковбойской шляпе и с длинными волосами, обеими руками держал блестящий серебристый револьвер и целился в середину реки. Еще один выстрел — и старый негр в испуге вскочил на ноги: пуля отстрелила его поплавок. На мосту большой чувак откинул голову назад и издал неприятный рыкающий звук, — наверное, тоже смеялся, решил Хилли.

Черные дети подхватили свои удочки и полезли по обрыву наверх к кустам ежевики — негритянка ковыляла следом, протянув вперед руки, кашляя и хрипло бормоча: «Подождите баушку, малыши».

Хлопки выстрелов и звон летящих пуль наполнили воздух. Пули врезались в песок, выбрасывая вверх маленькие фонтанчики. Похоже, эти сумасшедшие теперь стреляли куда придется.

Хилли наконец вышел из ступора, бросил удочку и тоже помчался

что есть мочи к кустам ежевики. Добежав, он нырнул прямо в колючие заросли, как будто они могли его защитить от пули. За его спиной выстрелы продолжались, и мгновенно в его голове промелькнул вопрос: они что, не видели, что он белый?

Харриет лежала на кровати, делая записи в своем блокноте, когда из раскрытого окна до нее донесся вопль Алисон:

— Харриет! Скорее! Скорее! Иди сюда!

Харриет вскочила как ошпаренная и стремглав бросилась вниз по лестнице — она не помнила, когда ее сестра последний раз кричала. Недолго думая она вылетела за дверь, но сразу же запрыгала на одной ноге — бетонное крыльцо так раскалилось на солнце, что босой ногой на него было не ступить.

Алисон стояла на дорожке и плакала, волосы ее разлетелись по ветру.

— Харриет! Ну быстрей же!

— Да подожди ты! Мне надо найти сандалии.

— Кто это так вопит? — донесся из кухни голос Иды Рью. — Что за шалости вы там затеяли, а?

Харриет бросилась вверх по лестнице, прыгая через три ступеньки, схватила старые шлепанцы и скатилась обратно вниз.

Всхлипывающая Алисон схватила ее за руку и сжала так крепко, что Харриет вскрикнула от боли.

— Ну *давай же, торопись* Идем со мной!

Девочки выбежали на улицу, и только здесь Харриет поняла, что повергло ее сестру в такой ужас: прямо посреди дороги бился черный дрозд, попавший в лужу расплавившейся на жаре смолы. Одно крыло было почти полностью обездвижено, вторым птица отчаянно хлопала и скребла по асфальту. Харриет в ужасе уставилась на дрозда — он так широко раскрыл клюв в хрипящем крике, что ей было видно его горло и даже синеватое основание маленького языка.

— Ну сделай же что-нибудь! — вскричала Алисон.

Харриет растерялась. Она попыталась подойти ближе, но в испуге отскочила, когда птица замахала на нее свободным крылом и начала истошно хрипеть.

На своем крыльце показалась миссис Фонтейн. Подслеповато сощурив глаза, она старалась рассмотреть, что происходит на улице.

— Оставь в покое эту гадость! — крикнула она Харриет. — Ты что, не видишь, какая она грязная?

Сердце Харриет билось где-то в горле, но отступать она не привыкла. Она осторожно подошла к птице и присела перед ней на корточки.

— Ты сможешь ее освободить? — всхлипнула Алисон.

— Не знаю. — Харриет поднялась и уставилась на птицу в смущении, пытаясь сообразить, как ей лучше поступить. Зайти сзади? Может быть,

птица ее не заметит и решит, что она ушла? Однако дрозд не переставал биться. Изломанные перья отлетали от завязшего в смоле крыла, и Харриет с тошнотой в горле увидела, что все крыло покрыто блестящими алыми кольцами, похожими на выдавленную из тюбика красную зубную пасту.

Дрожа от страха и возбуждения, она опять опустилась на асфальт, не обращая внимания на то, что его раскаленная поверхность жгла ее колени.

— Ну же, перестань... — шептала она успокаивающе, протягивая к дрозду обе руки, но тот был напуган до смерти и рвался на свободу из последних сил. Черный глаз, обращенный на Харриет, безумно вращался, из горла по-прежнему вылетали хриплые крики. Харриет поддела птицу обеими руками снизу, закрыла глаза и, отвернув лицо, чтобы уберечься от ударов свободного крыла, с силой оторвала ее от асфальта. Птица издала неистовый, мучительный крик, и Харриет, открыв глаза, в ужасе увидела, что ее крыло осталось в лужице смолы. Оно казалось неестественно большим, а на конце виднелась синеватая кость.

— Ааах, — выдохнула Алисон и отвернулась, зажав рот.

Харриет беспомощно остановилась, не зная, что ей делать дальше. В том месте, где крыло прикреплялось раньше к плечу птицы, осталась только дыра, из которой била ярко-красная кровь.

— Да брось же ты эту гадость! — визгливо приказала миссис Фонтейн. — Ты что, хочешь столбняк подхватить? Хочешь сорок уколов в живот?

— Харриет, надо отнести ее Эдди, — прошептала Алисон, которую только что вырвало в канаву. Она храбрилась, но смотреть в сторону Харриет не могла. — Бежим скорее, она ведь умирает!

Харриет не шевелилась, ее заворожило зрелище приближающейся смерти. Птица еще раз дернулась всем телом и обмякла в ее залитых кровью ладонях. Маленькая блестящая птичья головка поникла и, хотя отливающие зеленью черные перья все так же сияли на солнце, выражение ужаса и боли исчезло из птичьих глаз — теперь в них застыл немой вопрос, извечный вопрос «почему?», который все живое задает перед лицом смерти.

— Ну, давай же, Харриет! — торопила ее сестра. — Бежим скорее. Она же умирает!

— Она уже умерла, — услышала Харриет собственный глухой голос.

— Эй, а ты куда мчишься, что это с тобой приключилось? — крикнула из кухни Ида Рью в сторону Хилли, который без звука пронесся мимо нее на кухню, а потом, не останавливаясь, запрыгнул как заяц на второй этаж.

Хилли ворвался в спальню Харриет, не постучав. Она лежала на кровати, закинув руку за голову, и его пульс, и так зашкаливающий от

бега, еще больше участился от вида ее белой подмышки и грязных босых ступней. Было три часа дня, но Харриет была в пижаме, ее шорты и рубашка лежали кучей на полу — они были измазаны чем-то черно-красным и липким на вид.

Хилли отбросил их с дороги ногой и шлепнулся на кровать у ног Харриет.

— Слушай! — крикнул он. От волнения ему было трудно говорить. — В меня стреляли! Понимаешь? Кто-то стрелял в меня!

— В тебя? — Пружины кровати сонно скрипнули, — Харриет приподнялась на локте и посмотрела на Хилли. — Из чего?

— Из револьвера. Они почти попали в меня, но я убежал. Понимаешь, я сидел на берегу и вдруг слышу — бах-бабах, всплеск, вода кругом... — Он взмахнул руками, показывая ей, как разлеталась вокруг вода.

— Как это могло случиться, не понимаю.

— Я *не шучу,* Харриет, пуля пролетела прямо рядом с головой, пока я мчался к кустам. Вот, смотри, что у меня с ногами! Я...

Он замолчал и с отчаянием посмотрел на предмет своего обожания. А она, приподнявшись на локтях, смотрела на него, но в ее глазах не было ни сочувствия, ни даже особого интереса. Слишком поздно Хилли осознал свою ошибку: надо было пытаться вызвать ее восхищение, поскольку на жалость можно было не рассчитывать.

Он вскочил с постели и прошелся по комнате.

— Я бросил в них камень, — сказал он. — И еще я кричал на них. В общем, потом они убежали.

— Ну и кто это был? — насмешливо спросила Харриет. — Детсадовские хулиганы?

— Нет, — обиженно проворчал Хилли после короткой паузы (ну как он может заставить ее понять какой опасности он только что подвергся?). — Они стреляли из настоящего револьвера. Настоящими пулями, понимаешь? Негры разбегались в стороны, как тараканы... — Он опять замахал руками, не в силах описать словами страшную картину: палящее солнце, черные силуэты на мосту, этот безумный смех, собственную панику...

— Ну почему ты не пошла со мной! — почти простонал он. — Я ведь умолял тебя...

— Если стреляли из настоящего револьвера, довольно глупо было кидаться в них камнями.

— *Нет!* Это было не так...

— Но ты только что сам это сказал.

Хилли набрал полную грудь воздуха, но вдруг почувствовал, как вместе с адреналином уходит из тела энергия. Он опять плюхнулся на кровать и понурил голову. Пружины протестующе заскрипели.

— Ты что, даже не хочешь знать, кто это был? — спросил он тупо. — Это было так странно, Харриет. Так... ужасно... странно...

— Ну конечно хочу. — Однако Харриет не выглядела слишком заинтересованной. — Что они там делали, эти злодеи?

— Просто стояли на мосту и стреляли — сначала по поплавкам, а потом вообще вокруг, по людям. И смеялись как помешанные. Может, это и были помешанные?

Он замолчал, увидев, что Харриет поднимается. Только сейчас он по-настоящему разглядел, как она выглядит, и насторожился:

— Эй, а что с тобой? Что это за черные пятна? Что ты наделала? — спросил он сочувственно.

— Я по ошибке оторвала птице крыло.

_ Фуууу, какая гадость! Не может быть! Как так — по ошибке? — на минуту Хилли забыл о своих неприятностях.

— Она завязла в луже смолы. Все равно она бы умерла или кошка бы ее съела.

— Ты что, оторвала крыло *у живой* птицы?

— Я пыталась ее спасти.

— А что ты будешь делать со своей одеждой?

Харриет с удивлением взглянула на него — было ясно, что об этом она не думала.

— Смолу не отстираешь так просто. Вообще не отстираешь. Ида тебе задницу надерет за это.

— А мне плевать.

— Не будет плевать, когда достанут ремень. Смотри, ты тут все перепачкала. И ковер тоже.

Несколько секунд оба молчали, пока Хилли осматривал ковер.

— Слушай, — сказал он наконец, — у моей мамы есть книга про то, как отстирывать всякие пятна. Я однажды забыл на стуле шоколад, а он растаял.

— И что, по книге ты его отчистил?

— Ну не совсем, конечно, но, по крайней мере, она тогда не заметила. Знаешь что? Давай сюда твою одежду. Я возьму ее к себе домой — может, отчищу.

— Не думаю, что в твоей книге написано про смолу.

_ Ну, тогда я выброшу ее, — сказал Хилли, удовлетворенный тем, что ему удалось привлечь к себе внимание Харриет. — А то со своим мусором тебе ее выбрасывать нельзя — Ида живо найдет. Ну-ка, помоги мне, — крикнул он, — и давай задвинем ковер под кровать, чтобы пятен не было видно.

Горничную Либби звали Одеон. Она прислуживала Либби уже более тридцати лет и была известна на весь город своим непредсказуемым и капризным характером. Вот и сейчас она ушла, оставив на кухне невообразимый беспорядок — похоже, с утра Одеон собиралась испечь песочный пирог, но потом что-то ее отвлекло. Весь стол был покрыт мукой, остатками яблок и теста. На дальнем конце сидела Либби и пила

слабый чай из огромной кружки, которая казалась еще больше в ее по-птичьи тонких ручках. Перед ней на расчищенном участке стола лежал журнал с кроссвордом.

— Ох, милая, ну как же я рада, что ты зашла! — прощебетала Либби, увидев Харриет. Она не заметила, что Харриет среди бела дня в пижамной кофте, а ее руки черны от мазута. Эдди сразу бы начала кричать; Либби же лишь рассеянно постучала по столу рядом с собой. — Иди сюда, дорогуша, и возьми стул. Кроссворды пошли ну такие сложные — сплошь научные термины да старинные французские слова. Вот, смотри, — она с возмущением оторвалась от кроссворда. — Металлический элемент. Я знаю, что он начинается на Т, потому что Тора — первая книга из Пятикнижия, это я знаю точно, но нет такого металла, что начинался бы на Т. Или есть?

Харриет подумала минуту-другую, рассматривая кроссворд.

— Титан! — сказала она.

Тетя Либби пришла в восторг:

— Деточка, ну какая же ты умница! Чему только не учат детей в школе сейчас. В наше время мы тоже, конечно, кое-что проходили из естественных наук, но ничего про эти ужасные металлы — только историю, географию, арифметику… — Голос Либби затих, и она опять склонилась над кроссвордом. Вместе они довольно быстро разгадали большинство слов, но тут вернулась Одеон и принялась демонстративно греметь кастрюлями. Пришлось уйти в спальню Либби.

Либби была старшей из сестер и единственной, никогда не бывшей замужем, хотя в глубине души все сестры были старыми девами, кроме разве что Аделаиды с ее тремя мужьями. Эдди была в разводе. Никто никогда не рассказывал Харриет о таинственном союзе, результатом которого стало рождение матери Харриет, хотя Харриет и предпринимала отчаянные попытки разведать, каким был ее дед. Однако, кроме обычных туманных намеков на то, что он «прикладывался к бутылке» и был «сам себе враг», она так ничего и не выведала. Единственным обнародованным фактом была дата его смерти — он умер в частной больнице штата Алабама несколько лет назад.

Тэт повезло больше: она прожила с мужем восемнадцать тихих, спокойных лет. Пинкертон Лэм, которого все звали мистер Пинк, владел лесопилкой и был преуспевающим бизнесменом. Он умер в одночасье от тромба еще до рождения Алисон и Харриет. Мистер Пинк был высоким и тучным мужчиной, намного старше Тэт, и так и не смог сделать ребенка. Какое-то время она думала об усыновлении, но потом этот вопрос как-то сам собой отпал. Тэт давно забыла о времени своего замужества, она даже удивлялась, когда ей напоминали об этом.

Либби, старая дева, была на девять лет старше Эдди, на одиннадцать старше Тэт и на целых семнадцать старше Аделаиды. В молодости она была худенькой, плоскогрудой, близорукой и отчаянно стеснительной девушкой, но на самом деле она тоже могла бы выйти

замуж и даже составить хорошую партию, поскольку такого кроткого и приятного нрава надо было еще поискать. Однако ревнивый и деспотичный отец не дал ей такой возможности: его жена умерла в родах, производя на свет Адди, поэтому старшая дочь заменила в его доме хозяйку, навсегда принеся в жертву отцовскому счастью свою личную жизнь. Либби нянчилась с отцом до самой его смерти, а когда он умер, ей было уже под семьдесят.

Сестры испытывали чувство глубокой вины перед Либби, хотя сама она, казалось, вполне довольна прожитой жизнью и ни о чем не жалеет. Более того, она так обожала своего избалованного, неблагодарного и ворчливого отца, что почитала за честь служить ему и его интересам. Тот факт, что после его смерти она ничего не получила, кроме долгов, тоже не сильно ее расстраивал. Либби жила в гармонии с миром и с собой, и это не могло не отразиться на ее наружности — если в молодости она была бесцветной, чуть ли не дурнушкой, то сейчас, в восемьдесят два года, ее ясная улыбка, снежно-белые волосы и гигантские голубые глаза придавали ей вид доброго ангела. Она любила розовый цвет и носила элегантные вещи — мягкие кофты из ангорской шерсти, украшенные розовыми лентами, розовые шелковые туфельки, розовые жакеты из тафты, — как будто в молодости не доиграла в куклы и теперь наряжала саму себя.

И спальня Либби тоже дышала гармонией и покоем — Харриет всегда казалось, что она входит в заколдованное королевство, где царит полумрак, где всегда прохладно и пахнет вербеной. Сколько Харриет помнила себя, обстановка в спальне не менялась — все та же деревянная мебель, стены цвета голубиного яйца, обилие подушек и прикрытые ставнями окна. Снаружи бушевали ураганы, лил дождь, палило солнце, выжигая траву и плавя асфальт, но здесь, в спальне Либби, всегда можно было укрыться от непогоды — как природного, так и душевного свойства. На минуту Харриет смогла позабыть блестящий птичий глаз, полный первобытного ужаса, и алую кровь на своих пальцах. Она потрясла головой, отгоняя ужасные видения, подошла к трюмо, повертела в руках хрустальную вазочку, в которой Либби хранила шпильки для волос, рассеянно взяла пресс-папье из синего стекла с прозрачными пузырьками внутри и посмотрела сквозь него на свет. Это пресс-папье было как живое — в течение дня в зависимости от освещения его цвет менялся от сверкающего аквамарина утром до холодной яшмовой зелени к вечеру. Когда Харриет была маленькой, она проводила бесчисленные часы на шерстяном, слегка потертом ковре тети Либби, покрытом узором из виноградных листьев и когда-то ярких полевых цветов, двигая армии солдатиков по его извилистым дорожкам. Какие великие сражения проходили в этой тихой спальне! Их единственным свидетелем была висевшая над камином фотография «Дома Семи Невзгод»; белые колонны четко и торжественно выступали на призрачном фоне листвы окружающих его деревьев.

Вместе Либби и Харриет достаточно быстро прошли весь кроссворд, и, хотя Либби постоянно демонстративно восхищалась умом и сообразительностью Харриет, последняя не могла не заметить, что старушка и сама очень быстро находила нужные слова.

— Ну, все, — сказала Либби счастливым голосом, кладя на стол карандаш. — Наверное, ты проголодалась. Давай посмотрим, не пора ли нам вынимать из духовки пирог?

— Либби, я не хочу…

— Дорогая моя, ты очень худенькая. Ты же не хочешь вырасти такой же плоской и неинтересной, как та девица, как же ее звали…

— Либби, почему *никто не хочет* говорить со мной о том, что произошло в день, когда умер Робин?

Либби опустила руки на колени и испуганно взглянула на Харриет.

— Что-нибудь странное произошло в тот день?

— Странное? Что ты имеешь в виду, дорогая?

— Да что угодно… — Харриет задумалась. — Мне нужно хоть за что-то зацепиться.

— Ничего не могу тебе сказать, — необычно спокойным голосом произнесла Либби, — но если хочешь поговорить о странностях — со мной произошло ужасно странное происшествие как раз за три дня до смерти Робина. Я рассказывала тебе историю про мужскую шляпу, которую я обнаружила у себя в комнате?

— О, — разочарованно протянула Харриет. Она миллион раз слышала историю про мужскую шляпу.

— Все думали тогда, что я просто сошла с ума. Найти мужской цилиндр у себя в спальне! Восьмой размер, между прочим, и совершенно новый, никаких там пятен от пота или потертых краев. И он появился на моей кровати посреди бела дня.

— Ты хочешь сказать, что сама не видела, как эта шляпа там появилась, — терпеливо сказала Харриет. Ей сразу же стало скучно. Эту историю никто, кроме Либби, не считал загадочной.

— Но, дорогая, это была среда, два часа дня…

— Ну, кто-то вошел в дом и оставил ее у тебя.

— А вот и нет! Никто не мог войти незамеченным, потому что мы обе были дома, Одеон и я. Я как раз переехала сюда после того, как папа скончался, и Одеон меняла белье в спальне. Буквально за две минуты до того, как я туда вошла. И она не видела никакой шляпы.

— А если это она ее туда и положила?

— Кто? Одеон? Да как ты можешь так думать? Пойди сама и спроси ее…

— Ну кто-то прошмыгнул в дом, — теряя терпение, сказала Харриет. — Хотел над тобой подшутить.

Именно к такому заключению пришли Эдди и ее сестры. Эдди много раз доводила Либби до слез, прозрачно намекая на то, что они с Одеон слишком усердно прикладывались перед обедом к заветной

бутылке портвейна, вот им и стали мерещиться шляпы. Либби сразу же расстроилась.

— И что это за шутка такая, можешь ты мне объяснить? — спросила она тоненьким голоском. — Положить на кровать мужскую шляпу? В чем смысл такой шутки? Я отнесла ее в комиссионный магазин, и там мне сказали, что таких шляп в Александрии не делают! Более того, их нигде в нашем округе не делают, разве что в Мемфисе. А через три дня малыш Робин был мертв.

Харриет помолчала, обдумывая слова тетушки.

— А какое отношение эта шляпа имеет к смерти Робина?

— Милочка моя, в мире полно странных вещей, которые мы не в силах постичь.

— Но почему *шляпа?* — спросила сбитая с толку Харриет. — И почему ее оставили именно в *твоем* доме? Я не вижу связи.

— А вот тебе другая история, — певучим голосом продолжала Либби, мирно складывая руки на коленях. — У нас в городе жила одна очень милая женщина, Виола Гиббз; наверное, ей было что-то около тридцати. Так вот, однажды эта миссис Гиббз пришла на кухню собственного дома, чтобы поужинать, и вдруг остановилась на пороге, на ее лице появилось выражение ужаса, и она стала размахивать в воздухе руками, как будто от чего-то отмахивалась, как будто что-то ее жалило или кусало. Муж и дети прямо-таки остолбенели. А она через несколько секунд повалилась замертво на пол.

— Ну так значит, ее кто-то ужалил.

— Нет, врачи сказали, что нет.

— Может, у нее был сердечный приступ?

— Она была поразительно здорова, никогда не болела. Но это не самое загадочное в этой истории. — Тетя Либби выдержала многозначительную паузу, пока не удостоверилась, что внимание Харриет полностью сосредоточено на ее рассказе. — За год до этого, *в тот же самый* день, ее сестра-близняшка Диана, которая жила в Майами, вылезала из бассейна и вдруг, на глазах у десятков людей, испустила вопль ужаса, замахала в воздухе руками, а через секунду упала мертвая на кафельный пол.

— Почему? — озадаченно спросила Харриет.

— Никто не знает, почему.

— Но я не понимаю.

— И никто не понимает.

— Но люди же не умирают оттого, что на них напали невидимые враги.

— А эти две сестры умерли. Причем в один и тот же день, с разницей в год.

— По-моему, у Шерлока Холмса был похожий случай.

— Я читала этот рассказ, Харриет, но здесь совсем другое дело.

— И что, ты думаешь, за ними гнался сам Сатана?

— Я просто хочу сказать, что в мире существует великое множество скрытых от нас связей и взаимодействий, которые мы не понимаем, солнышко, вот и все.

— То есть ты хочешь сказать, что и Робина убил Сатана? Или какое-нибудь привидение?

— Господи, — вдруг сказала Либби, прислушиваясь. Из кухни доносились причитания и невнятные выкрики. — Что там еще произошло? — Старушка с трудом поднялась и засеменила на кухню.

Харриет пошла следом за Либби. За кухонным столом сидела дородная пожилая негритянка с покрытыми старческими пятнами темными щеками и горько всхлипывала, прикрывая лицо руками. Одеон суетилась вокруг нее, наливая пахту в стакан со льдом.

— Это моя тетка, — объяснила она, не глядя Либби в глаза. — Она дюже расстроилась. Пусть посидит немного, да, мэм?

— Господи, что же у нее приключилось? Может, вызвать доктора?

— Нет, мэм. Она не ранена, только уж больно сильно напугали ее те белые мужчины, что стреляли там у ручья.

— *Стреляли?* Кто мог стрелять…

— Вот, тетушка, выпей пахты, — сказала Одеон, всовывая стакан в дрожащую черную руку.

— Может быть, немного мадеры? — предложила Либби. — У меня дома нет, но я сейчас сбегаю к Аделаиде…

— Ой не надо, не надо, — запричитала негритянка. — Я этого винища в рот не беру.

— Но…

— Не надо, мэм, ни за что. Никакого виски не надо.

— Да это же не…

— Мэм, она придет в себя через минуту. Вы сами-то не волнуйтесь, вот сядьте туточки на стульчик.

Либби тяжело опустилась на стул рядом с гостьей и принялась обмахивать раскрасневшееся лицо рукой.

— Может, вызвать полицию? — спросила она довольно испуганно и чуть не подскочила на стуле от пронзительного крика, которым было встречено это предложение.

— Ох, мэм, не надо, не надо полисии, не надо!

— Да почему же — не надо? — вскрикнула Либби, сама на грани истерики.

— Ох, мэм, боюся я ее, полисии…

— Она говорит, что эти Ратклиффы ненормальные опять балуются, — мрачно заявила Одеон. — Вышли из тюрьмы и теперь балуются…

— *Ратклиффы?* — спросила Харриет, и, несмотря на общую сумятицу, все три женщины внезапно замолчали и посмотрели на девочку, уж больно странным показался им ее голос.

— Ида, что ты можешь мне сказать о людях по фамилии Ратклифф? — спросила Харриет на следующий день.

— Ублюдки они, вот что я могу сказать, — ответила Ида, угрюмо выжимая воду из посудного полотенца.

Она шлепнула полотенцем о столешницу, расправила его и повесила на крючок. Харриет, уютно устроившись на подоконнике, наблюдала за ее широкой спиной. Ида протирала столешницу размашистыми круговыми движениями, слегка наклонив голову набок и что-то напевая себе под нос. Когда Ида впадала в такое мечтательно-летаргическое состояние, трогать ее было опасно. Харриет сколько раз слышала, как Ида рявкала на Шарлот и даже на Эдди, если кто-то из них начинал приставать к ней с пустячными расспросами в такие моменты. Однако иногда, особенно если Харриет нужно было расспросить Иду о чем-нибудь неприятном или запретном, она специально выжидала, когда Ида сядет лущить горох или сбивать белки для пудинга, а ее взгляд уплывет в страну грез. Тогда она отвечала как будто в трансе, со спокойным, почти пророческим выражением на темном, изрезанном морщинами лице.

Харриет поерзала на подоконнике, потом подтянула обе ноги и села, обхватив колени руками.

— А что еще ты знаешь? — спросила она, играя с пряжкой сандалии. — Про этих Ратклиффов?

— Нечего тут *знать*. Об такой падали нечего и рассуждать. Сама ты их видела тут на днях.

— Где это — тут? — спросила Харриет после неловкой паузы.

— Туточки, мэм. Вот прямо тута, под энтими окнами, тута они и стояли, — сказала Ида низким, певучим голосом, как будто говорила сама с собой. — А если бы во двор к вашей мамочке зашли бы старые грязные козлы и трясли бы бородами, так вы и их бы жалеть стали… Ой какие миленькие, ой-ой какие несчастненькие! Нате морковку, козлик, дай бородку поглажу… Тут бы и миловались с ними. Мистер Козлик, чтой-то вы какой-то грязный, уж дайте я вас помою да расчешу… А когда бы поглядели потом вокруг-то, — продолжала Ида все тем же певучим голосом, не давая изумленной Харриет вставить хоть слово, — так эти козлы у вас уже бы и жили, да вас бы самих и выселили. Они ж только и знают, что жрать да срать, а что не съедят, так то копытами по грязи размажут и снова орут: дай! дай! Но я тебе так скажу, — она обратила непроницаемые темные глаза на Харриет, — уже лучше с энтими козлами всю жизнь возиться, чем связаться с ублюдками Ратклиффами. Мерзкие, грязные…

— Но, Ида, те дети были не из Ратклиффов…

— Ох смотри, Харриет, — с обманчиво смиренным видом сказала Ида, — и матушка твоя что ни день все им дает, то одежку, то игрушки ваши, а не успеешь оглянуться, как они сами будут брать и разрешения не спросят. Придут да сами возьмут.

— Ида, то были не Ратклиффы, понимаешь? Это Одумы, те дети, что приходили к нам тогда.

— А в чем разница? Все одно — ублюдки. Да и что им прикажете делать? Когда мамаша да папаша и дня в жизни не работали и детишек учат, что плохого нет воровать да чужое брать, так что с детей возьмешь? Они плохого от хорошего отличить не смогут. Нет, у меня не так, — сказала Ида, истово сжимая тряпку. — Ежели у меня чего нет, дак я того и не хочу. Нет, мэм, не хочу. И так проживу.

— Ида, мне наплевать на Одумов...

— Так тебе и должно быть на них наплевать.

— Так и есть — на всех наплевать с высокой колокольни.

— Что ж, рада слышать.

— Я только хотела спросить, что ты знаешь об этих *Ратклиффах*. Что ты можешь мне...

— Ну а как тебе понравится то, что я сейчас расскажу? Что они бросали камни прямо в голову внучке моей сестры? А она шла в первый класс, малышка вот такая, — Ида показала где-то на полметра от пола. — Как насчет этого? Большие мужики бросали камни в маленького ребенка и орали на бедную девочку: «Черномазая обезьяна, убирайся к себе в джунгли!» Вот такие они и есть — ублюдки и отморозки, другого слова не найдешь.

Харриет, которой и так было ужасно неловко слушать Иду, от таких слов чуть не упала с подоконника. И она, и Хилли, и практически все другие белые дети как из богатых, так и из бедных семей посещали Александрийскую Академию. Даже самые бедные из бедняков старались наскрести денег, чтобы отправить своего ребенка в престижную частную школу, и чурались государственных. Конечно, в семье Харриет никто бы не потерпел, чтобы в любого ребенка кидались камнями, какого бы цвета он ни был («Хоть фиолетового!» — любила повторять Эдди), но все же, при всем внешнем отвращении к расизму, в школе, куда ходила Харриет, черных детей не было.

— А взрослые мужики, они еще и проповедниками заделались! — Теперь Ида говорила с возмущением. — Что они могут проповедать, скажи мне? Где в Библии написано: «Кидайся камнями в дитятю»? Хоть целый день ищи, не найдешь, потому как таких слов там нету.

— А полицию вызвали?

— Ха! Не смеши меня! Полицию!

— Их арестовали?

— Нет, мисс, и не подумали. Иногда полиция любит ублюдков побольше, чем честных горожан.

Харриет задумалась: Никто и не подумал наказать Ратклиффов за стрельбу на ручье. Действительно, выходило, будто они были из породы людей, которым все сходит с рук.

— Нельзя так это оставлять, — сказала она вслух. — Это противозаконно — швырять камнями в ребенка.

— Ха! А где был твой закон, мисс, когда они подожгли нашу мисьонерскую баптистскую церковь? Проехали мимо да и бросили в окно бутылку из-под виски с зажженным фитилем.

Харриет за свою жизнь миллион раз прослушала рассказ о том, как сгорела баптистская церковь, но никогда не могла понять, почему это произошло. На ее расспросы Эдди только отвечала, что удивляется, почему «белая рвань» так ненавидит негров — ведь у них же много общего! Конечно, и те и другие в массе своей бедняки. Но если у негров оправдание их нищеты кроется хотя бы в том, что их положение было изначально ущербно по отношению к белой расе, то у «белой рвани» никаких объяснений, кроме их собственного дрянного характера, лености и трусости, нет и быть не может.

«Им, конечно, проще найти виноватого на стороне, чем копаться в себе, — объясняла Эдди. — Вот они и разъезжают по городу, жгут кресты да винят негров во всех своих неудачах».

Ида Рью продолжала задумчиво полировать столешницу, которая и так уже блестела от чистоты.

— Да, — протянула она, — а ведь это они убили старую миссис Этта, все равно как если бы задушили ее собственными руками.

— А Эдди мне говорила...

— Ну ничего, на небесах всем найдется теплое местечко. Там сейчас и миссис Этта, и малыш Робин, и мой братик Кафф, что умер от рака...

— Но Эдди говорила, что старая миссис Этта не умерла от огня. Она сказала, что у нее был сердечный приступ...

— Ах, *Эдди так сказала?*

Это было произнесено таким тоном, что у Харриет отпала охота возражать. Приближалась буря, и Харриет не хотелось попасть в эпицентр.

— Ха! Может статься, она не сгорела заживо, правильно, мэм, ну так она задохнулась от дыма. — Ида шлепнула тряпкой о стол. — А что ей было делать, когда все поперли на выход, как стадо баранов? Она ж была совсем старая, и сердце у нее было слабое, да, а тут эта белая рвань, что кинула бутылку с зажженной смесью в окно...

— А что, церковь сгорела *до основания?*

— Да, основательно подгорела, так и есть.

— А Эдди говорит...

— А что, *Эдди там была!*

Голос Иды стал таким неприятным, что Харриет не посмела ничего больше сказать. Ида некоторое время смотрела на нее горящими глазами, затем внезапно отвернулась, задрала подол юбки и начала снимать чулок аккуратно сворачивая его. Идины чулки, которые она закрепляла на резинке чуть выше колена, были плотные, цвета загара, то есть гораздо светлее темно-ореховой кожи их хозяйки. К ужасу Харриет, над массивным коленом ясно виднелась проплешина — сантиметров тридцать опаленной плоти, светло-розовой, в одних местах

отвратительно гладкой, в других — неровной, в рубцах. Харриет не выдержала и отвернулась.

— Что, Эдди, поди, думает, что такой ожог недостаточно хорош?

Харриет потрясенно молчала.

— А по мне, так он был вполне хорош, а жгло так, что у меня чуть глаза на лоб не вылезли.

— Так больно было?

— Да уж, мисс, было больно, поверь мне.

— А сейчас не больно?

— Нет, сейчас только чешется иногда. Ну, давай, — сказала она чулку. — Не цепляйся, право слово, эти чулки меня когда-нибудь убьют.

— Это был ожог третьей степени?

— Третьей, четвертой и пятой. — Ида недобро усмехнулась. — Уж не знаю там про степени, а я шесть недель глаз не сомкнула, так жгло. Но может, Эдди думает, что если все ноги тебе не сожгло, так и огонь не горячий был. И сдается мне, что полиция ваша так же думает, потому как негодяи так на свободе и гуляют.

— Но их должны были наказать.

— Кто сказал?

— Закон так сказал. На то он и закон.

— Эх, Харриет, один закон у нас для слабых, а другой — для сильных. А то почему они на свободе до сих-то пор?

— Мне кажется, тебе следует сказать об этом Эдди, — неуверенно произнесла Харриет. — А то хочешь, я скажу?

— Кому? Эдди? — Казалось, даже нос у Иды Рью иронически вздрогнул. Она хотела что-то сказать, но передумала и лишь махнула рукой. Харриет похолодела. Так что же, получается, что *Эдди знала?*

Ее перепуганное личико было настолько прозрачным, что Иде стало жалко «малышку». Она отвернулась к плите и начала стирать с нее несуществующие пылинки.

— Я что, стану тревожить старую мисс Эдди по таким пустякам? — спросила она ворчливо, но уже без злости. Ее голос был слишком добродушным, слишком дружелюбным, и Харриет от этого только уверилась в своей правоте. — Что она может сделать? На ногу им наступить? — Ида хмыкнула. — Или по голове им надавать книжкой?

— Ей следует позвонить в полицию. — Можно ли представить себе, что Эдди *знала* и *не позвонила* в полицию? — Те, кто поджег церковь, должны гнить в тюрьме.

— В тюрьме? — к изумлению Харриет, Ида гулко расхохоталась. — Ах ты, милая моя крошка. Да они обожают «гнить» в тюрьме. А что плохого-то? Там кондицанер в камерах, работать не надо, жри да валяйся на койке целый день — чем не жизнь?

— А ты уверена, что это Ратклиффы сделали?

Ида закатила глаза:

— А кто, по-твоему, по всему городу бегал да хвастался?

Харриет почувствовала, что в носу у нее защипало от негодования на несправедливость жизни. Однако она еще не закончила свой допрос:

— Ида, один из Ратклиффов примерно того же возраста, что и Робин. Ты знаешь его?

Ида ничего не сказала. Она шмыгнула носом, еще раз хорошенько выжала тряпку и открыла дверцу посудомойки, чтобы достать чистые тарелки.

— Ему сейчас должно быть около двадцати. Зовут Дэнни. Дэнни Ратклифф. Ты его знаешь?

Ида взглянула на Харриет через массивное плечо:

— А что это за интерес такой к Ратклиффам ни с того ни с сего?

— Ты помнишь его, скажи? Этого Дэнни Ратклиффа?

— Господи, как же мне эта девчонка надоела! — Ида потянулась и поставила на полку коробку с кукурузными хлопьями. — Помню ли я его? Да как будто я его видела вчерась.

Харриет приложила все усилия, чтобы не выдать охватившее ее волнение.

— Он что, приходил к нам в дом? Когда Робин был жив?

— А то! Вот противный был, мерзкий ублюдок, все отирался у заднего крыльца. А зазеваешься, так и тащил все, что под руку попадалось. Уж я твоей матушке твердила-твердила, а ей все нипочем. «Ах, он такой неимущий!» *Неимущий!* Господи помилуй, и выдумают же такое!

Она с шумом и грохотом открыла ящик, всячески выражая свое неодобрение глупости Шарлот.

— Никто меня здесь не слушает, а твоя мать так меньше всех, — мрачно продолжала она. — И я ей твердила и твердила, уберите вы этого паршивца со двора, он ведь бьет Робина, нехорошими словами ругается и все норовит спички тут жечь — уж до добра это точно не доведет! Потом без слез не обойдется. И что же? Уж слез-то пролили, что твой Великий потоп. А кто за мальчиком следил целый день, пока он болтался по двору? Я и следила, вот из этого окна. — Она грустно взглянула на открытое кухонное окно. — Хороший был мальчуган, братик-то твой. Бывало, прижмется ко мне и шепчет: «Ида, мне так одиноко!» Вы подумайте, маленький, а уж ему одиноко. Вот и играл со всякой рванью да дрянью, да с кем же ему было играть?

Харриет слушала, затаив дыхание.

— И что же, Ида, Дэнни Ратклифф *и в тот день* был у нас во дворе?

— Да, мэм. И тоже дрался и ругался. И я его прогнала веником со двора за десять минут до того, как твоя мамочка нашла бедняжку Робина задушенным на той распроклятой ветке.

— Говорю тебе, полиция ничего не сделает таким людям, как он, — горячо шептала Харриет. Она рассказывала Хилли про горящую

церковь, про Идину ногу и сгоревшую старушку уже по третьему разу. Хилли надоела ее трескотня. Ему было интересно послушать про разгуливающего на свободе негодяя и помечтать о том, как он может стать героем. Конечно, он был рад, что не поехал в лагерь, но, по правде говоря, в городе становилось невыносимо скучно. От рассказа Харриет глаза Хилли заблестели. Выслеживать живого убийцу было гораздо интереснее, чем играть в апостолов, убегать из дома, ловить змей или даже кататься на велосипеде.

Харриет никак не могла успокоиться — в ее голове роились безумные догадки и предположения.

— Она знала, что это был Дэнни Ратклифф, понимаешь? *Знала,* и все тут! Она сама сказала, что он там был, и не забудь о том, что мне рассказал твой брат… Что он ходил по школе и хвастался, как он… в общем… и о других разных вещах…

— Давай засыплем ему сахара в бензобак, хочешь? — спросил Хилли. — Тогда его машину никто с места не сдвинет.

Харриет поглядела на него с таким презрением, что Хилли даже немного обиделся — ему самому эта идея очень понравилась.

— Или давай напишем письмо в полицию, только не будем подписываться..

— И что будет?

— Или скажем моему папе. Когда он узнает, он сам займется этим Дэнни.

Харриет насмешливо хмыкнула — она не разделяла восторгов Хилли в отношении отца, который занимал пост ректора в их школе.

— Ну что ж, давай обсудим *твои* великие идеи, — сказал Хилли с сарказмом.

Харриет закусила нижнюю губу.

— Я хочу его убить, — коротко сказала она.

Суровое, отрешенное выражение ее лица пронзило сердце Хилли сладким предвкушением настоящего приключения.

— А я могу помочь? — с готовностью спросил он.

— Нет.

— Но ты не сможешь убить его сама.

— А почему нет? — холодно спросила Харриет.

Хилли был ошарашен. Несколько мгновений он пытался найти наилучшие аргументы.

— Ну, потому что он большой, — сказал он наконец. — Он тебе надерет задницу.

— Ну да, он большой, но я в сто раз умнее его.

— Давай я помогу тебе. — Хилли потрогал ее ноги носком своей кроссовки. — Как же ты его убьешь? Застрелишь?

— Да.

— У тебя что, есть пистолет?

— Ну да, у моего отца.

— Что, эти старые ржавые ружья? Да они тебя саму разнесут в клочья, если ты попробуешь из них выстрелить.

— Глупости.

— А вот и не глупости! Подожди, — торопливо сказал он, увидев, как брови Харриет грозно сошлись на переносице. — Я знаю, что если ты мало весишь, то не сможешь стрелять из больших ружей. У них есть отдача, поняла? Ты посмотришь в прицел, а тебе от выстрела глаз вышибет.

— Откуда ты это знаешь? — подозрительно спросила Харриет.

— Нам рассказывали на занятиях бойскаутов. — На самом деле ничего подобного им не говорили, просто Хилли был уверен, что так оно и есть, сам не зная почему.

— Ладно, а если я буду стрелять из револьвера?

— А, это другое дело, — сказал Хилли, глядя в сторону, чтобы Харриет не увидела, как на его лице расплывается улыбка.

— А ты умеешь из него стрелять?

— *Конечно* умею! — Хилли в жизни не прикасался к пистолетам, но был почему-то уверен, что сумеет выстрелить.

— Это сложно?

— Да нет, совсем не сложно. Ты не волнуйся, — сказал Хилли великодушно. — Я застрелю его за тебя.

— Ну нет, лучше я сама.

— Хорошо, тогда я научу тебя стрелять. Прямо сегодня и начнем.

— А где?

— Что — где?

— Где мы будем стрелять? Не на заднем же дворе?

— О да, моя сладкая горошинка, на заднем дворе стрелять вам будет неудобно, — раздался звонкий голос, и чья-то тень метнулась к ним от двери сарая.

Харриет и Хилли, напуганные до смерти, подняли головы одновременно со вспышкой полароида.

— *Мама!* — заорал Хилли, закрывая лицо руками.

Камера зашипела, щелкнула и выплюнула фотографию.

— Не сердитесь, детки, я не могла устоять от искушения, — сказала мама Хилли таким тоном, что детям сразу стало ясно: ей абсолютно наплевать, сердятся они или нет. — Я спросила Иду, где вы, и она сказала, что вы прячетесь в сарае. Орешек, — обратилась она к Хилли (она всегда звала его «Орешком», Хилли ненавидел это прозвище), — ты не забыл, что сегодня у папочки день рождения? Тебе пора домой, я хочу, чтобы вы встретили папу после гольфа.

— Мама, не смей больше шпионить за нами!

— Ой да ладно тебе, шпионить... Просто хотела сделать фотографию... Надеюсь, выйдет хорошо... — Мама Хилли подула на проявляющийся снимок. Она была одного возраста с Шарлот, но вела себя и одевалась, как юная девушка. В школе Хилли вечно дразнили

из-за коротких маминых юбок.

— А можно Харриет пойдет со мной?

— Не сегодня, Орешек, — сказала мама Хилли рассеянно-веселым голосом. — Харриет все понимает. Верно, сладенькая моя? — И она подмигнула.

Харриет покоробила ее фамильярная манера, поэтому она ничего не ответила, просто смерила бестактную даму недобрым взглядом. Впрочем, мама Хилли ничего не заметила и продолжала беспечно болтать.

— Ну конечно Харриет все понимает, правда, деточка? А мы позовем ее, когда будем устраивать барбекю на заднем дворе. И к тому же, если Харриет придет, тебе не хватит шоколадного пирожного.

— То есть как это — не хватит? Ты что, купила всем по одному пирожному?

— Орешек, нельзя же быть таким прожорливым! Одного пирожного вполне достаточно для такого плохого мальчика… Ой, поглядите-ка сюда, ха-ха-ха! Ну и фотография! Вы оба выглядите как малолетние марсиане.

Это была сущая правда. Глаза у Харриет и Хилли получились круглые, ярко-красные, как зрачки ночных хищников, а их перекошенные от испуга лица в свете вспышки отливали бледной зеленью.

Глава 3
Бильярдная

Иногда, уходя домой после обеда, Ида оставляла на кухонном столе что-нибудь вкусненькое на ужин: запеканку, жареного цыпленка и даже пудинг или ватрушку. Но в этот вечер на столе стояла лишь тарелка с ветчиной явно не первой свежести, если судить по ее подсохшим краям и сероватому цвету. В холодильнике Харриет нашла миску с картофельным пюре.

Харриет была вне себя от негодования. С ненавистью хлопая дверцами, она один за другим открывала кухонные шкафчики в надежде найти что-нибудь съедобное, однако, кроме риса и макарон, на полках ничего не было. Да и кому в их семье было есть? Мать вообще редко выходила к ужину, а если и ела, то мороженое или крекеры. Алисон иногда жарила яичницу, но Харриет уже тошнило от яиц.

Харриет гневно отломила кусок сухой макаронины и принялась жевать ее. Вкус теста смутно напомнил детство, но что именно, она так и не вспомнила. Харриет придвинула к холодильнику табуретку и, сдвинув брови, принялась изучать содержимое морозильной камеры. Увы, кроме премерзкого на вкус мятного мороженого, которое обожала ее мать, ничего интересного она не обнаружила.

Ида Рью, заведовавшая в их семье покупками, ничего не понимала в

полуфабрикатах и практически никогда их не покупала. («Перекусить? Что это значит — перекусить? Поужинай как следует, так не захочется и перекусывать».)

— А ты настучи на нее матери, — прошептал как-то Хилли, когда мрачная Харриет, в очередной раз обиженная скудостью ужина, плюхнулась рядом с ним на крыльцо. — Она же домработница, она должна делать то, что говорит твоя мать.

— Да, знаю. — Мать Хилли уже уволила двух домработниц по доносу Хилли.

— Давай, давай! — Хилли ткнул носком кроссовки ей в ногу.

— Потом, — но она сказала так, просто чтобы он отстал. Харриет никогда в жизни не стала бы доносить на Иду. Хилли не мог понять, что Ида во многом была средоточием жизни Харриет, той опорой, горой, стеной, за которую всегда можно было юркнуть. Семья распадалась, но Ида возвышалась посреди обломков как последняя надежда на стабильность. К тому же Харриет панически боялась, что когда-нибудь терпение Иды лопнет и она действительно уйдет. Иногда Шарлот позволяла себе закатить истерику и обвиняла Иду в чем только можно — правда, потом она всегда жалела об этом. Да и сама Ида постоянно ворчала, что платят ей совсем мало, и что «игра не стоит свеч», и что ей пора на покой. Харриет жила в постоянном ужасе, что в один *не* прекрасный день Ида может навсегда исчезнуть из ее жизни.

Под грудой блестящих оберток мятного мороженого Харриет увидела последний оставшийся конус виноградного льда. Она достала его, с завистью вспоминая битком набитый морозильник в доме Хилли. Там было столько вкуснятины: и замороженные торты, и пиццы, и готовые пироги с курицей и грибами — все, что можно только пожелать, полный набор идеальных «перекусов».

Облизывая лед, Харриет вышла из дома и повалилась на гамак, открыв на первом попавшемся месте «Книгу джунглей». Многие места она знала наизусть: первые уроки Маугли с Багирой и Балу, нападение удава Каа на Бандерлогов. Читая, она иногда поднимала глаза и смотрела на сад — вечерело и краски словно исчезали с зелени кустов и деревьев, — богатые изумрудные оттенки сначала потускнели до цвета лаванды, а потом совсем потемнели и стали густо-фиолетовыми. Конец книги Харриет обычно не читала. Ее безмерно раздражала произошедшая в Маугли перемена: из супергероя, живущего с волками и палящего усы тигру, он вдруг превратился в полного идиота, тоскующего о цивилизации и вдобавок влюбленного в какую-то дуру. Скукота, да и только!

Где-то неподалеку жарили барбекью. Запах был вкуснейший, и Харриет повела носом. От неудобного гамака страшно болела шея, но Харриет продолжала упорно лежать, перелистывая страницы. Глубоко в джунглях недвижимо стоял затерянный разрушенный город, окруженный рассыпающимися стенами, скрывающий в темных

подвалах сокровищницы, полные золота и драгоценных камней, которые не интересовали никого, включая самого Маугли. Там, на развалинах умершей цивилизации, правили змеи — удав Каа презрительно называл их «Ядовитый народ». Харриет продолжала читать, и постепенно джунгли перенеслись с книжных страниц прямо к ней в сад, заряжая ее чувством бесшабашной удали, каким-то диким, свободным восторгом. Да, Маугли был человеческим детенышем, но он также был волком, и она, Харриет, хоть и человек, тоже отчасти еще кто-то.

Черные крылья пролетели над ней, дотронулись до ее щеки чем-то липким, холодным… Черный ветер поднялся вокруг нее. Она вздрогнула и попыталась подняться, но черные перья полезли ей в глаза, в нос, сжали горло, не давая вздохнуть…

Харриет отчаянно замахала руками и вскочила, дико озираясь по сторонам. Гамак протестующе заскрипел, библиотечная книга со стуком свалилась на землю. Пытаясь успокоиться и совладать со своим дыханием, Харриет снова осторожно легла и закрыла глаза. С удивлением она обнаружила, что плачет.

Что ж, та птица все равно была обречена. Она бы умерла в мучениях, может быть, ее съела бы кошка, но это не отменяло того обстоятельства, что на деле Харриет убила ее собственными руками. Харриет замерла, несколько минут лежала не шевелясь, пока не высохли слезы, а потом медленно встала с гамака. Все тело затекло, невозможно было даже покрутить головой. Харриет похромала в дом. На кухне в полном одиночестве сидела Алисон и рассеянно ела из белой эмалированной миски холодное пюре.

«Замри, мой маленький брат, ибо я — смерть!» Это сказала кобра в другой книге Киплинга. В его рассказах кобры были описаны как бездушные создания, но говорили они красиво, спору нет, как те злые цари из Ветхого Завета.

Харриет прошла через кухню, подошла к телефону, висевшему на стене, и набрала домашний номер Хилли. На пятом звонке кто-то поднял трубку. Послышался веселый шум голосов. «Нет, тебе больше идет без шляпы, — сказала кому-то мама Хилли, а потом обратилась к трубке: — Алло?»

— Это Харриет. Можно поговорить с Хилли?

— О, *Харриет!* Ну конечно, сладенькая горошинка, я сейчас его позову… — Трубка звякнула, стукнувшись о край стола.

«Сладенькая горошинка»? Совсем с ума сошла, изумленно подумала Харриет. Через несколько секунд в трубке затрещало, и раздался возбужденный голос Хилли:

— Харриет, это ты? Алло!

Она зажала трубку между ухом и плечом и повернулась лицом к стене:

— Хилли, как ты думаешь, мы могли бы поймать ядовитую змею?

Последовала секунда благоговейного молчания, и Харриет с удовольствием поняла, что Хилли в полной мере осознал, *что именно* она имеет в виду.

— Щитомордник или гадюка? Как ты думаешь, которая из них более ядовита?

Со времени их телефонного разговора прошло несколько часов. Они сидели в полной темноте на ступенях крыльца во дворе Харриет и негромко переговаривались.

После звонка Харриет Хилли впал в неистовство и совершенно потерял интерес к застолью, ожидая только момента, когда уйдут последние гости и он сможет улизнуть из дома. Его мать, неправильно истолковав отсутствие аппетита у сына, замучила его оскорбительными вопросами о том, когда он последний раз ходил в туалет «по-большому», и предлагала слабительное. Насилу отвязавшись от нее, Хилли для верности полежал в постели еще с полчаса, чувствуя, что его вот-вот разорвет от нетерпения, затем вскочил как ошпаренный, натянул штаны и вылез на улицу через окно. Он чувствовал себя то ли как настоящий Джеймс Бонд, то ли как человек, выпивший два литра кока-колы.

После прохладной, кондиционированной спальни ночной воздух дохнул ему в лицо застоявшимся жаром — на лбу выступила испарина, и волосы сразу прилипли к шее, но он мужественно бежал всю дорогу, а под конец даже лихо перемахнул через изгородь. Харриет ждала его на крыльце в своей любимой позе — обняв колени, положив голову на сцепленные руки.

Хилли вручил ей куриную ногу, которую стащил со стола, и Харриет принялась с жадностью ее обгладывать.

— Ты знаешь, в чем разница между щитомордником и гадюкой? — спросила Харриет. Ее губы в лунном свете поблескивали от жира.

— Мне всегда казалось, что разницы нет — все они одинаково мерзкие. — Ладони у Хилли были горячими, а сам он чувствовал себя так, словно температура у него поднялась как минимум на два градуса.

— Нет, это две разные породы. Вот водяной щитомордник и медноголовый щитомордник — один и тот же вид.

— А ты знаешь, что водяной щитомордник нападает, когда ему в голову взбредет, он совершенно непредсказуемый, — выпалил Хилли, довольный, что у него хватило ума за ужином подробно расспросить Пембертона о змеях. Сам Хилли панически боялся любых рептилий и даже картинки в «Энциклопедии» всегда пролистывал. — Ужасно агрессивная змея.

— А что, они все время живут в воде, на землю не выползают?

— Не знаю, наверное, выползают. А гадюки — это такие небольшие змейки, сантиметров шестьдесят в длину, тонкие, красноватого цвета, — повторил за братом Хилли. — Они воду не любят.

— А какую из них легче поймать?

— Наверное, гадюку, — сказал Хилли, хотя понятия об этом не имел. Всю свою жизнь он называл всех ядовитых змей гадюками, независимо от формы их головы, цвета и размера.

Харриет размахнулась и забросила кость в кусты крапивы, вытерла руки о свои грязные голые щиколотки и развернула салфетку, в которую был завернут кусок торта, также принесенный Хилли. Дети замолчали и некоторое время сидели не шевелясь, думая каждый о своем. Хилли думал о том, что двор Харриет и при свете дня выглядел каким-то заброшенным и что здесь всегда было холоднее, чем во дворах его друзей, и что ночью залитые неласковым лунным светом джунгли из некошеной травы и разросшихся кустов производили прямо-таки зловещее впечатление. Казалось, под этими иссиня-черными кустами кишмя кишат разные жуткие твари.

— Да, — задумчиво протянула Харриет, — видишь то место прямо рядом с изгородью? Прошлой зимой Честер нашел там целое гнездо небольших красных змей. Наверное, это были гадюки. Они сплелись в клубок, вот такой, — она нарисовала руками в воздухе круг размером с футбольный мяч, — и все замерзли, представляешь? На них был лед, серьезно.

— Так кто боится дохлых змей?

— А они не были дохлые, просто впали в *анабиоз*. Честер сказал, что они оживут, если их оттаять, понял?

— Фууу, гадость!

— Он их полил керосином и поджег. — Харриет передернулась, слишком неприятно было вспоминать, как заледеневшие гадюки внезапно ожили, то ли от огня, то ли действительно вернулись к жизни, и пытались высунуть свои острые головы из огненной ловушки. Но их тела накрепко примерзли друг к другу, и все они сгорели прежде, чем смогли оттаять и расцепиться. Бррр! До конца зимы на этом месте оставалась маленькая кучка жирной золы и клубок обгоревших позвонков.

— Но все было напрасно, — сказала она, рассеянно ковыряя торт. — Честер сказал, что от этих змей никогда в жизни не отделаться. Уж если им захотелось здесь жить, так они тут и останутся.

А Хилли с дрожью подумал о том, что он всегда прыгал через изгородь в этом самом месте. Босиком. Но вслух сказал:

— А ты знаешь заправку на старом шоссе? Ну, ту, где владелец — такой жуткий урод с заячьей губой? Он еще устроил себе этот, как его, «Приют рептилий»?

Харриет обернулась и уставилась на него не мигая.

— Ты что, был там?

— Нуда.

— Ты хочешь сказать, что *твоя мама* там заправляется?

— Да нет, конечно нет, — смущенно поправился Хилли. — Просто мы возвращались домой, когда уже стемнело, и бензина у нас было

совсем мало, вот и пришлось там остановиться. А там такое! Даже крутой Пембертон примолк и вжался в спинку своего сиденья. Бог мой, Харриет, тот мужик, он был такой *страшный,* настоящий *леший.* Весь покрыт татуировками, изображающими змей, и шрамами, как будто его сто раз кусали. И у него совсем не было зубов — я чуть дуба не дал со страха, когда он на меня ощерился своими розовыми деснами. А на шее он держал настоящего удава и мне говорит: «Давай, погладь его».

— И что, ты погладил?

— А то! — Хилли до сих пор помнил ощущение холода в желудке, он не посмел возразить страшиле-лешему и тронул пальцем холодную кожу удава.

— Ну и как там, в «Приюте рептилий»?

— Противно, воняет рыбой. И знаешь что — он держит своих змей в аквариумах, их там штук двадцать расставлено вдоль стен. А еще больше змей просто валяются на земле как попало. Но самое удивительное, что они *не уползают!* Лежат себе смирненько, греются.

— Может, они больны? Нам не нужна больная змея.

Хилли вдруг охватило странное чувство. Вот эта девочка, его кумир, воинственная Харриет задумала отомстить за смерть брата и готова пожертвовать чуть ли не жизнью для достижения своей цели. А если бы Робин не умер? Он тогда был бы возраста Пембертона. Наверно, он дергал бы ее за волосы, или рылся в ее вещах, или смеялся над ней… И она бы вовсе не боготворила его, а может, даже ненавидела иногда, как Хилли ненавидит Пема…

Он собрал волосы в пучок на затылке и обмахнул рукой липкую от пота шею.

— Уж лучше пусть лежат себе смирненько, — заявил он. — Я тут видел по телику передачу про черную мамбу, так эта гадина вырастает до трех метров в длину, прикинь! А когда она завидит добычу, так поднимается вверх метра на два и чуть не летит по воздуху на своем хвосте, а когда настигнет, кусает прямехонько в лицо.

— А у твоего друга-лешего такая есть?

— У него всяких тварей полно, уверен, что и такая тоже имеется.

— Понятно. — Харриет замолчала, обхватив колени руками, и склонила голову. Черные волосы упали на бледное лицо, почти полностью закрыв его. Сейчас она была похожа на малолетнего китайского пирата.

— Знаешь, что нам еще нужно, — сказала она чуть позже. — Машина.

— Да, точно! — подхватил Хилли, но про себя выругался, — зря он когда-то хвастался ей, что умеет водить машину. Он искоса взглянул на подругу, потом перевел взгляд на звезды. «Нет», «не могу», «не получится» — таких слов Харриет не признавала в принципе. Он не раз видел, как она бросается в бой с яростью одержимого — наскакивает на парней вдвое выше себя, прыгает с крыш и заборов, кусается и лягается

до последнего, даже если ее уже серьезно прижали. Но потом он подумал о змеях, что копошатся и извиваются в «Приюте рептилий», представил себе их красноватые, покрытые пестрым рисунком мускулистые тела, и ему стало не по себе.

— Харриет, — тихо пробормотал он, — а не легче все же предоставить это дело полиции?

— Намного легче, — не поворачиваясь к нему, отчеканила Харриет. Вот за это он любил ее больше всего — в ней не было ни капли сонной дремоты, она всегда была сосредоточена и сжата как пружина, казалось, напой ей любую мелодию и она тут же повторит ее за тобой такт в такт не моргнув глазом.

— Ну, тогда, может быть, так и сделаем? Позвоним из автомата, скажем, что знаем, кто убил твоего брата. Я умею говорить *в точности* как старуха.

Харриет посмотрела на него так, будто он лишился рассудка.

— Почему я должна позволить *чужим людям* убить его? Это *мое* дело. — Ее лицо стало таким неприятным, что Хилли поспешно отвернулся. По правде говоря, он был готов сделать все, о чем бы она ни попросила, и они оба прекрасно это знали.

Гадюка была маленькая, не больше полуметра, самая маленькая из пяти змей, которых Хилли и Харриет обнаружили утром следующего дня. Она лежала не шевелясь, изогнувшись буквой S, среди сухой травы в самом конце нового, строящегося квартала «Дубовая роща» недалеко от Загородного клуба.

Самому старому из особняков, построенных в «Дубовой роще», было от силы лет семь. Этот квартал застраивался, когда традиционный стиль совсем вышел из моды, поэтому архитектурные решения домов выбирались под влиянием модных тенденций: фазенда, гасиенда, имитация стиля Тюдор, и, хотя отделка фасадов говорила о том, что деньги вложены большие, они получились какими-то примитивными, грубо слепленными, неприветливыми. Многие дома были еще не достроены и угрюмо смотрели пустыми глазницами окон. А участки, полностью очищенные от любых признаков растительности, завалены грудами строительного мусора — все эти доски, куски изоляции и гипсокартона, железные детали непонятного назначения, может, в другое время и заинтересовали бы детей, но сегодня предмет их интереса неподвижно лежал прямо перед ними на красной глинистой земле.

В отличие от старого района, где находилась Джордж-стрит с ее тенистыми, раскидистыми деревьями, домами в колониальном стиле, построенными еще на рубеже двадцатого века, в этом квартале застройщики начали с того, что пустили под пилу и топор все деревья, которые имели наглость там вырасти. В результате прекрасная дубовая роща, в честь которой изначально был назван этот квартал, погибла в

одночасье. А ведь некоторые из дубов, по сведениям местных лесоводов, росли здесь еще во времена Ла Саля,[3] когда он приплыл по Миссисипи в эти места в 1682 году! Застройщики не подумали о том, что корни деревьев удерживали полезный слой земли от выветривания и вымывания — в этих местах он был достаточно тонок, — поэтому, когда бульдозеры перекопали и выровняли участки, вместо земли на них осталась лишь кислая глина, на которой практически ничего не росло. Попытки новых жильцов посадить у парадных входов магнолию и глицинию ни к чему не привели — деревья сначала увядали, потом сбрасывали листья и сразу засыхали. Зато змеям тут было самое раздолье: глинистые почвы не впитывали воду, и после дождей она гнила неделями в лужах и канавах, вызывая у пресмыкающихся полный восторг. Сюда сползались все виды местных змей — и те, что жили в воде, и те, что предпочитали греть бока на солнышке. В жаркие дни специфический змеиный запах, который Ида Рью сравнивала с запахом рыбьих потрохов, поднимался от земли и застоявшейся воды, скапливавшейся в следах, оставляемых строительной техникой. Все местные жители безошибочно различали этот запах — правда, каждый описывал его по-разному. Эдди, например, уверяла, что определяет близость змеиного гнезда, если, окапывая кусты азалий у себя на участке, вдруг почувствует слабый запах гниющей картошки. Харриет и сама прекрасно знала его — острый, густой, кисловатый, дышащий опасностью.

Джинсы Харриет и ее рубаха с длинными рукавами были насквозь мокрыми от пота. Надеясь хоть как-то защитить себя от солнца, она надела соломенную шляпу с широкими полями, но это не спасало. Солнце било в Харриет свирепыми белыми лучами яростно и беспощадно, словно обрушивало на ее голову весь гнев Господень. У девочки уже давно кружилась голова, во рту пересохло и звенело в ушах. Все утро она с трудом сдерживалась, чтобы не взорваться и не послать Хилли ко всем чертям — он, не закрывая рта, уже который час болтал всякую чушь, то рассказывая ей бессвязные подробности очередного фильма про Джеймса Бонда, то излагая еще более идиотские сюжеты про гадания на ядовитых змеях и описывая страшные происшествия, связанные с ползучими гадами, которые он почерпнул из бесконечных мультфильмов и дурацких воскресных шоу.

— Тебе надо было это видеть! — восклицал он, подпрыгивая от возбуждения и отбрасывая желтые волосы с красного, покрытого потом лица. — Джеймс Бонд, о, бог ты мой, он взял да *и спалил эту гадюку*. Прикинь! У него был баллончик с дезодорантом, что ли? И вот, он видит в зеркале эту змеюку, он разворачивается вот так — *смотри!* — и

[3] Рене Робер Кавелье Ла Саль (1643–1687) — французский путешественник, исследовал район Великих Озер в США и Канаде, проплыл по Миссисипи с севера на юг до Мексиканского залива. Ла Саль объявил весь бассейн Миссисипи французской территорией.

подносит сигару, и вдруг — бабах! — из баллона пламя как вылетит прямо через всю комнату!

Он зацепился пяткой за кочку и чуть не свалился на руки Харриет. Она оттолкнула его, молча разглядывая дремлющую гадюку и обдумывая план действий. Они вышли на охоту, вооружившись пневматическим ружьем Хилли, двумя обструганными рогатинами, «Справочником рептилий и амфибий юго-восточных районов Соединенных Штатов», парой садовых перчаток, позаимствованных у Честера, жгутом, перочинным ножом и мелочью для телефона на случай, если кого-нибудь из них укусит змея. Харриет еще прихватила с собой розовую коробку для завтраков, принадлежавшую Алисон, в которой она с большим трудом провертела отверткой несколько дырок. Первоначально их план был прост — потихоньку подойти в змее, дождаться, когда она бросится на них, и пригвоздить ее голову к земле рогатиной. После этого схватить ее за туловище чуть выше головы, чтобы она не смогла обернуться и куснуть их, бросить в коробку и закрыть ее.

Однако на деле все оказалось не так просто. Первые обнаруженные ими змеи — три юные гадюки, ярко-рыжие, блестящие, греющиеся бок о бок на плоском камне, — напугали детей так, что они сначала решили к ним вообще не подходить. Хилли бросил в их сторону камень. Две гадюки прыснули в разные стороны и в мгновение ока скрылись из виду, но третья рассвирепела и стала атаковать, яростно, методично жаля воздух, камни, землю и все, что привлекало ее внимание.

Хилли и Харриет опешили от ужаса. Они попытались было приблизиться к змее, но разозленная рептилия удвоила скорость нападения и стала бросаться то на одного, то на другого с такой быстротой, что у Харриет закружилась голова и противно заныло под ложечкой. Хилли попытался стукнуть змею рогатиной, и после этого гадюка выпрямилась во весь свой метровый рост и бросилась в его сторону. Хилли заорал во весь голос. С придушенным криком Харриет кинулась на змею и придавила ее рогатиной к земле прямо за головой. Гадюка извивалась, корчилась и била хвостом по земле с силой и яростью одержимой. Харриет непроизвольно отшатнулась в сторону, чтобы хвост змеи не ударил ее по ногам, и тут гадюка выскользнула из-под рогатины и немедленно скрылась в засохших кустах, а дети уставились друг на друга, открыв рты и медленно приходя в себя.

Харриет оглянулась вокруг — тишина и пустота. Если бы на Джордж-стрит какой-нибудь ребенок заорал так же громко и с таким ужасом, как только что орал Хилли, через секунду все соседи, включая миссис Фонтейн, миссис Годфри, Иду Рью и еще с десяток домохозяек, проводящих свой день на кухне, высыпали бы на улицу, чтобы прекратить очередные детские шалости: «Дети! Немедленно оставьте змею в покое! А ну, расходитесь по домам!» Но в «Дубовой роще» было тихо, как в мавзолее. Харриет подумала, что этот район — идеальное

место для маньяков: тут можно душить, резать и терзать своих жертв до полного удовлетворения собственных потребностей, все равно никто не появится. Самое удивительное, что соседние участки вообще-то были обитаемые. Из окон ближайшего дома доносился идиотский смех и крикливые шутки очередного шоу, но больше никаких признаков жизни дом не подавал — темные окна, парадная дверь закрыта, только ярко-красный «бьюик» стоит у входа.

Наконец Хилли отряхнулся, как щенок, выбежавший на берег из воды, и, энергично размахивая палкой, пошел прочесывать сухую траву. «Ах, деточка, скорей иди сюда, — гнусаво напевал он, — *ползи сюда,* моя деточка...»

Довольно быстро они обнаружили четвертую змею, на этот раз щитомордника — желтовато-коричневого, как будто намазанного воском, такой же длины, как и гадюки, но гораздо более толстого — чуть не с руку Харриет. Хилли едва не наступил на него в кустах. Свернувшийся кольцом щитомордник развернулся, как пружина, и попытался укусить Хилли за икру, но Хилли оказался проворнее — он отпрыгнул, выхватил рогатину и одним ударом пригвоздил змею к земле. «Ха!» — вскричал он победным голосом.

Харриет нервно засмеялась, трясущимися руками она попыталась открыть защелку приготовленной змеиной переноски. Эта змея была не такой быстрой и нервной, как гадюка; она медленно извивалась на земле — видимо, проверяя рогатину на прочность. Но, с другой стороны, она была гораздо толще — поместится ли она в коробке? Хилли, от страха и возбуждения издающий тонкие, хихикающие звуки, растопырил пальцы и наклонился, чтобы схватить ее...

— За голову хватай! — взвизгнула Харриет, с грохотом роняя коробку.

Хилли отпрыгнул назад. Палка выпала у него из рук. Щитомордник неподвижно лежал на земле. Затем мягко и неторопливо он поднял голову и холодно, оценивающе осмотрел детей своими узкими зрачками, прежде чем броситься на них с быстротой молнии.

Хилли и Харриет кинулись прочь, не разбирая дороги, натыкаясь друг на друга и беспомощно визжа от ужаса. Они промчались через кусты и заросли чертополоха, оставляя на одежде колючки и репьи, и пришли в себя только перед широкой канавой, отделяющей их от асфальтовой дороги. От застоявшейся воды поднимался тухлый запах, а сама канава кишела головастиками на разной стадии отращивания ножек. Дети бросились вниз, перебежали по противно-мягкому, шевелящемуся дну канавы и на четвереньках выбрались на асфальт. Лица их были свекольно-красными от жары, из глаз непроизвольно текли слезы, обоим казалось, что они вот-вот потеряют сознание. Нарушая неписаный школьный этикет — никогда не приближаться к существу противоположного пола ближе чем на метр, если только не хочешь толкнуть или ущипнуть его, — они прижались друг к другу,

расширенными от ужаса глазами глядя на проложенную ими в сорняках широкую тропу. В первый раз Харриет не думала о том, что может показаться трусихой, а у Хилли их близость не вызвала желания ни поцеловать, ни напугать ее. Вонь, исходившая от их одежды, заставила Хилли согнуться в приступе тошноты и зажать кулаком рот.

— Ты в порядке? — только и сумела пробормотать Харриет, и тут ее саму чуть не вырвало, когда она заметила на асфальте бледно-зеленые ошметки раздавленного головастика.

Дети уселись верхом на велосипеды, чтобы немного отдохнуть и решить, что делать дальше. Придя в себя, глотнув тепловатой воды из фляги, которую взял с собой Хилли, они решили продолжить охоту, вооружившись на этот раз пневматическим ружьем. Правда, Харриет пошла на это с большой неохотой — голова у нее разламывалась от боли, в глазах кружились темные точки, и голос Хилли, рассказывающего бесконечные байки про Джеймса Бонда, подобно жужжанию назойливого комара, проникал ей прямо в черепную коробку и выедал в мозгу дыры. Хилли, напротив, казалось, весь был накачан адреналином — его лицо пылало, дыхание было частым и неглубоким, но он скакал по кочкам, показывая Харриет, что он сделает со следующей змеей — как он растопчет ее ногами, разрежет на куски, проедет по ней велосипедом, — сопровождая рассказ тренировочными выстрелами по сорнякам.

— И вот если бы у меня был такой чемоданчик, как у Бонда, ну, тот, что выпускал слезоточивый газ и пулями тоже стрелял, я бы этого щитомордника так уделал, он бы враз потерял все *щиты* на своей *морде*...

Харриет, теряя терпение, негромко сказала:

— Ты хотел схватить его слишком низко — он бы укусил тебя...

— Заткнись! — после короткой злой паузы воскликнул Хилли. — Это ты виновата, он уже был у меня под колпаком. Если бы не ты со своим дурацким криком..

— Осторожно! Сзади!

— Еще одна гадючка? — Хилли осторожно присел и обернулся. — Где она?

— Вот там, — Харриет сделала шаг вперед, чуть нагнулась, показывая — да вот же она!

Острая головка поднялась, змея, не открывая глаз, секунду помотала головой в воздухе, затем опять плавно опустила ее на землю.

— Эй, да она совсем маленькая, — разочарованно пробормотал Хилли, садясь на корточки, чтобы получше рассмотреть гадюку.

— Это не важно... Ах! — Харриет неловко отступила на шаг, когда слепая голова внезапно ожила и метнулась в ее сторону.

Первый шарик, выпущенный из ружья, безобидно ударился о кроссовку Харриет, но второй попал ей в ногу, и Харриет ойкнула от боли. Она отпрыгнула от целой россыпи шариков, взрывающих пыль у

ее ног, и завертела головой, стараясь не упускать змею из виду. Гадюка, казалось, пришла в настоящий азарт от обстрела и решила во что бы то ни стало настичь свою жертву — она уже два раза укусила кроссовку Харриет, а теперь метила выше.

Плохо соображая, что делает, Харриет нырнула в придорожную канаву, упала на четвереньки и выскочила на асфальт. Она тяжело осела на горячую дорогу, размазывая грязь по лицу, и обернулась. Сквозь комариный звон в ушах и сероватую дымку перед глазами она увидела, что гадюка бесстрастно рассматривает ее с расстояния примерно полутора метров. Ружье Хилли заело, он бросил его и помчался за палкой.

— Сиди смирно, я сейчас! — крикнул он на бегу.

Харриет взглянула в ледяные глаза гадюки, чистые, не замутненные эмоциями глаза прирожденного убийцы. «Что это со мной? — пронеслось у нее в голове. — Неужели у меня солнечный удар?»

— Хей! — донесся до нее далекий голос Хилли. — Харриет?

— Сейчас, подожди. — Язык стал таким огромным, что не помещался во рту. Харриет зашевелилась на асфальте, пытаясь подняться, но не смогла вспомнить, где у нее верх, а где низ.

— Эй, дурилка, ты в порядке?

— Отстань, — сумела пробормотать Харриет.

Солнце выжигало огненные круги за ее веками. Даже с закрытыми глазами она продолжала чувствовать на себе змеиный взгляд — узкие черные полоски зрачков, кислотно-желтая радужка. Она попыталась дышать ртом, но поднимающаяся от джинсов вонь была такой густой, что оседала мерзким привкусом на языке. Внезапно Харриет поняла, что сидеть опасно, и попыталась подняться, но тут же тяжело рухнула на асфальт, ударившись о дорогу головой.

— Харриет! — голос Хилли совсем отдалился и звучал будто с облака. — Да что с тобой? Вставай, мне страшно...

Но Харриет ничего не могла ответить — как парализованная, она неподвижно лежала на спине, глядя в бессердечно синее небо, и вдруг что-то темное наклонилось над ней, что-то липкое скользнуло по щеке. В панике она попыталась отвернуться, но липкая субстанция продолжала скользить по ее лицу, по шее... И вдруг что-то холодное, невыразимо гадкое коснулась ее губ — и Харриет открыла рот и заорала так, как не кричала никогда в жизни.

— Ну, вы двое — полные придурки! — озабоченно проговорил Пембертон. — Совсем обалдели? Кто это из вас додумался поехать в эту глушь, да еще в такую жару? Да на улице, наверное, градусов сорок, не меньше.

Харриет лежала на заднем сиденье машины Пема и глядела в окно на проносящиеся мимо верхушки деревьев. Судя по их листве и размерам, они уже выехали из «Дубовой рощи» и приближались к

старым районам. Она закрыла глаза. Несмотря на прохладу в машине, голова у нее по-прежнему страшно болела, а в глазах подозрительно мелькали и кружили красные пылинки.

— Все корты стоят пустые, — продолжал Пем. — И в бассейн никто не ходит. Наверное, народ у теликов сидит, смотрит этот дурацкий новый сериал «Прожитая жизнь», или как его там.

Мелочь, которую дети взяли с собой, в конце концов пригодилась. Хилли, героически преодолевая страх, усталость и судороги в ногах, больше мили ехал на велосипеде, пока не нашел работающий телефон-автомат. Харриет, которую Хилли оставил поджариваться на асфальте в полубессознательном состоянии, эти сорок минут показались самыми длинными в жизни. Она понимала, что должна быть благодарна ему за помощь, но сейчас ей было не до этого.

— И чего вас вообще потянуло туда? Ты что, знаешь кого-нибудь в этом районе?

— Нет, — односложно ответил Хилли.

— Так что же вы тут делали?

— Охотились на змей... Ой! Прекрати! — заорал Хилли, когда Харриет с силой дернула его сзади за волосы.

— Ну да, если вы хотели поймать змею, тогда вы, конечно, пришли по адресу, — лениво проговорил Пем, поднимая бровь. — Этого добра здесь навалом. Вейн, который убирает территорию в Загородном клубе, рассказывал мне, как его наняла одна местная дамочка бассейн почистить, — так он убил пятьдесят тварей за один раз, понятно?

— Что, ядовитых змей?

— Какая разница? Я бы и за миллион долларов не согласился жить в этой дыре. — Пем откинул голову назад, изображая презрение. — Этот же Вейн мне рассказывал, что под одним домом они нашли *триста* змей. *Под одним домом,* представляете!

— А я поймал щитомордника, — сказал Хилли.

— Ага, поймал, как же! И куда ты его дел?

— Я его отпустил.

— Так я тебе и поверил. — Пембертон искоса взглянул на брата. — Он что, бросился на тебя?

— Нет. — Хилли поерзал на сиденье.

— Я не верю всем этим сказкам, что змеи, мол, боятся людей и тому подобное. Водяной щитомордник, например, никого не боится — такая лютая тварь! Один такой плыл за нами через все озеро, прикиньте! Хорошо еще, что мы были на байдарке! И все равно, время от времени он подплывал к лодке и бился в дно головой, вот так: *бам, бам.* — Пембертон сначала рукой изобразил изящные, гладкие движения плывущего щитомордника, потом несколько раз ударил кулаком в плечо Хилли.

— И что вы сделали? — спросила Харриет. Она уже пришла в себя настолько, что смогла сесть прямо.

— А, тигрица, очнулась наконец. Я уж думал, что придется везти тебя прямиком к врачу. — Лицо Пема, которое Харриет увидела в зеркале заднего вида, поразило ее — нос и щеки были белыми как мел. Наверное, намазался кремом от загара.

— Значит, у тебя новое хобби — охота на змей? — спросил он отражение Харриет.

— Нет, — резко сказала она, рассерженная и расстроенная его насмешливым тоном. Она откинулась назад так, чтобы ему не было видно ее лица.

— Эй, тут нечего стыдиться.

— А кто сказал, что я чего-то стыжусь?

Пем усмехнулся.

— Ну, Харриет, все знают, что ты крутая, — сказал он примирительно. — Я только хотел сказать, что вы идиоты, если охотитесь на змей с помощью рогатин. Так вам их не поймать. Вам надо достать алюминиевую трубку и приделать на нее петлю из бельевой веревки. Тогда все просто — набрасываете змее на голову петлю, затягиваете — и она ваша. А потом вы сможете отнести ее в ваш *зооуголок* и всех поразить *по-настоящему,* так? — Он больно щелкнул Хилли по лбу.

— Заткнись! — заорал Хилли, сердито потирая лоб. Пем никогда не упускал случая подразнить Хилли за ту историю с коконом бабочки, который Хилли готовил для своего биологического проекта. Бедный Хилли тогда потратил шесть недель, выхаживая куколку, прочитал тонну книг по биологии, делал записи, грел ее под лампой и в результате, когда из куколки никто так и не появился, принес ее в школьную лабораторию. Каково же было его отчаяние, когда оказалось, что никакая это не куколка, а просто засохшая кошачья какашка.

— Может, тебе *показалось,* что ты поймал щитомордника? — Пембертон расхохотался, повышая голос, чтобы перекричать Хилли, который изрыгал на него град проклятий и ругательств. — Может, это был совсем не щитомордник, а? Большая, свежая собачья какашка, когда она лежит в траве свернувшись, выглядит совсем как..

— Как ты! — проорал Хилли, осыпая ближайшее к нему плечо брата ударами.

— Ну ладно, хватит уже, закрыли тему, понятно? — произнес Хилли в десятый раз.

Они с Харриет висели на бортике бассейна с глубокой стороны. Шел уже пятый час, тени деревьев постепенно удлинялись, частично нависая над водой. С противоположной стороны орали и плескались пять или шесть малышей, а их толстая мамаша бегала вдоль бортика, тщетно призывая детишек вылезти из воды. Около бара на шезлонгах расположилась стайка девочек в узеньких бикини, они хихикали и жеманно потягивали лимонад со льдом.

Хилли побрызгал водой горящее лицо. Не помогло. В бассейне было полно хлорки или еще какой-то гадости, от нее обожженная на солнце кожа горела еще сильнее.

— Придурок, — прошипел он, думая о Пеме. Он все еще не мог прийти в себя от оскорбления, которому подвергся в машине. И когда Пем перестанет наконец доставать его этой несчастной историей?

Харриет взглянула на него без выражения, явно думая о своем. Волосы у нее прилипли ко лбу, лицо покрывали рваные солнечные блики, от которых глаза ее казались маленькими, а рот перекошенным. Хилли злился и на нее тоже — она-то смеялась над какашкой не меньше других (впрочем, над этой историей потешалась вся школа без исключения), а у Хилли до сих пор от стыда и смущения потели ладони, стоило ему вспомнить об этом.

Она все еще смотрела на него. Хилли зло прищурился.

— Ну, а ты на что уставилась? — спросил он.

Харриет оттолкнулась от борта и демонстративно сделала кувырок назад. Хилли так не умел. *Подумаешь!* — подумал он презрительно; может она еще предложит ему посидеть под водой и сосчитать до двухсот? Харриет преуспела в задержке дыхания, а у него этот трюк никак не выходил.

Она вынырнула, и он решил сделал вид, что вообще ее не замечает.

— Где ты, бедный мертвый Ровер? — запел он сладким голоском, который она ненавидела. — *Песик умер, где же он? Ножка тут, Ножка там.*

— Ладно, можешь не ходить со мной завтра. Я сама поймаю эту змею.

— *Хвост уехал в Роттердам,* — пропел Хилли, глядя вверх, открыв рот и изображая из себя идиота.

— Мне наплевать, пойдешь ты или нет.

— По крайней мере, я не падаю на землю и не воплю, как сопливая девчонка. — Он захлопал ресницами. — *Ой, ой! Хилли, спаси меня, Хилли!* — в притворном ужасе закричал он таким тонким голосом, что девочки на противоположной стороне бассейна дружно рассмеялись.

В лицо ему ударила струя воды.

Он увернулся, ловко пустил в Харриет широкого «слона» и нырнул, чтобы избежать ответного удара.

— Харриет, а Харриет? — вынырнув, прокричал он издевательским детским голоском. — Давай поиграем в лошадку! Я буду передней частью, а ты будешь *самой собой.*

Довольный, что ему удалось ее рассердить, Хилли повернулся и изо всех сил погреб на середину бассейна, шлепая по воде руками и ногами. Пять огромных стаканов кока-колы, которые он выпил за день, наполняли его живот приятной прохладой, а концентрация сахара в крови была настолько высока, что в ушах звенела трель.

На середине бассейна он оглянулся, ожидая погони, но вдруг понял,

что Харриет рядом нет. Завертевшись на месте, он заметил ее вдалеке — она быстрым шагом уходила в сторону женской раздевалки, оставляя за собой цепочку мокрых следов.

— Харриет, стой! — заорал он и тут же наглотался воды — он совершенно забыл, что находится еще на глубоком месте.

Небо было голубино-серым, вечерний воздух душным, мягким. Обернув плечи полотенцем, Харриет быстро шла по направлению к дому.

Из-за угла с визгом вывернула машина, битком набитая девчонками из класса Алисон. Это были «элитные» девчонки — те, что всегда выигрывали разные призы и побеждали на конкурсах красоты. Их вечно выбирали королевами балов, благотворительных базаров и футбольных матчей. Тоненькая, хрупкая Лиза Левитт, Пэм МакКормик со своим темным конским хвостиком, Джинджер Херберт, это она выиграла последний школьный конкурс красоты, а рядом с ней Сисси Арнольд, вовсе не красавица, но такая же заметная, как и ее подруги. Их лица, сияющие, юные, почти совершенные в своей красоте, с умело наложенным макияжем, с вечными улыбками, промелькнули в полуметре от Харриет. Они были похожи на кукол, которых нарядили в мини-шортики и открытые маечки и посадили в машину. На нее они и не взглянули, и от этого Харриет почему-то стало очень стыдно. То же самое произошло с ее мамой — после смерти Робина их старые друзья, которые раньше каждую неделю приходили в гости к Кливам играть в бридж, почему-то исчезли и больше не появлялись. Когда Шарлот встречала их в церкви по воскресеньям, они с преувеличенной сердечностью жали ей руку и спрашивали, как идут ее дела, но в лицо не смотрели. Впрочем, сама Шарлот вряд ли это замечала.

Харриет шла, глядя под ноги, как вдруг услышала над ухом знакомый булькающий звук. Бедный дурачок Кертис Ратклифф — летом он целыми днями шлялся по улицам Александрии со своим водяным пистолетом, расстреливая кошек, собак и чужие машины, — направлялся к ней через дорогу. Когда он понял, что Харриет его заметила, его широкое монголоидное лицо расплылось в улыбке.

— Хат! — Он замахал толстыми руками так, что все его тело заходило ходуном, а потом запрыгал, грузно приседая на обе ноги. — Холосо? Все холосо?

— Привет, Аллигатор, — сказала Харриет, чтобы немного его посмешить. Довольно долго Кертис всерьез считал, что все вокруг можно описать одним словом — *аллигатор*.

— Холосо? Хат, *все холосо?*

Он не успокоится, пока не получит ответа, решила Харриет.

— Да, Кертис, да, у меня все хорошо! — прокричала она. Кертис обожал громкие звуки.

Его улыбка расплылась еще шире.

— Я люблю торт, — сказал он.

— Кертис, ты бы ушел с проезжей части, а?

Кертис застыл и поднес руку ко рту.

— А-ка! У-гу! — Он загукал, как маленький ребенок, потом по-заячьи запрыгал через дорогу, обеими ногами запрыгнул на тротуар и остановился перед ней. — А-га! Ку-ку!

— Теперь ты загораживаешь мне дорогу, — сказала Харриет.

Кертис согнулся пополам от смеха, закрыл лицо руками и взглянул на нее сквозь щель между пальцами.

— Змея кусит, — сказал он.

Харриет вздрогнула и посмотрела на него с подозрением. Из-за своей болезни Кертис неотчетливо выговаривал звуки. Какую фразу он только что произнес? Может быть, *Моя пуся?* Или *Здесь гуси?* Или еще какую-нибудь подобную чепуху?

Однако, прежде чем Харриет успела спросить, Кертис вздохнул поглубже и засунул водяной пистолет за широкий ремень новых джинсов. Затем осторожно взял ее руку в две свои липкие мягкие ладони и потряс.

— Кусит, кусит! — воскликнул он радостно, повернулся и бросился обратно через дорогу к дому, оставив Харриет в недоумении стоять на тротуаре. Она пожала плечами и плотнее закуталась в полотенце.

Хотя Харриет не могла знать об этом, но в доме напротив действительно рассуждали о змеях. В небольшой съемной квартирке на втором этаже, принадлежащей Рою Дайлу, пол шевелился под несколькими плетеными корзинами, плотно набитыми ядовитыми змеями: полосатыми гремучниками, тростниковыми змеями, техасскими гремучниками, водяными и медноголовыми щитомордниками, а в отдельной корзине, свернувшись, спала настоящая королевская кобра, доставленная прямиком из Индии.

Рой Дайл владел дюжиной объектов недвижимости, разбросанных по всему штату. Получал он свои дома незатейливым, но действенным способом. Объектом его охоты становились одинокие обеспеченные дамы, которых Рой, надо отдать ему должное, исправно обихаживал: навещал в больницах, домах престарелых, хосписах, да и просто у них дома, держал за руку, читал им Священное Писание, приносил супы в банках и фрукты, а в хорошую погоду даже возил за город. Неудивительно, что в большинстве своем дамы с радостью и совершенно добровольно оставляли свою недвижимую собственность обаятельному и заботливому молодому человеку. Часть средств Рой перечислял на счет Первой баптистской церкви, поэтому совесть его совершенно не мучила. В отношении дома, принадлежащего ранее покойной мисс Анни-Мэри Алфорд, Дайл испытывал двойственное чувство. Мисс Анни-Мэри злодейски обманула его ожидания, умудрившись каким-то образом не подписать дарственную на дом и запутать его в сети,

расставленной адвокатом, которого она для чего-то наняла. Узнав после ее смерти об эдаком коварстве, Дайл был готов собственноручно прибить зловредную старуху еще раз, если бы она каким-то чудом ожила. Но, с другой стороны, он уже настолько сроднился с домом и так его полюбил, что ему не оставалось ничего другого, как выложить за него собственные денежки. Конечно, после покупки дом подвергся полной переделке. Все дурацкие кусты сирени были срублены, клумбы роз около дома превращены в бетонные площадки, Дайл прорубил еще один вход и стал сдавать два этажа дома разным, соответствующим его денежным и прочим запросам, клиентам. Первый этаж он сдал двум опрятным, чистеньким мормонским проповедникам — кроме их дурацкого учения, в них не было ничего плохого: они не пили, не курили и почти не готовили дома. Впрочем, и в учении их ничего дурного не было, просто оно не произвело впечатления на жителей Александрии — за десять лет обитания в городе мормонам не удалось обратить в истинную веру ни одного местного жителя. Но они не теряли надежды и продолжали снимать свою квартирку к взаимному удовольствию сторон.

Квартире на верхнем этаже, которую сейчас снимал Юджин Ратклифф, повезло гораздо меньше — в первой, проходной, комнате линолеум был выжжен, а обои на стене до сих пор покрыты гарью — последствия инцидента с плохо работающей электроплиткой, на которой прежние жильцы, огромная семья каких-то восточноевропейских славян, пыталась приготовить обед на десять персон.

Посредине этой, еще пахнущей обгоревшим линолеумом комнаты, стоял Юджин Ратклифф и нервными движениями забрасывал свои длинные, свисающие жирными прядями волосы за грязные уши. Его рассеянный взгляд был устремлен на улицу — на другой стороне дороги полоумный братец Кертис прыгал вокруг невысокой черноволосой девочки и тряс кулаками перед ее носом. Девочка слегка отшатывалась, но в целом не выглядела слишком испуганной. На стене, закрывая особенно отвратительную часть обоев, красовался нарисованный от руки плакат, произведение самого Юджина. — К сожалению, по настоянию домовладельца ему пришлось снять его с наружной двери:

> Да поможет нам Бог!
>
> С помощью Творца нашего и сына его Иисуса, братья, укрепим истинную нашу Протестантскую веру!
>
> Ты, мистер Наркоман, и ты, мистер Пушер, ты, мистер Жид, и ты, мистер Коммунист, и все прочие подонки, и все те, кто нарушает наш Святой Закон, — берегитесь, ибо Иисус уже вычислил вас и тысячи глаз следят за вами. Лучше покайтесь и смените профессию, пока Страшный суд не настиг ваши грешные дела!

После этого шло изображение американского флага и большой кукиш, который Юджин показывал всем неугодным его Богу людям.

Посетитель Юджина — худой, бледный юнец с маниакально расширенными глазами и ушами, которые отстояли от его головы наподобие локаторов, подошел к Юджину и тоже взглянул в окно. — Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное, — сказал он, указывая на Кертиса, — ради таких, как он, Спаситель и пролил свою кровь! — Его застывший взгляд фанатика одновременно пугал и притягивал Юджина, непонятно было, то ли рядом стоит полный идиот, то ли отмеченный печатью святости праведник.

— Аминь, — машинально ответил Юджин, бросая обреченный взгляд на корзины со змеями. Он вообще терпеть не мог змей, но почему-то подумал, что у этих наверняка весь яд уже выдоен. Иначе как эти лесные проповедники целуют змей прямо в морду или запихивают их себе под рубашки? А то выпускают десятки гадов на пол своих церквей во время службы… Сам Юджин никогда не видел «змеиных» обрядов (впрочем, в его штате они и не практиковались, «змеиные» пасторы промышляли в основном в Кентукки, откуда приехал и его нынешний гость). Однако Юджин на своем веку повидал немало других чудес — например, как святые праведники изгоняли бесов, ударяя одержимых ладонью по лбу. Несчастные, которые до избавления могли только кататься по земле, изрыгая проклятия, внезапно затихали, а вредный, нечистый дух вырывался у них изо рта вместе с кровавой слюной. Он видел и наложения рук, от которых слепые прозревали, а хромые начинали бегать, видел даже, как священник епископальной церкви из Пикенса, что в штате Массачусетс, воскресил толстуху в зеленом брючном костюме.

Юджин не брал под сомнение законность подобных феноменов, так же как не терзался подозрениями, честно ли проводятся матчи по рестлингу, хотя и догадывался, что результаты многих матчей были предопределены. И конечно, многие из тех, кто совершал чудеса во имя Господа, на поверку также оказывались мошенниками. Однако Юджина это не беспокоило — Иисус и сам прекрасно знал о менялах и торговцах, ведь это он когда-то выгнал их из храма. Что касается Юджина, то его вера в Иисуса была непоколебима, и покоилась она на всепоглощающем, вселенском ужасе и восхищении перед мощью Творца и его Святого Сына.

Юджин был глашатаем слова Божьего, хотя не принадлежал ни к одной из официальных церквей. Он проповедовал для всех, чьи уши были открыты для истинного познания, как это делал когда-то Иоанн Креститель. Но несмотря на то, что вера Юджина не знала предела, Господь почему-то не наделил его ни харизмой, ни особым ораторским искусством, и иногда, когда Юджин понимал, что он не в силах преодолеть косность мирян (в том числе и в собственной семье), он был

близок к отчаянию. Однако Юджин ни на секунду не усомнился в предначертанной ему свыше миссии — видимо, Господь специально поручил ему проповедовать на обочинах дорог и заброшенных складах. Что ж, истинный праведник должен трудиться с таким же рвением среди малых, грязных и убогих сих.

Вовсе не он пригласил в гости лесного проповедника. Это все придумали его братья Дэнни и Фариш. «Мы хотим помочь тебе в твоем благородной деле», — с лживыми улыбками говорили они, и при этом так яростно подмигивали друг другу и так пыхтели, стараясь не расхохотаться, что даже Кертис заподозрил бы неладное. Этого проповедника Юджин никогда раньше не видел. Его звали Лойял Риз, и он был младшим братом Долфуса Риза, наркодилера из Кентукки, который работал вместе с Юджином и Фаришем в прачечной в той мерзкой тюряге, где они с Фаришем отбывали срок за угон машин. Они-то вышли, в конце концов, а вот Долфусу это не светило. У него был пожизненный срок плюс девяносто девять лет за рэкетирство и два убийства, в которых он, впрочем, так и не признался.

Долфус и Фариш в тюряге были не разлей вода, да и после освобождения Фариша не теряли связи. У Юджина было подозрение, что Фариш, будучи на свободе, помогает Долфусу в его тюремных махинациях. Юджин прекрасно помнил Долфуса — жутковатый великан под два метра ростом, способный водить машину с закрытыми глазами и голыми руками убить человека, по крайней мере, десятью разными способами. В отличие от молчаливого брата Юджина, Долфус был к тому же великий говорун. Его рассказы были и интересны, и поучительны. Сколько раз Юджин сидел раскрыв рот и под грохот стиральных машин жадно слушал истории Долфуса. Долфус происходил из семьи лесного проповедника, и его детство прошло в бесконечных скитаниях из штата в штат на автобусе, с подножки которого проповедовал отец. Бывало, семья месяцами жила в этом автобусе, и тогда все питались консервами, спали на соломе, а у ног их шипели и подергивались змеи. Больше всего воображение Юджина поражало описание богослужений — дети разбирали тамбурины и гитары; кому не доставалось инструмента, тот отбивал ритм на коленке, по четырем сторонам площадки зажигали факелы, голый по пояс отец глотал стрихнин из глиняного горшочка и обматывал себя змеями. Они ползли вокруг его рук, по спине и груди, наматывались на талию как живой пояс, их чешуйчатые тела раскачивались в такт музыке, поднимались в воздух как экзотические живые цветы. Отец Долфуса впадал в экстаз и проповедовал на неизвестных языках, притоптывал, приплясывал, хваля Господа, его знаки и его чудеса, его мудрость и радость его оглушающей любви.

Приехавший в гости к Юджину юнец, Лойял Риз, был самым младшим в семье и, по словам Долфуса, слыл материнским любимчиком. Она его еще в младенчестве укладывала спать рядом со

змеями — во-первых, больше было некуда, а во-вторых, она хотела, чтобы он был «отмечен». Лойял дрессировал змей с малолетства и чувствовал себя куда более комфортно в их обществе, чем в обществе людей. Юджин нахмурил брови, исподтишка разглядывая незваного гостя. Со своими оттопыренными ушами и широко распахнутыми карими глазами, источающими благостную надежду на спасение человечества от греха, он казался вполне искренним, даже чистым. Так зачем же братья прислали его? Юджин ни на минуту не обольщался относительно своих братьев — все они, кроме Кертиса, конечно, были отмечены печатью греха так сильно, что и пробу некуда было ставить. Они отстояли от слова Божьего так же далеко, как и те свиньи, перед которыми не стоило метать бисер. Они, конечно, обожали дразнить своего верующего брата и разыгрывать его, однако в чем был смысл этой шутки? Не отрываясь от окна, Юджин покачал головой и подумал, что скоро все разъяснится. На улице Кертис отстал от незнакомой девочки и вприпрыжку поскакал назад через дорогу.

— Почему ты не сказал мне, что эти змеи полны яда? — резко спросил он гостя.

Брат Долфуса в недоумении поглядел на него.

— Так они же ядовитые, — выпалил он, разводя руками.

— А почему ты не сцедил яд?

— Так нельзя — это же против природы Божьей! Когда мы молимся, мы используем змей целиком, так, как их создал Господь.

— Господи боже ты мой! — нетерпеливо воскликнул Юджин. — А если бы она меня укусила?

— Она не укусит тебя, брат мой, если ты уже отмечен Господом. — Гость отвернулся от окна и выразительно уставился на багрово-красный след ожога, занимавший почти всю левую щеку Юджина.

— Откуда у тебя этот знак, брат?

— Да так, случайно получил. — Юджин недовольно поежился, он не любил, когда ему указывали на его уродство. Свой шрам он получил, когда один подонок в тюрьме плеснул ему в лицо смесью щелока и крахмала, известного на тюремном жаргоне как «ангольский крем от морщин». Этого маленького мерзавца пришили через пару недель, так что Юджину даже не удалось с ним поквитаться. Самому Юджину пришлось проваляться в лечебнице не меньше месяца, счастье еще, что глаз уцелел. Врач так и сказал: «Твое счастье, подонок». Там же, в лечебнице, ему и открылась его новая ипостась: у Юджина начались видения. Несколько ночей подряд к нему являлся Иисус и рассказывал о великой миссии, которую он выбрал для Юджина. Через три недели Юджин вышел из лечебницы другим человеком, он пребывал в полной гармонии с миром и самим собой и был готов строить новую, безгрешную жизнь (правда, только после того, как расквитается с мерзавцем). Он был искренне поражен, когда узнал, что Господь в своей безграничной мудрости не дал ему совершить еще один тяжкий грех, и

после этого еще больше укрепился в новой вере.

— Мы все отмечены знаком, все, кто любит его, — продолжал Лойял. Он вытянул вперед руки — все в заживших шрамах, покрытые рубцами и струпьями. Один палец был чудовищным образом расплющен на конце, от другого остался лишь маленький пенек.

— В этом-то все и дело, — сказал Лойял. — Мы готовы умереть за него так, как он был готов умереть за нас. Поэтому, когда мы берем в руки убийственного змия, поражающего человека насмерть своим укусом, мы славим Господа нашего и таким образом выражаем ему нашу любовь. Так же как он выказал свою любовь нам.

Юджин даже растрогался. Ему пришло в голову, что мальчик-то, видимо, искренне верил в то, что говорит, как те древние мученики, что умирали на кресте со словом Божьим на устах. Он уже повернулся, чтобы сказать что-нибудь ободряющее, но тут резкий стук в дверь заставил их обоих вздрогнуть. *Тук-тук-тук!*

Юджин задрал голову — глаза метнулись в угол. Оба затаили дыхание, и на какое-то время в квартире воцарилась полная тишина, прерываемая только сухим, шелестящим треском, раздающимся из корзин. Он был таким тихим, что Юджин только сейчас услышал его и снова поежился.

Тук-тук-тук-тук! Стук в дверь повторился с новой силой, энергичный, настойчивый. Не иначе как сам Рой Дайл пожаловал. Юджин всегда старался вовремя платить за квартиру, но Дайл вечно лез в его жизнь, вынюхивал, высматривал и наносил визиты в самые неподходящие для этого моменты. Как сейчас, например.

Молодой Риз положил руку ему на плечо и наклонился к его уху.

— У нашего шерифа ордер на мой арест, — прошептал он одними губами. Его дыхание пахло сеном. — Мой папаша и еще пятеро из нашего клана были арестованы позавчера за нарушение общественного порядка.

Юджин успокаивающе похлопал его по руке, но тут мистер Дайл за дверью крикнул:

— Алло! Есть кто-нибудь дома? — И опять забарабанил в дверь. За этим последовала пара секунд тишины, а потом Юджин, к своему ужасу, услышал, как в замке тихонько повернулся ключ.

Он рванул в прихожую как раз в тот момент, когда дверь начала открываться, и подпер ее со своей стороны ногой.

— Юджин? — Ручка двери затряслась. — Это ты? Эй! Здесь кто-то есть?

— Да, мистер Дайл, сэр, — заговорил Юджин дружески-елейным тоном, который он специально приберегал для налоговых инспекторов и офицеров полиции. — Простите, сэр, сейчас не лучшее время для визита.

— А, Юджин, ты дома! Приятель, послушай меня. Мне нужно сказать тебе пару слов, понял? — В приоткрывшуюся щель протиснулся носок черной лаковой туфли. Юджин чуть посильнее налег на дверь со

своей стороны. — Эй, всего пару слов, на минуту. Полминуты.

Юджин приложил щеку к двери:

— Что вы хотите мне сказать?

— Юджин! — Ручка двери опять затряслась. — Впусти меня на секунду, и я сразу же уйду.

Ну и въедливый мужик, подумал Юджин, сам мог бы быть проповедником. Вслух он сказал, стараясь придать своему голосу самый вежливый и благочестивый тон:

— Простите меня, мистер Дайл, сэр, но сейчас мне совсем не до этого. Я как раз изучаю Библию, сэр, и не могу отвлекаться от этого занятия, сами понимаете, сэр…

За дверью воцарилась тишина. Затем Дайл раздраженно сказал:

— Ну что ж, пусть будет по-твоему… Но ты не должен выставлять мусорный бак перед домом до пяти вечера. Санитарная инспекция меня оштрафует! Тогда тебе придется отвечать, понял?

— При всем моем уважении, мистер Дайл, хочу заметить, что это не мой мусорный бак, это бак мормонов, сэр.

— А мне, собственно, без разницы, чей это бак, но до пяти вечера нечего его выставлять, понятно?

Юджин посмотрел на часы: *без пяти минут пять, баптистский ублюдок.* Вслух он сказал:

— Хорошо, сэр. Я присмотрю за этим баком, постараюсь, чтобы это не повторилось, сэр.

— Хорошо. Кстати, Юджин, я хотел заодно спросить тебя еще кое о чем. Этот, как его, Джимми Дейл Ратклифф — он, кажется, твой двоюродный брат?

После паузы Юджин осторожно сказал:

— Троюродный, сэр, а что?

— Нигде не могу найти номера его телефона. Не дашь мне?

— Да нет, сэр, Джимми Дейл и его бродяги телефонов не носят.

— Тогда ты не мог бы попросить его зайти ко мне в офис? Если увидишь его, конечно. Нам надо с ним потолковать о той машине, что он купил у нас в рассрочку.

Юджин вздохнул. Когда-то Иисус изгнал торговцев из храма — крушил их товар, опрокидывал столы. Но торговцы никуда не делись — просто вместо коров да овец у них нынче грузовики и машины.

— Ну что, скажешь ему?

— Конечно, мистер Дайл, сэр. Непременно скажу!

Шаги мистера Дайла прогрохотали по лестнице, и Юджин осторожно захлопнул дверь и прошел к окну на кухне. Дайл несколько минут ошивался где-то вне поля его зрения, наверное, стучал в дверь к мормонам, но потом уселся в свой «шевроле-пикап» с дилерскими номерами и поднял затемненные стекла на окнах. Юджин вздохнул с облегчением. Кажется, обошлось. В гостиной гость молился, опустившись на одно колено, закрыв глаза и раскачиваясь в экстазе. Не

зная, что с ним делать, Юджин прошел на кухню и отрезал себе кусок свежего домашнего сыра. Без хлеба, без молока, он вгрызся в солоноватую суховатую мякоть и прикончил его в один присест. Ему пришло в голову, что неплохо было бы повесить в комнате занавески. Конечно, квартира на втором этаже и все такое, но пока в доме эти змеи, не мешало бы немного защититься от посторонних глаз.

Ида Рью просунула голову в дверь комнаты Харриет. В руках у нее была охапка чистых полотенец.

— Что ты тут режешь? — спросила она подозрительно, глядя на лежащие на ковре ножницы. — Ты что, картинки из книги вырезаешь?

— Нет, мэм, — рассеянно ответила Харриет. Через открытое окно доносился далекий визг электрических пил — на участке около баптистской церкви опять валили деревья. Все им было не успокоиться — то парковки заливали, то новые корпуса пристраивали. Скоро ни одного деревца у них не останется.

— Смотри, если поймаю тебя на таком хулиганстве, мало не покажется!

— Да, мэм.

— Если они тебе не нужны, зачем они тут валяются? — Ида воинственно кивнула на ножницы. — Сию же минуту подбери их с пола.

Харриет послушно подняла ножницы, убрала их в секретер и закрыла крышку. Ида удовлетворенно шмыгнула носом и покатила дальше по своим делам. Харриет присела на кровать и, как только Идины шаги затихли в отдалении, снова достала ножницы из ящика и задумалась.

Из разных источников Харриет добыла семь альбомов, посвященных выпускникам Александрийской Академии, и сейчас внимательно рассматривала фотографии. Выпуск Робина и Пембертона был особенно живописен: во-первых, там было бесчисленное количество фотографий самого Пембертона, которые Харриет в сотый раз изучила со всем тщанием, — ну кто бы мог подумать, что из толстого, кривоногого младенца со зверским выражением лица и полным отсутствием лба может вырасти такой красавчик! Загорелый Пем с пшеничными волосами и широкими плечами в светлом фраке под руку с первой красавицей класса Дианой Ливитт сиял всеми своими тридцатью белоснежными зубами. Харриет перевернула страницу, вглядываясь в лица его одноклассниц: многие выглядели нелепо перед камерой, деревенское происхождение явно просвечивало сквозь шифон бальных платьев, мускулистые икры торчали из-под коротких пышных юбок. Конечно, это не касалось красавиц типа Дианы или Агни Станхоп, мерцающей, переливающейся в своем шелковом платье цвета сирени. Харриет тихонько присвистнула. Она на днях встретила Агни в булочной — едва узнала ее в бесцветной, толстой, рано постаревшей женщине. Странно! Но где же Дэнни Ратклифф? Его что, отчислили из школы?

Она не нашла его ни в выпускном году, ни даже в средней школе. Перевернув еще одну страницу, Харриет вздрогнула так сильно, что едва не уронила альбом, — она внезапно поняла, что смотрит прямо в глаза умершему брату.

На фотографии он улыбался, как всегда, ни чему-то, а кому-то, скорее всего человеку, державшему камеру. У него была особая улыбка — милая, светлая, радостная. Сердце Харриет сжалось, как обычно, когда она подумала, что никогда (какое страшное слово!) она не услышит звука его голоса, его смеха. Под фотографией было написано «Робин, мы скучаем!» и стояли подписи всех одноклассников. Харриет долго сидела и глядела на снимок, изучая черты его маленького лица, наполовину скрытого огромной соломенной шляпой (скорее всего, он снял ее с Честера). Солнечные зайчики прыгали по этому лицу, которое она с детства привыкла обожать. Оно и сейчас казалось ей красивейшим из всех, которые она когда-либо видела.

Фотографии Дэнни Ратклиффа не было и в младшей школе, но Харриет нашла его фамилию в классе Пема. Вместо фотографии на странице был помещен рисунок, изображавший подростка, сидевшего упершись локтями в стол и державшего листок бумаги, вверху которого корявыми буквами было написано: «Поддельный экзаменационный лист». А под ним подпись: «слишком занят — фото нету».

Получалось, что если даже его не выгнали из школы, он отстал от класса, по крайней мере, на год. Когда же это случилось?

Усилия Харриет все-таки принесли плоды — она нашла фотографию Дэнни в одиннадцать лет. Тогда он был даже красив, но какой-то пугающей, почти отталкивающей красотой — густые вьющиеся волосы падают на лоб, закрывая один глаз, а другой глядит из-под темных прядей с воинственной злостью, губы издевательски растянуты, словно он сейчас плюнет в камеру жвачкой или вишневой косточкой. Харриет удовлетворенно вздохнула. Взглянув на фотографию еще раз, она аккуратно вырезала ее из альбома и вложила в свою оранжевую книжку.

— Харриет! А ну быстро иди сюда! — прогремел голос Иды из-под лестницы.

— Что случилось, мэм? — крикнула Харриет, быстро запихивая альбом под кровать.

— Кто это прорезал дырки в такой хорошей коробке для завтрака?

Хилли не пришел навестить ее после обеда, не пришел и вечером. Когда он не появился и на следующее утро, Харриет решила, что она пойдет к Эдди завтракать. Моросил дождь, и настроение у Харриет было под стать — слезливое.

— А ведь еще дьякон, ты только подумай! — горячилась Эдди, расхаживая по кухне в джинсовом комбинезончике, который выгодно подчеркивал ее мальчишескую фигуру. Она собиралась провести этот день, ухаживая за могилами конфедератов в обществе дам из клуба

садоводов. — *Но, мадам,* — протянула она, выпятив губы трубочкой и имитируя гнусавый голос мистера Дайла. — *«Грейхунд» возьмет с вас восемьдесят долларов за проезд.* — «Не сомневаюсь! — ответила я. — И не нахожу это странным, представьте. Мне всегда казалось, что „Грейхунд“ — коммерческая организация и живет не на подношения прихожан, не то что церковь!»

Эдди произнесла эту тираду, откинув голову назад и глядя на Харриет испепеляющим взором. Она не обратила никакого внимания на необычную молчаливость внучки, и это повергло Харриет в еще более мрачное настроение. Она решила вообще не разговаривать с Эдди, пока та сама не спросит, что случилось.

— Конечно, я не стала напоминать этому *говнюку* о том, как он поступил с папой, — продолжала Эдди таким голосом, что Харриет стало ясно, что только чудом «говнюк» избежал этой страшной участи. — Понимаешь, в конце жизни наш папа стал совсем плохо соображать, и эта так называемая «инвестиция» в никому не нужную машину лишила его последних денег. Милый мальчик Рой мог с таким же успехом просто подойти и засунуть руку в папин кошелек. Что он и сделал. Никогда ему этого не прощу!

Она с обычной бодростью уселась за стол, положила себе на тарелку каши и раскрыла утреннюю газету.

Харриет поймала себя на том, что с тоской смотрит на заднюю дверь, и быстро уставилась в свою тарелку. Обычно, когда Хилли не заставал ее дома, он бежал к Эдди, чего Харриет не любила, потому что Эдди потом вечно дразнила ее — томно вздыхала, напевала любовные песенки себе под нос, бормотала про амурные дела юных сердец и вообще несла невыносимую чушь. Харриет плохо переносила, когда ее дразнили по любому поводу, а тема мальчиков была для нее особенно болезненна. Эдди делала вид, что не подозревает об этом и, в очередной раз доведя Харриет до белого каления, произносила снисходительным тоном, который особенно бесил ее жертву: «Н-да, видимо, тебе действительно очень нравится этот мальчик, раз ты так из-за него переживаешь».

— Мне кажется, — внезапно пылко воскликнула Эдди, и Харриет вздрогнула, отвлекшись от воспоминаний, и попыталась понять, о чем говорит ее бабка, — что они должны предоставить детям горячие завтраки, но не давать родителям ни копейки! — Она обсуждала сама с собой статью из газеты. До этого она говорила про проблему Панамского канала: как глупо было отдавать его вот так, задаром.

— Ладно, лучше я почитаю некрологи, — продолжала Эдди. — Папа всегда говорил: «почитаю-ка я некрологи, вдруг умер еще кто-то из тех, кого я знал».

Эдди открыла газету на последней странице.

— Когда же прекратится этот дождь! — возмущенно заявила она, глядя в окно и, по-видимому, совершенно забыв о существовании

Харриет. — Конечно, в помещении тоже полно дел, нам всем будет чем заняться — надо почистить горшки, вымести сараи, но гарантирую тебе, когда люди проснутся сегодня утром и посмотрят на небо…

Словно по заказу зазвонил телефон.

— Ну вот, — воскликнула Эдди, поднимаясь со стула и сцепляя руки на груди. — Я же говорила тебе! Вот и первый отказ!

Харриет брела домой, опустив голову, поставив на затылок гигантский зонтик Эдди — когда-то она играла под ним в Мэри Поппинс. Вода булькала и пузырилась в сточных канавах, желтые лилии, посаженные вдоль тротуара и прибитые дождем, задевали мокрыми лепестками ее голые ноги. Она каждую минуту ждала, что Хилли выскочит к ней из-за угла в своем желтом дождевике; конечно, она не станет с ним разговаривать, даже и бровью не поведет… Но улица была совершенно пуста — ни людей, ни машин.

Харриет изо всех сил наступила в лужу, пустив вокруг себя веер брызг. Они что, теперь не разговаривают с Хилли? Последний раз они поссорились надолго в четвертом классе. Был февраль, погода стояла ужасная — то дождь, то снег, на улице слякоть, поэтому гулять детей не пускали дня три или даже четыре. Запертые в четырех стенах, они чуть с ума не сошли от безделья, к тому же в классе ужасно воняло — смесью плесени, мокрого мела и мочи. Особенно вонял мочой ковролин на полу — проходя мимо, дети демонстративно зажимали носы и делали вид, что их сейчас вырвет, а впрочем, это было недалеко от истины: сидеть в переполненном классе при закрытых окнах становилось все невыносимей. Их учительница миссис Милли, которая страдала от дурного запаха точно так же, как и они, ходила по классу с баллоном освежителя воздуха, непрерывно брызгая над головами детей, так что домой они уходили, разнося вокруг ароматы женской уборной.

Миссис Милли, хоть и не имела права оставлять свой класс без присмотра, была не в состоянии выдержать эту газовую атаку в течение целого урока и периодически сбегала поболтать со своей подружкой, учительницей пятого класса миссис Ридаут, правда, всегда оставляя кого-то из «проверенных» учеников за старшего. В тот день она назначила старшей Харриет, честь весьма сомнительная, поскольку в обязанности старшего входило стоять «на стреме» у двери, в то время как остальной класс мог вволю беситься. Все разошлись не на шутку — в душном, жарком помещении и так было нечем дышать, к тому же Харриет ужасно хотелось в туалет, поэтому с чувством юмора в тот день у нее было неважно. Вокруг бегали, скакали, визжали, орали, играли в пятнашки, бросали друг другу в лицо бумажными шариками, а Хилли с Грегом ДеЛоучем развлекались тем, что устроили соревнования на меткость — кто первый попадет в темечко Харриет шариком? Они даже не опасались, что она наябедничает на них — дети так боялись миссис Милли, что никто в классе ни на кого не доносил. Но Харриет тогда

ужасно обиделась на Хилли — зачем он связался с Грегом, ее личным врагом? — и после урока взяла да и пожаловалась учительнице. Более того, она пожаловалась, что Грег обозвал ее шлюхой. Вообще-то Грег действительно когда-то обзывал ее и шлюхой и еще похуже, но в тот день ничего грубее «старого поноса» он не произнес. Миссис Милли страшно разгневалась и назначила обоим наказание: Хилли было приказано выучить написание пятидесяти четырехсложных слов, а Грег помимо этого задания получил еще десять ударов розгами от старой миссис Кеннеди, по прозвищу Мясник, у которой руки были, как у здоровенного мужика.

Хилли тогда три недели не разговаривал с Харриет — рекорд для их отношений, — но в основном потому, что все три недели учил проклятые слова. Зато он смог написать тест с минимальным количеством ошибок. А Харриет, после первых нескольких дней тоскливой пустоты, приучила себя к мысли о жизни без Хилли и даже не очень из-за этого переживала — в ее жизни ничего особо не изменилось, ну, стало еще чуточку более одиноко. Однако через три недели Хилли опять был у ее порога и предлагал покататься на великах. Он вообще всегда шел на примирение первым, независимо от того, кто был инициатором ссоры.

Харриет стряхнула водяные брызги с зонтика, сложила его и поставила в угол прихожей. Она хотела пройти к себе наверх, но путь ей преградила мощная фигура Иды Рью.

— Не спешите так, мисс, — сказала ей Ида грозно, — мы еще с вами не закончили разговор по поводу коробки для ланча. Ответь мне, с чего это тебе приспичило дырки в ней прорезывать?

— Это не я. — Харриет покачала головой. Признаваться она не собиралась, но и сил, чтобы яростно протестовать, у нее совершенно не было.

— И что, ктой-то влез в дом, чтобы дырки просверлить?

— Это коробка Алисон.

— Ты прекрасно знаешь, что твоя сестра не станет такой ерундой заниматься. — Харриет, шаркая, начала подниматься по лестнице. — И ты меня не проведешь, Харриет, нет, ни на единую минуту!

Мы сейчас дадим вам ток…
Вас энергией наполним…

Хилли сидел на полу перед телевизором, скрестив ноги и установив между ними большую коробку с засахаренными хлопьями. Его любимые игрушки, роботы-трансформеры, валялись на ковре, растопырив свои модифицированные конечности. Сверху лежал пластмассовый робот-супергерой, который выступал судьей в только что закончившемся поединке между трансформерами.

По телику шла сплошная ерунда, какая-то образовательная программа «Электрическая компания». Хлопья отмокли и больше не

хрустели, а от сахара все пальцы стали липкими. Пару минут назад в его комнату забежала мать и, сунув голову в дверь, весело спросила, не хочет ли он помочь ей приготовить печенье. Печенье! Хилли даже задохнулся от возмущения и буркнул с негодованием, что она, наверное, его совсем за девчонку держит, но ей хоть бы что, только плечами пожала и так же радостно прокричала: «Ну как хочешь, милый!»

Вот уж никогда! Никогда он не унизится настолько, чтобы интересоваться *печеньем.* Готовка и прочая фигня — это все для девчонок. А если бы мамаша и впрямь его любила, так отвезла бы прямо сейчас в боулинг-клуб.

Он забросил себе в рот еще одну пригоршню хлопьев и нахохлился. Фу, совсем раскисли, даже горчат немного.

В доме Харриет день тянулся все медленнее. Никто как будто не замечал отсутствия Хилли, никто, кроме Шарлот, от которой этого можно было меньше всего ожидать. «Где же твой маленький Прайс?» — крикнула она Харриет с террасы, когда та шла мимо нее во двор. Шарлот называла Хилли «Прайсом», потому что это была девичья фамилия его матери.

— Не знаю, — коротко бросила Харриет, стараясь побыстрее прошмыгнуть мимо матери. Ей было смертельно скучно, она то поднималась в комнату, бродила между кроватью и окном, играла с занавеской, то опять спускалась вниз. Прошатавшись так некоторое время, Харриет выбрала место в гостиной, где половицы были более или менее гладкими, села на пол и решила сыграть сама с собой в лото. Выкрикивая имена карточек, она пыталась попасть в тон монотонному пению Иды Рью, доносившемуся из кухни:

Моисей увидел камень, высеченный в скале...
Моисей увидел камень, высеченный в скале...
Моисей увидел камень, высеченный в скале...
Моисей увидел камень, высеченный в скале...

В коробке с лото Харриет нашла маленький мячик из упругого пластика, который прыгал выше настоящего резинового, и начала отбивать его от пола, считая при этом удары. Если мячик попадал на неровную поверхность доски, он норовил упрыгать в сторону, и пару раз она действительно его упустила. Ну вот, опять ускакал! В этот раз мячик попал на косо стоящую шляпку гвоздя, который был неплотно вбит в доску. Харриет прекрасно помнила этот гвоздь, поскольку много раз цеплялась за него босой ногой. А когда-то, ей было, наверное, года четыре, она решила прокатиться по паркету на попе, и гвоздь содрал ей все кружево со штанишек. С ее голубых штанишек из того симпатичного набора, на котором розовыми нитками были вышиты дни недели. Бедный гвоздь! Времена меняются, а он все торчит, как торчал, и

ничегошеньки с ним не происходит. Даже тот магазин, где мать покупала ей одежду, «Детский уголок», давно закрылся, а гвоздь все торчит. Харриет, проходя мимо этого магазина, всегда приставляла руки к глазам и прижималась лицом к стеклу — в темном пустом помещении можно было разглядеть все стоявшие там странные, жутковатые детские манекены... Голые, загорелые, с пластиковыми волосами и равнодушными полуулыбками, они глядели на нее из темноты.

Иисус был тот камень, высеченный в скале...
Иисус был тот камень, высеченный в скале...
Иисус был тот камень, высеченный в скале...
Иисус был тот камень, высеченный в скале...

Ну надо же, сколько она может бить по мячу, не упуская его! Да она, наверное, могла бы стать чемпионкой Америки. Или даже всего мира! Харриет считала удары, выкрикивая цифры все громче и громче, поражаясь собственной сноровке. Какое-то время ей даже удалось себя одурачить и решить, что ей весело, но как бы она ни старалась, в глубине души ее не оставляло тоскливое чувство, что никому в мире нет дела до того, весело ей или нет.

Дэнни Ратклифф вздрогнул и очнулся от беспокойного сна. Последние недели он спал совсем мало, с тех пор как его старший брат Фариш начал изготавливать метамфетамин [4] в сарае, который он именовал своей «таксидермической лабораторией». Там Фариш делал на заказ чучела животных. Фариш не был химиком, но метамфетамин он производил вполне хорошего качества, так что денег его производство приносило вполне достаточно. Теперь он зарабатывал раз в пять больше, чем раньше, когда промышлял грабежами и автомобильными кражами. Правда, сейчас Фариш и думать забыл о своих старых занятиях. После выхода из клиники для душевнобольных он очень изменился — решил больше на дело не ходить, хотя все еще с удовольствием консультировал братьев, к вящему огорчению последних, ибо Фариш был, несомненно, самым талантливым из всех по части взлома сейфов, отмыкания замков и запутывания следов. Впрочем, братья не принуждали его «вернуться к семейным делам» — всем было понятно, что польза от Фариша на воле во много раз превышает тот вред, которому окружающие подвергались, общаясь с ним.

Гениальность идеи получения метамфетамина в условиях таксидермического бизнеса заключалась в том, что Фариш имел доступ к тем химикатам, которые обычным путем достать было довольно сложно. К тому же вонь от выделанных шкур и обработанных химическими составами чучел заглушала отчетливый запах кошачьей

---

[4] Метамфетамин — психостимулятор, который в нашей стране известен как первитин, на жаргоне — винт.

мочи, выделяющийся при изготовлении наркотика. Ратклиффы жили в лесу, достаточно далеко от дороги, но запах был настолько силен, что мог легко выдать их истинное занятие. За годы общения с производителями, наркодилерами и потребителями амфетамина Фариш наслушался разных историй, от банальных случаев, когда вредные соседи доносили в полицию на «вонючий притон», до непредсказуемых ситуаций, когда порывом ветра предательский запах заносило в открытое окно полицейской машины.

Дождь прекратился, солнце весело било сквозь занавески в окно. | Дэнни зажмурился, перекатился на живот и спрятал голову в подушку. Его вагончик стоял в пятидесяти метрах от лаборатории, но запах доносился и сюда — настолько ужасающий, что хотелось блевать. Дэнни с трудом сдерживался, чтобы не рыгнуть. Смесь кошачьей мочи с формальдегидом — вот на что он был похож, этот запах, и он проникал повсюду, оседал на мебели, на одежде, растворялся в воде и воздухе, даже пластмассовые чашки его бабки насквозь провоняли мочой, а иногда Дэнни с ужасом замечал, что и сам он пахнет так же. Что уж говорит о Фарише — к нему сейчас на три метра было страшно подойти.

Дэнни лежал не двигаясь, пытаясь нормализовать дыхание и попробовать удержать в себе тот скудный ужин, что он съел накануне. Последние несколько недель он все время был под кайфом, почти не спал, так, кемарил по часу то днем, то ночью. Обычно он даже помнил в общих чертах, что делал накануне, хотя и не совсем отчетливо. Он ясно помнил, например, пронзительно-синее небо над головой, быструю музыку, льющуюся из приемника машины, свою ногу на педали газа, мелькающие за окнами деревья и дорожные знаки: надо разгоняться, ехать быстрее, быстрее, дни, ночи пролетали мимо так же стремительно, как километровые столбы на прямом участке шоссе. Не важно, куда ты двигаешься, важно, что ты двигаешься *быстро*. Некоторые его знакомые, правда (сам Дэнни был уверен, что он-то не попадется на эту удочку), с разгону зашли так далеко, что назад вернуться уже не смогли. Плохо кончили эти бедняги, и смотреть на них под конец было противно и страшно. Безумные, исхудавшие до дистрофии, бледные, с изменившимися лицами, они сегодня были уверены, что их заживо съедают черви, завтра — что их девушки изменяют им с огнедышащими драконами, а послезавтра — что за ними из телевизора следят агенты ЦРУ или что собаки лают азбукой Морзе. Дэнни знал одного такого доходягу — тот был просто живым скелетом (его звали мистер Рокинхэм, впрочем, он давно умер). Так вот, этот мистер Рокинхэм был уверен, что его пожирают глисты, днями сидел и резал себе бритвой руки, пытаясь зарезать своих невидимых врагов, шепча в экстазе: «Ага, попался!» или: «Вот тебе, гаденыш», пока не истек кровью. Сам Фариш пару раз приближался к такому состоянию — страшная картина полного распада личности, что ни говори. Дэнни совершенно не собирался повторять их судьбу. Он-то был в порядке, только вот руки у него дрожали и потел он,

как свинья, да еще не мог выносить громких звуков. «Нервы не в порядке, — говорил он себе, — сдают у меня нервы, вот и все». Каждую ночь его мучил один и тот же кошмар — что-то невыразимо страшное, бесформенное, слепое и смрадно-бездыханное затягивало его в свое чернеющее нутро, наполняя смертельным ужасом, от которого он не мог отойти даже днем.

Жирные черные мухи облепили лежащий на столе кусок подсохшей булки с джемом — его вчерашний обед. Когда Дэнни поднялся с кровати, они тоже с жужжанием взлетели и закружились вокруг его головы, совершая немыслимые пируэты, а потом, как по команде, дружно спикировали вниз и снова уселись на булку.

Теперь, когда его братья Майк и Рики Ли были в тюрьме, Дэнни жил в своем трейлере один, как король. Он содержал свое жилище в идеальной чистоте, но все равно, обстановка вагончика ему совсем не нравилась — от старости он стал неприятно обветшалым и как будто вечно захламленным, сколько его ни чисти. Дэнни с неприязнью осмотрел выцветшие обои с потеками воды и тяжело опустился на стул. Из нагрудного кармана джинсовой куртки он достал круглую жестяную коробку, где у него была припасена целая унция измельченного в порошок метамфетамина.

Он насыпал порошок на тыльную сторону ладони, наклонил вперед черноволосую голову и сделал сильный вдох. Слизистую приятно и привычно обожгло, глаза немедленно заволокло слезами, контуры предметов смазались. Однако ощущение размытости вскоре прошло — цвета приобрели еще большую яркость, предметы — четкость, а жизнь показалась гораздо веселее. Дрожащими руками Дэнни насыпал себе еще одну понюшку, до того, как приход от первой прокатился по всему телу.

Аааааах, да, неплохо, черт его подери! Домик в деревне, корова и коза. Радуги в полнеба, пение соловья в роще. Что за чудесная начнется жизнь! Дэнни вскочил, руки так и чесались сделать что-нибудь хорошее. Застелил одеяло ровно, без единой морщинки, выбросил в мусорное ведро пустую банку из-под пива и остатки булки. На журнальном столике у него был разложен пазл, над которым он трудился уже не один день, — тысяча кусочков, составляющих нежную зимнюю картину, покрытые снегом деревья и водопад на заднем плане. Заняться пазлом, что ли? Или пойти погулять? Вроде бы погода налаживается, вон как солнце светит из окна...

«Пошли вон!» — вдруг истошно заорал Дэнни и в ужасе оглянулся посмотреть, кто это так орет. Оказывается, он совсем забыл, что успел пристукнуть двух мух и теперь с недоумением разглядывал жирные черные следы на ободке ковбойской шляпы. А она откуда взялась здесь? Он же точно помнит, что оставил шляпу в машине...

«Откуда *ты взялась?*» — сказал он шляпе. Вот это было действительно странно, странно и очень подозрительно. Оставшиеся в

живых мухи в испуге вились над головой, но его внимание было приковано к шляпе. Внезапно ему стало до дрожи неприятно держать ее в руках, и Дэнни швырнул шляпу на кровать — ее наглый вид и самоуверенный изгиб полей испугал его еще больше. Нет, определенно ему надо выйти на воздух. А эта *мерзость* пусть полежит здесь, подумает, как ей жить дальше. Дэнни хрустнул шеей, подтянул джинсы и вышел наружу.

Его брат Фариш, развалясь, полулежал в алюминиевом кресле напротив самого большого трейлера, в котором жила их бабушка, и вычищал грязь из-под ногтей перочинным ножиком. На грязной, заплеванной земле сидел их младший брат Кертис и ласкал грязного черного котенка, то щекоча ему уши, то прижимая его к щеке. Мать Дэнни родила Кертиса в сорок пять лет — тогда она была уже безнадежной пьяницей, и, хотя они вместе с отцом (тоже уже покойным) всеми силами пытались избавиться от плода и дружно причитали из-за того, что Кертис все-таки родился живым, их брат вырос на редкость добрым существом. Конечно, он был несколько заторможенным, ужасно неуклюжим и почти совсем глухим, но в остальном Кертис отличался от остальных членов семьи тем, что любил всех без разбору — и людей, и животных.

Фариш коротко кивнул Дэнни, не глядя на него, и желваки заиграли на его обрюзгших щеках. Он уже с утра был под кайфом. Его коричневый комбинезон, который обычно выдают почтовым рабочим, был расстегнут до пояса, обнажая клочья густо растущих на груди черных волос. Зимой и летом Фариш носил только такие комбинезоны и не признавал другой одежды. Когда-то он работал на почте, разносил письма и газеты по домам: может быть, оттуда и пошла эта привычка. Фариш печально вздыхал, вспоминая то времечко: работа была для него практически идеальной — наилучший способ выяснить, кто из соседей не закрывает окна на щеколду, кто хранит ключи под ковриком, а кто оставляет незапертой машину. Его, конечно, поперли оттуда, и он еще легко отделался, — его посадили ненадолго, — не смогли доказать, что грабежи он совершал *в рабочее время*.

Дэнни уже направился было к большому трейлеру, как вдруг Фариш выпрямился в кресле, щелчком сложил ножик и посмотрел на брата. Один глаз его был полностью закрыт катарактой и представлял собой беловатое пятно без намека на зрачок. Дэнни всегда пугался, когда надо было смотреть брату в глаза.

— Гам и Юджин немного повздорили из-за телевизора, — сказал Фариш. Гам была их бабушкой, матерью их отца. — Юджин хотел запретить Гам смотреть «ее родню».

Оба брата уставились вдаль, на виднеющийся позади трейлера густой, безмолвный лес, Фариш так и сидел в кресле, а Дэнни стоял рядом с ним. *Моя родня* — так бабушка Гам называла свой любимый сериал.

— Юджин считает, что это не по-христиански: в ее возрасте смотреть, как люди трахаются, — сказал Фариш и хрипло захохотал. Он стукнул кулаком по своему колену с таким оглушительным хлопком, что Дэнни подпрыгнул от неожиданности. — Подумаешь, а рестлинг лучше, что ли? Сам-то он его смотрит, и хоть бы что. А что христианского в рестлинге, скажи мне?

Все братья Ратклиффы (кроме Кертиса, который любил всё, даже падающие с деревьев листья) не слишком тепло относились к Юджину. Он был вторым по старшинству братом после Фариша и после смерти папаши на какое-то время стал его бессменным помощником, правой рукой и мозговым центром операций семейного бизнеса (преимущественно грабежи и кражи со взломом). Но потом, в тюрьме, к нему неожиданно явился Иисус и пошло-поехало: «Воровать не буду, того делать не стану, буду служить Иисусу...». Руки пачкать больше не хотел, а кушал с таким же аппетитом, что и другие! Бабка-то ему так и сказала: «Что же ты, внучек, ругаешь дьявольские дела, которые братья твои творят, а от дьявольского угощения не отказываешься?» Но Юджину, похоже, было глубоко наплевать на упреки братьев. В ответ на их наскоки он менторским тоном зачитывал им выдержки из Библии, бесконечно пререкался с бабкой — в общем, занимался тем, что играл у них всех на нервах. Юджин унаследовал от отца неспособность воспринимать юмор (к счастью, не взрывной темперамент), поэтому и раньше, когда он вместе со всеми воровал машины, пил и куролесил ночи напролет, с ним всегда было скучно. Да, хоть вообще-то он по сути своей родился парнем порядочным и не особо злобным, рядом с ним можно было просто сдохнуть от тоски...

— А чего тут Юджин ошивается? — спросил Дэнни. — Я думал, он дома, возится со своими гадюками.

Фариш визгливо воскликнул:

— Ну уж нет, от него этого не дождешься. Он уж точно сбежал оттуда надолго, по крайней мере пока Лойял не съедет.

Братья знали, что визит Лойяла был срежиссирован его старшим братом Долфусом, который хотел использовать младшего братишку в качестве курьера. Он ждал от Ратклиффов большую партию *продукта* для распространения в тюрьме, так зачем платить постороннему, если братишка привезет продукт задаром? Другое дело, что Лойял не подозревал об этом плане ни сном ни духом. Так оно и лучше — меньше знает, крепче спит. Лойял был истинно верующим, он бы в жизни своей не стал связываться с наркотой. Долфус организовал все предельно просто: попросил брата съездить в Александрию к своему старому другу Фаришу и его брату Юджину, которым нужна Божья помощь в становлении бизнеса, возможно, помочь Юджину научиться обращаться со змеями. Вот и все, что знал Лойял. А затем, когда Лойял вернется назад в Кентукки, Долфус должен был найти способ достать несколько туго упакованных пачек из-под капота его грузовика.

— Я вот чего усечь не могу, — проговорил Дэнни, не отрывая взгляда от леса, — как они вообще управляются с этими гадами? Их что, змеюки не кусают?

— Да все время кусают, — лениво ответил Фариш, — вон, пойди да расспроси Юджина. Он тебе расскажет даже то, о чем не попросишь... — Нога Фариша помимо его воли отстукивала на земле какой-то ритм. — Знаешь, что я скажу: если возишься со змеей, и она тебя не укусила, считай, чудо с тобой уже произошло! А если укусила — тоже чудо.

— Что за чудо, если змея укусила?

— Не то чудо, что укусила, а то, что ты к врачу не пойдешь, а просто покатаешься по земле да помолишься Иисусу. И не откинешь копыта — вот где еще одно чудо.

— Ну а если помрешь?

— А это будет третье чудо. Полетишь прямо в объятия к Иисусу, потому как умер блаженной смертью.

Дэнни презрительно фыркнул:

— Да уж, у тебя сегодня сплошные чудеса везде.

Небо сверкало кристально-чистой синевой, отражалось в лужах, и ему казалось, что он тоже может взлететь. Покататься на машине, что ли? Может, доехать до бассейна?

— Знаешь, какое будет самое большое чудо? — спросил он брата. — Если Юджин возьмет в руки змею.

— Ну нет, этого ты не дождешься. Юджин и червяка-то на крючок насадить не может. — Фариш, не отрывая взгляда от сосен на опушке леса, внезапно сменил тему: — А что ты скажешь о той белой гадине, что ползала тут вчера?

Видимо, он имел в виду дозу метамфетамина, которую они вчера прикончили, но Дэнни не был в этом полностью уверен. Честно говоря, он редко до конца понимал, о чем именно говорит брат, особенно если тот был пьян или под кайфом.

— Что скажешь? — с усилием спросил Фариш, рывком поднимая голову. Левый глаз его беспрестанно мигал.

— Что ж, неплохо, — осторожно произнес Дэнни, мягким движением поворачиваясь в сторону леса и стараясь не выпустить при этом брата из виду. Фариш был известен своими непредсказуемыми вспышками бешенства, если кто-то не врубался в то, что он говорит, хотя большинство людей вообще не понимали из его болтовни ни слова.

— Неплохо! Это все, что ты можешь сказать? Да ты просто козел. Это же чистяк, ты же видел, белее снега. От него такой приход, что в окно улетишь. Чего я только не делал — всю прошлую неделю на него угрохал. Я его и спиртом чистил, и этим раствором от грибков, он до сих пор такой липкий, что его в чертов нос пальцем впихивать приходится. Я тебе одно скажу, — Фариш опрокинулся обратно в кресло, держась за подлокотники, будто собирался сразу же вскочить, — как бы ты его ни нюхал, ты... — Вдруг он на самом деле вскочил с кресла и заорал: — Я

сказал, убери от меня эту *чертову гадость!*

Раздался удар, потом приглушенный крик, Дэнни подскочил, увидев, как мимо его лица пролетел подброшенный мощным ударом котенок. Кертис, зажимая одной рукой разбитую щеку, а другой открывшийся в плаче рот, косолапо устремился за ним. Этот котенок был последним — овчарки Фариша давно разделались с остальными.

— Я же предупреждал его, — грозно проговорил Фариш, — сто раз твердил ему: *никогда* не суй мне под нос эту гадость...

— Точно, — негромко подтвердил Дэнни, глядя в сторону.

По ночам в доме Харриет всегда было слишком тихо. В мертвой тишине тиканье часов напоминало грохот барабана, сумрачные комнаты темнели, превращаясь в заколдованные пещеры злых волшебников, стены устремлялись ввысь к невидимым в темноте потолкам. Зимой, когда темнело рано, было совсем тоскливо, но иногда Харриет казалось, что одиночество ей легче переносить одной, а не в компании Алисон. Сейчас сестра лежала на противоположном конце дивана, положив босые ноги ей на колени.

Харриет задумчиво оглядела ноги Алисон. Мягкие, влажные, розовато-серые, они почему-то выглядели чистыми — удивительное явление, если учесть, что Алисон почти всегда ходила босиком. Вот почему они так хорошо ладили с Винни! Винни была отчасти человек, а Алисон — почти совсем кошка, всегда разгуливала сама по себе, а вздумается ей — уляжется на диване и свернется клубочком чуть ли не на груди у Харриет. Ноги Алисон внезапно дернулись, и Харриет перевела взгляд на лицо сестры. Так и есть — заснула! Она схватила Алисон за мизинчик ноги и резко потянула его вверх. Сестра ойкнула, подтянула ногу к себе, а потом села на диване.

— Что тебе снилось? — спросила ее Харриет.

Алисон поглядела на нее диковатым взглядом — одна щека красная, помятая со сна, тяжелые веки полуопущены, лицо испуганное, как будто она не очень понимает, где находится. «Странно, — подумала Харриет, разглядывая сестру с холодным любопытством, — кажется, будто она видит меня и... что-то еще».

Алисон закрыла лицо руками, посидела с минуту, потом нетвердо встала и направилась к лестнице.

— Стой! — закричала ей вслед Харриет. — Скажи мне, что ты видела?

— Не могу.

— Что значит — не могу? Не хочешь?

— Да, я не хочу, чтобы это сбылось.

— Что сбылось?

— То, что я видела во сне.

— Но что, что ты видела? Что-то о Робине?

Алисон остановилась на нижней ступеньке и осторожно

повернулась.

— Нет, — сказала она, — о тебе.

— Ты продержался всего пятьдесят восемь секунд, — холодно отчеканила Харриет, бесстрастно глядя на отчаянно кашляющего Пембертона.

Пем схватился за край бассейна, тряся головой и судорожно ловя ртом воздух.

— Черт меня побери! — простонал он, тщетно стараясь нормализовать дыхание. — Наверное, ты очень медленно считала.

Харриет презрительно тряхнула головой, шумно набрала полную грудь воздуха и также резко выдохнула. Она повторила эту процедуру раз десять, пока у нее не закружилась голова, и на последнем вдохе нырнула.

Доплыть до противоположного края бассейна было совсем просто, гораздо сложнее был путь назад. Постепенно холодные голубые полоски света в воде потемнели, все вокруг замедлилось, вот перед ее носом тихо появилась и исчезла чья-то мертвенно-белая рука, вот детская нога толкнула воду прямо около ее глаз. Кровь все тяжелее билась в виски, как волны океана, накатывающие на берег. Где-то наверху — невозможно представить! — светило солнце, дети бегали, кричали, лизали мороженое, покупали ее любимые леденцы, такие же темно-голубые, как вода бассейна. Но здесь, на дне, царили только синие губы… синие языки… и зубы стучали от холода… Как холодно!

Харриет всплыла наверх, разорвав воду с оглушительным шумом, как будто разбила стекло. В этом углу бассейна было глубоко, и Харриет подпрыгивала, стоя на цыпочках, отфыркиваясь и отплевываясь, пока Пембертон, следивший за ее передвижениями сначала с интересом, а потом с беспокойством, не оттолкнулся от борта и не доплыл до нее в три гребка.

Не дав Харриет опомниться, он подхватил ее под мышки, и внезапно ее лицо оказалось прижатым к его груди, его запах, взрослый, незнакомый, не очень-то приятный, ударил ей в нос. От неожиданности Харриет на секунду замерла, невольно пытаясь осознать, нравится ли ей такое положение, но тут же пришла в себя и в негодовании забилась, пытаясь освободиться. Их тела разъединились — Пем упал на спину, окатив ее волной брызг, а Харриет торопливо подплыла к бортику, уцепилась за металлические перила лестницы и полезла наверх. Ее купальный костюм, желтый с черными полосками, делал ее похожей на большую пчелу.

— Что такое? Не любишь, когда тебя спасают?

Пембертон разговаривал с ней ласковым, слегка снисходительным тоном — как с котенком, который его только что оцарапал. Харриет состроила ему злую гримасу и плеснула в лицо водой.

Пем пригнулся.

— Что это с тобой? — спросил он, смеясь. Пем слишком хорошо знал, насколько он неотразим, — со своими синими глазами и золотыми волосами, он походил на морского принца из поэмы Теннисона:

Кто этот
Смелый герой,
Что сидит один,
Что поет один
Под водой в золотой короне
На хрустальном троне?

Пем схватил Харриет за лодыжку и легонько дернул, потом брызнул на нее водой и завертел головой так, что брызги разлетелись во все стороны.

— Ну? — сказал он насмешливо. — Где мои деньги?

— Какие еще деньги? — спросила Харриет в изумлении.

— Как «какие»? Это же я научил тебя гипервентиляции легких. Ты знаешь, сколько за это платят богатенькие тети в элитных клубах?

— Подумаешь — научил! Я сама каждый день тренируюсь задерживать дыхание.

— Харриет, я удивлен и разочарован. Мне казалось, у нас был договор.

— Не было никакого договора! — вскричала Харриет, которая терпеть не могла, когда ее дразнили.

Пем рассмеялся.

— Ладно, проехали. Вообще-то это я должен платить тебе за уроки. — Он подержал голову под водой, затем потряс пшеничными кудрями, разбрызгивая вокруг себя голубые капли. — Скажи мне, — продолжал он, — твоя сестра все еще переживает из-за свой старой кошки?

— Ну да, наверное, а что? — с подозрением спросила Харриет; интерес Пема к сестре оставался для нее полной загадкой и поэтому безмерно раздражал.

— А то, что ей нужен щенок.

— Щенок? Вот еще глупости, зачем ей щенок?

— Ну, щенка можно научить всяким трюкам, которым кошек в жизни не научишь. Кошкам все тренировки до лампочки.

— Алисон самой все до лампочки, — проворчала Харриет.

Пем посмотрел на нее с каким-то странным выражением. Его глаза на фоне бассейна казались невероятно синими.

— Вот поэтому ей и нужен щенок, — сказал он загадочно, — я тут видел объявление в клубе, продаются щенки чау-чау.

— Но Алисон предпочитает кошек!

— А у нее когда-нибудь была собака?

— Нет.

— Ну вот видишь, она сама не знает, что теряет. Послушай, кошки — это совсем неинтересно. Они только делают вид, что все понимают, а на самом деле просто сидят и зырят, без смысла и толка.

— Только не Винни. Она была гениальной кошкой.

— Ах, ну да, конечно, я и забыл...

— Нет, правда, правда! Она понимала все до единого слова, все, что мы ей говорили, и знаешь, она и сама пыталась с нами разговаривать. Алисон все время с ней занималась. Она могла бы говорить, просто у нее рот был устроен совершенно иначе, чем у нас, звуки выходили другими.

— Господи боже, — пробормотал Пем, переваливаясь на спину.

— Нет, правда, послушай, — заговорила Харриет, — она все-таки научилась кое-что говорить.

— Ну что, например?

— Например, «нос».

— «Нос»? Зачем надо было учить кошку слову «нос»?

— Алисон хотела начать с самого простого, с обозначения предметов. Она садилась напротив Винни, трогала ее за нос и говорила «это нос, у всех есть нос, у людей и у зверей». Потом трогала себя за нос и тоже говорила «нос». И так раз сто подряд.

— М-да, видимо, дел у нее было немного.

— Это уж точно. Они могли так весь вечер просидеть. Зато потом, когда Алисон дотрагивалась до своего носа, Винни тянулась лапкой к мордочке и говорила... Да прекрати ты смеяться! — Харриет шлепнула Пема ладонью по плечу, когда он зашелся смехом. — И она мяукала что-то, что очень напоминало слово «нос». Я не вру. Спроси Алисон!

— Да ну тебя! Только потому, что кошка что-то мяукнула...

— Не что-то, а «нос», я сама слышала, а Алисон записала на магнитофон. У нее несколько пленок записано. И еще Винни знала время. Каждый день ровно в два сорок пять она начинала скрестись в кухонную дверь, чтобы Ида Рью ее выпустила, потому что она всегда встречала Алисон из школы.

Пем опять нырнул, чтобы пригладить волосы, потом зажал нос пальцами и с шумом прочистил уши.

— А почему Ида Рью меня не любит? — весело спросил он.

— Не знаю.

— Она никогда меня не любила, даже когда я приходил играть к Робину. Я помню, как она гонялась за мной по двору с розгой в руке.

— Она и Хилли не любит, — сказала Харриет.

— А кстати, что там у вас произошло с Хилли? Вы поссорились? Он уже не твой мальчик?

— Мальчик? Да он никогда не был моим мальчиком! — в ужасе закричала Харриет.

— Ну не знаю, сам Хилли другого мнения, — ухмыляясь, проговорил Пембертон.

Харриет смолчала. Видимо, Хилли поддался на подначку и

наговорил лишнего. Но ее так просто не проведешь, как бы Пем ни хитрил.

Мать Хилли и Пембертона, миссис Марта Халл, прославилась на весь город тем, что совершенно не умела воспитывать своих сыновей. Ее обожание доходило до абсурда — соседи годами судачили о ее немыслимых методах воспитания. Конечно, в случае с Хилли делать выводы было еще рано, но Пембертон был живым подтверждением ошибок родительской науки: его неспособность продержаться на любой службе дольше месяца стала в городе притчей во языцех. И немудрено, качали головой соседи: чего еще можно ожидать от парня, который в течение трех лет ел только шоколадный торт? Мамочка не могла отказать любимому чаду — каждый день она закупала на рынке дорогостоящие ингредиенты, а потом стояла у плиты в течение нескольких часов, выпекая свой очередной кулинарный шедевр. Тетушки многократно вспоминали случай, когда Пембертон отказался от ланча, будучи в гостях у Либби. «Представляешь, дорогая, он стучал по столу кулаком, что твой Генрих Восьмой, и орал: *а мамочка всегда дает мне шоколадный торт.* Я бы ему ремня дала хорошенько, вот что!»

Удивительно, что напичканный шоколадным кремом Пембертон вырос красивым парнем с прекрасной фигурой и сохранил в целости все свои зубы, но совершенно неудивительно, что он стал вечным укором славе своего отца.

Отец Пема был ни больше ни меньше ректором Александрийской академии, причем не из тех отставных солдафонов, которые получают удовольствие, лично приводя в исполнение порку вымоченными прутьями, и наводят ужас на учеников одним своим видом. Нет, мистер Халл сам преподавал химию в старших классах и большую часть времени проводил в своем кабинете, изучая проблемы воздействия человечества на верхние слои атмосферы. И хотя он держал школу в идеальном порядке, а детей в строгости, его собственный сын, казалось, ни в грош его не ставил. Пем мог позволить себе уничижительные высказывания в адрес отца в присутствии большого количества гостей, постоянно старался его уколоть или унизить. Доходило и до того, что обычно невозмутимый отец разражался гневной тирадой, упоминая все явные и скрытые недостатки сына, что вызывало у присутствующих чувство неловкости, но Пему было хоть бы что — увещевания Халла-старшего на него явно не действовали.

Несмотря на то, что миссис Халл почти ни в чем не отказывала сыновьям, некоторые правила в семействе Халлов должны были соблюдаться неукоснительно. Так, Пем не имел права курить в присутствии матери, а Хилли под страхом смерти запрещалось брать в рот «эту гадость». К тому же Хилли запрещалось ходить в Пайн-Хилл, «дурной район» Александрии, и приближаться на километр к игорному

заведению под названием «Пул-Холл».

Именно сюда Хилли, все еще рассерженный на Харриет, прикатил на велосипеде. Из осторожности он припарковал велосипед за пару кварталов от бильярдной на случай, если маме или папе вздумается проехать по этой части города. Надежно спрятав велик под раскидистым кустом акации, Хилли, насвистывая, прошел оставшуюся дорогу пешком. Теперь он стоял внутри «Пул-Холла» недалеко от входа, механически жуя чипсы барбекю и перебирая комиксы-ужастики, которыми были завалены пыльные полки. Хотя бильярдная находилась всего в нескольких кварталах от центральной площади, она пользовалась весьма дурной славой. Здесь торговали наркотой, играли в покер, местные забавы часто доходили до поножовщины, да и перестрелки тоже не были редкостью. Хилли сюда тянуло не только из-за зловещей атмосферы — низкие потолки, помещение утопает в клубах застоявшегося табачного дыма, мигают неоновые трубки под нависающими над головой балками, грязные столы, — но в основном из-за комиксов-ужастиков — во всем городе их продавали только здесь.

Когда Хилли впервые увидел забытый кем-то в парте комикс под названием «Тайны дома ужасов», он не поверил своим глазам. На обложке была изображена девочка в инвалидной коляске, тщетно пытающаяся спастись от наползающего на нее сзади огромного удава. Хилли был потрясен. С замиранием сердца он перевернул страницу. Внутри книги на десяти страницах девочка умирала в страшных судорогах в лужах крови и ошметках оторванного от костей мяса. Кроме этой в книге также были истории вроде «Подруги Сатаны», «Приходи в мой гроб, погнием вместе» и «Бюро путешествий „Трансильвания“».

Долгое время Хилли был совершенно уверен, что эта книга — единственная в своем роде, и не мог прийти в себя от счастья, что ему привалила такая удача. Он перечитывал комикс до тех пор, пока не выучил наизусть все до последней реплики, а потом начал читать с конца. Каково же было изумление Хилли, когда через пару недель он увидел подобную книжку в руках Бенни Лангрехта. Она называлась «Черная магия», и на обложке была изображена мумия в серых развившихся бинтах, которая высохшими черными руками душила толстого пожилого археолога. Хилли умолял Бенни продать ему комикс, но Бенни, в силу своего поганого характера, наотрез отказался. Когда отчаявшийся Хилли предложил Бенни сначала два, а потом и три доллара просто за то, чтобы посмотреть комикс у него из рук, Бенни усмехнулся и стукнул его свернутой книжкой по голове.

— Съезди и купи себе такую же, — сказал он со снисходительным презрением, — нечего у людей клянчить. В «Пул-Холле» их полно, самых разных, поверь мне.

Это случилось два года назад, и с тех пор Хилли скопил изрядную коллекцию комиксов. Они стали его лучшими друзьями и вместе с ним переживали тяжелые времена — корь, длительные поездки на машине с

семьей, и даже летний лагерь Селби с ними не казался таким уж отвратительным. Из-за стесненных финансовых обстоятельств и строгого материнского запрета Хилли не мог приезжать в «Пул-Холл» слишком часто, получалось один раз в месяц, а то и реже, — но зато с каким нетерпением он ждал этих визитов! Толстяка за стойкой, похоже, не раздражало, что Хилли часами листает комиксы, чтобы сделать свой единственно правильный выбор, а может, он вообще не замечал такую мелочь, как Хилли.

В тот день Хилли приехал к бильярдной, чтобы отвлечься от мыслей о Харриет, но выбор у него был совсем небольшой — после покупки чипсов у него осталось тридцать шесть центов, а самый дешевый комикс стоил двадцать восемь. Он рассеянно листал ужастик из серии «Темный особняк» под заглавием «Демон у дверей»: «Ааааааxxxxxx, нет, нет! Я не знала... О нет!

Наверное, я освободила злые силы, и теперь они будут править землей до рассветаа-аа!!!» — одновременно кося любопытным глазом на брошюру по бодибилдингу, на которой был изображен красавец с выпирающими отовсюду мускулами и полным отсутствием лба. «Будьте честны с собой! Посмотрите на себя. Достаточно ли у вас мышечной массы, которую так обожают женщины? Или вы — тощий полумертвый дохляк весом шестьдесят три килограмма?»

Хилли не знал точно, сколько он весит, но шестьдесят три килограмма казались ему вполне приличным весом. Вздохнув, он перевел взгляд на комикс из серии «Рентгеновское излучение», который обещал показать то, что скрывается у женщин под одеждой, но тут на его лицо упала тень. Хилли поднял глаза. Двое мужчин отошли от карточных столов к полкам с комиксами, видимо, чтобы поговорить без свидетелей. Хилли узнал одного из них — Кэтфиш де Бьенвилль, король трущоб, что-то вроде местной знаменитости. Кэтфиш взбивал свои рыжие волосы на африканский манер и ездил на джипе с тонированными стеклами. Черты его лица напоминали о негроидном происхождении, хотя кожа была такой же светлой, как у Хилли, а глаза — голубыми. Больше всего Хилли поражала его манера одеваться — сейчас, например, несмотря на жару, на нем был красный бархатный смокинг, белые брюки клеш и красные туфли на платформе.

Однако говорил не он, а его спутник — еще почти подросток, довольно худой и грязный, как будто недокормленный. У него были острые скулы, а волосы длинные, как у хиппи, и разделены на пробор. В нем чувствовалась какая-то скрытая опасность, затаенное безумие, как у маленькой собачки, которая молчит-молчит, да вдруг бросится и укусит исподтишка.

— А где он берет деньги для игры? — шепотом спросил Кэтфиш.

— Пособие по инвалидности получил, наверное, — ответил второй, поднимая глаза. Глаза у него были прозрачно-серебристого цвета, но какие-то странно застывшие, как будто неживые.

Вроде бы они говорили о старом Карле Одуме — он гонял шары в глубине зала и громко обещал разгромить любого, кто рискнет поставить свои денежки на кон. Карл был вдовцом, и его выводок недокормленных детей в количестве девяти человек вечно болтался по городу в поисках съестного. Самому Карлу было слегка за тридцать, но выглядел он как глубокий старик — сожженная на солнце кожа обвисла складками, глаза обведены нездоровыми розоватыми кругами. У него не хватало нескольких пальцев — результат несчастного случая на птицефабрике, но в бильярд он играл как бог. Сейчас он был в дым пьян и тряс своей искалеченной рукой, крича, что сделает любого, кто приблизится к его столу, с пальцами или без пальцев.

За соседним столом сидел гигантского роста человек, к которому, собственно, и обращался Одум. Этот огромный, сумрачного вида мужчина, одетый в коричневую униформу почтового служащего с меткой на груди, был чем-то похож на медведя гризли. Его черные с проседью волосы спускались ниже плеч, а руки были такие толстые, что казалось, он не смог бы держать их вдоль тела, они так и остались бы торчать под углом, подобно лапам медведя, если бы тому вздумалось ходить как человеку. Хилли не мог отвести от него глаз. В этой коричневой униформе и со своей всклокоченной черной бородой человек походил на какого-то сумасшедшего южноамериканского диктатора.

— Все, что касается перемещения шаров, — моя стихия, — продолжал вещать Одум. — Двигать шары — моя вторая натура, если хотите.

— Действительно, я знаю людей, у которых есть талант на такие штуки, — вежливо сказал медведеподобный мужчина низким, довольно приятным голосом.

Он взглянул в сторону Хилли, и тот вздрогнул, увидев беловатый, закрытый бельмом глаз. Дерганый подросток встал рядом с ним, отбросил волосы с лица и проговорил резким фальцетом: «Я ставлю двадцать баксов. Каждый раз, как он проиграет». Он выщелкнул из пачки сигарету и отточенным движением забросил ее себе в рот, однако Хилли заметил, что, несмотря на всю наигранную крутость, руки у него тряслись, как у старика. Затем парень наклонился к Кэтфишу и что-то прошептал ему на ухо. Тот усмехнулся.

— Продует, сейчас тебе! — бросил он и, небрежно выбрасывая ноги вперед, направился к играющим.

Паренек закурил сигарету и осмотрел зал. Его глаза блеснули серебристым огнем, и, когда его взгляд упал на Хилли, мальчик поспешно отвернулся — эти безумные глаза, слишком светлые для темно-загорелого лица, напомнили ему старинные картинки с изображением юных солдат-конфедератов перед боем.

В другой стороне зала бородач в коричневой униформе повернулся и посмотрел в их сторону единственным зрячим глазом. Хилли сразу же

заметил некое сходство между этими двумя типами.

Несмотря на то, что бородач был гораздо старше и в три раза крупнее паренька, глаза его были такого же серебристого оттенка и такие же странно неживые, и говорили эти двое одинаково — едва открывая рот, как будто боясь показать гнилые зубы.

— И сколько ты намерен с него слупить? — спросил вернувшийся Кэтфиш.

Парень коротко хохотнул, а у Хилли чуть комикс из рук не выпал. Как он мог забыть тот сумасшедший смех! После того случая на мосту он у него все время в ушах стоял. Это же был точно тот придурок с пистолетом, просто без шляпы Хилли его сразу не узнал. Хилли вцепился в книжку, на которой девочка с открытым ртом кричала через плечо своему спутнику, еще не видя, что он превращается в гигантскую летучую мышь: «О Билли, смотри, вон та статуя *пошевелилась!*»

— Смотри, Дэнни, Одум неплохо играет, — проговорил Кэтфиш.

— Возможно, он мог бы обыграть Фариша, если бы был трезв. Но у пьяного у него нет шансов.

Дэнни? Фариш? Неужели это тот самый Дэнни Ратклифф? Другого Фариша в Александрии точно не было. Так вот кто стрелял тогда на мосту! Ну ничего себе! Одно дело, если тебя обстреляли какие-то обкуренные придурки, но совершенно другое — если это был сам Фариш Ратклифф. Хилли не терпелось броситься к Харриет и все ей рассказать.

Усилием воли он заставил себя уставиться в комикс, жадно ловя каждое слово знаменитого Фариша.

Фариш был весьма известен в Александрии грабежами и угонами, но не только. Он также сочинял памфлеты, писал протесты против действий правительства, давая им названия вроде «Кошелек или жизнь» (памфлет, посвященный новому закону о налогообложении) или «Не МОЯ дочь» (декларация против реформы образования). Но все это прекратилось в одночасье после того случая с бульдозером.

Никто так и не смог понять, зачем Фаришу понадобился бульдозер. Пропажу заметил сторож на строительном участке почти сразу же, и уже через час за Фаришем выслали погоню. Фариш тем временем выехал на шоссе и направился в сторону Мемфиса. На призывы полиции остановиться он не реагировал, наоборот, производил в ответ угрожающие манипуляции ковшом. Когда полицейские патрули перегородили дорогу с двух сторон, Фариш съехал в поля и, не разбирая дороги, помчался через фермерские хозяйства, круша деревянные изгороди и пугая коз, которые скакали из-под гусениц во все стороны. В конце концов, бульдозер въехал в овраг и застрял там намертво. Поняв, что ему больше не сдвинуть машину с места, Фариш поднялся на самый верх кабины, достал револьвер двадцать второго калибра, приставил его к виску и выстрелил. В местной газете тогда появился снимок — растерянный полицейский стоит над безжизненным телом посреди коровьего пастбища, а рядом завалился набок перепачканный грязью

бульдозер.

Хилли никогда в жизни не приходилось видеть Фариша так близко, но истории про него он слышал всю свою жизнь. Никто так и не смог понять, зачем Фариш стащил бульдозер, и уж совсем не ясно было, почему он пытался себя застрелить. Когда Фариш вышел из комы (хотя доктора были уверены, что он останется в состоянии овоща на всю жизнь) и потребовал картофельного пюре, его перевели из тюремной больницы в психиатрическую, и не без оснований. Но из нее Фариш вышел уже другим человеком. Говорили, что он вроде бы завязал с кражами и взломами, открыл свою таксидермическую лабораторию и стал чуть ли не исправным налогоплательщиком.

Между тем Кэтфиш обменялся несколькими словами с группой мужчин среднего возраста, которые сидели за соседним с Одумом столиком. Один из них, толстяк в желтой рубашке, с маленькими, как у свиньи, глазками, подошел к столику Одума, несколько секунд смотрел на него, а потом потянулся к заднему карману брюк. Почти одновременно с ним такой же жест проделал еще один из стоящих за его спиной зрителей.

— Эй, — прикрикнул на него Дэнни через зал, — не горячи коней. Если игра пойдет на деньги, следующий кон — за Фаришем.

Фариш громко харкнул, сплюнул на пол и тяжело поднялся на ноги.

— Ха! — сказал Кэтфиш, хлопая его по спине. — У нашего Фариша всего один глаз, зато какой!

— Убери руки, ублюдок, — негромко проговорил Фариш, но в его голосе чувствовалась такая неприкрытая угроза, что Кэтфиш поспешно отдернул руку и, отвернувшись, снова сунул ее теперь уже Одуму.

— Кэтфиш де Бьенвилль, — сказал он с обходительной улыбкой.

Одум посмотрел на него исподлобья и презрительно сложил руки на груди.

— Я знаю, как тебя зовут, — буркнул он.

Фариш вытряс из кармана два четвертака, вставил их в металлическую щель приемника и резко дернул рычаг. Где-то внизу загрохотали, выкатываясь, шары.

— Я обыграю одноглазого Фариша так же легко, как и любого другого, будь у него хоть три глаза, — заявил Одум, пошатываясь и хватаясь за кий, чтобы не упасть, — я король шаров, я сделаю любого, хоть самого президента. Эй, а ну поди прочь, чего ты все трешься вокруг меня? — это было предназначено Кэтфишу, который приблизился Одуму со спины.

Кэтфиш наклонился и что-то прошептал ему на ухо. Белесые брови Одума озадаченно сошлись на переносице.

— Что, Одум, не хочешь играть на деньги? — уничижительным тоном спросил Фариш. — Ты чо, заделался дьяконом в баптистской церкви?

— Да нет, почему? — Мысль о возможной наживе, которую Кэтфиш

вложил в его опухшие от пьянства мозги, постепенно проявлялась на лице Одума, как облачко, одиноко плывущее по чистому голубому небу:

— Папуля, — вдруг произнес тонкий, скрипучий детский голосок от двери.

Это была Лашарон Одум. Она стояла в дверном проеме, отставив в сторону бедро каким-то непонятным для Хилли, но неприятно взрослым движением. На бедре, обхватив ее руками, сидел малыш, такой же грязный и худой, как и сама Лашарон. Рты и щеки у обоих были оранжевого цвета — остатки то ли фанты, то ли леденцов.

— Вы посмотрите, кто к нам пожаловал, — театральным голосом промурлыкал Кэтфиш, хмуря брови из-за неожиданной помехи.

— Папуля, — упрямо продолжала Лашарон. — Ты сказал прийти забрать тебя, когда большая стрелка дойдет до трех.

— Сто баксов, — сказал Фариш. — Решай сам, можешь не играть.

Одум потер кончик кия мелом и подтянул воображаемые рукава.

Он сказал, не глядя на дочь:

— Папуля еще не готов, моя сладенькая. Вот, возьмите по четвертачку, пойдите поглядите на те смешные книжечки.

— Папуля, ты сказал напомнить тебе...

— Я сказал, иди посмотри на книжки! Давай разбивай, — сказал он Фаришу.

— Я сбрасывал.

— Да ладно, — небрежно сказал Одум, — давай уж считай это твоим бонусом.

Фариш взял свой кий и нагнулся над столом. Его взгляд, скользнувший над кием, на секунду встретился со взглядом Хилли, — он был так холоден и сосредоточен, словно Фариш смотрел в дуло револьвера.

Крэк! Шары с треском раскатились по столу. Одум задумчиво прошелся вдоль стола, оценивая ситуацию, затем наклонился над ним и прицелился.

Кэтфиш подошел к группе мужчин, которые начали отходить от игральных автоматов и собираться у стола, тихо перешептываясь. Одум сделал первый удар — изящный, точный, отправив в лузы не один, а целых два полосатых шара.

Последовали нестройные аплодисменты. Кэтфиш, виляя бедрами, профланировал в сторону Дэнни.

— Одум может так держать стол целый день, — тихо сказал он. — До тех пор, пока они не станут играть в «восьмой шар».

— Не волнуйся, приятель, Фариш может бить по шарам не хуже, когда разгонится.

Одум сделал еще один замысловатый удар, при котором биток толкнулся в бок красному шару, который, в свою очередь, послал еще один полосатый шар в лузу. Среди хора одобрительных выкриков Дэнни тихо спросил Кэтфиша:

— Кто в игре? Те двое у автоматов?

— Нет, те выпали. — Кэтфиш полез за пазуху и вытащил какой-то небольшой металлический предмет. Присмотревшись, Хилли с любопытством увидел, что это была фляга в виде голой женщины с высоченной прической и в туфлях на платформе.

— А что так? Кто они такие?

— Да просто двое приличных мальчиков из хороших семей. — Кэтфиш открутил даме голову и небрежным движением уронил ее в оттопыренный карман смокинга. — Те толстяки проездом из Техаса, — прошептал он, слегка поводя глазами и кивком указывая на группу, возглавляемую мужчиной в желтой рубашке, — они в нефтянке, бабла полные карманы. — Он незаметно огляделся, потом поднял к носу обезглавленную даму, сделал глубокий вдох, прикрыл глаза и передал флакон Дэнни.

Дэнни зажал одну ноздрю и тоже сделал вдох. На глазах у него выступили слезы.

— Боже всемогущий! — воскликнул он.

Одум опять ударил, и опять нефтяники зааплодировали. Кэтфиш, внезапно подобравшись, танцующей походкой приблизился к столу и в упор посмотрел на Фариша.

— Что, масса Фариш, плакали ваши денежки? — пропел он, подражая известному черному комику.

Фариш недобро повел в его сторону здоровым глазом, но не пошевелился. Он положил кий себе на плечи, как коромысло, и его толстые руки свисали с обоих краев.

Хилли был настолько возбужден и напуган, что с трудом соображать. Он не понял смысла манипуляций с безголовой дамой, но почувствовал, как изменилось поведение Кэтфиша — в этом было что-то запретное, как в игре — то была *азартная,* противозаконная игра, это Хилли понял хорошо. Теперь он ни за что не хотел уходить, не дождавшись ее конца. Хилли положил на полку пролистанный комикс, рассеянно взял новый («Тайны замка скелетов») и открыл на первой попавшейся странице. На ней скелет, сидящий в кресле судьи, протягивал костлявую, лишенную плоти руку к зрителям и возглашал: «А сейчас мой свидетель, который также был ЖЕРТВОЙ… укажет нам… КТО ЕГО УБИЙЦА».

— А вот последний в угол! — внезапно вскричал Одум, нанося удар по шару. Восьмой шар полетел по сумасшедшей траектории, ударился о борт, отскочил и упал в лузу на противоположном конце стола.

Зрители заорали и затопали, и посреди этого столпотворения Одум вынул из кармана небольшую бутылку виски и сделал глоток.

— Что ж, давай посмотрим на твою сотню баксов, Фариш, — сказал он.

— За мной дело не станет, — буркнул Фариш, сгоняя новые шары в центр стола и огораживая их треугольником. — Еще партию?

Победитель разбивает.

Одум пожал плечами, прицелился и ударил по шарам с такой силой, что восьмой закрутился посреди стола тугой спиралью, а затем упал в лузу.

Толстяки-нефтяники теперь с жадным азартом следили за каждым движением Одума. Похоже, они были полностью уверены в победителе.

Кэтфиш ходил между столами развинченной походкой, издалека поддразнивая Фариша:

— Что, масса Фасса, плохо жить без денег?

Или:

— Так быстро ты еще с деньгами не расставался!

Фариш злобно сверкал на него здоровым глазом, его едва сдерживаемая ярость время от времени прорывалась наружу злобным рыком.

Хилли скорее почувствовал, чем увидел, как Лашарон Одум подошла к нему совсем близко. Услышав вблизи левого уха сиплое, насморочное дыхание малыша, он резко обернулся и прошипел:

— Отвали от меня, уродина!

Но Лашарон зашла с другой стороны и застенчиво спросила:

— А дашь четвертачок?

От ее тонкого, хрипловатого голоса Хилли даже передернуло, и он повернулся к ней спиной. У бильярдного стола Фариш в третий раз разгонял шары. Одум схватил себя за челюсть и дернул сначала вправо, потом влево, хрустнув шеей: *хряк!*

— Что, все не уймешься, Фариш, тебе еще мало?

— Эй, кто там, выключите эту чертову музыку! — рявкнул Фариш.

— Расслабься, Фариш, еще не все потеряно, — насмешливо пропел Кэтфиш, загружая в музыкальный автомат очередную монетку.

— Пошла вон, вонючка, — сказал Хилли Лашарон, которая опять подошла к нему почти вплотную. — Кончай дышать на меня своей гнилью!

От волнения и раздражения он сказал это громче, чем хотел, и вдруг похолодел от страха, увидев, что Одум поднял голову и сфокусировал на нем свой туманный взгляд. Фариш тоже посмотрел в их сторону, пронзив Хилли взглядом — будто ножом полоснул.

— Доча, доченька моя, — произнес вдруг Одум с пьяной нежностью и оглядел собравшихся слезящимися глазами. — Мне больно говорить, друзья, но эта кроха выполняет у меня дома работу взрослой женщины. Черт меня побери, это так!

Кэтфиш и Дэнни обменялись быстрыми настороженными взглядами.

— Я вас спрашиваю, это по-человечески, чтобы такая кроха смотрела за малышами и за своим папулей, недоедала, недопивала, чтобы семья ее могла есть и пить? Это правильно, по-вашему?

«Фу, — подумал Хилли, — да я бы в жизни за один стол с ней не

сел».

— Да, наша молодежь не знает, что такое жизнь, — проговорил Фариш. — Они думают, им все обязаны принести миллионы на блюдечке. Не мешало бы им поучиться жизни у твоей дочки.

— Когда я был мальцом, у нас в доме даже ледника не было, — дрожащим голосом проговорил Одум. От жалости к себе он уже начал заводиться. — Я вкалывал как негр на хлопковых полях…

— Все мы собирали хлопок, парень…

— А моя мамочка, она всю жизнь спину на полях гнула, там и померла. Я и в школу не мог ходить — ведь я ей нужен был дома, там круглый год ишачил. Да если бы у меня сейчас были деньги, я бы все купил своим ненаглядным дитятям. Да, дочка? Все знают, что папуля лучше сам не доест, а дочу свою накормит! — Последовала тишина. Одум секунду молчал, а потом повторил, уже менее приятным голосом: — Все это знают?

Он смотрел прямо на Хилли. Не соображая, что ему надо делать, Хилли в панике оглянулся на Лашарон — «неужели он не видит, что я — не его сын?».

— Да, папуля, — едва слышно сказала Лашарон.

Лицо Одума прояснилось, и на его красные глаза опять набежали слезы.

— Вы все слышали, что сказала моя любимая малютка? Иди сюда, доча, поцелуй своего папулю.

Лашарон подсадила малыша повыше на костлявом бедре и медленно побрела к отцу. Что-то в повелительно-собственническом тоне, которым Одум разговаривал с дочерью, и в том, как он обнял ее, вызвало у Хилли очередной приступ отвращения, но также немного испугало. Лашарон отстраненно глядела в пол, принимая отцовские ласки настороженно, как собака, которая не знает, побьет ее сейчас хозяин или погладит.

— Моя малютка любит своего старого папку, правда? Она ведь не хочет дорогих игрушек, и роскошных платьев, и тортов и пирожных?

— А почему она должна все это иметь? — резко спросил Фариш.

— А? — Одум в недоумении поднял на него глаза, и его лоб собрался морщинами.

— Я говорю, почему у нее должно все это быть? У тебя были игрушки, когда ты был маленьким, скажи? А у меня? Нет, мы вкалывали с малолетства как рабы, даже в чертову школу не могли пойти. Так почему это должно быть у них? — Фариш ткнул толстым пальцем в сторону Лашарон.

Лицо Одума просветлело.

— Не должно… — сказал он немного неуверенно.

— Мы что, стыдимся своей бедности? — продолжал Фариш. — Мы что, слишком хороши, чтобы вкалывать как черти? Что хорошо для нас, должно быть хорошо и для нее тоже.

— Проклятье, а ведь ты прав, парень!

— Кто внушает нашим детям, что им все преподнесут на серебряной тарелочке? Наше чертово Федеральное правительство, вот кто! И то, что их папки и мамки слишком для них плохи, что они должны «подняться» выше, чем их плоть и кровь! Портят нам детей, вот что они делают. А потом наши детки от нас морду воротят. Не знаю, как вам, а мне мои предки ни хрена бесплатно не давали.

— Верно говоришь, парень! Доча, дай папуле еще пару минут, — сказал он Лашарон, которая упорно тянула его за штанину.

— Но, папуля, ты ведь сказал напомнить тебе, что «Шевроле» закрывается в шесть.

Одум пьяно покивал, потом засунул руку в передний карман мешковатых джинсов и вытащил оттуда самую большую пачку денег, которую Хилли когда-либо видел. Все головы, как по команде, повернулись к нему. Одум шваркнул пачкой о бильярдный стол.

— Вот, глядите, последние деньги по страховке, — сказал он с пьяным благочестием, кивая на пачку. — И что я с ней сделаю, спросите вы? Пойду сейчас к этому придурку Рою Дайлу и верну назад свою машину. Мерзавец Дайл — забрал мою машину прямо со двора! Да я ему в морду швырну эти деньги, пускай отдает назад машину. Никто не смеет забирать мою собственность из моего же дома.

Одум еще раз стукнул пачкой об стол, потом с трудом запихнул ее назад в карман.

— Папуля, пойдем, а?

— Сейчас пойдем, доча моя, сейчас, вот только я еще разок сыграю со старым Фаришем. Слышишь, Фариш? Я ставлю твои четыреста и еще двести, что сейчас тебя сделаю!

Хилли услышал, как Дэнни Ратклифф с облегчением выдохнул.

— Ставка высокая! — бесстрастно сказал Фариш. — Кто разбивает?

— Ты! — с пьяным великодушием пробурчал Одум.

Фариш, не меняя выражения лица, достал из заднего кармана большой черный бумажник и отсчитал шестьсот долларов двадцатками, которые он положил на край стола.

— Это куча денег, дружок, — сказал Одум.

— Я не твой дружок, — резко сказал Фариш, — у меня только два дружка, вот этот, — он указал на бумажник, — и еще один, двадцать второго калибра. Без моих двух дружков тяжело бы мне в жизни пришлось.

— Папуля, — безнадежным голосом проканючила Лашарон, — ну пожалуйста!

— А *ты* куда уставился, говнюк?

Хилли подскочил. Дэнни Ратклифф возвышался над ним, злобно блестя своими серебряными глазами.

— Что, язык проглотил? Отвечай, когда с тобой разговаривают, мелочь вонючая!

Хилли оторопело смотрел в глаза Дэнни, не в силах вымолвить ни слова. Вдруг он услышал, как Лашарон сказала негромко, но очень ясно и четко:

— Он просто смотрел со мной книжки.

— Это правда?

Хилли, слишком испуганный, чтобы говорить, торопливо кивнул головой.

— Как тебя зовут, парень? — Это сказал своим грозным голосом Фариш, сверля Хилли единственным глазом.

— Хилли Халл! — не думая, выпалил Хилли и в ужасе закрыл себе ладонью рот.

Фариш сухо усмехнулся.

— Так-то, сынок, — сказал он, — никогда не говори больше того, что тебя *заставили* говорить.

— А, я, кажется, знаю этого выродка! — воскликнул Дэнни. — Отвечай, у тебя есть брат?

— Да, сэр.

— Сэр? Да как ты смеешь меня так называть? Да я тебя сейчас...

— Остынь, Дэнни, — суховато сказал Фариш. — Что плохого в том, что парень обучен хорошим манерам?

— Люди! — заявил Одум. — Или мы играем, или я пошел. У меня, знаете ли, дел невпроворот.

Но Фариш уже отвернулся от Хилли и нацелился на стол. С оглушительным треском он разбил шары. Первый шар покатился в лузу — хлоп!

Хилли бочком попятился к двери. «Не поднимай глаза, — сказал он себе, — только не смотри ни на кого». Он уже был близок к спасению, когда чья-то рука схватила его за шиворот и подтащила к прилавку. К своему ужасу, Хилли обнаружил, что до сих пор держит в руке экземпляр «Тайн дома скелетов». Он судорожно порылся в кармане, выуживая последнюю мелочь. Но продавец не смотрел на него. Все его внимание было сосредоточено на том, что происходило в зале.

Хлоп! Еще один шар упал в лузу, за ним еще и еще. Зрители замерли. Один из нефтяников громко сказал:

— Черт побери, кто говорил, что этот парень ничего не видит?

Хилли выскочил на улицу. Полуденное солнце обожгло ему глаза. Над городом висело жаркое марево, улица была пустынна и раскалена, как сковородка, но Хилли в панике бросился бежать прямо по ее середине. Только пробежав около километра, он вспомнил, что оставил свой велосипед совсем не там, а почти рядом с «Пул-Холлом». Тихо выругавшись себе под нос, он потрусил назад. Рубашка его промокла от пота, волосы прилипли к шее. Вбежав в аллею, где он спрятал велосипед, Хилли выкатил его из-под акации, вскочил в седло, но не смог попасть ногами на педали и поехал, отталкиваясь от земли ногами. В конце аллеи Хилли чуть не столкнулся с Лашарон Одум, которая,

видимо, поджидала его там. Хилли остановился. Лашарон привычным движением подкинула малыша на бедре и посмотрела на мальчика взрослым и довольно недобрым взглядом. Что ей было нужно от него, Хилли не представлял, но боялся и слово вымолвить, а потому стоял перед ней, тяжело дыша.

Наконец Лашарон сделала шаг вперед и протянула руку.

— Дай мне смешную книжку, — сказала она.

Дрожащими руками он достал комикс из кармана и протянул ей. Однако прежде, чем Лашарон смогла ее взять, ее малыш протянул вперед свои грязные ручонки, крепко уцепился за книжку и вырвал ее из рук Хилли. Задумчиво глядя на Хилли, он поднес ее к лицу и засунул в свой измазанный рот, испытывая на прочность. Лашарон не сделала ни малейшей попытки отнять у малыша комикс. Наоборот, она нежно покачала его на бедре, строя ему глазки и повторяя сюсюкающим голосом:

— Ууу, мой маленький! Скажи, почему наш папуля плачет? А? — она поцеловала малыша в грязный ротик. — Почему наш папуля так горько плачет, а?

— Немедленно переоденься, — сказала Ида Рью Харриет. — Посмотри, ты весь дом водой залила.

— Нет, я высохла по дороге домой.

— Все равно переоденься.

Харриет прошлепала наверх к себе в спальню и стянула купальный костюм. Глаза ее еще жгло от хлорки, во рту была противная сухость, и ноги слегка дрожали. Она натянула шорты цвета хаки и идиотскую футболку со смайликом — дурацкой улыбающейся рожицей, подарок отца. Харриет ненавидела отцовские подарки, но она была бы еще больше обижена, если бы знала, что все футболки, заколки для волос в виде бабочек и прочие яркие и совершенно непригодные к употреблению вещи, которые ее отец присылал дочкам на праздники и дни рождения, покупал не он, а его любовница Кэй. Кэй имела какое-то отношение к нефти, поэтому деньгами располагала в достаточном количестве, они жили вместе с отцом Харриет уже пятый год. Все в Мемфисе об этом знали, да и в Александрии тоже, кроме матери Харриет и ее семьи. Соседям как-то неловко было рассказать Эдди и тетушкам, а Шарлот ни с кем не общалась. Даже Хилли знал о любовнице по имени Кэй, он слышал, как его мать говорила об этом по телефону. Он тогда пристал к ней с расспросами, и она ему все рассказала, только заставила поклясться, что он никогда не скажет об этом Харриет. Он сдержал слово — это была его первая и пока единственная серьезная тайна. Но почему-то он был уверен, что Харриет не очень огорчится, даже если узнает правду.

Так оно и было, Харриет было совершенно наплевать, с кем живет или не живет ее отец, лишь бы он пореже появлялся у них дома. Только,

пожалуй, для Эдди эта новость могла бы стать болезненной — она все еще переживала из-за разбитой семьи дочери.

Харриет чихнула и забралась с ногами на подоконник. Настроение у нее было хуже некуда. Когда она была маленькой, от плохого настроения помогало повторение вслух собственного адреса — она могла сто раз завороженно повторить: Харриет Клив-Дюфрен, Джордж-стрит, дом 363, Александрия, Миссисипи. Америка, Планета Земля, Солнечная система, Млечный Путь…

Она чихнула опять, да так, что все тело содрогнулось, а вода из носа разлетелась по комнате. Харриет соскочила с подоконника и помчалась вниз за носовым платком. Зазвонил телефон. Ида Рью подняла трубку, и Харриет услышала, как она сказала:

— Да, она здесь, сейчас позову… — и вложила трубку ей в руку.

— Эй, Харриет, это ты? — послышался возбужденный голос Хилли. — Дэнни Ратклифф сейчас в «Пул-Холле», он там со своим братом; оказывается, это они стреляли по мне с моста…

— Подожди… — успела сказать Харриет, и ее настиг следующий фантастически сильный чих.

— Эй, ты там? Я его видел своими глазами. Он страшный как черт, и его брат тоже.

Хилли продолжал возбужденно лепетать о ружьях, шарах, азартных играх и страшных братьях, и постепенно важность этой информации дошла до Харриет. Охота чихать прошла, но из носа все равно текло, и она попыталась изловчиться и вытереть нос о широкий рукав футболки, не выронив при этом трубку, зажатую между ухом и плечом.

— Харриет? — Хилли прервал себя посередине предложения, внезапно вспомнив, что они с Харриет поссорились и не разговаривают.

— Я слушаю тебя.

Последовало молчание. Харриет слышала, как в доме Хилли работает телевизор. Наконец она сказала:

— Когда ты его видел?

— Минут пятнадцать назад.

— Как думаешь, он еще там?

— Наверное. Похоже, там назревала драка. Те нефтяники были ужасно злы.

— Ладно, тогда я поехала туда. Мне надо на него посмотреть.

— Нет, не надо! — закричал Хилли, но было поздно — она повесила трубку.

Вообще-то никакой драки не было, по крайней мере того, что Дэнни назвал бы настоящей дракой. Одум сначала не хотел платить, и тогда Фариш оторвал ножку от стула, сбил его с ног, а потом стал методично дубасить по спине и лягать, стараясь попасть по почкам. Вскоре Одум уже орал как резаный и умолял забрать у него деньги. Дэнни немного беспокоили толстяки-нефтяники — они могли бы причинить им немало

хлопот, но, к его облегчению, драться те не стали, хоть мужик в желтой рубашке и высказал им все, что он думает, причем в весьма замысловатых выражениях. Младшие Одумы сначала торчали у двери, а потом и вовсе куда-то свалили. Остальные были настроены довольно агрессивно, но нападать не стали, они находились в отпуске, могли себе позволить профукать пару сотен.

Фариш никак не отреагировал на мольбы Одума подумать о его детях. «Ешь сам, или съедят тебя» — такова была его философия, и если у Фариша получалось откусить кусок от чужого пирога, он считал это своим законным правом. Он смотрел на Одума доброжелательно, даже как-то весело, почти так же, как его овчарки смотрели на кошку, прежде чем загрызть ее: «Ничего личного, киска. В другой раз тебе повезет больше».

Дэнни уважал брата за его деловой подход к добыче денег, но сам так поступать не смог бы. Он закурил еще одну сигарету, хотя во рту у него и так будто кошки нагадили. В голову лезли противные воспоминания детства: тяжелая рука отца, женские вопли и стоны, какое-то болезненное возбуждение — он знал, что, так или иначе, эти видения связаны с тем ужасом, который приходил к нему в кошмарных снах.

— Прекрати! — громко сказал он.

— Что прекратить? — спросил Кэтфиш, возникая сбоку от него.

— Прекрати этот шум у меня в ушах. Он не прекращается ни на минуту.

— Дэнни-бой, полегче с этой штукой. — Кэтфиш отвинтил колпачок своей фляги и протянул Дэнни. — Эй, Одум! — крикнул он через зал. — Господь не любит унылых лузеров.

— Хой! — крикнул Дэнни, затыкая нос. Из глаз его полились слезы. И через пару секунд мир опять наполнился красками, прояснился, повеселел, как будто его помыли: сверкающий водопад, бьющий над той зловонной выгребной ямой, которой Дэнни всю жизнь так боялся — нищета, жирная грязь, синие кишки, полные дерьма.

Приятно закружилась голова, и Дэнни, чувствуя огромную радость, возбуждение и прилив сил, отмотал от своей пачки денег двадцатку и вложил ее в руку Кэтфиша.

— Дай его детишкам, — сказал он, — а я унесся.

— Куда это? — спросил Кэтфиш.

— Никуда. Просто — унесся...

Дэнни услышал свой голос как бы издалека. Усмехнувшись странности такого явления, он вышел на свежий воздух и, позвякивая в кармане ключами, пошел к своей машине. Как же она была хороша! Сверкает золотом на солнце. Он недавно помыл ее и отполировал — крутая тачка, «транс Ам», обводки как у богини.

Еще одна одумовская «малышка» сидела на скамейке через дорогу около магазина хозяйственных товаров, черноволосая, и к тому же

чистенькая и довольно опрятная. Она рассматривала книжку с картинками — видимо, ждала своего ублюдочного папашу. Внезапно Дэнни понял, что она вовсе не смотрит в книжку, а сидит, уставившись прямо на него. Ее лицо было неподвижно, как у индейца, ни один мускул не дрогнет, но глаза следили за каждым его движением, и, видимо, уже давно! Вот черт, метамфетамин меняет ощущение времени: увидишь дорожный знак, а потом он два часа стоит у тебя перед глазами. Это всегда его немного пугало, предметы и вещи обретали собственный, иногда вредный характер, как взбрыкнувшая ковбойская шляпа утром. «А, точно! — пришло ему в голову. — Поэтому их и называют „спиды“, „скорость“, время замедляется, а ты ускоряешься». Дэнни пришел в восторг от своей сообразительности. Ну подумаешь, девчонка уставилась на него, ну что такого, только что это она все смотрит? А глаза-то у нее зеленые, как трава, как у дьявольской кошки, нет, как у самого дьявола!

Аааа, страшно! Но нет, она вообще на него не смотрит — читает свою книжку, ждет папашу. Бедная крошка. Стыдно сердиться на нее. Сколько часов он сам провел на этой скамье в ожидании своего предка, изнывая от безнадежной тоски — что-то им с Кертисом будет, если игра кончится плохо? И почему он решил, что Одум ведет себя по-другому? Наверняка этот унылый урод тоже захочет выместить хоть на ком-то свою обиду. Опять воспоминания лезут в голову: «До тех пор, пока ты живешь под моей крышей...». Лампочка на кухне дрожит, а бабушка бесстрастно готовит ужин, будто ругань, звуки ударов, крики, плач не более чем очередной сериал, что крутят каждый день по телевизору.

Дэнни выудил из кармана пару четвертаков, чтобы бросить девчонке, — его отец тоже делал так с другими детьми. Внезапно он понял, что все это время разговаривал сам с собой вслух. Или ему это только казалось? Дэнни потряс головой, оглянулся, чтобы сунуть мелочь девчонке, и вздрогнул — скамейка была пуста, девчонка исчезла, и вообще на улице — ни одной живой души, — даже бродячей кошки.

— Что произошло? Скажи мне! — с нетерпением повторил Хилли. Он умирал от любопытства, а Харриет просто молча сидела на железных ступеньках старого склада, не говоря ни слова. Стены склада были покрыты темными пятнами — два года назад они с Харриет и с Диком Пиллоу развлекались тем, что швыряли в стену тенисные мячики, предварительно хорошенько изваляв их в луже.

Харриет молчала. Хилли вскочил и начал ходить взад-вперед, заложив руки за спину и приняв деловой вид. Когда Харриет не отреагировала и на это, он подошел к ней и ткнул локтем в бок.

— Ну, расскажи мне, — сказал он ободряющим, как ему показалось, тоном, — он что-нибудь тебе сделал?

— Нет.

— Хорошо, а то ему бы здорово от меня досталось! — Хилли подпрыгнул, рассек воздух воображаемым мечом и проделал несколько

боевых движений карате, рубя руками воздух и делая резкие выдохи: хух! хух!

Харриет не смотрела, она будто не замечала его. В конце концов Хилли подошел к ней и сел рядом.

— Да что с тобой такое? — спросил он с раздражением. Он боялся рассердить ее — после недели сидения дома в одиночестве мысль о новой ссоре наполняла его ужасом, однако ее внезапная молчаливость также вызывала у Хилли беспокойство — вдруг она уже придумала какой-нибудь план, в котором ему, Хилли, нет места?

Харриет вдруг быстро подняла на него глаза — прямо-таки обожгла взглядом, Хилли даже подумал, что она сейчас вскочит и даст ему пинка, но она просто сказала:

— Я думала о той осени, когда я была во втором классе. Я тогда выкопала себе могилу на заднем дворе.

— Что? — спросил Хилли недоверчиво. Он сам много раз пытался выкопать что-нибудь у себя во дворе (подземные бункеры, тоннели в Китай), но никогда больше чем на полметра не продвигался.

— Она была неглубокая, — сказала Харриет, — всего-то вот такая. — Она показала руками, какой глубины была могила. — Я ложилась в нее, засыпала себя листьями и лежала так до вечера, пока Ида не звала меня ужинать.

— Господи боже, зачем тебе это понадобилось? — рассеянно спросил Хилли. Он вдруг увидел огромного жука, с рогами и усами, черного, блестящего. — Харриет, взгляни, какой огромный жучара! Я такого в жизни не видел!

Харриет наклонилась вперед и окинула жука равнодушным взглядом.

— Ага, прикольно, — сказала она, — ты помнишь, когда я заболела бронхитом и лежала в больнице? Я тогда простудилась, потому что земля была очень холодная.

— Знаешь что? — сказал Хилли, трогая жука большим пальцем ноги. В передаче «Рипли, хочешь верь, хочешь нет» рассказывали про одну женщину, которая попросила поставить ей телефон в могилу. Здорово, правда? Ты набираешь номер и слышишь, как звонок доносится из-под земли. А потом тебе говорят: «Алло!» С ума сойти, правда? — Он подвинулся к ней поближе. — А здорово было бы, если бы у миссис Бонамон тоже стоял в могиле телефон! Она бы позвонила тебе посреди ночи и заорала бы: «Отдайте мне мой парик! Отдавайте мой белый парииииик!»

— Только посмей! — сказала Харриет, глядя на трясущуюся и тянущуюся к ее шее руку. Миссис Бонамон была церковной органисткой, она умерла в январе после долгой болезни. Так или иначе, ее похоронили в парике.

— Откуда ты знаешь?

— Мне Ида сказала. У нее все волосы выпали от рака.

Некоторое время они сидели молча. Хилли оглянулся в поисках жука, но тот куда-то спрятался. Хилли качал ногой, ритмично ударяя кроссовкой о железный бок лестницы — бонг, бонг, бонг... Что это еще за глупости она говорила про могилу? Почему она раньше ему об этом не рассказала? Он-то ей все рассказывает! Он рассчитывал, что они сейчас выработают новый план по уничтожению Дэнни Ратклиффа, а вместо этого она сидит как неживая. Хоть бы стукнула его, что ли! Хилли вскочил и с преувеличенным вздохом остановился перед ней.

— В общем, план такой, — важно сказал он. — Мы сейчас пойдем ко мне, потренируемся биться на мечах. На нашей боевой арене. — Боевой ареной он называл место на заднем дворе, которое он расчистил от сорняков. — Через пару дней можем начать стрелять из лука...

— Знаешь, что-то мне не хочется играть...

— Мне тоже, — сказал Хилли, уязвленный. Конечно, его арбалеты и луки были просто детскими игрушками, на стрелы вместо отточенных насадок были надеты голубые присоски, но все же, по его мнению, это было лучше, чем ничего. — Ну ладно, можно провести ревизию оружия (Хилли прекрасно знал, что из оружия в наличии было только его стрелявшее шариками ружье, заржавевший перочинный ножик и бумеранг, который никто из них не умел бросать).

Харриет даже не подняла глаз. Наоборот, она обхватила колени руками и мрачно уставилась в землю перед собой.

— Знаешь, — сказала она наконец. — Я что-то устала. Пойду к тете Либби.

— Хорошо, я провожу тебя, — пробормотал Хилли после недоуменной паузы. Что это на нее нашло?

Хилли прекрасно знал, что из всех тетушек Харриет всегда выделяла Либби. Либби относилась к девочкам почти с материнской нежностью, поэтому, когда Харриет в детском саду называла ее мамой, Хилли это совершенно не удивляло. Конечно, Либби была старая и не жила вместе с ними, но именно она вела Харриет за руку в первый класс, она пекла ей на день рождения торты и шила костюмы для спектакля «Золушка», в котором Харриет исполняла роль самой младшей и зловредной сестры.

К сожалению, Либби не оказалось дома.

— Мисс Клив на кладбище, — сообщила им заспанная Одеон. — Рвут траву на конфедератских могилах. Могут до вечера не появиться.

— Хочешь, поедем туда, — предложил Хилли. Вообще-то поездка на кладбище была крайне утомительной, надо было проехать по шоссе, а потом еще пробраться сквозь греко-итальянские кварталы на окраине. Там смуглые, хмурые, круглоголовые парни играли в кости на улице, а рядом с лотков торговали твердым итальянским печеньем, разноцветным шербетом и сигаретами по два пенса за штуку.

— Я бы поехала, но Эдди, наверное, тоже там. Она президент Клуба дам-садоводов.

Хилли молча кивнул. Сам он питал крайнюю неприязнь к Эдди и всегда старался не попадаться ей на глаза, поэтому не увидел ничего странного в том, что Харриет тоже не хотела ее видеть.

— Пойду лучше к Тэт, может быть, она дома.

— Ну а почему бы нам не поиграть на твоем крыльце? Или на моем? — Хилли вытащил из кармана арахис и зло швырнул его в стекло припаркованной машины. Либби была нормальной старухой, но остальные тетки Харриет были немногим лучше Эдди.

Тетя Тэт провела на кладбище вместе с другими дамами из Клуба садоводов большую часть дня, но потом ей пришлось срочно вызывать такси, так как у нее разыгралась сенная лихорадка. Теперь глаза ее слезились, на тыльной стороне ладоней выступили красные рубцы, и она, как и Хилли, совершенно не могла понять, почему Харриет выбрала именно ее дом для своих полуденных игр. Тэт открыла детям дверь, будучи еще в рабочей одежде — на ней были широкие бермуды и африканская рубашка-дашики. Харриет невольно улыбнулась. У Эдди тоже была похожая рубашка — их прислал тетушкам один баптист из Нигерии. Обе дамы с удовольствием носили яркие «кафтаны» из гладкой, прохладной ткани, не подозревая о символах «Власти Черных», изображенных на рубашках спереди и сзади, и каждый раз приходили в легкое замешательство, когда чернокожие парни, пролетая мимо них на мотоциклах, кричали им, хохоча: «Отжигайте, Серые пантеры, так держать!» — и поднимали вверх сжатые кулаки.

Тэт терпеть не могла полоть сорняки — Эдди чуть ли не силой затащила ее в Клуб дам-садоводов и сейчас желала лишь одного — снять дурацкий кафтан, выпить таблетку от аллергии, потом чашечку чая и завалиться на кровать с книжечкой. Однако воспитание работало помимо ее воли, и Тэт встретила детей приветливой улыбкой с самой малой толикой иронии.

— Проходите, мои дорогие, не обращайте на меня внимания, я не одета для приема гостей... — Она провела их через сумрачную гостиную, в которой царили старинный буфет из «Дома Семи Невзгод», массивные полки из красного дерева и зеркало в золоченой раме, такое высокое, что доставало до потолка. С верхних полок не мигая смотрели чучела птиц, около задней стены лежал свернутый персидский ковер, тоже привезенный из старого дома. Он был такой огромный, что не помещался ни в одну из комнат Тэт, поэтому хранился в свернутом состоянии — винно-красное бархатное бревно, перегораживающее проход.

— Ступайте аккуратнее, — проговорила Тэт, подавая руку по очереди Харриет и Хилли, как старший бойскаут малышам на прогулке. — Наш папочка говорил, что тетушка Аделаида — прирожденный бухгалтер, Либби умеет возиться с малышами, Эдит следит, чтобы поезда ходили по расписанию, а я ни на что такое не гожусь. Я — семейный архивариус.

Ты знаешь, что такое архивариус?

Хилли с опаской кивнул и отвел глаза. Несмотря на то что Тэт говорила веселым, непринужденным тоном, в ее доме он чувствовал себя не в своей тарелке, как всегда в компании теток Харриет, — своими длинными носами и птичьими голосами они больше всего напоминали ему стайку старых ворон.

— Харриет, дорогая, — продолжала Тэт, — прости свою старую тетку, у меня нет ничего вкусного, я же вас не ждала! Да и аллергия разыгралась некстати. От этого насморка я прямо-таки сама не своя, такое неприятное состояние. — Она с чувством чихнула. — Но в следующий раз, — сказала Тэт, поворачиваясь к Харриет и понижая голос, — тебе следует сначала позвонить мне, а потом уже являться самой. А вдруг бы меня не было дома?

Она смачно поцеловала племянницу в упругую щеку, на ходу отметив, что девочка давно не мыта, неухожена и одета неряшливо, а вот мальчик чистенький, с ним все в порядке.

Проводив детей на заднее крыльцо, Тэт поспешила на кухню сделать им по стакану лимонада — просто развела цитрусовый порошок в воде из-под крана. Крикнув Харриет, чтобы та пришла забрать напитки, она с кряхтением отправилась в спальню — умыться и привести себя в порядок.

На веревке во дворе Тэт висел клетчатый плед — бежевые и черные квадраты. Дети постелили его на крыльце, поставили на него шахматную доску и расставили фигуры.

— А знаешь, что мне напоминает этот плед? — сказал Хилли с преувеличенным весельем. — Ту сцену из фильма «Из России с любовью» — помнишь, в самом начале, с этой огромной шахматной доской?

— Если ты тронешь эту ладью, — сказала Харриет, — тебе придется ею ходить.

— Я уже тронул и уже пошел вон той пешкой, — сердито воскликнул Хилли.

Он не любил ни шахматы, ни шашки — у него голова начинала от них болеть. Он поднял стакан с лимонадом, салютуя Харриет, но та задумчиво смотрела на доску. Потом выдвинула вперед черного коня.

— Поздравляю, сэр, — сказал Хилли патетическим тоном, с силой опуская стакан на крыльцо, хотя пока ничего необычного в игре не наблюдалось. — Изумительный дебют! — Он подслушал эту фразу в какой-то передаче о шахматах и был горд, что запомнил ее.

Дети продолжали играть. Хилли взял ладьей одну из пешек Харриет и стукнул себя по лбу, когда она сразу же двинула коня, чтобы снять с поля его ладью. Он не очень-то помнил, как ходит конь, поэтому остерегался трогать своих, но кони Харриет так и прыгали по доске. Внезапно Харриет сказала:

— По-моему, он знает, кто я.

— Ты ему ничего про себя не говорила? — с беспокойством спросил Хилли. Хоть его и восхищала бесшабашная дерзость Харриет, он все же считал, что ей не следовало одной ездить в «Пул-Холл».

— Нет, он просто стоял и смотрел на меня. Уставился, будто съесть хотел.

Хилли, не думая, двинул вперед какую-то фигуру. У него вдруг испортилось настроение. Во-первых, он терпеть не мог дурацкий лимонад, всегда предпочитал колу, да и игра в шахматы была не его затеей. Нахмурившись, он стал ждать, когда Харриет заметит его недовольство.

Несмотря на жужжащий в углу вентилятор, в спальне было душно, и Тэт достала платочек, чтобы промокнуть вспотевший лоб. Она уже выпила таблетки, сначала от аллергии, потом от головной боли, и теперь чувствовала тупую вялость. Отложив книгу «Мария, королева шотландцев» в сторону, она прикрыла глаза и решила минутку отдохнуть.

В доме было тихо, дети мирно играли на крыльце, но все равно ей было сложно расслабиться, зная, что они находятся в доме. Она так беспокоится за бедных крошек! Особенно за свою любимицу Алисон. Тэт была уверена, что именно такие женственные, слабые создания, как Алисон и Шарлот, попадают под колеса Жизни и больше всего страдают от ее несправедливости, от людской жестокости и черствости. А такие, как Харриет (или ее сестра Эдит), тигрицы в женском обличье, все перенесут, будь то потоп, революция или вторжение русской армии.

Скрипнула дверь. Тэт села на постели, приложив руку к сердцу.

— Это ты, Харриет?

Но это был Царап, ее черный котик.

— Что это ты тут разлеглась, Бомбочка? — спросил он (вернее, она спросила себя сама тонким, визгливым голосом, которым они с Либби всегда говорили, когда имитировали своих питомцев).

— Ты меня до смерти напугал, Царап, — Тэт опустила голос на октаву ниже.

— Я знаю, как открывать твои двери, Бомбо.

— Тише. — Кот легко запрыгнул на кровать, улегся у нее под боком, замурлыкал, и через несколько минут оба уже крепко спали.

Гам, бабушка Дэнни, не переставая бормотать себе под нос, с трудом сдвинула с плиты чугунную сковороду с поджаренным кукурузным хлебом.

— Постой, Гам, давай я помогу тебе! — воскликнул Фариш, вскочив так быстро, что алюминиевый стул опрокинулся и со звоном повалился на пол.

Гам затрясла головой и улыбнулась своему любимому внуку.

— Фариш, дорогуша моя, отдыхай, я сама тебе все подам.

Дэнни сидел за покрытым клеенкой столом и мучительно хотел оказаться где-нибудь в другом месте. Трейлер был такой крошечный, что негде было повернуться, и к тому же его подташнивало от запахов хлеба, масла и жареной курицы. Минуту назад он грезил наяву — ему почудилось, что он видит девушку (или девочку?) — прелестную, зеленоглазую, с развевающимися темными волосами. Она приблизила свое лицо совсем близко к его лицу, как будто хотела поцеловать его, но вместо этого легонько подула в рот — таким свежим, ароматным, прохладным воздухом, словно это был поцелуй из рая. Дэнни хотелось остаться одному, чтобы неспеша насладиться этим видением, которое уже начало терять четкие очертания, но он был связан традицией семейных обедов, принуждавших его присутствовать на каждом из этих мучительных ритуалов.

— Фариш, дорогуша, я не люблю, когда ты встаешь, ты же знаешь, — продолжала бабка. Она окинула стол озабоченным взглядом, — а где у нас соль и кленовый сироп?

Фариш опять вскочил:

— Гам, садись немедленно, ты же устала, я все сделаю сам.

Этот диалог в разных вариациях происходил каждый день. Гам, озабоченно жуя губами, какое-то время демонстративно протестовала, но потом давала себя уговорить и шла к своему стулу, в то время как Фариш накладывал братьям и себе порции бабкиного варева.

Когда он протянул Гам тарелку, до краев наполненную едой, она слабо помахала рукой:

— Вы ешьте, мальчики, я подожду. Юджин, милый, возьми мою порцию.

Фариш бросил угрожающий взгляд на Юджина и поставил тарелку перед бабкой.

— Вот... Юджин... — Дрожащими руками она подняла тарелку и подала ее Юджину, который вжался в стул, не смея ни принять ее, ни отказаться.

— Блин, бабуля, — зарычал Фариш, — посмотри на себя, в тебе веса меньше, чем в цыпленке, ты что, хочешь опять оказаться в больнице?

Дэнни молча разломил кусок кукурузного хлеба. Мерзкий запах нарколаборатории в сочетании с вонью немытых тел и прогорклого масла совершенно отбил у него аппетит.

— Дружок мой, — сказала бабуля, застенчиво глядя в пол, — ты же знаешь, как я люблю готовить для моих мальчиков.

Дэнни не сомневался, что бабуля действительно их любила, хотя, может быть, и не столь сильно, как декларировала. Впрочем, она оставалась последней родственницей братьев, поэтому выбирать им не приходилось. Сама Гам выглядела как классическая ведьма — высохшая, сгорбленная, с изборожденным морщинами лицом, практически совсем беззубая. Старухе можно было бы дать лет сто, хотя на самом деле ей

только недавно перевалило за шестьдесят. Она была плодом союза франкоязычного каджуна и индианки из племени чикасо, и родилась в сарае на хлопковом поле, а в тринадцать лет вышла замуж за фермера на двадцать пять лет старше себя. Дэнни трудно было представить, как Гам выглядела в молодости, однако его отец, который смотрел на нее скорее глазами сверстника, нежели сына (она родила его в четырнадцать лет), утверждал, что Гам в свое время была настоящей красавицей, с круглыми румяными щеками и блестящими черными волосами.

Благостно улыбающийся Кертис уплетал курицу за обе щеки, но Фариш продолжал время от времени предлагать кусочки еды Гам, которая только печально махала на него рукой и качала головой. Она действительно с каждым годом все больше худела и как будто уменьшалась в размерах, теперь от ее рта осталась лишь тонкая линия, а глаза так глубоко запали, что казалось, скоро они вообще утонут в глубоких глазницах. Хрупкость ее здоровья так беспокоила Фариша, что он постоянно пытался подкормить свою любимую бабулю. Она тоже, в свою очередь, выделяла Фариша из толпы внуков. Ее внешне невинные замечания, туманные намеки и подначки действовали на Фариша безотказно, подогревая его и без того взрывной характер.

— Я не смогу столько съесть, — повторила она, хотя все тарелки были уже распределены между братьями. — Вот, отдайте мою порцию брату Юджину.

У Дэнни к горлу подступила тошнота. Он был уверен, что этот страдальческий вид и дрожащий голос были рассчитаны именно на то, чтобы натравить Фариша на Юджина. Ну и конечно, трюк сработал.

— Кому? Ему? — взревел Фариш. Его лицо побагровело, и он повернулся к Юджину, который сидел на своем стуле, сгорбившись, прикрыв голову капюшоном, и изо всех сил работал челюстями. Аппетит Юджина был в семье камнем преткновения, поскольку он ел больше всех, а финансово братьям практически не помогал.

Кертис, увидев кусок курицы, протянутый через стол дрожащей рукой, протянул к нему свои измазанные жиром пальцы, но Фариш сильно и больно хлопнул его по руке. Кертис жалобно вскрикнул — рот его открылся и оттуда выпал недожеванный кусок хлеба.

— Кертис, возьми *мою* порцию, — быстро сказал Дэнни. Он почувствовал, что не в силах в тысячный раз участвовать в маленькой драме, которая разворачивалась за семейным столом практически каждый день. Но Кертис, не понимавший смысла этой игры, опять тянулся за маячившей перед его глазами куриной ногой.

— Если он только посмеет к ней притронуться, — заявил Фариш, — я его так вздую, что он неделю сидеть не сможет…

— Кертис! — в отчаянии сказал Дэнни, — да возьми же мой кусок!

— Или мой, — раздался голос с противоположного конца стола. Все забыли про лесного проповедника, что сидел рядом с Юджином. — В еде у нас, слава богу, нет недостатка. Пусть дитя ест, если ему охота.

Все головы повернулись в его сторону, и Дэнни воспользовался моментом, чтобы скинуть всю еду со своей тарелки в тарелку Кертиса. Тот просиял, уставившись на свалившуюся ему с неба вкуснятину.

— Люблю! — крикнул он, молитвенно сложив руки.

— Спасибо, все было очень вкусно, — вежливо сказал лесной проповедник. Его ярко-голубые глаза блестели лихорадочным огнем.

— Что-то я не вижу, чтобы вы с Долфусом были похожи, — медленно сказал Фариш.

— А вот наша мама думает, что похожи, — ответил Лойял. — Мы оба светлые, в ее породу пошли.

Фариш усмехнулся и отправил себе в рот ложку тушеного горошка. Несмотря на количество потребляемого метамфетамина, отбивающего всякий аппетит, Фариш свято соблюдал обеденные ритуалы и всегда доедал все до крошки, чтобы не обидеть Гам.

— Да, — мечтательно сказал Фариш, — твой брат Долфус знает, как надо себя поставить, чтобы тебя уважали. Там, в тюряге, если он говорил кому «Прыгай!», тот прыгал на полметра и даже не задумывался. А если задумывался, так прыгал *на небо*. — Фариш захохотал, но вдруг резко оборвал смех и рявкнул: — Кертис, мать твою, убери свои лапы из тарелки. Гам, да научи ты его есть как человека!

— Он иначе не умеет, — сказала Гам, с кряхтением вставая, чтобы отодвинуть блюдо с овощами подальше от Кертиса. Она повернулась к лесному проповеднику с извиняющейся усмешкой: — Господь не слишком постарался, когда лепил нашего Кертиса. Но мы ведь все равно любим нашего уродца, правда?

— Люблю! — восторженно пролепетал Кертис, протягивая ей кусок хлеба.

— Господь не допускает ошибок, — мягко сказал проповедник. — Если ему угодно создать чистое тело для чистой души, он делает это намеренно. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»...

— Ха! Молись, чтобы Господь не отвернулся от тебя, когда ты будешь завтра развлекаться со своими змеями. Кстати, тебя зовут, Лойял, верно?

— Да, сэр, Лойял Брайт. Брайт — фамилия моей мамы.

— Ну и когда же твои змеи соизволят явиться на свет божий? Сколько можно таскать их в корзинах, если они даже высовываться оттуда не желают?

— Змей — божеское создание, и неисповедимы пути его. Негоже нам идти против его воли. Змей выйдет на волю, когда придет его срок. А если мы ослушаемся воли Господа нашего — сами от этого пострадаем. Иногда Господь специально проверяет на крепость веру людскую.

— Ну ладно, Лойял, — сказал Фариш, — а вдруг все дело в Юджине? Может быть, он просто недостаточно набожен? Или у него есть какие-нибудь другие недостатки? Вдруг змеи из-за этого не вылезают?

— Я тебе вот что скажу, Фариш, — мрачно промолвил Юджин,

вытирая корочкой хлеба тарелку. — Змеи вообще никогда не вылезут, если к ним постоянно приставать, дразнить, да дымом сигаретным на них дуть, да палками в них тыкать.

— Что ты сказал, ублюдок?

— Мальчики, мальчики, — слабым голосом вмешалась Гам. — Не надо ссориться.

— Гам! — Дэнни хотел просто задать вопрос, но слова помимо его воли вылетели у него изо рта с такой силой, что все присутствующие вздрогнули и посмотрели на него. — Гам, — сказал он тише и медленнее, растягивая слова, чтобы не путаться в согласных, — я хотел спросить тебя вот о чем: ты уже выбрала, какой процесс будешь судить в суде присяжных?

— Да, Дэнни, выбрала.

— Что? — спросил Юджин. — Когда же он начинается?

— В среду.

— А как, интересно, ты будешь до города добираться? Грузовик-то сломан.

— Что это еще за история с судом присяжных? — грозно спросил Фариш, приподнимаясь на стуле. — Почему я ничего об этом не слышал?

— Ну, ты же знаешь, Гам не любит тебя беспокоить…

— Грузовик не очень серьезно сломан, — сказал Юджин, — только слегка, чтобы Гам не могла сесть за руль. Руль такой тяжелый, иногда мне самому тяжело его провернуть…

— Нет, подождите, *суд присяжных?* — Фариш резко отодвинул стул от стола. — А почему, спрашивается, им понадобился инвалид? Они что, не могли позвонить кому-нибудь помоложе?

— Я должна исполнить свой долг, — тоном мученицы прошептала Гам.

— Блин, я знаю, что ты готова на все ради других, но *им-то* чего так неймется? Почему бы им не обратиться к кому-нибудь из городских? Черт побери, Гам, тебе придется сидеть там целый день, и на этих жестких стульях, а с твоим артритом…

Гам сказала почти шепотом:

— Меня только беспокоит тошнота от энтих новых таблеток, и голова чтой-то кружится…

— Надеюсь, ты им сказала, что после этого процесса тебе придется лечь в больницу! Они что там, с ума посходили? Тащить больную старушку за тридевять земель…

Лойял дипломатично прервал его:

— А что за процесс вам придется судить, мэм?

Гам обмакнула кусочек кукурузного хлеба в сироп:

— Какой-то ниггер увел трактор…

Фариш сказал:

— И что, из-за *этого* ты попрешься в чертов город?

— Да, мальчики, в мое время, — безмятежно проговорила Гам, —

никто не занимался глупостями вроде суда присяжных.

Харриет постучала в дверь пальцем, подождала минутку, потом тихонько приоткрыла ее. В полумраке спальни ее тетушка мерно похрапывала на белом покрывале, очки лежали рядом, кот свернулся под ее боком.

— Тэт? — неуверенно спросила Харриет. В комнате пахло лекарствами, лимонной вербеной, ментоловой мазью против артрита и пылью. Старый вентилятор медленно разгонял душноватый воздух.

Тэт не шевелилась. В комнате было прохладно и совершенно тихо, если не считать ровных вдохов тети. На столике у кровати стояли фотографии в серебряных рамах: судья Клив и прабабушка Харриет, мать Харриет перед первым балом, в перчатках до локтя и с начесом на голове, раскрашенная вручную фотография мистера Пинка, супруга Тэт. На массивном трельяже размещались личные вещи Тэт: кольдкрем марки «Пондз», вазочка со шпильками, набор щеток для волос и ее единственная красная помада — уютная маленькая семейка, как будто собравшаяся для группового портрета.

Слезы подступили к глазам Харриет. Она с размаху шлепнулась на кровать.

Тэт аж подскочила от испуга и открыла глаза.

— *Господи помилуй!* Харриет? — дрожащими руками она нащупала очки. — Что случилось? Где твой дружок?

— Он пошел домой. Тэтти, ты меня любишь?

— Что произошло? Детка, который сейчас час? — Тэт, прищурившись, взглянула на часы. — Ты что, плачешь? — Она протянула руку и пощупала лоб Харриет, но он был холодный и влажный от пота. — Да что же с тобой такое?

— Можно, я останусь на ночь?

Сердце Тэт упало:

— Деточка, ты же видишь, бедная Тэтти и так полужива от этой аллергии... Ну скажи мне, что все-таки приключилось? Тебя кто-то обидел?

— Позволь мне остаться, я буду вести себя очень тихо...

— Дорогая, дорогая моя, ты же знаешь, я всегда тебе рада, но понимаешь..

— Ну почему ни ты, ни Либби, никто не хочет, чтобы я оставалась на ночь?

Тэтти тяжело вздохнула. Все-таки дети — ужасная головная боль, как хорошо, что у нее нет своих.

— Харриет, ну-ка успокойся, давай возьмем календарь и выберем день на следующей неделе, я к тому времени уже приду в себя...

Она замолчала. Девочка плакала, вытирая слезы грязным рукавом футболки.

— Ну ладно, — сказала Тэт бодрым голосом, — пойдем-ка умоемся, и

тебе сразу станет легче. Давай, давай, Харриет, вставай и пошли со мной.

Она взяла племянницу за грязную ладошку и повела вниз, в ванную, где открыла оба крана и вручила ей кусок розового туалетного мыла.

— Вот, милочка, вымой лицо и руки… Нет, сначала руки. А теперь побрызгай себе в лицо холодной водой, ну вот, тебе уже лучше?

Она намочила водой полотенце и деловито вытерла щеки Харриет.

— А теперь возьми полотенце и протри себе шею и под мышками, хорошо?

Харриет машинально мазнула себя полотенцем по шее, потом задрала футболку и провела прохладной тряпкой по рукам и груди.

— Нет, не так, неужели Ида ничему вас не учит? Она хотя бы следит за тем, чтобы ты мылась каждый день?

— Да, мэм, — безнадежным голосом пробормотала Харриет.

— Тогда почему же ты такая грязная? Ты что, не принимаешь ванну ежедневно?

— Да, мэм.

— А она проверяет, мокрое мыло или нет после вашей ванны? Можно целый час сидеть в горячей воде, но чище не станешь, если не намылишься. Ида Рью прекрасно знает, что…

— Ну почему все только и делают, что ругают Иду Рью?

— Никто ее не ругает, деточка, да только, пожалуй, мне самой придется с ней поговорить. Она не сделала ничего дурного, не волнуйся, но у цветных, знаешь ли, другие взгляды на многие вопросы… О нет, Харриет, — воскликнула Тэт, закатывая глаза, — только не начинай все сызнова!

Юджин вышел из трейлера вместе с Лойялом, и теперь они стояли бок о бок, глядя в сторону леса. Лойял поглядел в небо, потянулся и медленно направился к своему грузовику. Казалось, он был в полной гармонии как с природой, так и с самим собой. У Юджина же руки начинали трястись, стоило ему подумать о том, что им предстоит сделать вечером. Проходя мимо грузовика Лойяла, он машинально взглянул на себя в зеркало заднего вида, провел рукой по волосам, забранным сзади в хвост, и потер небритые щеки. Вчера они с Лойялом пытались провести церковную службу на отдаленной ферме, и кончилось все это довольно плачевно. Ни одна чертова змея так и не вылезла из корзины, собравшиеся фермеры и их угрюмые рабочие какое-то время из любопытства молча стояли вокруг, но потом в них полетели пробки от бутылок и осколки гравия, а в конце концов народ и вовсе разошелся. Никто не дал ни цента, да и за что им было платить? Представления люди не увидели, только время потеряли. Сегодня, по словам проповедника, их ожидал более теплый прием, да только где? На «Горячем источнике», у черта на куличках, вот где. Юджина совершенно не интересовал «Горячий источник», это была не его территория. Через пару дней они хотели устроить показательные

выступления у себя на центральной площади, да только и там на большую толпу рассчитывать не приходилось — игры со змеями в их штате были запрещены законом.

А Лойялу все было по барабану. «Я здесь для того, чтобы исполнять Божью волю, — спокойно говорил он. — А Божья воля состоит в том, чтобы побеждать Смерть». Прошлым вечером его совершенно не смутили издевательские выкрики фермеров, но Юджин не знал куда деваться от стыда и с трепетом ждал повторного сеанса публичного унижения.

Они стояли рядом с грузовиком Лойяла — повешенная в открытом проеме кузова холщовая занавеска закрывала от глаз корзины со змеями, но характерный запах скрыть было невозможно. На бампере большими наклонными буквами было написано: *ЭТОТ МИР НЕ МОИ ДОМ!* К счастью, Кертис смотрел телевизор в трейлере, иначе от него не так просто было бы отделаться. Они уже собирались залезть в грузовик, как дверь трейлера со скрипом распахнулась, и на пороге появилась Гам. Она на секунду замерла, потом заковыляла в их направлении.

— Доброго вам вечера, мэм, — вежливо сказал Лойял.

Юджин отвернулся. Последние дни он боролся с приступами острой ненависти к бабке, и ему приходилось все чаще напоминать себе, что она всего лишь старуха, к тому же еще и смертельно$7

Это было более двадцати лет назад. Еще четверо братьев успели родиться, вырасти, сесть в тюрьму или получить пособие по инвалидности; его отец, мать, дядя и мертворожденная сестренка давно лежали в земле, но Гам коптила небо, как и прежде. Доктора и сейчас примерно раз в полгода ставили ей смертельные диагнозы — то цирроз печени, то разрыв селезенки, то открывали очередной рак очередного органа. Сколько одних этих раков у нее было! Наверное, ее кости были уже совсем источены и стали черные, пористые, как куриные, которые бросили в костер. Юджину иногда казалось, что, если бы кому-нибудь пришло в голову разрезать Гам, внутри у нее не было бы даже крови — только ядовитая губчатая масса.

— Мэм, вы позволите задать вам вопрос? — продолжал Лойял. — Как получилось, что все зовут вас Гам?

— Да никто этого вспомнить не может, просто имя прилипло к ней, и все тут, — хохотнул Фариш, выходя из своей таксидермической лаборатории. Он подошел в старухе сзади, обнял ее, поцеловал в жидкие седые волосы на макушке и слегка пощекотал за бока.

— А ну прекрати! — с деланой строгостью прикрикнула на него Гам. Она считала неприличным любое проявление чувств на людях, хотя по блеску глаз было видно, как ей приятна ласка внука.

Проповедник с подозрением заглянул в открытую дверь лаборатории Фариша. В ней не было окон; освещенная голой лампочкой, она производила жуткое впечатление — по стенам были

развешаны и расставлены чучела всевозможных сортов и видов. На верхней полке распластал крылья молодой ястреб, будто готовый спикировать на голову вошедшему, внизу стояли чучела кошек, лисиц, птиц и рептилий, на столе лежала белая цапля, зияя темным вспоротым брюхом. Перепачканные кровью и химикатами полки были заставлены всевозможными банками, бутылями, емкостями, наполненными разными, неприятного вида, жидкостями. Центр комнаты занимал невероятно сложный на вид агрегат — сплетение медных трубок с резиновыми насадками и переходниками, подсоединенными к вакуумным насосам, горелкам и старым водопроводным кранам. Банки с россыпью стеклянных глаз разного цвета и размера и заспиртованные эмбрионы мелких животных придавали комнате сходство с лабораторией доктора Франкенштейна.

— Давай, брат, заходи, — приветственно прорычал Фариш, махнув Лойялу рукой. Юджин нервно последовал за проповедником внутрь лаборатории. Возможно, его гостю было не привыкать общаться с придурками вроде Фариша — Долфус мог ему еще пару очков вперед дать, — но Юджин так хорошо знал цену приветливости брата, что ему сразу стало тревожно.

— Эй, Лойял, вот что я тебе скажу! Мне тут на днях принесли гремучку — я такой огромной в жизни не видел. Черт, жаль, я уже отдал чучело, а то бы я тебе его показал...

Юджин бочком пробрался в комнату и встал за спиной проповедника. Впервые он посмотрел на лабораторию чужими глазами и передернулся от отвращения при виде десятка чучел котят, мышей и кроликов, и в особенности от дохлой цапли с закатившимися белыми глазами, которая к тому же начала уже заметно вонять. «Это нужно ему для работы», — пробормотал он неуверенно, заметив, что Лойял внимательно рассматривает батарею бутылок из-под виски, выстроившуюся у стены.

— Господь учит нас любить земное царство и его обитателей, — медленно проговорил проповедник. — Наш долг — направлять и защищать их. Простите меня, но я не уверен, что мы имеем право набивать их трупы соломой и выставлять на всеобщее обозрение.

— Ну не знаю, — протянул Фариш с небрежной издевкой. — Может, вы и правы, господин проповедник, да только сдается мне, вы так же быстро разделались с куриной ногой, как и братишка Юджин. — К ужасу Юджина, он демонстративно наклонился и через свернутую долларовую купюру втянул носом со стола белый порошок.

— А это что? — спросил Лойял.

— Лекарство от головной боли.

— Наш Фариш — инвалид, — вступил со своего места Дэнни и хихикнул.

— Помилуй Бог, — обратился Лойял к Гам, которая к этому моменту тоже доползла до лаборатории и теперь стояла на пороге. — Воистину,

мэм, Господь подвергает вашу семью горестным испытаниям.

Фариш вскинулся — он вовсе не желал, чтобы его недуги приравнивались к дебильному состоянию Кертиса, но Гам благодарно схватила Лойяла за рукав.

— Ты прав, мой мальчик,— залепетала она, трагически качая головой. — Уж как я мучаюсь с этим раком, никто и представить не сможет, а еще и артрит, и диабет, а теперь вон и селезенка увеличена... А вот здесь, посмотри,— он показала на черное пятно у себя на шее величиной с четвертак,— вот как раз тут доктора поставили катетер бедной Гам...

— Так когда начинается ваше змеиное представление? — бодро вмешался Дэнни, успевший принять свою дозу «лекарства от головной боли».

— Скоро начнется, — проворчал Юджин. — Нам пора, — обратился он к Лойялу, — пошли давай.

— А еще,— продолжала Гам, не отпуская рукава Лойяла,— они запустили в мои вены, ну, как его? Шарик такой, чтобы он чистил кровь, а потом...

— Гам, нам пора идти.

Гам фыркнула и с сожалением отпустила свою жертву — не часто ей удавалось найти такого благодарного слушателя.

Харриет ушла от Тэтти пешком. Ей совсем не хотелось возвращаться домой, поэтому она прошагала до самой Мейн-стрит, в тысячный раз рассматривая особняки бывшей знати, стоявшие за обвитыми глицинией высокими заборами, — каждый из них был построен на свой лад и не похож на другой. Казалось, здесь можно найти образчики чуть ли не всех архитектурных стилей на свете — классический, готический, ампир, рококо, итальянский, викторианский, — какого только не было.

На улице постепенно темнело. Вот мимо проплыл светлячок, мигнул зеленоватым глазом и погас. А вот два других мигнули ей с другой стороны улицы. Харриет решила пройти еще чуть-чуть дальше, до отеля «Александрия». Вообще-то это полуразрушенное здание хоть и носило название «отель», таковым не являлось уже очень давно, чуть ли не с конца девятнадцатого века. По рассказам местных жителей, когда-то в стародавние времена желтая лихорадка косила население южных штатов и Александрия оказалась заполненной беженцами, которые в панике двигались на север, пытаясь спастись от смертельной болезни. В те дни отель, который еще функционировал как отель, был заполнен умирающими — их укладывали рядами, как селедку в банку, на верхний ярус. Некому было ухаживать за больными, даже воды им подать было некому, только по вечерам приходили солдаты в закрывающих нос и рот повязках и стаскивали мертвецов на нижний этаж. Говорят, стоны, мольбы о помощи и проклятия разносились по всей округе на несколько километров. С тех пор здание пустовало — все

попытки открыть там то магазин, то чайную заканчивались неудачей. Зловещее это было место, и никто из местных жителей туда и носа не казал. Завидев в конце пустой сумрачной улицы белую развалину бывшего отеля, зияющую пустыми глазницами-окнами, Харриет нерешительно остановилась. В сумерках ничего нельзя уже было разглядеть, но вдруг ей показалось, что она видит какое-то движение в верхних окнах — что-то промелькнуло, то ли простыня, то ли тряпка, — и Харриет повернулась и помчалась обратно с такой скоростью, будто за ней гналась стая привидений.

Она добежала не останавливаясь до самого дома, ворвалась в холл, захлопнула за собой стеклянную дверь и опустила задвижку. Алисон сидела в гостиной и смотрела телевизор.

— Мама беспокоилась о тебе, — сказала она, — пойди покажись ей. Да, и еще звонил Хилли.

Немного отдышавшись, Харриет начала подниматься по скрипучим ступенькам, как вдруг ее мать как коршун слетела на нее со второго этажа, громко шлепая разношенными домашними тапками.

— Где ты пропадала? Отвечай сию же минуту! — Ее лицо блестело от крема, а поверх ночной рубашки была надета старая сорочка отца. Мать схватила Харриет за плечо и начала трясти, а потом — невероятно! — изо всех сил толкнула ее к стене, так что Харриет ударилась головой о раму одной из висевших на лестнице картин.

Харриет испуганно и озадаченно взглянула на мать.

— А что случилось? — спросила она.

— Ты что, не понимаешь, как я беспокоюсь? — голос матери был высоким и резким. — Я места себе не нахожу! *Я чуть с... ума... не... сошла...*

— Мама? — Харриет в недоумении провела рукой по лицу. Она что, пьяна? Иногда отец так вел себя, когда напивался.

— Я думала, ты уже мертва. Да как ты *смеешь*...

— Я была у Тэт. А что произошло?

— Глупости. Говори мне правду. Немедленно!

— Я была у Тэтти, — нетерпеливо повторила Харриет. — Хочешь, позвони ей и спроси.

— Я так и поступлю, первым делом с утра узнаю, не беспокойся. А теперь отвечай — где ты была?

— Ну давай же, — раздраженно выдохнула Харриет. — Позвони Тэтти прямо сейчас!

Шарлот сделала короткий, решительный шаг по направлению к дочери, и Харриет автоматически отступила на две ступеньки вниз. Ее взгляд остановился на портрете матери, выполненном знакомым художником двадцать лет назад: на ее юном лице сияла улыбка, а полные жизни и веселья глаза смотрели на Харриет с сочувствием.

— *Почему* ты всегда так мучишь меня?

Харриет перевела взгляд на постаревшую копию портрета —

одутловатое лицо с расплывшимися чертами, нечесаные поблекшие волосы.

— *Почему?* — взвизгнула мать. — Почему ты так меня ненавидишь?

Харриет почувствовала, что начинает паниковать. Мать и раньше, бывало, вела себя неадекватно, все путала и расстраивалась из-за пустяков, но чтобы так — никогда. Было только семь часов вечера — обычно она даже не замечала ее отсутствия, хотя Харриет часто заигрывалась до десяти, а то и до одиннадцати.

— Алисон? — резко спросила Харриет сестру, которая стояла у подножия лестницы. — Что это с мамой?

И тут мать ударила ее по лицу. Удар получился не очень сильным, но неожиданным и резким. Харриет схватилась за щеку, слишком изумленная, чтобы заплакать.

— Да что такого я сделала? — вскричала она. — Если ты так волновалась, почему ты не позвонила Халлам?

— Как я могла им позвонить — всех перебудить в такую рань?

Алисон и Харриет обменялись недоуменными взглядами.

Потом Алисон недоверчиво спросила:

— Мама? Что ты хочешь сказать? В *какую* рань? Сейчас *вечер!*

Шарлот постояла неподвижно секунду, широко открыв глаза и шевеля губами. Потом бросилась вниз по лестнице, громко шлепая туфлями, распахнула дверь и вышла в сгущающиеся сумерки вечера. Очень медленно, как во сне, она подошла к качалке и опустилась на нее.

— Пресвятая Богородица, — проговорила она, опираясь на подлокотники и наклоняясь вперед. — Вы правы. Я проснулась, посмотрела на часы и подумала, что сейчас шесть *утра*.

Несколько минут все молчали — напротив, в доме Годфри, готовили барбекю, и запах жареного мяса разносился по всей улице.

Шарлот подняла испуганные глаза на младшую дочь. Ее лицо было неестественно бледным, глаза блестели, зрачки были расширены до непрозрачной черноты, так что цвета глаз было не разобрать.

— Харриет, я думала, тебя не было дома всю ночь… — Шарлот говорила с трудом, с короткими частыми всхлипами и придыханием. — О, деточка моя. Я думала, тебя похитили или убили. О Боже. Мне приснилось… А я тебя еще и ударила. — Она закрыла лицо руками и зарыдала.

— Мама, идем в дом, — тихо сказала Алисон. — Пожалуйста.

— Харриет, подойди ко мне, крошка. Ты сможешь меня простить? Мама совсем сошла с ума, — рыдала Шарлот, уткнувшись в волосы дочери. — Прости меня, детка…

Харриет, крепко прижатая к материнской груди, пыталась высвободиться и при этом не показаться грубой. Однако она уже задыхалась. Где-то над ее головой мать причитала, сморкалась, кашляла и всхлипывала. Розовая ткань ее ночной сорочки с такого близкого

расстояния вдруг показалась Харриет непохожей на ткань, а нитки превратились в толстые веревки — удивительный оптический феномен, который ненадолго привлек ее внимание. Харриет попробовала закрыть глаза — моток розовых веревок исчез. Тогда она стала попеременно закрывать то один, то другой глаз, экспериментируя с расстоянием, пока на рубашку вдруг не упала огромная слеза и не окрасила ее в алый цвет.

— Мама, — послышался издалека голос Алисон. — Пойдем в дом, пожалуйста...

Алисон с трудом удалось отлепить Шарлот от младшей дочери, отвести ее в дом и усадить перед телевизором. Она принесла из кухни салфетки и носовые платки, порошки от головной боли, пачку сигарет, пепельницу, ледяной чай в высоком бокале и холодную маску, которую мать накладывала на лицо во время приступов мигрени.

Шарлот безропотно принимала подношения дочери, бормоча как будто про себя: «Что вы подумаете обо мне... какой стыд., я была уверена, что сейчас ночь..» Харриет на всякий случай села от нее подальше. Алисон бросила на мать быстрый взгляд, удостоверилась, что та не смотрит в ее сторону, и одними губами сказала Харриет: «Сегодня день *его* рождения...»

Харриет моргнула. Ну конечно, как же она могла забыть! Обычно мать тяжелее всего переносила годовщины его смерти — несколько раз ей было так плохо, что приходилось давать сильные наркотики, чтобы хотя бы на несколько дней ее усыпить. Но в этом году все прошло без особых инцидентов. Алисон откашлялась.

— Мама, я наливаю тебе ванну, — сказала она твердым, каким-то взрослым голосом. — Пойдем, я тебя отведу.

Харриет вскочила, чтобы прошмыгнуть наверх, но мать вдруг встрепенулась и быстро, предостерегающим жестом протянула к ней руку.

— Девочки! Мои милые, любимые девочки! — Она постучала ладонью по тахте рядом с собой. Легкий отблеск былой живости промелькнул на ее опухшем от слез лице. — Харриет! Почему же ты мне ничего не сказала, деточка? Как ты провела время у Тэтти? О чем вы с ней говорили?

Харриет молчала. Как всегда, оказавшись под прицелом материнского внимания, она не знала, что говорить.

— Что же ты делала у Тэтти?

— Играла в шахматы, — выпалила Харриет.

Последовало неловкое молчание. Харриет мучительно пыталась придумать что-нибудь веселое, интересное, чтобы загладить короткую резкость своего рассказа, но в голову ей ничего не приходило. Шарлот обняла Алисон за плечи, прижала к себе и заглянула ей в глаза.

— А ты почему не пошла к Тэтти, дочка? — спросила она ласково. — Тебе тоже было бы интересно поиграть в шахматы. Девочки, а вы уже ужинали?

— А сейчас мы представляем фильм недели на Эй-би-си, — вдруг взревел телевизор. — После рекламы оставайтесь с нами!

Харриет воспользовалась паузой, чтобы вскочить и отправиться в свою комнату, но мать пошла следом и остановилась на пороге.

— Ты ненавидишь свою маму, деточка? — спросила она беспомощным голосом, от которого у Харриет сжалось сердце. — Может быть, посмотришь с нами телевизор? Сядем втроем перед телевизором, съедим по мороженому...

— Нет, спасибо, — вежливо сказала Харриет. Она только сейчас поняла, что мать стоит очень близко к мазутному пятну, которое виднелось у ножки кровати, и может его заметить.

— Я... — Мать задохнулась, окинула взглядом спальню и растерянно взглянула на Харриет. — Ты ненавидишь Меня... — повторила она.

— Нет, мама, — сказала Харриет, глядя в пол (она терпеть не могла такие мелодраматические сцены). — Я просто не хочу смотреть этот фильм.

— О, Харриет, мне приснился такой ужас... А когда я проснулась и тебя не оказалось в доме, я чуть с ума не сошла от страха. Но ты же знаешь, что мама любит тебя, да, девочка? Ведь знаешь?

— Да, — сказала Харриет тонким, нервным, писклявым голосом. Она сама его не узнала — казалось, он принадлежал кому-то другому.

Глава 4
Миссия

«Как странно, — подумала Харриет, глядя, как Кертис, нелепо, по-утиному, переваливаясь с ноги на ногу, бежит вдоль обочины дороги, в том же самом месте, где она встретила его в первый раз, — что я его вовсе не ненавижу, несмотря на то, что его семья сделала с моей». Кертис, вооруженный водяным пистолетом, периодически прицеливался и окатывал струей воды проезжающие по дороге машины.

Дверь ветхого на вид двухэтажного дома, из которого выбежал Кертис, распахнулась, и наружу вышли два человека, с трудом тащившие большую плетеную корзину, закрытую брезентом. Один из мужчин был совсем молодой, худой, угловатый, с вздыбленными волосами и глазами, раскрытыми так широко, словно он только что испытал великое потрясение. Второй мужчина, более высокий и плотный, двигался задом наперед и несколько раз споткнулся, когда спутник нечаянно толкнул его корзиной.

Они явно спешили — несмотря на то что корзина была, видимо, ужасно тяжелой и волокли они ее из последних сил, оба не остановились ни на минуту, пока не поднесли корзину к грузовику, припаркованному около въезда на участок перед домом. Кертис издал то ли рык, то ли стон и прицелился в мужчин из пистолета. Харриет отошла в тень растущих у обочины деревьев.

Старший мужчина открыл заднюю дверь грузовика, и они, кряхтя, подняли корзину и попытались втолкнуть ее внутрь, — зацепившись за что-то, корзина опасно наклонилась.

— Эй, осторожнее! — закричал младший из мужчин.

Второй вытер лицо платком. Харриет был виден только его затылок — седоватый хвост грязных волос, собранный на затылке.

Покончив с корзиной, мужчины чуть ли не бегом бросились назад и через пару минут вынесли из дома еще одну похожую корзину. Харриет была заинтригована. Что они могли там хранить? На инструменты было непохоже. Впрочем, в этот момент ее больше беспокоил Кертис. Хотя Харриет и не держала на него зла, но все же относилась к добряку-дауну с некоторой опаской и старалась держаться от него на расстоянии. Конечно, в этом она не была исключением. Широкие, размашистые движения толстых рук Кертиса пугали малышей, а в школьном автобусе никто не хотел сидеть с ним рядом, потому что он трогал девочек за лица и норовил провести рукой по шее. Впрочем, в школе все жалели Кертиса, поскольку там бытовало единодушное мнение, что бедного дауна дома обижают. Он часто приходил в школу, покрытый подозрительного вида синяками, — на теле Кертиса они были какого-то клюквенного цвета.

Конечно, у Кертиса не было родителей, только братья да полуживая бабка, но все равно учителя возмущались, что частенько он приходил в школу вообще без завтрака или приносил что-то немыслимое — банку варенья, например. Когда учителя звонили бабке, та невнятно бормотала извинения — старая она уже да совсем больная, ей за всем не уследить. Учителя поднимали брови: как-никак, Академия — частное заведение, и если у родственников Кертиса хватало денег, чтобы заплатить за его образование (а оно стоило тысячу долларов в год!), то почему бы им не скинуться своему брату на завтраки?

Харриет тихо отступила еще глубже в тень акации. Страшно даже представить себе, что будет, если Кертис ее заметит!

Зашуршали шины, и во двор плавно въехал роскошный перламутрово-серый «шевроле-линкольн», принадлежавший мистеру Дайлу. Харриет еще больше удивилась: он-то что здесь делает? Мистер Дайл вышел из машины, по-хозяйски небрежно захлопнул дверцу и направился к стоящим у грузовика мужчинам.

— Юджин? — позвал он, и потом громче и настойчивей: — *Юджин!*

Старший мужчина вздрогнул и обернулся. Выражение его лица нельзя было назвать радостным.

— Здравствуйте, мистер Дайл, сэр, — пробормотал он.

— Как хорошо, что я вас застал, — с довольным видом сказал мистер Дайл, потирая руки. — Да, мистер Юджин, вас сложно застать дома, а у меня к вам небольшой разговор.

Мужчина обреченно вздохнул и повернулся к Харриет лицом. Она невольно вздрогнула и отшатнулась, увидев, что половина его лица

обезображена уродливым багровым пятном.

— А это кто, Юджин? — мистер Дайл окинул незнакомца благожелательным взглядом.

Молодой человек испуганно вскинул голову.

— Лойял, — он подал Дайлу руку. — Лойял Риз.

— А вы, наверное, не местный?

«Да уж, точно подмечено, — язвительно подумала Харриет, — у него такой акцент, будто он с луны свалился...».

— Что ж, Лойял, приятно познакомиться, — продолжал Дайл, — вы у нас в гостях? Потому что, — он поднял руку, — у нас с Юджином есть маленькая договоренность. Правда, Юджин? Никаких гостей. Но для вас мы сделаем небольшое исключение. Правда, Юджин? Кстати, как тебе понравилась новая дверь, которую я для тебя поставил?

Юджин вымученно улыбнулся и пробормотал:

— Спасибо, мистер Дайл, теперь она закрывается лучше, чем раньше...

— А колонка с горячей водой? — продолжал Дайл. — Как она тебе? Теперь можно мыться хоть каждый день, правда? И воду не надо экономить...

— Э, мистер Дайл, сэр...

— Что ж, Юджин, нашим отношениям пойдет на пользу, если у нас с тобой не будет друг от друга секретов, ты согласен?

Юджин выглядел несколько озадаченным.

— За последние два дня ты два раза не пустил меня на мою собственную территорию, хотя прекрасно знаешь, что я имею право инспектировать ее в любое время, — говоря это, он теснил квартирантов к входной двери.

— Мистер Дайл, что я сделал, сэр? У меня все в порядке, я исправно плачу за квартиру...

— Я скажу прямо, Юджин, ко мне поступили жалобы от соседей. На вонь. И когда я был у вашей двери вчера, я тоже ее почувствовал.

— Так вы пройдите в квартиру, мистер Дайл, посмотрите сами.

— Пройду, пройду, Юджин, не беспокойся...

— Хат!

Харриет даже подскочила от испуга — на другой стороне улицы Кертис изо всех сил размахивал руками над головой. Его лицо расплылось в восторженной улыбке, глаза были закрыты.

— Слепа! — крикнул он.

Мистер Дайл обернулся и посмотрел на Кертиса с выражением легкого отвращения.

— А, Кертис, и ты здесь. Осторожнее, пожалуйста. — Он бочком обошел мальчика и решительно направился к парадной двери.

Кертис вытянул руки вперед, зажмурил глаза и бросился через улицу к Харриет, сделав страшное лицо. В горле у него булькало и клокотало.

— Я монстр, — рычал он. — Уу-ууу, монстр!

Харриет в ужасе оглянулась, но, к счастью, мистер Дайл ее не увидел. Не прекращая разговора с Юджином, он подхватил его под руку и увлек за собой в дом. Кертис затормозил прямо перед носом Харриет и открыл глаза.

— Шнурки, — сказал он.

— Кертис, у тебя завязаны шнурки, — твердо ответила ему Харриет.

Это было их извечным ритуалом. Кертис не умел самостоятельно завязывать шнурки, поэтому в школе он всегда просил детей ему помочь. В результате он так привык повторять одно и то же, что теперь всегда начинал разговор одинаково.

Внезапно Кертис протянул к Харриет руку, схватил ее за запястье и поволок за собой на другую сторону улицы.

— Прекрати! — возмущенно закричала Харриет. — А ну отпусти меня! Сейчас же!

Но Кертис был очень крепок физически, у Харриет не хватало сил освободиться от мертвой хватки его мясистых, влажных рук. Она изловчилась и изо всех сил лягнула его по лодыжке. Кертис затормозил посреди дороги и, не отпуская ее руки, развернул Харриет лицом к себе. Его темные бусинки-глаза, утонувшие в щеках, смотрели на нее без всякого выражения, что было довольно страшно, а потом он свободной рукой погладил ее по волосам.

— Сильная Хат, — сказал он.

Харриет вырвала руку и отступила от него на пару шагов, потирая запястье.

— Не смей так больше делать, — сердито сказала она. — Чего ты хватаешь людей на улице?

Кертис расплылся в улыбке.

— Кертис, добрый монстр, — проворчал он своим «игральным» голосом. — Добрый! Не кусает, ест только печенье. — Он похлопал себя по круглому животу. — Смотри!

Таинственно улыбаясь, он проковылял к грузовику и приподнял брезент, занавешивающий кузов сзади.

— Зачем? — неохотно спросила Харриет, но вдруг насторожилась. Этот запах нельзя было спутать ни с чем. — А что там?

Кертис ухмыльнулся и потащил на себя брезент, закрывающий ближайшую корзину. Господи Боже! Змеи! Да сколько! Всех мастей и размеров — щитомордники и гадюки, маленькие гремучки и здоровенные змеюки наподобие удавов. Все это месиво кишело, шипело, извивалось, переползало друг через друга, то там, то сям над общей массой вдруг поднималась белая треугольная головка со слепыми глазами и, шипя, высовывала острое жало. Харриет в испуге отпрянула.

— Не добрая змея, — сказал Кертис за ее спиной. — Нельзя трогать. Змея кусит! — Он собрал в горсть пальцы и несколько раз ткнул в сторону Харриет, показывая, как именно змея будет ее кусать. Харриет

застыла перед корзинами, не в силах поверить своим глазам. На корзинах были прикреплены куски картона, испещренные странными символами: кресты, черепа, солнце, луна, звезда Давида. На других были наклеены выцветшие фотографии: гробы в окружении печальных семейств, сельские мальчики со змеями в руках на фоне костров. На одной фотографии была изображена прелестная девочка, стоящая на коленях, молитвенно сложив руки. На ее голове лежала свернувшаяся в кольцо гадюка, хвост которой свисал ей на плечо. Над фотографией красовалась надпись из букв, вырезанных из газетной статьи:

Спи с ИисуСом
Риизи ФОРД
1935–1952

В стоящей отдельно вертикальной корзине, распустив капюшон, покачивалась настоящая королевская кобра. Глаза ее, древние глаза рептилии, смотрели на Харриет не мигая. В них отражались джунгли, разрушенные храмы инков, тайные ритуалы, равнодушная, практичная жестокость и мудрость, идущая из глубин веков. Харриет знала, что на обратной стороне капюшона изображены слова Брахмы, начертанные им, когда Первая Кобра мира распустила над ним свой капюшон и защитила его от солнца.

Со стороны дома раздался невнятный шум — хлопнула входная дверь. Харриет вздрогнула и перевела взгляд на окна второго этажа. В первый раз она заметила, что они затянуты изнутри какой-то металлизированной пленкой. Почему-то это вызвало у нее такой же необъяснимый страх, как и кобра. Пока Харриет завороженно глазела на окна, Кертис подошел к ней совсем близко и теперь водил перед ее носом рукой, изображая змею. Очень медленно он раскрыл собранные горстью пальцы и зловеще прошептал:

— Монссссттр... — а потом быстро собрал пальцы вместе, изображая бросающуюся змею: — Кусь! Кусь!

Со стороны дома опять послышался шум — не иначе, мистер Дайл спускался вниз. Харриет оглянулась, ища путь к отступлению, но тут Кертис опять сжал ее запястье железной хваткой и потащил к двери в дом. На секунду Харриет растерялась, но быстро пришла в себя и попыталась вырваться — тщетно. Она извивалась, лягалась, пыталась упираться, но с Кертисом ей было не справиться. Внезапно ее осенило:

— Кертис! — взвизгнула она. — Гляди, у тебя шнурки развязались!

Кертис остановился как вкопанный, ослабил хватку и невольно взглянул вниз, а Харриет собрала все силы и бросилась бежать.

— Они путешествуют вместе с карнавалом, — сказал Хилли своим раздражающе авторитетным тоном, как будто он знал все обо всем. Они с Харриет сидели у него в комнате, закрыв дверь. Почти все предметы здесь были или черного, или золотого цвета — цвета «Святых Нового

Орлеана», любимой команды Хилли.

— Не думаю,— с досадой проворчала Харриет, расчесывая комариный укус на колене. Через закрытую дверь доносились приглушенные ритмичные удары — это Пембертон у себя в комнате слушал музыку.

— На змеиной ферме тоже висела куча фотографий и все стены были разрисованы, так что они точно оттуда!

Харриет с сомнением покачала головой. Ей сложно было это объяснить, но она нутром чувствовала, что загадочные знаки и картинки на корзинах не имели отношения к грубо намалеванным изображениям змей, которыми славилась змеиная ферма.

— Ну а кто же они такие, по-твоему? — с вызовом спросил Хилли. Он раскидал по полу наклейки от жвачек и теперь сортировал их по сериям.— Может, они мормоны? Там, у Дайла, снимают квартиру мормоны.

— Мммм.

Мормонские мальчики, что жили на первом этаже в доме мистера Дайла, были довольно бесцветной парочкой. К тому же они существовали совершенно изолированно от общества, у них даже работы не было.

Хилли сказал:

— Мой дедушка говорит, что мормоны верят, что они живут на другой планете и отправляются туда после смерти. А еще у них может быть больше одной жены.

— У тех, что снимают у мистера Дайла квартиру, вообще нет жен.

Однажды они пришли к Эдди, когда Харриет была у нее в гостях. Эдди налила им лимонада, подала печенье, внимательно выслушивала в течение двух часов и отправила восвояси с миром. Потом она заявила Харриет, что эти мормоны — «вполне симпатичные молодые люди, только верят в ужасную чепуху».

— Эй, а давай позвоним мистеру Дайлу, — вдруг сказал Хилли.

— Это еще зачем?

— Ну, типа притворимся, что мы — жильцы, спросим, что у них там происходит.

— Какие еще жильцы?

— Ну не знаю какие. — Он бросил ей наклейку — зеленый монстр с налитыми кровью глазами за рулем машинки для гольфа. — Тебе нужна такая? У меня две одинаковые.

— Нет, спасибо. — Глупо, подумала Харриет, что Хилли заклеил все окна этими идиотскими наклейками. У него в комнате всегда темно — солнце вообще туда не попадает. Умереть с тоски можно в такой комнате.

— Ну ладно, тогда позвони Эдди. Она наверняка знает что-нибудь про мормонов.

Внезапно Харриет поняла, почему Хилли разобрала такая охота

звонить всем подряд: на столе красовался новый телефонный аппарат — трубка была спрятана в черном с золотом шлеме «Святых».

— Если они думают всякие глупости про свою собственную планету, — сказал Хилли, кивая на телефон, — кто знает, что еще они могут воображать? Может, они и змей для чего-то используют?

Поскольку собственных идей у Харриет не было, она взяла трубку и набрала номер Эдди.

— Алло? — Эдди ответила после второго гудка.

— Эдди, — сказала Харриет в шлем, — что мормоны думают о змеях?

— Харриет, это ты?

— Ну, может быть, они их держат дома, как домашних животных? Или разводят, как коров?

— С чего ты это взяла, милочка?

После неловкой паузы Харриет сказала:

— По телевизору показывали про них передачу.

— Вот уж не знала, что ты увлекаешься змеями! Помнится, кто-то вопил: «Спасите меня, спасите!», завидев крохотного ужика у себя во дворе.

Харриет пропустила этот низкий выпад мимо ушей.

— Знаешь, — продолжала Эдди, — когда я была девочкой, мы много слышали о лесных проповедниках, которые дрессировали змей. Но они не были мормонами, просто жили в лесах — странноватые люди. Кстати, Харриет, ты можешь прочитать «Этюд в багровых тонах» сэра Конан Дойла, там немало сказано о мормонах и их обычаях. По-моему, после папиной смерти все собрание сочинений Конан Дойла осталось у Тэт. А может, у меня на чердаке, в той коробке, где Коран и Конфуций?

— Эдди, я бы хотела побольше узнать об этих людях со змеями...

— Харриет? Я не слышу тебя. Откуда ты звонишь?

— Я у Хилли в комнате.

— Странно, а кажется, будто ты разговариваешь из туалета.

— Нет, просто здесь телефон такой странной формы... Эдди, где можно найти этих людей?

— В лесах и горах и заброшенных местах, вот все, что я знаю, — с пафосом произнесла Эдди.

Как только Харриет повесила трубку, Хилли воскликнул:

— Я вспомнил! Эти мормоны живут на первом этаже! Значит, второй этаж снимает кто-то другой.

— А кто?

Хилли возбужденно ткнул пальцем в телефон, но Харриет отрицательно покачала головой — снова звонить Эдди она не собиралась.

— Эй, там же был грузовик, верно? Ты запомнила номера?

— Господи, а ты прав, — простонала Харриет, — нет, мне даже в голову не пришло.

— Ну, они хотя бы были из Александрии? Думай, Харриет, думай, —

мелодраматично подняв бровь, произнес Хилли. — Ты должна вспомнить.

— Давай просто съездим туда и посмотрим. Если мы сразу же поедем… Эй, прекрати, что ты делаешь? — Харриет с раздражением взглянула на Хилли, который методично покачивал перед ее носом пальцем, имитируя действия гипнотизера.

— Тебе оучень хоучится спаааать, — проговорил Хилли низким, замогильным голосом. — Оучень… оучень…

Харриет стукнула его по руке, тогда он зашел с другой стороны, тыча пальцами ей прямо в лицо:

— Хоучится… Оучень…

Харриет хорошенько ткнула его кулаком в живот. С воплем «Господи Иисусе!» Хилли согнулся пополам.

— Боже, Харриет, ты меня по нерву ударила!

— Я же тебе велела прекратить!

Внезапно на лестнице раздался сердитый топот и голос у двери произнес:

— Хилли! Твоя подруга еще там? Открой дверь сию же минуту!

— Эсси! — раздраженно заорал Хилли, падая на кровать. — Мы ничего не делаем!

— Открой сию же минуту дверь.

— Сама открой.

В комнату влетела Эсси Ли, новая домработница, которая служила у Халлов только несколько недель и даже не знала Харриет по имени. Впрочем, Харриет подозревала, что Эсси знает гораздо больше, чем показывает, ну и, конечно, больше, чем ей следует знать.

— Что это вы тут расшумелись, орете как оглашенные да имя Господа поминаете всуе? Постыдились бы такой шум поднимать! — закричала она. — Еще и дверь закрыли! Чтоб эта дверь всегда была открыта, вы меня поняли?

— А почему Пем закрывает дверь, и ничего?

— А у Пема, между прочим, никакая девчонка не сидит в гостях, — сказала Эсси, поворачиваясь к Харриет и пронзая ее таким взглядом, будто она была лужицей кошачьей блевотины, которую Эсси предстояло убрать. — И Пем не орет на весь дом, и черта не поминает, и не ведет себя как черт-те что…

— Не надо так говорить о моих гостях, — выкрикнул Хилли. — А то я все маме расскажу.

— Ой-ой, «я сейчас все мамочке расскажу», — передразнила его Эсси. — Давай, рассказывай, ты же любишь небылицы — например, как я съела то шоколадное печенье, которое на самом деле ты сам и слопал! Что-то ты теперь напридумываешь?

— Убирайся из моей комнаты!

Харриет поежилась и молча уставилась на ковер. Она никак не могла привыкнуть к шумным скандалам, разворачивающимся у Хилли

дома, когда родители были на работе: Хилли против Пема (подбор отмычек и тайное проникновение на чужую территорию, срывание плакатов со стен, изымание драгоценностей, порча домашних заданий) или, чаще, Хилли и Пем против постоянно меняющихся домработниц. Все предыдущие, по мнению Харриет, были действительно довольно противными, а впрочем, она не могла их в этом винить — ведь им приходилось жить под одной крышей с двумя полными отморозками.

— Вы только посмотрите на это, — презрительно сказала Эсси, обводя взглядом комнату. — Какая гадость, все так уродливо. Я бы сорвала все эти плакаты да и сожгла их…

— А, она грозит, что сожжет дом! — завопил Хилли, немедленно багровея. — Ты слышала, Харриет? У меня есть свидетель! Она только что угрожала…

— Я ничего такого не говорила. А ну прекрати сейчас же выдумывать небылицы…

— Говорила, говорила! Правда, Харриет? И я все расскажу маме, — торопливо продолжал Хилли (Харриет поняла, что ей лучше молчать), — и она позвонит в агентство и скажет, что ты совсем сошла с ума, и больше тебя никто никогда не возьмет на работу…

За спиной Эсси появилась голова Пембертона. Он с веселым удивлением посмотрел на брата, выдвинул нижнюю челюсть, скривил губы и проговорил детским голосом:

— Смотлите, какие у нас неплиятности…

Увы, это было сказано в самый неподходящий момент. Эсси Ли обернулась и двинулась на Пема, сжимая кулаки.

— Да как ты смеешь так со мной разговаривать? — завопила она.

Пембертон, наморщив лоб, лишь ошеломленно помигал.

— Ты, лентяй из лентяев! Целый день в кровати валяешься, ни дня в жизни своей не работал! А я должна зарабатывать себе и дочке на пропитание…

— Да что это с ней? — спросил Пем, обращаясь к Хилли.

— Эсси грозила поджечь дом, — самодовольно заявил Хилли. — Харриет — мой свидетель.

— Я ничего такого не говорила! — Круглые щеки Эсси ходили ходуном от распиравших ее чувств. — Это ложь, вранье!

Пембертон из коридора подал Хилли знак рукой — горизонт чист. Хилли без предупреждения схватил Харриет за руку и потащил в ванную, соединявшую его комнату с комнатой брата. Они влетели туда, задвинули защелку, выскочили с другой стороны (Харриет по дороге чуть не свалилась на кровать Пема), пролетели вниз по лестнице и выбежали из дома через заднюю дверь.

— Чума какая-то, — сказал Пем. Все трое сидели за пластиковым столиком в дешевой местной забегаловке «Джумбо». На полу валялись забытые детские игрушки — слон в цирковой попоне и выцветший пластиковый утенок. После стремительного побега из дома они

загрузились в «кадиллак» Пема и минут пятнадцать бесцельно кружили по городу, пока машина не раскалилась настолько, что они в ней чуть не поджарились. В конце концов Пем привез их в «Джумбо».

— Может, стоит заехать на корты и рассказать маме, — сказал Хилли. Сегодня братья как-то особенно сердечно общались друг с другом — видимо, их сблизила совместная борьба против Эсси.

Пем допил свой молочный коктейль и швырнул высокий пластиковый стакан в урну.

— Мама родная, — сказал он. — Эта женщина абсолютно ненормальная. Я испугался, как бы она чего вам не сделала.

— Эй, слышите сирену? — Все трое прислушались к затихающей вдали пожарной сирене. — Наверное, к нам поехали, — мрачно сказал Хилли.

— Скажи мне еще раз, что там произошло? — спросил Пембертон. — Она что, просто так на вас накинулась?

— Вообще без всяких причин. Эй, дай-ка и мне сигарету, — добавил Хилли, видя, как Пем выложил на столе пачку «Мальборо» и спички.

Пем закурил, затем отодвинул сигареты подальше от Хилли. Дым показался Харриет ужасно зловонным — наверное, от жары и от близости к шоссе.

— Вообще-то я это предвидел, — произнес Пем, глубокомысленно качая головой. — Я и маме говорил. Эта женщина страдает слабоумием. Наверняка сбежала из дурки.

— Вообще-то она ничего *такого* не говорила, — выпалила вдруг Харриет. Она была настолько потрясена всем случившимся, что и двух слов не произнесла с тех пор, как они стремглав выскочили из дома.

Пем и Хилли разом повернулись и уставились на нее до смешного похожими глазами.

— Чего? — сказали они хором.

— Ты на чьей стороне, подруга? — болезненно сморщившись, спросил Хилли.

— Ну, просто она не говорила, что сожжет *дом*.

— Нет, говорила!

— Она сказала, что *сожжет,* но не *дом,* а плакаты Хилли и его наклейки, ясно?

— Ах вот что? — растягивая слова, произнес Пембертон. — Сожжет плакаты? То есть ты считаешь, что это в порядке вещей?

— А мне казалось, Харриет, что ты мой друг... — обиженно сказал Хилли.

— Да нет, не в этом дело, просто она... Не то имела в виду... То есть я хотела сказать, — торопливо добавила Харриет, видя, как Пем и Хилли закатывают глаза, — что ничего страшного-то не произошло.

Хилли демонстративно отодвинулся от нее на самый край скамьи.

— Просто она была не в себе, — пробормотала Харриет, чувствуя себя все более неуверенно.

— О да, она все время не в себе.

— Ну а вы ведете себя так, будто она бегала за вами с ножом.

Хилли презрительно фыркнул:

— Ну так что, будем ждать, когда она спятит окончательно и помчится за нами с ножом? Я лично не хочу больше ни минуты проводить с ней под одной крышей. Я устал все время дрожать за свою жизнь.

Обратная поездка через город не заняла много времени — Александрию даже с натяжкой нельзя было назвать большим городом. Основной городской достопримечательностью считалась река Хума, что в переводе с языка индейского племени чокто означало «Красная», хотя на самом деле большую часть года река была грязно-желтого цвета. Широкая, неухоженная и неприветливая, она делила город на юг и север. Жилые кварталы около реки занимала беднота — там, среди груд мусора и пунктов по сбору утильсырья, ютились кое-как сколоченные домишки с жестяными крышами и на дороге среди грязных луж возились детишки и бегали тощие, голенастые курицы. Немного лучше дела обстояли в районе Марджин-стрит и Хай-стрит, где среди заброшенных сараев для хранения хлопка да старых депо Хилли и Харриет облюбовали себе несколько интереснейших игровых площадок. Ну а на Мейн-стрит дома стояли высоченные, старинные, привольно раскинувшиеся на просторных участках, отгороженных от улицы высокими заборами.

— Эй, Пем, а ну-ка притормози около мормонского дома, — сказал Хилли.

— Зачем это? — спросил Пем, но притормозил.

Кертиса не было видно, на площадке перед домом стоял грузовик, но Харриет сразу же заметила, что это другой грузовик. На улице не было ни души.

— Боже, а это еще что? — вскрикнул Хилли, на секунду прервав поток своих жалоб на Эсси Ли.

— Черт возьми, там что, окно завешено фольгой? — произнес в пространство Пембертон, останавливая машину посреди улицы.

— Харриет, расскажи ему, что ты видела…

— Я даже знать не хочу, что там происходит. Может, они там порнушку снимают? Да уж, — продолжал Пем, качая головой. — И какому извращенцу понадобилось занавешивать окна фольгой?

— Слушай, Пем, давай поскорее уедем отсюда.

— Ну чего ты теперь испугался, трусишка?

— Посмотри сам.

В центре окна появился черный треугольник — невидимая рука оттянула фольгу, очевидно чтобы выглянуть на улицу. Взревев, машина с воем понеслась по улице.

Юджин проводил взглядом удаляющийся автомобиль и тихо опустил фольгу на место. У него начиналась жуткая мигрень. По щекам

непроизвольно текли слезы, и когда он отступил от окна, то случайно задел батарею банок с тоником и звон падающей жести отозвался пронзительной болью в левой части головы.

Мигрени, или, как их называли в Александрии, «рвотные боли», были наследственным бичом семейства Ратклиффов. Рассказывали, что их дед, Ратклифф (слава богу, давно почивший), во время особенно сильного приступа выбил корове глаз битой. А отец Юджина так сильно стукнул маленького Дэнни, что тот пролетел через всю комнату, ударился головой о холодильник и выбил коренной зуб.

Головные боли приходили внезапно, а эта так вообще налетела ниоткуда. Конечно, в последнее время Юджину пришлось поволноваться — чего стоили одни змеи, да еще не знаешь, когда этому уроду Дайлу придет в голову наведаться с инспекцией. Просто чудо, что они успели тогда вынести всех змей наружу! Но кому понадобилось сейчас следить за ним?

Услышав на улице шум работающего вхолостую двигателя, Юджин бросился к окну, ожидая увидеть полицейскую машину или даже самого шерифа. Однако этот вызывающий светло-голубой автомобиль с откидным верхом никак не мог принадлежать полиции. Он не разглядел его марки (Юджин вообще плохо понимал в машинах), зато ясно увидел три белых лица на переднем сиденье, — один из сидевших в машине показывал рукой на его окна. Вот так штука! Может, это люди Фариша? Трясущимися пальцами он набрал номер брата, сел на табуретку и опустил голову на руки. После пятого или шестого звонка Фариш поднял трубку. Он что-то очень шумно жевал и не остановился, слушая Юджина.

— Я тебе одно скажу, — заявил он, громко рыгнув, когда Юджин замолчал, — это точно не копы и не репортеры. Никто из них не станет так тупо тормозить прямо напротив дома. Может, это ребята из синдиката с побережья? Долфус с ними немного поцапался в свое время.

— А от меня-то им что надо?

— Откуда я знаю? Может статься, у них на тебя что-то есть?

— Не может быть, сам знаешь, я — агнец невинный.

— Ну, не знаю, верю тебе на слово. А с чего ты взял, что они ищут именно тебя? Вдруг их интересует твой дружок Лойял? Черт его знает, он мог где-то наследить.

— Слушай, Фарш, давай начистоту. Ты хочешь меня во что-то втянуть, и я думаю, что это связано с распроклятыми наркотиками. Не спрашивай меня, откуда я это знаю, — просто знаю, да и все. Так скажи мне, для чего ты пригласил Лойяла к нам…

— Я его не приглашал. Долфус мне сказал, что малец едет на какой-то там праздник…

— Ну да, в Восточный Теннесси, это как раз по дороге!

— Знаю, знаю, но он никогда раньше в наших краях не бывал, и я подумал, что, может статься, вы с ним подружитесь. Я решил, что ты у

нас только начинаешь проповедовать, а у них там уже огромный приход, вот и все, понял?

По тому, как Фариш дышал, Юджин мог ясно представить себе издевательскую усмешку на его лице.

— Однако ты прав в одном, — продолжал Фариш. — Старый Долфус замешан во всех делах и делишках, какие только могут в голову взбрести, за это я должен попросить у тебя прощения.

— Не надо мне твоего прощения, просто оставь меня в покое.

— Чего у тебя с голосом? — спросил Фариш. — Голова болит, что ли?

— Да, немного.

— Ну так пойди ляг и проспись. Кстати, вы сегодня вечером будете проводить службу?

— А что? — с подозрением спросил Юджин. После вторжения Дайла Лойял извинился и обещал немедленно забрать змей и спрятать их в надежном месте, чтобы больше не подвергать Юджина опасности.

— Мы с Дэнни хотели бы приехать посмотреть на вас, — неопределенно протянул Фариш. — Где вы будете?

— Незачем вам приезжать.

— А когда Лойял отбывает?

— Завтра. Слушай, Фарш, оставь мальчишку в покое. Он в этих делах не замешан.

— А ты-то чего вдруг так всполошился?

— Не знаю, — сказал Юджин, надавливая на левый глаз.

— Тогда пока, увидимся вечером. — Фариш так быстро повесил трубку, что Юджин ничего не успел ему сказать.

— Ласточка моя, я не знаю, что происходит в этой квартире, — сказал Пембертон, поворачиваясь к Харриет, — но снимает ее у Дайла старший брат Кертиса и Дэнни Ратклиффов. Он проповедник.

Хилли повернулся к Харриет и уставился на нее широко открытыми глазами.

— Этот проповедник — законченный псих, — продолжал Пем. — И еще у него что-то с лицом. Он стоит на дороге, трясет перед проезжающими Библией и занудно несет какую-то лабуду.

— Это что, тот самый, что подошел к нам, когда папа остановился тогда на перекрестке? — спросил Хилли. — С таким ужасным лицом? Харриет, ты слышишь? Я знаю, кто это! Он каждую субботу произносит проповеди на центральной площади. У него есть такая черная коробочка, а к ней приделан микрофон, и он... Знаешь что? — спросил он брата, пораженный новой мыслью. — Может быть, он дрессирует змей?

Харриет сильно ущипнула его за ногу.

— Каких еще змей? Совсем с ума сошел, змеи не поддаются дрессировке, — авторитетно заявил Пембертон.

— Не стоило говорить Фаришу о машине, не стоило. — Юджин беспокойно заворочался в кресле. За последние два часа Фариш дважды

позвонил, выспрашивая, не видел ли Юджин на улице людей, одетых как рабочие, или почтальона, обходящего дома в неурочный час, и не было ли за его машиной «хвоста».

В конце концов Юджину удалось задремать, примостившись в широком кресле, набитом бобами, но посреди беспокойного сна он вдруг почувствовал, что над ним стоит Лойял и смотрит на него.

— Лойял? — спросил он, едва ворочая языком, пытаясь понять, где он находится и что происходит вокруг.

— У меня плохие новости, Юджин, — молодой проповедник выглядел очень уставшим. — Кто-то сломал замок. Я не смог туда попасть.

Юджин сел, пытаясь понять, о чем идет речь, — в его сне дело тоже было в ключах, в ключах от машины, они остались внутри, а он сидел на грязном пустыре и никак не мог попасть домой.

Лойял сказал:

— Мне говорили, что я могу оставить змей в охотничьей избушке в округе Вебстер. Но в замке торчал сломанный ключ, и я не смог туда попасть.

— Ах ты черт, — растерянно сказал Юджин, — так это значит…

— Да, мне пришлось привезти их назад.

Последовала долгая пауза. Потом Юджин произнес:

— Понимаешь, у меня голова просто раскалывается от боли…

— Понимаю, но я не могу оставить их там на жаре. Не беспокойся, я сам притащу корзины. Обещаю, что завтра же утром я их вывезу. Я понимаю, тебе пришлось не сладко со мной, — вдруг сказал Лойял, глядя на Юджина с сочувствием и симпатией, — ты уж не сердись на меня.

— Да ладно, это не твоя вина.

Лойял провел рукой по вздыбленным волосам.

— Я хочу сказать, что мне приятна наша дружба, — произнес он церемонно. — А если Господь не хочет, чтобы ты проповедовал со змеями, так на то его воля. Иногда он и мне не дает этого делать.

— Понимаю. — Юджину было стыдно, что он никогда не сможет объяснить этому невинному мальчику истинную причину своей неудачи со змеями — что он сам от природы нечист и кровь его заражена пороком, что Господь презирает его и не хочет принимать его дары, как Он когда-то отверг дары Каина.

— Когда-нибудь это время настанет, — сказал он с уверенностью, которой не чувствовал. — Просто Господь еще не уверен, что я готов.

— У Господа есть много других испытаний для тех, кто славит его, — сказал Лойял. — Молитва, проповедь, предсказания, видения. Или исцеление страждущих, бескорыстное служение. Даже в твоей собственной семье, — мягко продолжал он, — у тебя есть возможность послужить Ему.

Юджин устало взглянул в ясные, безмятежные глаза своего гостя.

— Понимаешь, — тихо сказал Лойял, — дело ведь не в том, что *ты* хочешь, а лишь в совершенном желании Господа нашего.

Харриет быстро прошла через кухню — пол был мокрым, стол протерт, но Иды не было видно. Пронзительный запах чистящего средства, который использовала Ида, в жару проникал сквозь кожу. Харриет нырнула в полумрак столовой. Здесь господствовал массивный буфет из «Дома Семи Невзгод» — колченогий, приземистый, он громоздился посреди газетных пачек, как старый солдат, готовый вот-вот пойти на них в атаку. Два вертикально поставленных блюда на верхней полке придавали ему немного косоглазый вид. Харриет нежно провела пальцем по его выпуклому боку, и он как будто подобрал живот, галантно пропуская ее мимо себя.

Она нашла Иду в гостиной в любимом кресле перед телевизором, где Ида проводила все время, когда не хлопотала на кухне, — обедала, лущила горох, пришивала пуговицы, попутно одним глазом наблюдая за страстями, разворачивающимися на экране. Харриет обожала это кресло — иногда, в приступе тоски, она сворачивалась в нем клубочком, прижимаясь щекой к плюшевой обивке как к Идиной груди, и сама себе напевала странные, диковатые песни, которые помнила с самого раннего детства:

А что, ты не скучаешь ли по маме иногда?
Мой милый, не скучаешь ли по маме иногда?
Цветы благоухают, цветы благоухают,
В том краю, где солнце не заходит никогда.

Рядом на ковре лежала Алисон, задрав кверху голые пятки и скрестив в воздухе тонкие щиколотки. Они с Идой смотрели в окно напротив — солнце, огромный оранжевый шар, опустилось уже совсем низко и позолотило антенны на крыше миссис Фонтейн.

Как же она любит Иду! Не в силах сдержаться, Харриет перепрыгнула через сестру, подбежала к Иде и изо всех сил обняла ее за шею.

Ида вздрогнула.

— Господи Боже, Харриет, откуда ты взялась?

Харриет закрыла глаза и прильнула к влажной черной груди. От Иды пахло клевером, чаем, дымом, землей и еще чем-то сладковато-горьким, до боли знакомым, чего Харриет не могла определить.

Ида засмеялась и осторожно отлепила от себя руки Харриет.

— Ты что, хочешь меня задушить? Посмотри-ка туда, — она показала на крышу дома миссис Фонтейн. — Мы за ним уже целый час наблюдаем.

Алисон, не поворачиваясь, сказала:

— Он каждый день прилетает.

Харриет заслонила глаза от солнца — действительно, между трубой и антенной на крыше стоял краснокрылый дрозд: щеголеватый, с военной выправкой, он косил на них внимательным взглядом. Ярко-алая оторочка крыльев придавала ему сходство с бравым генералом.

— Такой смешной, — нараспев сказала Ида, — послушай, как он поет. — Она сложила губы трубочкой и издала резкий звук, искусно имитируя призывный крик краснокрылого дрозда. Этот звук был не похож ни на жалкое пиликанье его лесного собрата, заканчивающееся сухим покашливанием *цкк-цкк-цкк* и снова взлетающее вверх рыдающей трелью, ни на отчетливый свист синицы-гаечки и даже на грубый, пронзительный крик сойки. Это был особый, незнакомый, жужжащий, стрекочущий крик, предупреждение об опасности — *конгериии!* — который резко обрывался на полузадушенной ноте.

Алисон рассмеялась, поднимаясь на колени.

— Смотри, смотри, он слышит тебя!

Действительно, птица внезапно насторожилась, склонила головку набок и стрельнула взглядом в их сторону.

— Ида, позови его еще раз, — попросила Харриет. Ида была известной мастерицей имитировать голоса птиц, она могла изобразить любую, если, конечно, у нее было на то настроение.

— Да, Ида, пожалуйста!

Но Ида только рассмеялась и покачала головой.

— Вы ведь помните, девочки, как он получил свои красные крылья?

— Нет, не помним, — хором сказали девочки, хотя уже десятки раз слышали эту историю. Теперь, когда Харриет и Алисон подросли, Ида все реже рассказывала им свои жутковатые, дикие сказки: про мертвых детей и призраки леса, про енотов с золотыми зубами, что нападали на лежащих в колыбели младенцев и откусывали у них мизинчики «на счастье», про заколдованные блюдца с молоком, которое по ночам превращалось в кровь...

— Когда-то давным-давно, — начала Ида, — жил один уродливый горбун, и он так всех ненавидел, что решил сжечь весь мир. И вот он взял в руку факел и пошел вдоль реки, где жили все звери. Потому как раньше на земле не было речек, речушек и ручейков, а была лишь одна большая река...

Птица вдруг деловито взмахнула крыльями и улетела.

— Вот, полюбуйтесь на него. Не хочет правду о себе слушать. — С тяжелым вздохом Ида взглянула на часы, потянулась и поднялась. — Да и мне пора восвояси.

— Нет, нет, расскажи до конца!

— Завтра доскажу.

— Ну Ида... — протянула готовая заплакать Харриет. Ида Рью медленно пошла к двери, волоча ноги, словно ей было больно наступать на усталые подошвы. — Пожалуйста!

— Имей терпение, — сказала Ида, подхватывая под мышку коричневый бумажный пакет и открывая дверь. — Ждите меня завтра.

— Слушай, Дэнни, — сказал Фариш. — Юный Риз завтра отбывает восвояси, так что придется нам с тобой сходить на площадь, посмотреть на эту их… — он запнулся, подыскивая слово, — на всю эту церковную бодягу.

— А зачем? — спросил Дэнни, откидываясь на стуле. — Зачем нам идти туда?

— Мальчишка уезжает завтра утром. И скорее всего, это будет *раннее* утро.

— Ну так что, поедем к Юджину прямо сейчас, да и дело с концом.

— Сейчас никак не получится, мальчишка куда-то укатил.

— Черт! — Дэнни на секунду задумался. — А где ты собираешься спрятать пакет? В двигателе, что ли?

— Я знаю такие места, что, даже если ребята из ФБР разберут грузовик на запчасти, они все равно ни хрена там не найдут.

— А сколько тебе нужно времени? Я говорю, *сколько тебе нужно на это времени?* — громче повторил Дэнни, увидев вспыхнувший в глазах Фариша злобный огонек. Фариш был глуховат на одно ухо и иногда, особенно когда был под кайфом или вздрючен, все понимал неправильно — например, ты просил его передать соль, а ему слышалось «иди на х…».

— Сколько времени, ты спросил? — Фариш поднял вверх растопыренную пятерню.

— А, ну тогда вот что: на фиг нам слушать их брехню, давай приедем к ним после проповеди. Я пойду их отвлеку, а ты тем временем быстренько все сделаешь.

— Знаешь, что меня беспокоит? — вдруг спросил Фариш. Он сел за стол рядом с Дэнни и начал нервно чистить ногти перочинным ножиком. — Юджин видел машину около своего дома. Он мне только что звонил.

— Какую еще машину?

— А черт его знает какую. Стояла около дома. Юджин выглянул, так она сразу сорвалась с места.

— Да ну, наверняка ерунда.

— Что? — Фариш отодвинулся и оскалил зубы. — Что ты опять тут шепчешь? Ты же знаешь, я не переношу, когда ты шепчешь.

— Я сказал — *ерунда!* — Дэнни тоже отодвинулся и пристально взглянул *брату* в глаза. — Кому охота связываться с Юджином?

— Их интересует не Юджин, а я, неужели непонятно? — глухо пробормотал Фариш. — У Федерального агентства на меня вот такой зуб.

— Фариш! — Если Фариш начнет рассуждать про Федеральное агентство, да еще в таком состоянии, так до утра не остановится. — Пойди да заплати этот налог!

Фариш метнул на него яростный взгляд.

— Какой еще, к черту, налог? — прорычал он. — Им нужна моя *задница,* а не чертов налог! Они охотятся за мной уже двадцать лет!

Мать Харриет вошла на кухню, где девочка, сгорбившись, сидела за столом, подперев голову руками. Харриет надеялась, что мать спросит, что с ней, но Шарлот не заметила дочери, а прошла к холодильнику, в недоумении постояла перед ним несколько минут, затем неуверенно открыла дверцу и вытащила из морозильной камеры пакет мятного мороженого. Ее полупрозрачная, украшенная шелковыми лентами ночная рубашка, когда-то небесно-голубого цвета, посерела на швах, обтрепалась и выглядела ужасно старой.

Шарлот обернулась и только сейчас заметила дочь.

— Что это с тобой? — спросила она рассеянно.

— Во-первых, — сказала Харриет, — я умираю от голода.

Мать наморщила лоб, пытаясь вникнуть в смысл сказанных слов, приятно улыбнулась и сказала то, чего Харриет хоть и ждала от нее, но страстно надеялась не услышать:

— Ну так покушай со мной этого мороженого.

— Я… ненавижу… мятное… мороженое! — Сколько раз в своей жизни она это повторила?

— Мда?

— Мама, я *ненавижу мятное мороженое.* Никто из нас его не любит, кроме тебя. — Неужели ее вообще никто никогда не слушает?

Мать обиженно поджала губы:

— Прости… А я подумала, что мы с тобой перекусим чем-нибудь холодненьким. Сейчас по ночам стоит такая жара…

— Я не хочу мороженого!

— Ну пусть Ида тебе чего-нибудь приготовит.

— Ида ушла домой!

— И ничего вам не оставила?

— Нет! — Ида оставила салат из тунца, но он был совершенно несъедобным.

— Так жарко сегодня, ты же не хочешь ничего слишком тяжелого на ужин? — спросила Шарлот, недоуменно подняв брови.

— Хочу! — Харриет вспомнила, как в школе им дали задание перечислить все, что они ели на ужин за последние две недели. В ее список вошли хлеб, масло, оливки, мороженое и леденцы. Она порвала свой листок и вместо этого переписала названия блюд из поваренной книги, которую ее мать получила в качестве свадебного подарка («Тысяча способов порадовать себя и свою семью»): куриная пикката, фаршированный кабачок по-летнему, деревенский салат и компот из яблок.

— Это дело Иды, — сказала вдруг мать резким голосом. — Я ей за это плачу. Если она не выполняет свои обязанности, мы возьмем на ее место кого-нибудь другого.

— Да замолчи ты! — вскричала Харриет, пораженная

несправедливостью этого замечания.

— Твой отец постоянно попрекает меня Идой. Он говорит, что она мало делает по дому. Я знаю, что ты любишь Иду, но...

— Ида ни в чем не виновата!

— ... но если она так плохо работает, мне придется с ней серьезно поговорить. Завтра... — Мать грациозно наклонила голову и вышла из кухни в гостиную.

Харриет в отчаянии ударилась лбом о столешницу. Подняв голову, она увидела, что над ней стоит Алисон.

— Тебе не следовало этого говорить, — сказала сестра, обеспокоенно нахмурив лоб.

— Да оставь ты меня в покое!

Зазвонил телефон. Алисон сняла трубку, послушала и, не говоря ни слова, бросила ее болтаться на длинном шнуре.

— Тебя, — сказала она и вышла.

Хилли был в своем обычном возбужденном состоянии.

— Харриет! — закричал он. — Знаешь что?

— Я могу у тебя поужинать?

— Нет, — сказал Хилли после смущенной паузы. У него дома уже отужинали, а сам он был настолько взволнован, что не смог проглотить ни крошки. — Представляешь, Эсси *действительно* сошла с ума! Она пошла на кухню и начала бить посуду, а потом мой папа поехал к ней домой, и на крыльцо вышел ее бойфренд, и они с предком схватились не на шутку, и тогда папа сказал, чтобы тот передал Эсси, что она уволена. Ураа! Но я не поэтому звоню, — торопливо продолжал он, зная, что Харриет не одобряет его политики по отношению к домработницам, — слушай, у нас мало времени. Проповедник со шрамом *прямо сейчас* устраивает шоу на площади. Их там двое. Я не знаю, сколько они еще там пробудут. У них микрофон, орут так, что слышно из *моего дома*.

Харриет положила трубку, пересекла кухню и открыла заднюю дверь. Издалека действительно доносилось шипение плохого микрофона и отрывистые выкрики.

— Ты сможешь выбраться из дома? — спросила она, вернувшись на кухню и снова взяв трубку.

— Встретимся на углу через пять минут!

Была половина восьмого вечера, но еще не стемнело. Харриет побрызгала лицо водой, тряхнула головой и отправилась к сараю за велосипедом.

Гравий похрустывал под шинами, когда она летела по дорожке, а потом — бррык! — и она выскочила на асфальт, яростно крутя педали.

Хилли ждал на своем углу; завидев ее, он вскочил на свой велосипед и тоже изо всех сил погнал в центр. Как всегда, Харриет быстро поровнялась с ним, и оба сразу замедлили темп. Они проехали мимо застывших в тишине домов на своей улице, мимо шипящих и брызгающих водой оросителей газонов, мимо карминно-красных и

нежно-желтых розовых клумб. Из одного двора им вслед выскочил тявкающий терьер и гнался за ними целый квартал — детям пришлось сильнее жать на педали, и в конце концов он отстал. Через пять минут они уже были на Мейн-стрит, — звуки, раздававшиеся со стороны площади, усилились, и до Харриет донеслось:

Твоя мама…
Твой папа…
И твой маленький умерший братик…
И ты говоришь, что они восстанут?
И я говорю, что они восстанут!
И ты говоришь, что они восстанут?
И я говорю, что они восстанут!
Нам Книга говорит, что они восстанут,
Иисус говорит, что они восстанут,
Пророки говорят: они восстанут!

Хилли и Харриет с разбегу выскочили на площадь. Залитая голубоватым сумеречным светом, в окружении белых домов, лужаек и беседок, она выглядела декорацией к школьному спектаклю («Наш городок»), если не считать двух мужчин в белых рубашках и черных брюках, которые ходили зигзагами из одного угла площади в другой, перекликаясь друг с другом напевным речитативом. Низкий голос Юджина Ратклиффа задавал вопросы, а другой, более молодой проповедник отвечал ему высоким, нервным фальцетом:

Ты будешь кричать, как кричали пророки?
Я буду кричать, как пророк Илия,
Кричать, чтобы дьявол оставил Землю?
Чтобы он рассердился и оставил Землю.

Засаленный конский хвост Юджина растрепался; юноша с взбитыми волосами вдруг вскинул вверх руки и пустился в пляс, трясясь с головы до ног, закатывая глаза, — казалось, через его тело пропускали электрический ток.

На площади почти никого не было — на другой стороне улицы смущенно хихикали две школьницы, да миссис Эббот вышла из ювелирного магазина и остановилась на пороге посмотреть, что происходит. Из припаркованной машины за представлением наблюдала пожилая чета.

Вспомни, когда ты читал Книгу
Вспомни, когда ты ходил в церковь
Вспомни, когда ты стоял на коленях,
Перед Иисусом, перед Иисусом…

Харриет увидела грузовик, однако внутри было пусто — только стояла усилительная установка. Она ткнула Хилли локтем в бок. Тот стоял, открыв рот и завороженно глядя на происходящее.

— Пошли, — едва слышно прошептала она.

— Куда? — Хилли вытер пот со лба рукавом футболки.

Харриет показала глазами в сторону. Ей казалось, что глаза Юджина Ратклиффа устремлены прямо на нее. Не говоря ни слова, они повернулись и тихо повели прочь велосипеды, пока не завернули за угол.

— Ну, и где твои змеи? — саркастически спросил Хилли.

— Наверное, их отнесли назад после того, как Дайл ушел.

— Слушай, давай смотаемся туда и посмотрим! — предложил Хилли. — Только надо торопиться, пока они тут не закончили.

Дети вскочили на велосипеды и помчались к дому мормонов быстрее ветра. Тени домов и деревьев постепенно вытягивались, приобретая все более сложные формы. Подстриженные шарами кусты самшита, посаженные в центре Мейн-стрит, светились на фоне заката, как множество поставленных в ряд полных лун, — три четверти их листвы уже было скрыто тьмой, но края еще блестели золотом. Лягушки и цикады уже голосили нестройным хором из-под темных зарослей бирючины, что росла по обочинам улицы. Когда, задыхаясь и ловя ртом воздух, Харриет и Хилли добрались до дома мистера Дайла, все окна были темны и подъездная дорога пуста. На улице тоже было пустынно — только какой-то высохший старикашка ковылял прочь, что-то ворча себе под нос.

Дети спрятали велосипеды под раскидистой ивой посередине газона и стоя под свисающими до земли ветвями оценили обстановку. Как только старик исчез за поворотом, они рысью перебежали поближе к дому и укрылись за старой смоковницей.

— Как мы туда попадем? — спросила Харриет, глядя на ржавую трубу, ведущую на второй этаж. У самого дома не росло ни одного деревца — укрыться было негде.

— Подожди-ка. — Хилли, в восторге от собственной смелости, | опрометью бросился через двор, подбежал к входной двери, подергал за ручку, потом так же шустро скользнул назад.

— Заперто! — обиженно сказал он, комично разводя руками.

Харриет еще раз задумчиво оглядела дом.

— Вот там, смотри! — Она показала на крышу. — Видишь?

Крутая остроугольная крыша заканчивалась небольшим фронтоном треугольной формы. В нем было окошко, наполовину закрытое матовым стеклом, недостающим сантиметров десять до верха окна.

— Если ты меня подсадишь, я влезу по водосточной трубе, — сказала она.

— Ни за что! — Труба на вид была такой ржавой, что не выдержала

бы и котенка.

— Я думаю, это окошко ведет в ванную или туалет, — сказала Харриет. — А это что такое? — Она показала рукой на еще одно темное окно в нижней части дома.

— Окно на лестницу, я проверил. Там доска объявлений и всякая чепуха.

— Ага! Так, может, попробуем сначала лестницу?

— Давай уж действительно хоть что-нибудь попробуем. Не сидеть же в засаде всю ночь.

Вдвоем они опять перебежали через двор и приникли носами к темному стеклу. За стеклом смутно виднелись очертания сложенных друг на друга стульев, старая детская коляска и доски объявлений на выкрашенных в бежевый цвет стенах.

Харриет подергала ручку. Заперто. Дверное окно открывалось вверх, как форточка, и Харриет ощупала пальцами металлический язычок, подергала, пытаясь расшатать, но безуспешно.

— Атас, машина идет! — шепотом вскрикнул Хилли.

Дети распластались по стене, стараясь слиться с шероховатой поверхностью. Машина проехала мимо, не снизив скорости.

— Быстрее!

Хилли удалось приподнять язычок перочинным ножиком, Харриет изо всех сил нажала на стеклянную панель — та заскрипела, слегка поддалась, а потом со стоном, но довольно плавно поехала вверх. Хилли последний раз оглянулся на улицу, удостоверился, что она пуста, а затем дети, не сговариваясь, полезли в открывшееся окно.

Шлеп! Хилли приземлился щекой на грязный линолеум. Через секунду Харриет, тихо пискнув, свалилась на пол рядом с ним.

Вскочив на ноги, слишком взволнованные, чтобы чувствовать боль от падения, дети взлетели вверх по лестнице. Однако на втором этаже их ждало новое разочарование — тяжелая металлическая дверь была заперта на огромный амбарный замок. Пока Харриет с негодованием рассматривала его, Хилли за ее спиной исследовал лестницу. Вдруг он издал приглушенный торжествующий крик и схватил ее за плечо.

На лестничной площадке было еще одно окно, и от него тянулся карниз, который доходил до того маленького окошка, что они заметили снизу. В этот раз окно поддалось легче, и Харриет осторожно выползла на карниз, в то время как Хилли страховал, держа ее за ноги. Закрыв глаза, крепко сжимая одной рукой черную от пыли и грязи оконную раму, она подала другую руку Хилли, помогая ему выбраться из окна.

Ветер постепенно стих. В темнеющем небе два самолета прочертили четкие белые линии — водные лыжники на безоблачной небесной синеве. Харриет глубоко дышала, не в силах взглянуть вниз. Оттуда, из темной бездонной пропасти, до нее доносился дурманящий запах — душистый табак? Прижавшись к стене, маленькими шажками, дети двинулись вдоль дома, сантиметр за сантиметром приближаясь к

заветному фронтону. Харриет дошла до него первая и, ухватившись за металлическую защелку окна, потянула вверх, сначала осторожно, на случай, если плохо закрепленная рама откроется слишком быстро. Эта рама, как и другие, поначалу застряла, но после пяти минут расшатывания, тряски за ручку и манипуляций с перочинным ножом детям удалось сдвинуть ее с места. Окно открылось сантиметров на тридцать, после чего застряло намертво.

Руки Харриет дрожали, сердце, огромное, как теннисный мяч, с такой силой билось в ее грудной клетке, будто хотело расшатать ребра.

— Харриет, — услышала она голос Хилли. — *Не смотри вниз!*

Она повернулась на его голос: он поднял вверх два больших пальца и нырнул в окно головой вперед. Харриет невольно рассмеялась и чуть не соскользнула с узкого выступа крыши: Хилли застрял в окне, как Винни-Пух в норе у Кролика, и, глядя на его отчаянно лягающие воздух ноги, ей пришло в голову, что, подобно плюшевому медвежонку, он, наверное, слишком много съел за ужином. Однако Хилли в конце концов сумел протолкнуться внутрь — секунду снаружи виднелись его кроссовки, а потом и они исчезли в окне.

Харриет посильнее втянула живот и просунула голову в окно. В темноте она увидела, как Хилли поднялся с пола, потирая локоть, потом повернулся, подошел к окну, схватил ее за руки и с силой потянул на себя. Медленно, извиваясь, как червяк, она сумела пролезть внутрь, не повредив конечностей и не содрав кожу на плечах.

Все еще болтая ногами, она свалилась — частично на Хилли, частично на довольно вонючий, заплесневелый ковер, от которого шел замшелый, застоявшийся запах. Она откатилась в сторону и больно стукнулась затылком о стену. Да, они были в крохотной ванной, где помещались только раковина да унитаз. Стены были покрыты пластиком «под кафель».

Хилли подал ей руку. Харриет с трудом поднялась на ноги и сразу же повела носом — отвратительный запах тухлой рыбы был таким сильным, что его не мог перебить даже запах плесени. Проглотив образовавшийся в горле комок, Харриет направила свои усилия на борьбу с дверью, которая никак не хотела открываться. Она навалилась на дверь всем телом, и та, отчаянно взвизгнув, поддалась — Харриет вылетела в большую темную комнату и упала на колени. Там было так же душно и очень темно. Противоположная стена выпячивалась внутрь комнаты почерневшим от гари пузырем — от обоев не осталось и следа, и вся кирпичная кладка была покрыта каплями проступившей влаги. Хилли, бросившийся вслед за Харриет, как терьер, почуявший запах лисицы, вдруг остановился на пороге. Его внезапно пронзил страх, такой сильный, что ноги подкосились, и он вынужден был схватиться за притолоку.

Отчасти из-за того, что случилось с Робином, а может, из-за ухудшающейся обстановки в городе родители Хилли еще в раннем

возрасте объяснили ему, что не все взрослые — добрые дяди и тети. Иногда (правда, редко) встречаются злые взрослые, которые крадут детей, мучают и даже убивают их. Раньше Хилли не вполне осознавал реальность родительского предупреждения, но сейчас жуткая вонь и угрожающе выступавшая стена наполнили его первобытным ужасом. Все когда-либо слышанные им истории про несчастных похищенных детей, связанных и оставленных в заброшенных домах или старых гаражах с кляпами во рту и перебитыми ногами, вмиг ожили и наполнили его сердце смертельным страхом.

Никто ведь не знает, куда они пошли. Ни одна живая душа и не подозревает, что они находятся именно здесь. А вдруг это ловушка? Почему они так уверены, *что дома никого нет?*

— Харриет! — пискнул он.

Ответа не последовало. Неожиданно для себя он понял, что сейчас обмочится. От ужаса почти не понимая, что делает, он трясущимися руками расстегнул молнию, повернулся и пустил струю прямо на ковер. «Быстрее, быстрее», — шептал он, подпрыгивая от нетерпения, пока полностью не освободил мочевой пузырь. Уфф! Какое облегчение! Своими страшными рассказами родители Хилли, сами того не подозревая, зародили в его мозгу паническую уверенность в том, что похитители никогда не дают своим жертвам пользоваться туалетом и бедным детям приходится ходить под себя, где бы их ни держали: привязанными к старым матрасам, запертыми в багажнике машины или закопанными в гробу с трубкой для воздуха... Но теперь, как бы его ни пытали, он не даст похитителям возможности поглумиться над ним. Сзади послышался какой-то звук, и он подпрыгнул, а сердце его немедленно взлетело к горлу.

Но это была лишь Харриет, — ее глаза казались огромными на маленьком бледном лице и были чернильно-черного цвета. Хилли был так счастлив видеть ее, что даже не подумал о том, видела ли она, как он мочится на ковер.

— Пойдем, покажу кое-что, — сказала она бесцветным голосом.

Она была так спокойна, что его собственный страх мгновенно улетучился. Он проследовал за ней в соседнюю комнату и чуть не задохнулся от страшной вони, поднимавшейся от корзин, которыми был уставлен весь пол. Запах был настолько густой, что казалось, его можно было попробовать на вкус.

— Святой Моисей, помилуй нас, — пробормотал он, зажимая ладонью нос.

— Я же *говорила тебе,* — чинно сказала Харриет.

Корзины слегка поблескивали в лунном свете, большинство из них было затянуто чем-то вроде прозрачной сетки, и Хилли смог увидеть внутри шевеление разномастных блестящих тел — чем-то они напоминали пиратские сундуки, наполненные золотыми цепочками, монетами и украшениями из драгоценных металлов.

Он взглянул вниз. В нескольких сантиметрах от его кроссовки свернулась небольшая, медного цвета, гремучая змея. Ее хвост был отставлен в сторону и качался, издавая характерные звуки — *цкк, цкк*. Хилли инстинктивно отшатнулся и тут краем глаза увидел еще одну змею, бесшумно изгибающуюся в соседней корзине, — когда ее голова стукнулась о борт, она так злобно зашипела и так хлестнула хвостом о деревянные прутья, что Хилли отпрыгнул в сторону. Правда, он сразу же натолкнулся на другую корзину, встретившую его дружным, хоть и разноголосым шипением.

Харриет тем временем деловито тащила за собой к двери самую высокую корзину. Она остановилась, чтобы убрать волосы со лба.

— Я хочу вот эту, — сказала она, — помоги мне, пожалуйста.

Хилли чуть не стало дурно. До этой минуты он не очень-то верил в историю со змеями, но сейчас почувствовал, как по телу разливается адреналин, пощипывает за пальцы, застилает глаза ужасом и восторгом.

— Хватай за ту ручку, — сквозь зубы пробормотала Харриет, — надо спустить ее с лестницы.

— Господи, как мы потащим по улице такую корзину?

— Неважно, просто помоги мне, понятно?

Сквозь прозрачную сетку Хилли увидел обитательницу корзины — королевская осанка кобры, ее величественное, безразличное, равнодушно-жесткое покачивание поразило его. Голова очередной раз наполнилась воздухом и стала пустой, как воздушный шарик. «Этого не может быть, — промелькнуло у него в мозгу, — наверное, это просто сон». В течение многих лет после этого случая он будет просыпаться от одного и того же кошмарного сна, наполненного разномастным шипением и запахом тухлой рыбы.

Дети с трудом подтащили корзину к задней двери и, отперев задвижку, положили боком и понесли вниз по лестнице. Потерявшая равновесие кобра с негодованием билась и шипела внутри.

На улице уже совсем стемнело. Зажглись фонари, а около парадной двери загорелась одинокая лампочка. Харриет и Хилли недолго думая осторожно опустили корзину на землю и закатили ее под крыльцо.

Становилось прохладно. Голые руки Харриет покрылись гусиной кожей. Где-то сверху раздался хлопок — видимо, стучало на ветру открытое окно ванной.

— Подожди-ка, я сейчас, — сказал Хилли. Он бросился на второй этаж, вбежал в ванную и дрожащими руками попытался закрыть окно. Рама застряла и никак не желала опускаться. Дверь ванной с треском захлопнулась, и он чуть было опять не обмочился со страху. «Быстрее, ну быстрее же!» — умолял он себя, но непослушные пальцы не желали двигаться быстрее, бессмысленно скользили по дереву рамы, словно принадлежали вовсе не ему.

Снизу раздался негромкий задушенный вскрик Харриет, полный такого отчаяния, что Хилли похолодел.

— Харриет? — И тут он услышал шуршание шин, катившихся по гравию дорожки. В окне показались желтые лучи — яркие фары осветили стену дома. Позже, когда Хилли вспоминал эту ночь, он почему-то отчетливее всего представлял именно эту картину: прямые лучи фар освещают сорняки, головки медуницы, лимонной травы, узорчатые листья сорго качаются, будто ослепленные неожиданно ярким светом.

Он не успел ничего сделать, как двигатель машины выключился, фары погасли. Закрылась дверь — *хлоп!* Потом еще одна. А затем послышались шаги, как показалось Хилли, по меньшей мере дюжины здоровенных сапог.

Что делать? Бежать? Поздно, его засекут на лестнице. Он выскочил в комнату — карточный столик, складные стулья, маленький холодильник — где спрятаться? Он бросился в змеиную комнату, по дороге задев коленом две корзины, немедленно ответившие злобным шипением. Господи, что же теперь делать? Хлопнула входная дверь («А я хоть закрыл ее?» — в ужасе подумал Хилли), затем последовало самое долгое в его жизни молчание.

— Ну что ты там копаешься? — спросил надтреснутый раздраженный голос. — Не захлопывается, что ли?

В соседней комнате вспыхнул свет. В освещенном прямоугольнике дверного проема стала видна обстановка, и Хилли понял, что ему нет спасения. Кроме корзин со змеями, в задней комнате почти ничего не было — только ящик с инструментами, разбросанные по полу газеты, плакат на стене («С Божьей помощью восстановим Протестантскую веру в наших сердцах») да еще широкое, набитое бобами кресло в противоположном углу. На цыпочках Хилли подкрался к креслу и юркнул за него.

— Порядок! — Щелкнул замок, дверь снова захлопнулась. Хилли инстинктивно рухнул на колени и забрался под кресло, свернувшись калачиком и стараясь уменьшиться до размеров горошины.

Под креслом было темно и душно, теперь ему уже не были слышны голоса, только монотонное *бу-бу-бу,* доносящееся откуда-то издалека. Вдруг, к еще большему ужасу, в комнате вспыхнул свет.

О чем они там болтают? А вдруг у него нога торчит из-под кресла? Ему потребовалось собрать все силы, чтобы не заорать и не выскочить навстречу своей смерти. Открыв глаза, он обнаружил, что смотрит в пару немигающих змеиных глаз, качающихся на одном уровне с его. В корзине, что стояла рядом с креслом, было проделано небольшое окошко, затянутое сеткой, с защелкой наверху. В это окошко были видны четыре или пять змей, а одна маленькая любопытная змейка рассматривала Хилли, видимо, оценивая его на вкус. Хилли в ужасе закрыл глаза и снова погрузился в полную темноту.

Пол задрожал — кто-то вошел в комнату. Шаги замерли, затем послышались опять, совсем близко от Хилли. Последовало невнятное

бормотание, потом одна пара ног вроде бы прошла к окну, постояла немного и вернулась обратно. Сколько всего было в комнате человек, Хилли не мог сказать, звуки разговора наплывали, становились то громче, то тише, искаженные, булькающие, как в той игре, которой они с Харриет развлекались в бассейне, — опускали голову в воду и пытались что-то сказать, а потом, хохоча, угадывали, что было сказано. В то же время до него донесся какой-то странный звук — *чирк, чирк,* такой слабый, что сначала ему показалось, что у него просто звенит в ушах. Он опять открыл глаза. В окошке напротив что-то происходило — он видел грязно-белый змеиный живот, совершающий ритмичные движения подобно автомобильному дворнику — *чирк, чирк, чирк...* Что она делает? Хилли с болезненным любопытством уставился на рептилию. Только через несколько секунд он понял, что змея таким образом чешет живот о прутья решетки — видимо, ивовые прутья корзины были слишком грубы для этого.

Хилли снова закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Как ему отсюда выбраться? Неужели придется провести под креслом всю ночь? У него уже начали затекать ноги, левую руку периодически пронзала боль. Задняя дверь блокирована, парадная заперта на замок. Окно в ванной? Возможно, если он сумеет до него добраться. В конце концов, он может спрыгнуть вниз или съехать по трубе — ему пришлось столько лазать по деревьям, что он не боялся таких спусков.

Тут в первый раз он вспомнил про Харриет. Что с ней? Он попытался представить себя на ее месте. Побежала ли она за помощью? Конечно, практически во всех случаях он скорее бы умер, чем впутал в свои дела отца, но в данных обстоятельствах страх перед отцом померк. Отец Хилли был невысокого роста, с небольшим животом и лысеющей головой, но годы, проведенные в ректорском кресле, придали ему такой авторитетный, даже величественный вид, что Хилли часто видел, как перед ним пасовали гораздо более крупные мужчины.

Харриет? Он представил себе белый телефонный аппарат в родительской спальне. Если бы отец знал, что происходит, он пришел бы сюда, вытащил за ухо Хилли из-под кресла и повел к машине, — порка и лекция о поведении были бы неизбежны, но по сравнению с ужасом его нынешнего положения это было ничто.

Как затекла шея, уже и головой не двинуть! А почему он решил, что Харриет жива? Он слышал ее крик, они могли задушить ее и бросить под крыльцо, возле корзины с коброй. Так что *никто не знает, что я здесь...* Все, больше так лежать невозможно, огненные уколы охватили уже все тело. Он тихонько выпрямил ноги, каждую секунду ожидая, что его схватит жуткий проповедник или его помощник. Однако ничего не произошло, и Хилли осторожно высвободил голову из-под кресла и тихонько осмотрелся. Корзины все также поблескивали в темноте. Из соседней комнаты через дверной проем на пол падал прямоугольник золотистого света.

Грубый голос сказал:

— Мне насрать на Иисуса, а на закон и подавно. — Неожиданно гигантская тень заслонила проем. Хилли нырнул обратно за кресло.

Еще один голос произнес капризно:

— Эти рептилии не имеют ничего общего с Богом. Мерзость, и больше ничего.

От двери донесся странный, высокий звук, то ли смех, то ли кашель, и Хилли замер — Фариш Ратклифф!

— Я скажу тебе, что надо сделать, — к облегчению Хилли, огромная тень отодвинулась от проема. Послышался стук, как будто кто-то открывал дверцу кухонного шкафчика. — Если они тебе так надоели, вывези их в лес и пристрели к чертям собачьим. Или сожги их, или выброси в воду, мне чихать.

Последовало напряженное молчание. Потом еще один голос, тоже мужской, но моложе, сказал:

— Змеи умеют плавать.

— Если в корзины камней накидать, никуда они не поплывут! — Раздался хруст, будто Фариш вгрызся во что-то. Он продолжал, громко жуя: — Слушай, Юджин, если не хочешь с ними возиться, давай я их всех сам пристрелю. Мой кольт всегда при мне. Спорю на десять баксов, что не промахнусь ни разу.

«Господи Иисусе!» — Хилли в панике огляделся. У него с собой пистолет! Да он застрелит Хилли, как только увидит его. Где же Харриет? Кто-нибудь, помогите!

Взгляд Хилли упал на корзину. Он протянул дрожащую руку и открыл защелку сетки, закрывающей боковое окошко.

«Так, это их немного задержит», — подумал он, перекатываясь назад за кресло. Одна из змей бросилась на него, как только он протянул руку, и забрызгала ядом ладонь, но не укусила. Хилли тщательно вытер мокрую кисть о шорты, пытаясь вспомнить, были ли у него на этой руке свежие порезы или царапины.

Какое-то время змеи лежали, не особо шевелясь, видимо, еще не понимая, что путь к свободе открыт. Потом самая юркая змейка высунула голову в образовавшуюся дыру и быстро выскользнула наружу. Это послужило сигналом остальным змеям, — наваливаясь друг на друга, они дружно полезли в дыру и сразу же расползлись по всей комнате.

Мокрый от пота Хилли встал на четвереньки и, стараясь не производить шума, пополз в противоположный угол, который находился рядом с дверью. Для этого ему пришлось пересечь освещенный дверной проем. Боясь поднять голову, чтобы не привлечь внимания расположившихся на кухне мужчин лишним движением, он дополз до угла и в изнеможении привалился к стене. Что он будет делать, если кто-нибудь из них решит опять зайти в комнату и включить свет? Тогда его обнаружат сразу же...

Неужели он действительно выпустил змей? С его наблюдательного пункта были видны две змеи — обе неподвижно лежали на полу, еще одна, энергично виляя по полу, устремилась к свету. Мгновение назад план казался хорошим, теперь же Хилли в очередной раз обмер: а вдруг они поползут к нему? Он произнес про себя быструю молитву: «Пожалуйста, милый Боже, сделай так, чтобы они ко мне не приближались...» Окрасом змеи были похожи на гадюк, только поярче, а у той, что так нагло направлялась в соседнюю комнату, на хвосте виднелись характерные ромбы гремучки.

А где же остальные? Хилли нервно огляделся, но в темноте нельзя было ничего разобрать. Так, что теперь? Надо как-то пробраться в ванную, — из окна этой комнаты не спрыгнуть, он переполошит всех, пока будет поднимать присохшие рамы. Хилли сел на корточки и стал ждать.

Когда фары осветили подъезд к дому, Харриет, не думая, юркнула под крыльцо, прямо к корзине с коброй. Кобра злобно стеганула корзину хвостом. В нескольких сантиметрах от лица девочки прокатились колеса, от порыва ветра пригнулась выгоревшая трава.

Харриет лежала лицом в пыли, явственно ощущая где-то поблизости сильный, тошнотворный запах разлагающейся плоти. Все дома в Александрии строились на сваях из опасения наводнений, поэтому под ними оставалось свободное пространство, но высота фундамента была не более тридцати сантиметров, поэтому пошевелиться Харриет не могла.

Кобра, которой совсем не понравилось, что ее переворачивают с боку на бок, всем телом билась о прутья корзины — жуткие, мощные удары, которые Харриет хорошо чувствовала сквозь ивовые прутья. Но больше всего Харриет угнетала не близость кобры и даже не мерзкий запах, а пыль, которая уже залезла ей и в нос и в уши, — все тело немилосердно чесалось. Она зажала нос и рот ладонями, стараясь не чихнуть. Красноватый свет от задних фар проникал под дом, освещая высохшие загогулины, оставленные в пыли дождевыми червями, и холмики песчаных муравейников.

Затем свет погас, хлопнула дверца машины. Чей-то голос произнес:

— ... вот от чего загорелся тот бронетранспортер! Хорошо, — сказал я ему, — а они велели мне лечь лицом прямо в грязь, — я буду честен с вами, сэр, можете меня арестовать прямо сейчас, да только вот на того придурка у вас зуб должен быть побольше... Ха! Посмотрели бы вы, с какой скоростью он побежал.

— А что ему оставалось делать?

— Верно, больше нечего. — Неприятный смех.

Мимо нее протопали ноги, поднялись на крыльцо. На щиколотку опустился комар, осторожно потыкался хоботком — не чувствуя сопротивления, впился в ногу. Харриет задрожала, но поборола искушение прихлопнуть его. Еще один укусил за икру. Огненные

муравьи? Этого еще не хватало!

— Ну и вот, — продолжал удаляющийся голос, — когда он пришел домой, его уже ждали *все* и уж поверь мне, выколотили из него *всю* правду...

Голоса стихли, но Харриет еще какое-то время продолжала лежать на боку, совершенно парализованная страхом. А если они ее увидели и попытаются вытащить? Тогда ей придется уползти вглубь, под самый дом. Огненные муравьи — самые невинные обитатели этого сумрачного места, здесь строят свои гнезда осы, плетут паутины жуткие пауки, живут скунсы, всевозможные грызуны и ящерицы всех сортов, сюда приходят умирать больные кошки и страдающие бешенством опоссумы! А совсем недавно Сэм Бебус, негр с соседней улицы, нашел под своим фундаментом человеческий череп.

Появилась луна, осветив двор серебристым светом. Было тихо, | и Харриет тихонько приподнялась на локтях, подползла к дорожке и высунулась из-под крыльца.

— Хилли? — прошептала она. Во дворе стояла мертвая тишина, только сорняки чуть качали своими метелками по обеим сторонам дорожки. В самом ее начале возвышалась громада грузовика.

Харриет издала тихий свист, потом опять прислушалась. В конце концов она выбралась из-под крыльца и поднялась на ноги. Стряхнув с себя муравьев, она вытерла о шорты грязные, пыльные руки и заглянула за угол, рассчитывая увидеть хоть какие-то признаки жизни. Пусто. В первый раз ей пришло в голову, что она не видела, чтобы Хилли спускался вниз по лестнице. Скорее всего, он помчался домой и бросил ее здесь, презрительно подумала Харриет. Она вышла на лужайку и посмотрела на окна второго этажа — в двух окнах горел свет, окно ванной все еще было приоткрыто.

Харриет собрала волю в кулак, пробежала по ярко освещенной улице и бросилась под иву, где они спрятали велосипеды. Под низко висящими ветвями лежали два велосипеда, точно так же, как они их оставили.

На минуту она совсем растерялась. Что это значит — Хилли остался наверху? Она шагнула в тень под ивой и опустилась на колени. Хилли не мог уйти без велосипеда — он носился с ним как с писаной торбой, к тому же это был дорогой велик, не чета ее развалюхе. Схватившись за голову, она несколько минут смотрела на велосипеды, затем выглянула наружу. Теперь ей все стало ясно: Хилли остался в квартире, он был заперт в ловушке, и самостоятельно ему оттуда не выйти. Надо идти за помощью, но времени нет — они могут его обнаружить в любую минуту. Харриет сосредоточенно подумала еще несколько мгновений, потом сорвалась и помчалась в другой двор, под тень инжира. Там кто-то разбил клумбу — несколько неряшливых растений сиротливо ютились в окружении белых камней.

Харриет бросилась на колени и стала вытаскивать один из камней.

Невозможно, камни были скреплены друг с другом цементным раствором. Несколько минут она вслепую шарила по земле под пеной зеленых листьев, пока ее пальцы не наткнулись на гладкий кусок бетона. Обеими руками она подтащила его к себе, с трудом подняла. За соседним окном разгавкалась собака, сонный женский голос недовольно сказал: «Панчо! Ты замолчишь или нет, придурок ты этакий?»

Прижимая к животу обломок бетона, Харриет побежала назад. Теперь она заметила, что на дорожке стоят два грузовика. Судя по номерам, один из них был местный, из Александрии, а у другого были номера штата Кентукки. Она зашла сзади, размахнулась и стукнула по фаре.

Хлоп! С тихим звоном фара разлетелась на мелкие брызги. Харриет обошла грузовик. Бить фары оказалось легче, чем она думала. Хлоп! Хлоп! Покончив с первым грузовиком, она перешла ко второму. Харриет старалась не шуметь, чтобы не разбудить соседей из дома напротив.

Собрав самые большие осколки, она тщательно и крепко засунула их острыми концами в углубления протектора задних колес. Затем отступила на несколько шагов, размахнулась и со всей силой запустила бетонным осколком в переднее стекло грузовика.

Стекло разлетелось с треском, который прозвучал в ночной тишине, как выстрел. На другой стороне улицы загорелось окно и еще одно, но Харриет уже летела вверх по лестнице.

— Что там случилось?

Тишина. Потом, к ужасу Хилли, в его комнате вспыхнула стоваттная лампочка. Ослепленный, он скорчился в углу, но тут кто-то выругался и снова выключил свет. Тяжелая, угловатая фигура выступила из-за двери, приблизилась к окну. Хилли перестал дышать. Всего в нескольких метрах от него Фариш Ратклифф неподвижно стоял у окна, расставив ноги, высоко подняв голову, грузный, но собранный, как медведь перед нападением.

В соседней комнате скрипнула дверь.

— Фарш? — сказал мужской голос. Потом, к своему изумлению, Хилли услышал детский голосок, высокий, гнусавый, взволнованный.

Прямо над его ухом Фариш рявкнул:

— Это еще кто?

Последовала какая-то возня. Фариш повернулся и с преувеличенным вздохом ринулся в освещенную комнату, будто желая кого-то придушить.

Один из мужчин прокашлялся и сказал:

— Фариш, вот гляди...

— Там... внизу... дяденьки, смотрите... — Этот новый детский голос от волнения повизгивал, и в нем было что-то знакомое... *Харриет!*

— Фарш, она говорит, грузовик..

— Он, ей-же-богу, окна повыбил, — продолжал пищать голос. — Вы его еще поймаете...

Фариш рыкнул так, что стены задрожали, но Харриет упрямо продолжала:

— Поспешите, он не мог далеко уйти…

— Черт меня подери! — крикнул кто-то снаружи.

Под окнами раздался мощный поток ругательств и выкриков. Хилли, дрожа, выглянул из-за двери. Несколько мгновений он прислушивался и был настолько поглощен этим, что не заметил маленького гремучника, свернувшегося в кольцо в полуметре от него.

— Харриет? — прошептал он. Вернее, попытался, поскольку голоса у него не было. В горле пересохло так, будто он не пил несколько дней. В комнате никого не осталось — два стула лежали перевернутые; видно, обитатели уходили в спешке. Дверь на лестницу была приоткрыта. Хилли краем глаза успел заметить еще одну змею, которая лежала рядом с батареей, но ему было уже не до них. Не теряя ни секунды, он рванул через кухню к задней двери.

Проповедник наклонился над Харриет, обхватил ее плечи и застыл, словно в ожидании поезда. Харриет не видела обожженную сторону его лица, но даже в его профиле было что-то неприятное, так как у него была странная привычка время от времени просовывать язык между губами и тихонько дуть в них. Она постаралась отодвинуться от него как можно дальше и отвернулась, завесившись волосами, чтобы он не мог как следует разглядеть ее. Ей очень хотелось убежать, но проповедник потащился за ней следом, и она испугалась, что он будет ее преследовать. Там, наверху, ей не надо было даже притворяться испуганной, когда братья навалились на нее — огромные, страшные, загорелые до черноты, все в шрамах и татуировках, со своими безумными бледно-голубыми глазами. Самый страшный — огромный, бородатый, с белым глазом, прямо как у Старого Пью из «Острова сокровищ» — ударил кулаком по дверной раме и так длинно и сочно выругался, что Харриет в ужасе отпрянула. Теперь он методично давил каблуками остатки разбитых фар. Он был чем-то похож на Короля Льва, только это был очень злой лев.

— Что, они приехали в машине? — спрашивал проповедник, поворачиваясь, чтобы получше рассмотреть ее.

Харриет, не поднимая глаз, молча покачала головой. Из соседнего дома вышла пожилая дама с чихуа-хуа под мышкой, худющая, в ночной рубашке без рукавов и шлепанцах на босу ногу, и остановилась посмотреть, что происходит. Чихуа-хуа все еще злобно тявкал, глядя на Харриет, и пытался вырваться из рук хозяйки.

— Он был белый? — спросил проповедник. Он надел кожаный жилет поверх белой рубашки, его седеющие волосы были собраны в тяжелый конский хвост. — Ты уверена?

Харриет застенчиво кивнула и как бы в приступе робости натянула еще один локон себе на глаза.

— А ты что так поздно бегаешь по улицам? Ты была на площади,

верно?

Харриет отрицательно покачала головой и бросила быстрый взгляд на дом — из-за поворота показался Хилли, белый как мел, с выпученными глазами. Он мчался так быстро, что не заметил, как врезался прямо в огромного бородача Фариша. Хилли издал придушенный вопль, но бородач просто отшвырнул его в сторону как котенка и протопал назад в квартиру. Он тряс головой и разговаривал сам с собой короткими, рублеными фразами типа «даже и не пытайся, приятель… не надо, а то хуже будет», — словно перед ним шло какое-то мелкое существо с полметра ростом, с которым он вел разговор. Пару раз он останавливался и с силой ударял по воздуху, словно отгоняя нечистую силу.

Хилли исчез. Харриет глубоко вздохнула и приготовилась бежать, как вдруг на нее упала еще одна тень.

— Ты кто такая?

Харриет вздрогнула и подняла глаза — прямо над ней стоял Дэнни Ратклифф.

— Где ты была, когда он бил стекла? Откуда ты взялась? Ты видел, откуда она пришла? — спросил он брата.

Харриет ошарашенно глядела на него. Вдруг ноздри Дэнни раздулись от удивления, и она поняла, что отвращение было слишком явно написано на ее лице.

— Не смей так смотреть на меня! — крикнул он. Вблизи он показался ей очень худым, его лицо с волчьим оскалом было почти черным от загара, глаза под тяжелыми веками смотрели подозрительно и зло. — Что это с тобой?

Проповедник казался взволнованным — он несколько раз нервно оглядел улицу, потом засунул руки под мышки.

— Не бойся, — сказал он. — Мы тебя не укусим.

Харриет не могла не заметить татуировку на его руке — какие-то двигающиеся тела — и про себя удивилась: что могла означать странная картинка?

— Ты что, боишься? — спросил ее проповедник. — Боишься моего лица, да? — голос его звучал довольно доброжелательно, но он вдруг схватил Харриет за плечи, наклонился и приблизил свое лицо почти вплотную к ее носу. Она невольно отшатнулась, не столько из-за ужасного ожога, сколько из-за того, как больно он сжал ее плечи. Из-за гладкого, без ресниц, века на нее глядел голубой глаз, блестящий, как осколок цветного стекла. Проповедник быстро выбросил вперед одну руку, как будто для удара, и, когда Харриет вздрогнула и отшатнулась, на его лице появилась торжествующая усмешка.

— Так-так-так… — сказал он, легонько погладив ее по щеке, и неожиданно вытащил откуда-то искореженную пластинку жвачки и протянул ей.

— Ну что молчишь, язык проглотила? — Дэнни Ратклифф тоже

наклонился над ней. — Минуту назад ты так бойко болтала своим языком. И куда же делся тот негодяй, а? Как-то слишком быстро он смылся, ты не находишь?

Харриет украдкой взглянула на его лицо. Он тоже оглядывал улицу, но не нервно, как проповедник, а скорее как хулиган на детской площадке, уже наметивший себе жертву и теперь оглядывающийся, чтобы удостовериться, что учитель не смотрит в его сторону.

— Хочешь? — спросил проповедник, протягивая ей замусоленную жвачку.

— Нет, большое спасибо, — механически сказала Харриет, и чуть не прикусила язык, поскольку голова Дэнни дернулась как от удара.

— Что ты вообще тут делаешь? — спросил он, наступая на нее. — Как тебя зовут?

— Мэри... — прошептала Харриет. Ее сердце стучало. Ну и дура же она, надо же такое придумать — «большое спасибо»! Она, конечно, достаточно грязна, но кого она собирается обмануть со своим академическим акцентом?

— Как? Не слышу! — Дэнни приставил ладонь к уху. — А ну говори громче.

— Мэри!

— Ах, Мэри! — На нем были сапоги на толстенной подошве и с множеством пряжек. — Ты чья?

— Джонс... то есть Джонсон, — слабым голосом сказала Харриет. «Бог ты мой, неужели не могла придумать лучше?»

— Это какие Джонсоны? — заинтересовался проповедник.

— Странно, а мне кажется, ты из выводка Одума. — Дэнни задумчиво жевал щеку, левая сторона его лица подергивалась. — А я ведь видел тебя у «Пул-Холла», да? А здесь ты что делаешь?

— Мама... — Харриет решила сделать еще одну попытку. — Моя мама, она не... — Она увидела, что глаза Дэнни прикованы к дорогим кроссовкам, которые ей купила Эдди. — ... она не разрешает мне туда ходить...

— Кто твоя мама?

— У Одума жена умерла, — сказал проповедник и перекрестился.

— А я не тебя спрашиваю, а ее, — огрызнулся Дэнни и опять уставился на Харриет. — Смотри сам, Джин, глаза-то у нее какого цвета?

Проповедник тоже нагнулся и заглянул ей в лицо.

— Будь я проклят! Зеленые! Где ты взяла зеленые глаза, малышка?

— А чего она смотрит на меня? Уставилась, как кошка. Ты что, маленькая дрянь, не в своем уме?

Собака продолжала тявкать, а где-то вдалеке Харриет услышала отдаленный звук полицейской сирены. Мужчины тоже услышали его и тревожно переглянулись, но в этот момент из квартиры донесся ужасающий вопль. Дэнни бросился к лестнице. Юджин прижал руку к губам и обернулся, и сразу же за спиной раздались торопливые шаги —

девчонка убегала прочь со всех ног.

— Эй, — слабо крикнул он, — стой! — Он хотел догнать ее, но тут оконная рама с треском поднялась и из окна вылетела змея, сверкая в темноте ночи белым брюхом.

Юджин в ужасе отскочил. Хотя змея была раздавлена и голова ее представляла собой кровавое месиво, она продолжала биться в конвульсиях на газоне.

— Это неправильно! — услышал Юджин голос Лойяла. Молодой священник подошел ближе, глядя на мертвую змею. Больше он не успел ничего сказать — Фариш вырвался из дома, бросился к нему и, не сказав ни слова, изо всех сил ударил его по зубам. От удара Лойял отлетел на несколько метров, но сумел удержаться на ногах.

— На кого ты работаешь? — прорычал Фариш.

Лойял попытался увернуться от следующего удара, но не смог — Фариш, необыкновенно проворно для своего веса, ударил его под дых и повалил на землю.

— Кто тебя послал? — заорал он. Лойял попытался что-то сказать окровавленным ртом, но Фариш схватил его за ворот рубашки и рывком поставил на ноги. — Это чья идея? Долфуса? Это он решил настричь на мне бабла? Говори, урод! Да только вы не с тем связались, ублюдки, я сейчас тебе...

— Фариш, — негромко позвал из окна Дэнни, бледный как мел. — У тебя твой кольт в машине? Неси его сюда.

Лойял приподнялся на локте и в ужасе уставился на Дэнни.

— Они что, из корзины повылезали? — спросил он с таким неподдельным невинным изумлением, что даже Фариш опустил занесенную, чтоб снова ударить, руку.

Дэнни провел ладонью по лбу и показал куда-то за спину.

— Да их тут сотня, — сказал он.

— Одной не хватает, — сказал Лойял через десять минут, смахивая костяшками пальцев кровавую слюну с губы. Левый глаз его совсем заплыл и представлял собой темно-фиолетовую щель.

Дэнни сказал:

— Тут воняет мочой. Джин, ты это чувствуешь?

— Ага, вот он! — азартно закричал Фариш и бросился к холодильнику, из-под которого высовывался подергивающийся змеиный хвост. Хвост дернулся и с шумом исчез под холодильником.

— Подожди, — сказал Лойял Фаришу, который в бешенстве бил по дверце кулаками. Он быстро нагнулся и бесстрашно пошарил рукой под холодильником, потом вытянул губы и издал странный, жуткий свист — *иииииии!* — что-то среднее между свистком чайника и звуком, который издает мокрый палец, двигаясь по стеклу.

Тишина. Лойял опять напрягся, и из его разбитых губ снова вылетел свист, от которого у присутствующих по коже пошли мурашки. Подождав еще несколько минут, он с трудом поднялся на ноги и вытер

руки о джинсы.

— Ушел, — печально констатировал он.

— Куда еще ушел? — вскричал Юджин.

Лойял вытер губы тыльной стороной ладони.

— Вниз, к вашим друзьям-мормонам, — сказал он мрачно.

— Да тебе надо в цирке выступать! — воскликнул Фариш, снова глядя на Лойяла с уважением. — Ну ты даешь. Кто тебя научил так свистеть?

— Змеи меня любят, — смущенно произнес Лойял.

— Хо! — Фариш обнял его за плечи; ему так понравился свист, что он совершенно забыл о том, что ему надо сердиться. — Научишь меня?

Дэнни, глядя в окно, медленно сказал:

— Что-то здесь странное происходит…

— Что такое? — Фариш резко обернулся. — Хочешь сказать мне что-то, малыш Дэнни, так скажи мне это в лицо.

— Я говорю, что *здесь происходит что-то странное!* Дверь-то была открыта, когда мы пришли. Юджин, ты что, не запираешь двери?

— Мне надо к врачу, — простонал Юджин. Он поднял правую руку — кисть была такая опухшая, что напоминала надутую резиновую перчатку.

— Ё-мое! Да мерзавка тебя укусила!

— И не просто укусила, а три раза.

— Да, — протянул Лойял, — иногда они не могут весь яд выпустить за один укус.

— Эта дрянь повисла на мне, как приклеенная. — Комната начала расплываться по краям, и в голове у Юджина зашумело (не самое неприятное чувство, просто легкость, как в детстве, когда он нюхал клей). Юджин пошатнулся и тяжело сел на скрипнувший стул.

— Да, тебе досталось. — Лойял осмотрел распухшую кисть. — Она тебя прямо в вену саданула. Надо ехать в больницу.

— Ну давай! — весело воскликнул Фариш. — Помолись за него, пущай наш Господь его вылечит, а? Делай свою работу.

Дэнни провел рукой по волосам и отвернулся. Он был в тихой ярости — ему было наплевать, отвалится у Юджина рука или нет, — но больше всего он ненавидел Фариша. Зачем тот его сюда притащил? Он должен был спрятать наркотики в машине Лойяла, и что же, сделал он это? О нет, он полчаса точил лясы на кухне, рассказывая все те же надоевшие всем тюремные байки, благо Риз слушал его открыв рот, и он слишком легко отпустил Риза — Дэнни был уверен, что тут точно дело нечисто. Его отец был таким же, он мог избить Дэнни, или Майка, или Рика Ли до полусмерти из-за любого пустяка, но стоило чему-то отвлечь его внимание, будь то шутка или мультик, идущий по телику, и он останавливался с занесенной для удара рукой и, бросив плачущего сына на полу, мчался в соседнюю комнату сделать погромче радио. *Цены на скот начали расти,* вы только подумайте! Дэнни презрительно

сплюнул в сторону и сказал:

— Послушайте меня. А как эти змеи вообще выбрались наружу?

— О, черт меня подери! — воскликнул Фариш. Снаружи послышался хруст гравия и шуршание колес. — Лойял, быстро в ту комнату, убирай своих гадов.

— Да, скажи ему, — пробормотал Юджин заплетающимся языком, — чтобы не совал своих змей мне в руки... И вообще, хватит уже тут... — Он попытался подняться, но ноги не слушались его.

В дверях Фариш говорил разъяренному мистеру Дайлу:

— Нет, не надо сюда заходить. Нет, не было у нас никакой такой вечеринки. — Он расставил ноги, загораживая мощным торсом дверной проем. — А вот вашего жильца змеюка укусила, его бы надо в больницу. Вот так, благодарю, помогите-ка мне проводить его в машину.

Последнее, что увидел Юджин, прежде чем провалиться в черный, сужающийся вдали коридор, была канареечно-желтая рубашка мистера Дайла, а над ней его красное возмущенное лицо.

Той ночью в больничной палате Юджин метался на койке в кошмарах — странная дама плакала среди цветов, на море надвигался шторм, кошка посмотрела на него зеленым глазом — где ты его взяла? — и положила ему на руку растерзанного голубя. Образы и картинки проносились в его голове, и он силился что-то вспомнить, но не мог...

А в его квартире Лойял, свернувшись клубочком в своем мешке, спал без кошмаров и сновидений, иногда постанывая, когда случайно задевал больной глаз. Он проснулся до рассвета, отдохнувший и бодрый, прочитал молитвы, умылся, выпил стакан воды, быстро упаковал змей и сел за кухонный стол сочинять прощальную записку Юджину. Кроме записки он оставил на столе тридцать семь долларов и потрепанную закладку для книг.

Когда солнце взошло, он уже ехал по шоссе, не обращая внимания на разбитые фары, держа путь в сторону Восточного Теннесси. Он не заметил пропажи кобры до вечера, а когда заметил, страшно расстроился и позвонил Юджину, но у того дома никто не брал трубку. Никто также не услышал воплей мальчиков-мормонов, один из которых, пойдя утром по нужде в ванную, обнаружил там гремучую змею, уютно свернувшуюся на стопке только что выстиранных рубашек.

Глава 5
Красные перчатки

На следующее утро Харриет проснулась совершенно разбитая — вечером она не приняла ванну, и теперь все простыни были покрыты тонким слоем песка. Всю ночь ей снились кошмары: извивающиеся корзины, сплетенные из змеиных тел и издающие тяжелый запах мертвечины, прыгающие тени, осколки камней. Непостижимым образом они переплелись с картинками из ее детской книги о

Рикки-Тикки-Тави, на которых все были изображены такими милыми и симпатичными: и большеглазый Тедди, и его верный мангуст, и даже Наг и Нагайна. Но внизу страницы находился еще кто-то, связанный, с заткнутым ртом, он мучился, страдал, и Харриет должна была спасти его, но не знала как.

В то время как Харриет, ненадолго выныривая из своих кошмаров, опять погружалась в них, Хилли внезапно проснулся и подскочил на постели так резко, что ударился головой о потолок. Вечером он примчался домой в таком ужасе, что забрался на вторую полку двухэтажной кровати, которую он когда-то делил с Пембертоном, ногой оттолкнул лестницу и сжался в комок под одеялом. Сейчас он виновато огляделся по сторонам, хотя в комнате никого не было, спрыгнул на пол, приоткрыл дверь в коридор и выглянул наружу.

Дом поразил его своей тишиной. Хилли прокрался на кухню, насыпал себе кукурузных хлопьев и залил молоком. Немного поколебавшись, он отнес завтрак в гостиную, сел на диван и включил телевизор. Передавали очередное шоу с участием знаменитостей. Хилли прихлебывал свои хлопья, но они казались ему совсем безвкусными, даже не сладкими.

Где же родители? В пустом доме было как-то неуютно. Хилли вспомнилось кошмарное утро после того памятного вечера в гольф-клубе, когда они с его кузеном Тоддом стащили из чьего-то незапертого «линкольна» початую бутылку рома и выпили ее почти наполовину. Что было потом, Хилли помнил смутно. Вроде бы они поехали кататься в тележке для гольфа и въехали в дерево, а потом ложились на траву и скатывались вниз по крутому склону за площадкой для гольфа. Взрослые в это время мирно беседовали на ступенях клуба, закусывая шампанское жареными колбасками и клубникой. Потом, когда у Хилли схватило живот, Тодд посоветовал ему пойти в буфет и съесть как можно больше десертов, ничем их не запивая. Потом Хилли рвало прямо на чей-то «кадиллак», стоящий на парковке, а Тодд хохотал так, что его веснушчатое лицо побагровело. Хилли в тот вечер каким-то образом умудрился добраться до дома и лечь спать, а наутро он проснулся в такой же тишине и пустоте — все уехали провожать Тодда и его отца, а Хилли с собой не взяли.

Тот день стал самым ужасным днем в его жизни — не в силах ничем занять себя, он слонялся по дому, тщетно пытаясь хоть отчасти восстановить в памяти ход вчерашних событий, страшно беспокоясь о том, что его ожидает по возвращении родителей. Наказание действительно не замедлило последовать: довольно жестокая порка, отобрали все карманные деньги, чтобы хоть отчасти возместить ущерб владельцу тележки, заставили написать униженное письмо с мольбой о прощении и запретили смотреть телевизор на сто лет вперед. Отец не разговаривал с ним в течение двух месяцев, и даже обожающая мать смотрела на него сурово. «Я только одного не понимаю, — сказала она

глухо, не глядя ему в глаза, — где ты научился воровать?» Ну и конечно, Тодд — семейный гений — легко отделался, свалив всю вину на Хилли.

И теперь, под монотонный смех и рукоплескания участников телешоу, Хилли откинулся на подушки дивана, закрыл глаза и попытался вспомнить вчерашние события. От них веяло ужасом. Но, в конце концов, что такого он сделал? Ничего не поджег, не сломал, не испортил. Даже ту змею они не украли — она так и осталась лежать под домом. Ну да, конечно, он выпустил несколько змей из корзины, но что тут удивительного, это же штат Теннесси, здесь змей такое количество, что если двумя-тремя станет больше, никто и не заметит! Собственно, все, что он сделал плохого, — это открыл одну задвижку, совсем ерунда. Другое дело, что Ратклиффы наверняка узнали его, когда он врезался в живот Фаришу, хорошо еще, что Харриет их немного отвлекла.

Кстати, а что с Харриет? Он только сейчас вспомнил о ней — вчера ему было не до нее. Он, как заяц, понесся домой, прыгая через изгороди, и остановился только у себя во дворе. Красный, запыхавшийся, он прислонился к стене родного дома, немного отдышавшись, приоткрыл дверь, прислушался — родители в гостиной смотрели телевизор. Надо было хотя бы заглянуть к ним в комнату, сказать «Спокойной ночи!», но он боялся выдать себя дрожащим голосом или бегающим взглядом.

Харриет? Видеться с ней ему совершенно не хотелось — одно ее имя напоминало ему о том, что хотелось забыть. Бог ты мой, во что она его втянула? Теперь эти ужасные Ратклиффы его не забудут. А вдруг они уже его выследили? Что будет, если одноглазый Фариш явится к ним домой?

К дому подъехала машина, и Хилли в испуге вскочил и бросился к окну — уффф, пронесло, просто вернулся из магазина отец. Хилли плюхнулся обратно на диван и попытался принять свою обычную непринужденную позу чуть скучающего невинного сына, но невольно все время подбирал ноги, прислушиваясь к звукам, доносящимся со двора, и пытаясь угадать, в каком настроении приехал отец. В конце концов, нервное любопытство одержало верх, и Хилли тихо подошел к окну и встал за занавеской, жадно вглядываясь в выражение лица своего предка. Однако отец выглядел вполне спокойным, даже сонным — впрочем, за дымчатыми стеклами очков его глаза было сложно рассмотреть.

Хилли продолжал следить из-за занавески, как отец обошел машину, открыл багажник и вытащил оттуда покупки — рулон зеленого садового шланга, пластмассовые ведра, несколько банок с краской.

Хилли тихо отошел от окна, отнес тарелку на кухню и сполоснул ее, потом поднялся в свою комнату и лег на нижнюю кровать. Через пару минут на лестнице послышались шаги.

— Хилли?

— Да, пап? («Ну почему у меня такой визгливый голос?»)

— По-моему, я много раз просил тебя выключать телевизор, если ты

его не смотришь.

— Да, пап.

— Спустись вниз и помоги мне полить мамин сад. Я думал, сегодня будет дождь, но похоже, что облака разнесло.

Хилли не решился спорить. Он ненавидел поливать сад матери, которая, по его мнению, развела слишком много цветов. Руби, их предыдущая домработница, категорически отказывалась даже близко к ним подходить. «Змеи любят прятаться в цветах», — говорила она.

Хилли надел тенниски и вышел наружу. Солнце уже поднялось довольно высоко и теперь яростно палило с высоты. Закрыв глаза от ослепительно-белого света, Хилли направил струю воды на клумбу с цветами, стараясь держать шланг как можно дальше от себя.

— А где твой велосипед? — спросил отец, возвращаясь из гаража.

— А? Я… — Сердце Хилли упало.

— Сколько раз я говорил тебе: ставь его в гараж? Давай сюда шланг, пойди и сию минуту забери его с заднего двора.

«Что-то не так», — подумала Харриет, спустившись утром на кухню. На матери была блузка, которую Шарлот обычно надевала в церковь, и она нетерпеливо мерила кухню шагами.

— Вот, — сказала Шарлот, ставя перед Харриет тарелку с холодным тостом и стакан с молоком. Ида стояла около раковины, повернувшись к Харриет спиной.

— Мы что, куда-то едем? — спросила Харриет.

— Нет, дорогая… — Мать говорила веселым тоном, но губы ее подергивались, а лицо было белым и напряженным. — Я просто подумала, что надо бы сегодня подняться и приготовить тебе завтрак, ты ведь не возражаешь?

Харриет оглянулась на Иду, но та молча продолжала вытирать раковину. Ее закаменевшие плечи ясно показывали: что-то было не так. «Что-то случилось с Эдди, — подумала Харриет, холодея, — Эдди в больнице…» Но она не успела спросить об этом — Ида слегка повернулась, и Харриет увидела, что та плачет.

Весь ужас последних часов навалился на Харриет: она подняла на мать испуганные глаза.

— А где Эдди? — спросила она.

Мать Харриет удивленно подняла брови.

— У себя дома, наверное, а что?

Тост был холодный и противный, но Харриет съела его без возражений и запила молоком. Мать смотрела, как она ест, положив подбородок на сложенные ладони.

— Вкусно? — спросила она.

— Да, мам.

Шарлот вздохнула, рассеянно поправила волосы, встала из-за стола и медленно направилась в гостиную.

— Ида! — громким шепотом позвала Харриет, как только они остались вдвоем.

Ида покачала головой и ничего не сказала. Ее лицо было бесстрастным, только в глубине глаз опять зрели большие прозрачные слезы. Она посмотрела на Харриет и подчеркнуто надменно отвернулась.

Харриет потрясенно глядела на широкую спину, на белые, перекрещенные на обширной талии лямки передника. На кухне стояла пронзительная тишина, только слышно было, как жужжала на стекле муха, как утробно и мерно урчал холодильник.

Вдруг Ида швырнула тряпку на стол и повернулась к Харриет.

— И зачем же ты на меня донесла? — спросила она яростным шепотом.

— Что ты хочешь сказать — донесла?

— Я-то всегда хорошо к тебе относилась. — Ида, гневно топая, прошла мимо нее, смахнула пылинку с подоконника и вернулась к раковине. — И зачем это тебе понадобилось доставлять мне неприятности?

— Ида! Да я никогда...

— Нет, ты донесла на меня своей матушке. И знаешь, что еще? — Харриет сжалась под ее холодным взглядом. — Ты донесла и на ту бедную женщину, которую теперь уволил мистер Халл. Да, можешь не спорить. — Ида повысила голос. — Мистер Клод приехал туда вчера на своей машине. Надо было слышать, как он разговаривал с бедняжкой Эсси — с собакой лучше говорят. Я все слышала, все соседи слышали!

— Да я вообще не...

— Посмотри на себя, — сквозь зубы процедила Ида, — тебе самой-то не стыдно? Зачем ты сказала мистеру Клоду, что Эсси решила их дом спалить? А затем тебе и этого мало стало, так ты домой отправилась, чтобы мамочке наябедничать, что я плохо вас кормлю!

— Я не доносила на Эсси! Это Хилли!

— Я не про него говорю. Я сейчас говорю про тебя.

— Наоборот, я ему говорила, чтобы он не ябедничал! Мы сидели у него в комнате, а она пришла и начала кричать...

— Ну да, а потом ты пришла домой да и сама наябедничала мамочке. Ты просто разозлилась, что я вчера ушла домой, а не сидела с вами до вечера и не рассказывала сказки.

— Ида! Ты же знаешь, как мама все путает. Я просто сказала...

— Я знаю, почему ты это сделала. Ты злишься, что я не сижу с вами с вечера до утра, жаря вам цыплят да болтая о всякой ерунде. А я, между прочим, убираю этот срач за всеми вами...

Ида сложила руки на груди и отвернулась, ясно давая понять, что разговор окончен, а подавленная Харриет вышла во двор. Солнце пекло, мухи жужжали около мусорного бака, больше никакого движения во дворе не было. С кухни не доносилось ни звука, а ставни на окнах

материнской спальни были закрыты. Неужели она уволила Иду? Как ни странно, вопрос отозвался в сердце Харриет не болью, не тоской, а каким-то глухим удивлением.

«Надо собрать помидоров к обеду», — подумала Харриет, направляясь к маленькому огороду, который Ида развела вдоль одной из стен дома: всего лишь несколько квадратных метров земли, которые она засадила разнообразными овощами. Хотя Ида каждый день делала им с Алисон бутерброды с огурцами и помидорами, большую часть урожая она забирала домой. Там, где она жила, не было места для огорода. Каждый день Ида просила Харриет, в обмен на сказку или партию в шашки, помочь ей прополоть грядки или полить рассаду, но Харриет всегда отмахивалась от нее: она терпеть не могла копошиться в земле — сидеть нагнувшись под раскаленным солнцем и отмахиваться грязными руками от тучи мух и слепней. К тому же у нее потом чесались ладони от жестких, шершавых стеблей кабачков.

Ей вдруг стало стыдно за свой эгоизм. Ида работала от зари и дотемна, а чем она, Харриет, все время занималась?

Хорошие помидоры, Иде понравятся! Она сорвала еще пару перцев, несколько бамий и толстый блестящий баклажан — первый в этом сезоне. Сложив овощи в картонную коробку, она принялась за прополку, сжав зубы и стараясь не морщиться, когда попадались жгучие побеги крапивы. Осока резалась, крапива жглась, и вскоре руки Харриет были сплошь покрыты багровыми рубцами и цыпками. Прошлым летом Ида подарила ей красные садовые перчатки детского размера, но Харриет так ненавидела работу в саду, что никогда их не надевала. Теперь она со стыдом вспомнила их с Идой разговор. «А где те рукавички, что я тебе подарила? Ты потеряла их?» — грустно спросила Ида как-то вечером, сидя на крыльце. И когда Харриет стала громко возражать, Ида лишь покачала головой.

«Но они мне действительно нравятся! Я их надеваю, когда играю...»

«Не надо мне лгать, детка. Просто жаль, что мой подарок тебе совсем не подошел...»

Лицо Харриет пылало. Красные перчатки стоили три доллара — Идин дневной заработок. Бедная Ида! Эти перчатки были ее единственным подарком воспитаннице. А Харриет их потеряла! Как она могла? Долгое время они валялись в сарае для инструментов вместе с секаторами, пилами и заступами, которыми пользовался Честер. Вот кто может что-то о них знать — Честер! Она его спросит о красных перчатках, когда он придет в следующий раз. А может быть, они так и лежат в сарае среди мусора? Харриет торопливо поднялась, оставив сорняки на земле, и помчалась к сараю. Но рукавиц нигде не было, хотя Харриет перерыла все — и полки, и шкафчик с одной дверцей, и старый сундук, заглянула даже за залежи банок с краской и растворителями. Ладно, она подождет Честера. Честер приходил к ним работать только по понедельникам, в остальные дни он выполнял поручения городского

совета, чистил и убирал могилы на кладбище или ходил по домам в поисках работы.

Харриет стояла посреди сарая, тяжело дыша, опустив голову на грудь — «я себя не прощу, если они пропали», — когда в дверь просунулась голова Хилли.

— Харриет! — произнес он страшным шепотом. — Нам надо срочно забрать велосипеды!

— Что? — Харриет недоуменно вскинула голову.

— Мы же их там оставили, забыла? Папа заметил, что моего нет, мне надо его срочно привезти.

Харриет попыталась сконцентрироваться на проблеме велосипедов, но в голове у нее крутились только потерянные перчатки.

— Я потом схожу, — сказала она.

— Нет! Нет! Сейчас! Я один туда не пойду!

— Ну ладно, подожди немного, мне надо...

Хилли издал скорбный вопль:

— Нет, надо сейчас же идти!

— Ну ладно, только заткнись, хорошо? Я помою руки и пойдем. А ты пока сложи тут все обратно, о'кей?

— Что, все это надо сложить? — недовольно спросил Хилли, оглядывая кучу мусора на полу.

— Помнишь красные рукавички, что были у меня когда-то? Они всегда лежали вот тут, в этом ведре.

Хилли посмотрел на нее так, будто она сошла с ума.

— Ну, мои садовые перчатки, помнишь? Красные матерчатые, | с такими резиновыми пупырышками.

— Харриет, я говорю серьезно. Велики так и лежат под ивой — их ведь могут украсть.

— Ладно, иду. Если увидишь их тут случайно, скажи мне, хорошо?

Харриет побежала в огород, прихватила коробку с овощами и понесла на кухню. Но Иды на кухне не было — Харриет нашла ее в гостиной, Ида сидела в своем любимом кресле, широко расставив ноги и спрятав лицо в ладонях.

— Идочка! — прошептала Харриет.

Ида тяжело повернула голову. Глаза ее были совсем красные.

— Я... я тебе что-то принесла... — Харриет положила коробку к Идиным ногам.

Ида несколько секунд смотрела на овощи.

— Что я буду делать? — спросила она. — Куда я пойду?

— Ты можешь забрать их домой, если хочешь, — предложила Харриет. Она подняла баклажан и показала Иде.

— Твоя мама говорит, что я плохо делаю свою работу. А как я могу ее делать хорошо, если она не дает ничего выбрасывать? Все эти газеты складывает до потолка. — Ида вытерла глаза уголком передника. — Она мне платит двадцать долларов в неделю. Это что, много? Одеон у мисс

Либби получает тридцать пять, а там и делать-то нечего, не то что здесь, да с двумя детьми в придачу.

Харриет умирала от желания обнять Иду, прижаться к ней, спрятать голову на ее груди, разреветься в голос, но что-то в Идиной позе удерживало ее на расстоянии.

— Твоя мамочка говорит, что вы теперь большие, не надо за вами все время ходить. Вы обе цельный день в школе, а после школы сами можете о себе позаботиться.

Идины глаза, красные, заплаканные, встретились с круглыми, испуганными глазами Харриет, и некоторое время девочка и домработница пристально смотрели друг на друга. Харриет никогда не забудет этот момент. Потом Ида отвернулась.

— Да что говорить, — горько пробормотала она, — так оно и есть! Алисон уже скоро и школу закончит, а ты — ты сама по себе, тебе никто особо не нужен и Ида не нужна.

— Нет, нужна, нужна!

— Нет, не нужна, и твоя мать тоже так считает.

Харриет бросилась наверх в комнату матери и вбежала к ней не постучав. Мать неподвижно сидела на постели, а рядом на коленях стояла Алисон и плакала, уткнувшись головой в покрывало. Когда Харриет вошла, Алисон подняла голову и взглянула на нее с таким отчаянием во взгляде, что Харриет даже опешила.

— Что, и ты туда же? — сонно спросила мать. — Оставьте меня в покое, девочки, я хочу прилечь на минутку…

— Ты не можешь уволить Иду!

— Я тоже люблю Иду, девочки, но бесплатно она работать не хочет, а повысить ей жалованье я не могу.

Это были слова отца, Харриет даже представила его механический голос и бесстрастное лицо.

— Ты не можешь уволить ее! — повторила она, повышая голос.

— Твой отец говорит…

— Плевать на то, что он говорит. Он ведь не живет здесь!

— Вам придется самим поговорить с ней. Ида согласна, что в нашем маленьком хозяйстве надо что-то менять, так больше продолжаться не может.

— А зачем ты сказала ей, что я на нее донесла? — глухо спросила Харриет.

— Мы поговорим об этом позже. — Шарлот закинула ноги на кровать и легла.

— Нет! Поговорим сейчас!

— Не волнуйся, Харриет, — сказала мать и закрыла глаза. — Алисон, прекрати плакать, я этого не выношу. — Голос ее постепенно слабел. — Не волнуйтесь, девочки, все образуется. Я вам обещаю.

Больше всего Харриет хотелось заорать, затопать, что-нибудь разбить. В бессильном гневе она уставилась на безмятежное лицо

матери — ее грудь тихо, мирно поднималась и так же тихо опускалась. Над верхней губой блестели капельки пота, коралловая помада собралась в крошечные морщинки вокруг рта, веки припухли, под глазами темнели два глубоких полукруга.

Харриет сбежала вниз, со злостью хлопая кулаком по перилам. Ида все так же сидела в кресле, и Харриет замерла на пороге и с тоской посмотрела на грузную фигуру, которая столько лет была основой ее жизни, — она была такой *живой,* реальной, настоящей. Повинуясь импульсу, Харриет бросилась к ней, но тут Ида обернулась и буквально пригвоздила ее к месту тяжелым взглядом. Щеки ее были мокрыми от слез. Под этим взглядом Харриет со жгучим стыдом опустила голову, повернулась и вышла из кухни, чувствуя, как любимые черные глаза пробуравливают две дырки у нее в спине.

— Что у тебя случилось? — спросил Хилли, увидев растерянную, оцепеневшую Харриет. Он хотел обругать ее за то, что она заставила его так долго ждать, но выражение тихого отчаяния на ее лице не на шутку испугало его.

— Мама хочет уволить Иду.

— Черт, это неприятно, — согласился Хилли.

Харриет опустила глаза и посмотрела на свои ноги, стараясь вспомнить, какие выражения принимало ее лицо, когда все было нормально.

— Давай сходим за велосипедами потом, — сказала она, проверяя, слушается ли ее голос.

— Нет! Отец и так меня убьет…

— Так скажи ему, что оставил велик у меня во дворе.

— Нет! Как ты не понимаешь, нельзя их там оставлять — кто-нибудь украдет… Ты обещала мне, — в отчаянии воскликнул Хилли. — Я там убрал в сарае, все сложил на место…

— Ну хорошо, только и ты пообещай мне…

— Харриет, *пожалуйста,* нам надо спешить.

— Пообещай мне, что сходишь со мной туда опять сегодня вечером. Чтобы забрать корзину.

— Где ты собираешься ее прятать? — Хилли остановился как вкопанный и испуганно взглянул на подругу. — У меня дома нельзя.

Харриет подняла руки и показала ему — пальцы не были скрещены.

— Ладно, — сказал Хилли и тоже поднял руки. Это был их условный сигнал, более священный, чем любая клятва. Он повернулся и побежал через двор на улицу, зная, что Харриет бежит следом.

Хилли и Харриет стояли, наполовину скрытые кустами, и внимательно наблюдали за домом мормонов. В доме было тихо — казалось, что там никого нет. На газоне под ивой поблескивала на солнце хромированная рама велосипеда. Около соседнего дома стояла

припаркованная машина миссис Дорьер. Каждый вторник этот белый седан останавливался около дверей Либби и из него выходила миссис Дорьер в своей голубой медицинской униформе: она приезжала измерить Либби давление. Высокая, худая миссис Дорьер крепко затягивала жгут вокруг тоненькой птичьей ручки Либби и следила за биением ее сердца, поглядывая на большие мужские часы. Либби в это время лежала, откинувшись на высоких подушках с мученическим выражением на лице, прижав руку к груди и глядя в потолок, — она терпеть не могла врачей и все, что связано с медициной.

— Пошли! — Хилли подтолкнул Харриет в бок.

Харриет кивком указала ему на седан.

— Медсестра здесь, — прошептала она. — Подождем, когда уедет.

Какое-то время они постояли, спрятавшись за толстым платаном.

— Ну? — спросил Хилли. — Чего она там копается?

— Не знаю, — буркнула Харриет. Миссис Дорьер объезжала пациентов по всему округу и никогда не задерживалась у Либби больше чем на пять минут.

— Я не собираюсь торчать тут целый день, — начал было Хилли, но тут дверь распахнулась, и миссис Дорьер в своей неизменной голубой униформе и белой шапочке вышла на крыльцо. Следом за ней появилась женщина-янки с темным от загара лицом, в грязном зеленом халате, наброшенном поверх ночной сорочки. Она несла на руках своего Панчо и громко причитала:

— То есть как это два доллара бутылка? Это что же такое? Я трачу четырнадцать долларов в день на лекарства! Я так и сказала этому мальчику в аптеке...

— Да, лекарства недешевы, — коротко сказала миссис Дорьер, не останавливаясь.

— Я ему говорю: «У меня эмфизема! И камни в почках! И артрит. Я...» Эй, что с тобой, Панчо?

Чихуа-хуа напрягся, его огромные уши задвигались, как локаторы, и, хотя Харриет стояла за деревом, она была уверена, что он ее видит. Он ощетинился и разразился бешеным лаем, норовя вырваться из рук хозяйки. Та крепко стукнула его рукой по морде:

— Закрой пасть! Замолчи!

Миссис Дорьер слегка усмехнулась, подняла свою сумку и пошла к машине. Панчо продолжал неистовствовать. Женщина-янки стукнула его еще раз, потом вошла в дом и закрыла дверь. Машина отъехала.

Хилли и Харриет выждали еще пару минут, потом бросились через дорогу и нырнули под прикрытие ивовых ветвей. Велосипеды лежали на земле нетронутые, чуть влажные от росы. Харриет откинула волосы со лба.

— Мне надо будет забрать кобру, — коротко сказала она, и Хилли, не понимая почему, вдруг почувствовал укол жалости. Он поднял велосипед. Харриет уже оседлала свой и сердито смотрела на Хилли.

— Хорошо, приедем за ней позже.

Он налег на педали, но Харриет быстро обогнала его, резко затормозила и прижала к обочине. У нее часто возникало такое драчливое, задиристое настроение, когда она нарывалась на ссору и ввязывалась в драку по малейшему поводу, но Хилли это скорее возбуждало, чем отталкивало. Мысль о кобре тоже странным образом подняла его настроение. Он еще не сказал Харриет, что выпустил из корзины гадюк, и ему пришло в голову, что в этом доме, скорее всего, какое-то время никто не будет жить.

— Как ты думаешь, ее часто надо кормить? — спросила Харриет. Она толкала тележку сзади, в то время как Хилли тянул ее спереди. — Может, дать ей лягушку?

Хилли завел тележку на тротуар и остановился поправить полотенце, которое они накинули на корзину.

— Я не собираюсь ловить для нее лягушек, еще чего!

Он оказался прав — в мормонском доме не было ни души. Впрочем, его уверенность базировалась лишь на твердом убеждении, что лично он с большим удовольствием переночевал бы в запертом багажнике, чем в доме, полном гуляющих на свободе гадюк. Конечно, он не знал, что в это самое время мальчики-мормоны сидели у знакомого адвоката, выясняя, могут ли они подать в суд на мистера Дайла за то, что он допустил в дом ядовитых пресмыкающихся. После мучительных раздумий Хилли решил, что он не виноват в том, что случилось. Теперь все страхи были позади, и Хилли был в приподнятом настроении, готовый к новым подвигам.

Никто не проехал мимо них, никто не видел, как они выкатили из-под дома корзину и погрузили ее на старую детскую тележку Хилли. Вечер был душный, в темном небе полыхали зарницы, вдалеке изредка грохотал отдаленный гром. Хозяйки убирали подушки с садовой мебели, выключали оросители, звали домой загулявших кошек и детей.

Вообще-то они с Харриет должны были сейчас быть в кино, — отец Хилли даже дал им денег на билеты. Харриет всю вторую половину дня провела в комнате Хилли (небывалый случай!), сидела на ковре, поджав ноги, пока они обсуждали, что им делать с коброй. Корзина была слишком большая — ни у Хилли, ни у Харриет дома ее не спрятать. После долгих обсуждений они решили отвезти ее на заброшенную дорогу к западу от города, недалеко от Лайн-Роуд.

Всего в двух кварталах от Хай-стрит начинались заброшенные районы: пустые депо, заросшие травой участки земли, где там и сям были расставлены плакаты «Продается» и «Частная территория — не входить».

В Александрии делали остановку всего два пассажирских поезда: первый, проходящий из Чикаго в Новый Орлеан, останавливался в 7:14 утра, а затем в 8:47 вечера этот же поезд делал здесь остановку на

обратном пути. Шаткая, облупленная будочка, в которой продавали билеты, сейчас была темна, билетерша должна была прийти только через час. Вместо платформы вдоль рельсов был положен дощатый настил.

На этом месте асфальтовая дорога кончалась. Где-то лаяли собаки — судя по голосу, большие псы, — но, к счастью, не близко. Харриет и Хилли осторожно перекатили тележку на гравий, бросили последний взгляд на город — их собственный район можно было узнать по яркому освещению — и, решительно повернувшись спиной к цивилизации, покатили свою добычу через огромный пустырь к дальнему лесу.

Раньше они, бывало, играли в этих местах на заброшенной дороге, но, сказать по правде, лес пугал их обоих, уж слишком он был густой, неподвижный, тихий. Тропа, ведущая через него, почти совсем заросла; густая, вязкая тишина нарушалась лишь гудением комаров да редким вороньим карканьем — другие птицы тут не водились. Говорили, что долгое время в лесу скрывалась банда беглых преступников, впрочем, ни Хилли, ни Харриет тут в жизни никого не встречали.

Гравий глухо потрескивал под колесами тележки. Тучи комаров вились над ними, — похоже, что бутылка антикомариного средства, которую они на себя вылили, никак на них не действовала. Становилось все темнее, но, хотя Хилли взял с собой фонарик, им почему-то не хотелось обнаруживать свое присутствие.

Тропинка сузилась настолько, что почти исчезла, впереди слышалось жужжание мух, и вдруг оба почувствовали сладковатый, гнилостный запах тухлятины.

— Фуууу! Гадость! — закричал Хилли — он шел первым.

— Что там?

— Дохлый опоссум. Давай объедем его.

Харриет смогла разглядеть темный, шевелящийся от мух ком, лежащий на дороге, и поспешно отвернулась. Им пришлось делать большой крюк по целине, так что, когда они опять выбрались на тропу, оба были с ног до головы покрыты репьями и липкими колючками.

Когда они отошли на достаточное расстояние от мертвого животного, Харриет предложила остановиться. Она зажгла фонарик и посветила в корзину. В луче света маленькие глазки кобры с ненавистью уставились на нее, а открытый рот напоминал злобную улыбку.

— Как она там? — спросил Хилли.

— Нормально, — сказала Харриет и отпрыгнула, когда кобра вдруг бросилась на стенку корзины.

— Ты чего?

— Ничего. — Харриет выключила фонарь. — Знаешь, должно быть, она привыкла жить в корзине — может быть, с детства тут живет. Не думаю, что проповедники их выпускают поползать на свободе. Как ты думаешь?

— Не знаю, — пробормотал Хилли. — А ей не жарко?

— Думаю, нет. Она ведь родом из Индии, там гораздо жарче, чем здесь.

Тропа вывела их на открытую поляну. Отсюда с одной стороны видны были железнодорожные пути, а с другой стороны — шоссе. По шоссе на велосипеде до дома Хилли можно было доехать за сорок пять минут, но они выбрали самый короткий пеший маршрут. И сейчас они решили идти до Лайн-Роуд по рельсам, а не в обход по дороге. Харриет вдруг нервно огляделась, нагнулась и потерла ногу.

— Что? — спросил Хилли.

— Так, укусил кто-то.

Хилли вытер рукавом мокрый лоб.

— Поезда не будет еще час, — сказал он.

Оба они, однако, прекрасно знали, что, хотя пассажирских поездов было всего два, товарные ходили здесь круглые сутки. Если местные поезда ползли так медленно, что их легко было обогнать на велосипеде, скоростные грузовые поезда из Нового Орлеана проносились мимо с бешеной скоростью, не всегда даже можно было успеть прочитать, что написано на бортах крытых вагонов.

Они решительно взгромоздили тележку на рельсы и покатили ее сначала медленно, а потом все быстрей и быстрей. Хилли постоянно оглядывался, он боялся, что из-за грохота колес тележки и перекрестного хора лягушек они не услышат звука приближающегося поезда, пока он не окажется у них прямо за спиной. Видимо, Харриет чувствовала то же самое, поскольку он услышал, с каким облегчением она вздохнула, когда вдали показались огоньки освещенной трассы.

Перетащив тележку через переезд, они остановились у обочины шоссе. Мимо на огромной скорости промелькнула машина, и оба от испуга отпрыгнули назад. Оглянувшись несколько раз и удостоверившись, что больше машин нет, Харриет и Хилли покатили тележку через пустую дорогу, через пустыри, через коровье пастбище, изборожденное колеями от колес тракторов, и наконец прибыли к месту назначения. Целью их экспедиции была эстакада, проходящая над Лайн-Роуд. Никто не ходил по эстакаде, да и кому это было нужно? Она никуда не вела и начиналась ниоткуда.

Сначала они хотели спрятать кобру в лесу, но памятуя о своей неудачной охоте, побоялись лезть в лесные заросли с тяжелой корзиной. Можно было бы спрятать ее на одном из пустующих складов, но на всех зданиях, даже самых разрушенных, красовались надписи «НЕ входить».

Что ж, бетонная эстакада в этом смысле была идеальным местом для хранения кобры, к тому же с обеих сторон она была закрыта метровыми бортиками, за которыми можно было спрятаться от случайных прохожих (хоть и крайне маловероятных).

Сопя и пыхтя от напряжения, они втащили тележку на самый верх — здесь гулял приятный прохладный ветер, и Харриет подставила ему разгоряченное лицо. Хилли заметил, что она уже не выглядит такой

несчастной, как раньше, и это почему-то наполнило его бесшабашной радостью.

Вдали раздался протяжный свисток паровоза.

— Матерь божья, — сказал Хилли. — Еще восьми часов нет!

Харриет не ответила, подошла к ограждению эстакады и, облокотившись на него, поглядела в сторону железной дороги. С головокружительной скоростью товарный экспресс вылетел из-за поворота, гремя колесами, пронзительно свистя и громыхая на стыках рельсов. А ведь не прошло и пятнадцати минут, как они везли тележку по этим самым рельсам! Колени у Хилли ослабели, а в животе стало холодно и пусто.

Змея в корзине дернулась, и оба вздрогнули и взглянули на нее.

— Ну что ты, милая,— примирительно обратилась Харриет к кобре. — Не волнуйся, все будет хорошо…

— Надо торопиться, — сказал Хилли. — Гроза собирается.

Вдвоем они стащили корзину с тележки и осторожно задвинули ее между мешками с цементом, оставленными рабочими. Харриет притащила еще один мешок с цементом и загородила корзину с третьей стороны. Потом они пошли на поиски маскировочных средств, для этих целей подошел пустой мешок из-под цемента, который они набросили на корзину сверху, закрепив вокруг камнями, чтобы его не унесло ветром. Отряхнув ладони о шорты, оба отступили назад, чтобы полюбоваться на творение рук своих.

— Ей тут будет хорошо, — неуверенно произнесла Харриет. — Змеям же не надо есть каждый день, правда? Надеюсь, она хорошенько напилась вчера.

Сверкнула молния, гораздо ближе, чем раньше, и следом за ней послышалось ворчание грома.

— Эй, давай вернемся длинной дорогой, — сказал Хилли, откидывая волосы со лба.

— Почему? Поезд из Чикаго еще не скоро.

— Через полчаса пойдет.

— Мы успеем.

— Как хочешь,— решительно заявил Хилли.— Я не собираюсь опять тащиться по путям. Я пойду по шоссе.

Последовало молчание.

— А что ты будешь делать с тележкой?

— Да здесь оставлю, она же мне не нужна.

— А если ее кто-нибудь найдет?

— Кто? Сюда никто не ходит.

— Ну ладно, пошли.

Они сбежали с эстакады, чувствуя, как ветер играет в волосах, и какое-то время бежали по инерции, пока не добежали до шоссе. Здесь они перешли на быстрый шаг.

— Эй, Харриет, — сказал Хилли, — спорим, я быстрее добегу до того

столба?

Он чувствовал себя настоящим воином, грубым, мужественным, завоевателем планеты. К тому же Харриет уже не была такой напряженной и даже смогла пару раз улыбнуться его шуткам. Вприпрыжку они вбежали в город и тут, прячась в боковых улочках и скрываясь за помойными баками, дошли до здания кино.

— Фильм уже давно идет, — высокомерно сказала им девица за окном билетной кассы.

— Неважно, — ответил Хилли, протягивая ей два доллара.

Девица открыла пудреницу, проверила в зеркальце, все ли прыщи остались в наличии, и нарочито медленно пошла открывать им двери в зал. Как раз в этот момент они услышали пронзительный гудок — это подходил к станции пассажирский из Нового Орлеана.

— Когда-нибудь нам тоже надо будет туда прокатиться, — сказал Хилли, толкая Харриет в плечо. — Ну и вечерок!

Харриет отвернулась от него, скрестила руки на груди и оглядела улицу. Небо разорвал низкий рык грома, и в тот момент, как высокомерная девица открыла им двери в зал, на землю упали первые тяжелые капли дождя.

— Гам, ты сможешь сама вести «транс Ам»? — спросил Дэнни. Он был под кайфом и парил, парил так высоко над землей, что с этой высоты Гам казалась старым высохшим кактусом, красным кактусом в своем летнем платье с цветами. «Цветочный кактус, — сказал он себе, усмехнувшись, — красный бумажный кактус, сиди на месте, поняла?»

Гам, как будто услышав команду, несколько минут постояла на одном месте, жуя губами.

— Вести-то его не проблема, — сказала она наконец, — да только что-то уж больно низко он у тебя сидит. С моим артритом...

— Ладно, — пропел Дэнни с высоты птичьего полета, — я отвезу тебя в город, чтобы ты могла исполнить свой долг, да только машина от этого выше не сядет, ха-ха-ха...

— Ну что ж, — мирно сказала бабка, — давай отвези меня. Хоть немного отработаешь эти свои водительские права — мы на них и так чуть не разорились.

Медленно-медленно она протянула свою коричневую высохшую лапку и положила ее Дэнни на рукав, а потом поковыляла рядом с ним к машине — через двор, где Фариш, сидя на своем любимом стуле, разбирал на запчасти телефонный аппарат. Дэнни вдруг пришло в голову, что все в его семье особенные, все понимают природу вещей. Кертис видел в людях только хорошее, он был как сама Любовь; Юджин видел во всех Божье начало; он, Дэнни, мог проникать в мысли людей и даже иногда предвидеть будущее, а Фариш, по крайней мере до операции, знал, что движет и управляет людьми, и всегда умел этим пользоваться.

Гам не любила радио, и они какое-то время ехали в молчании. Дэнни с наслаждением слушал, как урчит мощный мотор его великолепной машины, представляя себе, как все части ее изящного металлического тела работают слаженно, как единое целое.

— Да, — безмятежно произнесла Гам, — я всегда боялась, что из твоей работы водителя ничего не выйдет.

Дэнни ничего не сказал, но воспоминание о днях, проведенных за рулем грузовика, больно кольнуло в сердце. На самом деле те дни, до второго ареста, были самыми счастливыми в его жизни — у него была работа, он был как все, уважаемый человек, играл на гитаре, вечерами болтался по барам, обнимался с девчонками. Когда это было? Всего три года назад, а кажется, целая вечность прошла с тех пор.

Гам вздохнула.

— Ну и хорошо, что так получилось, — сказала она, — а то ты так до смерти и водил бы этот грузовик.

«Ну и что? — хотел сказать ей Дэнни, — лучше, что ли, дома торчать целый день?» Бабушка всегда насмехалась над его работой.

«Дэнни не много ожидает от жизни, — говорила она. — И правильно, Дэнни, меньше будешь ждать, меньше расстроишься». Она была глубоко убеждена, что от жизни надо ждать как можно меньше, и это убеждение с детства вдалбливала в головы внуков.

«Человек человеку — волк» — еще одна мудрость Гам, которую Дэнни усвоил вполне крепко.

— Я вот говорила Рики Ли, — продолжала Гам, удовлетворенно складывая на коленях покрытые язвами и незаживающими ссадинами руки и разглаживая подол красного платья. — Когда он получил этот грант от баскетбольной команды в Дельте, помнишь? Он ведь тогда в колледж собрался, ни больше ни меньше. Так я и говорю ему: «И что теперь, ты будешь по ночам работать, чтобы скопить себе на жилье и еду, в то время как богатенькие мальчики будут насмехаться над тобой? Рики, ты слишком хорош для этого».

— Ну да, — пробормотал Дэнни, когда понял, что Гам ждет его реакции. Он помнил то время: Гам и Фариш вконец загнобили Рики Ли, так что он ушел из колледжа. И где же он теперь? В тюряге.

— Вот ведь придумал. В колледже днем, а работать ночью, и все для того, чтобы мяч гонять.

Дэнни сказал себе, что лучше сдохнет, чем повезет Гам завтра в город.

Харриет проснулась и несколько минут лежала, пытаясь сообразить, где она находится. Она опять легла спать, не раздеваясь и не приняв ванну, даже ноги не вымыла. Зевнув, она протерла заспанные глаза, встала, одернула футболку и спустилась вниз.

Ида Рью развешивала во дворе постиранное белье. Харриет некоторое время наблюдала за ней. Она хотела было принять ванну без

напоминания, чтобы порадовать Иду, но потом решила, что вид неумытой, грязной девочки должен был ясно показать Иде, на что она их обрекает своим уходом.

Ида с полным прищепок ртом умудрялась что-то напевать, развешивая наволочки.

— Ида, ты уволена? — напрямик спросила ее Харриет.

Ида вздрогнула, обернулась и вынула изо рта прищепки.

— С добрым утро, Харриет, — сказала она таким нейтрально-веселым голосом, что у Харриет упало сердце. — Ну и грязная же ты. Иди сюда и умойся поскорее.

— Так ты уволена?

— Нет, я не уволена, мэм. Просто я решила, — пропела Ида, возвращаясь к работе, — переехать в Хаттисберг и жить там со своей дочерью. Вот что я решила. Пора, давно уже пора.

Во рту Харриет стало сухо.

— А как далеко Хаттисберг? — Но она и сама знала, что Хаттисберг расположен от них за тридевять земель, где-то на берегу Залива.

— Там, далеко на севере, где растут сосны с длинными иглами, где все круглый год ходят в шубах. Я вам тут больше не нужна, — сказала Ида так небрежно, словно говорила о десерте или лишнем стакане кока-колы, который был не нужен Харриет. — Я, когда замуж вышла, чуть старше тебя была, а уж с дитем в животе.

Шокированная таким заявлением, Харриет посмотрела в сторону. Она терпеть не могла младенцев, и Ида это прекрасно знала.

— Да, мэм, — Ида рассеянно закрепила на веревке сорочку Шарлот. — Все течет, все меняется. Я вышла за Чарли Ти, когда мне стукнуло пятнадцать. Ты тоже скоро будешь замужем.

Спорить с ней не было никакого смысла.

— А что, Чарли Ти тоже поедет с тобой?

— Конечно, а куда он денется?

— А что ты там будешь делать?

— Не знаю, работать на кого-то другого, за другими детьми ходить.

Мысль о том, что Ида — ее Ида! — будет «ходить» за чужими детьми, была непереносима.

— И когда ты едешь? — холодно спросила ее Харриет.

— На следующей неделе.

Больше говорить было не о чем. Идино поведение ясно показывало, что разговаривать с Харриет она не хотела. Харриет повернулась и направилась к дому. Когда она подходила к кухне, на пороге возникла ее мать в голубом пеньюаре и попыталась поцеловать дочку в лоб. Харриет со злостью сбросила с себя ее руки и помчалась к задней двери.

— Харриет? Что с тобой, дорогая? — жалобно спросила вдогонку ей Шарлот. — Ты как будто сердишься на меня… Харриет?..

Харриет, не отвечая, протопала дальше. Ида с гневным изумлением взглянула на нее и вынула прищепки изо рта.

— Харриет! А ну-ка изволь ответить своей мамочке! — прогремела она тоном, который раньше заставлял Харриет мгновенно остановиться.

Но сейчас Харриет лишь с вызовом взглянула на Иду.

— Я больше не обязана тебя слушаться, — отчеканила она и прошла мимо, не останавливаясь.

— Пойми, Харриет, если твоя мама хочет уволить Иду, я не могу вмешиваться, — сказала Эдди.

Харриет попробовала поймать ее взгляд.

— Ну почему? — спросила она наконец, видя, что Эдди опять принялась делать пометки в блокноте. — Эдди, *почему нет?*

— Потому что не могу, — рассеянно ответила Эдди. Она пыталась решить, что из вещей надо упаковать для поездки в Чарлстон. Конечно, ее темно-синие замшевые мокасины были наиболее удобны для долгой ходьбы, но они как-то не шли к летним костюмам, которые она намеревалась взять с собой. К тому же она сердилась на Шарлот — девочка права, такое серьезное решение надо было в первую очередь обсудить с ней, Эдди.

Харриет подождала еще пару минут и снова спросила:

— Ну почему же ты *не можешь вмешаться,* Эдди?

Ее бабушка положила карандаш на стол.

— Потому, что это не мой дом.

— Не твой *дом?*

— И к тому же моего мнения не спросили. Но ты не волнуйся, малышка, — сказала Эдди уже веселее, наливая себе еще чашку кофе, — все в этом мире происходит к лучшему. Вот увидишь!

Тотчас же забыв о Харриет, она забормотала себе под нос:

— Ну почему я не купила летний костюмчик из этой новомодной ткани, которую не надо гладить? Так удобно для путешествия. Как я повезу льняные вещи? Они же будут совершенно жеваные… Впрочем, я могу повесить их прямо в машине… — Она смотрела не на Харриет, а куда-то в стену поверх ее головы, и совершенно не желала замечать пронзительные взгляды, которые бросала на нее внучка.

На заднем крыльце заскрипели ступеньки, и чей-то веселый голос воскликнул:

— Алло! Есть кто дома? — Серая неясная тень приникла к дверному стеклу. — Эдит, это ты там?

Другой голос, тонкий и бодрый, прощебетал:

— Глазам своим не верю! Неужели у тебя в гостях малютка Харриет?

Харриет вскочила из-за стола и подбежала к задней двери, чтобы впустить Тэт и Либби.

— А где Аделаида? — спросила Эдди у Тэт, которая добродушно улыбалась Харриет, глядя на нее сверху вниз круглыми карими глазами.

Тэт закатила глаза:

— Она зашла в магазин купить себе кофе без кофеина.

— Ой-ой, — пробормотала Либби с крыльца. Харриет обхватила ее за талию и уткнулась головой в ярко-розовую блузку. — Харриет, деточка, какое страстное приветствие.

— Харриет, отойди от Либби, не висни на ней! — строго прикрикнула Эдди.

Она подождала — с крыльца раздался нежный, тревожный голосок Либби:

— Деточка, а ты уверена, что у тебя нет температуры?

— Силы небесные, — сказала Тэт. — Да этот ребенок опять плачет!

— Либби, сколько ты платишь Одеон в неделю?

— Господи Иисусе, почему ты спрашиваешь?

Эдди поднялась из-за стола и решительно промаршировала на крыльцо.

— Это не твое дело, — сказала она Харриет. — Отвяжись от Либби и вернись в дом.

— О нет, Эдит, она мне вовсе не мешает, — сказала Либби, поправляя очки и глядя на Харриет с тревожным недоумением.

— Твоя бабушка имеет в виду, — начала Тэт (она чуть не с рождения выполняла важную функцию: перефразировала резкие высказывания сестры, «делая их более пригодными для человеческого общения», по ее собственным словам), — что невежливо задавать людям вопросы о деньгах.

— В этом нет ничего страшного, — примирительно сказала Либби. — Харриет, я плачу Одеон тридцать пять долларов в неделю.

— А мама платит Иде только двадцать. Это ведь несправедливо, верно?

— Ну, — Либби поморгала, сняла очки и протерла их, — я не знаю. Твоя мама, конечно, лучше знает, но…

— Ах, Либби, какая у тебя прелестная стрижка, — перебила ее Эдди. Она уже устала от бесконечного обсуждения вопросов о домработницах и их проблемах. — Кто тебя так подстриг?

— Миссис Райан, — застенчиво сказала Либби, поднося руку к виску.

— Какие же мы все стали седые! — радостно взвизгнула Тэт. — Теперь одну сестру от другой не отличишь!

— Харриет, а тебе нравится прическа Либби? — строго спросила Эдди. — *Харриет!*

Харриет упрямо молчала, глядя в сторону и стараясь сдержать слезы.

— А я знаю маленькую девочку, которой тоже не помешало бы подстричься, — игриво промурлыкала Тэт. — Что, ты все так же стрижешься в мужской парикмахерской или мамочка отправляет тебя теперь в салон красоты?

— Глупости, — сказала Эдди. — Мистер Либерти стрижет ее ничуть не хуже, а берет за это в два раза меньше. Тэт, тебе следовало сказать Аделаиде, чтобы она не заходила в магазин. Я ей купила целую упаковку

растворимого какао в пакетиках, я же говорила ей..

— Но она же теперь не ест сахара!

Эдди отодвинулась и насмешливо взглянула на сестру:

— Это почему же? Он что, тоже делает ее *дикой?*

С недавнего времени именно по этой причине Аделаида перестала употреблять кофе.

— А в чем дело? Если ей хочется пить кофе без кофеина, что в этом плохого?

— Ничего! — фыркнула Эдди. — Я вовсе не жажду увидеть, как Аделаида вдруг сделается *дикой*.

— Что-что? — спросила Либби с недоумением. — Что вы там говорите про *дикость?*

— А ты не знаешь? Нынче Аделаида у нас не пьет кофе. Потому что *от кофе она делается дикой.* Разве она сама тебе не говорила?

— Эдит, я тоже люблю иногда выпить кофе без кофеина, — сказала Тэт. — Но, конечно, не то что я не могу без него жить…

— Но мы же не в джунгли собрались! Почему она не может купить его в Чарлстоне? Зачем таскать банки в чемоданах, когда можно…

— Так ты же сама купила целую упаковку горячего шоколада *для себя*…

— Ты же знаешь, как рано наша Адди поднимается по утрам, — мирно прощебетала Либби. — Наверное, она просто не хочет нас будить по дороге, выпьет себе утром чашечку…

— Но ведь я для того и купила этот проклятый шоколад!

— Так дашь его мне, я обожаю шоколад. Как это чудесно! — воскликнула Либби, хлопая в ладоши и глядя на Харриет с радостным волнением. — В это время на следующей неделе мы уже будем в Южной Каролине. Я так волнуюсь!

— Да-да, — подхватила Тэт, — твоя бабушка нас туда отвезет. Она такая молодчина!

— Либби, Ида Рью уходит от нас, — несчастным голосом сказала Харриет.

— Уходит? — Либби последнее время стала плохо слышать, сейчас она вопросительно взглянула на Эдди, ожидая разъяснений. — Харриет, дорогая, говори немножко громче, хорошо?

— Ида Рью — их домработница, — объяснила Эдди. — Она уходит, и Харриет из-за этого расстроена. А я ей говорю, что все образуется, что в мире нет ничего постоянного…

— О, милочка, — сказала Тэт. — Как это тяжело для тебя. Ида ведь была с вами так долго!

— Бедняжка Харриет! — воскликнула Либби. — Милая, ты ведь любишь Иду, правда? Так же как я люблю Одеон.

Тэт и Эдди за ее спиной закатили глаза, и Эдди сказала:

— Мы все знаем, как сильно ты любишь Одеон. Даже *слишком сильно*.

Тэт хихикнула: леность Одеон была среди сестер притчей во языцех, она только и делала, что сидела в кресле, жалуясь на здоровье, а Либби хлопотала вокруг, наливала ей лимонад и мыла посуду.

— Одеон со мной уже много лет, — твердо сказала Либби, розовея, — она часть моей семьи, мы с ней неразлучны еще со старого дома, и господи прости, у вас что, нет сердца? Она ведь совершенно больной человек.

— Она пользуется тобой, Либби, — проговорила Тэт.

— Дорогая, — отчеканила Либби, лицо которой стало совсем розовым, под цвет блузки, — наверное, ты не помнишь, что Одеон вынесла меня из дома, когда я лежала с пневмонией и даже двигаться не могла. Да, она вынесла меня на своей спине! И несла всю дорогу до больницы!

Эдди не удержалась:

— Что ж, наверное, это было последнее, что она сделала в твоем доме.

Либби повернулась к Харриет и поглядела на нее с сочувствием:

— Бедняжка! Ужасно быть ребенком, правда? Все время зависеть от других.

— Что ж, совсем скоро наша Харриет вырастет, — вмешалась Тэт. — Правда, малышка? И у тебя будет свой дом, и тогда ты можешь забрать к себе Иду, и все будет хорошо.

— Глупости! — сказала Эдди. — Она очень скоро забудет об этой истории.

— Никогда! — вскричала Харриет так громко, что сестры переполошились. — Я никогда, никогда не забуду об этом!

Она вырвалась из рук Тэт и сломя голову бросилась бежать прочь. Эдди подняла бровь, как бы говоря: «Представляете, и так продолжалось все утро!»

— Боже мой, — сказала Тэт, проводя рукой по волосам.

— По правде говоря, я считаю, что Шарлот совершает большую ошибку, — сказала Эдди. — Но я не могу все время вмешиваться. Пора Шарлот самой нести ответственность за свои решения.

— А как же девочки? — спросила Либби. — С ними-то что будет?

— Либби, вспомни себя — ты осталась одна с маленькими сестрами на руках и больным отцом, когда сама был немногим старше.

— Да, это так, но сейчас все по-другому... Эти дети гораздо чувствительнее нас...

— Да всем было наплевать на нашу чувствительность, и ничего, мы выжили.

— Что это случилось с малышкой Харриет? — воскликнула напудренная и напомаженная Аделаида, грациозно поднимаясь на крыльцо. — Она промчалась мимо меня, только пыль летела столбом, даже не поздоровалась.

— Пойдемте-ка внутрь. — Эдди посмотрела в безоблачное небо,

солнце уже начинало припекать. — Я поставлю кофе. Для тех, конечно, кто от кофе не *звереет*...

— Ах боже мой! — воскликнула Аделаида, нагибаясь и вдыхая запах только что расцветших нежно-розовых лилий. — Эдит, я не знала, что у тебя растет такая прелесть!

— Эти зефирные лилии? Я выкопала луковицы, когда они совсем погибали, но я вымочила их в марганцовке, и смотри, как им тут понравилось...

— Они просто прелестны, — мечтательно протянула Аделаида. — Помните, мама называла их «розовый дождь»? Кстати, Эдит, ты не могла бы вскипятить для меня немного воды? Я не могу пить кофе, от кофе я становлюсь...

— *Дикой?* — Эдди подняла бровь. — Нам, право, вовсе не хочется, чтобы ты *одичала,* Адди.

Хилли прочесал все окрестности, но Харриет нигде не было. У нее дома царила странная, даже для семейства Кливов, атмосфера. Никто не открыл ему дверь. Он толкнул ее плечом и прошел на кухню — там за столом, забравшись на стул с ногами, сидела Алисой и горько всхлипывала, а Ида Рью, повернувшись к ней спиной, вытирала ложки, делая вид, что ничего не слышит. Ни одна из них не сказала Хилли ни слова, они даже не посмотрели в его сторону.

Он решил попытать счастья в библиотеке. Миссис Фосетт, звеня браслетами, с энтузиазмом замахала ему рукой, но Хилли, помахав ей в ответ, быстро прошел в читальный зал. Конечно, Харриет была там: сидела, положив на стол острые локти и уткнувшись в огромную книгу.

— Алло, Харриет! — страшным шепотом зашипел он ей в ухо. — Ты представляешь? Машина Дэнни Ратклиффа припаркована у здания городского суда!

Его взгляд упал на огромную книгу, которая на самом деле оказалась подшивкой старых газет. Он с испугом взглянул на старую черно-белую фотографию, занимающую половину полосы: на ней мать Харриет стояла с перекошенным лицом, рот у нее был широко открыт, а на переднем плане кто-то смазанный тащил носилки, видимо, в карету скорой помощи. Заголовок гласил: «Трагедия матери в День матери».

— Эй, постой-ка, — произнес он вдруг, тыча пальцем в фотографию. — Это же твой *старый дом!*

Харриет молча захлопнула подшивку и указала рукой на табличку с надписью «Разговоры запрещены».

— Давай, пошли, — горячо зашептал ей Хилли, толкая рукой под бок. Не говоря ни слова, Харриет поднялась и пошла следом за ним к выходу.

Они вышли из прохлады библиотеки и остановились на тротуаре.

— Я точно знаю, машина его, — тараторил Хилли, прикрывая глаза от солнца рукой. — У нас в городе только одна «транс Ам» такого цвета.

Если бы он не оставил ее прямо напротив *суда,* я бы подложил ему битого стекла под колесо.

Харриет подумала об Алисон и Иде — сидят, наверное, сейчас в гостиной и смотрят свои глупые сериалы.

— Ну что, принесем змею? — спросила она.

— Да ты что, — Хилли мгновенно остыл. — Как мы ее оттуда потащим? Все же увидят.

— Тогда какой смысл в том, что мы ее украли? — горько сказала Харриет. — План был в том, чтобы кобра укусила этого подонка.

Они постояли еще минуту, а потом Харриет вздохнула и сказала:

— Ладно, я пошла назад.

— Подожди!

Она повернулась.

_ Знаешь, что я тут подумал? — Вообще-то Хилли ничего не подумал, но подругу надо было чем-то задержать. — Я подумал... вот что! У этой машины откидной верх. И я тебе ручаюсь, что он поедет домой через Кантри-Лайн-Роуд. Все эти придурки живут там, у реки.

— Точно, — медленно протянула заинтересовавшаяся Харриет. — Он там живет, это правда. Я посмотрела в «Желтых страницах».

— Ну вот, а змея-то уже там.

Харриет скорчила гримасу.

— Да ладно тебе, — сказал Хилли, подталкивая ее локтем в бок, — ты что, телик не смотришь? Помнишь, была передача про каких-то отмороженных подростков, которые швыряли камнями в машины с эстакады? Два человека даже погибли тогда. Диктор еще предупреждал водителей, чтобы они перестраивались в другой ряд, если увидят на эстакаде людей, представляешь?

Харриет вопросительно взглянула на него.

— Ну пошли, чего кукситься? Где твой велосипед?

— Я пришла пешком.

— Так садись на руль, я тебя отвезу туда, только, чур, ты повезешь меня назад.

Жизнь без Иды. «Если бы Иды не было вообще, — думала Харриет, сидя по-турецки на пыльной, выбеленной солнцем эстакаде, — так я бы и не переживала. Значит, все, что нужно, — это представить себе, что ее никогда не было. Просто!»

Харриет подумала, что с уходом Иды в доме ничего особенно не изменится. Ее присутствие всегда было не слишком заметным. Бутылка соуса Каро, которым Ида поливала оладьи; красная пластмассовая кружка — Ида насыпала в нее колотый лед и так и ходила с ней целый день, попивая талую воду; еще фартук, висящий на заднем крылечке, да жестяные банки из-под томатного соуса с рассадой огурцов и помидоров. Ах да! Еще Идин огород.

Вот и все, и если эти знаки исчезнут, то и все следы пребывания

Иды Рью в их доме пропадут навсегда. Харриет чуть не заплакала, представив заброшенный, заросший сорняками огород.

«Нет, я буду за ним ухаживать, — сказала она себе, — закажу еще семян по телефонному справочнику». Она будет ходить в соломенной шляпе и коричневом комбинезоне, как у Эдди, а потом совершит открытие в мире ботанике. Но она будет скромна, хоть и гениальна, вырученные от премий и призов деньги раздаст беднякам.

В голову ей пришли потерянные красные перчатки, и сердце опять больно сжалось. Как же она могла? Потерять единственный Идин подарок... «Нет, — приказала она себе твердо, — не смей думать об этом! Никуда они не денутся, сами уйти не могли, ты их найдешь».

При свете дня пейзаж выглядел не так, как ночью, коровьи пастбища были тусклые, коричневатые, кое-где трава совсем отсутствовала, только вдоль изгородей тянулись ярко-зеленые ленты зарослей крапивы. Над пастбищами беззвучно кружили три огромных черных грифа.

«Я всегда буду помнить этот день, — подумала Харриет. — День, когда ушла Ида, будет таким в моей памяти, и эти черные крылья на безоблачном небе, и этот воздух, который вкусом напоминает сухое стекло».

Хилли сидел напротив нее, скрестив ноги, и рассматривал какой-то комикс. Глаза у него слипались, хотя первые полчаса он безотрывно следил за дорогой и каждый раз при виде приближающегося грузовика кричал ей: «Ложись!»

С большим трудом Харриет заставила себя отвлечься от горестных мыслей и думать о своем огороде. Это будет лучший в мире огород, а потом она вырастит целый сад с фруктовыми деревьями и подстриженными изгородями, а капусту будет сажать в шахматном порядке. И постепенно сад займет весь их участок, а потом и участок миссис Фонтейн... И проезжающие мимо горожане будут останавливать машины и задавать ей вопросы, перевесившись через забор, а она, в белом халате и резиновых перчатках, стоя между своих идеальных грядок с измерительным прибором в руках, будет вежливо беседовать с ними... Она назовет его «Мемориальный сад Иды Рью»... Нет, конечно, не «мемориальный», а то всем покажется, что Ида умерла.

Внезапно грифы сложили крылья и камнем упали вниз куда-то за соседний бугор. Вдалеке послышалось урчание мотора, Харриет приложила руку к глазам, потом позвала:

— Хилли!

— А? Что? — Комиксы полетели в сторону. Хилли протер глаза и на четвереньках подобрался к ней поближе. — Ты уверена?

_ Да, это он. — Она тоже опустилась на четвереньки и поползла к противоположной стене, где стояла корзина с коброй.

Хилли, прищурившись, наблюдал за дорогой. Поначалу ему казалось, что машина едет слишком медленно для «транс Ам», но вдруг

солнце блеснуло на ее бронзово-металлической поверхности, и он узнал характерные обводки и по-акульи хищную пасть радиатора.

Хилли быстро нырнул за ограждение и присел на корточки: только сейчас ему пришло в голову, что Ратклиффы всегда ходили вооруженными до зубов. Спотыкаясь и кряхтя от натуги, они с Харриет подтащили корзину к краю эстакады и взгромоздили на бортик так, чтобы можно было легко поднять крышку.

Хилли оглянулся — «транс Ам» не ехал, а буквально полз по дороге. «Чего он так тормозит? Неужели он увидел нас?» — мелькнуло у него в голове, но «транс Ам» не остановился, а скрылся под эстакадой.

— Давай! — выдохнула Харриет над его ухом. — Раз, два, пошли...

Они откинули крышку, перевернули корзину над дорогой и с силой тряхнули ее. Дальше Хилли наблюдал за событиями, как в замедленной съемке. Кобра выскользнула из корзины, отчаянно мотая в воздухе хвостом, тщетно пытаясь выровнять тело, и полетела вниз. Харриет выпрямилась с мстительным выражением лица и, обеими руками держась за перила, посмотрела на дорогу.

— Бомбы сброшены, сэр, — сказала она.

Хилли тоже облокотился на парапет, наблюдая за змеиным полетом. «Черт! Мы промахнулись!» — промелькнуло у него в голове, как вдруг «транс Ам» вылетел из-под эстакады прямо под их ногами. Змеиный хвост наискось скользнул по откинутой крыше и сполз на заднее сиденье, затянув за собой на пол машины все змеиное тело. Хилли и Харриет отпрянули от бортика и в остолбенении уставились друг на друга. Хилли опомнился первый.

— Ураа!!! Победа! Наша взяла! — Он ударил Харриет по спине, схватил ее за руку и потряс, тыча пальцем в «транс Ам», который со скрежетом затормозил и теперь неровными толчками приближался к левой обочине. Он все-таки сумел удержаться и не съехать в широкую и глубокую канаву, отделяющую обочину от фермерских полей. В клубах пыли машина остановилась, и, прежде чем дети успели опомниться, водительская дверца распахнулась и на дорогу выкатился вовсе не Дэнни Ратклифф, но какое-то странное существо: высохшее, бесполое, древнее, завернутое в ярко-красное летнее платье. Существо, царапая себя сухими ручками и издавая жалобные крики *«Айииииииии!!!!»,* засеменило вдоль дороги. Крики были странно бестелесными, скорее птичьими, чем человеческими, а с плеча существа свисала кобра — почти два метра упругого черного тела, заканчивающегося узким, но удивительно сильным хвостом, который выбивал из дороги клубы красной пыли.

Харриет застыла на месте, завороженная этим зрелищем. Она все ожидала увидеть, но только не такую картину. Что-то не сработало в ее плане, но в жизни, в отличие от игры, невозможно было сложить кубики по-другому и начать игру заново. Она повернулась и что было сил помчалась прочь. За ее спиной раздалось шуршание гравия — это Хилли

оседлал велосипед. Через секунду обогнал ее, яростно крутя педали, буквально лег в поворот и полетел по шоссе к городу — теперь каждый отвечал только за себя. Сердце Харриет готово было выскочить из груди, но она мчалась, подгоняемая слабыми криками, полными беспомощного отчаяния: *«Аййииииии... аййййиии...»* Небо беспощадно голубело над ее головой. Харриет перепрыгнула через изгородь, скрылась с головой в густой траве и, вскочив, устремилась к лесу. В висках ее билась кровь, голова кружилась, колени тряслись. Харриет желала лишь одного — перенестись назад хоть на десять минут, а лучше на десять дней или даже на десять лет... «Дело дрянь», как сказал бы Хилли, поскольку именно туда дорога ей была заказана, хотя только там, в прошлом, она чувствовала бы себя по-настоящему счастливой.

Кобра с облегчением скользнула в густые заросли крапивы, отделяющей одно пастбище от другого. Окружение и климат здесь были под стать жарким степям ее родины, где она охотилась в основном на крыс и мелких грызунов. Здесь она очень быстро адаптировалась к местным условиям, научилась инспектировать содержимое мусорных баков, подстерегать свою добычу у сараев и зернохранилищ и вскоре превратилась в настоящую местную достопримечательность. Многие годы в окрестных барах фермеры рассказывали друг другу страшные истории о настоящей индийской кобре двухметровой длины, обитавшей в этих краях. Зеваки, туристы, фотографы, охотники неоднократно предпринимали попытки выследить ее, чтобы убить, поймать или сфотографировать, но она прожила свою молчаливую одинокую жизнь в спокойствии и благополучии и умерла естественной смертью, когда пришло ее время.

— А почему тебя с ней не было? — в десятый раз спрашивал Фариш, сидя на пластиковом стуле в комнате ожидания перед палатой реанимации. — Почему, я спрашиваю, ты сам не отвез ее домой?

— Откуда мне было знать, что она так рано освободится? Она должна была вызвать меня из Пул-Холла. Когда я пришел на площадь в пять вечера, ее уже не было... «Да старая ведьма и меня оставила без машины», — добавил он про себя. Дэнни пришлось идти на мойку и вызывать Кэтфиша, чтобы тот отвез его домой.

Фариш сипло дышал через нос, пытаясь успокоиться, но у него плохо получалось.

— Тебе следовало ждать там, не отходить от нее.

— Где? На площади у суда? Стоять там целый день?

Фариш выругался.

— Я так и знал — рано или поздно что-то случится. А почему ты не повез ее в грузовике, а? Почему?

— Потому что она сказала, что не может забираться в грузовик, вот почему! Слишком высокие ступеньки. *Слишком высокие,* — повторил

он медленно и громко, глядя в расширившиеся глаза Фариша.

— Я слышу! — буркнул Фариш, отворачиваясь.

Гам была в реанимации — в обеих руках торчали катетеры, присоединенные к капельницам, кардиодыхательный аппарат мерил ее давление и считал пульс. Ее подобрал на шоссе водитель грузовика. Увидев престарелую даму с коброй на плече, он выскочил из кабины, схватил отрезок гибкого резинового шланга и, хорошенько размахнувшись, скинул кобру на землю. Больше он ничего не успел сделать — Гам без чувств повалилась ему на руки, а змея стремительно скользнула мимо и исчезла в густо заросшей травой придорожной канаве.

_ Ей же богу, ничего подобного в жизни не видел, — делился он своими впечатлениями с дежурным врачом отделения интенсивной терапии доктором Бридлавом. — Настоящая кобра с капюшоном и всеми делами, чтоб я сдох! Я видел картинку на коробке с дробью.

Доктор Бридлав недоверчиво крякнул и открыл «Медицинскую энциклопедию». К его изумлению, Гам действительно демонстрировала все признаки отравления ядом кобры: паралич верхних век, пониженное давление, боли в груди и затрудненное дыхание. Вокруг укуса не было особой опухоли, как при укусах гадюки, и похоже, чудовище не смогло слишком сильно вонзить в старуху зубы из-за толстых подплечников платья.

Доктор Бридлав тщательно вымыл под краном розовые руки и вышел к мрачной группе внуков, толпившихся под дверями реанимационной палаты.

— Где она? — высокий грузный мужчина бросился к нему, сверля его недобрым взглядом. — Дайте мне поговорить с ней.

— Сэр, *сэр!* — Доктор Бридлав успел поймать Фариша за рукав. — Боюсь, что сейчас это невозможно. Сэр? Прошу вас, подождите вон там, в зале ожидания.

— А как же Гам?

— Она сейчас отдыхает, все равно она вас не услышит. Если не хотите ехать домой, по крайней мере ведите себя тихо. Утро покажет, что к чему.

— Что вы там с ней делаете? — угрожающе заворчал Фариш.

Доктор Бридлав прочел ему небольшую лекцию об опущении верхнего века, свидетельствующем о нарастающем параличе, об отсутствии отека в зоне поражения и о серьезных кардиореспираторных проблемах пациентки. Вообще-то, из «Медицинской энциклопедии» доктор Бридлав узнал, что укус кобры смертелен примерно в 50 процентах случаев и что существует антидот, который необходимо вводить в кровь немедленно после укуса (конечно, в их больнице ничего похожего на антидот не было), так что старушке придется выкарабкиваться самой. Учитывая ее предыдущий анамнез, доктор был уверен, что до утра миссис Ратклифф не доживет.

Харриет повесила трубку, поднялась наверх, без стука вошла в комнату матери и встала у изножья кровати.

— Завтра я уезжаю в лагерь Селби, — объявила она.

Шарлот опустила на грудь журнал выпускников Академии, который она изучала, и молча посмотрела на дочь.

— Я уже договорилась с Эдди. Она меня завтра отвезет.

— Что?

— Вторая смена уже началась, и они сначала не хотели меня брать, но потом даже дали Эдди скидку.

Харриет замолчала, бесстрастно ожидая, что скажет мать. Вообще-то ей было совершенно наплевать, скажет Шарлот что-нибудь или нет, поскольку этим делом теперь занималась Эдди. И как бы Харриет ни ненавидела лагерь Селби, все же он был лучше, чем школа для несовершеннолетних преступников или исправительный лагерь.

Харриет позвонила бабке, когда паника завладела ею целиком, вытеснив остатки прочих чувств. Она принеслась домой, не чуя под собой ног, под аккомпанемент разносившейся по дороге полицейской сирены. Вбежав в дом, она заперлась в ванной комнате на первом этаже, бросила грязные вещи в корзину для белья и забралась в ванну. Сидя в остывающей воде, она с замиранием сердца прислушивалась к возникающим за дверью звукам, — пару раз ей показалось, что хлопала входная дверь, потом — что кто-то громко топает по коридору. Господи Иисусе, что она будет делать, если придет полиция?

Цепенея от ужаса, она оделась и на цыпочках прошла в гостиную, отодвинула кружевную занавеску и выглянула наружу. На улице она никого не увидела, но притаилась за занавеской и стала ждать, не зная, что предпринять. Тут вдалеке снова раздались звуки сирены — похолодев, Харриет бросилась к телефону и импульсивно набрала номер Эдди.

Надо отдать ей должное, Эдди не стала задавать лишних вопросов, а сразу взяла быка за рога: Харриет даже почувствовала к ней проблеск былой привязанности. Эдди сразу же позвонила в лагерь, пробилась сквозь заслон хамоватых телефонисток и поговорила с самим директором лагеря доктором Вэнсом. Через десять минут она уже звонила Харриет с инструкциями, что взять с собой, как получить справку о здоровье, и велела быть готовой к отъезду к шести утра. Она вовсе не забыла про лагерь, просто, видимо, устала бороться с Харриет и ее матерью, которая в этом вопросе всегда брала сторону дочери. Эдди была уверена, что проблемы Харриет кроются в отсутствии нормального контакта с другими детьми и что общение с маленькими отпрысками истинных христианских семей вкупе с железной дисциплиной лагеря может сделать с ее нелюдимым, мрачным характером настоящие чудеса.

Мать еще какое-то время молчала, потом отложила журнал в сторону.

— Что ж, — растерянно сказала она, — это как-то очень неожиданно. Мне казалось, в прошлом году ты ненавидела этот лагерь.

— Мы уедем завтра рано утром, ты еще будешь спать. Я думала, тебе следует знать.

— А что это ты так туда рвешься? — спросила Шарлот.

Харриет, не отвечая, дернула плечом.

— Что ж... Я тобой горжусь, — не зная, что сказать, пробормотала Шарлот. Она только сейчас заметила, что Харриет совершенно черная от загара и худа как щепка. «В кого она пошла? Эти прямые черные волосы и такой упрямый подбородок...».

— А интересно, — сказала она вслух, — куда делась эта книжка про маленького Гайавату, помнишь, с картинками? Она все время лежала в гостиной на диване...

Харриет, все так же молча, повернулась и вышла из комнаты. За дверью она столкнулась с Алисон — видимо, та подслушивала. Алисон последовала за Харриет в их комнату и остановилась на пороге. Харриет, не обращая на нее внимания, открыла ящики и начала выбрасывать на кровать толстые носки, трусы, зеленую рубашку с логотипом лагеря, оставшуюся с прошлого года...

— Что ты натворила? — спросила Алисон.

— Ничего! — Харриет на секунду застыла. — С чего ты взяла, что я что-то натворила?

— Ты выглядишь так, будто у тебя серьезные неприятности.

После паузы Харриет отвернулась и с пылающим лицом продолжала собираться.

— Ты помнишь, что Ида уходит от нас?

— Мне теперь на это наплевать.

— Если ты уедешь, ты больше ее никогда не увидишь.

— Ну и что? — Харриет сунула кеды в рюкзак и стукнула по ним кулаком. — Она ведь на самом деле не любит нас.

— Я знаю.

— Ну и почему я должна переживать?

— Потому что *мы* ее любим.

— *Я* ее ненавижу, — быстро сказала Харриет. Она застегнула рюкзак на молнию и швырнула его на кровать.

В гостиной Харриет достала лист бумаги и написала Хилли письмо:

Дорогой Хилли!

Я завтра уезжаю в лагерь. Надеюсь, что лето ты проведешь весело. Может быть, на будущий год мы будем с тобой в одной группе на продленке.

Твой друг

Харриет К. Дюфрен

Не успела она закончить, как зазвонил телефон. Харриет помедлила, но после третьего звонка опасливо взяла трубку.

— Ну и дела, чувиха! Ты слышала, что тут творится? — голос его звучал как будто со дна океана — наверное, опять надел свой дурацкий шлем.

— Я только что написала тебе письмо, — устало сказала Харриет. — Эдди завтра везет меня в лагерь.

— Что? С ума сошла? Ни в коем случае! Что я тут один буду делать?

— Я не могу здесь оставаться.

— Так давай убежим!

— Невозможно. — Большим пальцем ноги Харриет протерла яркую черную точку в пыли под резным телефонным столиком.

— А что, если нас кто-то видел? А? Харриет, ты куда пропала?

— Я слушаю.

— А что будет с моей тележкой?

— Не знаю. — Тележка так и осталась на эстакаде вместе со змеиной корзиной.

— Мне что, пойти забрать ее оттуда?

— Ни в коем случае. Тебя могут увидеть. Там что, написано твое имя?

— Да нет, что ты! Я ею вообще не пользуюсь. Харриет, а кто это был?

— Понятия не имею.

— Эта черт-ее-знает кто — она была совсем старая…

Последовало молчание — взрослое молчание, непохожее на обычные паузы в их болтовне, когда у одного из них мысль заканчивалась и он ждал ответной реплики в приятном предвкушении продолжения разговора.

— Ладно, мне пора идти, — сказал Хилли. — Мама готовит *тако* на ужин.

— Здорово.

Они опять помолчали.

— А что случилось с теми подростками, о которых ты рассказывал?

— С какими подростками?

— Ну с теми, что швыряли в машины камнями.

— А, с этими? Их поймали.

— И что с ними было?

— Не знаю. Наверное, отправили в тюрьму.

За этим последовало еще одно долгое молчание.

— Я пошлю тебе открытку, чтобы тебе было что почитать в этом Лагере смерти, — сказал Хилли. — Если что-нибудь произойдет, я тебе напишу.

— Нет, ни в коем случае. *Ничего не пиши.* Ни слова об этом!

— Да я никому не расскажу!

— Я знаю, что ты специально не расскажешь, — раздраженно сказала Харриет, — просто даже не заикайся об этом, понял?

— Может, мне тоже стоит с тобой поехать? — несчастным голосом сказал Хилли. — Я боюсь, понимаешь? А вдруг это была бабушка Кертиса?

— Слушай меня внимательно. Никому ни слова! А если кто-нибудь начнет приставать…

— Если она бабушка Кертиса, значит, она бабушка и других, понятно? Дэнни, Фариша и этого ужасного проповедника… — он вдруг разразился визгливым смехом. — Мама родная, *они же меня убьют!*

— Точно, — серьезно подтвердила Харриет, — если не будешь держать язык за зубами. Но если мы будем молчать…

Она вдруг вздрогнула — в дверях гостиной стояла Алисон и слушала ее, склонив голову на плечо.

— Черт, не хочу, чтобы ты уезжала, — голос Хилли едва слышался на другом конце провода. — Не могу поверить, что ты едешь в этот мерзопакостный баптистский лагерь.

Харриет демонстративно отвернулась от сестры и шикнула в трубку, показывая, что не может говорить, но Хилли ничего не понял.

— Черт, неужели это была его бабка? Господи, *пожалуйста,* хоть бы это был кто-то другой!..

— Я должна идти. — Почему свет так печально падает на стену? Харриет показалось, что сердце ее сейчас разорвется от тоски. В зеркале напротив отражалась часть стены (потрескавшаяся штукатурка, темные фотографии в тусклых рамах) и пятно плесени в углу потолка. Харриет слышала неровное дыхание Хилли на другом конце провода. В доме Хилли не было места грусти, его мама бегала по дому в шортиках, переделанных из старых джинсов, и готовила ему *тако* на ужин.

— Знаешь, мама записала меня в группу к мисс Эрликсон на будущий год, — мрачно сказал Хилли, — так что мы не часто будем теперь встречаться.

Харриет безразлично хмыкнула, пытаясь замаскировать боль, причиненную этим новым предательством. Сама она ходила в группу к миссис Хакни, старой подруге Эдди, именуемой среди школьников «Тупой Башкой», и на будущий год собиралась пойти к ней же. Если Хилли выбрал другую группу продленного дня, это значило, что они практически не будут пересекаться.

— Мисс Эрликсон крутая. Мама говорит, что она ни за что на свете не отдаст свое чадо на растерзание Тупой Башке второй год подряд… Она такая добрая, все разрешает и… Иду! — крикнул он на чей-то голос. — Ну все, — сказал он Харриет, — мне пора. Время ужина. Потом я тебе опять позвоню.

Харриет зажала черную трубку коленями и сидела так, пока в трубке не запищало. Она водрузила ее на рычаг, пытаясь не заплакать. Даже Хилли, с его писклявым голосом и вечными глупостями, был для нее почти потерян. И что ей остается? Ничего. Кто поймет ее одиночество, безысходность, холод? Кто знает об этом, кому до этого есть дело?

Впоследствии Харриет часто вспоминала этот день. Он ознаменовал собой конец ее предыдущей жизни, пусть тоже не особо радостной, но, по крайней мере, несущей в себе иллюзию возможного счастья, поворотный пункт, после которого она попала под настоящий камнепад разнообразных неприятностей. Ей казалось, что она давно зачерствела, но она оказалась совершенно не готовой к тем испытаниям, что ждали ее впереди. И до конца своей жизни Харриет будет жалеть, что у нее не хватило мужества в тот последний день Идиной службы подойти к ней, сесть на пол и положить голову ей на колени. О чем они могли бы поговорить? Она об этом никогда не узнает. Долгие годы ее мучило то, что она тогда так трусливо сбежала, не выяснив до конца отношений с самым дорогим для нее человеком. Ее терзало, что все началось, по сути, с ее неосторожных слов, а больше всего она горевала о том, что не попрощалась с Идой. Ослепленная обидой, горечью и страхом, она не очень понимала, что больше не увидит Иду *никогда в жизни.* И когда Харриет в отчаянии сидела перед телефоном, прислушиваясь к гулкой пустоте у себя в груди и ожидая, когда приступ смертельной тоски пройдет, она еще не подозревала, что скоро эти ощущения станут для нее привычными.

Глава 6
Похороны

В наши дни самым важным в жизни было гостеприимство, — рассказывала Эдди. Ее сильный чистый голос без усилия заглушал теплый ветер, рвущийся в машину. Она величественно, не посигналив, перестроилась в левый ряд, подрезав груженный лесом грузовик.

Олдсмобиль был тяжеленной старинной машиной с красивыми обводками и плюшевой обивкой сидений. Эдди купила его еще в 1950-е в салоне полковника Чипа Ди. В обширном промежутке между Эдди и Харриет, сжавшейся около окна, помещались летняя соломенная сумка Эдди, термос с кофе и картонная коробка с пышками.

— В нашем «Доме Семи Невзгод», к примеру, родственники жили месяцами, и никому бы в голову не пришло их упрекнуть, — продолжала Эдди. На этом шоссе скорость была ограничена пятьюдесятью пятью милями в час, но Эдди двигалась с обычной неторопливостью: сорок миль в час, и не мили больше.

В зеркало заднего вида Харриет заметила, как водитель грузовика хлопает себя по лбу и делает нетерпеливые движения ладонью.

— Ну так вот, я говорю о наших кузенах из Мемфиса и о других кузенах и кузинах из Батон-Ружа. Мисс Олли, и Жюль, и Мэри Виллард. И крошечная тетя Флаффи!

Харриет мрачно смотрела в окно на проплывающий мимо пейзаж — лесопилки, сосновые рощи, освещенные розовым утренним светом. Она была голодна и очень хотела пить, но из питья Эдди взяла с собой

только кофе, который Харриет ненавидела, а пышки были совсем черствые — Эдди почему-то всегда покупала вчерашние, хотя они были дешевле лишь на пару центов.

— У мамы была небольшая плантация где-то рядом с Ковингтоном. — Эдди, не глядя, нащупала салфетку, величественным жестом вынула пышку из коробки (прямо-таки царица за завтраком!) и откусила большой кусок. — Либби возила нас туда, мы гостили неделями. У мисс Олли был маленький гостевой домик с печкой, и мы обожали там играть.

Ноги у Харриет затекли, и она поерзала на сиденье, пытаясь найти удобное положение. Они ехали уже три часа, солнце давно взошло, и в машине стало душно. Раз в полгода Эдди решала продать олдсмобиль или обменять его на современную модель с кондиционером и работающим радио, но всегда передумывала в последнюю минуту, в основном чтобы позлить молодого Дайла. Ей было приятно видеть, как он заламывает руки и танцует вокруг нее — ему, мол, непереносимо смотреть, как такая респектабельная леди, столп и опора баптистской церкви, ездит на развалюхе двадцатилетней давности. Когда в его салон поступали новые модели, мистер Дайл непременно приглашал Эдди на тест-драйвы, а то и лично пригонял сверкающий автомобиль к дому Эдди: «Попробуйте новую модель „кадиллака“, игрушка, а не машинка!» Эдди, посмеиваясь, соглашалась попробовать, притворялась, что ей все нравится, но, когда дело доходило до подписания контракта, обнаруживала какую-нибудь мелкую неисправность, а если таковой не оказывалось, беззастенчиво придумывала ее.

— И до сих пор на номерах штата Миссисипи пишут «Гостеприимный штат», но я тебе вот что скажу: все это южное гостеприимство давно умерло вместе с нашими прадедами...

— Эдди, грузовик за нами хочет тебя обогнать. — Водитель, видимо, совсем извелся и издал протяжный гудок.

— Ну и пусть. И куда это он так торопится со своими дровами?

Пролетающие мимо песчаные холмы и бесконечные сосновые леса разительно отличались от привычного Харриет пейзажа и болезненно напоминали ей, как далеко от дома они заехали. Даже люди в обгонявших их машинах были другие — широколицые, с красной от загара кожей, в одежде фермеров, непохожие на жителей Александрии. Харриет нахмурилась. Что подумает Ида, когда придет на работу, а ее там не будет? Проглотив слезы, Харриет уткнулась лбом в теплое стекло. Может быть, Ида поймет, как сильно она обидела Харриет, может быть, она поймет, что не стоило сразу грозить увольнением, даже если тебе что-то не понравилось... У обочины шоссе старый негр в очках бросал корм рыжим цыплятам, он приветственно поднял руку навстречу их машине, и Харриет почему-то помахала ему в ответ.

Она также волновалась о Хилли. Он-то сам был уверен, что его имени на тележке не могло быть, но что будет, если они все-таки найдут

его? При этой мысли ее чуть не стошнило, и она вытерла вспотевшие руки о только что выстиранные шорты.

Харриет очнулась от тревожных мыслей, когда машина, взвизгнув тормозами, резко повернула и запрыгала по ухабам, а ее отбросило на дверь, и она больно ударилась головой о выпирающую железную ручку.

— Извини, дорогая, — весело сказала Эдди, — указатели написаны таким мелким шрифтом, что, того и гляди, проскочишь мимо, не заметив.

Они покатили по гравиевой дороге. Харриет вовремя поймала тюбик губной помады, выкатившийся из сумочки Эдди («Вишня в снегу» было написано на донышке), и сунула его в плетеную сумку.

— Да-с, мэм, мы и правда приехали в графство Джонс, — игриво воскликнула Эдди. Ее профиль, высвеченный солнцем, отчетливо выделялся на фоне окна — резковатый, почти девический. Только покрытые веснушками руки да линия шеи отчасти выдавали ее возраст. В белоснежной блузке и юбке в клетку она была похожа на полную энергии корреспондентку в погоне за «большим» репортажем.

Внезапно лес расступился, и слева показалось большое поле. При виде обшарпанных скамеек, провисшей волейбольной сетки и истоптанной травы вокруг нее сердце Харриет упало. Несколько старших девочек играли в тетербол, изо всех сил лупя битами по мячу, их звонкие хлопки и утробное уханье громко отдавались в утренней тишине. На информационной доске большими буквами от руки было написано:

СПОРТСМЕНЫ ЛАГЕРЯ СЕЛБИ!
НАС НИЧТО НЕ ОСТАНОВИТ!

Горло Харриет сжалось. Она внезапно поняла, какую ужасную ошибку совершила.

— Эдди, — тихо и жалобно сказала она. — Я не хочу здесь оставаться. Давай поедем домой.

— *Домой?* — Эдди даже не удивилась, скорее развеселилась. — Что за ерунда! Ты чудно проведешь тут время.

— Ну *пожалуйста.* Я ненавижу этот лагерь.

— В самом деле? Зачем же ты сюда так рвалась?

Харриет замолчала, ее глаза раскрывались все шире при виде забытых ужасов, которые ожидали ее в ближайший месяц: клочья пожухлой коричневой травы, пыльные сосны, желтовато-рыжая дорога, — как она могла забыть, что ей тут было отвратительно-плохо, что она ненавидела каждую минуту своего пребывания в лагере?

— Ну, Эдди, пожалуйста, — быстро сказала она, — я передумала, давай вернемся!

Эдди, не выпуская руля, повернулась и уставилась на внучку своими светло-зелеными глазами (Честер когда-то назвал ее взгляд «точным

выстрелом», поскольку в его время такой же взгляд был у солдат, прицеливающихся из винтовки). Глаза Харриет («точный мини-выстрел», по словам Честера) были абсолютной копией бабушкиных — такие же светлые и холодные, и Эдди было неприятно смотреть в миниатюрное отражение собственного взгляда. Она не заметила ни печали, ни отчаяния в лице внучки, усмотрев в ее просьбе только дерзость невоспитанного ребенка.

— Не говори глупостей, — сказала она жестко и вовремя взглянула на дорогу, иначе обе оказались бы в канаве. — Тебе здесь будет хорошо. Через неделю ты будешь кататься по земле и умолять меня оставить тебя в лагере еще на одну смену.

Харриет с изумлением посмотрела на нее.

— Эдди, — проговорила она, — тебе бы тоже здесь не понравилось. Ты бы не согласилась остаться с этими людьми и на один день даже за миллион долларов!

— Ой*, Эдди!* — взвизгнула ее бабушка писклявым фальцетом, передразнивая Харриет. — *Пожалуйста, отвези меня назад! Отвези меня назад в лагерь!* Вот что ты скажешь, когда придет время уезжать.

Харриет, не веря своим ушам, уставилась на Эдди.

— Никогда, — смогла она наконец выговорить, — никогда я не скажу так.

— Скажешь-скажешь, — пропела Эдди противным, искусственно бодрым голосом, который Харриет ненавидела. — Еще как скажешь.

Внезапно прямо над их ухом раздался резкий звук кларнета — что-то среднее между ослиным ревом и боевым кричем японских самураев: это их приветствовал доктор Вэнс. Доктор Вэнс (к слову сказать, не настоящий доктор медицины, раньше он служил кларнетистом в Христианском оркестре) был невысокого роста, с кустистыми бровями и большими, как у мула, зубами. Он активно участвовал в молодежном баптистском движении, а тетушка Аделаида как-то отметила его поразительное сходство с Сумасшедшим Шляпником со знаменитой иллюстрации Тенниела к «Алисе в Стране чудес».

— Дамы, приветствую, — хрипло закричал он, чуть не по пояс влезая в открытое окно Эдди, — восхвалим Господа вместе!

— Добрый день, доктор Вэнс, — церемонно сказала Эдди, которая, по правде говоря, терпеть не могла все эти евангелические учения. — Вот, привезла вашу маленькую подопечную. Наверное, надо ее поселить, а потом мне пора трогаться в обратную дорогу.

Доктор Вэнс влез еще дальше в окно и осклабился в сторону Харриет. Его лицо было какого-то темно-бурого цвета. Харриет исподлобья посмотрела на него, отметив про себя грубые волосы, торчащие из носа, и коричневые пятна на зубах.

Доктор Вэнс картинно отшатнулся, будто опаленный выражением лица Харриет. Он поднял руку, понюхал у себя под мышкой и

подмигнул Эдди.

— Фу-ты ну-ты, — сказал он, — впрочем, возможно, я забыл сегодня воспользоваться дезодорантом.

Харриет упрямо глядела себе на колени. «Даже если я буду здесь жить, — твердо решила она, — я не обязана притворяться, что мне здесь нравится». Доктор Вэнс требовал, чтобы все его подопечные были такими же шумными, общительными, вечно возбужденными, как и он сам, ну а к тем, кто не хотел или не мог вписаться в атмосферу лагеря естественным путем, применялись специальные меры. *«Что это с тобой, а? Ты что, не любишь смеяться над собой?»* Если ребенок был тих по натуре, доктор Вэнс не оставлял его в покое ни на минуту: внезапно обливал холодной водой, заставлял плясать перед всеми в костюме цыпленка или гоняться по грязи за намазанной жиром свиньей.

— Харриет, — сказала Эдди после неловкой паузы. Впрочем, особой строгости в ее голосе не было, доктор Вэнс и ее выводил из себя, и Харриет это прекрасно знала.

Доктор Вэнс выдул еще одну раздирающую уши ноту из кларнета, а когда Харриет не отреагировала, снова просунул голову в окно машины и показал ей язык.

«Я в стане врагов», — повторила себе Харриет. Ей придется занять круговую оборону и ни на минуту не забывать, из-за чего она здесь оказалась. Каким бы мерзким местом ни был лагерь Селби, в эту минуту надежнее убежища ей не найти.

Доктор Вэнс присвистнул, Харриет подняла на него глаза (он бы все равно не отстал, пока бы не привлек чем-нибудь ее внимание), и он выпятил нижнюю губу в жалком подражании мине грустного клоуна.

— Кто жалеет себя, тот всегда одинок, — сказал он. — Знаешь почему? А? Потому что места другому в его сердце нет.

Харриет вспыхнула и взглянула через его плечо — там вереница девочек в купальных костюмах понуро брела куда-то босиком по рыжей пыли.

«Да, наше племя горцев разгромлено, вожди наши пали, — сказала она себе. — Я покинула вересковые поля родины и бежала к неверным».

— Что, проблемы дома? — услышала она вопрос Вэнса.

— Конечно нет, — высокомерно ответила Эдди. — Скорее у самой Харриет проблемы с общением.

— Ну, это не страшно, — обрадованно проговорил доктор Вэнс. — С этим мы легко справляемся в лагере. Несколько пробежек в мешках из-под картошки, пара-тройка «ночей смеха» — и все пройдет.

«Ночи смеха»! Обрывки воспоминаний закрутились в голове Харриет: украденные трусы, вода в кровати («Ой, девочки, смотрите, Харриет описалась!»), презрительные смешки в столовой: «Нет, сюда нельзя садиться, здесь занято!»

— Ах, вы только поглядите, кто к нам приехал! — развязной

походкой модели к ним направлялась жена доктора Вэнса. Она любила, чтобы дети называли ее просто Пэтси и вели себя с ней запанибрата, но на самом деле была ничуть не лучше мужа, просто совсем в другом роде: постоянно всюду совала свой нос, выспрашивала, выпытывала и задавала кучу бестактных вопросов о телесных функциях, мальчиках и тому подобной ерунде. Девчонки за глаза презрительно называли ее Нянькой.

— Ах ты, золотко! — Нянька протянула руку в салон и больно ущипнула Харриет за шею. — Как поживаешь, кукла? Ну, ты и выросла!

— Здравствуйте, миссис Вэнс. — Харриет подозревала, что Эдди нравилась эта вульгарная особа только потому, что на ее фоне сама Эдди выглядела еще более рафинированной и аристократичной.

— Ах, да вылезайте же из машины и пойдемте в наш офис! — миссис Вэнс всегда говорила с неестественным оживлением, будто постоянно участвовала в телешоу. — Солнце мое, — обратилась она к Харриет, — в этом году, я знаю, ты не будешь драться с девочками, так, пупсик?

Доктор Вэнс в свою очередь кинул на Харриет такой тяжелый взгляд, что она даже поежилась.

В комнате ожидания городской больницы Фариш метался из угла в угол, снова и снова воспроизводя сцену покушения на Гам. Братья провели у двери реанимационной палаты уже более суток и ужасно устали от голоса Фариша и его немыслимых схем, поэтому только механически кивали в ответ, тупо глядя в телевизор, по которому показывали мультики.

— Сиди тихо, не двигайся, — громогласно вещал Фариш, словно обращаясь к незримой Гам. — Мне плевать, пусть она хоть на коленях у тебя лежит. Если не будешь двигаться, она тебя не укусит, поняла?

— Фариш, — громко позвал Юджин, очнувшись от дремы, и скрестил затекшие ноги. — Гам вела машину, забыл?

Фариш грозно сдвинул густые брови и бросил на брата испепеляющий взор.

— Уж я бы не пошевелился, — сказал он, — я бы затаился тихо, как мышка. Только ты пошевелишься, она — раз! — и бросится, потому как думает, что ты ей угрожаешь.

— Да что ей было делать, Фариш? Чертова змея упала на нее прямо с небес!

Внезапно Кертис захлопал в ладоши и стал тыкать пальцем в телевизор.

— Гам! — закричал он радостно.

Братья, как один, повернулись к телевизору и через секунду Юджин и Дэнни разразились истерическим хохотом. На экране пес Скуби-Ду и группа молодых людей проходили через заброшенный старый замок. На стене, среди топоров и труб, висел ухмыляющийся скелет, непостижимым образом страшно похожий на Гам. Внезапно он

соскочил со стены и бросился на пса, который, скуля и поджав хвост, принялся улепетывать от него по всему залу.

— А-ха-ха-ха, — едва мог выговорить Юджин, — наверное, так она выглядела, когда бегала по дороге со змеей.

Он осекся, упершись в тяжелый взгляд Фариша. Кертис, почувствовав, что совершил промашку, сжался на стуле. В этот же момент дверь распахнулась, и на пороге возник доктор Бридлав.

— Ну, молодые люди, — сказал он, — поздравляю! Ваша бабушка пришла в сознание. Мы отсоединили ее от дыхательного аппарата.

Фариш упал на стул и спрятал лицо в ладонях.

— Хотите поговорить с ней?

Братья торжественно проследовали за ним в комнату, полную таинственных аппаратов, трубок, счетчиков и мониторов, к занавеске, за которой лежала Гам. Как ни странно, выглядела она не хуже обычного, если не считать верхних век, полуопущенных из-за мышечного паралича.

— Даю вам минуту, — сказал доктор, энергично потирая руки. — Не надо ее утомлять.

— Гам, это я, — хриплым от сдерживаемых эмоций голосом прошептал Фариш, нагибаясь над кроватью.

Веки Гам затрепетали, она сделала слабый знак рукой.

— Кто это с тобой сотворил? — громче спросил Фариш и нагнулся ухом к ее губам.

После нескольких мгновений она прошептала:

— Я не знаю. — Ее голос шелестел, как сухие листья. — Я только заметила каких-то детей на эстакаде.

Фариш ударил кулаком в раскрытую ладонь другой руки и отошел к окну.

— При чем тут дети? — спросил Юджин. — Это кто-то из отморозков, Портон Стилз или Бадди Рибалз. Все говорят, что у Бадди есть список неугодных, которых он убирает.

— Нет, — с неожиданной проницательностью заявил Фариш. — Это не они. Все началось тогда в твоем доме, Юджин.

— В моем? — Юджин задохнулся от возмущения. — Ты хочешь сказать, это *я* виноват?

— Ты что, думаешь, это Лойял сделал? — спросил Дэнни.

— Как он мог это сделать? Он уже неделю назад уехал!

— Но змея-то *его*.

— Это вообще была твоя идея пригласить его ко мне, — дрожа от обиды, сказал Юджин. — Я теперь боюсь дома показаться — вдруг опять напорюсь на змеюку?

— Знаешь, Фариш, что *меня* беспокоит? — задумчиво проговорил Дэнни. — Кто разбил нам лобовое стекло? Если они искали продукт…

Он осекся, заметив взгляд Юджина.

— Ты думаешь, это Долфус? — спросил Фариш. — Непохоже, это не

его стиль. Он бы просто вспорол тебе брюхо.

— Я все думаю о той девчонке, что пришла к нам ночью, — пробормотал Дэнни.

— Я тоже, — встрепенулся Фариш. — Откуда она взялась, черт подери? Гам, — он обернулся к кровати: — ты видела детей, говоришь? Черных или белых? Сколько их было?

Гам пожевала губами и слабо прошептала:

— Я не помню... Особо не смотрела... Ты же знаешь, глаза-то у меня не очень. Только когда я бежала по дороге, я слышала, как кто-то смеялся.

— Эта девчонка была на площади, когда мы с Лойялом говорили проповедь, — сказал Юджин Фаришу. — Я ее хорошо помню. Она еще на велосипеде приехала.

— Да нет, не было у нее велосипеда, — вмешался Дэнни. — Она потом убежала.

— Я хочу с ней поговорить, — заявил Фариш. — Как, ты говоришь, ее звали?

— Она промямлила что-то невнятное — то ли Мэри Джонс, то ли Мэри Джонсон.

— Черт! Соврала, конечно. Слушай, Дэнни, а ты узнаешь ее?

— Да, — мрачно заявил Дэнни.

— Ну что же, — Фариш неловко потрепал Гам по плечу. — Я сам займусь этим делом. Я найду тех, кто сделал это с тобой, Гам. И тогда они пожалеют, что на свет родились.

Идины последние дни напоминали Алисон последние дни Винни: те бесконечные часы слез, которые она провела на полу в кухне Эдди, обняв руками коробку с умирающей кошкой, прислушиваясь к ее коротким неровным вдохам. Так же, как и Винни когда-то, Ида уже не была рядом с ней, с каждым часом она отдалялась все больше и больше, и Алисон приходила в отчаяние от того, что она не в силах задержать Иду, не в силах ничего изменить. Только предметы, казалось, понимали ее — тяжелые портьеры рыдали, ковры вздыхали, фарфоровые балерины в стеклянных сервантах отчаянно махали руками: «вернись! вернись!», даже дедушкины часы вместо боя издавали сдавленные стоны.

Ида завершала то, что ей еще оставалось сделать по дому. Она приготовила несколько разных блюд — гуляш, тушеного цыпленка, запеканку, — тщательно завернула в фольгу и убрала в морозильник. Она разговаривала спокойно, иногда тихонько напевала и не казалась особенно грустной, но только почему-то никак не хотела взгля- | нуть Алисон в глаза. Однажды Алисон показалось, что Ида плачет.

— Ты плачешь? — спросила она.

Ида вздрогнула от неожиданности, приложила руку к груди и улыбнулась.

— Ну, ты напугала меня!

— Тебе не грустно, Ида?

Но Ида покачала головой и снова принялась за работу, а Алисон отправилась плакать в свою комнату. Позже она сожалела, что не провела тот час вместе с Идой, но стоять рядом и смотреть, как Ида протирает тряпкой шкафчики, повернувшись к ней спиной, было слишком тяжело.

Алисон собрала все деньги, которые у нее были (что-то около тридцати долларов), и накупила Иде подарков: несколько банок консервированного лосося, которого Ида очень любила, кленовый сироп, чулки с широкими резинками, дорогое английское мыло, хорошенькую красную зубную щетку, тюбик полосатой пасты и даже большую банку комплексных витаминов.

На чердаке она нашла красивую красную коробку с елочными игрушками, вытрясла их, отнесла коробку к себе и, усевшись на пол, начала упаковывать в нее подарки. Она услышала шаги матери в холле (легкие, беззаботные), и через минуту Шарлот просунула голову к ней в комнату.

— Как пусто дома без Харриет, правда? — спросила она. Ее лицо блестело от крема. — Хочешь, пойдем ко мне, посмотрим телевизор?

Алисон покачала головой. Она немного удивилась — десять вечера, а мать ходит по дому, да еще хочет смотреть телевизор!

— А что ты делаешь? Пойдем посидим вместе, — сказала мать, когда Алисон ничего не ответила.

— Хорошо, — сказала Алисон и послушно поднялась с пола.

Мать смотрела на нее как-то странно, и Алисон в который раз почувствовала, что один ее вид вызывает у Шарлот приступ тоски — ведь она могла бы сейчас разговаривать не с ней, а с сыном. Хотя Шарлот всеми силами пыталась скрыть разочарование, Алисон ощущала его практически кожей — мать постоянно, неосознанно, сравнивала ее с Робином, и каждый раз это сравнение было не в пользу Алисон. Поэтому Алисон делала все, чтобы как можно реже встречаться с матерью, но теперь, без Иды и Харриет, это стало очень сложно.

— Знаешь, я ведь не заставляю тебя идти ко мне, если тебе этого не хочется, — произнесла мать. — Просто подумала, что хорошо было бы нам посидеть вдвоем.

Щеки Алисон пылали, она молча уставилась в пол. Когда мать ушла, она опять села на ковер и закончила паковать подарки Иде. Оставшиеся после покупок деньги она положила в конверт вместе с набором марок, своей школьной фотографией и адресом, красивым почерком написанным на листочке кремовой бумаги. Затем она закрыла коробку и перевязала ее зеленой лентой.

Алисон проснулась под утро — очнулась от кошмара, который часто мучил ее, — белая стена в нескольких сантиметрах от ее лица, желтое грозовое небо, а ей как будто не сдвинуться с места, — и немного

полежала в темноте, глядя на красную коробку, стоящую у изголовья. Потом встала, вытащила из коробки с рукодельем булавку и мелкими буковками выколола сбоку секретное послание Иде:

ИДА, МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ. ВОЗВРАЩАЙСЯ К НАМ, ИДА.

Дэнни ни за что не признался бы в этом, но он наслаждался жизнью без Гам. Во-первых, без ее постоянных подначек Фариш стал гораздо менее агрессивен и не так бросался на братьев по любому поводу. Во-вторых, Дэнни мог поесть по-человечески, ему до смерти надоели жирные обеды, которые готовила Гам, и эти бесконечные посиделки, которые почти никогда не обходились без скандала. Ну а в-третьих, он смог наконец-то вычистить кухню Гам, отскоблить шкафчики от застывшего жира, вымыть грязные окна, пол и стены так, что даже Фариш заметил, насколько чище и уютнее стала кухня. Конечно, он продолжал нюхать мет, так же как и Фариш, и даже больше, чем раньше, но утешал себя мыслью, что это ненадолго, очень скоро все изменится.

Вечерами он беседовал с Фаришем. Спиды подхлестывали их так, что им на все хватало времени — и на работу, и на разговоры, и даже на мысли. А мыслей было больше чем достаточно. Странные события последних дней, атаки на мормонский дом и на Гам занимали ум Фариша постоянно, и вечера проходили в бесконечных обсуждениях. Вдвоем братья посетили место преступления, они нашли там пустую корзину, маленькую красную тележку и кучу детских следов вокруг.

— Наверняка это она, маленькая сучка, — проговорил Фариш, — клянусь, я убью ее своими руками! — Он постоял задумавшись, уперев руки в боки и глядя на шоссе.

— О чем ты думаешь? — спросил его Дэнни.

— Думаю о том, как она смогла дотащить сюда эту корзину.

— На тележке.

— Ну а вниз по ступеням как она ее стащила? И потом, если она украла змею, зачем пришла к нам потом?

— Дети, — философски заметил Дэнни, — полные придурки!

— Ну, тот, кто это сделал, не был придурком. Чтобы провернуть такой трюк, потребовалось черт-те сколько выдержки и даже смелости.

— Или просто удачи, — пробормотал Дэнни.

Фариш вдруг быстро поднял голову и взглянул на Дэнни так, что тот недоуменно нахмурился.

— Ты чего, Фариш?

— Ты-то ведь не думал навредить Гам, правда?

— Да ты что говоришь? — Дэнни даже зашелся от возмущения. — Господи Иисусе!

— Она ведь старая женщина, никому зла не делает.

— Да знаю я! — крикнул Дэнни, отбрасывая с лица прядь волос.

— Я просто пытаюсь понять, кто еще знал, что Гам едет в машине одна.

— Почему? — тупо спросил Дэнни. В растерянности он перевел взгляд на брата. — Она просто сказала, что не поедет в грузовике, слишком высоко ей забираться. Я тебе говорил. Да спроси ее, если не веришь.

— А мне?

— Что — тебе?

— Мне ты ведь не думаешь навредить?

— Нет, — Дэнни попытался сказать это ровным и спокойным голосом. На самом деле ему очень хотелось послать своего братца с его тухлыми разборками, гнилыми подозрениями и тупой башкой далеко и надолго. Это он, Дэнни, бегает с утра до вечера по поручениям Фариша, возит его на своей машине, служит ему, помогает ему, делает все, и что же? В ответ получает подачки — то десятку, то двадцатку, но это совсем не похоже на равноправное партнерство. Верно, какое-то время Дэнни был в экстазе от того, что ему не надо вставать ни свет ни заря, что можно кайфовать и, никому не отчитываясь в этом, болтаться в барах, пить и играть в бильярд. Однако последнее время он начал уставать от такой жизни, даже наркота ему приелась. Больше всего он хотел бы получить с Фариша свою долю бабла да уехать в другой город и начать новую жизнь. Но нет, куда там! Кто его отпустит, бесплатного раба? Только не Фариш, он-то хорошо устроился. Дэнни поморщился, когда брат вдруг больно сжал ему плечо.

— Найди это девчонку, — резко сказал Фариш, — не ешь, не спи, пока не найдешь. А когда найдешь, вытряси из нее все, что она знает. Даже если для этого придется свернуть ее чертову шею.

— Ну, если *она* уже видела колониальный Вильямсбург, ей наплевать, увижу *я* его или нет, — раздраженно проговорила Аделаида и отвернулась к окну.

Эдди глубоко вздохнула и сумела промолчать. Вчера ей пришлось везти Харриет в лагерь, поэтому она уже чувствовала себя уставшей, а сегодня с утра началась обычная канитель. Сначала они вернулись обратно, поскольку Либби не помнила, выключила ли она плиту, утюг и свет в ванной, потом полчаса ждали в машине Аделаиду, которая ни с того ни с сего решила погладить платье, затем Тэт на полпути из города вспомнила, что забыла часы на кухонном столе...

Из-за неорганизованности сестер они и так отставали от графика уже на два часа, а тут, не успели еще тронуться, Аделаида вдруг решила прокатиться в другой штат.

— Не беспокойся, Адди, мы и так многое увидим. — Тэт, напудренная, нарумяненная, облитая духами, открыла сумочку в поисках своего ингалятора от астмы. — Хотя жаль, конечно... Мы же все равно будем недолго...

Аделаида начала обмахиваться журналом «Достопримечательности Миссисипи», который она купила в дорогу.

— Если вам так душно сзади,— сказала Эдди,— почему не приоткроете окно?
— Я не хочу трепать волосы. Я их только что уложила.
— Ну, если только немножко,— сказала Тэт, наклоняясь, чтобы опустить окно.
— Стой! Тэт, не надо! Это же дверь!
— Да нет, Адди, вот *это* дверь, поняла?
Эдди сказала:
— Уж лучше с прической распроститься, Адди, чем задохнуться насмерть. Во всяком случае, я так считаю.
— Тут и так все окна открыты, — надувшись, заявила Аделаида, — меня уже на куски ветром разносит.
Тэт рассмеялась:
— Ну я-то свое окно не закрою!
— А я свое не открою! — упрямо пробурчала Аделаида.
Либби на переднем сиденье пошевелилась и сменила позу, | пытаясь устроиться поудобней. У Эдди от смеси запахов (все сестры пользовались разными духами) кружилась голова.
Внезапно Тэт взвизгнула:
— Ой! Где моя сумочка?
— Что такое? Что случилось? — загомонили сестры.
— Я не могу найти сумочку!
— Эдит, поворачивай назад,— сказала Либби.— Тэт забыла сумочку.
— Я не забыла ее! Я только что ее видела!
— В любом случае я не могу повернуть посреди улицы, — сообщила Эдди.
— Да где же она? Я ведь только что...
— Ох, Тэтти, ты же на ней сидишь,— усмехнулась Аделаида, вытаскивая сумочку из-под Тэт.
— Ну как, ты нашла свою сумочку, Тэт? — спросила Либби, пытаясь повернуться к сестрам.
— Да, Либби, душечка, все в порядке!
— Слава богу! Что бы ты без нее делала!
Аделаида громко, чтобы было слышно на переднем сиденье, сказала:
— Это мне напомнило ту сумасшедшую поездку в Натчез. Ты помнишь, Эдит? Я ее никогда не забуду.
— А уж я и подавно, — ответила Эдди.
Лет двадцать назад они поехали в Натчез праздновать Четвертое июля. Аделаида еще курила тогда и умудрилась устроить пожар в пепельнице, в то время как они мчались по шоссе.
— Ну и жара тогда была!
— Да уж, а руке моей как было жарко!
Горящая капля расплавленного пластика попала на руку Эдди,

которая пыталась одновременно вести машину, тушить пожар и удерживать Аделаиду, чтобы та не выпрыгнула на ходу. Эдди тогда пришлось проделать двести километров по жаре, не вынимая руки из стакана со льдом, в то время как Аделаида вертелась на сиденье и без конца жаловалась на все подряд.

— А помните, как мы в августе поехали в Новый Орлеан? Господи боже, я думала, живьем сварюсь в твоей машине, так было жарко. Я думала, ты, Эдит, посмотришь назад, а я уже лежу сваренная.

«Немудрено,— подумала Эдди,— ты ведь никогда окон не открываешь!»

— Да уж, — протянула Тэт, — а помнишь, Эдит, как мы проезжали «Макдоналдс» в Джексоне и ты попыталась сделать заказ мусорному баку?

Сестры так и покатились со смеху, а Эдди сжала зубы и сосредоточилась на дороге.

— Да мы просто сумасшедшие старушки, — сказала Тэт, — вот кто мы такие.

— Надеюсь, я ничего не забыла, — пробормотала Либби. — Мне все кажется, что я не закрыла кран на кухне.

— Бедняжка Либби, ты, наверное, не выспалась,— сказала Тэт, кладя руку на сухонькое плечо сестры.

— Глупости! Я в порядке. Я…

— Ну конечно не выспалась, — подхватила Аделаида. — Тебе нужно позавтракать.

— Прекрасная идея!— Тэт захлопала в ладоши.— Эдит, давай остановимся.

— Да вы что? Я и так хотела выехать в шесть часов утра! А если мы сейчас остановимся, мы и до обеда из города не выедем. Вы что, не поели дома?

Вдруг Аделаида сказала похоронным голосом:

— Боже мой! Ну все, Эдит, поворачиваем назад.

— Что еще такое?

— Я забыла взять свой кофе без кофеина!

— Ну ничего, купишь там.

— Что ты, Эдит! Она ведь уже купила *целую банку,* зачем ей еще одну покупать?

— К тому же, — добавила Либби, поднимая руки к щекам в приступе искреннего ужаса, — что, если его там *не продают?*

— Да его *везде* продают, даже в Африке!

— Вот что, Эдит, — сухо сказала Аделаида. — Мне не хочется с тобой препираться. Если ты не желаешь везти меня назад, просто останови машину, я здесь сойду.

Вне себя от раздражения, Эдди, не сигналя, резко бросила машину вправо, заехала в рукав шоссе и развернулась на площадке для паркинга.

— Господи, ну мы и путешественники! — весело воскликнула Тэт, съезжая на Аделаиду и хватаясь за ее руки, чтобы не упасть. Она только хотела объявить всем, что уже не переживает так из-за оставленных часов, как вдруг с переднего сиденья до нее донесся сдавленный возглас Либби и — БАМ! — олдсмобиль, получив сильный удар по пассажирской дверце, несколько раз повернулся вокруг своей оси и отлетел на другую сторону шоссе. Резкий звук сигнализации оглушил сестер, из носа Эдди потекла кровь, и сестры в изумлении уставились через разбитое лобовое стекло на поток проходящих мимо машин.

— Я прав, Харриет? *Харри-ет!*

Смех. К великому огорчению Харриет, кукла-болван, одетая в идиотский джинсовый костюмчик, обращалась именно к ней. Пятьдесят девочек разных возрастов собрались на лесной поляне, которую доктор Вэнс называл «наша часовня».

Сидящие в переднем ряду соседки по комнате (Донна и Джада), с которыми она подралась тем утром, разом обернулись и бросили на нее злобный взгляд.

— Эй, Зигги, не расстраивайся, — чревовещатель, инструктор школы для мальчиков, которого звали Зак, дружески потрепал своего болвана по плечу. Доктор Вэнс раз пятьсот рассказывал девочкам, что Зак так привязан к своему болвану, что всюду возит его с собой. Даже в годы учебы в университете Зигги был его соседом по комнате. Харриет уже тошнило от обоих — у болвана был страшный красный рот и огромные веснушки, которые выглядели как гноящиеся болячки. Сейчас, видимо передразнивая Харриет, голова Зигги закрутилась вокруг его шеи так, что веревочные волосы разлетелись вокруг.

— Эй, босс, и это меня называют болваном? — пронзительно завопил он.

Опять смех в рядах девочек, особенно громкий с переднего ряда. Харриет, красная от смущения, не сводила глаз с жирной шеи сидящей впереди девицы. Лифчик был ей явно мал, сверху на него нависали складки жира.

«Никогда в жизни не буду такой, — сказала себе Харриет. — Лучше умру от голода».

Шел десятый день ее пребывания в лагере, но ей казалось, что уже прошла вечность. Наверное, Эдди поговорила с инструкторами, поскольку доктор Вэнс постоянно выделял Харриет из числа других девочек, чем доводил ее до тихого бешенства. Однако Харриет прекрасно понимала, что основная проблема крылась в ней самой, в ее неспособности слиться с толпой и не привлекать к себе внимания. К моменту появления Харрит в лагере обитательницы ее вигвама уже разбились на пары по интересам, так что она осталась одна, — впрочем, это вполне устраивало девочку. Поначалу соседки не сильно ее доставали — правда, один раз она проснулась ночью и обнаружила, что

ее левая рука опущена в таз с теплой водой (существовало поверье, что при этом человек должен обмочиться), а в углу раздаются смешки и перешептывания. В другой раз отверстие унитаза в туалете затянули тканью, так что Харриет действительно вышла оттуда в мокрых шортах, к великой радости столпившихся у входа озорниц. Однако ничего другого она и не ожидала, да и к тому же подобные шутки были достаточно безличны. Другое дело, что ее бесконечно бесили тупые, недалекие девчонки, с которыми приходилось общаться, — они не читали книг, плохо говорили по-английски, употребляли блеск для губ с клубничным запахом и постоянно натирали себя маслом для загара. Все они были из других городов (девочки из Александрии размещались в соседних вигвамах, где для Харриет не хватило места). Их разговоры о каких-то мальчиках и учителях, которых Харриет не знала, были ей совершенно неинтересны.

Но все это было достаточно терпимо. Самое ужасное состояло в том, что Харриет оказалась абсолютно не готовой перейти в разряд «девочек-подростков», хотя в силу своего возраста она автоматически считалась таковой. Вэнсы, видимо, полагали, что подростковый возраст — это тяжелая болезнь, у которой одинаковые для всех симптомы, и назначали против них одинаковое лечение. Каждый день Харриет приходилось часа два выслушивать лекции на тему «я и мое тело», смотреть отвратительные порнографические фильмы про репродуктивную систему и телесные отправления и — ужас, ужас! — беседовать на темы общения с мальчиками, половой жизни и функционирования собственных «органов». Большего унижения она давно не испытывала! Иногда ей казалось, что ее рассматривают лишь как набор органов — все эти волосатые гениталии, отросшие груди, матки, яичники и прочая дребедень ничего, кроме жгучего чувства стыда, у нее не вызывали. Уж лучше умереть, смерть, по крайней мере, казалась ей более возвышенным состоянием — окончательным избавлением от плотских страданий и унижений.

Конечно, не все было так плохо, некоторые девочки из ее вигвама (например, Кристал и Марси) обладали хорошим чувством юмора, с ними можно было даже посмеяться, но в основной своей массе сверстницы пугали и раздражали Харриет. Почти все они были выше ее, полнее, с более развитыми телами, которые они постоянно обсуждали: мерились сиськами, обменивались опытом общения с мальчиками (кто с кем «лизался» и «обжимался») и страдали, по мнению Харриет, психическими заболеваниями разной степени тяжести. Например, когда Харриет, объясняя Ли Энн устройство нового спасательного жилета, сказала: «Ты, типа, ввинти этот болт сюда покрепче», та громко взвизгнула от смеха.

— Что *ввинтить,* Харриет? Куда тебе надо *ввинтить?*

— Харриет хочет, чтобы ей *ввинтили болт,* ха-ха-ха!

— Это совершенно нормальное слово, — ледяным голосом заявила

Харриет, но в ответ последовали лишь идиотские смешки.

— Ну-ка расскажи нам еще раз, Харриет, у тебя так хорошо получается. Что это значит? Что ей надо сделать?

Мерзкие девчонки со своими сиськами, волосами на лобках и вонючими подмышками, озабоченные, недалекие, одинаковые, хихикающие и толкающие друг друга локтями.

Тем временем Зак и Зигги перешли к проблеме алкоголя.

— Скажи мне, Зиг, ты стал бы пить что-нибудь мерзкое на вкус? То, что к тому же вредит твоему телу?

— Шутишь? Ни за что на свете.

— Однако, поверишь ли, на свете множество взрослых людей этим занимаются, и даже некоторые подростки так делают!

Болван, очевидно пораженный до глубины души, обвел взглядом аудиторию.

— Что, и эти подростки тоже?

— Может быть, потому что самые глупые подростки думают, что пить пиво это «типа, круто»! — Зак поднял вверх два пальца в знаке «V». Аудитория ответила нервным смехом. Харриет, у которой от сидения на солнце разболелась голова, почесала комариный укус на сгибе локтя. Слава богу, этот балаган скоро закончится, а потом — ура! — у нее целых два часа плавания!

Плавать девочкам разрешалось только два раза в неделю — по вторникам и четвергам, — единственное занятие, которое Харриет по-настоящему любила. В просторном лесном озере можно было всласть понырять, у поверхности вода была теплая, как парное молоко, но в глубине обдавала Харриет ледяными потоками, поднимающимися из родников. Когда Харриет скользила под водой, ее зачаровывала игра желто-зеленого света на водорослях и пузырьки воздуха, внезапно вылетающие из илистого дна.

Усилием воли Харриет умерила свое нетерпение и заставила себя смотреть на чревовещателя. Сегодня утром произошло еще одно крайне неприятное событие — с почтой пришло письмо от Хилли. Харриет едва успела вскрыть конверт, как на пол выпала вырезанная газетная статья из еженедельной александрийской газеты «Орел» под названием «Экзотическая рептилия атакует пожилую женщину».

В конверте было также письмо, написанное на бумаге в линейку, вырванной из школьной тетради.

— Оо-ой, это от твоего мальчика? — Донна выхватила конверт из рук Харриет и вытащила оттуда письмо. — *«Привет, Харриет»,* — прочитала она вслух. — *«Что у тебя происходит?»*

Харриет быстро нагнулась, дрожащими руками подняла газетную вырезку, смяла и спрятала в карман.

— *«Наверное, тебе будет интересно на это взглянуть...»* На что взглянуть? Что там еще? — спросила Донна, теребя пустой конверт.

Харриет в кармане рвала газету на мелкие кусочки.

— У нее в кармане! — крикнула Джада, — она что-то сунула себе в карман!

— Давай достанем! А ну показывай, что там у тебя? — Джада ринулась на Харриет, которая встретила ее ударом в лицо.

— Ай! Ай! Она мне выцарапала глаз! Идиотка, ты меня поцарапала!

— Да заткнитесь вы! — прошипел кто-то из девочек. — Мэл услышит!

Мэл была старшим инструктором по их вигваму.

— Ай, я умираю! — визжала Джада. — Она мне глаз выцарапала!

Харриет, воспользовавшись всеобщим замешательством, шагнула вперед и выхватила из рук Донны конверт и письмо.

— Да заткнитесь же вы, — хрипло приказал кто-то, — а то нам вкатят выговор!

— Ну да, и мы не сможем играть в волейбол с мальчиками в субботу!

— Точно! А ну, вы там, заткните рты!

Джада угрожающе шагнула к Харриет и потрясла перед ее носом своим довольно внушительным кулаком.

— Ну ладно, — прошипела она. — Ты у меня еще получишь! Смотри, я…

— Эй, тихо! Мэл идет!

Тут прозвенел звонок: сигнал идти в «нашу часовню», так что в каком-то смысле Зак и его Зигги спасли Харриет от продолжения разборки. Если Джада донесет на нее, Харриет, конечно, накажут, но для нее получать наказание за драки было не в новинку. Но какой все-таки Хилли идиот — зачем он послал ей эту статью?

Правда, она ее и прочитать-то не смогла, так же как и письмо, которое она тоже, на всякий случай, изорвала в клочья.

Харриет очнулась от своих мыслей оттого, что на поляне стало подозрительно тихо. В какой-то момент ее сердце сжалось от страха, что Зак или Зигги сейчас заорут: «Посмотрите на нее!» и она опять станет мишенью для насмешек, но тут Зак прочистил горло, и она поняла, что пришло время молитвы. С облегчением Харриет опустила голову и сложила руки на груди.

Как только молитва закончилась, а девочки поднялись со своих мест, разминая затекшие ноги, хихикая и собираясь в стайки (Донна и Джада, судя по их тяжелым взглядам, придумывали, как отомстить Харриет), к ней подошла Мэл.

— Ты не идешь на плавание, — бросила она резко. — Отправляйся в офис, тебя хотят видеть Вэнсы.

Харриет постаралась скрыть свое разочарование.

— Давай иди быстрей! — Мэл облизнула губы и поискала взглядом чревовещателя, — видимо, боялась, как бы этот великолепный мужчина не ускользнул в мальчишеский лагерь, не поговорив с ней. — А если Вэнсы отпустят тебя раньше, чем начнется урок Библии, сходи на

теннисный корт, разомнись с десятичасовой группой, поняла?

Харриет молча кивнула и пошла по тенистой тропе через сосновый лес к домику Вэнсов. По крайней мере, в лесу было прохладно, тропа под ногами была мягкой и слегка вязкой. «Быстро она умудрилась настучать»,— подумала Харриет. Конечно, Джада была еще той мерзавкой, но Харриет не думала, что она еще и стукачка.

Она вышла из леса и с опаской поглядела на домик, в котором располагался офис Вэнсов. Снаружи помимо микроавтобуса Вэнсов была припаркована еще одна незнакомая машина. Кто бы это мог быть? Но не успела Харриет обдумать эту мысль, как дверь офиса распахнулась и на пороге показался доктор Вэнс в сопровождении Эдди.

Харриет от неожиданности встала как вкопанная. Эдди выглядела как-то иначе, тоньше, суше, так что в первую секунду Харриет даже засомневалась, не обозналась ли она, но тут же поняла, в чем дело: на Эдди были ее старые темные очки, закрывающие половину лица.

Доктор Вэнс заметил Харриет и замахал ей руками, как будто они находились в километре друг от друга. Харриет не сдвинулась с места, ожидая худшего, но тут Эдди тоже увидела ее и улыбнулась — своей старой улыбкой, которую Харриет видела на фотографиях, где она играла в мяч с Робином.

— Готтентот! — сказала Эдди, называя Харриет ее любимым старинным прозвищем. Харриет бросилась вперед и в порыве чувств обняла бабушку, которая, тихо ойкнув, клюнула ее в щеку.

— Это все твои вещи? — спросила Эдди, показывая на небольшой чемоданчик, рюкзак и теннисную ракетку.

После небольшой недоуменной паузы Харриет спросила:

— Почему у тебя новые очки?

— Во-первых, это старые очки. Вот машина — новая.— Эдди кивнула на блестящий новенький автомобиль, стоящий на полянке. — Знаешь, нам надо ехать, так что, если ты оставила вещи в тумбочке, быстренько сбегай и забери их.

— А где твоя старая машина?

— Неважно где. После поговорим.

Харриет не надо было просить дважды — она собиралась упасть в ноги Эдди и молить, чтобы та забрала ее из этого ада, поэтому, услышав «нам надо ехать», опрометью бросилась в свой вигвам. Собственно, больше брать было особо нечего, кроме тапочек для душа и двух полотенец. Одно кто-то прихватил с собой на озеро, но Харриет не собиралась ждать — сцапав второе полотенце, она уже мчалась назад к Эдди.

Доктор Вэнс нагружал багажник машины Эдди — Харриет внезапно заметила, что сама Эдди держалась как-то странно, неестественно прямо.

«Может быть, это Ида,— с проблеском надежды подумала Харриет. — Может, Ида решила не уходить? Или она хочет повидать

меня и проститься?» Но она и сама понимала, что ни одно из этих предположений не может быть правдой.

— Разве у тебя было не два полотенца? — подозрительно спросила Эдди.

— Нет, мэм. — Харриет заметила что-то темное под носом у Эдди — нюхательный табак? Честер нюхал табак.

Доктор Вэнс подошел к ней и взял ее за плечо.

— Неисповедимы пути Господни, Харриет, — сказал он так важно, точно раскрывал ей секрет вечной жизни. — У Господа свои планы на нас. Значит ли это, что они нам всегда нравятся? Нет. Что мы их всегда понимаем? Нет. Что мы должны жаловаться и сетовать на жизнь? Нет, нет и нет!

Харриет, вспыхнув от смущения, молча смотрела в серые глаза доктора Вэнса. Нянька на занятиях группы «Твое растущее тело» им уже все уши прожужжала про «Господни планы», — очевидно, отвратительные ежемесячные выделения были специально придуманы Небесами как испытание для девочек.

— А почему Господь испытывает нас? — подхватил доктор Вэнс, будто прочитав ее мысли, и взял ее за руку. — Почему проверяет на прочность нашу веру? А? Что об этом говорит Библия?

Молчание. Больше всего Харриет боялась, что кто-нибудь из девчонок увидит ее обнимающейся с Вэнсом, — но руку отнять у него она тоже не могла. Где-то в верхушках деревьев пронзительно заверещала сойка.

— Потому что мы должны смиренно принимать волю его и верить, что все, что ни делается, делается к лучшему. И мы должны принимать его испытания с радостью! Вот к чему мы, истинные христиане, должны стремиться.

Внезапно глаза его блеснули, он еще крепче сжал ее руку.

— Давай помолимся вместе! — воскликнул он. — Иисус всемилостивый! — нараспев протянул он, закрывая глаза. — Что за радость стоять сейчас перед тобой. Благословенны мы, молящие тебя о снисхождении. Не оставь нас милосердием своим. Ликуй, ликуй, грешник, пред ликом его.

«О чем это он?» — в панике подумала Харриет. Внезапно ей стало очень страшно.

— Боже всемогущий, — продолжал Вэнс. — Не оставь семью Харриет в этот час тяжелых испытаний. Будь с ними, оберегай их, следи за ними, дай им понять, что печали их есть часть великого плана…

«А где же Эдди?» — в панике подумала Харриет. К счастью для нее, голос Вэнса поднялся до самой высокой ноты и резко опустился:

— Аминь.

Харриет открыла глаза, выдернула руку из горячей, липкой ладони Вэнса и оглянулась. Эдди стояла около машины, тяжело опираясь на капот. Она поманила Харриет пальцем. Харриет рванула к ней, но тут из

домика выскочила Нянька.

— Господь любит тебя! — воскликнула она дрожащим голосом, заключая Харриет в материнские объятия. — *Ты только не забывай об этом*.

Она погладила Харриет по попе и обернулась к Эдди, видимо, ожидая начала разговора, но Эдди не была в этот раз расположена к светским беседам, поэтому она только сухо кивнула Няньке и села в машину.

Эдди потребовалось несколько минут, чтобы развернуться на незнакомой машине, но когда они уже ехали по гравиевой дороге, Харриет посмотрела в зеркало заднего вида — Вэнсы стояли на поляне перед офисом, обняв друг друга за талию, и махали руками вслед уезжающей машине.

Эдди и Харриет ехали в полном молчании. Хотя Харриет и не понимала причины произошедшего с ней чуда, она решила ни о чем не спрашивать Эдди и занялась изучением нового салона. Тихо работал кондиционер, мощно урчал двигатель, мягко шуршали шины, плавно перекатываясь через ямы, на которых олдсмобиль трясся бы и скрежетал.

Они уже выехали на шоссе, когда Эдди прочистила горло и искоса взглянула на Харриет.

— Мне очень жаль, малышка, — сказала она каким-то новым голосом.

На секунду у Харриет перехватило горло — все застыло, облака, тени, ее собственное сердце перестало биться.

— А что случилось? — выдавила она из себя наконец.

Эдди не сводила глаз с дороги. Она попыталась что-то сказать, но не смогла.

Харриет обхватила голые плечи. «Мама умерла, — подумала она. — Или Алисон. Или отец». Но каким-то интуитивным чувством она понимала, что справится с любой из этих утрат. И опять спросила, громче на этот раз:

— Что случилось?

— Умерла Либби.

В суматохе, последовавшей за аварией, никто не потрудился выяснить, насколько серьезно пострадали старые дамы. Внешне, не считая синяков и ушибов, они (кроме Эдди, у которой был разбит нос) не получили практически никаких повреждений. Врачи «скорой помощи» провели тщательный внешний осмотр, прежде чем позволили сестрам поехать домой. «На этой ни царапинки», — развязно сказал молодой медик, извлекая Либби (аккуратная белая головка, испуганные голубые глаза, нитка жемчуга на шее, розовато-серое платье) из помятой машины.

Либби казалась оглушенной и растерянной. Она все время

подносила руку к левой стороне шеи, словно хотела нащупать пульс, но когда врачи собрались направить ее в больницу, вдруг решительно замахала на них руками. «Не беспокойтесь обо мне. Эдит, у тебя кровь на лице!» — тревожно сказала она, когда Эдди, наплевав на протесты медиков, вылезла из «скорой», чтобы самой убедиться, что ее сестры в порядке.

Все они были немножко оглушены, у всех разболелась голова. У Эдди шея болела так, будто ее разломили пополам. Аделаида ходила кругами вокруг машины, нервно проверяя наличие в ушах сережек, и повторяла: «Удивительно, как это мы остались живы, Эдит, удивительно, как это ты не убила нас всех!»

Но в конце концов выяснилось, что больше всех пострадала при аварии сама Эдди. У нее были сломаны два ребра, которыми она ударилась о руль, сильно разбит нос, а на виске расплывался огромный желвак. Однако она категорически отказалась ехать в больницу. В свое время она работала медсестрой и прекрасно знала, что единственное средство от боли в ребрах — хорошенько перетянуть их эластичным бинтом, это она прекрасно могла сделать дома сама. Совершенно незачем было тратить лишние сто долларов, они ей самой пригодятся, хотя бы на ремонт машины (каждый раз, когда она смотрела на свою разбитую красавицу, у нее болело сердце). Но почему же, почему она не настояла на том, чтобы эти идиоты измерили Либби давление? Она должна была знать, что Либби в ее возрасте не могла так просто перенести шок от столкновения.

Тем временем вокруг собралась небольшая толпа: зеваки из ближайшего банка, хихикающие, жующие жвачку девицы с крашенными перекисью волосами. Тэт, после того как она остановила полицейскую машину, несколько раз тряхнув перед ней желтой сумочкой, забралась на заднее сиденье олдсмобиля вместе с Либби и сидела там на протяжении всего разбирательства с пострадавшим водителем, которое заняло больше часа. Пострадавший оказался ужасно худым мужчиной средних лет, с высохшим лицом и орлиным носом. Казалось, он был очень горд и местом своего проживания (графство Аттала), и своим именем (Лиль Петит Рикси), которое он постоянно повторял. У него была противная манера показывать на Эдди большим пальцем и говорить о ней как об «этой женщине» — «эта женщина выскочила прямо передо мной», «эта женщина не умеет водить машину». Эдди высокомерно повернулась к нему спиной и стояла так, пока полицейский офицер не закончил свой допрос.

Она была полностью виновата в случившейся аварии, не было смысла это отрицать. Она не пропустила машину, идущую по главной дороге, да, она это признает. Ее очки была разбиты, голова кружилась, нос болел непереносимо, больно было дышать из-за сломанных ребер. С того места, где она стояла, Тэт и Либби напоминали ей два цветка, розовый и желтый, лежащие на заднем сиденье олдсмобиля. Эдди,

непонятно почему, вспомнила, как в детстве им всегда покупали платья разных цветов: Либби — розовые, Эдди — голубые, Тэт — желтые и лавандовые для маленькой Аделаиды. И писчая бумага была у каждой своего цвета, и ручки, и салфетки. И каждый год они получали в подарок кукол с фарфоровыми личиками, совершенно одинаковых, не считая их разноцветных пастельных нарядов.

— Так как же, мадам, — продолжал свой допрос полицейский, — вы все-таки развернулись или нет?

— Нет. Я завернула сюда, на парковку, и отсюда хотела выехать налево...

Полицейский допрашивал Эдди уже более получаса, и его монотонный голос, повторяющиеся вопросы и зеркальные очки оказывали на нее гипнотическое воздействие. Однако, хотя она и пыталась сосредоточиться на ответах, в ее голове крутилось одно и то же воспоминание: старинная кукла Тэт в обтрепанном желтом платье, лежащая на заднем дворе «Дома Семи Невзгод» с задранными растопыренными ногами. Эдди видела эту куклу удивительно отчетливо: коричневое тряпичное тело, раскрашенное лицо; там, где отбилась краска, проступала металлическая основа, придавая кукле жуткий вид полусгнившего трупа. Как же ее звали? Тэт до школы плохо говорила и давала своим куклам удивительно странные имена: Грися, Лиллиум, Артемо...

Банковским девушкам в конце концов надоело наблюдать сцену допроса, и они вялой походкой направились в банк. Аделаида, которую Эдди про себя винила в происшедшем (привязалась как банный лист со своим идиотским кофе!), стояла чуть поодаль, словно была ни при чем, какое-то время она болтала с приятельницей, случайно проезжавшей мимо, а потом вообще прыгнула к ней в машину и укатила, даже не попрощавшись с Эдди. Впрочем, когда они проезжали мимо разбитой машины, она высунулась в окно и крикнула Либби и Тэт, что они поехали перекусить в «Макдоналдс». Эдди стоически перенесла допрос и предательство Аделаиды, но, когда полицейский разрешил ей уехать, оказалось, что олдсмобиль не желает заводиться. Пришлось Эдди тащиться в банк и просить у тех же девиц разрешения воспользоваться их телефоном. Она вызвала сначала такси для Тэт и Либби, а потом автопогрузчик. Отправив сестер домой и глядя на удаляющееся такси, вдруг вспомнила имя куклы Тэт: Ликобус, вот как ее звали! Плохая Ликобус, она дерзила маме, а потом пригласила на чай кукол Адди и угощала их только дождевой водой и редиской.

Эдди поехала домой на автопогрузчике. Забираться в кабину со сломанными ребрами было нелегко, но, как когда-то учил их покойный папочка, «нищие не выбирают».

Когда она вернулась домой, был уже час дня. Эдди повесила в шкаф одежду (вяло вспомнив, что их чемоданы остались в олдсмобиле) и приняла прохладную ванну. Позже, сидя на краешке кровати в одном

белье, она выдохнула воздух из легких и хорошенько затянула себя бинтом. Потом приняла таблетку эфедрина с кодеином, набросила кимоно и прилегла на постель.

Много позже ее разбудил телефонный звонок. На секунду ей показалось, что слабый, тоненький голос на том конце провода принадлежит ее дочери.

— Шарлот? — выдохнула она, а затем, не получив ответа, спросила: — Кто это?

— Это Алисон. Я у Либби. Мне кажется... кажется, что она в сильном растройстве.

— Я ее не виню, — устало сказала Эдди. Она села на постели и невольно ойкнула. — каждое движение отдавалось в грудной клетке резкой болью. — И ей сейчас не до гостей. Оставь ее в покое, Алисон, дай ей отдохнуть.

— Она *не устала*. Она говорит... говорит, что ей надо *замариновать свеклу*.

— Что? Вот глупости! Я бы сама пришла в чудовищное расстройство, если бы мне надо было сегодня мариновать свеклу.

— Но она говорит...

— Беги домой, оставь Либби в покое, — повторила Эдди, начиная раздражаться. На заднем плане послышался чей-то нетерпеливый голос. — Ну что там еще?

— Она беспокоится, бабушка. Она просит тебя приехать. Я не знаю, что мне делать, приезжай, пожалуйста...

— Зачем мне приезжать? — спросила Эдди. — Позови ее к телефону.

— Она в другой комнате. — Послышались шаги, неразборчивый говор, затем Алисон опять взяла трубку. — Она говорит, ей надо на рынок, а она не знает, где ее чулки и туфли.

— Скажи ей, чтобы не волновалась, вещи остались в машине. Она поспала?

Опять бормотание, Эдди была уже не на шутку сердита.

— Алло? — резко и нетерпеливо бросила она в трубку.

— Она говорит, что совершенно здорова, но... — (Либби всегда говорила, что совершенно здорова, даже когда умирала от скарлатины.) —...но не хочет садиться на стул, так и стоит посреди гостиной... — Голос Алисон становился все тише, как будто она отодвинула трубку ото рта. Эдди вдруг осознала, что не понимает, о чем Алисон ей толкует.

— Говори громче, — раздраженно сказала она, но не успела хорошенько выбранить Алисон за то, что та мямлит, как в дверь постучали: тук-тук-тук-тук! — так громко, что Эдди чуть не подпрыгнула. Она потуже перетянула кимоно кушаком и выглянула в окно — на крыльце стоял Рой Дайл. Увидев ее, он растянул губы в широкой улыбке, сразу став похожим на пожилого опоссума, и замахал ей рукой.

Эдди быстро прошла назад в спальню и снова взяла трубку. Алисон

продолжала бубнить.

— Слушай, мне надо идти, — сказала Эдди. — Ко мне пришли, а я не одета.

— Она говорит, что ей надо встретить невесту на станции. — Вдруг совершенно отчетливо выговорила Алисон.

После секунды молчания Эдди сказала:

— Скажи Либби, что я велела ей лечь. Потом я приду к ней пешком, измерю давление и дам успокоительное, но пока мне надо разобраться с Дайлом.

Тук-тук-тук-тук!

Эдди накинула на плечи шаль, всунула ноги в шлепанцы и вышла в холл. За слегка тонированным стеклом двери Рой Дайл еще раз широко улыбнулся, обнажив все свои зубы, и поднял над головой что-то, напоминающее корзину с фруктами, обернутую в целлофан. Когда он увидел, что она в халате, то нахмурился с преувеличенным сожалением и жестами показал: «не волнуйтесь, я оставлю ее здесь, на крыльце». Эдди, поколебавшись пару секунд, махнула ему рукой: «Подождите, я сейчас!» — и решительно направилась в спальню. Там она выбрала домашнее платье, которое застегивалось спереди, подчернила брови, добавила по капельке румян на обе щеки, провела пуховкой по разбитому, распухшему носу, неодобрительно взглянула на себя в зеркало и вышла встретить гостя.

— Чем обязана? — сухо сказала она, открывая дверь.

— Надеюсь, я вас не слишком потревожил, — бархатным голосом произнес мистер Дайл, поворачивая голову, чтобы взглянуть на нее другим глазом. — Дороти встретила на улице миссис Картрет, и та рассказала ей о вашем неприятном происшествии... Я говорил, говорил уже *тысячу* раз, — он прижал руку к сердцу, — что на этом перекрестке давно пора поставить светофор. Миллион раз твердил об этом! Я позвонил в больницу, но мне сказали, что вы туда не поступали. Благодарение Богу! — Он приложил руки к груди и воздел глаза к небу, в немой благодарности за этот подарок судьбы.

Эдди слегка смягчилась.

— Что ж, — сказала она, — спасибо вам за это.

— Послушайте меня, это самый опасный перекресток во всем нашем графстве. И вы еще легко отделались, должен вам сказать. Очень скоро, пока они там зевают в мэрии, на этом перекрестке произойдет настоящая трагедия. Трагедия, это я вам гарантирую!

Удивительно, но слова молодого Роя пролились бальзамом на израненную душу Эдди. Она и так винила себя в аварии, и так чувствовала себя совершенно разбитой и больной... Так еще тот мерзкий тип из графства Аттала заявил, что она не умеет водить машину, а полицейский заметил, что в связи с этим инцидентом он рекомендует ей проверить зрение и что по результатам теста они будут решать, продлевать ли ей водительские права. Поэтому, когда Дайл продолжал

со вкусом разглогольствовать об опасностях, подстерегающих водителя на перекрестках, ни разу не упомянув о водительском мастерстве Эдди, она почувствовала к нему какую-то материнскую нежность.

Не переставая возмущаться бездействием властей, Дайл подал ей руку и повел во двор. Там красовался новый, блестящий, черный «кадиллак» («с удовольствием оставлю вам его на несколько дней, простая любезность нашей фирмы к безвинно пострадавшей»), и Дайл пустился расхваливать достоинства машины, попутно объясняя специфику обхождения с этой моделью. «Эта красотка поступила к нам со склада всего два дня назад, я как увидел ее, сразу понял — вот идеальная машинка для мисс Эдит». Одновременно, чтобы не терять времени, мистер Дайл перечислял все причины, по которым Эдди надо было срочно купить именно эту «красотку» («кожаные сиденья по цене обыкновенных, продленная на год гарантия и еще пять сотен готов скинуть просто так, из уважения к вашей благородной семье, мисс Эдит»). Действие болеутоляющей таблетки постепенно выветривалось, и боль подступала прямо к горлу, но все-таки Эдди слушала Дайла, отчасти завороженная витиеватостью его речи, отчасти потому, что вдруг ясно представила себя старой развалиной: жизнь на таблетках, ни друзей, ни знакомых и единственная компания — вот такие шарлатаны, как Дайл, выманивающие у сумасшедшей старухи ее последние деньги. Она слишком хорошо помнила, что произошло с ее отцом, — сколько раз она, въезжая во двор «Дома Семи Невзгод», заставала его за разговором с коммивояжерами самого разного толка, от цыгана-садовника, который после подрезки веток на кустах мог потребовать плату за каждую срезанную ветку, а не за куст целиком, до разговорчивых фарисеев, предлагающих безумному старику порнографические журналы или новые сорта виски. «Так же будет и со мной, — обреченно думала Эдди, стараясь не дышать, настолько сильной была боль, — все равно обкрадут, возьмут все самое лучшее, все, что имеет цену». Так стоит ли вообще сопротивляться? И к тому же Рой Дайл — не самый плохой из коммивояжеров; если поставить его в профиль, он даже внешне будет не так уж плох. Его речь убаюкивала, успокаивала, он-то не предполагал, что негодяи-врачи вкупе с полисменами хотят лишить ее водительских прав... И пока Эдди, как загипнотизированная, стояла и слушала его болтовню, Либби, которую тихо вырвало в ванной, прилегла на кровать с холодным компрессом на лбу и вместо сна провалилась в кому, от которой ей уже было не суждено очнуться.

Удар, вот что это было. Когда произошел первый удар, никто так и не понял. В любой другой день рядом с Либби находилась бы Одеон, но именно на эту неделю Одеон взяла себе отпуск. Когда Либби наконец открыла входную дверь, ее глаза были совсем сонными, и Алисон даже подумала, что она ожидала увидеть вместо нее кого-то другого.

— Как ты, Либби? — спросила Алисон, заходя на кухню (она уже

услышала об аварии). — Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, конечно, — рассеянно пробормотала Либби.

Она впустила Алисон и побрела куда-то в глубь дома, как будто искала забытую вещь. Она выглядела совершенно нормально, если не считать расплывавшегося на щеке багрового синяка.

Алисон спросила:

— Ты что, не можешь найти свою газету?

Алисон прошла в гостиную и немедленно обнаружила газету и очки Либби на привычном месте около окна. Она принесла газету на кухню, где Либби сидела за столом, рассеянно разглаживая скатерть легкими круговыми движениями. В доме царила идеальная чистота, нигде ни пылинки, ни соринки — возможно, именно поэтому Алисон не сразу заметила, что с Либби что-то не так.

— Вот твой пазл, — сказала она, подвигая газету в сторону Либби. Кухня была ярко освещена, солнце вовсю било в окна, но Либби зачем-то зажгла еще и верхний свет.

— Не могу я заниматься этой ерундой, — вдруг капризно заявила Либби, отталкивая газету, — буквы прыгают перед глазами. И мне действительно пора начать мариновать свеклу, а то ведь она не успеет приготовиться…

— Какую свеклу?

— Невеста приезжает в город на четвертом номере…

— Какая невеста? — спросила обескураженная Алисон. Она никогда не слыхала про четвертый номер, что бы это ни означало. Ида Рью навсегда покинула их дом лишь час назад, ушла, как обычно, в пятницу, но вот только в понедельник приходить она уже не собиралась… Она ничего не взяла с собой, только свою красную пластиковую кружку. Она не приняла подарки, которые Алисон так тщательно упаковала, слишком тяжелая получилась коробка. «Зачем мне все это? — насмешливо спросила она, поворачиваясь к Алисон и глядя ей прямо в глаза. У нее был такой вид, будто Алисон предложила ей пососать свой уже порядком обсосанный леденец. — На кой ляд мне вся эта ерунда?»

Алисон попыталась не заплакать.

— Ида, я люблю тебя, — прошептала она.

— Что ж, — задумчиво сказала Ида. — Я тоже тебя люблю.

Это было ужасно. Непереносимо было стоять и смотреть, как методично Ида складывает свой последний чек (все те же двадцать долларов, никакого бонуса за двадцать лет работы), небрежно сует его в сумочку, со стуком захлопывает ее.

— Не могу я больше жить на двадцать долларов в неделю, — тихо проговорила Ида. Голос ее звучал совершенно естественно, и все же, как она могла говорить об этом в такой момент?

— Я всех вас люблю, но что ж, видимо, чему быть, того не миновать. Старой я становлюсь, вот что. — Она дотронулась до щеки Алисон. — Скажи утенку, что я ее тоже люблю, хорошо? — Утенком, сокращенно от

«гадкого утенка», Ида называла Харриет, когда сердилась на нее. Дверь за ней закрылась, и она навсегда исчезла из жизни Алисон.

— Я боюсь, — говорила тем временем Либби, то и дело потряхивая головой, словно отгоняла мошек, — что она их не найдет, когда приедет в город.

— Что ты говоришь? — спросила Алисон.

— *Свекла.* Про что еще мне говорить? Господи, ну хоть бы кто-нибудь мне помог! — Либби говорила таким капризным голосом, какого Алисон в жизни у нее не слышала.

— Что я могу для тебя сделать?

— А где Эдит? — вдруг резко спросила Либби. — Пусть *она* для меня кое-что сделает.

— Хочешь, чтобы я позвонила Эдит?

— Да, Эдит знает, что для меня сделать. — Либби вдруг поднялась, пошатнулась, приложила руку к голове и вышла в соседнюю комнату, а Алисон побежала звонить Эдди. Но она была ужасно расстроена из-за Иды, не очень понимала, что происходит с тетушкой, и не смогла толком объяснить бабушке всю серьезность положения. Разговаривая с Эдди, она все время следила за тем, что Либби делает в гостиной. А та ничего не делала, просто тихо стояла посреди комнаты. Белые волосы Либби растрепались и в ярких лучах солнечного света отливали янтарем.

До Эдди, похоже, не дошел смысл слов Алисон, потому что она резко сказала: «Оставь Либби в покое», а потом добавила: «Ко мне пришли, а я не одета» и повесила трубку. Алисон секунду постояла у телефона, затем побежала в гостиную. Либби все так же стояла, застыв посреди комнаты, и не мигая глядела на нее расширенными глазами.

— А ведь у меня были пони, — медленно сказала она, — были два рыжих пони...

— Тетя, я сейчас вызову врача.

— Ни за что! — так резко воскликнула Либби, что Алисон сразу подчинилась авторитетности ее приказа. — Никаких докторов, поняла?

— Но ты же больна... — Алисон тихо заплакала.

— Нет, я здорова, здорова... Но где же все? — Либби с удивлением огляделась кругом, словно не узнавая свой дом. — Давно пора меня отсюда забрать... Время к вечеру... — Она оперлась сухонькой ручкой о руку Алисон и позволила отвести себя в спальню.

Тошнотворно-сладкий аромат лилий и тубероз заполнил маленький похоронный салон — каждый раз, когда вентилятор гнал душный воздух в сторону Харриет, ее начинало подташнивать. Она сидела в углу на кушетке, одетая в свое лучшее (и единственное) выходное платье — белое, с россыпью розовых маргариток по подолу. Как-то незаметно она из него выросла, потому что оно вдруг стало ей узко в груди, и теперь дышать было вдвойне тяжело — мешал узкий лиф, а когда она все-таки умудрялась набрать в грудь воздуха, ей казалось, что это не кислород, а

какой-то разреженный газ. Накануне она не ужинала и не завтракала и большую часть ночи проплакала, а проснувшись утром, испытала еще один болезненный шок, вспомнив про уход Иды, и снова заплакала. Почему жизнь такая ужасная? Все хорошее, родное, все, что она любила, исчезало, уходило или умирало. Противно, толчками, болела голова, глаза резало от пролитых слез, тяжелые запахи цветов кружили голову, не давали дышать.

Эдди, в черном платье с жемчугами на шее, прямая, как командир полка, стояла у колонны и принимала гостей. Всем приходящим она вместо приветствия говорила одно и то же: «Гроб выставлен в задней комнате». Худенькой миссис Фосетт, робко ждущей своей очереди вслед за толстым старым джентльменом, она добавила: «Гроб открывать не будем, но это не моя идея». Миссис Фосетт с недоумением посмотрела на нее, а потом импульсивно шагнула вперед и положила руку на локоть Эдди.

— Я вам очень соболезную, — сказала она, видимо искренне пытаясь удержаться от слез. — Мы все так любили мисс Клив — все работники библиотеки. Я чуть не разрыдалась сегодня утром, когда увидела стопку книг, которые я для нее отложила.

Милая миссис Фосетт! Харриет с нежностью посмотрела на нее — среди темных костюмов и траурных черных платьев ее цветастый летний наряд выглядел как-то ободряюще, позитивно.

Эдди рассеянно погладила руку, лежащую на сгибе ее локтя.

— Либби тоже вас всех очень любила, всей душой, — произнесла она четко, и Харриет покоробило от ее искусственно сердечного тона.

Аделаида и Тэт сидели на кушетке напротив Харриет и болтали с какими-то престарелыми матронами, по виду тоже сестрами. Разговор шел о порядках траурного салона и о том, как из-за небрежности персонала приготовленные с вечера цветы к утру завяли. Матроны от возмущения брызгали слюной:

— Неужели здесь нет прислуги, которая поменяла бы воду цветам?

— Ну что вы, — Аделаида надменно вздернула подбородок, — *они* ведь не занимаются такими пустяками!

Тэтти подняла глаза к небесам и демонстративно обмахнула лицо рукой, видимо, показывая, что в салоне даже нет кондиционера.

Харриет, глядя на своих кривляющихся теток, болтающих о пустяках вроде вялых цветов, чувствовала только острую ненависть к ним всем — к Адди, к Эдди, ко всем этим мерзким старухам, которые, видимо, не особо горевали из-за того, что их сестра или подруга лежала сейчас в гробу в соседней комнате.

Рядом с Харриет остановилась еще одна группа болтающих женщин, они щебетали и смеялись, будто собрались на обычную вечеринку. Одна из них взглянула на Харриет, вздрогнула от ее свирепой мины и поспешно повернулась спиной. Дамы склонили друг к другу головы, и до Харриет донеслись обрывки разговора:

— А вот Оливия Вандерпул, так та мучилась годами... В конце она весила тридцать пять килограммов, и ее кормили через трубочку.

— Бедняжка Оливия! После второго инсульта она так и не пришла в себя.

— Рак костей — вот что самое страшное.

— О да, именно так. Маленькой мисс Клив повезло: раз — и в дамки. Тем более что у нее никого нет.

«Как это у Либби никого нет?» — тупо подумала Харриет, нахмурив брови и пытаясь вникнуть в смысл услышанных слов. Одна из дам заметила ее взгляд и улыбнулась, но Харриет мрачно уставилась в ковер красными, опухшими от слез глазами. Она так много плакала, что сейчас чувствовала себя совершенно опустошенной, во рту у нее так пересохло, что больно было глотать.

— А чей это ребенок? — услышала она шепот одной из дам.

— О, это... — Дамы опять припали друг к другу головами, и серьги их звякнули в унисон.

Но пока несчастная бледная Харриет, закусив губу, чтобы не разрыдаться, сидела на кушетке, часть ее — холодная, решительная, полная яростной жажды мести, словно отделилась от тела и обозревала все сверху, насмехаясь над своей слезливой половиной.

Салон похоронных церемоний располагался на Мейн-стрит недалеко от баптистской церкви в высоком, викторианской эпохи здании, украшенном башенками и резными чугунными решетками. Сколько раз Харриет проезжала мимо него на велосипеде по дороге к Хилли! И ей всегда было интересно, что же творится там, под этими веселенькими куполами, за занавешенными пыльными портьерами окнами. Иногда вечером, перед очередными похоронами, в самой высокой башне загорался одинокий таинственный огонек. В такие минуты Харриет всегда приходили на ум рассказы о египетских фараонах, которые она с упоением читала в старых номерах «Нэшнл джиографик»: «Жрецы трудились до поздней ночи, а то и до утра, бальзамируя тела своих умерших фараонов, подготавливая их к переходу в иной мир...». И каждый раз, видя огонек в окне верхней башни, Харриет сильнее нажимала на педали, стремясь проскочить побыстрее зловещее место.

Динь-дон-динь, в башне звонят,

— пели девочки, прыгая через скакалку около церкви после урока хорового пения.

Динь-дон-динь, Хоронят меня.
Динь-дон-динь,
Вот моя могила,
Динь-дон-динь,

Рядом с братцем милым…

Но что бы ни происходило в высокой башне, какие бы жуткие ритуалы над телами умерших там ни совершались, парадные помещения салона поражали викторианской роскошью, обилием темно-зеленого плюша, тяжелыми портьерами цвета бургундского вина и резной ореховой мебелью. Гробовщик, мистер Мейкпис, был маленьким, юрким человечеком с длинными руками и носом и искалеченной полиомиелитом правой ногой. Иногда ему даже приходилось брать ее обеими руками и двигать в нужном направлении. Несмотря на род своей деятельности, он излучал жизнерадостность и добродушие и поэтому был всеобщим любимцем.

Все утро Эдди твердила сестрам, как хорошо мистер Мейкпис «подготовил» Либби к похоронам. Она хотела устроить «открытые» похороны, хотя Либби всегда категорически настаивала на том, чтобы никто не видел ее мертвого тела. При жизни сестры Эдди называла это глупым предрассудком, а после ее смерти готова была пренебречь желаниями умершей и выставить тело на всеобщее обозрение, как того требовали традиции и как, безусловно, ожидали гости. Но Аделаида и Тэт так истерично и яростно воспротивились этому «самоуправству», что Эдди пришлось пойти на попятный. Резко бросив им: «Силы небесные, дайте мне терпения!», она попросила мистера Мейкписа заколотить крышку.

Среди одуряющего аромата цветов Харриет почудился новый запах, сладковатый, химический, — нафталин? Формальдегид? Раствор для хранения мертвых тел? Харриет с трудом сдержалась, чтобы не броситься в туалет. Лучше вообще не думать об этом! Не думать ни о чем! Но в голову так и лезли воспоминания — она много раз интересовалась, почему Либби не хочет, чтобы ее видели после смерти, и как-то раз Тэт прошептала ей на ухо: «Наверное, она вспоминает о похоронах нашей матушки… Иногда эти сельские гробовщики так плохо выполняют свою работу, понимаешь? А матушка умерла-то летом, в самую жару…»

Харриет подняла голову и встретилась взглядом с Алисон, попутно вяло удивившись, что у сестры сейчас точно такие же глаза, как у нее самой, — опухшие, мутные, несчастные. По крайней мере, хоть один человек в этом зале кроме нее искренне переживает утрату. Харриет впилась зубами в щеку, пытаясь удержать слезы, готовые опять покатиться по щекам.

Пять дней — в то время как Харриет прозябала в лагере — Либби была в больнице. В какой-то момент врачам даже показалось, что она может выйти из комы, она стала бормотать во сне, вызывая фантомы далекого прошлого, но вскоре опять соскользнула в белую мглу лекарственного дурмана и окончательного паралича мозга. «Жизненные функции слабеют», — предупредила медсестра, и Эдди,

которая спала рядом с кроватью Либби на диванчике, едва успела позвонить сестрам. И как только они втроем собрались вокруг Либби, ее дыхание стало замедляться, замедляться... «И потом совсем прекратилось», — вздыхая, рассказывала Тэтти. Пришлось разрезать кольца — снять их с пальцев оказалось невозможно, так они распухли.

— Пальцы у Либби стали толстые, как сосиски, — монотонно повторяла Эдди, — нам пришлось вызвать мастера из ювелирного салона, чтобы он разрезал кольца...

— А почему вы мне не позвонили? — пролепетала Харриет между всхлипами. — Почему вы мне сразу не сказали, что случилось?

— Ну, — протянула Эдди, — не хотели портить тебе веселье.

— Какое веселье?

— Ну, понимаешь, вообще-то нам было не до тебя, — извиняющимся тоном сказала Эдди. И все — больше никаких извинений не последовало.

Харриет тихо всхлипнула.

— Вот они, мои маленькие бедняжки, — раздался над ее ухом знакомый голос. Над ними стояла Тэт.

Алисон немедленно разразилась рыданиями. Тэт положила ей руку на плечо и сказала своим «учительским» голосом:

— Ну-ну, не надо плакать, дорогая. Либби не хотела бы, чтобы вы плакали.

Она выглядела грустной, но той, второй части Харриет, которая наблюдала за всеми свысока, казалась все же недостаточно расстроенной. «Неужели во всей этой толпе только мы с Алисон по-настоящему скорбим?»

— Девочки? — говорила между тем Тэт. — Вы помните наших кузин Делию и Люсинду из Мемфиса?

Две старые дамы выступили вперед. Одна, высокая, худая, как гренадер, шаркнула ногой об пол и глубоко засунула руки в карманы своего платья цвета хаки.

— Как они выросли, — сказала она басом.

Другая, маленькая, пухлая, с глазами, обведенными черным карандашом, протянула Алисон розовую салфетку.

— Милые крошки, — проговорила она дрожащим голосом.

Харриет взглянула на них и неожиданно вспомнила, что, когда она ныряла в бассейне, то погружалась в призрачно-голубоватый свет, плотный, беззвучный, безвоздушный. «Стоит только захотеть, ты и сейчас сможешь там оказаться, — сказала она себе. — Попробуй!»

— Харриет, можно украсть тебя на минутку? — Аделаида протиснулась к кушетке и взяла Харриет за руку.

— Только если ты обещаешь сразу же ее вернуть, — добродушно заметила старушка поменьше.

«Как там говорил Питер Пэн? „Закрой глаза и думай прекрасные мысли“».

Посредине комнаты Аделаида остановилась и оглянулась по сторонам. Недалеко от них невидимый орган наигрывал медленную, печальную мелодию.

— Туберозы! Я их обожаю! — Аделаида глубоко вздохнула и закрыла глаза. — Харриет, ты чувствуешь этот божественный запах? Тебе нравится? — Она потащила Харриет за собой к одной из цветочных композиций. — Понюхай вот эти маленькие цветочки.

В глазах Харриет запрыгали черные точки. Запахи атаковали ее со всех сторон — душные, сладкие запахи смерти.

— Ну разве не прелесть? — щебетала Аделаида. — Это мои любимые цветы. У меня в букете невесты они тоже были. Харриет, ты что, деточка? *Харриет!*

Голос Аделаиды странно отдалился, огни завертелись перед глазами. Харриет пришла в себя на руках у высокого старика, который крепко держал ее под мышки.

— Ну, до обморока меня туберозы не доводили, но голова от них у всех будет завтра болеть, — сказал кто-то из гостей.

Откуда ни возьмись, сбоку налетела Эдди, вся в черном, как ведьма на метле, и впилась холодными зелеными глазами в лицо Харриет. Несколько секунд она оценивающе разглядывала ее, а потом скомандовала:

— Отведите девочку в машину.

— Я отведу! — Аделаида взяла Харриет за левый локоть, в то время как высокий старик подхватил за правый, — вдвоем они повели ее к выходу. Снаружи им в лицо ударила волна жара — солнце стояло в зените.

— Харриет, — театральным шепотом говорила между тем Аделаида, — ручаюсь, что ты не помнишь нашего друга! Это же мистер Джон. Роудз Саммер, он жил от нас в двух домах, когда мы были маленькими. Ты помнишь, мы всегда рассказывали вам про мистера Саммера? Про того, который служил в Египте?

— Я знал вашу тетушку, мисс, когда она была еще маленькой девочкой.

— Ну не такой уж и маленькой, — кокетливо взвизгнула Адди. — Харриет, ты можешь поговорить с мистером Саммером, раз тебя интересуют мумии и прочие египетские древности.

— Ну, я был в Каире недолго, — сказал мистер Саммер. — Только пока шла война. — Он подвел Харриет к черному лимузину, который обслуживал похороны, и наклонился к шоферу. — Вы разрешите этой юной леди полежать у вас на заднем сиденье? Ей надо несколько минут, чтобы прийти в себя.

Шофер, до странности белолицый, хотя черты лица его были явно негроидными, а на голове возвышался гигантский рыжий ирокез, оторопело посмотрел на них.

— Чё? — спросил он, выключая блеющее радио, не зная, на кого

глядеть, то ли на высохшего старика, то ли на девчонку, которая уже вползала на заднее сиденье.

— Хей, смотрите-ка, — громко воскликнул старик, тыча пальцем в темные недра лимузина. — Похоже, тут и барная стойка имеется!

Шофер собрался, выпрямился и фамильярно осклабился.

— Нет, сэр, это в моей *другой* машине, — сказал он развязным, фальшиво-дружелюбным тоном.

Старик хлопнул по крыше машины и хрипло захохотал.

— Хорошо сказано! — Его руки дрожали, голова подергивалась. Харриет никогда в жизни не видела такого *древнего* старика. — Хорошо, молодой человек. Значит, неплохо устроились, так?

— Не могу пожаловаться, сэр.

— Рад слышать. Теперь вы, мисс, — обратился он к Харриет. — Чего вы желаете? Кока-колы?

— Ох, Джон, — промурлыкала сзади Аделаида, — ей ничего не надо.

Джон? Харриет смотрела прямо перед собой.

— Я просто хотел, чтобы ты знала, что я любил твою тетушку Либби, — услышала она голос мистера Саммера, по-стариковски хрипловатый, по-южному певучий. — Я бы женился на ней, если бы она согласилась быть моей женой.

Слезы опять навернулись на глаза Харриет. Она крепко сжала зубы, силой воли пытаясь загнать их внутрь.

— А после того как умер твой прадедушка, я опять попросил ее выйти за меня. Мы уже оба тогда были не юными. И знаешь, что она мне ответила? — Он усмехнулся. — А? Знаешь, что она сказала? Сказала, что могла бы рассмотреть мое предложение, если бы не надо было лететь ко мне на *самолете.* Ха-ха-ха! Представляешь? Ну и характер был у твоей тетки. Я-то тогда работал в Венесуэле.

Аделаида что-то пробормотала. Старик повернулся и негромко произнес:

— Ну, а это живая копия Эдит!

Харриет в борьбе со слезами понесла полное поражение, и они с новой силой хлынули из глаз.

— Ах! — закричал мистер Саммер. — Милочка, что ты? Что ты? Что тебе дать?

— Оставь ее, Джон, — решительно сказала Аделаида. — Дай ей просто посидеть одной. Всего несколько минут — и она придет в себя.

В пустоте лимузина рыдания Харриет звучали так громко, что ей было ужасно неловко за себя, но остановиться она уже не могла. Шофер какое-то время рассматривал ее в зеркало заднего вида, а потом спросил:

— Чё, мама померла?

Харриет потрясла головой. В зеркале шофер поднял бровь:

— Говорю, мама померла?

— Нет!

— Ну тогда и реветь нечего, — сухо заметил шофер.

Он закурил сигарету и с силой выдохнул дым в боковое окно.

— Вот когда мамка помрет, — задумчиво проговорил он, — только тогда поймешь, что есть печаль. — Открыв бардачок, он достал несколько салфеток и передал Харриет.

— А кто умер-то? — поинтересовался он. — Папка, что ли?

— Нет!

— А кто?

— Тетя… — выговорила Харриет между всхлипами.

— Твоя *кто?*

— Тетя!

— Тетя? — недоверчиво протянул шофер. — Ты жила с ней, что ли?

Харриет отвернулась от него к окну, тщетно стараясь взять себя в руки. В баптистской церкви зазвенели колокола, сразу же вызвав еще одно воспоминание: они с Либби зимой на улице, Либби в своем хорошеньком красном пальтишке присела, обняв маленькую Харриет за плечи. «Слышишь, малышка? Ангелы разговаривают». И вдвоем они слушали мелодичную песню колоколов.

— Ничего, если я включу радио? — спросил шофер и, не дожидаясь ответа Харриет, включил негритянский рэп.

— Эй, а мальчик у тебя есть? — спросил он.

На улице посигналила машина.

— Хей! Привет! — Он поднял сжатую в кулак руку, приветствуя кого-то.

Харриет подняла глаза и вдруг отшатнулась: прямо на нее смотрел Дэнни Ратклифф, и в его взгляде отчетливо читалось узнавание. В следующую секунду он исчез — его «транс Ам» быстро удалялся по Мейн-стрит.

— Эй, я говорю, у тебя мальчик есть? — переспросил водитель, оборачиваясь к Харриет и опираясь локтями на спинку переднего сиденья.

Харриет молча глядела вслед «транс Ам» и увидела, что Дэнни повернул на перекрестке налево, к железнодорожной станции.

— Чтой-то ты больно сильно задаешься, — недовольно сказал шофер. — Смотри, мальчики не любят, когда перед ними задаются.

Харриет вдруг пришло в голову, что Дэнни может сделать круг и вернуться. Она посмотрела в сторону салона — на крыльце толпились курящие гости, ей даже показалось, что Аделаида тоже курит. Ну да, конечно, пускает из носа дым, а мистер Саммер стоит рядом, галантно склонившись к ней. Вот чудеса! Она же сто лет как бросила курить! Сама не зная как, Харриет выбралась из машины и быстрым шагом направилась к входу в салон.

Неприятный холодок пополз между лопаток у Дэнни Ратклиффа, когда он проезжал мимо похоронного салона. Он ведь потратил много

часов, даже дней на поиски девчонки — объезжал каждую улицу, исследовал каждый закоулок в городе и уже совсем отчаялся ее найти, как вдруг — вот она, пожалуйста, сидит в машине. И с кем, как вы думаете? С Кэтфишем де Бьенвиллем, ни больше ни меньше!

Конечно, с Кэтфишем никогда нельзя было наверняка сказать, где и в какой компании он окажется. Все-таки его дядя был одним из богатейших в городе людей, основателем и владельцем настоящей бизнес-империи. Он разрабатывал самые разные направления: от похоронных услуг и ремонта машин до стрижки деревьев и кустов и мелкого строительства. Все его родственники были пристроены к делу, и поэтому в один день Кэтфиша можно было застать за малярными работами, а в другой — сидящим в похоронном лимузине или собирающим дядину ренту в негритянских кварталах.

Но как объяснить присутствие девчонки? Это не очень-то тянет на простое совпадение, уж слишком Кэтфиш интересовался их последней партией *продукта,* слишком юлил и выведывал, где они его хранят (в своей дружески-фамильярной манере, конечно, с шутками и прибаутками, но все же!). И что-то слишком часто он стал заезжать к ним, что-то вынюхивал в туалете, чуть ли не час там сидел, гремел бачком, с грохотом опускал крышку унитаза. А в тот раз, когда Дэнни застукал его стоящим на карачках перед «транс Ам»? Слишком быстро он тогда вскочил, обтер руки о штаны и нагло так сказал, что, типа, чувак, я думал, у тебя колесо спустило. Хотя никакое долбаное колесо не спустило, и они оба это прекрасно знали.

А впрочем, Кэтфиш и девчонка представляли собой не самую большую проблему. Гораздо неприятнее было ощущение, что за ними *следят.* То загадочное происшествие в квартире у Юджина и нападение на Гам нервировали Дэнни, заставляя постоянно оглядываться через плечо, а уж что творилось с Фаришем, так и описать страшно.

Пока Гам была в больнице, у Фариша отпала необходимость даже делать вид, что он спит по ночам. Теперь он вообще перестал спать, мало того, не давал спать и Дэнни, заставляя его проводить рядом с ним каждую ночь. Кроша белую дурь на зеркале бритвенным лезвием, закрыв занавески, чтобы не травмировать светом красные от бессонницы глаза, они до хрипоты обсуждали подстерегающие их опасности. А теперь, когда Гам вернулась домой (совсем высохшая, полусонная, медленно шаркающая на костылях по дому от кухни до туалета), Фариш совсем съехал с катушек. На кофейном столике рядом с зеркалом теперь всегда лежал револьвер. Его пытаются достать. Кто? Есть много желающих. Жизнь бабушки под угрозой. И хотя Дэнни привык делить на сто теории, рождающиеся в больной голове брата, некоторые из них все же казались правдоподобными и ему, — помнится, Долфус много раз хвастался своими связями с организованной преступностью, а все знают, что мафия снюхалась с ЦРУ еще со времен

убийства Кеннеди.

— Я не о себе беспокоюсь, — говорил Фариш, зажимая пальцем ноздрю и откидываясь на стуле. — Я беспокоюсь о несчастной старушке. Что еще придумают эти ублюдки? Как можно было додуматься до такого зверства? Моя жизнь не стоит ни гроша, да мне насрать на нее. Во Вьетнаме я бегал босиком по джунглям, я сутками прятался на их сраном рисовом поле, сидел по брови в грязи, дышал через бамбуковую трубочку, мне не страшны никакие чертовы змеи!

Дэнни скрестил ноги и ничего не сказал. В последнее время он все чаще слышал рассказы о войне, которые раньше Фариш оставлял для посторонних. Дэнни всегда считал их пустыми выдумками, поскольку прекрасно знал, что большую часть вьетнамской войны Фариш провел в психбольнице в Уитфилде. Но недавно Фариш поведал ему, что, оказывается, правительство тайно переправляло часть пациентов — убийц, извращенцев, маньяков, — во Вьетнам на секретные операции, откуда они не должны были вернуться живыми. Черные вертолеты забирали их по ночам и уносили над хлопковыми полями прочь от родной земли. А охраняли их молчаливые солдаты в черных вязаных масках, с автоматами наперевес.

Дэнни также волновало то, что мет был пока не продан, и Фариш прятал и перепрятывал его по нескольку раз в неделю. Он стал страшно подозрительным и не доверял никому, даже Дэнни, о чем недвусмысленно много раз давал ему понять. То он вдруг с притворной откровенностью «раскрывал» ему место нового тайника, видимо, пытаясь проследить, не попробует ли Дэнни забрать товар, то начинал выкрикивать немыслимые обвинения, то с ледяной улыбкой на губах вдруг заявлял: «Ах, какой же ты *сукин сын!* Ну и сукин же ты сын, братец!» Для Дэнни в этой ситуации единственно возможным выходом было сохранять полное спокойствие, по крайней мере внешне, но он серьезно опасался, что как-нибудь Фариш или изобьет его до полусмерти, или просто убьет. Его жизнь превратилась в сплошное мучение — это вечное ожидание следующего взрыва, который всегда начинался неожиданно и без всякой видимой причины, изматывало его и так расшатанные нервы. Сам-то он не смел повысить голоса ни на кого, а с Фаришем ему всегда приходилось разговаривать ровным, спокойным, убедительным тоном, как с бешеным псом, не смотреть в глаза и не делать резких движений.

И вот однажды утром Фариш, как обычно бормоча бессвязные проклятия и сморкаясь в кровавый платок, приказал отвезти его в город. Он велел Дэнни высадить его в центре, вернуться домой и ожидать следующих приказов, однако Дэнни, разозленный бесконечными тычками и придирками, в этот раз не послушался. Завернув за угол, он припарковал машину на пустом участке около пресвитерианской церкви и осторожно, на безопасном расстоянии, пешком последовал за Фаришем. Брат сердито протопал по дороге с рюкзаком за плечами,

вышел из города и исчез в густой траве посреди бескрайних пустырей.

Он спрятал наркоту в старой водонапорной башне, Дэнни был практически уверен в этом, поскольку через какое-то время увидел брата — его силуэт четко выделялся на розоватом фоне утреннего неба, — ползущего вверх по ветхой железной лестнице башни с рюкзаком в зубах.

После этого Дэнни вернулся в машину, поехал домой и стал ждать. Мысли его роились, подобно потревоженному пчелиному улью: теперь он знал, где хранится товар стоимостью как минимум пять тысяч баксов, его ключ к свободе, к избавлению от Гам, к нормальной человеческой жизни, без вечного страха быть побитым или униженным. Конечно, это были деньги Фариша, сам-то Дэнни от силы получил бы с партии пару сотен баксов, и то Фариш заставил бы его униженно просить… Но таких крох Дэнни все равно не хватило бы, чтобы уехать, перебраться в Шривпорт или Батон-Руж, поступить на работу дальнобойщиком, снять комнату, завести подружку… и разъезжать по бескрайним просторам страны, сидя в хромированной кабине (затемненные стекла, кондиционер), слушать музыку и насвистывать себе под нос, наматывая на спидометр километр за километром.

Дэнни свернул к окраине города, припарковал машину и закурил. Старая водонапорная башня представляла собой огромную металлическую цистерну, прикрытую остроконечной деревянной крышей и посаженную на восемь опор, напоминающих паучьи ноги. Ржавая лестница вела наверх, к крыше цистерны, в которой была проделана небольшая дверь, открывающаяся прямо в резервуар с водой.

Следующие несколько недель Дэнни не мог думать ни о чем, кроме рюкзака с дурью, спрятанного где-то там, в недрах резервуара. Он манил, как рождественский подарок, убранный на верхнюю полку так, чтобы его было не достать. Искушение было настолько сильным, что уже дважды Дэнни подъезжал совсем близко к башне и только огромным усилием воли сумел удержать себя от того, чтобы не полезть наверх. Целое состояние! Раз — и он на свободе!

Однако, зная Фариша, Дэнни не сомневался, что тот наверняка расставил по дороге ловушки: он мог подпилить лестницу или заминировать откидную дверь. Кто знает? Вряд ли ловушки были нацелены на то, чтобы убить вора наповал, но Дэнни не устраивала даже пара оторванных пальцев или выбитый глаз.

Двадцать минут назад Дэнни вдруг скорее почувствовал, чем подумал, что вряд ли Фариш установил ловушки, — возможно, под воздействием наркотика он просто испытал необъяснимое желание отправиться к башне прямо сейчас, найти рюкзак, спрятать его в багажнике машины и рвануть в Южную Луизиану. Однако теперь, издалека рассматривая башню, он заколебался — в траве у подножия лестницы что-то подозрительно поблескивало, то ли проволока, то ли просто куски металла. Дрожащими руками Дэнни вытащил еще одну

сигарету и закурил. Конечно, любое увечье было несравнимо с тем, что сделал бы с ним Фариш, знай он о намерениях младшего брата.

А что Фариш совершенно серьезно подозревал Дэнни в предательстве — этот факт был неоспорим. Само то, что Фариш спрятал наркотики в чане с водой, уже о многом говорило — для Дэнни это был прямой удар в челюсть. Ведь Дэнни с детства не переносил воду, боялся ее до умопомрачения с того самого дня, как его отец, решив научить плавать семилетнего Дэнни, сбросил его с мостков в реку. Таким же способом папаша уже обучил плаванию старших братьев Дэнни, но в отличие от них Дэнни сразу пошел ко дну, даже барахтаться не стал. Он до сих пор помнил ужас смерти от удушья, а потом ужас возвращения к жизни, когда он выхаркивал мутную коричневую воду, а отец орал, что ему пришлось замочить одежду, вытаскивая бесчувственного сына из реки.

Фариш, в своем стремлении обезопасить товар от брата, даже пошел на очевидный риск: хранить мет в таком влажном месте было крайне рискованно. Дэнни помнил, как они с братом когда-то пытались закинуться в ванной — ничего у них не получилось, мет превратился в кусок белой замазки, и все их попытки засунуть его в нос не увенчались успехом.

Чувствуя себя побежденным, Дэнни принял очередную порцию, выбросил в окно недокуренную сигарету и завел машину. Он забыл, зачем его понесло в город (оплатить счет за электричество), и проехал еще раз мимо похоронного салона. Но, хотя Кэтфиш все так же сидел в лимузине, девчонки с ним уже не было, а на крыльце толпилось слишком много народу, чтобы лишний раз светиться.

«Ладно, может быть, попозже я еще раз проеду», — решил он.

Родной город Александрия — плоский, какой-то заброшенный, три с половиной душных, пыльных улицы, даже небо бесцветное.

«И если ехать достаточно долго, все равно приедешь на то же место», — мелькнуло у него в голове.

Грейс Фонтейн застенчиво приблизилась к дому Эдди и остановилась на пороге. Из дома раздавались голоса, звучал звон хрустальных бокалов. Она прошла через заставленную книжными стеллажами прихожую и вошла в небольшую гостиную. Несмотря на то, что вентилятор работал на полную мощность, в комнате было душно — мужчины сняли пиджаки, у женщин горели щеки. На покрытом кружевной скатертью столе возвышалась огромная чаша с пуншем, на тарелках были разложены закуски: ветчина, сухие хлебцы, рядом стояли вазочки с засахаренным миндалем и жареным арахисом.

Миссис Фонтейн постояла у двери, прижимая к груди ридикюль и ожидая, когда хозяйка ее заметит. Дом Эдди был по размеру меньше дома самой миссис Фонтейн, но Грейс была родом из деревни, поэтому робела перед «благородными»; к тому же чаша с пуншем, золотые

шелковые занавеси, огромный обеденный стол и портрет судьи в мантии и белом парике внушали ей благоговейный трепет.

Эдит, в маленьком белом фартучке поверх черного траурного платья, заметила миссис Фонтейн, поставила на стол блюдо с пирожными и подошла к ней. «О, Грейс, спасибо, что зашли».

Миссис Фонтейн с удивлением посмотрела на ее огромные черные очки, закрывающие почти половину лица, — мужские очки, совершенно неуместные вечером. К тому же Эдди пила — в руке у нее был широкий стакан, наполовину наполненный виски со льдом. Не в силах удержаться, миссис Фонтейн заметила:

— Похоже, вы тут празднуете, народу вон сколько набежало после похорон.

— Ну не умереть же теперь всем, — парировала Эдди. — Подходите к буфету, возьмите горячих закусок, пока они не остыли.

Миссис Фонтейн, не зная, что на это возразить, несколько секунд постояла очень тихо, переводя взгляд с одного гостя на другого, потом сказала сухо «спасибо» и прошла к столу с закусками.

Эдди приложила прохладный стакан к виску. В последний раз она пила виски лет сорок назад и при гораздо более приятных обстоятельствах. Вздохнув, она повернулась к гостям и надела на лицо привычную улыбку. Ребра болели так, что каждый вздох давался с трудом, однако в каком-то смысле она была даже благодарна этой боли. Боль помогала Эдди сосредоточиться на сиюминутных, безотлагательных делах — принести закуски, поменять тарелки, долить в пунш имбирного эля, — эти дела отвлекали ее от смерти Либби, заглушали гораздо более страшную боль потери. За последние несколько дней, несмотря на калейдоскоп лиц и дел, которые ей пришлось переделать, Эдди не проронила ни слезинки. А ведь это она встречала и устраивала на постой дальних знакомых и родственников, которые приехали из других городов. Она оттирала, отмывала, полировала и чистила свой дом перед приемом гостей, она закупила продукты и приготовила напитки и закуски... Она стащила вчера вечером с чердака чашу для пунша и сто металлических чашечек и три часа отмывала их от вековой пыли в тазу с мыльной водой. Спать она легла только в три часа ночи, но зато в первый раз со дня аварии спала сном младенца.

Бутон — кошечка Либби, такая же застенчивая и розовенькая, как ее покойная хозяйка, — в ужасе от происходящего забилась в ее спальне под кровать, вытащить ее оттуда не представлялось возможным. Пять кошек самой Эдди расселись на книжных шкафах и горках с хрусталем, нервно подергивая хвостами и наблюдая за гостями непроницаемыми желтыми глазами. Обычно Эдди точно так же не приветствовала вторжения посторонних в свое жилище, но нынче ее радовало разнообразие лиц, некоторых гостей она не видела уже много лет. Конечно, несмотря на печальный повод, люди хотели поговорить друг с

другом, коегде даже слышался смех, но Эдди это было приятно, по крайней мере гости вели себя более пристойно, чем ее собственная семья. От них она устала безумно, особенно от Адди, этой престарелой идиотки, которая сейчас флиртовала с жутким мистером Саммером, записным бабником, которого еще покойный папа недолюбливал. А она-то старалась как могла — и глазками хлопала, и за рукав его хваталась, и прихлебывала маленькими глоточками пунш, который *не* помогала готовить, из чашечки, которую *не* помогала мыть. И она ни разу не приехала навестить Либби в больнице — как же, вдруг придется пропустить дневной сон! Впрочем, Шарлот тоже не приезжала в больницу — слишком занята была лежанием в кровати да глотанием таблеток. А девочки? Они себя вели просто неприлично — так истерично рыдали, что даже гости почувствовали себя неловко. Впрочем, точно так же они вели себя, когда умирала эта их кошка. «Да, точно так же!» — горько подумала Эдди. Одна Тэт приезжала в больницу, а впрочем, лучше бы дома сидела — совсем извела Эдди своими причитаниями и попрекали: мол, могла бы избежать столкновения или внимательнее прислушаться к бестолковым объяснениям Алисон. Что они все знают о ее горе? Либби была ей отцом и матерью, она была единственным человеком на свете, мнение которого Эдди уважала.

Немедленно всплыли воспоминания: похороны матери, Либби в стареньком черном мамином платье, ушитом в талии и груди, держит ее за руку. Эдди в то время было девять лет, Либби, стало быть, восемнадцать. Какая она была худенькая! Ее маленькое личико с прозрачной кожей и огромными глазами казалось совершенно бесцветным, как у всех тогдашних блондинок, не имевших в своем распоряжении современных тональных кремов… Однако Эдди прекрасно помнила то ощущение полного доверия, которое она испытывала, держась за руку старшей сестры.

Слезы навернулись на глаза, и Эдди поспешно схватила со стола очередное блюдо, чтобы унести его на кухню, как вдруг краем глаза заметила маленькое существо в кроссовках и обрезанных джинсах, крадущееся по гостиной, — младший Халл, дружок Харриет! Кто это впустил его? Она неслышно подошла сзади и схватила его за плечо, — Хилли издал задушенный вопль и так сжался, будто боялся, что она сейчас схватит его острыми когтями, как сова зайчонка, и унесет в свое гнездо на растерзание.

— Чем могу помочь, молодой человек?

— Харриет… я…

— Я не Харриет, я ее бабушка, — сказала Эдди, скрестила руки на груди и наклонила голову набок, насмешливо и презрительно рассматривая свою жертву. Она в самом деле напоминала хищную птицу, и Хилли на секунду возненавидел ее.

— Я… — попытался он начать сначала, — я…

— Ну давай, говори, что тебе надо?

— Где Харриет?

— Она здесь. А теперь иди домой, тебе здесь не место. — Она больно ухватила его за плечо, повернула лицом к двери и подтолкнула.

Хилли вывернулся из ее рук.

— А она поедет назад в лагерь?

— Ей сейчас не до игр, — резко сказала Эдди. Мать мальчишки, недалекая пустышка, не пришла на похороны и даже не позвонила. — Скажи своей маме, чтобы она не разрешала тебе мешать людям, у которых в доме горе. А ну беги прочь, живо!

Мальчишка повернулся и пошел прочь, нога за ногу, руки в карманах. Эдди проследила, чтобы он завернул за угол, потом прошла на кухню долить себе виски в стакан и вернулась в гостиную. Толпа гостей постепенно редела. Шарлот (которая выглядела совершенно потерянной, взмокшей и очень красной) стояла на своем посту около чаши с пуншем, теребя черпак на длинной ручке и оцепенело глядя вдаль. Рядом с ней стояла курносая миссис Шаффин, которая работала в магазине цветов.

— Вот мой совет, — говорила она доверительным тоном, притрагиваясь к локтю Шарлот, — заполните гнездо новыми цыплятами. Конечно, ужасно потерять ребенка, но я много смертей на своем веку перевидала, и поверьте, чем скорее вы заведете еще парочку малышей, тем лучше будет для вас, милочка.

Эдди заметила здоровенную дырку на чулке дочери. Она специально поставила Шарлот распоряжаться пуншем, чтобы та не стояла посреди гостиной, глядя в одну точку, как в приступе кататонии. «Но, мама, я ведь даже не знаю, что надо делать», — пролепетала Шарлот, когда мать всунула ей в руку черпак, и попыталась оттолкнуть его от себя, словно он был живым существом, и при этот очень противным. «Ничего особенного, бери да наливай гостям пунш». — «А что мне надо им говорить?» — истерическим шепотом спросила Шарлот. «Да ничего не надо», — нетерпеливо бросила Эдди, зачерпнула прохладный напиток, налила в первую чашку и поставила ее на стол. Миссис Тигартен, в своем зеленом платье похожая на лягушку, обернулась и театральным жестом приложила веснушчатую руку к груди.

— Боже, как мило! Это *мне?*

— Конечно, милочка, угощайтесь! — Эдди постаралась говорить погромче, чтобы ее было слышно в другом конце комнаты. Дамы заулыбались и стали потихоньку мигрировать в их сторону.

— Какой необыкновенный вкус! — громко сказала миссис Тигартен. — Эдит, я чувствую имбирный эль, верно?

Эдди повернулась лицом к гостям:

— Прошу вас, попробуйте нашего безалкогольного домашнего пунша, ничего особенного, мы всегда делаем такой на Рождество. Мэри Грейс! Катрин! Что я могу вам предложить?

— О, Эдит… — раздался хор голосов. — О, как это прелестно… и с каким вкусом сделано… и как у вас хватает времени…

— Ну, Эдит это не сложно, — язвительно произнесла Аделаида. — У нее же есть *морозильник!*

Эдди, поморщившись, взглянула на сестру, поймала ее вызывающий взгляд, но ничего не сказала. Она оставила дочь с черпаком в руке, бессильно и неуверенно улыбающейся этой своей вечной потусторонней улыбкой. Воистину смерть Робина стала двойной потерей, ведь она тогда навсегда потеряла свою умненькую веселую дочку. Конечно, такой шок пережить сложно, но все же прошло уже больше десяти лет, другие как-то с этим справляются!

Миссис Шаффин поставила чашку на подставку и опять наклонилась к Шарлот:

— Знаете, милочка, пуансеттия может быть очень хороша в цветочных композициях, например на рождественских похоронах. Так освежает букеты и какой запах!

Эдди наблюдала за ними, скрестив руки на груди. Она решила перемолвиться словечком с миссис Шаффин, причем как можно скорее. Дело было в том, что Дике сам не приехал на похороны, но вместо себя прислал букет, который показался Эдди весьма подозрительным — слишком он был искусно составлен, какой-то даже *женственный*. К тому же во время похорон ее покоробил разговор, который она случайно подслушала. «Но это же могла быть его секретарша!» — сказала миссис Кин в ответ на реплику, которую Эдди пропустила. Миссис Шаффин поправила алые гладиолусы, стоящие в высокой вазе. «Ну не знаю, — иронически заметила она, — я сама разговаривала по телефону с этой особой, и она вовсе не показалась мне *секретаршей*».

Хилли не отправился домой, просто завернул за угол, прошел до калитки и вошел во двор, где сразу увидел Харриет — она угрюмо болтала ногой, сидя на старых качелях. Без предупреждения он приблизился к ней и сказал:

— Привет, ты когда вернулась домой?

Он ожидал, что Харриет обрадуется его появлению, но она просто молча взглянула на него. Сердце Хилли заныло, как всегда, когда она вела себя странно.

— Ты получила мое письмо? — спросил он слегка раздраженно.

— Получила. — Харриет наелась засахаренного миндаля, и теперь у нее во рту стоял противный сладкий вкус. — Зачем ты его послал?

Хилли присел рядом с ней на качели.

— Если честно, я чуть не помер от страха, я…

Харриет нахмурилась, кивнув на гостей с чашками пунша, столпившихся на крыльце.

Хилли глубоко вздохнул и сказал более спокойным голосом:

— Ты не представляешь, что тут происходит. Он кружит по городу, медленно-медленно, объезжает все улицы, как будто ищет нас. Я ехал с

мамой в машине и увидел его — он припарковался прямо под эстакадой, наверное, ждал нас.

Хилли смотрел не на Харриет, а на гостей на крыльце. Он сунул руки под мышки, чтобы они не дрожали.

— А ты не ходил туда за тележкой?

— Ты что, думаешь, я с ума сошел? Несколько дней он прямо-таки дежурил там. А недавно я видел, как он ехал к складам у железной дороги.

— Зачем?

— А я почем знаю? Мне стало скучно, и я пошел туда погонять мяч. Когда я услышал машину, то спрятался, и слава богу! Потому что это был *он*. Он припарковался у обочины и сидел в машине минут десять, а потом вышел и стал кружить поблизости. Может быть, он выслеживал меня, откуда мне знать?

Харриет потерла глаза и сказала:

— Я видела его машину полчаса назад.

— А куда он ехал? К железной дороге?

— Может быть. Мне самой было интересно, куда он ехал.

— Слава богу, он меня не видел, — сказал Хилли. — Когда он вышел из машины, я чуть в штаны не наложил от страха. Я прятался в кустах около часа, про змей даже не вспомнил.

— Давай спрячемся на холме и посмотрим, что он там делает.

Харриет думала, что Хилли не устоит против предложения сделать что-нибудь вместе, но он ответил быстро и решительно:

— Никогда в жизни! Ты не понимаешь, этот человек *опасен*...

Он невольно повысил голос, и пара стоящих на крыльце гостей с любопытством повернулась в их сторону. Харриет толкнула его локтем под ребра.

— Ты не понимаешь, — быстро зашептал Хилли. — Он убил бы меня, если бы увидел. Он так выглядел... — Хилли скривил лицо и начал бешено вращать глазами.

— Он что, искал что-то?

— Не знаю, что он искал, просто я не хочу иметь с ним никаких дел. Вообще, никогда. Да если он или его братья поймут, что это мы бросили змею, нам крышка. Ты что, не читала газету, которую я послал?

— Не смогла.

— Так вот, это была его бабушка, понятно? И она чуть не умерла.

Калитка со скрипом приоткрылась, и Харриет вдруг вскочила на ноги.

— Одеон! — закричала она.

Маленькая негритянка, в шляпе и платье, подпоясанном ремешком, только скосила на нее глаза, не соизволив даже повернуть голову в ее сторону. Сжав губы, глядя прямо перед собой, она прошаркала к задней двери и решительно постучала.

— Миз Эдит дома? — спросила она скрипучим голосом, приставив

руку к бровям и наклоняясь ближе к стеклу, чтобы заглянуть внутрь.

Харриет, красная от смущения, обиженно опустилась на качели. Хоть сама она и не особо дружила с Одеон, все же для нее старушка представляла собой часть Либби. Они с Либби и были как старая супружеская пара, и ссорились так же (в основном из-за кошки Бутон, которую Одеон терпеть не могла), и так же быстро мирились, так же обожали друг друга и понимали с полуслова.

Как она могла забыть про старую служанку? Они жили с Либби уже сто лет, еще со времен «Дома Семи Невзгод», вместе состарились, но что же ей делать теперь, когда у нее уже нет ни сил, ни здоровья искать новую работу?

На крыльце возникла небольшая суматоха.

— Вот там вас спрашивают, — сказал кто-то из гостей, и из дома выскочила Тэт.

— Одеон, — торопливо закричала она, — вы ведь меня узнаете, правда? Я Тэт, сестра Либби.

— Почему мне никто не сказал про миз Либби?

— Ах господи, верно... — Тэт оглянулась, ее лицо стало медленно заливаться краской. — Что же делать... Пройдите в дом, пожалуйста!

— Мэй Хелен, что служит у миз Леонор, пришла да мне сказала. А вы мне не сказали ни словечка. А уж и в землю ее положили.

— Ох, Одеон, мы же не знали, есть ли у вас телефон...

— Телефон? Могли бы дойти до старой Одеон. — Голос старушки дрогнул, но лицо было неподвижно. — Живу-то я недалеко, могли бы уж времечко потратить да сходить.

— Одеон... Ах ты, ну как же это? — Тэт беспомощно оглянулась. — Да пройдите же в дом, присядьте на минутку...

— Нет, мэм, — твердо сказала Одеон. — Покорно благодарю.

— Одеон, мне так стыдно! Мы просто не подумали...

Одеон смахнула с глаз слезинку.

— Мы с миз Либби были вместе, считай, полвека и больше, а я и не знала, что она в больнице. Я-то думала, вы все уехали отдыхать, так в понедельник собиралась на работу выходить. А она-то уже в земле лежит, вот оно как.

— Господи, это ужасно. Я не знаю, что делать. Сможете ли вы простить нас? Сейчас, подождите минутку, я найду Эдит...

Тэт исчезла внутри. На крыльце возобновились разговоры. Кто-то из гостей сказал негромко, но внятно:

— Наверное, ей надо дать немножко денег...

Харриет вспыхнула. Она не знала, как поступить. По идее, ей следовало пойти и встать рядом с Одеон, этого наверняка хотела бы Либби, но сама Одеон выглядела так неприветливо, словно ей это было бы неприятно. Внезапно дверь резко распахнулась и на крыльцо вылетела Алисон. С судорожными рыданиями она бросилась к Одеон и крепко обняла ее. Хилли вскочил с качелей и вытянул шею, чтобы

лучше видеть, что происходит на крыльце.

Дверь в очередной раз распахнулась, и на пороге появилась Эдди.

— Алисон, как ты себя ведешь? А ну марш в дом! — скомандовала она сурово, хватая девочку за плечо. — Что я тебе сказала, а?

Но Алисон вскрикнула, вырвалась, сбежала по ступенькам крыльца, пронеслась как вихрь по двору и исчезла в сарае с инструментами. В сарае что-то прогрохотало, потом стихло.

— Да-аа, — протянул Хилли, изумленно глядя вслед Алисон. — У твоей сестры точно не все дома.

С крыльца до них долетел ясный, громкий голос Эдди:

— Одеон, мы так рады, что вы зашли к нам. Пожалуйста, проходите в гостиную.

— Нет, благодарю покорно. Не хочу я вам мешать, мэм.

— Не говорите глупости! Мы очень рады вам!

Хилли посмотрел на Харриет. Ее лицо выражало какую-то доселе неизвестную ему эмоцию, что-то среднее между отвращением и смущением, и выглядело это так неприятно, что Хилли сказал резко:

— Ммм, пожалуй мне пора домой...

Харриет ему не ответила, он развернул плечи, выпятил грудь, сунул руки глубоко в карманы шортов и пошел прочь, нарочно волоча по земле ноги, чтобы казаться более крутым.

Харриет гневно смотрела в землю. Она слышала, что на крыльце речь шла о завещании Либби.

— Где оно? — спрашивала Одеон.

— Не волнуйтесь, мы очень скоро с этим разберемся, — говорила Эдди, беря Одеон под руку и пытаясь увести ее в дом. — В понедельник мы с юристом, мистером Вентвортом, пойдем в банк и...

— Не надо мне никаких юристов, — говорила Одеон жестко и холодно. — Миз Либби мне обещала. Говорила мне так: ежели что со мной случится, так пойди и посмотри в моем кедровом сундучке. Там для тебя приготовлен конверт. Ты пойди и никого не спрашивай об этом.

— Одеон, мы пока не трогали ее вещи. В понедельник...

— Господь знает, что было, и я знаю, что было. Я-то знаю, что мне миз Либби обещала...

— Одеон, я не хочу это сейчас обсуждать. Вы получите то, что вам причитается по закону...

— Не надо мне ваших законов. Мне только надо то, что мне положено..

Харриет уставилась на полураздавленную створку мидии, которая валялась около садовой урны, украшающей небольшой садик Эдди, рядом с кустом чайных роз. Еще до рождения Харриет вся семья каждый год ездила отдыхать на Залив, после смерти Робина они туда не возвращались ни разу. Стеклянные банки, заполненные маленькими серыми ракушками, печально пылились у тетушек на полках.

«Знаешь, — сказала ей как-то Либби, — они ведь морские создания, их магия на суше теряется». Она налила полную раковину воды и высыпала туда бесцветные створки. Харриет, стоя на скамеечке, чтобы достать подбородком до края (ей было года три, какой огромной и белоснежной казалась ей обычная кафельнал раковина), в изумлении наблюдала за волшебным превращением: пыльно-серые, невзрачные половинки под действием воды расцвели всеми цветами радуги: от розового до перламутрово-зеленого, фиолетового, серебряного, черного! «Понюхай их, — сказала Либби, — так пахнет океан». И Харриет низко нагнулась к раковине и вдохнула резковатый запах океана, которого она никогда не видела, того океана, что так прекрасно описал Джим в «Острове сокровищ», — седой прибой, резкий крик чаек и белые паруса «Эспаньолы», трепещущие на ветру.

Говорят, что смерть — это счастливый берег. И действительно, на старых фотографиях Либби и Робин выглядели очень счастливыми, как мечта, как сон, где все собрались вместе — теперь уже навсегда.

Однако в действительности Харриет видела совсем другое — горестные крики Одеон, безликую массу любопытных гостей на крыльце, грязь и вытоптанную траву под ногами, треснувшую кирпичную кладку на садовой стене… В тот момент это казалось ей самым главным в жизни, и отчасти так оно и было.

Глава 7
Башня

Время рассыпалось. Харриет перестала понимать, чем его можно измерить. Раньше планета по имени Ида совершала свой круговой ход по небосклону их дома, отмечая дни и месяцы размеренно, как метроном, и точно, как часы (в понедельник стирка, во вторник штопка, летом — бутерброды, зимой — суп). Все было понятно, привычно, надежно, дни переходили в недели, недели в месяцы. По вторникам Ида расставляла гладильную доску и гладила постиранное в понедельник белье, по четвергам выбивала на дворе ковры, а потом развешивала их на проветривание, так что красный персидский ковер, висящий на перилах крыльца, сигнализировал Харриет: «сегодня четверг!» Знойный четверг летом, дождливый октябрьский четверг, далекий темный четверг предстоящей зимы. Когда Харриет в первом классе болела ангиной, только привычные звуки Идиной деятельности (шипение утюга, равномерные удары выбивалки по ковру) сообщали ей о смене дней. Дни кончались в пять вечера, когда Ида меняла один передник на другой, и начинались утром со скрипа парадной двери и Идиных шагов в прихожей. Ида! Приглушенное гудение пылесоса, хлопанье дверец кухонного шкафчика, быстрый взгляд, когда Харриет пробегала мимо нее на улицу, и высокий ведьминский смех. Шутки и укоры, ложки сахара, тонущие в высоких бокалах ледяного чая,

диковатые старинные песни, доносившиеся из кухни («мой милый, не скучаешь ли по маме иногда?»), и затейливые птичьи крики, раздававшиеся со двора, пока белые простыни, блузки и футболки рвались с веревки в небо. Ах, Ида...

Теперь все исчезло, без Иды время превратилось в аморфное, пустоглазое чудовище, в шипящую, затаившуюся во тьме пустоту. Невозможно было понять, где день, где ночь, пропали ориентиры, ни завтрака, ни ужина, ни правил, ни законов, ни традиций — все сметено одним материнским капризом.

Вместе с Идой исчезли многие приятные, удобные и чрезвычайно важные мелочи — например, ощущение чистоты и свежести простыней, их лавандовый запах. Только Ида могла постелить постель так, чтобы Харриет удобно было на ней спать. Ни в лагере, ни даже у Эдди она не могла толком выспаться — все время ворочалась, не понимая, почему сон к ней не идет. И сейчас, глядя на застланную Идой кровать в своей спальне, Харриет осторожно отодвигала край покрывала и вдыхала последний оставшийся от Иды аромат чистого белья. Она из принципа не спала теперь под одеялом, чтобы не нарушить идеальную гладкость простыни. Приходилось спать поверх покрывала, ночью комары кусали ей ноги, звенели в уши, частенько ей до смерти хотелось забраться в свою уютную постельку и уткнуться головой в мягкую подушку, но она знала, что тогда Идина магия исчезнет навсегда. Иногда ей снились странные, мучительные сны, в которых отвратительный скрипучий голос спрашивал ее из-под кровати: «Ты что-нибудь оставила мне, мисси? Что ты мне оставила, мисси?» По утрам она просыпалась поздно, совершенно разбитая, выходила на кухню с красным узором от покрывала на щеке, но какая разница? Все равно некому было встретить ее там, некому было спросить, почему у нее такой унылый вид. Некому было бодро воскликнуть: «Доброе утро, детка!», некому было заварить ей кофе, засыпать хлопья в тарелку. Дом погрузился в тишину, не нарушаемую ни днем, ни ночью.

К тишине собственного дома добавлялась тишина и пустота дома Либби, стоящего на соседней улице. Еще одна потеря, о которой Харриет могла горевать часами. Как хорошо она знала тот дом, сиреневые рамы на окнах, полосы света в уютной гостиной. На память ей приходили картинки из прошлого: поздняя осень, дождь стучит в стекло, маленькая Харриет капризничает за кухонным столом: «Ненавижу школу! Никогда больше не пойду туда!» А хрупкая Либби сидит в кресле напротив, хмурит белые бровки и участливо расспрашивает «свою милую деточку» о ее горестях. Харриет всегда становилось легче после разговоров с ней. В детстве Харриет частенько оставалась у нее ночевать: она лежала на высоких подушках, глядя, как Либби семенит по комнатам, мелко ступая маленькими ножками, тихо светясь в полумраке, словно белый лохматый пион на тонкой ножке. Иногда Либби напевала песенки:

Отправились в море
В лодке зеленой
Филин и кот на прогулку.
Взяли в дорогу
Меду немного
И денежек целых пять фунтов...

или вышивала, низко наклоняясь над пяльцами. А как она радовалась, когда Харриет звонила ей по вечерам! Даже если она звонила поздно, в трубке всегда раздавалось: «Ой, да это же моя *деточка* звонит! Какая же ты *умница,* что вспомнила о своей старой тетушке...» Ее веселый, радостный голосок всегда так согревал сердце Харриет, что она закрывала глаза и свешивала головку, как серебряный колокольчик в нежной теплой руке. А кто еще так радовался, когда она звонила? Да никто, вот и весь ответ. А теперь звони не звони по этому номеру, никто тебя деточкой не назовет... Дом стоял пустой, в запертых комнатах грустила мебель, которую вскоре должны были выставить на аукцион, но пока все осталось на своих местах, все так же солнце играло на стеклянном пресс-папье, что по-прежнему стояло на столе в кабинете, и так же печально и напряженно смотрели со стен старинные фотографии. Одежда еще висела в шкафу, но тетя Тэт уже начала потихоньку паковать ее в коробки, чтобы передать в Армию спасения для отправки нуждающимся в Китай или Африку. Харриет представила себе крошечную китайскую женщину, сидящую в разрисованной пагоде в одном из розовых воскресных платьев Либби. Как странно устроен мир: люди сажают сады, играют в карты, ходят по воскресеньям в церковь, отправляют посылки с одеждой в Китай — и для чего? Только чтобы потом упасть в ту же самую черную пропасть?

Так что Харриет проводила время за мрачными размышлениями. Иногда она сидела на ступеньках лестницы, иногда за кухонным столом, уронив голову на руки, иногда на подоконнике в спальне, глядя вниз на улицу. На нее наплывали воспоминания: грубые слова, сказанные в запале, пустые обиды, неблагодарность, заносчивость, невоспитанность. Как-то раз она собрала в саду пригоршню черных жуков и воткнула их в пирог, над которым Либби трудилась целый день. Либби тогда горько плакала, тихо, жалобно, как девочка, закрыв лицо руками. А еще Либби плакала, когда подарила Харриет на день рождения серебряный кулон в виде сердечка, а Харриет швырнула его на стол с криком: «Я же просила тебя купить мне игрушку!» Эдди потом отвела ее в сторону и рассказала, что сердечко было очень дорогим, «дороже, чем Либби могла себе позволить». Иногда, когда Харриет сидела на диване, листая «Британскую энциклопедию», эти воспоминания накатывали на нее с такой силой, что она откладывала книгу в сторону, забиралась в шкаф, закрывала за собой дверь и плакала, уткнувшись носом в атласные

материнские платья. В такие минуты она была уверена лишь в одном — что она никогда больше не будет счастлива, и в горестном оцепенении наблюдала, как жизнь ее катится вниз, все ниже и ниже, под гору, под откос.

Школа начиналась через две недели. Хилли теперь был занят — он осваивал тромбон и ходил на занятия в некое подобие оркестра, именуемое «Трек-Клиника». Каждый день оркестранты выходили на футбольное поле и там часами маршировали в удушающей жаре. Во время тренировок футбольной команды они отправлялись в гимнастический зал, садились в кружок на стулья и играли гаммы. Вечерами руководитель их оркестра устраивал пикники — мальчики разводили костер и жарили на огне хот-доги, играли в мяч — или соревнования со старшими музыкантами. Теперь, даже когда Хилли возвращался домой не очень поздно, ему приходилось после ужина отрабатывать задания.

Харриет была даже рада его отсутствию. Она слишком сильно тосковала о Либби и стеснялась своего горя, к тому же ее дом был в таком ужасном состоянии, что приглашать к себе гостей не представлялось возможным. После Идиного ухода мать Харриет стала проявлять больше интереса к жизни дочерей и к хозяйству, но делала это как-то странно, непредсказуемо и бессистемно. В самом захламленном углу кухни вдруг появился мольберт, и в течение следующих нескольких дней Шарлот делала акварельный набросок фиолетовых маргариток — правда, вазу, в которой стояли цветы, она так и недорисовала. Она не замечала кип грязного белья, раскиданных по углам, но могла потратить вечер на то, чтобы отполировать медную ручку двери; не видела скопившейся в раковине посуды, крошек на скатерти, кислого запаха полотенец, пыли в комнатах, заляпанных грязью ковров, но однажды Харриет застала ее на кухне, где она до блеска начищала старый тостер.

— Красиво, правда? — спросила мать, отступая на шаг и любуясь своей работой. — Ида никогда не обращала особого внимания на чистоту, верно? Но мы же справляемся и без нее, так, крошка? Нам же хорошо втроем?

И вовсе не было им хорошо. Но надо отдать Шарлот должное, она старалась. Однажды она даже вытащила свою старую поваренную книгу, пролистала ее, нашла рецепт блюда под названием «Стейк Дианы», выписала на листок бумаги ингредиенты и закупила их в соседнем магазине. Дома она повязала кокетливый передник с воланом (подарок на Рождество, никогда еще не ношенный), закурила сигарету, сделала себе бурбон с колой и приготовила великолепный ужин. Они втроем сели за обеденный стол в гостиной, и Алисон зажгла свечи, которые отбрасывали длинные, колеблющиеся тени на стены и потолок. Это был их лучший ужин за много дней — правда, грязная посуда так и осталась

лежать в раковине немытой.

Жизнь без Иды осложнила существование Харриет еще в одном, совершенно неожиданном, аспекте. При Иде территория обитания матери сводилась в основном к собственной спальне. В ее отсутствие мать постепенно начала осваивать соседние территории и часто вторгалась в комнату Харриет без приглашения. С какой надеждой раньше Харриет ждала малейшего знака материнского внимания! Теперь оно в неограниченных количествах давалось ей ежедневно, но вместо радости вызывало только приступы острой неловкости, раздражения или даже гнева. По вечерам мать подходила к Харриет, когда та занималась каким-нибудь делом, и нерешительно переминалась рядом, будто надеясь, что Харриет заговорит с ней. В такие минуты Харриет внутренне сжималась — она и рада была бы общению с матерью, но совершенно не представляла, о чем с ней можно разговаривать. То ли дело Алисон, само ее молчаливое присутствие действовало на мать успокаивающе. Иногда они втроем собирались на диване в гостиной, но тогда разговор получался поверхностным и в основном крутился вокруг Либби. Все вокруг напоминало им ушедшую тетушку. О чем бы они ни говорили, о фруктах или овощах, о дверных ручках, о ложечках, о тарелках, мыслями постоянно возвращались к Либби. Апельсины? Все помнили, как Либби любила класть апельсиновые дольки в рождественский пунш. А апельсиновый кекс, который Либби так хорошо пекла?

Груши? Ну конечно, знаменитый грушевый компот с имбирем, коронное блюдо Либби. А еще та песенка про маленькое грушевое деревце, она ее так мило пела… И натюрморт с грушей у нее над кухонным столом… О чем бы ни заходил разговор, имя Либби непременно всплывало, и она незримо присутствовала в их полутемной гостиной.

Харриет не очень это нравилось. Иногда ей даже становилось не по себе, словно Либби из человека превратилась в какой-то вездесущий газ и выползала из замочных скважин или щелей в паркете. К тому же Харриет казалось несправедливым, что и ей и Алисон категорически запрещалось не только жалеть об уходе Иды, но даже произносить ее имя. Конечно, мать ни разу не сказала об этом прямо, но любое упоминание об Иде выводило ее из себя.

— Как ты смеешь! — вскрикнула она как-то раз, когда Харриет, не подумав, вскользь бросила, что скучает по Либби и Иде. — Как ты смеешь даже сравнивать их! И *не смей* смотреть на меня *так!*

Она схватила за руку испуганную Алисон, резко выпустила ее, вскочила из-за стола и выбежала из комнаты.

Не то чтобы Харриет ненавидела мать, нет, иногда, проходя мимо кухни, она видела скорчившуюся на стуле фигуру в голубом пеньюаре, с головой, опущенной на руки, и неизменной дымящейся в пепельнице сигаретой. В такие минуты ей хотелось подойти и обнять эти понуро

сгорбленные плечи, прижать мать к себе, пригладить ее растрепанные волосы. Но когда Шарлот вдруг поднимала голову и пыталась заговорить с ней, Харриет или позорно бежала из кухни, или, сама не зная почему, превращалась в ледяную статую. Однажды вечером она сидела в гостиной, изучая очередную статью в «Британской энциклопедии», — на этот раз про семейство морских свинок, обитающее в Южной Америке. Мать неслышно подошла к дивану и опустилась рядом с ней. Харриет застыла, а мать тихонько погладила ее по руке.

— У тебя впереди вся жизнь! — Она сказала это как-то слишком громко, будто с подмостков театра.

Харриет промолчала, угрюмо рассматривая черно-белую фотографию капибары, самого большого в мире грызуна.

— Знаешь... — мать усмехнулась ненатуральным, театрально-драматичным смешком. — Я бы не хотела, чтобы ты пережила то, что пришлось пережить мне.

Харриет не сводила взгляда с картинки, хотя та уже начала расплываться перед ее глазами. Она сжала зубы и решила не поднимать глаз на мать. Она прекрасно понимала, что нужно Шарлот, — любой, самый маленький знак внимания, кивок, слова «бедная мама» или улыбка. Но Харриет сделала над собой гигантское усилие и продолжала молчать.

Почему? Да потому что чувство несправедливости захлестнуло Харриет, она даже задрожала от возмущения. Где была мать, когда ей, Харриет, нужно было ее внимание? Сколько раз она умирала от желания поговорить с ней, поделиться горестями, прижаться к теплой материнской груди. Как часто она стояла в коридоре за дверью ее спальни, слушая ее ровное, равнодушное дыхание? А совсем недавно, когда она ворвалась к ней в слезах, чтобы умолять ее оставить Иду, что она увидела? Палец, поднятый вверх вялым королевским жестом, простое *нет, это не обсуждается*...

Харриет вернулась к реальности и поняла, что мать встала и смотрит на нее сверху вниз. Ее улыбка теперь была колкой, как колючая проволока.

— Не смею отвлекать тебя от чтения, — сказала она, поворачиваясь к двери.

Харриет немедленно почувствовала угрызения совести.

— Мама, что ты говоришь? — Она отложила «Энциклопедию».

— Ничего. — Мать затянула потуже кушак халата и вышла в коридор.

— Мама? — Харриет вскочила, но было поздно, дверь спальни закрылась с демонстративным щелчком. — Мама, прости...

Господи, ну почему она такая отвратительная, злобная, гадкая? Почему она не может общаться с матерью как все нормальные девочки? Ответ напрашивался сам собой — потому что у тех девочек нормальные

матери… А в груди у ее матери гнездилась смертельная боль, хотя она и пыталась делать вид, что с ней все в порядке. По утрам, например, она спускалась на кухню в пижаме, плюхалась на стул и засыпала их с Алисон глупыми предложениями — поиграть в карты, или приготовить вместе пастилки *(пастилки, подумать только!),* или поехать обедать в Загородный клуб, хотя всем было известно, что он закрыт по понедельникам. И хотя глаза Шарлот блестели, а губы весело улыбались, ей не удавалось скрыть внутренний трепет, неудержимое беспокойство, бесконечную тоску, от которых Харриет хотелось плакать. К тому же она задавала кучу совершенно бестактных, неуместных вопросов: «Может быть, тебе уже нужен лифчик?», или: «Ты не хочешь пригласить к себе подружку?», или: «Не тянет ли тебя в Нашвилль, в гости к отцу?»

— Мне кажется, тебе следует устроить вечеринку, — сказала она как-то раз Харриет.

— Вечеринку? — осторожно переспросила дочь.

— Ну да, знаешь, такую небольшую вечеринку с кока-колой и мороженым для девочек из твоего класса.

Харриет ужаснулась, представив себе подобное мероприятие, и не нашлась, что сказать.

— Тебе надо больше видеться с людьми. С девочками твоего возраста.

— Зачем?

Взмахом руки мать Харриет отклонила ее возражения.

— Ты же скоро будешь девушкой, — сказала она мечтательно. — Тебе надо будет думать о котильонах… Ну и, знаешь, о нарядах, и коротких юбочках, и свиданиях…

«Ну и ну», — с изумлением подумала Харриет.

— Начинаются твои лучшие дни. Мне кажется, в этом возрасте ты станешь по-настоящему счастливой.

Харриет не знала, что на это ответить.

— Почему ты молчишь, золотко? Ты, наверное, думаешь о нарядах, да? Ты из-за этого не хочешь никого к себе приглашать?

— Нет!

— Поедем с тобой в Мемфис, ограбим парочку магазинов. Пусть наш папочка немного потратится, верно?

Странности материнского поведения выбивали из колеи даже Алисон — у нее последнее время развилась привычка исчезать из дома по вечерам. Она даже несколько раз оставалась ночевать у какой-то загадочной Труди, а уж Пембертон заезжал за ней чуть не каждый день. «Куда они ездят?» — спрашивала себя обиженная Харриет, из окна спальни провожая мрачным взглядом фары удаляющегося «кадиллака». «О чем они разговаривают друг с другом?» Улица блестела от только что пронесшейся над городом грозы, в чистом, вымытом дождем небе начинали проступать звезды, холодные, равнодушные,

яркие. Глядеть в небо было все равно что глядеть в прозрачный пруд, который кажется совсем мелким, однако, если бросить туда монетку, она будет падать и падать, спиралеобразно скользить вниз, в глубину, но никогда не достигнет дна.

Так проходил август.

На похоронах Либби священник читал из Псалмов: «Я уподобился пеликану в пустыне; я стал как филин на развалинах; не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле».[5] «Время залечит любые раны», — сказал он. Залечит, но когда?

Харриет подумала о Хилли, яростно выдувающем ноты на раскаленном от жары футбольном поле. Это тоже вызвало в памяти Псалтирь: «Хвалите Его со звуком трубным, хвалите Его на псалтири и гуслях».[6] Чувства Хилли были неглубокими, он жил в нагретом солнцем мелководье и не заплывал на глубину. Как он мог ее понять? Его родители меняли домработниц чуть ли не ежемесячно. И горе, которое причинила ей смерть Либби, он тоже постичь не смог бы — Хилли не любил стариков, он боялся их, не хотел навещать даже собственных дедушку и бабушку.

А вот Харриет скучала по своим старушкам, а те были слишком заняты, чтобы уделить ей внимание. Тэт все время проводила в доме Либби, пакуя вещи покойной: полировала серебро, увязывала в тюки простыни, выбивала и свертывала ковры, складывала в коробки бесконечные сувенирчики, заполнявшие сундучки и шкатулки. «Милочка моя, ты просто ангел!» — воскликнула она, когда Харриет позвонила ей и предложила помочь. Но, хотя Харриет и пришла к дому в назначенное время, она не смогла перебороть себя и войти внутрь. Она даже подойти к дому не смогла — слишком разительным был контраст между тем опрятным, аккуратным, сказочным домиком, в котором жила Либби, и этим опустошенным жилищем, таращившимся на нее голыми глазницами окон. Постояв в нерешительности на тротуаре, она повернулась и побежала домой. Вечером, мучимая укорами совести, она снова позвонила Тэт.

— Я ломала голову, что с тобой случилось, — сказала Тэт уже гораздо более сухим тоном.

— Я... я...

— Дорогая, я устала, — голос Тэт действительно звучал глухо и слабо, — что я могу для тебя сделать?

— Дом... он совсем не такой...

— Да, все изменилось. Находиться там действительно тяжело. Я сегодня села на кухне среди коробок и так и залилась слезами.

— Тэтти, я... — Харриет тоже залилась слезами.

---

[5] Пс. 101:7.

[6] Пс. 150:3.

— Послушай меня, дорогая, ты умничка, что не забываешь Тэтти, но, наверное, будет лучше, если я все сделаю сама. — Теперь Тэтти тоже плакала. — Бедный мой ангелочек. Ничего, мы придумаем что-нибудь приятное, когда я закончу, хорошо?

И даже Эдди, всегда такая же ясная и четкая, как профиль на монетке, неуловимо изменилась после похорон. Каждый день теперь она встречалась с юристами, банкирами, клерками и обсуждала с ними наследство Либби, которое было исключительно запутано из-за долгов, что наделал в свое время судья, и его неуклюжих попыток скрыть факт своего банкротства. Как будто этого было мало, мистер Рикси, потерпевший в той злополучной аварии, потребовал возмещения «физического и морального ущерба». Каков нахал! и он не соглашался уладить это дело по-тихому, нет, ему непременно надо было выступить в суде. Хотя Эдди стоически переносила все эти издевательства, они подтачивали ее душевные силы.

— Но ведь ты *действительно* была виновата, дорогая, — говорила Аделаида.

У Аделаиды с того времени участились приступы мигрени, она не могла «возиться с коробками», слишком плохо себя чувствовала. Вечерами, после отдыха и дневного сна, она приходила ненадолго в дом Либби, в основном чтобы позлить Тэт своими бесконечными жалобами. К тому же она почему-то решила, что Эдди хочет обмануть ее и оставить без причитающейся доли наследства. Каждый вечер она во всех подробностях выпытывала, как прошел очередной раунд переговоров с юристами, беспокоилась, что юристы обходятся им слишком дорого и «съедают» ее долю наследства, и передавала Эдди мнение мистера Саммера по всем финансовым вопросам.

— Аделаида! — вскричала как-то раз разозленная Эдди. — Почему ты приплетаешь этого старика к нашим семейным делам?

— А почему нет? Он ведь друг семьи.

— Он вовсе не мой друг!

Аделаида сказала холодно:

— Что ж, хоть кто-то принимает мои интересы близко к сердцу.

— Ты хочешь сказать, что я не принимаю к сердцу твои интересы?

— Ну, я этого не говорила.

— Нет, говорила.

Что ж, Эдди никогда не могла найти общего языка с Аделаидой, а нынче не стало и Либби, которая раньше всех мирила: взывала к терпению Адди и просила Эдди о снисходительности («Она же такой *ребенок*... росла без матери... папочка ее избаловал...»).

Но Либби была мертва, и без нее трещина между сестрами очень быстро разрослась настолько, что это даже сказалось на отношении тетки к Харриет. Харриет это было вдвойне обидно, поскольку в перепалках между сестрами она раньше чаще всего вставала на сторону Аделаиды. Однако теперь ей стало понятно, что имела в виду Эдди,

когда называла сестру «мелочной».

— Вы что, собираетесь обручиться с мистером Саммером? — выпалила как-то Харриет, будучи в гостях у Аделаиды. Та битый час рассказывала ей об уме и тонкой душевной организации мистера Саммера и о том, «как папочка всегда высоко ценил этого человека», хотя от Эдди Харриет знала, что судья Клив всей душой презирал «ничтожного человечишку».

Аделаида рассеянно потрогала сережку и, прищурившись, оглядела Харриет:

— Это твоя бабушка подучила тебя спросить?

«Она что, считает меня умственно отсталой?»

— Нет, мэм.

— Надеюсь, — с ледяным смешком проговорила Аделаида, — я не кажусь тебе настолько *старой*... — она встала и пошла к двери, по дороге оглядев себя в зеркале таким взглядом, что у Харриет упало сердце.

Грохот днем стоял невероятный. В трех улицах от их дома с восьми утра и до позднего вечера работали бульдозеры, пронзительно визжали пилы — это баптисты расчищали около своей церкви еще одну площадку для парковки. Этот глухой рокот ужасно действовал на нервы, порой Харриет казалось, что началась война и по улице идут танки и марширует вражеская пехота.

Библиотека была закрыта — читальный зал ремонтировали, перекрашивали стены в желтый цвет. Харриет всегда так нравились старые, потемневшие от времени дубовые панели на стенах читального зала, придающие библиотеке благородный, ученый вид. Как можно закрасить такое прекрасное темное дерево этой жуткой цыплячьей желтизной? Однако ее мнения не спросили. Соревнование по летнему чтению прошло, и Харриет его не выиграла. Делать ей было абсолютно нечего.

Единственное место, где Харриет чувствовала себя более или менее комфортно, был бассейн. Каждый день в час дня она брала свое большое махровое полотенце и отправлялась в Загородный клуб. Сейчас, в конце августа, там было совсем мало народа — только несколько мамочек со своими выводками малышей да пара дам, не успевших загореть в начале лета. Харриет ныряла в прохладную воду (в мелком конце бассейна она была температуры теплого чая) и несколько раз проплывала бассейн, следя за белыми бликами света на стенах и радуясь ощущению силы в теле. Однако большую часть времени она проводила в позе мертвеца, лежа вниз лицом, раскинув руки, на поверхности бассейна, считая секунды. Что только не приходило ей в голову в эти минуты, но чаще всего она представляла себя Гудини, освобождающимся от цепей под водой и уплывающим вниз по течению реки... в то время как наверху дежурили полисмены с часами, а жена мэтра истерически рыдала и

картинно падала в обморок, чтоб отвлечь внимание зрителей.

Харриет за лето изрядно натренировалась задерживать дыхание — она могла спокойно провести под водой больше минуты, а в неподвижном состоянии проводила не дыша более двух минут. Иногда она считала секунды, но чаще всего просто погружалась в состояние транса. «Корабль разбит о скалы, все мои товарищи утонули, — она представляла себе изломанную громаду судна, погружающуюся, как раненый кит, в пучину океана посреди закипающей кровью воды, — я осталась одна, никто не придет мне на помощь». Как ни странно, подобные мысли ее успокаивали.

Харриет болталась в позе мертвеца уже больше часа, практически не двигаясь, поднимая голову, только чтобы набрать воздуха в легкие, когда вдруг услышала, как кто-то произнес ее имя. Она нырнула, сделала под водой несколько гребков и выплыла на поверхность. Моргая, чтобы сбить воду с глаз, она взглянула вверх и увидела Пембертона, возвышающегося над бассейном в кресле спасателя. Он тут же вскочил и с размаху прыгнул в воду. Харриет отвернулась от столба водяных брызг, опять нырнула и под водой поплыла в мелкий конец бассейна, но Пембертон оказался проворнее и, обогнав, преградил ей дорогу.

— Эй! — сказал он, когда мокрое лицо Харриет появилось из воды. — Ты прилично натренировалась за лето, как я погляжу. Сколько ты можешь пробыть под водой, а? Нет, *серьезно,* — добавил он, не получив ответа, — давай засечем время. У меня есть секундомер.

Харриет почувствовала, как ее лицо заливает краска.

— Да ладно, что это с тобой? Почему ты не хочешь попробовать?

Харриет не знала почему. Внизу, под водой, ее ноги казались ужасно белыми и ужасно толстыми.

— Ну, как хочешь. — Пембертон опустился в воду по плечи, так что его лицо оказалось на одном уровне с лицом Харриет. — А тебе не скучно так болтаться в воде? Крис говорит, ему это уже надоело.

— Крис? — спросила Харриет после недоуменной паузы и подивилась тому, как звучал ее голос — сухо, надтреснуто, будто она не произносила ни слова уже много дней.

— Когда я его сменял сегодня, он сказал: «Посмотри на эту девчонку, она целый день плавает в воде как полено». Он сказал, что мамаши пожаловались ему, что они тебя боятся, ха-ха-ха! Боятся, что ты утонула! Вот чудачки! Как будто он позволит мертвой девочке болтаться у себя в бассейне! — Он расхохотался, но, увидев, что ему не удается расшевелить Харриет, отплыл немного дальше.

— Хочешь колу? — спросил он. Его тон внезапно напомнил ей Хилли. — Эй! Бесплатно! Я угощаю.

— Нет, спасибо.

— Слушай, а почему ты не сказала мне, что Алисон была дома, когда я звонил вчера?

Харриет посмотрела на него так странно, что Пембертон невольно наморщил лоб. Не говоря ни слова, она отвернулась и быстро поплыла прочь. Так и было: она сказала ему, что Алисон нет дома, хотя та была в соседней комнате. Она даже не знала, зачем она это сделала, не могла найти ни единой причины.

Он поплыл за ней, она слышала плеск у себя за спиной. «Ну что он привязался ко мне?» — подумала она с отчаянием.

— Эй, — услышала Харриет его сочувственный голос. — Я слышал, что Ида Рью уволилась. — Пембертон опять оказался перед ней. — Ты что, плачешь? — Он протянул руку, видимо, чтобы погладить ее по плечу, но Харриет резко ударила его по кисти и, нырнув, под водой поплыла к бортику. Не оглядываясь, она торопливо вылезла наружу и, оставляя за собой мокрые следы, побежала в дамскую комнату переодеваться.

— Харриет! — слышалось сзади. — Не надо, не уходи! Плавай тут сколько душе угодно, я не против...

Единственное, что придавало существованию Харриет какой-то смысл, была месть, которую она приготовила Дэнни Ратклиффу. Харриет решила его убить. Она думала о нем постоянно, иногда проверяя, не угасла ли ненависть, подобно тому как проверяют языком гнилой зуб — болит ли еще? Но каждый раз при мысли о том, что он сделал, возмущение окатывало ее горячей волной, словно затрагивался обнаженный нерв.

Лежа на полу в спальне, она рассматривала черно-белую фотографию, которую вырезала когда-то из ежегодного альбома выпускников. Самая ее «обычность», которая когда-то поразила ее, теперь вызывала такое отвращение, как будто она смотрела не на живого человека, а на воплощение зла. Он должен ответить за все. То, что происходит вокруг нее, — его рук дело. Только смерть может искупить то, что он сотворил.

Да, она бросила змею на его бабушку, но это не принесло ей ни малейшего облегчения. Бабушку было даже немного жалко, хотя особых эмоций по ее поводу Харриет почему-то не испытывала. Интересно было другое. Когда она встретилась с ним взглядом там, около похоронного салона, она ясно увидела, что он ее *узнал*. Хотя он был мертвенно-бледен и выглядел каким-то отрешенным, не заметить огня, вспыхнувшего в его глазах при виде ее, было невозможно. У Харриет тогда возникло странное ощущение, что он думает о ней не меньше, чем она о нем.

Харриет с неприязнью вспомнила об окружающих ее взрослых. Их всех, так или иначе, жизнь забила настолько, что они не желали сопротивляться ее свирепым атакам. «Это Жизнь!» — говорили они. «Это Жизнь, Харриет, вырастешь, сама поймешь, что это так».

Так вот, она не собиралась ждать, пока вырастет и эта самая Жизнь

закует ее в оковы с ног до головы. Она будет действовать сейчас, пока ее чувства не остыли, пока выдерживают нервы и пока у нее есть опора — ее собственное гигантское одиночество. Никто не поможет ей, никто и никогда. Даже Хилли уже не интересуется их делами, он с головой погружен в дела своего оркестра. Последний раз, когда она позвонила ему (сама позвонила!), он полчаса грузил ее совершенно неинтересными ей сплетнями о «крутых чуваках» из старших классов, о «безумном тренере» (как может тренер управлять оркестром?) и об их великих планах на осень. Харриет оставалось только мычать в ответ, но ничего другого он, похоже, и не ждал. И когда она тихо повесила трубку, то легла щекой на пыльный телефонный столик и посидела так несколько минут. Как странно, неужели Хилли все забыл? Забыл про их месть, про Дэнни Ратклиффа? Или ему просто все равно? Харриет попутно отметила с чувством приятного удивления, как мало ее задевает его равнодушие.

Тряхнув головой, она принялась обдумывать проблему номер один: зачем Дэнни Ратклифф ездит на пустыри к складам? Там практически нечего красть. Большинство складов забито досками, а когда Харриет нашла щелку в стене одного из них, чтобы посмотреть, не осталось ли чего интересного внутри, она была разочарована — ничего там не было, кроме каких-то ржавых механизмов да пары забытых тюков хлопка. Так что ему там надо? Может быть, он торгует оружием? Или прячет там пленников? Или хранит чемоданы денег? Скелеты, орудия убийства, явки, тайные встречи?

Единственный способ все выяснить, решила она, — это отправиться туда самой.

Накануне ночью прошел дождь, но, хотя земля была мокрой, Харриет не могла определить, проехала здесь утром машина или нет. Она дошла до широкой укатанной гравиевой дороги, которая соединяла разгрузочную зону со складской и вела дальше, к реке. С рюкзаком за плечами и оранжевой записной книжкой под мышкой (на случай, если придется заносить в нее улики) Харриет стояла на границе великого пустыря, изрытого колесами грузовиков, заваленного грудами мусора и кусками ржавого железа и испещренного белыми знаками, когда-то расставленными для регулировки транспортных потоков. В глубине пустыря высилась водонапорная башня, широкая, приземистая, накрытая остроконечной крышей, напоминающей шляпу Волшебника страны Оз. В раннем детстве ей очень нравилась эта башня, сама ее нелепость казалась Харриет дружелюбной, она напоминала не слишком умного, но доброго гиганта, который приглядывал за ней издалека. Но когда Харриет исполнилось шесть лет, мальчишки как-то забрались на башню на Хэллоуин и разрисовали ее под «тыквенного монстра», изобразив узенькие щелки злобных глаз и огромную пасть с пилообразными зубами. Много месяцев после этого Харриет не могла

уснуть по ночам — страшное чудище преследовало ее в кошмарных снах. Конечно, черты монстра давно стерлись, смылись дождем, как и последующие надписи, в разные годы сделанные на башне, но с тех пор Харриет относилась к ней с некоторой опаской. Сейчас башня представляла собой печальное зрелище — черная, с грязными потеками по бокам, сиротливо громоздящаяся на тонких ржавых опорах.

Небо постепенно выцветало от жары. «С Хилли, по крайней мере, можно было поговорить», — мельком подумала Харриет и крепче сжала челюсти. Незачем ей расстраиваться по пустякам, у нее есть своя *миссия,* и ей никто не нужен. Напевая сквозь зубы, она выбрала одну из дорожек и пошла по ней, перепрыгивая через кучи металлолома. Голос ее звучал слишком громко в окружающем безмолвии. «А что, если все жители Александрии вдруг умерли? — подумала она. — И я осталась одна на белом свете? Что я тогда буду делать?»

«Пойду жить в библиотеку». Такая перспектива ее подбодрила, она представила себя при свете свечей, сидящей за столом перед огромными раскрытыми фолиантами. Она может принести из дома чемодан с вещами, арахисовое масло и крекеры и какое-нибудь одеяло, составить два кресла в читальном зале, там прекрасно можно поспать...

Она вошла в лес и немедленно погрузилась в тишину и прохладу, как будто нырнула в воду бассейна. Тучи комаров вились вокруг ее лица, и она отгоняла их нетерпеливыми движениями. Тропа была уже, чем ей показалось ночью, и почти заросла кустами осоки и лисохвостом. Резко крикнула птица, и Харриет даже подпрыгнула от неожиданности — фу-ты, ну чего она так испугалась, это же просто ворона каркнула! Заросшие лианами деревья образовывали сплошной заслон — по такому лесу не очень-то погуляешь! Харриет задумалась и не замечала все усиливающегося равномерного гудения, пока чуть не наступила на дохлую змею (не ядовитую, поскольку голова у нее не была треугольной), лежащую на тропе с распоротым брюхом, так что кишки были размазаны по земле. Змея была удивительного цвета — зеленая, как игристое вино, с блестящей чешуей, напоминающей иллюстрацию к сказке о Короле змей, которую ей в детстве читала Либби: «И тогда Король змей сказал честному пастуху: „Хорошо, я исполню твою просьбу. Я три раза плюну тебе в рот, и ты начнешь понимать язык зверей. Но смотри не говори никому об этом даре, а то люди возненавидят тебя и убьют...“»

С правой стороны от тропы на мокрой земле Харриет увидела отпечаток мужской ноги большого размера. Она так испугалась, что побежала вперед, задыхаясь, прикладывая руку к правому боку. Она выбежала из леса и вдруг встала как вкопанная, потому что почувствовала, что уже не одна. Кузнечики стрекотали оглушительно, она прикрыла глаза от солнца оранжевой книжкой, оглянулась по сторонам и...

Периферическим зрением Харриет заметила движение —

серебряный блик, как солнечный зайчик, попал ей в глаза, словно упал с неба. Она подняла глаза и вздрогнула — по лестнице на водонапорную башню полз человек, с трудом перебирая руками. Ну вот, опять этот блик, — видимо, его металлические наручные часы ловили солнечный свет, как сигнальное зеркальце.

С бьющимся сердцем она сделала шаг назад в лес и спряталась за свесившейся с дерева лианой. Да, это был он. Черные волосы, очень худой. Облегающая футболка с какими-то непонятными разводами на спине. Ветка заслоняла ей вид, и она отодвинула ее от лица. Парень уже долез до верха и теперь стоял на узком балконе, опоясывающем башню. Постояв минутку без движения (руки на бедрах, глаза смотрят в пол), он нагнулся и, держась за низкие перила, довольно быстро и легко двинулся влево и исчез из виду. Харриет ждала. Через какое-то время он появился с другой стороны башни. В этот момент в лицо Харриет прыгнул дурной кузнечик, и она отпрянула, наступив на ветку. Раздался хруст, и в ту же секунду голова Дэнни Ратклиффа дернулась в ее сторону. Харриет замерла. Неужели он мог услышать хруст ветки с такого расстояния? Невероятно, но он *услышал* его, потому что голова его была повернута точно в ее сторону, и он замер, обратив на нее свои блестящие серебристые, наполненные светом глаза. Он отвел взгляд, а затем, к ее ужасу, начал быстро спускаться вниз по лестнице.

Харриет повернулась и побежала прочь по узкой, пронизанной жужжанием насекомых тропе. Она уронила книжку, вернулась, схватила ее, перепрыгнула через мертвую змею и выскочила на пустырь, на котором стоял один из старых складов. Позади она услышала трест веток — он бежал за ней! Что делать, где спрятаться? Она побежала было к складу, но тут же поняла, что будет ошибкой прятаться там, — если он найдет ее, она уже никогда не выйдет из этого сарая. Обогнув склад, Харриет помчалась по открывшейся за ним гравиевой дороге к реке. Кровь стучала у нее в висках, как монетки в копилке, с каждым шагом ноги наливались тяжестью, отказывались двигаться быстрее, еще быстрее, в ушах стоял хруст гравия — от ее шагов? От *его* шагов? Дорога уходила резко вниз. Можно было поскользнуться, но Харриет боялась замедлять бег, теперь ноги, казалось, бежали помимо ее собственной воли, работая как поршни тяжелого, грубого механизма, подталкивая ее вперед, и вдруг дорога вывела ее прямо на дамбу, перекрывающую реку.

Дамба! Она замедлила бег, дрожа от усталости, нырнула в густой кустарник, отделяющий дорогу от реки, на четвереньках пробралась сквозь него и выглянула наружу. Харриет услышала реку раньше, чем увидела, и вот она уже стояла на узком пляже, подставляя прохладному ветру разгоряченное лицо, глядя на воронки и маленькие вихри, гуляющие по желтой поверхности воды. На берегу было полно народу: черные и белые, старые и молодые, люди ходили, сидели, жевали бутерброды, рыбачили.

Воздух был свежий и слегка попахивал гнилью. Харриет сунула книжку в рюкзак и на негнущихся ногах пошла вдоль воды. Она прошла мимо квартета рыбаков, мимо старой дамы в бермудах, дремлющей в плетеном кресле, мимо другой дамы, загорающей в шезлонге, мимо негритянской семьи, разложившей ланч на розовом платке прямо на песке, мимо детей, с визгом брызгающих друг на друга водой... Ей казалось, что все разговоры прекращались, когда она проходила мимо, что люди замирали и с подозрением смотрели на нее. Один раз она вздрогнула и обернулась — вслед ей действительно глядел худой темноволосый парень, немного похожий на Дэнни Ратклиффа, но это был не он. И все же ощущение опасности усилилось настолько, что Харриет стало казаться, что все эти люди без исключения хотят ей зла. Опустив голову, стараясь не глядеть по сторонам, она продвигалась по вязкому песку пляжа, мучительно пытаясь предугадать действия своего врага. Что он предпримет? Если он не дурак, он попытается обойти ее с другой стороны, подкараулить в том месте, где она будет выходить с пляжа, и выскочить из-за дерева или машины. Ей же надо добраться домой, так? Придется идти только по большим улицам, не срезая углов. Нет, глупо! И на больших улицах бывает совсем мало народа. А около баптистской церкви работают бульдозеры — кто услышит, если даже она закричит? Кто услышал Робина? А ведь его сестры были с ним на одном дворе.

Пляж постепенно сузился, людей стало значительно меньше. Харриет решила, что пора выбираться отсюда, и начала подниматься вверх по заросшим мхом ступеням старой лестницы. На повороте, на маленькой площадке, она чуть было не споткнулась о грязного малыша, на коленях у которого сидел еще более грязный младенец. Перед ними, наподобие салфетки для пикника, была расстелена старая мужская рубашка, а на ней стояла на коленях Лашарон Одум и раскладывала кусочки шоколада на большом мягком листе лопуха. В трех пластиковых стаканчиках, расставленных на рубашке, была налита какая-то подозрительная желтоватая жидкость — скорее всего, вода из реки. Однако внимание Харриет привлекли не маленькие грязные оборванцы, а нечто другое, отчего все мысли о Дэнни Ратклиффе в мгновение ока вылетели у нее из головы, — на руках Лашарон были ее красные садовые перчатки, подарок Иды! Грязные, порванные, заляпанные жирными пятнами. Кровь застлала глаза Харриет. Не говоря ни слова, она бросилась к Лашарон и выбила лист лопуха у нее из рук. Куски шоколада разлетелись во все стороны, а Харриет прыгнула на изумленную Лашарон и повалила ее. Перчатки были велики, так что Харриет не составило труда сорвать одну из них с руки Лашарон, пока та не поняла, в чем дело, и не начала драться.

— Отдай! Это мое! — кричала Харриет и, когда Лашарон закрыла глаза и отрицательно потрясла головой, схватила ее за волосы и дернула. Лашарон вскрикнула, ее ладони взлетели к вискам, и тут

Харриет с торжествующим криком сорвала перчатку с другой ее руки и засунула свое отвоеванное сокровище в карман.

— Это *мое,* — прошипела она. — Воровка!

— Нет, мое! — полуиспуганно, полувоинственно взвизгнула в ответ Лашарон. — Она сама мне дала...

Кто мог дать ее перчатки этой нищенке? Мать? Алисон? Харриет немного остыла. Младшие дети смотрели на нее, открыв рты, с одинаковым выражением испуга в больших, круглых глазах.

— Она САМА мне дала...

— Да заткнись ты! — вскричала Харриет. Ей уже было немного неловко за то, что она так разозлилась. — Никогда больше не приходи ко мне домой клянчить, поняла?

Лашарон молчала, в ее глазах созревало что-то похожее на слезы, и Харриет поспешила уйти. Ей было неприятно, что она так сорвалась. «Ну ничего, по крайней мере я получила назад свои перчатки!» Последний подарок Иды! Теперь-то она с ними не расстанется.

«О, что ты мне дашь в обмен на душу мою?» — пел Фариш, тыча отверткой в основание электрического консервного ножа Гам. Он был в прекрасном расположении духа. С утра он сумел разобрать, развинтить, разломать и другим образом испортить практически все электрические приборы, которые смог найти в трейлере и вокруг него. Он методично обследовал все пространство двора, заглядывая в сараи и за кучи мусора, открывая дверцы стенных шкафчиков, даже отрывая половицы от пола, если ему казалось, что за ними прячутся проволочки, лампочки или батарейки. Каждый раз, обнаруживая очередной электроприбор, он издавал радостный, почти детский вопль восторга и тут же, усевшись на пол, разбирал или развинчивал его на запчасти. Он даже несколько раз рявкнул на обескураженную Гам, которая выползала из кухни, словно хотела о чем-то его спросить. «Сейчас! Я же сказал *сейчас!* — резко бросал он. — Вот только закончу, о'кей?»

Он выглядел совершенно безумным, но Дэнни хорошо знал цену настроениям своего брата. Он прекрасно понимал, что эти страшно вращающиеся глаза, дикие песни и внешне бессмысленная деятельность Фариша вполне могли быть хорошо разыгранным спектаклем для устрашения его, Дэнни.

И теперь, сгорбившись и пряча между колен трясущиеся руки, Дэнни сидел на крыльце и смотрел, как Фариш, подобно свихнувшемуся водопроводчику, режет на куски пластиковую трубу. «Я ничего такого не сделал, — говорил себе Дэнни. — Я только посмотрел, на месте ли пакет, вот и все. Я же *ничего не взял!*»

«Да, но он-то знает, что ты *хотел* взять», — ползала в его мозгу предательская мысль, от которой у Дэнни сразу же холодели ладони. И кое-что еще тревожило его. Кто-то следил за ним. В густых зарослях леса что-то мелькнуло. Что-то белое, вроде лица. *Маленькое* лицо. На

красной глине тропы он обнаружил множество отпечатков маленьких ног и — самое загадочное и неприятное — свою собственную фотографию! Маленькую черно-белую фотку, вырезанную из ежегодного школьного фотоальбома, с которой он улыбался себе самому довольно язвительной улыбкой. Почему-то это больше всего его перепугало. Кто оставил ее там? Фариш? Зачем? Или это одна из его идиотских шуток, а в следующий момент он сунет ему нож под ребро?

Дэнни, не спавший уже несколько суток, вдруг начал грезить наяву. Последние дни с ним часто это случалось: он видел перед собой девчонку. Тогда на пустыре он решил проследить за ней, и вдруг ему показалось, что она идет навстречу. Он настолько удивился, что на секунду закрыл глаза, а когда открыл их, ее уже не было. И никого не было вокруг, он стоял там совершенно один. Или вчера утром, когда Кертис ел кукурузные хлопья, сидя за столом, ему вдруг показалось, что девчонка, нарисованная на коробке с хлопьями, — вылитая *она*. Те же черные волосы, то же маленькое худое лицо. Он с такой силой выхватил коробку из рук Кертиса, что бедный мальчик издал жалобно-испуганный крик. Но вблизи оказалось, что девчонка на коробке даже не похожа на *нее,* ничего общего, собственно.

На периферии зрения Дэнни зрели, набухали и лопались крошечные, но яркие вспышки, искры, разлетающиеся во всех направлениях. Эти световые точки, блестящие пылинки напоминали микроскопические создания, которые можно наблюдать в увеличенном виде под микроскопом. Вообще-то они были результатом воздействия метамфетамина и по-научному назывались «метажуки». Усталые глаза воспринимали любую, даже самую микроскопически маленькую частицу, пролетающую мимо них, как живое существо. Дэнни вздохнул. Хоть он и понимал их природу, избавиться от них ему не удавалось. Он знал, что в конце концов жуки победят их всех, — в тяжелых случаях они начинали ползать по коже и не смывались даже струей практически кипящей воды, а потом забирались *под* кожу, в глаза, в уши, в легкие. В последнее время Фариш стал накрывать свой стакан салфеткой, чтобы жуки не лезли в его напитки, но все равно постоянно сгонял их с лица.

У Дэнни тоже было полно жуков, но его жуки, к счастью, не пронзали кожу, не копошились в глазах и не наваливались на него всей массой, они только маячили в боковом зрении, как маленькие фейерверки. Или как маленькие звездочки, что светят в темноте, хе-хе. Химия, химия завладевала его телом, она уже главенствовала над ним, хозяйничала в нем, отчасти видела и слышала за него.

«Ага, вот почему я мыслю и размышляю как химик!» — пришла ему в голову мысль, и Дэнни поразился ясности и глубине этого утверждения. Он наслаждался игрой снежных искр, падающих откуда-то из-под бровей, как вдруг понял, что Фариш что-то говорит ему.

— Что? — спросил он, выпрямляясь.

— Я говорю, ты знаешь, что означает «д» в середине слова

«радар»? — спросил Фариш. Он улыбался, но улыбка его была противная, хитрая, а лицо темно-бурое от прилившей к нему крови.

Дэнни, в растерянности от странного вопроса, машинально полез в задний карман джинсов за сигаретами, хотя прекрасно знал, что их там нет.

— *Детектирование,* понял? Ты хоть знаешь, что это такое? — Фаришу наконец-то удалось вскрыть консервооткрыватель, он отделил крышку, поднял ее, чтобы посмотреть на свет, и отбросил в сторону.

«Детектирование? На что он намекает?» — подумал Дэнни.

— Радар — это военная разработка, совершенно секретная разработка, заметь, выполненная исключительно для военных целей, а нынче вся наша чертова полиция оснащена радарами, для чего, ответь мне? Зачем все эти расходы, а? Чтобы узнать, кто на дороге едет со скоростью на пару миль больше положенного? *Чушь собачья!*

Показалось ему или Фариш как-то по-особенному скосил на него глаза? «Он играет со мной, — в приступе паники подумал Дэнни. — Ждет, что я ему на это отвечу». Он крепко закусил губу, чтобы не проговориться Фаришу про девчонку. Он хотел ему рассказать, но тогда пришлось бы признаться, что он ходил к башне. Как бы он объяснил *это?* Нет, нельзя ничего говорить, Фариш сразу заподозрит, что он хочет украсть пакет. А может быть (Дэнни пока не мог ясно сформулировать возникшее у него подозрение), Фариш *сам* имеет какое-то отношение к девчонке?

— Эти маленькие волны, — продолжал вещать Фариш, — они ходят туда-сюда, несут в себе информацию. Вся эта бодяга и устроена для сбора *информации.*

Может быть, Фариш устроил ему тест? Это вполне в его стиле. В последнее время он стал оставлять на видных местах кучки мета и пачки денег, которые Дэнни, конечно же, не трогал. Кто знает, а может быть, девчонка тоже часть его плана?

— К чему я клоню, — говорил Фариш, — если они светят на нас своими лучами, так что же? Кто-то *должен принимать их здесь.* Правильно? — Он с силой втянул ноздрей белый пух, на усах его остался белеть шарик амфетамина. — Вся эта информация не имеет смысла, если ее некому обрабатывать. Правильно?

— Правильно, — механически повторил за ним Дэнни и испугался, сообразив, с чем он только что согласился. Фариш с удивлением поглядел на него и недобро усмехнулся.

«Но ведь он не знает ни хрена, — вдруг пришло в голову Дэнни. — Откуда ему знать? Он ведь даже не водит машину».

— А ведь *ты-то* знаешь про это, братец, — хитро прищурившись, сказал Фариш и хрустнул шеей. — *Тебе-то* все это известно.

«Так больше не может продолжаться, — сказал себе Дэнни. — Я должен это прекратить».

Да, ему надо выспаться хотя бы пару дней, а потом взять себя в руки

и бежать из города, а этот обдолбанный придурок пусть сидит тут на земле, крутит отверткой в тостерах и болтает о радиоволнах и прочей ерунде. Но в голове у Дэнни все кружилось, давление падало, ему было дурно. Он пропустил свою ежечасную дозу, и теперь сердце его билось то часто-часто, то замедляясь настолько, что он начинал бояться, как бы оно вообще не остановилось. Спиды — «скорость». Остановишься — смерть! Он закрыл глаза и немедленно увидел картинку: он сам лежит на кровати у себя в комнате, слабый, беспомощный, а к нему подбирается Фариш с кухонным ножом в руке, заносит его над ним…

— Нет, нет! — закричал он и открыл глаза.

Здоровый глаз Фариша ввинтился ему в голову со свирепостью электродрели. Какое-то время они просто смотрели друг на друга. Потом Фариш бросил:

— Что ты сделал со своей рукой?

Дэнни вытянул перед собой дрожащие руки. Большой палец был весь покрыт запекшейся кровью там, где он оборвал сломавшийся ноготь.

— Следи за собой, брат, — медленно сказал Фариш.

На следующее утро ровно в восемь Эдди, в строгом темно-синем костюме, приехала, чтобы забрать мать Харриет и отвезти ее в город на встречу с юристом. Она предупредила Шарлот о встрече за три дня и поэтому сейчас явно разозлилась, что дочь оказалась не готова к выходу. Тонкая, прямая как солдат, она стояла в прихожей, отказываясь присесть, и нетерпеливо постукивала носком туфли об пол, хмуря четкие брови и неодобрительно прищелкивая языком: *цк-цк-цк.* Ее щеки были бледны от пудры, на губах алела помада, которую Эдди обычно использовала только для походов в церковь. Костюм, приталенный, с удлиненным пиджаком, был элегантен в старомодном стиле и (как заметила когда-то Либби) придавал ей сходство с миссис Симпсон, вышедшей замуж за английского короля.

Харриет лежала на ковре у ног Эдди и смотрела на бабушку гипнотическим взором.

— Ну почему мне нельзя поехать с вами? — в который раз повторила она.

— Во-первых, — отчеканила Эдди, глядя куда-то поверх головы Харриет, — нам с твоей матерью надо кое-что обсудить.

— Да я не буду вам мешать!

— Во-вторых, — Эдди обратила свои пронзительно зеленые глаза на внучку и вдруг нахмурилась, словно только что заметила ее. — Во-вторых, ты не одета для того, чтобы куда-то идти. Посмотри на себя, ты же грязная как свинюшка. Я советую тебе *немедленно* принять ванну.

— А если я приму ванну, вы привезете мне блинов из кафе?

— О, мама, — виновато выдохнула Шарлот, спускаясь вниз по

лестнице в мятом платье и босиком. Туфли она несла в руке, а волосы были еще мокрые после ванны. — О, мне так жаль, что я заставила тебя ждать. Я...

— Ничего, — сухо отчеканила Эдди, но по выражению ее лица можно было легко заключить, что она имела в виду «ничего *хорошего*».

Они вышли. Харриет вскочила с ковра, отряхнулась от прилипшего к рукам песка и прислушалась. В доме было тихо, как в подводной лодке. Алисон спала у себя наверху — вчера вечером она пришла поздно. Харриет побрела на кухню — на одной из полок она нашла пакет соленых крекеров, которые покупала еще Ида. Захватив горсть крекеров, Харриет устроилась с ногами на Идином кресле и прижалась лицом к спинке. От нее еще исходил Идин запах, правда, он был уже едва различим. В это утро Харриет впервые за последние несколько недель проснулась без слез и в голове прояснилось, но теперь в ней бурлила энергия, которую надо было куда-то приложить. Однако делать ей было абсолютно нечего.

Доев крекеры, Харриет пододвинула стул к стеклянному шкафчику с семейным арсеналом и после недолгих колебаний сняла со стеклянной полки самый большой и уродливый из лежащих там револьверов — самовзводный кольт. Он больше всех походил на оружие, из которого стреляли полицейские в фильмах, что шли один за другим по телевизору. Она спрыгнула со стула, обеими руками уложила на ковер тяжелый револьвер, вытащила коробку с патронами и помчалась в соседнюю комнату за «Британской энциклопедией». Итак, смотрим, вот что нам нужно:

Револьверы. См. Огнестрельное оружие.

Харриет притащила необходимый том «Энциклопедии» в гостиную, села на ковер, скрестив ноги, и начала изучать предмет. После получаса мучительного чтения она поняла, что не понимает ни слова из того технического сленга, на котором была написана статья о револьверах. *Предохранительная скоба? Откидной барабан?* Харриет уставилась на картинку в книге. Она совсем не соответствовала револьверу, который лежал у нее на коленях. *Стержневой выбрасыватель, передаточная штанга...*

В недрах револьвера вдруг что-то щелкнуло, и вбок выдвинулся цилиндр — пустой. Харриет набрала патронов из коробки, но они не хотели заходить в барабан. Она высыпала все патроны на ковер и наконец нашла несколько таких, которые легко скользнули внутрь. Ага, получилось!

Едва она вошла во вкус, как хлопнула входная дверь — вернулась мать. Быстро, одним широким взмахом руки, Харриет собрала все предметы в одну большую кучу и задвинула их под Идино кресло.

— Ты принесла мне блинов? — спросила она громко.

Ответа не последовало. Харриет подождала, глядя на ковер, слушая легкие шаги матери в коридоре, потом с удивлением услышала что-то вроде всхлипа. Она на цыпочках вышла в холл, чтобы посмотреть, что происходит, но в этот момент дверь материнской спальни с тихим щелчком закрылась.

Харриет вернулась в гостиную. Она легла животом на ковер и тихонько потянула на себя «Энциклопедию». В конце концов, читать книги ей пока никто не запрещал. Упершись подбородком в ладони, она еще раз внимательно перечитала статью о револьверах от начала и до конца. Прислушалась. Тишина. Харриет засунула руку под кресло и вытащила револьвер. На этот раз дело пошло быстрее, по крайней мере она поняла, какой рычажок отвечает за откидывание барабана. Она была настолько увлечена своими экспериментами, что совершенно не слышала шагов матери, как вдруг та громко спросила из холла:

— Солнышко, где ты?

Харриет даже подпрыгнула от неожиданности и задела локтем коробку. Несколько патронов раскатилось по полу. Она торопливо подобрала их, сунула в карман, ногой задвинула револьвер и книгу обратно под кресло, одернула футболку.

— Ты здесь?

Мать стояла на пороге, пудра стерлась с ее лица, нос припух, глаза были красные. В руке она держала старый «вороний» костюм Робина. Он выглядел таким *маленьким,* потертым, пыльным...

Мать хотела что-то сказать, но остановилась, с удивлением глядя на Харриет.

— А чем ты тут занимаешься? — спросила она.

Харриет в замешательстве уставилась на мать.

— А что... — она махнула на костюм рукой, не зная, как закончить фразу.

Шарлот взглянула на него, как будто забыла, что держит его в руке.

— Ах это, — сказала она наконец, — это для сына Тома Френча. Мама говорит, что он просил одолжить его их сыну. Его старший играет за команду «Вороны», и ему показалось, что было бы неплохо, если младший сыночек тоже поучаствует, например выйдет на поле, одетый птицей...

— Если тебе не хочется его отдавать, можно просто сказать им об этом, — произнесла Харриет.

Мать удивленно подняла брови. Некоторое время обе молчали и просто смотрели друг на друга. Потом Шарлот прочистила горло.

— Когда ты хочешь съездить в Мемфис за школьной формой? — спросила она.

— А кто будет ее подгонять?

— Что ты говоришь?

— Ну, Ида всегда подшивала мою форму. Кто сейчас это будет делать?

Мать Харриет покачала головой, словно хотела отогнать неприятную мысль.

— Когда ты, наконец, переживешь это?

«Никогда!» — подумала Харриет, с ненавистью уставившись в ковер.

— Золотко мое, я знаю, что ты любила Иду... Может быть, я не знала, насколько *сильно*...

Харриет молчала.

— Но, дружочек, Ида ведь хотела уйти.

— Она бы не ушла, если бы ты попросила.

Мать Харриет рассеянно пощипала бархатные перья на костюме.

— Милая, я тоже переживаю, но поверь, Ида не хотела оставаться у нас. Ваш папа последнее время очень жаловался на нее, говорил, что она мало делает по дому, не отрабатывает тех денег, что мы ей платим.

— Да вы *ничего* ей не платили!

— Харриет, мне кажется, Ида не была здесь счастлива. По многим причинам... И там, куда она уехала, она найдет лучшую работу, вот увидишь. Ну и к тому же она мне была здесь *не нужна*...

Харриет слушала с ледяным выражением лица.

— Ида так долго была с нами... мне стало казаться, что я... что я уже не могу без нее... Но мы ведь *прекрасно* справляемся, правда?

Харриет закусила губу. Неужели мать действительно так считает? Она не убирает в доме, не стирает, не готовит. И сколько времени это будет продолжаться?

— Правда, детка? Нам же хорошо втроем? Ида... — Мать беспомощно оглянулась. — Ида... Она меня просто *тиранила,* понимаешь?

Харриет скосила глаза на ковер и вдруг заметила патрон, который закатился под стол.

— Пойми меня правильно: когда вы с Алисон были маленькие, я бы не справилась без Иды, она мне *очень* помогла, но теперь... — Мать вздохнула. — Все ей не нравилось, все было не так. Может быть, с вами она хорошо обращалась, но когда я видела ее здесь, на кухне, она всегда выглядела такой *надутой,* как будто постоянно *обвиняла* меня...

Харриет стало скучно. Мать продолжала говорить, но Харриет отключилась, мысленно уплыв в свою любимую игру, которая всегда помогала ей на особенно занудных уроках, — на этот раз она решила подумать о спасении экспедиции капитана Скотта. Итак, машина времени была уже приведена в действие, продовольствие было закуплено, вот только глупый интендант привез совсем не то, что нужно. Харриет составляла список необходимых продуктов для спасения полярников — апельсиновый сок, какао, арахисовое масло и бензин для обогрева палаток. И вот они идут по заснеженной пустыне и издалека видят полузанесенную снегом палатку... Ура, она прибыла как раз вовремя, никто из полярников еще не умер. Какой радостью светятся их

обмороженные лица при виде ее! Она наливает им кофе из термоса, бинтует загноившиеся пальцы, она знает, что они будут еще долго бороздить просторы Антарктиды…

Голос ее матери зазвучал как-то по-иному, и Харриет неохотно вернулась назад в реальность. Мать стояла в дверях гостиной и задумчиво смотрела на нее.

— Похоже, я ничего не могу сделать нормально, — тихо сказала она и вышла из комнаты.

Харриет упрямо тряхнула головой, глядя вслед матери. Еще не было десяти часов утра. В гостиной было прохладно и сумрачно, в воздухе таял слабый цитрусовый запах материнских духов. В коридоре скрипнула дверь кладовки, мать зашуршала и заскрипела вешалками. Харриет вытянула шею, ожидая, что мать закончит и уйдет к себе, но шуршание и скрипы продолжались. Точным пинком Харриет забросила патрон под диван, потом села в Идино кресло и стала ждать. Спустя полчаса она не выдержала, встала с кресла и выглянула в холл. Мать стояла на коленях около кладовки, сгребая в кучу разбросанное по полу постельное белье, которое она, видимо, стащила с верхней полки.

Как ни в чем не бывало Шарлот посмотрела на дочь и улыбнулась. Потом она вздернула плечи, комически вздохнула, поднялась с колен и отступила на несколько шагов, указывая рукой на ворох белья у своих ног.

— Господи, иногда мне кажется, что лучше всего было бы нам всем прыгнуть в машину и переехать жить к твоему отцу. Что ты на это скажешь?

«Она все равно сделает так, как ей захочется, — безнадежно подумала Харриет, отворачиваясь от матери. — Ей глубоко плевать, что я на это скажу».

— Не знаю, что *ты* думаешь по этому поводу, — продолжала мать, возвращаясь к белью, — а мне кажется, нам давно пора вести себя как *одна семья*.

— Почему? — после недоуменной паузы спросила Харриет. Ее мать начала использовать выражения отца. Это он обычно говорил, что им надо вести себя «как одна семья», — в основном перед тем, как высказать какую-нибудь идиотскую, совершенно необоснованную претензию.

— Ах, ну это же слишком тяжело для меня, — мечтательно пробормотала мать, — я же не могу одна воспитывать двух дочерей.

Харриет удалилась наверх, села на подоконник и так провела половину дня — глядя в небо на несущиеся рваные облака. В четыре часа она отправилась к Эдди, устроилась на парадном крыльце, обхватив колени руками, и просидела там до пяти, пока не услышала шум подъезжающей к дому машины.

Харриет вскочила и бросилась к машине открывать Эдди дверь. Бабушка улыбнулась ей, вид у нее был усталый, темно-синий костюм за

день измялся и уже не выглядел так формально. Харриет, подпрыгивая от волнения, поведала Эдди о коварных материнских планах переезда в Нашвилль и была удивлена и разочарована, когда та только покачала головой.

— Может быть, идея не так уж и плоха, — сказала Эдди.

Харриет обреченно ждала продолжения.

— Знаешь, твоя мать как-никак замужем. Что плохого в том, что она хочет жить со своим мужем?

— О нет, Эдди, только не это! — Харриет чуть не заплакала от огорчения.

— Но почему? Он же твой отец!

— Я его терпеть не могу, ты это прекрасно знаешь.

— Ну ладно, может быть, мне и самой он не слишком нравится, ну что поделаешь, женатые люди обычно живут вместе, так?

— А ты не будешь по мне скучать? Если мы переедем?

— Иногда, — сказала Эдди своим назидательно-учительским голосом, который Харриет так ненавидела, — жизнь идет не так, как нам бы того хотелось. Знаешь, что я тебе скажу: когда начнется школа, тебе следует с головой погрузиться в учебу. Тогда у тебя не будет времени на глупости.

«А ведь скоро она умрет», — подумала вдруг Харриет с испугавшей ее саму ясностью, глядя на испещренное мелкими морщинками лицо бабушки. Руки Эдди, с распухшими суставами, были покрыты коричневыми пятнами. У Либби руки были все же гораздо белее и нежнее, хотя и такой же формы.

Она исподтишка бросила взгляд на лицо Эдди и вздрогнула, увидев, что пронзительные глаза бабушки внимательно рассматривают ее.

— Зачем ты перестала брать уроки фортепьяно? — спросила она вдруг.

— Это не я! Это Алисон брала уроки фортепьяно, — рассерженно заявила Харриет. Ее бесило, когда Эдди путала их с Алисон. — При чем тут фортепьяно?

— Значит, неплохо было бы и начать. Твоя проблема, Харриет, заключается в том, что при твоей энергии тебе совершенно нечем себя занять. Я в твоем возрасте скакала верхом, играла на скрипке, шила себе одежду, изучала языки. Может, тебе тоже стоит начать шить. По крайней мере, будешь приличнее выглядеть.

— А можно, я буду жить у тебя, если мама решит переехать?

— Что ты говоришь, Харриет! — воскликнула шокированная Эдди, — ты что, не хочешь жить со своей мамой и Алисон?

— Не-а, — пробормотала Харриет, украдкой следя за реакцией бабушки.

Но Эдди вдруг чихнула, подняла голову и пристально поглядела на что-то за спиной у внучки. На улице взревел мотор. Харриет обернулась, но увидела только металлический отблеск заворачивающей за угол

машины.

— Знаешь что, — сказала Эдди, кладя руку на плечо Харриет. — Давай не будем забегать вперед. Знаешь, о чем Томас Джефферсон писал в своем письме Джону Адамсу, будучи уже стариком? О том, что большинства вещей, которых он боялся в жизни больше всего, так и не произошло. «Какую высокую цену я заплатил за несчастья, которые так и не случились со мной». Или что-то в этом роде. Твою маму не так-то просто выселить из вашего дома, поверь мне. А теперь беги, — она повернула Харриет лицом к дороге. — Дай своей старенькой Эдди отдохнуть, эти каблуки меня когда-нибудь убьют.

Дэнни повернул за угол и резко затормозил прямо напротив пресвитерианской церкви.

— Господи Иисусе, — сказал Фариш. — Это что, была *она?*

Дэнни хотел ответить, но понял, что губы не выговаривают слова. Сквозь наплывающую на него наркотическую мглу он смог только кивнуть головой. Его слух терзали разные пугающие звуки: скрип веток на ветру, шорох распускающихся почек, звон бегущего по проводам тока, тихие хлопки пузырьков земли, выпускающих на свет побеги травы, дыхание лягушек.

Фариш повернулся назад и буквально влип носом в заднее стекло.

— Черт побери, ты же говорил, что нигде не можешь ее найти, разве нет? Это что, первый раз, когда ты ее видал?

— Да, — резко выдохнул Дэнни. В его ушах звенело эхо его собственного дыхания, с верхушек деревьев сыпались вниз тысячи разноцветных зеркал. А кто была эта старая дама? На секунду Дэнни встретился с ней глазами и был поражен, насколько ее глаза походили на глаза *девчонки.*

— Ну давай, поехали, — нетерпеливо сказал Фариш, хлопая рукой по приборной доске, но Дэнни не мог пошевелиться. Руки его ходили ходуном, и ему было тяжело держать руль. Что-то странное происходило вокруг, пугающе непонятное, как происшествие, что случилось с ними тем утром. После очередной бессонной ночи Фариш вышел на кухню трейлера в трусах и майке, неся в руке пакет молока, и в тот же самый момент бородатый персонаж мультика в телевизоре, до странности похожий на него, прошествовал по экрану, также сжимая в руке пакет с молоком. Пораженный Фариш застыл на месте — мультяшный персонаж тоже, остановился, с таким же изумлением глядя на своего двойника.

— О-йо… ты тоже его видишь? — прошептал Фариш.

— Да, — сказал тогда Дэнни. Пот лил с него ручьями. Братья взглянули друг на друга, на секунду отвели глаза от экрана телевизора, а когда посмотрели туда опять, там уже передавали что-то другое.

И сейчас они сидели в раскаленной машине, зная, что думают об одном и том же.

— А ты заметил, — сказал вдруг Фариш, — что все грузовики на дороге были черного цвета?

— Чего?

— А танки ты видел? Они что-то затевают, не иначе. Я это кожей чувствую.

Дэнни ничего не сказал. Какая-то часть его сознания твердила, что не стоит слушать параноидальные идеи Фариша, но у него появились сомнения, не происходит ли действительно весь этот бред на самом деле? Например, кто-то звонил им каждый день в определенное время вечером и вешал трубку. Кто это мог быть? А вчера, например, они нашли стреляную гильзу на подоконнике в лаборатории. Откуда она взялась? А теперь девчонка. Кто она такая? Дэнни мог поклясться, что ее не было в городе несколько недель после покушения на Гам, и вдруг, — здрасте — она тут как тут.

Фариш протянул ему зеркало и долларовую бумажку, Дэнни крепко втянул носом пронзительно холодную дозу и немного подбодрился.

— Кто-то точно послал ее следить за нами, — выпалил он вдруг и сразу же пожалел об этом, поскольку лицо Фариша потемнело.

— Если кто-то это сделал, — медленно сказал Фариш, — я найду эту мелкую сучку, возьму за тощие ножки и своими руками разорву напополам.

— Она что-то знает, — сказал Дэнни. Почему он так думал? Потому что она с таким видом посмотрела на него через стекло похоронного лимузина, как будто узнала его. Потому что она мучила его, не давала покоя, преследовала и во сне и наяву.

— Да, а мне хотелось бы знать, что она делала около дома Юджина. Если эта мокрохвостка разбила мне задние фары…

Его мелодраматическая манера неожиданно вызвала у Дэнни смутные подозрения.

— Если она разбила фары, — сказал он осторожно, — как ты объяснишь то, что она пришла к нам наверх и сообщила об этом?

Фариш молча пожал плечами и внезапно очень заинтересовался дыркой на штанине брюк, чем еще больше утвердил Дэнни в его подозрениях: брат знает больше, чем говорит.

— Кто-то, — сказал вдруг Фариш, поднимая голову и глядя на Дэнни тяжелым взглядом, — кто-то выпустил тогда этих чертовых змей из корзины. Я проверил — окно в ванной было раскрыто, а туда мог пролезть только ребенок, понятно?

— Мда, с ней стоит потолковать.

«Да, — думал Дэнни, — мне есть, о чем ее спросить. Например, почему до последнего времени я ее в жизни не видел, а теперь она попадается на каждом шагу со своей черной китайской стрижкой и этими пронзительными глазищами на бледном лице? Почему это лицо по ночам бьется о мое окно и мелькает перед глазами, как гигантская бабочка „мертвая голова“?»

Он так давно не спал, что теперь, как только закрыл глаза, сразу же провалился куда-то в странную страну с заросшими тростником озерами, с темными утесами, выступающими над пенистыми бурунами воды. И тут же увидел ее маленькое лицо, опутанные водорослями; она шептала что-то, но ее заглушали цикады своим равномерным стрекотом и скрежетом; он уже почти понимал, что она говорит, но не мог разобрать...

«Я не слышу тебя», — сказал он.

— Чего ты не слышишь? — сказал Фариш над его ухом.

Ох ты черт, вот же перед ним черная доска приборов, слева пресвитерианская церковь и изумрудно-зеленая ухоженная лужайка перед ней. Дэнни несколько раз моргнул и вытер пот со лба.

— Ничего, — сказал он.

— Эй, — бодро сообщил ему Фариш, — я помню, как во Вьетнаме такие же мелкие девки-камикадзе, или как их там, бегали, обвязавшись гранатами. Такие вещи вытворяли, не поверишь! Знаешь, малявки на многое способны, чего взрослому человеку и в голову не взбредет.

— Ага. — Дэнни прекрасно помнил, как в детстве Фариш заставлял его, и Юджина, и Рики Ли, и Майка выполнять за себя всю грязную работу. Они и в окна лазали, и замки отмычками вскрывали, пока их жирный брат накачивался в машине наркотой.

— Ну, поймают сопляка, ну и что, — продолжал развивать свою мысль Фариш. — Ну, отправят в колонию, только и всего. Я вас всех обучил ремеслу еще до школы. Да Рики Ли начал лазать в окна, едва научился ходить...

— Боже всемогущий, — сказал вдруг Дэнни трезвым голосом и сел прямо. В зеркале заднего вида он ясно увидел девчонку — она вывернула из-за угла и шла прямо на них.

Харриет шла вдоль ряда тенистых деревьев, задумавшись, повесив голову и не глядя по сторонам. Она свернула на улицу, ведущую к пресвитерианской церкви, как вдруг увидела, что дверцы машины, припаркованной у обочины, резко распахнулись. Тысячи искр мгновенно вспыхнули в ее мозгу, а сердце покатилось куда-то вниз — это был «транс Ам»! Голова Харриет еще не успела осознать серьезность грядущей опасности, а ноги уже свернули в сырой, заросший мхом двор церкви и понеслись дальше.

Церковный двор боком примыкал к садику миссис Клейборн (аккуратно подстриженные кусты гортензии, маленький парник), а за ним начинался задний двор Эдди, отгороженный забором метра в два высотой. Харриет пронеслась вдоль забора, надеясь найти какую-нибудь лазейку, но уткнулась в сетку-рабицу, окружавшую участок миссис Давенпорт. В панике Харриет полезла на сетку, цепляясь пальцами за ее звенья, верхние острые концы сетки намертво зацепились за ее шорты, оцарапали ноги. Подстегиваемая страхом, Харриет дернулась изо всех

сил и, вырвав клок материи, свалилась на землю по другую сторону забора.

Позади нее в узком проходе между кустами послышалось тяжелое дыхание и топот ног. В саду у миссис Давенпорт практически ничего не росло, спрятаться было негде, и Харриет быстро перебежала двор, открыла задвижку на калитке и выскочила на улицу. Она хотела было вернуться к дому Эдди по дороге, но в последнюю секунду что-то удержало ее. Вместо этого она понеслась прямо вперед к дому О'Брайантов. Она была уже на середине улицы, когда из-за угла медленно вывернул «транс Ам». Тут же взревел мотор, и автомобиль рванул прямо на нее.

Значит, они разделились — ловко придумали! Харриет заметалась как заяц, потом нырнула под сень елей, огораживающих двор О'Брайантов. Забора там не было, и Харриет бросилась к маленькому домику, в котором мистер О'Брайант хранил инструменты для чистки бассейна и где он часто коротал вечера. Она схватилась за ручку, подергала — заперто! Господи, какой ужас! На секунду растерявшись, она с тоской взглянула в темное окно домика на аккуратные книжные полки, на очертания стола и лампы и опрометью бросилась вправо. Ничего не выйдет — опять забор. Харриет побежала вдоль забора, уже не понимая, куда. За забором заходилась от бешеного лая хозяйская собака. Одно ясно — на улицу выбегать ей нельзя, надо запутывать следы внутри квартала.

Сердце стучало у нее в горле, легкие были как в огне, ноги дрожали. Харриет опять резко повернула налево. За ее спиной раздавался топот тяжелых сапог. Харриет мчалась как ветер, меняя направление, пролетая мимо чужих садов и дворов, мимо калиток и заборов, перескакивая через низкие изгороди и пролезая под высокие. Один раз она напугала маленького ребенка — увидев ее, он тут же сел в песочницу и открыл рот, видимо, для истошного вопля, но ее уже и след простыл. В другой раз она перемахнула через низкую изгородь и встретилась лицом к лицу с уродливым, похожим на бульдога стариком, который как раз выходил из дома на крыльцо. «Эй ты, а ну убирайся!» — закричал он с таким злобным видом, что Харриет, которая замедлила бег в надежде на помощь, отшатнулась, как от удара, и юркнула в его открытую калитку.

Она бежала дальше. В этом квартале она никого не знала, и, значит, помощи ждать было неоткуда. Ну зачем, зачем она позволила загнать себя сюда, на незнакомую территорию? «Ну давай, думай же, думай!» — изнемогая от усталости, твердила она себе, как вдруг заметила припаркованный у обочины желто-черный пикап Честера с кузовом, наполненным банками с краской и садовой утварью. Харриет повернулась и наугад устремилась во двор, ближайший к припаркованной машине. Он был огорожен аккуратно подстриженными кустами, и ей пришлось пролезть сквозь них, чтобы попасть внутрь. Там она чуть не упала в объятия изумленного Честера, который стоял

посреди двора и неторопливо навинчивал распылитель на водяной шланг.

— Эй, — закричал он изумленно, — с какого перепугу…

— Где тут можно спрятаться?

— Спрятаться? Ты что, совсем с ума съехала? Здесь тебе не площадка для игр! — От возмущения он лишился дара речи и только грозил ей перепачканной в земле рукой. — А ну давай вали отсюда…

Харриет дико огляделась по сторонам — на вкопанном в землю черном столбе была подвешена стеклянная кормушка для птиц, сбоку стоял стеклянный игрушечный парник, двор окаймляла живая изгородь из лавра, вдоль которой были посажены пышные, но очень низкие розовые кусты…

— А ну давай отсюда, я не шучу! Смотри, какую дыру ты проделала в изгороди!

Вымощенная камнями тропинка вела через засаженную маргаритками бархатную лужайку к аккуратному сарайчику, выкрашенному в цвет дома. Харриет стрелой понеслась туда, влетела внутрь, бросилась на пол, забилась под скамью, скорчившись за мотком шланга для полива, и закрыла руками голову. Тишина. Мужские голоса. Харриет зажала себе нос, чтобы не расчихаться от пыли, в груди у нее горело, голова болела, и все тело нестерпимо чесалось. Опять голоса: *бу-бу-бу*. Что можно так долго обсуждать? «Что они могут мне сделать? — пронеслось у нее в голове. — Если они придут за мной, я заору. Да, надо орать и бежать, орать и бежать». Если они затащат ее в машину, то все, конец. Почему-то она была уверена, что уже никогда не сможет выбраться оттуда живой. Нет, конечно, Честер так просто не позволит им забрать ее. Но ведь Честер один, и к тому же он черный, что он может сделать против двух молодых белых мужчин? Минуты текли, а потом она увидела приближающуюся к сараю длинную тень. Честер! Старый негр приоткрыл дверь и сказал своим сухим, немного скрипучим голосом:

— Ну давай, выходи.

Харриет не шевелилась. Облегчение было таким сильным, что ноги у нее вдруг стали совсем ватными.

— Эй, ты жива? — раздался над ее ухом голос Честера, и Харриет увидела перед собой его озабоченное черное лицо.

— Они ушли?

— Да что ты им такого сделала? — голос Честера звучал озадаченно и даже немного испуганно. — Они так вели себя, будто ты кошелек у них выудила.

— Так они ушли?

— Да, ушли, — нетерпеливо сказал Честер. — Давай уже, вылезай оттуда.

Все еще дрожа, Харриет выползла из-под скамьи и выпрямилась. Руки у нее были в песке, она вытерла их о порванные шорты и смахнула

с лица налипшую паутину.

— Господи, ну и видок у тебя, — пробормотал Честер. — Чегой-то они так на тебя озлобились? Не дело это, ой не дело двум здоровым мужчинам гоняться за такой маленькой пацанкой. Что? — Он закурил сигарету и еще раз подозрительно взглянул на нее. — Ты что, камнем в их машину швырнула, что ли?

Харриет вывернула себе шею, пытаясь заглянуть ему за спину. Во дворе никого не было.

— А что они сказали?

— Что сказали, что сказали — да ничего не сказали. Один из них сделал вид, что он, мол, электрик, будто я местного электрика не знаю. Он в таком комбезе был, коричневом, странный такой, — Честер очень похоже изобразил безумные вращающиеся глаза Фариша. — Сдается мне, тебе пришлось бы несладко, если бы он тебя поймал, уж больно сердитым он выглядел. Отчего же ты все-таки удирала от них? Ну, скажешь мне?

Наверху хрустнула ветка — это белка прошмыгнула по стволу платана, но Харриет вздрогнула всем телом и испуганно прижалась к Честеру. Высокий негр усмехнулся.

— Что, небось хочешь, чтобы я проводил тебя домой?

— Нет, спасибо.

Честер хрипло рассмеялся, и Харриет поняла, что в то время, как она говорила «нет», голова ее отчаянно кивала «да, да!!».

— Эх, мисси, сдается мне, у вас в мозгу все запуталось, — несмотря на то что голос Честера был веселым, сам он выглядел озабоченным. — Ну ладно, жди здесь. Я сейчас переоденусь и отведу тебя домой.

— Черные танки, черные танки, — с трудом ворочая языком, проговорил Фариш, когда они свернули на шоссе, ведущее к их дому. Он был еще в запале от погони, дышал тяжело, астматически хрипя и булькая. — Никогда в жизни я не видел столько танков.

Дэнни промолчал и только неопределенно хмыкнул. Черные танки? Что еще за чушь собачья? Его ноги все еще дрожали, спина была мокрой от противного липкого пота. Ему казалось, что он только что очнулся от дурного сна. О чем они, блин, вообще думали, гоняясь за девчонкой? И что бы они сделали с ней, если бы поймали?

— Черт меня побери, Фариш! — не в силах сдержаться, выругался он. — Кто-нибудь из соседей вполне мог стукнуть на нас полиции! — Да где это видано, ловить ребенка посреди бела дня да еще в приличном районе? Между прочим, похищение детей каралось в Миссисипи смертной казнью. — Это просто сумасшествие какое-то!

Фариш не слушал его, тыча толстым пальцем в окно.

— Смотри, смотри, — возбужденно говорил он, — они везде, они вооружаются! Скоро заварится каша, попомнишь мое слово…

Дэнни, борясь с тошнотой и противным стуком крови в висках, чуть

было не сказал: «А пошел ты к черту со своими танками», но побоялся, что Фариш совсем съедет с катушек. Прыгать через заборы, бегать по дворам и садикам с аккуратно подстриженной травкой, с приготовленными решетками для барбекю — чистое безумие. Он выпрямился, внезапно ясно осознав, что единственное, что может его спасти, — это побег; надо развернуть машину и бежать из города, бежать, чтобы никогда больше сюда не возвращаться. Но где-то в глубине души он понимал, что ему все равно не удастся это сделать.

— Эй, смотри сюда, — Фариш так резко ударил кулаком по приборной доске, что Дэнни вздрогнул. — Ну этот-то ты видишь, так? Этот видишь? Отвечай!

Свет везде — слишком много света. Солнечные зайчики прыгают по векам, рассыпаются на молекулы, забиваются под кожу.

— Мне надо остановиться, — сказал Дэнни.

— Чего?

— Больше не могу вести автомобиль. — Он услышал свой голос как будто со стороны — высокий, с истеричными нотками. Машины пролетали мимо, со свистом разрезая воздух, разбрасывая вокруг себя фонтаны световых брызг. Дэнни едва успел припарковать «транс Ам» около закусочной «Белая кухня», как в голове вспыхнул целый сноп слепящих искр. Он положил голову на руль, как сквозь пелену слыша голос Фариша, рассуждающий о том, какая хилая пошла нынче молодежь. Вот он, Фариш, в два раза больше мета потребляет, а посмотри на него — ему хоть бы что! А почему? Да потому, что Фариш знает, что надо есть, регулярно и помногу, даже когда тебя от еды с души воротит. «А ты, ты прямо как Гам, — Дэнни почувствовал руку брата, сжимающую мышцы его предплечья. — Ты ведь есть забываешь, верно я говорю? Поэтому и стал такой худой — кожа да кости».

Дэнни отупело смотрел в стекло. Молекулы воздуха перед его глазами ясно разлетались на разноцветные атомы. Не очень-то приятно было слышать, что его сравнивают с Гам, но он вдруг понял, что так оно и есть — своей загорелой до черноты кожей, острыми скулами и впалым животом он до смешного напоминал собственную бабку. Он, единственный из ее внуков, самый нелюбимый, был на нее похож. Ну не бред ли?

— Эй, сиди тут, — Фариш, готовый помочь, довольный, что может поучить брата жизни, тяжело вылезал из машины, одновременно доставая из кармана бумажник. — Сиди тут, я знаю, что тебе нужно. Большую колу и горячий бутерброд с ветчиной. Это тебя живо взбодрит.

Он с трудом удержался на ногах и пошел к закусочной, шатаясь, как пьяный капитан на отдыхе. Дэнни остался сидеть в раскаленной машине, вдыхая тошнотворный запах, оставленный Фаришем, и вяло размышляя, сможет ли он проглотить хоть кусок горячего бутерброда. В его воспаленном сознании метался образ улепетывающей девочки, но рядом с ним маячил еще один — той старой дамы на крыльце. Когда он

проезжал мимо дома, ее взгляд на секунду упал на него, а потом равнодушно скользнул прочь, и его вдруг пронзила мысль, что он ее знает.

Точно, он знал эту даму, причем хорошо, и это воспоминание шло из глубин его детства, он был в этом абсолютно уверен. Дэнни с трудом повернул голову в сторону закусочной. Через стеклянное окно он видел профиль Фариша, который стоял, перегнувшись через прилавок, и что-то втолковывал хорошенькой маленькой официантке. Та с улыбкой смотрела на брата, как будто он и впрямь мог сказать что-то остроумное. Вообще персонал «Белой кухни» относился к Фаришу на удивление прилично — девушки вежливо слушали его безумные истории, а когда он выходил из себя и начинал орать и махать руками, терпеливо ждали, когда его припадок пройдет, и полицию не вызывали.

Стараясь не выпускать Фариша из поля зрения, Дэнни вылез из машины, обошел ресторан и нашел около входа телефонную будку с болтающимися на цепочке растрепанными «Желтыми страницами». Половина книги была оборвана, но ему повезло, страница на «К» еще держалась. Он сразу же нашел нужное ему имя — «Клив», то, что было написано на почтовом ящике около дома старой дамы. Да, точно, вот она и в «Желтых страницах» зарегистрирована: «Э. Клив, Марджин-стрит, 8».

Где же он ее видел? И вдруг воспоминания хлынули широким потоком — это же бабушка Робина, его одноклассника, только жила она тогда в совершенно другом месте, в таком огромном особняке, как же он назывался? Ну да, «Дом Семи Невзгод» — такое чуднóе имя! Когда Дэнни был маленьким (он уже и не помнил, сколько ему тогда было лет), его один раз пригласили туда на день рождения Робина. Он хорошо запомнил тот визит — огромные комнаты, полутемные, таинственные коридоры, высокие потолки, старинные люстры со свечами.

В те дни Дэнни частенько бегал по улицам, когда приходилось дожидаться отца из бильярдной, и как-то раз забежал во двор одного дома, где увидел Робина, одиноко играющего около крыльца. Минуту они стояли и настороженно смотрели друг на друга, как два маленьких диких зверька, а потом Робин сказал:

— Я люблю Бэтмана.

— Я тоже люблю Бэтмана, — сказал Дэнни, подошел к Робину, и они тогда вместе играли до самого вечера.

А потом Робин взял и пригласил к себе в гости весь класс (поднял руку, встал и обошел всех, оставляя на столе конверты с приглашением). Дэнни долго потом хранил этот конверт. У него самого никогда не было никаких дней рождения, дома никому в голову бы не пришло ему что-то подарить, а отец запрещал ему ходить в гости к другим мальчикам, чтобы «не нахватался идей». Однако в тот раз всех детей повезли на автобусе, поэтому и говорить домашним не пришлось. Дэнни ожидал, что их повезут к дому Робина, который ему очень нравился, но вместо

этого они уехали далеко за город через хлопковые поля, по длинной аллее, обсаженной огромными деревьями. Дэнни тогда порядком струхнул, поскольку понятия не имел, как он будет оттуда выбираться. К тому же у него не было подарка. В школе он попытался соорудить подобие подарка из выброшенной кем-то игрушки «Киндер-сюрприза», обернув ее в лист бумаги, вырванный из тетради, но у него не было скотча, и в результате творение его рук выглядело просто ужасно — совсем не так, как полагалось выглядеть настоящему подарку.

Однако, похоже, никто не заметил, что он пришел с пустыми руками, по крайней мере никто ему ни слова не сказал. И вблизи дом не выглядел так величественно, как издалека, — по правде говоря, он вообще разваливался на части, ковры были проедены молью, от потолка отваливалась штукатурка, обои во многих местах отставали от стен. Та самая старая дама, бабушка Робина, руководила всеми, она была такой высокой, прямой и страшной, что дети испуганно замолкали, когда она входила в комнату и нависала над ними, хмуря брови. Но когда они стояли около стола, она передала ему самый большой кусок белого торта на стеклянной тарелочке, с огромной кремовой розой и большой буквой Д от слова «ДНЕМ». Она оглядела своими светло-зелеными глазами столпившихся вокруг стола детей, перегнулась через стол и сунула тарелку прямо в руки Дэнни, стоявшего позади всех, как будто специально выбрала лучший кусок именно для него.

Точно, это была та самая дама, *Э. Клив!* Он не видел ее ни разу с того самого времени. Потом «Дом Семи Невзгод» дочиста сгорел при пожаре — огонь осветил ночное небо на несколько миль вокруг. Дэнни помнил, каким взглядом его отец обменялся с бабкой, как будто они ничего другого и не ожидали, так и знали, что этим все закончится. Несчастье заносчивых «аристократов» было отличным поводом позлорадствовать, тем более что Гам в юности собирала в тех полях хлопок. Да, бедная старая дама поистине низко пала, если живет в таком маленьком бунгало после своего огромного особняка, и это показалось Дэнни грустным и почему-то загадочным. И Робин давно уже мертв. Робин был хороший, добрый, щедрый мальчик, а какой-то грязный обдолбанный мерзавец взял да и убил его, наверное, просто так, развлечения ради, без всякой цели. В школьном коридоре он тогда удивился, увидев миссис Мартер (противную училку с толстой задницей и начесом на голове, которая однажды заставила Дэнни целую неделю проходить в желтом женском парике за какой-то проступок, о котором он уже и не помнил) без обычного шиньона. У нее были красные, заплаканные глаза, и она что-то возбужденно шептала на ухо другой учительнице. А на следующем уроке миссис Мартер объявила: «Класс, у меня для вас печальные новости», и Дэнни вначале подумал, что она просто разводит их, однако, когда она велела им достать мелки и нарисовать родителям Робина прощальные картинки, он понял, что она не шутит. Он тогда нарисовал Бэтмана, Человека-Паука и всех четырех

черепашек Ниндзя, которые стояли, взявшись за руки, около дома Робина. Он хотел нарисовать их в сражении — освобождающими Робина из рук злодеев, но у него получилось плохо, поэтому он нарисовал новую картинку, где они стояли и смотрели прямо перед собой. Подумав немного, он нарисовал себя тоже, немного в стороне. Он знал, что подвел Робина. Если бы он не попался на глаза их кухарке и она не помчалась за ним по улице со шваброй в руке, Робин вполне мог бы быть сейчас жив.

Однако чувство опасности с тех пор не покидало Дэнни — ведь они с Кертисом болтались по улицам с утра до вечера. А вдруг маньяк так и бродит где-то поблизости? Хотя Кертиса легко было уговорить спрятаться, он не переставал болтать на своем птичьем языке и заткнуть его было невозможно. Но, несмотря на невменяемость Кертиса, Дэнни предпочитал компанию младшего братишки полному отсутствию таковой. Не было ничего хуже, чем бродить по пустынным, темнеющим городским улицам в одиночестве. Любой звук пугал его, любое движение в темноте чужих дворов приводило в ужас. А то, что он почти никогда никого не видел, почему-то еще сильнее убеждало его в существовании таинственного маньяка, настолько хитрого и неуловимого, что он был практически неуязвим. Дэнни начали мучить кошмары, пару раз он даже просыпался в мокрой постели.

Хотя Дэнни не был плаксой (отец не позволял «распускать нюни» даже Кертису), один раз он не выдержал и разревелся прямо посреди семейного ужина в присутствии отца и братьев. Отец, конечно, сразу же дал ему повод поплакать как следует, а после жестокой порки Рики Ли поймал его за ухо в коридоре. «Небось он был твоим дружком, сучонок», — прошептал он.

— Небось тебе жаль, что это не ты помер... — раздумчиво прошепелявила Гам.

И на следующий день Дэнни пошел в школу другим человеком, притворяясь, что ничего не боится, хохоча и хвастаясь и рассказывая небылицы о том, чего не было и быть не могло. Как будто он завидовал Робину, его посмертной славе... Хотя чему завидовать — пусть жизнь и не баловала Дэнни, по крайней мере он был жив. Пока.

Тренькнул звонок над дверью, и на пороге закусочной появился | Фариш, сжимая в руках промасленный пакет. Увидев пустую машину, он остановился как вкопанный. Дэнни медленно вышел из стеклянной будки, так же медленно пошел навстречу брату: правило номер один — никаких резких движений. В последние дни поведение Фариша становилось все более непредсказуемым и даже опасным.

Фариш повернул голову в сторону Дэнни — глаза его совсем остекленели.

— Что ты там делал? — спросил он.

— Мм, ничего особенного, просто просматривал телефонную книгу, — пробормотал Дэнни, пытаясь обойти Фариша слева и сохраняя

на лице нейтральное выражение вежливого внимания. В такие минуты любой пустяк мог вывести Фариша из себя, тогда он бросался на окружающих как сорвавшийся с цепи бешеный пес. Вчера, например, он с такой силой бухнул на стол стакан с молоком, что отбил у него дно.

Фариш следил глазами за каждым его шагом.

— Ты не мой брат, — сказал он наконец.

Дэнни обернулся, одной рукой держась за дверцу машины.

— Что? — спросил он.

Без всякого предупреждения Фариш бросился вперед и ударом в челюсть сбил его с ног.

Когда Харриет добралась до дома, мать была наверху, разговаривала по телефону с ее отцом. Это уже само по себе было плохим знаком, поэтому Харриет села на ступеньку лестницы, положила руки на согнутые колени, опустила на них подбородок и стала ждать. Прошло полчаса, но мать не появлялась из спальни. Харриет взобралась на одну ступеньку вверх, потом еще на одну и так продвигалась по лестнице, пока не оказалась почти под дверью материнской комнаты. Она напрягла слух, но, хотя голос Шарлот был вполне отчетливо слышен (низкий, хрипловатый), слов различить она не могла.

В конце концов она сдалась и пошла на кухню. Дыхание все еще сбивалось, и в груди время от времени напрягалась и как будто рвалась какая-то жилка. Через открытое окно виден был грандиозный закат — багрово-красно-фиолетовый, как всегда в конце лета перед сезоном тайфунов. «Господи, хорошо, что я не побежала назад к Эдди!» Ослепленная паникой, она почти привела их к дому Эдди, а ведь ее бабушка, хоть и имела железный характер, все равно была лишь слабой старушкой, да еще со сломанными ребрами.

Харриет решила проверить замки на дверях и пришла в ужас — оказывается, их дом все время стоит практически открытый! Она сама сломала шпингалет на задвижке задней двери пару лет назад — вырвала крепление с корнем, — с тех пор он так и болтался на одном болте. А окна? Все окна открыты и днем и ночью! Как же раньше она этого не замечала? Что она теперь будет делать? Как она сможет помешать ему прийти за ней ночью — просто влезть в окно или войти в незапертую дверь?

По лестнице простучали легкие шаги — Алисон вбежала на кухню и бросилась к телефону, как будто хотела позвонить. Она подняла трубку, послушала несколько секунд со странным выражением на лице, потом тихонько положила ее обратно на рычаг.

— С кем это она говорит? — спросила Харриет.

— С отцом.

— *Так долго?*

Алисон пожала плечами, но и она выглядела озабоченной. Быстро повернувшись, она бросилась по лестнице назад, к себе в комнату.

Харриет тихонько подошла к телефону и сняла трубку.«...Я не имею права винить тебя», — говорила мать жалобно. Раздражение отца и его нетерпение были ясно слышны в его вздохе. «Что ж, приезжай и убедись сама, если не веришь мне», — сказал он. «Я не хочу, чтобы ты говорил то, чего на самом деле не думаешь».

Харриет повесила трубку — она боялась, что мать будет жаловаться на нее, но такой оборот событий испугал ее еще больше. А вдруг они помирятся? Тогда им придется переехать в квартиру отца. Здесь, в доме, по крайней мере, было где спрятаться от него, к тому же близость Эдди и тетушек отчасти его утихомиривала. То, что они находились где-то рядом, пусть даже на соседней улице, давало Харриет силы пережить его внезапные шумные наезды. Но в той квартире всего пять комнат — от отца негде будет укрыться.

Как будто в ответ на ее мысли за спиной послышался грохот — бабах! — и Харриет подпрыгнула, прижав руку к горлу. Это обрушилась вниз створка жалюзи, сметя на пол целую кучу засорявших подоконник предметов: горшок с красной геранью, несколько пачек журналов, полную окурков пепельницу. На мгновение Харриет застыла, глядя на черные комья земли на линолеуме.

— Эй! — тихо позвала она, но какой бы призрак ни пронесся сейчас через комнату, ответа он ей не дал. Внезапно ей стало очень страшно, как будто она уже находилась на прицеле винтовки. Повернувшись, она бросилась из кухни, словно за ней гнались все демоны мира.

Юджин, нацепив на нос очки, заказанные в аптеке, сидел за столом трейлера Гам и перебирал буклеты, которые он подобрал в окружном департаменте по сельскому хозяйству: «Овощи и фрукты», «Мой сад», «Огород на трех метрах». Его укушенная змеей рука все еще висела на перевязи и имела неживой вид — пальцы, распухшие, как сосиски, едва шевелились, место укуса все еще было неприятного багрового цвета.

Юджин вернулся из больницы другим человеком. Когда он лежал на больничной койке, слушая доносящееся из холла идиотское блеяние телевизора, на него наконец-то сошла благодать Господня. Он вдруг понял, что Господь в своей доброте и мудрости ясно указал ему дорогу вперед. Юджин молился каждую ночь, чтобы лучше увидеть указанный ему путь, и в результате понял следующее.

Во-первых, он не был духовно подготовлен к тому, чтобы дрессировать змей, а потому и не получил на это Господнего благословения, поэтому Господь всемогущий сохранил ему жизнь, но отчетливо показал, что этот путь для него — тупиковый. Во-вторых, не всем в мире, будь они просто верующими или даже сильно верующими, вроде него, была уготована роль священника, сам Юджин глубоко заблуждался, когда думал, что только так он может приобщиться к Его духу. Похоже, у Господа были на Юджина собственные, вполне конкретные планы, и в них не входило, чтобы Юджин, будучи почти

косноязычным и не обладая ни харизмой, ни талантом красноречия, нес Его слово в массы. Но если не это, что же тогда? «Дай мне знак», — молил Юджин Создателя, лежа ночью на своей койке, уперев глаза в серые тени потолка. И пока он молился, его глаза снова и снова возвращались к горшку с красной геранью, который принесли родственники больного, лежащего около окна, — очень большого темного мужчины, который дышал часто, с судорожными всхлипами. Эта алая герань была единственным цветовым пятном в унылой больничной обстановке их комнаты. И когда Юджин опять вернулся в больницу после происшествия с Гам, он специально зашел опять в ту палату — мужчины на койке уже не было, но цветок так и стоял на подоконнике, и внезапно покровы спали с глаз Юджина: он *все понял*. Как будто Господь сказал ему прямо: «Иди и сажай мой сад». Вот третье озарение, которое получил Юджин: он будет иметь дело с лучшими Его творениями, с этими хрупкими живыми созданиями, с цветами и фруктами, которые испускают благоухающие ароматы, приносят людям радость своим видом и дарят им прекрасные плоды.

В тот же день Юджин отправился в магазин, купил на распродаже несколько пачек семян и посадил одну грядку капусты и одну зимнего турнепса на участке земли за задним крыльцом своего трейлера, где еще недавно стоял трактор. Он также купил два розовых куста и посадил прямо напротив трейлера своей бабушки. Гам отнеслась к его новой инициативе со свойственной ей подозрительностью, будто розовые кусты знаменовали собой несчастья, готовые вот-вот свалиться на ее голову. Несколько раз Юджин видел, как она рассматривает бедные кусты с таким видом, словно они несли в себе угрозу ее мирному существованию. «Нет уж, скажи мне, — шипела она, неслышно возникая за спиной у Юджина, поливающего розы водой с нитратными удобрениями, — и кто теперь будет за этим всем следить? Кто будет платить за все эти пестициды? И кто будет их поливать, возиться с ними, а?» Она смотрела на Юджина с таким видом, будто ясно хотела показать, что, видимо, этим несчастным существом суждено стать именно ей, Гам.

Дверь трейлера с треском распахнулась, и внутрь устало ввалился Дэнни, грязный, небритый, с темными кругами под красными от бессонницы глазами. В последнее время он так исхудал, что джинсы едва держались у него на бедрах.

Юджин сказал:

— Господи, да ты ужасно выглядишь.

Дэнни рухнул на стул и уронил голову на руки.

— Ты сам во всем виноват. Тебе надо прекращать принимать эту гадость.

Дэнни поднял голову. Глядя на Юджина пустым, невидящим взглядом, он спросил:

— А ты помнишь девчушку, что приходила тогда к твоему дому? Такую тощую, с черными волосами?

— Конечно, помню. — Юджин заложил пальцем страницу буклета и повернулся к Дэнни. — Фариш может говорить, что ему вздумается, но я-то знаю, что все корзины были закрыты намертво. И я не оставлял эту чертову дверь незапертой, я всегда запираю двери из-за этого ублюдка Роя Дайла — никогда не знаешь, когда он притащится… А что это?

Он близоруко прищурился на маленькую черно-белую фотографию, которую Дэнни буквально сунул ему в лицо.

— Эй, да это же ты, — сказал он удивленно.

— Вот именно. — Дэнни передернулся и поднял глаза к потолку.

— Откуда это?

— *Она* оставила.

— Кто *она?* Девочка? Где она могла это тебе оставить? И зачем?

За окном послышался тонкий, горький, с завываниями и всхлипываниями, плач.

— Кто это? Кертис? — Юджин вскочил со стула и сделал несколько шагов к двери.

— Нет, — Дэнни прерывисто вздохнул. — Это Фариш.

— *Фариш?*

Рыдания то стихали, то вновь набирали силу, — они были такими горькими, словно Фариш выплакивал собственное сердце.

— Боже мой, — с благоговейным страхом произнес Юджин, — вы только послушайте, как его колбасит! А где Кертис?

Кертис страдал астмой, и у него часто случались приступы удушья, особенно когда он был расстроен или когда кто-нибудь другой был расстроен, что часто действовало на него еще сильнее.

— Не знаю, — сказал Дэнни, и только сейчас Юджин заметил его припухшую нижнюю губу. — У меня была разборка с Фаришем полчаса назад, — сказал Дэнни, заметив взгляд брата. — Слушай, я устал жить в постоянном страхе. Сколько это может продолжаться? Я так больше не могу. — Из-за голенища сапога он вытащил довольно длинный нож и бросил его на стол. — Вот моя защита от *него!*

— Господи, Дэнни, ты себя, в конце концов, прикончишь, — сказал Юджин, кладя ему руку на плечо. — Иди к себе, тебе надо поспать.

— Надо поспать, — тупо повторил Дэнни, не шевелясь.

Рыдания постепенно стихли, и за окном послышались неровные, шаркающие шаги Гам.

— Когда я была маленькой девочкой, — прошепелявила Гам, медленно заползая по лестнице в трейлер, — папаша мой всегда говорил, что настоящего мужика не застанешь дома с книжкой…

Она проговорила это со спокойной нежностью, словно делилась великой мудростью своего усопшего папаши. Дрожащей рукой она потянулась к лежащему на столе буклету и взяла его за краешек, как будто он мог ее укусить.

— Успокойся, бабуля, — миролюбиво заявил Юджин, поправляя очки на носу, — я не купил эту чертову книжку, просто подобрал ее

бесплатно в ихнем офисе по сельскому хозяйству. Ты сама могла бы как-нибудь скататься туда — у них есть брошюры буквально обо всех видах растений.

Гам выдержала многозначительную паузу.

— Я просто не хочу, чтобы ты опять разочаровался, сынок. Не залетай высоко, ниже падать будет. Этот мир жесток к таким, как мы. Мне тошно думать обо всех этих чистеньких выпускниках колледжей, которые ой как ближе тебя к кормушке.

Юджин с недоумением посмотрел на нее. Да что, в конце концов, с нее взять? Старуха работала всю свою жизнь как проклятая, понятное дело, она на все смотрит с пессимизмом. Хотя почему не дать внуку попытать счастья? Убудет от нее, что ли? Этого Юджин понять не мог.

Дэнни, который все это время тихо сидел за столом, вдруг встал. Он покачивался из стороны в сторону, а на глаза его медленно накатывала черная пелена.

— Знаешь, очки тебе идут, — с запинкой обратился он к Юджину.

— Правда? — Юджин поправил очки на носу и благодарно улыбнулся брату.

— Тебе идут... — Глаза Дэнни начали закатываться. — Ты... их... всегда носи... — С этими словами он рухнул на пол.

Харриет проснулась и в панике села на постели. Только начинало светать, дождь кончился, свет медленно заползал в комнату. С соседней кровати доносилось едва слышное дыхание сестры, но кроме россыпи игрушечных медвежат у изголовья да пары медно-золотых локонов видимых признаков ее присутствия не было.

Харриет тихо поднялась с кровати и пошла одеться — увы, ни одной чистой рубашки в своем ящике она не нашла. Воровато оглядываясь на неподвижное тело сестры, скрытое под одеялом, Харриет открыла ее ящик и — вот радость-то! — нашла в нем отглаженную и аккуратно сложенную рубашку. Она поднесла рубашку к носу — та все еще хранила слабый запах любимого Идиного кондиционера.

Харриет надела кроссовки и спустилась вниз. Все было тихо, только часы едва слышно отстукивали время. Беспорядок был как-то менее заметен в мягких лучах утреннего солнца, которое играло на грязной поверхности стола из красного дерева и на перилах лестницы. Харриет потихоньку прошмыгнула мимо материнского портрета — белозубая улыбка, блестящие весельем глаза, — вошла в гостиную и достала из-под Идиного кресла револьвер.

В холле она поискала какую-нибудь сумку, но нашла только полиэтиленовый пакет. Поскольку очертания револьвера были слишком заметны через тонкий пластик, Харриет обернула его несколькими слоями газеты, забросила пакет за плечо и, чувствуя себя, как Оливер Твист, отправившийся на поиски приключений, потянула парадную дверь.

Утро встретило ее птичьей песней, мелодичной, высокой нотой, которую невидимая певунья выводила снова и снова. Как жаль, что она не Ида и не может спеть птице ответную песню! В воздухе, несмотря на август, уже чувствовалось приближение осени, золотые, алые и оранжевые цинии на клумбе миссис Фонтейн потеряли былую яркость красок, а их головки уже начали вянуть. Кроме оголтело щебечущих птиц — что это они так расшумелись с утра, не иначе как предупреждают своих друзей о том, что она идет, — на улице не было ни души. На пустой лужайке справа работал забытый с вечера «дождик», покрытая росой трава блестела, как отполированная, темный, влажный асфальт улицы уходил в бесконечность, но ее собственные шаги звучали как-то неуверенно, даже робко. Харриет прибавила шагу.

Чем дальше она уходила от центра, тем беднее становились кварталы. После Натчез-стрит тротуары стали почему-то совсем узкими — не более полуметра шириной, и все испещрены трещинами и ямами. Харриет прошла мимо покосившихся веранд, дворов, заваленных газовыми баллонами и прочим барахлом, лужаек, заросших сорняками. Всклокоченный рыжий пес чау-чау грудью бросился на сетчатый забор, блестя синей пастью и белыми зубами, но, несмотря на его злобу, Харриет почувствовала к нему что-то вроде симпатии. Похоже, он никогда в жизни не купался, шерсть его была ужасно свалявшейся, грязной и очень неопрятной на вид. Харриет подумала, что, судя по всему, бедняга сидит на цепи круглый год, даже зимой, и лижет лед, когда хозяева забывают поставить ему новую миску с водой. Есть от чего взбеситься!

Она дошла до окраины города и повернула по гравиевой дороге в сторону складов и водонапорной башни. Она, собственно, не очень понимала, зачем идет туда и что будет делать, если ей повстречается ее враг, но решила и не думать об этом, просто смотрела себе под ноги на мокрый гравий и отстукивала в голове приятный ритмичный мотив.

Когда-то давно водонапорная башня обеспечивала водой паровозы, но сейчас Харриет даже не представляла, на что ее можно было использовать. Год назад они с одним приятелем, мальчиком по имени Дик Пиллоу, забрались на самый верх башни, чтобы посмотреть с высоты на окрестности. Ууу, как это было высоко, — им виден был практически весь штат, по крайней мере так им показалось. Вид города поразил ее количеством и разнообразием крыш — красных, зеленых, черных, серебряных, остроконечных и плоских, высоких и низких. Там были крыши из железа, из черепицы, шифера, рубероида, — город с высоты птичьего полета походил на фантастический коллаж, сооруженный из бумажных журавликов-оригами. Он был таким игрушечным, чистеньким и непривычным, как будто их занесло в Китай или Японию. А за городом, извиваясь, кралась река, как желтая змея, блестя на солнце своей покрытой рябью поверхностью.

Она тогда так увлеклась изучением пейзажа, что слишком мало

внимания уделила собственно конструкции резервуара. Сколько Харриет ни пыталась, ей так и не удалось воссоздать в памяти, как все было устроено там, наверху, она только ясно помнила маленькую, врезанную в крышу дверь, которая открывалась на себя, как кухонный шкафчик. Сегодня ей предстояло разгадать еще одну загадку Дэнни Ратклиффа. Чем больше она думала о том, как он испуганно присел тогда на самом верху башни, оглядываясь по сторонам, будто хотел что-то скрыть или скрыться сам, тем больше уверялась в своем предположении, что, наверное, он что-то спрятал в башне. А что именно, она должна была выяснить незамедлительно, пока не началась школа и пока мать не увезла ее в распроклятый Нашвилль. Как странно, почему-то она все время вспоминала то мгновение, когда сканирующий окрестности взгляд Дэнни на секунду скрестился с ее взглядом и немедленно вспыхнул, как сигнальное зеркальце. А она ведь стояла тогда в кустах, так что видеть ее он точно не мог! И все же ее не оставляла уверенность, что *он откуда-то знал, что она следит за ним*. И что еще страннее («и грустнее», — вздохнув, сказала себе Харриет) — Дэнни Ратклифф был первым человеком за долгое время, который проявил к ней хоть какой-то интерес.

Харриет и не заметила, как подошла к башне. Она немного выждала, оглядываясь по сторонам и не решаясь приблизиться к ней. Нестройный хор кузнечиков оглушал; казалось, они чувствовали, что лето кончается и что скоро придет их смертный час, и хотели вдоволь наораться перед смертью. Харриет зябко поежи- | лась, но потом тряхнула головой: «Нечего прохлаждаться, надо приниматься за дело!» Подойдя к самому основанию башни, она принялась за изучение конструкции.

Нижняя ступенька железной лестницы оказалась выше, чем помнилось Харриет. В тот раз она встала на плечи Дика, а потом Дик залез на сиденье велосипеда, чтобы забраться на лестницу следом за ней. Теперь же оказалось, что ей вообще не дотянуться до нижней ступеньки. Может быть, только очень высокий мужчина сумел бы ухватиться за нее, да и то пришлось бы подпрыгнуть. Что же делать? Сама водная цистерна стояла на металлических подпорках с овальными дырками, расположенными на расстоянии полуметра одна от другой. Соседние подпорки соединялись между собой двумя параллельными поперечными крепежами. С ближайшего к лестнице крепежа, наверное, можно дотянуться до нее. Всего-то и нужно — вскарабкаться по подпорке до поперечины и добраться до ее середины.

Харриет храбро подошла к подпорке и полезла вверх. Дырки были достаточно большие, и она могла просунуть в них носок кроссовки и зацепиться пальцами. Ползти было нелегко: за долгие годы службы подпорка покрылась толстым слоем ржавчины, которая сразу запачкала руки, колени и даже щеки Харриет. Хотя Харриет и не боялась высоты (она обожала лазать), сама подпорка была очень узкой и крайне

неудобной для этой цели.

«Ну ладно, даже если я упаду, все равно не разобьюсь насмерть», — сказала себе Харриет. Откуда она только не падала (и не прыгала): с крыш домов и сараев, с высокой ветки орехового дерева, что росло во дворе у Эдди, с лесов на фасаде пресвитерианской церкви — и пока еще ничего себе не сломала. Но ей было страшно взбираться наверх среди безмолвия пустыря; любой порыв ветра или крик птицы заставлял ее вздрагивать и прижиматься щекой к металлической опоре, и только усилием воли Харриет заставляла себя не отрывать взгляда от ржавой балки, медленно двигающейся перед ее носом.

Постепенно ее руки стали уставать. Иногда, особенно когда она качалась на «тарзанке» или залезала на самую верхушку шведской стенки в гимнастическом зале, ей очень хотелось взять да и разжать пальцы: хотя бы на несколько секунд ощутить себя в свободном полете. Вот и сейчас она с трудом удерживала себя от того, чтобы броситься вниз. Ползти становилось все сложней, так как угол наклона опоры увеличивался. Чтобы отвлечься от ноющей боли в руках, Харриет повторяла старый стишок, который когда-то прочитала в детской книжке:

Жил на свете старый мистер Чень.
На голове носил корзину круглый день,
Тупыми ножницами мясо стриг
И палочками ел свой рис.

Она напрягла все силы, обхватила руками поперечную перекладину и закинула на нее ногу. Старый мистер Чень! В детстве эта картинка в книжке каждый раз пугала ее до полусмерти, особенно длинные ножницы с кривыми кончиками, которыми размахивал китаец. А чего стоила его цветная остроконечная шапка, редкие усики над раздвинутыми губами, узкие глаза китайского мандарина и хитрая, кровожадная, издевательская улыбочка...

Харриет подтянулась, легла на поперечную балку животом, потом оседлала ее и посмотрела вниз. Она забралась уже очень высоко, почти как тогда, в первом классе, когда обиделась на кого-то из домашних и очень быстро вскарабкалась на самую верхушку платана, росшего на участке какого-то старика прямо рядом с баптистской церковью. «Ну прямо как чертова белка!» — недовольно бормотал этот старик, когда ему пришлось приволочь к дереву самую высокую лестницу, чтобы снять ее с ветки.

Харриет медленно поднялась и, встав во весь рост, уцепилась руками за верхнюю поперечину. На трясущихся ногах она сделала несколько шагов по направлению к лестнице, быстро согнулась и схватилась за ступеньку. Ура, есть! Теперь самое сложное позади.

Тот старик давно умер — соседи судачили, что его зверски убили

грабители, хотя что у него можно было украсть? Говорили, что они пятьдесят раз ударили его ножом и что соседи нашли его на следующий день, лежащего в луже уже подсохшей крови. А несколько лет спустя срубили и платан, теперь только засохший пень торчал на этом месте. Старик тогда крикнул ей испуганно: «Ты чья будешь?» — а потом признался, что когда услышал среди ветвей ее тоненькие, жалобные призывы: «Помогите! Помогите!», то подумал, что это душа умершей жены зовет его с неба. Все же он помог ей спуститься тогда и даже не настучал Эдди.

Держась за лестницу, Харриет на минуту закрыла глаза и позволила рукам слегка отдохнуть. Потом оглядела окрестности — ей показалось, что она парит над миром на воздушном шаре, такая красота и простор открывались вокруг. И город был таким же, как и год назад, — прямо как картинка из книжки про средневековые замки и окружающие их поселения. Харриет засмотрелась на далекие перспективы, но тут над башней пролетел кукурузник, затарахтев так, что Харриет в панике чуть не выпустила из рук железную ступеньку. Она быстро повернулась и торопливо полезла на вершину башни.

Дэнни очнулся на кровати у себя в трейлере, над ним нависал белый потолок, покрытый мелкими трещинами. Он смутно помнил, что во сне ему было жарко, страшно и плохо, что он несколько раз порывался куда-то бежать, спасаться от Фариша, от отца, от Гам. Но каждый раз, когда Дэнни открывал глаза, он видел сидящего у его постели Юджина, своего сумасшедшего брата, тихого, доброго, в больших квадратных очках на носу, который грозил ему мягким, размытым пальцем и говорил: «Куда? Куда? Лежи, лежи...» и подносил ко рту стакан с водой или мятным чаем. Солнце заливало окна рыжим светом, с улицы доносилось пение Кертиса, что-то типа многократно повторяемого «гуна-гуна». Дэнни лежал не шевелясь, пока не различил еще какой-то невнятный, скребущий звук, похожий на стук лапой по полу. Дэнни со стоном приподнял голову, оглядел комнату и вздрогнул. В кресле, где раньше дежурил Юджин, восседал Фариш (руки скрещены на груди, нога отбивает такт на полу) и смотрел на Дэнни пристальным, неприятным взглядом. Колени Фариша дрожали, борода и усы вокруг рта были мокрыми, словно он пролил на себя воду или пускал слюни.

Какая-то маленькая птичка сладко пропела за окном, Дэнни перевернулся на бок и хотел сесть, но Фариш наклонился вперед и ткнул его пальцем в грудь.

— Не так быстро, приятель. — Его амфетаминовое дыхание было горячим и так дурно пахло, что Дэнни затошнило. Он невольно поморщился и отвернулся. — Я еще не надрал тебе задницу...

— Перестань, — с трудом выговорил Дэнни, слабыми руками пытаясь оттолкнуть брата. — Мне надо в туалет.

Фариш откинулся на стуле, и на секунду Дэнни вдруг увидел за

оплывшим лицом резкие, жесткие черты отца, грозящего ему кулаком из преисподней.

— А ну заткнись, — прошипел Фариш, сильнее толкая Дэнни кулаком в грудь. — Закрой пасть, понял? Будешь говорить, когда я прикажу. Теперь ты отчитываешься передо *мной*.

Дэнни не шевелился, пытаясь понять, о чем толкует его вконец обезумевший брат.

— Я на своем веку повидал сотни допросов, ты понял, говнюк? Я видел, как из людей делали слепых идиотов. Мы все страдаем одним и тем же. Беспечность! Вот в чем ужас! Волны сна обладают магнетизмом, — он потыкал себя в лоб двумя пальцами. — Понял? Понял? Они могут вообще уничтожить в тебе личность. Ты открываешь себя электромагнитной власти, а она убьет в тебе всю твою чертову систему ценностей. Пшик! Вот так.

«Да он совсем сбрендил», — подумал Дэнни, когда Фариш провел по волосам и вдруг вздрогнул и затряс рукой, будто наткнулся на таракана.

— Эй, так ты будешь у меня умничать! — заорал он, увидев, что Дэнни смотрит на него.

Дэнни отвернулся к окну и заметил Кертиса, выглядывающего из-за подоконника. Рот его был измазан оранжевым, словно он жевал помаду, а на лице было радостно-изумленное выражение, как будто он только что хорошенько нашкодил и еще не попался.

Дэнни был так рад видеть его мордашку, что на мгновение расслабился и позвал:

— Эй, Аллигатор, — но прежде чем он смог спросить, кого Кертис съел на завтрак, Фариш выбросил вперед руку и заверещал тонким голосом:

— Убирайся-убирайся-убирайся!

Кертиса как ветром сдуло с подоконника, только слышался топот его косолапых ног: *бум-бум-бум*. Воспользовавшись паузой, Дэнни сел на постели, но тут Фариш обернулся и ткнул в него волосатым пальцем.

— Я что, сказал вставать? Да? — Его лицо было багровым, почти синюшным. — Дай-ка я тебе кое-что объясню, сынок.

Дэнни сидел на постели, не шевелясь.

— Мы начинаем работать в обстановке военной тревоги. Следишь? *Следишь?*

— Слежу, — пробормотал Дэнни, когда понял, что именно требует от него Фариш.

— Так, вольно. Вот твои уровни... — Фариш начал загибать пальцы. — Код *Зеленый*. Код *Желтый*. Код *Оранжевый*. Код *Красный*. Итак, — Фариш поднял вверх трясущийся палец, — ты можешь догадаться, что значит код Зеленый, поскольку ты управляешь транспортным средством.

— Можно ехать? — спросил Дэнни.

— Нет!!!! Утвердительно. *Утвердительно,* придурок! Все системы

— вперед. Код Зеленый — не тревожный код, он не угрожает окружающей среде. Теперь слушай сюда, — Фариш навис над Дэнни, скрежеща зубами, — *кода Зеленый не существует.* Понял? *Его просто нет в природе.*

Дэнни уставился в пол, боясь пошевелиться.

— Код *Зеленый* нам не подходит, и ты сейчас поймешь почему. — Фариш вскочил со стула и заходил взад-вперед по комнате, что было плохим признаком. — Если тебя атакуют под кодом *Зеленый,* тебе не выжить. Теперь понятно?

Краем глаза Дэнни увидел, как в окно просунулась пухлая грязная рука Кертиса и положила на подоконник надорванный кулек разноцветных леденцов. Дэнни тихо протянул руку и забрал подарок. Пальцы Кертиса пошевелились в молчаливом приветствии, потом исчезли из виду. Дэнни потихоньку засунул пакет с леденцами себе под подушку.

— Мы сейчас работаем под кодом *Оранжевый.* Под кодом *Оранжевый* мы ясно видим опасность и фокусируем на ней внимание постоянно. Повтори: *постоянно.*

Дэнни осмелился протянуть руку и положить ее Фаришу на плечо.

— Успокойся, — сказал он мирным, размеренным голосом. — Не надо так волноваться. — Он хотел произнести эти слова легко, без напряжения, но вышло как-то сдавленно и визгливо.

Фариш крутанулся на месте, сбросив руку Дэнни со своего плеча, и вперил в него налитые кровью глаза.

— Вот что, приятель, — сказал он вдруг подозрительно спокойным голосом. — Мы сейчас с тобой немного прошвырнемся на машине. *Я читаю все, что написано на твоем вонючем лице, ублюдок!* — заорал он вдруг. — Думаешь, ты сможешь провести меня, да?

Дэнни страшно хотелось в сортир, и он не знал, как ему лучше повести себя.

— Фариш, прекрати, — попытался он еще раз, — успокойся на минуту, хорошо? Сядь. — Он протянул руки к Фаришу, но, видимо, сделал это чуть быстрее, чем надо было, потому что Фариш, издав рычащий вопль, бросился на него, как спущенный с цепи волкодав. Одной рукой он схватил Дэнни за воротник рубашки и рывком стащил с постели, а другой ударил в зубы. Голова Дэнни запрокинулась назад, во рту появился железистый привкус крови.

— Ты только посмотри на себя, — прошипел Фариш, — до чего ты дошел, сукин сын. Против брата идешь, сучонок, да?

— Фариш… — Дэнни поднес руку ко рту и вытер кровь, потом подвигал челюстью. Вроде все зубы на месте, но Фариш только разогревался. Ближний бой представлял для Дэнни наибольшую опасность — Фариш был, по крайней мере, в два раза крупнее его и мог бы убить одним ударом.

— Эй, — Фариш швырнул его назад на постель. — Собирайся! Ты

поведешь машину.

— Хорошо, хорошо… — Дэнни поднял руки вверх в международном жесте «сдаюсь!» и медленно встал с кровати. — А куда? — Глупый вопрос, он и так всегда был за рулем, куда бы они ни ехали.

— Не смей мне хамить! — Фариш ударил его по щеке тыльной стороной ладони, острый край перстня оцарапал щеку до крови. — Если хотя бы грамм продукта пропал, ты мне за это жизнью заплатишь, понял, сволочь?

Дэнни натянул ботинки на голые ноги и теперь стоял, глядя в пол.

— Вот так-то лучше, скотина, смотри прямо перед собой до моей команды!

Они услышали, как дверь трейлера Гам со скрипом распахнулась.

— Фариш? — донесся до них ее дребезжащий голос. — Ты как там, мальчик? В порядке?

— «Ну конечно, — подумал Дэнни. — Как всегда, она беспокоится только о Фарише».

— А ну поднимайся, — прорычал Фариш. Он подхватил Дэнни за локоть, рванул на себя, а когда Дэнни не удержался на ногах и начал падать, пинком послал его на улицу.

Дэнни вылетел из двери головой вперед и упал в пыль перед домом. Со стоном он поднялся и отряхнул грязь с джинсов — Гам стояла на своем крыльце, не шевелясь и не меняя выражения лица. Потом медленно-медленно она повернулась к Фаришу и спросила:

— Что это на *него нашло?*

Фариш спрыгнул с лестницы и топнул ногой.

— Ты понял, ублюдок? — торжествующе закричал он. — Ты даже родную бабушку провести не сможешь! Она тоже видит тебя насквозь. *Нашло на него, нашло,* — повернулся он к Гам, — так мы из него это *вытрясем!*

— Ох, Фариш, — сказала бабка, хитро щуря глаза с полуопущенными веками (результат действия яда кобры), — не будь с ним слишком строг. — Но что-то в ее голосе предполагало обратное, как будто она говорила: «После того, что он сделал, ты и так слишком мягок с ним».

— Ха! — крикнул Фариш. — Они добрались и до него! До моего родного брата! Ты можешь такое представить себе? Я не потерплю, чтобы за мной следили! Чтобы крали у меня, лгали мне в лицо. Тебе понятно, ублюдок? — За этим последовал еще один удар.

Дэнни похолодел. Неужели он разговаривал во сне?

Гам сползла со ступенек и, скрипя костылями, медленно побрела через пространство, отделяющее ее трейлер от жилища Дэнни. От этого скрипа Фариш пошел красными пятнами, его безумно раздражала неповоротливость Гам, ее замедленная речь и скрипы, которые она издавала при ходьбе, но, конечно, выместить злобу он мог только на ком-нибудь другом. Пока Гам брела к домику Дэнни, бормоча, что ей вечно приходится убирать за неряхой-внуком (специально, чтобы еще

больше взвинтить Фариша, поскольку он впадал в бешенство каждый раз, когда бабка начинала жаловаться), тот крепко держал брата за полу рубахи, как будто ждал, что Дэнни начнет вырываться.

— Гам, не надо... — Дэнни беспомощно следил за медлительными движениями старухи. Последний раз, когда Гам решила у него прибраться, он пришел домой раньше времени и застал бабку у своей кровати — она поливала его подушку и одеяло средством от тараканов.

Мощный удар в висок прервал поток его мыслей.

— Так где же ты шляешься, когда ездишь в город один? Говори! — заорал Фариш с новой силой. — Значит, ты оплачиваешь счета Гам, да? А почему они до сих пор валяются в машине, а? А почему колеса по самую жопу в грязи? На почте измазался?

Он с размаха швырнул Дэнни на землю и с силой ударил ногой по ребрам. Дэнни скорчился в пыли, закрывая голову руками.

— Что, Кэтфиш тоже в деле?

— Нет, нет! — услышал Дэнни собственный крик, жалобный, но какой-то лживый и неубедительный.

— Я убью этого ниггера, клянусь! Я убью вас обоих. — Фариш поднял Дэнни с земли за воротник, открыл пассажирскую дверцу «транс Ам» и втолкнул его внутрь. — Давай, давай, поезжай! — безумно вращая глазами, закричал он.

Дэнни молча ощупал разбитый нос, удивляясь, каким образом он сможет вести машину с пассажирского сиденья. «Слава богу, я не под кайфом, — подумал он, проводя рукой по разбитой губе и вытирая о штаны кровь, — слава богу, что я чист. А то бы я сошел с ума...»

— Ехать? — бодро спросил Кертис, всовывая голову в окно машины, и отшатнулся, увидев окровавленное лицо Дэнни.

— Не волнуйся, малыш, — ласково сказал ему Дэнни. — Ты остаешься дома, хорошо? Будешь за хозяина, о'кей? — Но Кертис уже открывал рот, как рыба, выброшенная на песок, жадно ловя ртом воздух, но не имея силы вздохнуть. — Юджин! — закричал Дэнни. — Присмотри за Кертисом, хорошо? — Он выскочил из машины как раз в тот момент, когда Фариш открыл заднюю дверцу и тихо присвистнул: «Сюда, быстро!» На заднее сиденье грациозно впрыгнули две немецкие овчарки Фариша, слюна клочьями висела на их мордах, дыхание отдавало гнилым мясом.

Живот Дэнни свело судорогой. Эти собаки были натренированы на убийство. Один раз одна из этих сук сорвалась с цепи и так цапнула Кертиса за ногу, что пришлось накладывать швы.

— Фариш, пожалуйста...

Но Фариш стоял неподвижно, положив руку на крышу машины, и глядел на Дэнни бесстрастным мертвым взглядом.

— Заткнись, — без всякого выражения сказал он, — собаки поедут с нами.

— Хорошо, только мне надо взять права, — Дэнни повернул руки

ладонями вверх. — Права, понимаешь? Я не могу вести машину без прав.

Собаки рычали и лаяли внутри машины.

— Юджин!!!! — заорал Фариш. Но Юджин не появлялся.

— Не надо звать Юджина, — тихо, заискивающе сказал Дэнни. — Я сам сейчас пойду и возьму свой бумажник, а потом мы поедем куда скажешь, хорошо?

Он быстро повернулся, боясь, что Фариш снова бросится на него, и пошел к трейлеру Гам. Дверь трейлера распахнулась, и из нее высунулось лицо Юджина. Очки его съехали на самый кончик носа, красное пятно заливало половину лица, в глазах затаилась тревога.

— Скажи ему, пусть не орет так, — негромко пробормотал он.

Из машины донесся звук клаксона, заставивший собак разразиться истошным лаем.

Юджин взглянул на Дэнни исподлобья.

— Сегодня утром он пытался меня поджечь.

— Как это?

— Он вытащил зажигалку и сказал, что выровняет мне цвет лица. Не надо тебе ехать с ним. Только не с этими суками в машине. Они такие же ненормальные, как и он.

Фариш прорычал из машины:

— А ну иди сюда, говнюк! Сюда, я сказал!

— Послушай, — торопливо произнес Дэнни. — Ты позаботишься о Кертисе, хорошо? Обещаешь?

— Зачем это? Куда ты едешь? Что ты задумал? — Юджин повернул к нему голову и впился взглядом в его лицо. — О нет, нет, — сказал он, — нет, не говори мне ничего больше, я не хочу ничего знать...

— Я считаю до трех! — проревел Фариш. — *Раз!*

— Обещаешь?

— Да, клянусь Богом!

— *Два!*

— Не слушай Гам. Бог ее знает почему, но она всегда старается все испортить. Делай что считаешь нужным, о'кей?

— *Три!*

Дэнни положил руку на плечо Юджину и, обернувшись на «транс Ам», быстро сказал:

— Посторожи дверь одну минуту, пожалуйста, не пускай его внутрь. — Он вбежал в трейлер Гам и достал ее пистолет двадцать второго калибра из жестяной коробки для крупы, сунул его за голенище сапога и аккуратно прикрыл штаниной джинсов. Снаружи раздались тяжелые быстрые шаги, и испуганный голос Юджина заверещал:

— Только посмей поднять на меня руку!

Дэнни едва успел выпрямиться, как дверь распахнулась и внутрь влетел красный от гнева Фариш. Он схватил Дэнни за шиворот и одним движением, как котенка, выкинул на улицу. Дэнни опять приземлился на четвереньки, и только сумел выпрямиться, как Фариш догнал его и,

схватив за воротник, поволок к машине. Откуда-то сбоку появился плачущий навзрыд Кертис и попытался обнять Дэнни. Дэнни, задохнувшийся в тисках хватки Фариша, едва сумел выдавить из себя:

— До свидания, малыш, веди себя хорошо…

Тут Фариш распахнул водительскую дверцу и с силой втолкнул Дэнни внутрь.

— Заткнись и рули, — сказал он.

Крыша цистерны была гораздо более ветхой, чем она показалась Харриет в прошлому году. Доски посерели от времени, гвозди расшатались и кое-где даже выступали над поверхностью на пару сантиметров. В некоторых местах, там, где дерево совсем прогнило, зияли черные дыры. Сверху крыша была обильно усеяна белыми закорючками птичьего помета.

Харриет придирчиво осмотрела ее, стоя на лестнице, потом осторожно подтянулась и ступила на скрипучую поверхность. Вначале она решила доползти до остроконечной вершины, но неожиданно доска под ее ногой осела, и ступня Харриет провалилась внутрь. В ужасе она перенесла вес на соседнюю доску — та заскрипела и спружинила, и Харриет с бьющимся сердцем медленно отползла назад, на самый край крыши. Почему здесь так странно дышится? Кажется, что воздух разреженный, не насыщенный кислородом. «Может быть, у меня горная болезнь?» — с удивлением подумала Харриет. Она не очень ясно понимала, что это такое, но симптомы горной болезни, описанные в книгах об альпинистах, полностью совпадали с ее нынешними ощущениями. Черепичные крыши блестели в лучах солнца, с одной стороны поднималась темно-зеленая громада леса, в котором они так часто играли с Хилли, устраивали сражения и парады, кидали друг в друга комьями красной глины, рыли траншеи и метали импровизированные гранаты.

Харриет дважды обошла цистерну по балкончику, но не увидела никакой двери. Она уже подумала, что ее вообще нет, как вдруг заметила ржавую ручку — посеревшие доски были так хорошо пригнаны друг к другу, что дверь практически сливалась с поверхностью крыши. Харриет встала на колени и потянула ручку на себя — расхлябанные петли заскрипели, и дверь легко поддалась. Харриет с грохотом уронила створку двери на доски и заглянула внутрь.

Внутри было темно, оттуда несло тухлятиной. В застоявшемся, сумеречном воздухе стоял негромкий, какой-то интимный комариный звон. Сквозь дыры в крыше внутрь проникали редкие, карандашно-тонкие лучи света, они пересекались в тяжелом воздухе, выхватывая маленькие вихри пылинок. В самом низу темнела вода — густая и блестящая, как машинное масло, а в дальнем углу Харриет разглядела раздутый труп какого-то животного, плавающий на боку. Вниз вела разъеденная ржавчиной шаткая железная лестница, которая

кончалась практически над поверхностью воды. Когда Харриет немного привыкла к темноте, она разглядела странный черный пакет, прикрученный несколькими слоями скотча к верхней ступеньке лестницы. Осторожно Харриет просунула ногу в дверь и потрогала его носком кроссовки. Пакет был довольно мягкий. После минутного колебания Харриет легла на живот и свесилась головой в дверной проем. Она протянула руку и ощупала пакет — никаких острых углов, содержимое пакета слегка перетекало под нажатием пальцев — это были явно не деньги и не оружие.

Харриет попыталась отодрать клейкую ленту, но она была прикручена намертво. Поняв, что ей не удастся даже подсунуть ноготь под края ленты, она разорвала ногтями несколько слоев полиэтилена и сунула палец внутрь. На ощупь опять полиэтилен! Белая пыль высыпалась из пакета и, медленно кружась, спланировала вниз, к черной маслянистой поверхности воды. Харриет завороженно следила за переливчатым блеском, который возникал, когда частицы пыли попадали в столбики света. Конечно, она прекрасно знала про наркотики из полицейских фильмов, которые каждый божий день крутили по телевизору, но то были понятные, легко опознаваемые предметы — самокруточные сигаретки, одноразовые шприцы или веселые разноцветные таблетки.

Внутри разорванного свертка что-то отсвечивало тусклым беловатым сиянием. Харриет нетерпеливо расширила пальцами дыру и тут же в испуге отдернула руку — ей показалось, что содержимое пакета шевелится, пульсирует в играющем свете тонких лучей. Приглядевшись, она поняла, что весь сверток был забит плотно прижатыми друг к другу маленькими белыми пакетиками, доверху наполненными каким-то порошком наподобие соли или сахара. Она вытащила один, уронив при этом в воду несколько соседних пакетиков. Они не сразу утонули, вначале немного поплавали, как полудохлые рыбы. Разорвав верх пакетика, она с любопытством поднесла его к носу и принюхалась — порошок был не вонючий, он слегка отдавал каким-то химическим запахом, немного напоминающим запах того средства для чистки ванн, которым пользовалась Ида. Ну, что бы это ни было, оно принадлежало *ему,* а посему должно было подвергнуться уничтожению. Размахнувшись, Харриет метнула пакетик вниз, а потом, не слишком задумываясь о том, почему она так поступает, начала методично опустошать сверток, пока все его содержимое не оказалось в воде.

Сидя в машине, Фариш слегка притих и, казалось, забыл о цели своей поездки. Все время, пока Дэнни вел ее через хлопковые поля, подернутые дымкой утреннего тумана и плавающих над ними пестицидных паров, он тревожно посматривал в сторону брата; Фариш казался совершенно расслабленным. Он откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и похлопывал по колену в такт уханью радиоприемника,

время от времени издавая глубокий, блаженный вздох. Они мчались в сторону города, а из приемника неслись отрывистые вопли какой-то популярной группы. Дэнни вспомнил, как пару лет назад, когда он только что купил «транс Ам», они с Фаришем обожали прыгнуть в машину и помчаться по шоссе куда глаза глядят — один раз доехали до Техаса, в другой раз рванули в Индиану, просто так, наугад, без какой-либо конкретной цели. Что они видели там? Только мелькающие дорожные знаки, да ясное синее небо, да пролетающие мимо деревушки, но все равно, каким прекрасным было то ощущение дороги! И Фариш тогда относился к нему как к брату, а не как к врагу. Дэнни исподволь бросил на него взгляд — Фариш все так же сидел, закрыв глаза, и барабанил пальцами по приборной доске, но только что-то слишком сильно он это делал. С возрастом он все больше начинал напоминать отца — той особенной улыбкой, с которой покойный папаша произносил что-нибудь уничижительное с ненатуральной веселостью, обычно предшествующей взрывам яростной жестокости.

«Непослуш*ник* ! Непослуш*ник* !» — это было любимое слово отца, которое Дэнни знал с детства. А когда он как-то раз произнес его на уроке, учительница посмеялась над ним. «Такого слова нет в нашем языке», — сказала она. Но Дэнни навсегда запомнил безумную хрипотцу отцовского голоса, с которой он приговаривал: «Непослуш*ник* !», резко опуская руку с ремнем на звуке «уш» на голые ягодицы Дэнни, стоящего, нагнувшись над кухонным столом, держась побелевшими пальцами за его обшарпанный край. И он не мог забыть вида собственных рук — веснушчатых, с грязными, обломанными ногтями, с белыми от напряжения костяшками, покрытыми зарубцевавшимися шрамами. Он читал свои руки как книги, он смотрел на них в минуты жесточайшего горя и унижения — на спортивной площадке в школе, в зале суда перед присяжными, на похоронах близких, у постели умирающих, во время разборок и ссор.

Они въехали в город, проехали мимо туманных очертаний Старого госпиталя — во дворе старшеклассницы-чирлидеры собрались на утреннюю репетицию очередного танца. Их резкие, четкие движения, прыгающие хвостики на голове, длинные загорелые ноги в другое время точно привлекли бы внимание Дэнни, возможно, он даже припарковал был машину около аптеки и вволю понаблюдал за ними. Однако сегодня ему было не до длинноногих соплюшек.

Дэнни потряс головой. Ему отчаянно хотелось отлить, казалось, что моча вот-вот выплеснется из глаз. Он попытался сосредоточиться на своей миссии, но все равно ни о чем другом не мог думать. Сутки без наркотиков оставили во рту неприятный химический привкус. Фариш сидел спокойно, насвистывая мелодию, но его полицейская сука на заднем сиденье следила за каждым движением Дэнни, как будто знала, что у него на уме. Дэнни попытался взвинтить себя, подбодрить, вспомнить все обиды, нанесенные ему Фаришем. Это было несложно, к

тому же его подстегивала холодная уверенность в том, что Фариш позвал его сюда в последнее путешествие. Как он собирался его прикончить, Дэнни не знал, но от этого предчувствия ледяной холод разливался у него в животе и руки, сжимающие руль, немели от страха.

Ладно, скоро все будет позади. Юджин позаботится о Кертисе, а Гам… Как Дэнни ни старался, он не мог вызвать в себе любви к Гам. Конечно, бедная старушка настрадалась в жизни, и со всеми ее болячками, с этими опухолями, язвами, укусами просто чудо, как это она еще жила на свете, но ведь… Она его тоже не любила, верно? Никто его не любил, кроме Кертиса…

Какая разница, в конце концов? Он будет посылать домой деньги. Как только устроится и жизнь пойдет своим чередом…

Они проехали мимо старого отеля «Александрия» с его покосившимся крыльцом и сгнившими ставнями — люди говорили, что в нем живут привидения — и ничего удивительного, после того что здесь когда-то произошло: сотни людей погибли тут как в братской могиле. С тех пор не только отель, весь город пришел в запустение. Как часто Дэнни хотелось поднять голову и завыть на небо: «За что вы меня бросили здесь, в этой занюханной дыре, ну почему я не родился в каком-нибудь другом месте?» В первый раз он попал в тюрьму даже не по своей воле — отец послал его украсть очень дорогую электропилу, а оказалось, что хозяин-немец ночью сторожил свои инструменты с винтовкой в руках. Смешно и противно теперь вспоминать, как он стремился из тюрьмы на волю, как хотел снова оказаться дома, среди «своих». Он должен был понимать, что один раз в тюрьме — значит, навеки в тюрьме. После освобождения на нем стояло такое огромное клеймо «вор», что и думать было невозможно о том, чтобы начать новую жизнь.

Какая там жизнь! Оставалось одно — перебраться в другой штат, где его никто не знает, и попытаться обосноваться там.

Натчез-стрит — что за дурацкое слово «Натчез»! — они проехали мимо торговой палаты с лозунгом на фасаде: «Александрия — пусть будет так, как должно!» «Нет, — усмехнувшись, подумал Дэнни. — Не так, как *должно,* а так, как, блин, *есть* на самом деле».

Он резко крутанул руль и повернул к зоне торговых складов. Фариш, казалось, слегка пришел в себя и воззрился на него с некоторым удивлением.

— Что ты делаешь?

— Ты велел мне ехать сюда. — Дэнни старался, чтобы его голос звучал как можно нейтральнее.

— Я?

Дэнни надо было что-то сказать, но ничего в голову не приходило. А действительно, разве Фариш упомянул башню? Почему-то теперь Дэнни не был в этом так уверен.

— Ты сказал, что хочешь проверить меня, — проговорил он

осторожно, чтобы посмотреть, как Фариш отреагирует.

Фариш пожал плечами и, к удивлению Дэнни, откинулся на спинку и отвернулся к окну. Как обычно, поездка в машине привела его в хорошее расположение духа. Он слегка потянулся, зевнул и сказал, все еще глядя в окно:

— Слушай, не мешало бы нам позавтракать.

Решимость Дэнни слегка поколебалась. Он ужасно хотел есть. Однако он вовремя вспомнил о своем плане. Нет, надо покончить с этим раз и навсегда. И он продолжал ехать вперед. Колея сузилась, ее обступили деревья. Они давно уже съехали с асфальтовой дороги и сейчас продвигались по напрочь разбитому гравию.

— Просто ищу место, где можно развернуться, — пробормотал Дэнни, понимая, какую ужасную чушь он несет.

Затем он остановил машину. До башни было довольно далеко, но дорога стала такой ухабистой, что он побоялся застрять в яме. Как только машина остановилась, собаки разразились отчаянным лаем, прыгая на заднем сиденье и пытаясь перелезть через их головы вперед. Дэнни сделал вид, что хочет открыть свою дверцу, наклонился и вытащил из-за голенища пистолет.

— Ну вот, мы и приехали, — сказал он и направил пистолет на Фариша.

Но Фариш не видел пистолета. Он повернулся к дверце, перевалив вбок свой толстый живот.

— А ну вниз, кому я сказал! — обратился он к суке по имени Ван Зант. — Вниз, я сказал, вниз! — Он поднял руку, овчарка прижала уши и осела на задние лапы.

— Что? Непослушничать будем, так? Попробуй, давай!

Он даже не взглянул ни на Дэнни, ни на его пистолет. Чтобы привлечь его внимание, Дэнни слегка прокашлялся. Фариш поднял вверх грязную лиловую руку.

— А ну осади коней, — сказал он хрипло, — я должен поучить эту чертову суку. По-моему, она забыла, кто из нас хозяин. Меня *тошнит* от тебя, поняла? — Удар по голове. — Сука безмозглая, наглая тварь, ты будешь слушаться или нет? — Фариш и собака застыли, пожирая друг друга взглядом. Уши овчарки были плотно прижаты к голове, желтые глаза горели злобным огнем.

— Ну давай, давай, попробуй, высуни зубы, я тебе так врежу, что ты уже больше никогда...

Дэнни прицелился и выстрелил Фаришу в голову. Все получилось очень просто: крэк! Голова Фариша откинулась назад, рот открылся. Странно обыденным жестом Фариш схватился за приборную доску и повернулся к Дэнни — его здоровый глаз был закрыт, но незрячий белесо-голубой зрачок округлился, будто от изумления. Изо рта Фариша полезла кровавая пена. Дэнни выстрелил еще раз, в шею, и Фариш повалился головой на приборную панель. Дэнни распахнул свою дверь,

вышел из машины и огляделся по сторонам. Все, он сделал это! Теперь назад дороги нет. Фариш лежал, практически упираясь головой в лобовое стекло, от его шеи осталось лишь кровавое месиво, но губы еще шевелились. Младшая из овчарок, Сейбл, отчаянно скребла передними лапами по спинке пассажирского сиденья, а вторая, эта тварь Ван Зант, перелезла на водительское сиденье, покрутилась на нем и вдруг начала лаять — отрывисто, звонко, будто звала на помощь. Дэнни растерянно отступил назад. Над головой его кружилась целая стая птиц, вспугнутых выстрелом. Он посмотрел в сторону машины — изнутри она вся была забрызгана кровью.

«Надо было мне позавтракать», — подумал он и вдруг вспомнил о самом насущном деле, которое уже не терпело отлагательств. Великое блаженство растеклось по его телу, когда его измученный мочевой пузырь наконец-то опорожнился. «Все идет хорошо!» — пронеслось в его голове. Дэнни застегнул молнию на джинсах, огляделся и тут медленно, медленно ужас его положения стал доходить до него — и в животе противно похолодело.

Во-первых, что ему теперь делать с машиной? Его чудесная машина еще пять минут назад была игрушкой, его ласточкой, такой чистенькой и сияющей, что хоть сейчас на выставку. А теперь она вся, абсолютно вся была изнутри заляпана кровью. Кровь стекала на пол с головы и шеи Фариша, упершегося лбом в приборную доску, жирные темно-красные капли крови покрыли затейливым узором лобовое стекло. Сейбл металась по заднему сиденью, задевая хвостом окна, Ван Зант сидела рядом с хозяином, тычась носом в его щеку и, не переставая, лаяла своим новым, отрывистым, пронзительным лаем: «На помощь! Спасите! Убивают!»

Дэнни потер подбородок и дико огляделся по сторонам. Адреналин схлынул, и та непреодолимая сила, что раньше заставила его нажать на спусковой крючок, отступила, как волна в океане, оставив его растерянно дрожать на мелководье. Ну зачем он застрелил Фариша в машине? Почему не подождал более удобного момента? Повел себя как полный идиот. И что ему теперь делать с трупом? Дэнни присел на корточки и уронил голову на сложенные руки. Кроме мороженого и спрайта, он ничего не ел уже неделю, и теперь сил у него почти не осталось. Больше всего ему хотелось лечь на мягкую травку, закрыть глаза и хорошенько выспаться. Как загипнотизированный, он несколько мгновений глядел на приветливо качающуюся перед глазами буроватую траву, но потом взял себя в руки и с трудом поднялся. Черт! Ему надо встряхнуться, небольшая доза ему не помешает, но тут он вспомнил, что ничего с собой не прихватил из дома. Искать в карманах у Фариша нельзя. Вот не повезло! Прихрамывая, он подошел к машине спереди. Ван Зант бросилась на него с такой силой, что ее нос ударился о лобовое стекло с резким хрустом, заставившим его в панике отскочить назад.

Какофония собачьего лая оглушала, и Дэнни постоял какое-то

время, закрыв глаза и пытаясь сосредоточиться. Он ведь не хотел делать то, что сделал, но Фариш не оставил ему выбора. Что ж, в таком случае ему нужно искать наилучший выход из этой паршивой ситуации, и делать это он может лишь постепенно, продвигаясь вперед шаг за шагом.

Харриет испугали птицы — внезапно, после какого-то хлопка, сотни птиц поднялись в воздух, огласив окрестности оглушительным гомоном. Четыре или пять ворон опустились на башню и уселись на поручень балкончика совсем недалеко от нее. Взгляд одной из птиц, совсем человеческий, умный, проницательный, но какой-то лукавый, нечистый, на секунду пересекся со взглядом Харриет. Птица склонила голову набок с таким видом, будто готова была что-то ей сказать, но тут вдали прозвучал второй хлопок, и она с шумом снялась с места, расправила крылья и исчезла за выступом крыши. Теперь Харриет различила вдалеке какие-то звуки, вроде приглушенного собачьего лая. Она насторожилась, встала на четвереньки, осторожно доползла до края крыши и высунулась как можно дальше — посмотреть, что там происходит.

Вдалеке на заросшей дороге она увидела «транс Ам». Рядом с ним, широко расставив ноги и слегка качаясь, стоял Дэнни Ратклифф, зажимая руками уши, словно кто-то кричал на него. Его поза, напряженная, застывшая, полная отчаяния, напугала Харриет, но в следующий момент она поняла, *что* именно там происходит, и любопытство взяло верх над ее страхом. Вся его машина была залита кровью. Даже издалека ее невозможно было с чем-либо спутать. Кровь была на стеклах, в особенности на лобовом, а внутри машины происходило нечто ужасное, будто кто-то бился о стенки и метался в ярости или агонии. Казалось, что Дэнни Ратклифф тоже боится этого. Он отступил от машины на несколько шагов — ноги его не гнулись, ступали как деревянные.

На Харриет внезапно нашло удивительное спокойствие. С самого верха водонапорной башни события, разворачивающиеся внизу, показались ей какими-то мелкими, не особенно важными. В голове у нее все еще стоял легкий шум, и было немного тяжело дышать, как во время горной болезни. «Похоже, я попала в переделку, — сказала она себе. — И у меня большие неприятности!» Но почему-то она не могла заставить себя поверить в это.

Вдалеке Дэнни Ратклифф нагнулся и подобрал с земли какой-то блестящий предмет, и при виде его сердце Харриет забилось еще быстрее. Это был пистолет! В звенящей тишине ей вдруг показалось, что она слышит мелодию марша, которую кто-то (не иначе как Хилли!) выводил на трубе, а когда она повернула голову на звук, луч солнца как будто упал на металлическую поверхность тромбона и заиграл, пуская ей в глаза солнечного зайчика.

Птицы, птицы везде — черные, мелкие и крупные, они накрыли его, как радиоактивный гриб, носясь туда-сюда со скоростью шрапнели. Эти птицы были плохим знаком, он сам не понимал почему, только их черные крылья мельтешили у него перед глазами, посылая в мозг зашифрованный поток информации. Дэнни прижал руки к ушам: в запачканном кровью стекле он видел свое отражение, перекошенное, размытое, а на заднем плане бежали красноватые облака. Ему было плохо, он едва соображал от усталости; ему надо было принять душ, потом хорошенько перекусить, ему надо было домой, в постель. «Я застрелил своего брата, и почему? Потому что мне так сильно надо было отлить, что у меня голова не соображала?» Фариш бы умер от смеха, если бы ему рассказали такую историю. Дэнни вспомнил, как Фариш обожал вычитывать подобные анекдоты в газетах: как пьяница мочился на дорогу с эстакады, поскользнулся и рухнул на шоссе прямо под колеса машин; как один тупой чувак проснулся от телефонного звонка, нашарил пистолет в ящике тумбочки и выстрелил себе в висок...

Пистолет лежал у ног Дэнни. Кряхтя, он нагнулся и подобрал его. В машине сука по имени Сейбл нервно и торопливо обнюхивала щеку и шею Фариша. Ван Зант сидела не шевелясь, следя за Дэнни настороженными желтыми глазами. Когда он сделал шаг к машине, она вжалась спиной в противоположную дверцу машины и загавкала с удвоенной энергией. «А ну попробуй подойди! — казалось, говорила ее ощеренная пасть. — Только попробуй открыть эту чертову дверь!» Дэнни вспомнил, как Фариш дрессировал эту суку у них во дворе: он обматывался старыми ватными пальто, накручивал на руки мешки и кричал ей: «Фас! Фас!» А потом по двору еще долго летали ошметки ваты и темной ткани.

Колени Дэнни тряслись. Он потер лицо руками, стараясь успокоиться, прицелился через руку в желтый глаз Ван Зант и спустил курок. В стекле образовалась дырка величиной с серебряный доллар. Скрипя зубами, пытаясь не слушать истошный визг, раздавшийся из машины, Дэнни всунул дуло пистолета в образовавшуюся дыру и спустил курок еще раз. Затем он слегка повернул дуло и выстрелил в грудь второй собаке, Сейбл. Потом отшвырнул пистолет в кусты и отошел от машины.

Он никогда в жизни не забудет того воя и плача, что раздавались из машины. Это были какие-то сверхъестественные, почти металлические звуки, такие невыносимо-страдальческие причитания и всхлипы, что у него сразу же разболелись и зубы и голова. Ему захотелось упасть на землю и биться головой о камни, чтобы вышибить эти звуки из мозга... Дэнни, шатаясь, бросился в кусты, куда, по его мнению, должен был упасть пистолет. После нескольких минут конвульсивных поисков он нашел его в густых зарослях сорняков. Но магазин был пуст, больше пуль в нем не было. Дэнни хорошенько вытер его о рубашку и забросил

еще дальше, потом сел на землю и зажал уши пальцами. Так он сидел очень долго, пока до него внезапно не дошло, что вокруг все стихло. Тишина обрушилась неожиданно и так же страшно, как предсмертный собачий вой, что предшествовал ей.

«А она сейчас шла бы между столиков и несла нам кофе на подносе», — внезапно подумал Дэнни. Та тощенькая официантка с плоской попой, Трейси, которая всегда ему улыбалась. Если бы он поехал в «Белую кухню», они бы с Фаришем сейчас уплетали булочки, а Фариш толкал бы свою речь, которую он каждый раз произносил практически слово в слово: что он не хочет «пить» яйца, пусть Трейси скажет повару, чтобы сварил яйца вкрутую, а если она не знает, что значит «крутые яйца», он готов ей показать... И она бы понимающе усмехнулась и заверила его, что, конечно, она все передаст повару. А Дэнни сидел бы напротив Фариша и думал: «Братишка, ты и не знаешь, что ты только что был на волосок от смерти...»

Но он сидел на земле в зарослях травы, и ему нужно было что-то делать. Дэнни сжал и разжал кисть одной руки, потом другой. «Господи, я не могу сидеть тут вечно, — в панике подумал он. — Надо что-то предпринять». Но что?

Он нерешительно подошел к машине. Из образовавшейся дыры в окне доносилась музыка — какая-та очередная дурацкая песня о звездной пыли на ее волосах. Интересно, представляют ли себе люди, которые сочиняют и поют такие песни, что под их музыку могут совершаться убийства? Конечно, нет, они гуляют по Лос-Анджелесу в белых костюмах с искрой, попивают коктейли на вечерних приемах, нюхают кокаин с серебряных подносов и думают, что все в жизни должно быть им доставлено на блюдечке. И не подозревают о несчастном человеке в богом забытом городишке, затерянном посреди штата Миссисипи, который только что вляпался в дерьмо по самые уши. А даже если бы и знали, им было бы абсолютно на это наплевать.

Дэнни подошел еще на один шаг к машине. Он представлял, *что* ему сейчас надо сделать, вопрос был в том, *как* это выполнить? Потому что он скорее взял бы пилу и отпилил себе руку, чем дотронулся до тела брата. Господи, мне надо всего один раз нюхнуть! И тут он вспомнил про спрятанный в башне *продукт* — да его же там столько, что ему на всю жизнь хватит! Так с этого и надо начать. Небольшая доза взбодрит его, но только надо торопиться: чем больше он тянет, тем дольше «транс Ам» будет стоять тут среди сорняков с мертвецом внутри и двумя застреленными полицейскими собаками, истекающими кровью на сиденьях.

Харриет сжала ржавые поручни так сильно, что руки занемели. Она лежала на гнилых досках крыши головой вниз, так что вся кровь прилила к лицу и бешено стучала в висках. Крики, доносившиеся из машины, наконец стихли, но тишина показалась ей еще более зловещей,

чем тот нечеловеческий вой и визг, от которых каждый волос на ее голове шевелился, а тело парализовало страхом.

А он продолжал стоять неподвижно и издалека казался совсем маленьким и безобидным. Вдруг он встрепенулся и пошел по направлению к кустам — сердце Харриет сделало полный оборот и упало куда-то в желудок. «Пожалуйста, только не сюда, только пусть он не идет сюда», — повторяла она про себя. Дэнни Ратклифф исчез в кустах, потом появился опять с пистолетом в руках. Он осмотрел его, тщательно протер о подол рубахи и, широко размахнувшись, забросил далеко в сорняки.

Локти у Харриет болели. Она немного изменила положение тела, но не осмелилась сесть. Харриет не совсем понимала, чему именно она стала свидетелем, да только с чем можно спутать предсмертные хрипы, которые все еще стояли у нее в ушах? Он убил кого-то, кто сидел там, в его машине, застрелил из пистолета, а теперь, что теперь? Что он собирается делать? Она боролась с искушением не смотреть в его сторону, спрятаться, забиться в дальний угол, закрыть голову руками, притвориться, что ее нет. Но все же не могла отвести глаз от фигуры Дэнни Ратклиффа, хотя от напряжения глаза начали слезиться, и он то и дело расплывался в каком-то горячем тумане.

Дэнни Ратклифф опять подошел к машине, разглядывая неподвижные тела своих жертв через лобовое стекло. Ей хорошо была видна его мускулистая спина, черная тень от нее приятно успокаивала глаза. Вдруг он повернулся и быстрым шагом направился прямо к башне.

Харриет чуть не закричала от страха. Волна паники захлестнула ее. Дрожащими руками она нащупала пакет с револьвером. Почему-то сейчас этот старый револьвер, который она, возможно, и зарядила-то неправильно, показался ей весьма слабой защитой от Дэнни Ратклиффа, в особенности на таком шатком пятачке, как крыша водонапорной башни. Харриет заметалась по крыше. Куда деваться? Спуститься пониже? Или взобраться на самый верх? Лечь или сесть? Что он сделает с ней, когда увидит ее здесь? «Конечно, убьет, — подсказал ей холодный, беспощадный голос разума, — швырнет вниз прямо с высоты башни и даже не задумается». И тут звук его шагов раздался на лестнице.

Бум... бум... бум... Шаги отдавались гулким эхом в глубинах цистерны. Харриет представила себя летящей вниз, стремительно приближающуюся землю и последний, смертельный удар о подножие башни и от отчаяния чуть не бросилась в черную воду вместе со своим револьвером. Что-то удержало ее в последний момент. В воде у нее не было ни единого шанса выжить, но здесь, наверху, она еще могла попробовать.

Бум... бум...

Харриет крепко сжала револьвер обеими руками — он был тяжелый и холодный. Она неуклюже подползла к краю крыши и глянула вниз.

Она не видела Дэнни, хотя вся башня сотрясалась от его тяжелых шагов.

Бум... бум... ближе... ближе...

Харриет направила дуло револьвера туда, где гремели шаги и как можно дальше высунулась из-за бортика. Когда наконец показалась темноволосая голова, Харриет закрыла глаза и нажала на спусковой крючок.

Бабах!!! Со всей силой отдачи револьвер ударил ее в нос. Оглушенная, она упала на спину, выпустив его и закрывая обеими руками лицо. В мозгу взорвался сноп огненных искр, боль была оглушающей, из-под пальцев потекла густая, маслянистая кровь, ее железистый вкус появился в горле. Харриет услышала лязг падающего вниз револьвера, пересчитывающего ступеньки лестницы, отскакивающего от стенки цистерны, — *цок-цок-цок* — как если бы кто-то проводил металлической палочкой по прутьям решетки. Харриет отняла руки от лица — все пальцы были густо измазаны темно-красной кровью, и на секунду она забыла, кто она такая и где находится.

Звук выстрела так оглушил Дэнни, что он чуть не свалился с лестницы. Что-то прогрохотало у него над головой, и в следующую секунду он получил крепкий удар по макушке чем-то очень тяжелым. После мгновенной отключки Дэнни подумал, что летит вниз, но, опомнившись, понял, что продолжает стоять на лестнице, крепко обняв железные балки руками, прильнув всем телом к ржавым прутьям ступеней. Что-то, грохоча, падало все ниже и ниже, пока с тупым стуком не приземлилось далеко внизу.

Дэнни ощупал гудящую голову — на ней быстро вырастала огромная шишка — и посмотрел вниз, в надежде определить, что же именно его зацепило. Солнце било ему прямо в глаза, и единственное, что он смог увидеть — это собственную тень на черном пугале железной лестницы. Вдалеке, на полянке, окна «транс Ам» горели золотом в солнечных лучах. А что, если Фариш заминировал башню? Дэнни так не считал, но сейчас он уже не был в этом уверен.

«Ну и что? — пронеслась отчаянная мысль. — Даже если меня разнесет на куски — по большому счету насрать, меньше проблем будет». Он еще раз потер шишку рукой и продолжал ползти вверх.

Харриет пришла в себя — она лежала на боку на старой крыше, — и это был не сон, не кошмар, не ее собственная дурацкая выдумка. Все это было реально, вот только она больше не слышала шагов Дэнни Ратклиффа. В панике она вскочила на ноги, не зная, куда бежать, как вдруг железная рука схватила ее за щиколотку и за ее спиной выросли его голова и плечи, как в бассейне, когда пловец неожиданно появляется из воды и вылезает на бортик. Она закричала и забилась в ужасе и вдруг, неожиданно для себя, сумела высвободить ногу и бросилась к двери в цистерну. Дэнни Ратклифф поднялся на крышу за ее спиной, огромный,

заляпанный кровью, страшный, дурно пахнущий, и устремился за ней. Харриет не помнила, как нырнула в дверь, скатилась по шаткой лестнице к самой воде, а над ее головой продолжали звучать тяжелые шаги и уродливые мотоциклетные сапоги клацали по железу. Харриет разжала пальцы и нырнула в воду ногами вперед. Она погрузилась в нее до самого дна, едва выдержав ударившее ей в нос зловоние, и, оттолкнувшись ногами, мощным гребком послала свое тело вверх. Однако, как только ее голова показалась над водой, сильная рука схватила ее за волосы, и прямо перед собой она увидела перекошенное от гнева лицо Дэнни Ратклиффа. Он был еще страшнее, чем она ожидала,— с разбитой губой, с небритыми щеками, измазанными бурыми потеками. Он вытащил ее за волосы из воды — она увидела, как напряглись бицепсы на его руках, и закричала от ужаса и боли.

— Ты кто? — заорал он ей прямо в лицо.

Харриет задергалась, пытаясь вырваться, вцепилась руками в его рубашку, но ноги ее были под водой, и, несмотря на то, что она никогда в жизни не дралась с таким остервенением, освободиться ей не удавалось.

— Что ты делаешь тут? Говори! — его голос сорвался. Он сам казался испуганным, но от этого был еще более опасен, как загнанный зверь, которому нечего терять. — Что тебе надо от меня?

Харриет издала полузадушенный крик, вспенивая вокруг себя воду и тщетно пытаясь найти опору. Дэнни Ратклифф прижал ее ноги к борту цистерны коленом и с каким-то неестественно высоким, сумасшедшим смехом сунул ее голову в мерзкую вонючую воду, потом резко вытащил обратно.

— Ну теперь-то ты у меня заговоришь, сука! — яростно вскрикнул он.

Дэнни кричал не только от гнева, но и от пережитого шока. Он действовал интуитивно и теперь, когда девчонка была у него в руках в буквальном смысле этого слова, не очень представлял, как ему с ней поступить.

Нос у девчонки был расквашен, кровавые сопли спускались из ноздрей, щеки перепачканы ржавчиной и грязью. Но она молча буравила его своими кошачьими глазами, взъерошившись, как амбарная сова.

— А ну говори, мерзавка! — заорал ей Дэнни прямо в ухо. Его голос сумасшедшим рикошетом отскакивал от стен цистерны. — Отвечай мне! Отвечай!!!

В полумраке цистерны белое лицо девчушки светилось над водой, как полная луна на небе. Он внезапно услышал ее испуганные, мелкие вздохи.

— Что ты тут делаешь, а? Говори! — Он опять тряханул ее что было сил, держа за шею, и с ее губ невольно сорвался жалобный, тоненький

писк. Это еще больше подстегнуло его злость, и он издал такой свирепый и неистовый рык, что девчонка сразу заткнулась, а ее лицо побелело еще больше.

Голова у Дэнни гудела, все тело ломило. «Думай, — говорил он себе, — думай!» Ну да, сейчас он держит ее, а дальше что? Впрочем, ответ напрашивался сам собой: отпустить ее он никак не мог.

— Слушай, малявка, — сказал он. — Говори немедленно, как тебя зовут и почему ты здесь оказалась, и может быть, я тебя не утоплю.

Это была откровенная ложь, и звучало это как ложь, и по ее посеревшему от ужаса лицу он догадался, что она это понимает. Ее отчаянный взгляд немного поколебал его решимость, все-таки она еще совсем ребенок, но другого выхода у него не было.

— Я тебя отпущу, — пробормотал он как можно убедительнее.

Однако, к его раздражению, девчонка надула щеки и продолжала молчать. Он чуть приподнял ее, чтобы рассмотреть ее лицо, — хоть на улице стояла жара, она выглядела совсем продрогшей. Дэнни даже слышал, как у нее стучат зубы. Он перехватил поудобнее руку, сжал ее шею и снова хорошенько потряс, но, хотя слезы градом текли по ее щекам, она не проронила ни слова. И вдруг Дэнни заметил маленькие белесые шарики, плавающие вокруг. В испуге он отпрянул, не понимая, что это такое — лягушачьи яйца? — но в следующее мгновение тишину цистерны разорвал крик, полный такого отчаяния и злобы, что напугал его самого.

— Господи Иисусе! Боже милосердный!!!!! Что это? — Он не мог поверить своим глазам, поднял взгляд к вершине лестницы и увидел там лохмотья мешка, так тщательно упакованного когда-то Фаришем. Что, все напрасно? Брата убил зазря? Наркотиков нет, бежать невозможно. И если его найдут, его ждет электрический стул.

— Ты это сделала? Ты?

Ее губы слегка пошевелились.

— Что ты сделала? Зачем? Ты хоть понимаешь, что это такое? — в отчаянии заорал Дэнни, сильнее стискивая ее шею и поворачивая ее голову лицом вверх.

Хриплым голосом она прошептала:

— Мешок для мусора.

Это были ее первые слова. У Дэнни перехватило дыхание от ярости, отчаяния, разочарования, безнадеги. Он сдавил шею Харриет и сунул ее голову под воду.

У Харриет едва хватило времени сделать вдох, прежде чем ее голова опустилась под воду. Она боролась изо всех сил, взметая вокруг себя вихри волн, но силы их были неравны. Ее сердце стучало глухо, но так сильно, что казалось, она слышит этот стук откуда-то снаружи. Туки-тук, туки-тук, и ее уносило течением вдаль по реке, и ей представлялся сундук, катимый потоком по камням речного дна, и уже совсем не

хватало воздуха, и тут…

Боль пронзила ее, когда он выдернул ее из воды за волосы. Он кричал ей в лицо слова, которых она не понимала, и его глаза были безумными, белыми, почти прозрачными, в них было страшно смотреть. Она кашляла и задыхалась, вода попала в нос и уши, но потом она как-то сумела упереться носком в стену цистерны и сделать полный вдох, божественно прекрасный, самый чудесный на свете. Харриет дышала и дышала, не вникая в слова, которые он изрыгал, пока его вопль не превратился в истерический визг и он опять не погрузил ее голову в воду.

Дэнни сжал зубы до ломоты, его плечи затекли от напряжения и болели так, что впору было заорать. Лестница, за которую он держался, скрипела и тряслась, и от этого его бросало то в жар, то в холод. А вдруг она оборвется? Он не знал, сможет ли долго продержаться на воде. Коровы же плавают и собаки тоже. Технически говоря, ничто не мешает ему тоже поплыть, верно? Но все равно ему было жутко. Девчонка брыкалась и лягалась, и он с трудом удерживал ее. Как долго следует держать человека под водой, чтобы он утонул? Мерзкое занятие — топить людей, и вдвойне противно, когда надо делать это одной рукой.

Звон комаров становился все нестерпимей: наконец-то они поняли, что он не собирается никуда уходить. Вот первый воткнул свое жало ему в шею, второй сел на висок, сразу с десяток впились в руки.

«Ну давай же, давай», — говорил он то ли себе, то ли девчонке. Он давил ей на голову правой рукой, более сильной, а левой держался за нижнюю ступеньку лестницы. Эта рука занемела настолько, что ему приходилось время от времени смотреть на свои побелевшие пальцы, чтобы удостовериться, что они еще цепляются за ржавые прутья…

Вдруг он понял, что малявка перестала сопротивляться. Не может быть, неужели все? Он немного подождал, но ее шея обмякла в его руке, как тряпка. Дэнни ослабил хватку, намереваясь сразу же схватить опять, если девчонка шевельнется, но ее тело плавало в воде, как топляк.

Внезапно Дэнни так сильно затрясло, что ему пришлось уцепиться обеими руками за лестницу. Все еще дрожа, он подтянулся, встал на самый нижний прут. Ржавая лестница протестующе заскрипела под его тяжестью. Хоть он и очень устал и больше всего на свете хотел выбраться наверх, к свету, он все же заставил себя обернуться и ногой оттолкнул тело девчонки — оно отплыло в сторону, медленно вращаясь, и почти исчезло в полумраке.

Харриет больше не боялась. Что-то странное произошло с ней, оковы спали, замки раскрылись, сила тяжести не давила на нее, она плыла и плыла, поднимаясь ввысь, подвешенная, как космонавт, в безвоздушном пространстве вечной ночи.

Какой необычный вокруг пейзаж. В ушах звенело, она почти

доплыла до солнца, она видела его, солнце грело ей спину, она пролетала над бедной, разрушенной, опустошенной землей. «Теперь я знаю, как это — умирать!» Если открыть глаза, она увидит свою тень, распростертую над голубой гладью бассейна, как рождественский ангел.

Вода тихо плескалась вокруг ее тела, повторяя ритм ее дыхания. Казалось, что вода помогает ей, дышит за нее. Сколько времени она уже не дышала? Она может еще немного потерпеть.

Еще немного, и еще немного. Внезапно Харриет почувствовала толчок в плечо, и ее тело заскользило по воде к дальней стенке цистерны. Оранжевые искры рассыпались перед глазами. Она продолжала плыть прямо по звездам. Боль разрасталась в ее груди, но надо было *еще немного потерпеть, еще немного потерпеть, еще самую малость...*

Харриет ударилась макушкой о стенку цистерны. В тот же момент она слегка повернула голову и сделала крошечный вдох, перед тем как тихо опустить лицо обратно в воду. Этого вдоха, конечно, не хватило бы ей надолго, но он помог слегка успокоить жгучую боль, которая распирала легкие. И опять темнота и покой захватили ее, и она тихо кружилась в воде и ждала, ждала, а ее мокрая одежда с тихим плеском гладила ее тело.

Ну еще чуть-чуть. Надо еще капельку подождать. Это же игра, я люблю играть в игры. Все дальше плыла она, как маленькая белая луна, освещающая темные пустыни земли.

Дэнни прижался всем телом к лестнице. Топить девчонку оказалось невероятно тяжело, и это нечеловеческое усилие заставило его на время забыть о наркотиках, но теперь ощущение безнадежности вдруг обрушилась на него с такой силой, что ему захотелось завыть, закричать, ударить кулаками по земле. Как теперь он сможет уехать из города? Машина вся заляпана кровью, ее придется оставить, денег нет. Он рассчитывал на продукт, мог бы загнать несколько доз по дешевке в Пул-Холле, чтобы обеспечить себе отъезд, но без денег куда он денется? У него при себе было около сорока долларов (он предусмотрительно взял их с собой, рассудив, что не сможет платить за бензин метамфетамином). Конечно, оставался еще лучший друг Фариша — его бумажник, который он всегда носил в заднем кармане и при случае открывал и демонстрировал содержимое за карточным столом или в бильярдной, но сколько денег в нем было, Дэнни не знал. В лучшем случае там будет тысяча долларов.

Еще были кольца Фариша, которые тоже можно загнать, — вот и все его богатство. Дэнни провел рукой по лицу. Вероятно, он сможет купить где-нибудь фальшивые документы. Или найти работу, которая не требовала бы документов, например собирать хлопок или табак. Но это была такая серая, безрадостная перспектива, и как разительно отличалась она от райского существования, на которое он рассчитывал!

А когда найдут тело Фариша, он немедленно попадет в розыск. Он стер с пистолета отпечатки и бросил его там же, в сорняках. Может, лучше было бы забрать его с собой? Не так уж много у него ценного имущества, за которое можно получить деньги.

Он обернулся и взглянул на бесформенные очертания плавающего в воде тела. Зачем она уничтожила наркотики? ЗАЧЕМ? Эта девчонка вызывала у Дэнни что-то вроде суеверного трепета; конечно, больше всего она напоминала маленькую ведьму, но может быть, это был его талисман, а он уничтожил его собственными руками? Кто она такая, Дэнни так и не узнал. Если бы они были на твердой земле, он наверняка вытряс бы из нее ответ, но сейчас поздно было думать об этом.

Он наклонился к воде и выудил один из подмокших пакетиков. Продукт совершенно слипся и размок, но, может, его удастся растворить в воде и вмазать? Он никогда не кололся, но ведь не поздно и начать. Держась одной рукой за лестницу, Дэнни выловил из воды около дюжины пакетиков.

Последний взгляд — и он начал подниматься. Лестница скрипела, кряхтела и дрожала под его тяжестью, как будто готова была обвалиться, и, когда он выполз на крышу, из его груди вырвался глубокий вздох облегчения. Дэнни с трудом поднялся и встал, расставив дрожащие ноги и оглядываясь по сторонам. Все тело у него болело, словно его долго и методично избивали, — впрочем, это было недалеко от истины. С запада шла гроза, там небо почернело, низкие тяжелые тучи собирались над рекой.

Дэнни потянулся, распрямил спину. И несмотря на то, что он был совершенно мокрый, несчастный, голодный и усталый, настроение у него вдруг поднялось. Черт возьми, а жизнь-то продолжается! Он шагнул по направлению к лестнице и поначалу не услышал предательского скрипа у себя под ногами. Крэк!! Гнилая доска провалилась — внезапно мир наклонился, перед его глазами мелькнул кусочек голубого неба, серая поверхность крыши...

Одно мгновение он еще держался на ногах, отчаянно размахивая руками, но потом послышался треск еще одной подгнившей доски и Дэнни повис в образовавшейся дыре, держась за соседние доски локтями.

Харриет колыхалась на поверхности воды уже так долго, что потеряла счет времени. Она хотела еще раз немножко повернуть голову, чтобы вдохнуть через нос, но ей это не удалось. Ее легкие больше не могли существовать без кислорода, они самопроизвольно сокращались, требуя втянуть в себя хоть что-нибудь, будь то воздух или вода. В то самое мгновение, когда ее рот сам открылся для вдоха, она подняла из воды голову и впустила воздух внутрь — освежающий, прекрасный, животворящий воздух.

Облегчение было таким сильным, что она чуть не пошла на дно.

Держась одной рукой за скользкую стену, Харриет дышала и дышала, хрипя, всхлипывая и фыркая от облегчения. Внезапно ей стало безразлично, где был Дэнни Ратклифф и что он собирался с ней сделать, на минуту весь смысл вселенной сосредоточился лишь в следующем полном, чудесном вдохе.

Сверху послышался громкий треск. В первую секунду Харриет показалось, что это был пистолетный выстрел, но она даже не шелохнулась — пусть Дэнни Ратклифф стреляет, если хочет, она больше не в силах бороться. По крайней мере, она умрет быстро.

Однако, когда в темную воду полетели обломки досок и на ее поверхность упало рваное пятно света, Харриет подняла голову — прямо над ней болтались две ноги в мотоциклетных сапогах.

Крэк!!! С треском отломилась еще одна доска.

Дэнни не видел, но почувствовал несущуюся ему навстречу воду и его охватил дикий ужас. В его сознании в одно мгновение пролетел поток спутанных воспоминаний, из которых выделилось предупреждение отца задержать дыхание и не открывать рот. А затем вода ударила ему в нос и уши, и он закричал от ужаса с закрытым ртом, бессмысленно тараща глаза в зелено-желтую тьму.

Он погружался, вниз и вниз, но тут его ноги ударились о дно. Дэнни подпрыгнул и, разгребая воду, карабкаясь по ней вверх, пулей вылетел наружу. Едва сделав вдох, он опять погрузился в пучину.

Его снова обступила угрюмая, беззвучная муть. Уровень воды был выше его роста не больше чем на полметра. Над его головой вода сияла ярко-зеленым светом, и он опять оттолкнулся от дна и устремился вверх. Теперь он понял, что лучше держать руки по швам, а не размахивать ими, как делали пловцы в телевизоре.

Когда первый испуг прошел, Дэнни попробовал сориентироваться. Теперь цистерна была залита светом, который проникал внутрь через дыру в крыше, выставляя напоказ отвратительные склизкие стены и темную маслянистую поверхность воды. После нескольких прыжков Дэнни увидел, что лестница находится слева от него.

А что, если попытаться допрыгнуть до нее? Почему бы и нет, надо только постепенно продвигаться в том направлении. В любом случае ничего другого ему не остается. Он опять погрузился в темноту, снова вынырнул и тут прямо перед собой увидел ожившую девчонку. Обомлев, Дэнни глотнул воды и разразился лающим кашлем. Он еле успел закрыть рот до следующего погружения. Девчонка обеими руками держалась за нижнюю ступеньку лестницы.

У него что, видения начались? Ее испуганное лицо, изжелта-серое, с темными кругами вокруг глаз, на секунду показалось ему лицом той старой дамы *Э. Клив*.

Задыхаясь, кашляя, он выпрыгнул на поверхность. Сомнений не было, девчонка ожила, и она уже подтягивалась на лестнице,

намереваясь поставить ногу на нижнюю ступеньку. В ярости он прыгнул в ее сторону, выбросил руку вперед, собираясь схватить за ногу, но промахнулся и опять ухнул в воду среди облака брызг.

В следующий прыжок Дэнни сумел достать ступеньку, но она была настолько изъедена ржавчиной и покрыта плесенью, что выскользнула из его пальцев. Еще один прыжок — и он ухватился за нее обеими руками, с благодарностью прильнув лицом к ржавым прутьям. Откашлявшись, Дэнни поднял голову. Девчонка с ловкостью обезьяны карабкалась наверх, и вода стекала с ее одежды прямо на его лицо. Волна гнева прошла через его тело. Да как она посмела? Он рванулся вверх следом за ней, ржавый металл завизжал, заголосил под его тяжестью, как живое существо. И тут, как в замедленной съемке, Дэнни увидел, как под ногой девчонки подломилась ступенька, она на секунду застыла, потеряв опору, потом изловчилась и закинула ногу на следующую ступень. «Да эта лестница не выдержит, не выдержит ее, — пронеслось у него в голове, — вот сейчас она обвалится...» Девчонка на секунду заслонила своим телом проем в крыше, потом исчезла из виду. По лестнице пробежала дрожь, она затряслась, словно в агонии, и вдруг одним плавным движением оторвалась от стены и упала вниз, в воду, увлекая Дэнни за собой.

Тяжело дыша, Харриет в изнеможении покалилась на доски крыши. Изо рта и из носа текла вода, из горла лезла мутная слизь. Солнце зашло за тучу, и пронизывающий влажный ветер заставил ее передернуться от холода. Крыша наполовину провалилась, а там, где еще держалась, вид прогнувшихся серых досок не вызывал никакого доверия. Ее собственное дыхание, короткое, неровное, мешало ей сосредоточиться, а когда Харриет встала на колени, резкая боль пронзила ее живот.

Из цистерны послышались частые всплески и приглушенные крики. Харриет легла животом на доски и подползла к рваным краям проломанного отверстия. Голова у нее кружилась, во рту стоял вкус тухлой воды, но она ничего не могла с собой поделать — ей нужно было посмотреть, что происходит с ее убийцей.

Внизу вода бурлила, по ней плавали доски, щепки, ярко-зеленая тина, оторвавшаяся от стен, и какие-то бурые пузыри.

Затем вода еще больше вскипела и на поверхности появилась голова Дэнни Ратклиффа с открытым ртом и безумными глазами. Его руки хватались за все, что попадалось, за доски, за щепки, но все это была мелочь, не способная выдержать его вес, и через секунду он опять исчез из виду в мутно-зеленой вспененной воде. Харриет ждала, завороженная этим зрелищем. Запрокинутое лицо снова появилось над водой, устремленные на нее глаза были слепыми, беспомощными, стеклянными, как глаза отрубленной головы, которую палач поднимает за волосы, чтобы показать притихшей толпе. Рот открывался и закрывался, как у выброшенной на берег рыбы, — казалось, он хотел ей

что-то сказать, но тут вода снова поглотила его.

Харриет отползла от зияющей дыры и медленно съехала на животе вниз по крыше к самому ограждению башни. Все небо заволокчо тучами, первые тяжелые капли дождя упали на землю, и вдруг с неба полился настоящий тропический ливень, теплый, свежий, и благодатный. Он немного освежил Харриет и смыл налипшую на нее грязь и слизь. Капли звонко барабанили по крыше, но не настолько громко, чтобы заглушить предсмертные хрипы и плеск, доносящиеся из цистерны.

Харриет попыталась поставить ногу на ступеньку лестницы, но вдруг ее охватил приступ неудержимого кашля. Из носа, изо рта полилась зловонная мутная пена. Она упала лицом на доски, отплевываясь, с отвращением вдыхая запах гнили, намертво въевшийся в ее кожу, слушая звуки страшной борьбы, происходящей в цистерне. Ей пришло в голову, что и Робин, возможно, издавал подобные хрипы, болтаясь на той веревке. И все же слышать, как бьется в предсмертной агонии человек, было непереносимо. Как же это получилось? Весь ее план пошел насмарку, она ведь хотела убить его одним чистым, метким выстрелом — пах! — и все. Она и сама не прочь таким же образом исчезнуть с лица земли — испариться вместе с облачком дыма, вылетающим из ствола револьвера.

От истосковавшейся по дождю земли поднимался благодарный пар. Вдалеке стоял неподвижный «транс Ам», окна в нем запотели, внутри царила тишина; вполне можно было предположить, что там расположилась ищущая уединения влюбленная пара. Потом Харриет часто вспоминала эту картину, странную интимность неподвижно стоящей машины с непроницаемыми стеклами, ее интригующую загадочность..

Было уже два часа дня, когда мокрая насквозь Харриет, предварительно послушав у двери, все ли тихо в доме, неслышно скользнула внутрь. Кроме мистера Годфри, который, похоже, не узнал ее, и миссис Фонтейн, которая уставилась на ее замызганную одежду, открыв от изумления рот, она не встретила никого по дороге домой. Осторожно открыв заднюю дверь, она на цыпочках прокралась по коридору, влетела в нижнюю ванную комнату и заперлась на задвижку.

В маленьком помещении ванной гнилостный запах тухлятины стал настолько силен, что заставил ее вприпрыжку помчаться к унитазу. Ее вырвало тонкой струей зелено-желтой жижи. Харриет открыла холодную воду, подставила под струю ладони и пила, пила, пока вода не пошла обратно. Дрожа от отвращения, она сдернула с себя одежду, почистила зубы, прополоскала их мятным раствором листерина, потом забралась в ванну, вылила в нее половину флакона ароматической пены и включила горячую воду. Она вымыла голову шампунем, так крепко натерла тело мочалкой, что кожа порозовела и заскрипела от чистоты,

но ей было никак не избавиться от мерзкого запаха,— казалось, он навсегда въелся в ее кожу. Даже немеющим от листерина языком она все равно ощущала тот гнилостный вкус, который сразу же вызывал в ее памяти раздувшийся безобразный труп, плававший у стены цистерны.

В дверь резко постучали.

— Харриет, — послышался голос матери. — Это ты там?

— Да, мэм,— ответила Харриет, стараясь, чтобы ее голос звучал естественно.

— Что ты там делаешь, пачкаешь в ванной?

— Нет, мэм,— сказала Харриет, оглядывая запачканный пол и разбросанные повсюду флаконы и полотенца.

— Ты же знаешь, мне не нравится, когда ты пользуешься этой ванной.

Харриет ничего не сказала. Волна судорог свела ей живот, она села на край ванны, согнувшись в три погибели и обхватив себя руками.

— Смотри, я проверю, все ли ты за собой убрала,— сказала за дверью мать.

Вода, которой наглоталась Харриет, выливалась наружу, — она едва успела добежать до унитаза, как из ее горла хлынул могучий гнилостный поток, пахнувший точно так же, как вода, в которой утонул Дэнни Ратклифф.

Харриет несколько раз пила воду из-под крана, и сразу же эта вода выливалась из горла назад, но постепенно спазмы в животе немного поутихли. Харриет выстирала свою одежду и развесила ее сушиться, вымыла ванну и раковину «Кометом», но мерзкий запах так и не исчез,— казалось, теперь она сама источала его. Ей вспомнилась картинка в «Нэшнл джиогрэфик» — пингвин, попавший в нефтяную лужу. Жалкий маленький пингвинчик стоял в ведре с водой, зоологи-спасатели оттирали его от нефти губками, а он повесил голову, раскрыл свой желтый клювик и растопырил в стороны крылья, будто боялся испачкать их о свое замаранное нефтью тело. В результате Харриет вылила на себя почти весь флакон каких-то ужасных духов, который когда-то ей подарил отец. Голова у нее кружилась от влажной жары ванной, но гнилостный запах все равно оставался на языке, как пятно, которое невозможно отмыть.

Харриет завернулась в полотенце, бросила последний взгляд на оставленный в ванной беспорядок — у нее не было сил задвигать на место флаконы и складывать щетки и мочалки,— и устало побрела наверх. Плохо соображая, что делает, она залезла в свою постель, в которой не спала уже несколько недель, и завернулась с головой в одеяла. Постель была так божественно хороша, прохладна и мягка, что Харриет сразу же провалилась в сон, невзирая на жгучую резь в животе.

Ее разбудила мать. За окном сгущались сумерки. Живот у Харриет

ужасно болел, а глаза резало так, что приходилось сощуривать их до узеньких щелочек.

— Что? — спросила она слабо.

— Я спрашиваю, ты заболела?

— Не знаю.

Мать Харриет нагнулась, чтобы пощупать ее лоб, затем нахмурила брови.

— Что за странный запах? — Она нагнулась к дочери и принюхалась. — Ты что, надушилась тем зеленым одеколоном?

— Нет, мам. — Харриет уже давно не могла обходиться без вранья, как без воздуха, а иногда врать было легче, чем дышать.

— Какой-то у него неприятный запах. Знаешь, лучше я куплю тебе маленький флакончик «Шанель № 5», хочешь? Или «Норелл», которым пользуется бабушка. Правда, мне самой он не особенно нравится...

Харриет устало закрыла глаза. Казалось, не прошло и секунды, как она снова увидела мать у своей кровати. На этот раз та держала стакан воды и таблетку аспирина.

— Выпей, — сказала она. — Наверное, лучше тебе сегодня не ужинать. Я позвоню маме, узнаю, есть ли у нее немного бульона.

Она ушла, а Харриет выползла из постели, завернулась в старый плед и побежала в туалет. Рвота прошла, но зато разыгрался понос. Она попрыскала вокруг освежителем воздуха и, мельком взглянув на себя в зеркало, поразилась, насколько красными были ее глаза. Дрожа от озноба, она прошлепала к кровати и забралась под одеяла.

Мать опять разбудила ее, на этот раз в руке у нее был термометр.

— Открой рот, — сказала мать и вставила термометр между губ Харриет.

Харриет смотрела в потолок. В животе бурлило и жгло. Потом пришла ее сестра Алисон в таком же халате, как у миссис Дорьер, и объясняла ей, что ее укусил ядовитый паук и что только переливание крови может ее спасти. Нет, сказала Харриет, это я. Я убила его. Миссис Дорьер подошла к ней с аппаратом в руках. Вокруг нее столпились другие люди в голубых халатах, и кто-то сказал: пора, она почти готова. Оставьте меня, сказала Харриет, я не хочу, дайте мне умереть. Хорошо, улыбнувшись, сказала миссис Дорьер и ушла. Харриет стало страшно. Она видела вокруг себя доброжелательные, улыбающиеся лица каких-то старушек, но никто и пальцем не пошевелил, чтобы спасти ее, все терпеливо ждали, когда она умрет.

— Харриет?

— Вздрогнув, она приподнялась на постели. Мать стояла над ней, держа в руках плошку с бульоном, от которого поднимался омерзительно мясной запах.

— Я не хочу, — слабо сказала Харриет, отводя ее рукой.

— Пожалуйста, дорогая, выпей немного. — Плошка была из рубинового стекла, и Харриет ее обожала. Как-то раз Либби сняла ее с

полки, завернула в папиросную бумагу и отдала Харриет. Она сделала это просто так, потому что знала, как ее племянница любит эту вещицу. Но теперь, в полумраке спальни, рубиновое стекло светилось мрачным, зловещим, багровым огнем.

— Не хочу! — тверже сказала Харриет, отворачиваясь от матери. — Нет, не буду.

— *Харриет!* — Мать подсунула плошку прямо под нос Харриет. — А ну-ка выпей бульон. *Быстро.* — Она произнесла это своим капризным, не терпящим возражений голосом, и Харриет ничего не оставалось, как проглотить тошнотворную жидкость. Но хоть она и старалась не дышать, чтобы не начать давиться, это не помогло, — как только она вытерла рот бумажной салфеткой, весь бульон без всякого предупреждения пошел назад и растекся огромной зловонной лужей по всему покрывалу. Мать Харриет вскрикнула и невольно отпрыгнула.

— Извини, — несчастным голосом пробормотала Харриет.

— Ох, детка, ну и грязь ты тут развела. Ой, нет, не надо! — воскликнула Шарлот в панике, видя, что дочь собирается лечь прямо в собственную блевотину. И тут случилось нечто странное. Прямо в лицо Харриет ударила струя слепящего света. Это была лампа, которая висела у них в холле. Харриет вдруг поняла, что она уже не в постели и даже не в своей спальне, а лежит на полу в узком проходе между двумя возвышающимися над ней конструкциями из старых газет. И что самое странное, рядом с ней на коленях стоит Эдди и поддерживает ее голову.

Харриет подняла руку и попыталась сесть. Откуда-то выплыло лица матери, красное, перекошенное, плачущее. Она бросилась к Харриет, но Эдди предупреждающе подняла руку: «Отойди, ты не даешь ей вздохнуть!» Самым странным было то, что у нее ужасно болела шея, впрочем, голова тоже раскалывалась. Вторая странность заключалась в присутствии Эдди — бабушка никогда не проходила в их доме дальше холла и уж точно не поднималась на второй этаж.

«Как я попала сюда?» — хотела она спросить Эдди, но слова не могли слететь с губ, вместо них на поверхность выходили лишь маленькие пузырьки. Эдди, глядя на нее с волнением, положила холодный палец ей на губы. Не выпуская внучку из объятий, она осторожно помогла Харриет сесть. Харриет, с трудом ворочая онемевшей шеей, осмотрелась. За спиной бабушки, рыдая, стояла мать, рядом с ней неподвижно застыла Алисон, уставившись на нее широко открытыми глазами и кусая пальцы. Эдди спросила:

— Как долго это продолжалось?

— О, я не знаю… — пробормотала Шарлот, поднося руки к вискам.

— Шарлот, *вспомни,* это *очень важно, у* нее только что были *судороги.*

Больничная комната ожидания казалась слишком ярко освещенной и сверкала безукоризненной чистотой, но, если присмотреться, и стулья,

и линолеум были потертыми и довольно ветхими. Алисон, устроившись в уголке, читала забытый кем-то комикс, а две пожилые дамы пытались разговаривать с сидящим в коляске дряхлым стариком, который в ответ на их расспросы только тряс головой и бормотал несвязные слова. Сидя на стуле, привалившись боком к Эдди, Харриет то погружалась в неспокойную дремоту, то вздрагивала, просыпаясь. В очередном сне она шла к библиотеке, нагруженная книгами, но улицы сужались, становились все темнее, и вдруг на ее пути выросла целая баррикада из огромных черных камней. «О, теперь мне надо найти телефон», — сказала она себе...

— Харриет? — Над ней стояла сестра с креслом-каталкой, молоденькая, довольно хорошенькая, с таким разрисованным румянами и помадой лицом, что напомнила Харриет актеров из театра Кабуки в Японии (Харриет видела фотографии театра в огромном альбоме «Иллюстрированная история театра Кабуки» в доме у Тэт).

Они поехали через ярко освещенные залы и длинные, сумрачные коридоры, и время от времени сестра наклонялась к Харриет и гладила прохладной, мягкой рукой по ее щеке. Харриет была так слаба, что даже не могла отдернуть голову. Каблуки Эдди четко отстукивали ритм за ее спиной. Потом сестра отодвинула какую-то занавеску и вкатила кресло в смотровую.

— Ну давай, малышка, — ласково приговаривала она, помогая Харриет перелезть на высокую кровать. — Надо измерить температуру. О, да мы совсем больны, ах ты, моя лапочка, ну ничего, сейчас мы возьмем кровь и... вот и хорошо, умничка, теперь отдыхай.

Сестра вышла, а Харриет свернулась на кровати калачиком, держась обеими руками за живот. Спазмы не проходили, жжение и резь стали почти непереносимыми. «Это все из-за воды, которой я там наглоталась, — подумала Харриет. — Надо же рассказать врачам про воду, но только нет, *ни в коем случае,* им нельзя ничего говорить!» Но тут страшный старик в мокрой меховой шапке погнался за ней по желтым берегам реки и кричал ей слова, которые она не могла разобрать...

— Юная мисс, просыпайтесь. Вот так, садитесь, садитесь.

Харриет посмотрела в лицо незнакомца в белом халате. Рядом стояла сестра, протягивая ей стакан с какой-то белой взвесью. «Чтобы успокоить желудок», — сказала она.

С виду доктор был самый настоящий индиец, у него были иссиня-черные волнистые волосы и печальные глаза с опущенными вниз наружными уголками. Он спросил ее имя и помнит ли она, где находится, потом заглянул ей в уши и нос, больно нажал на живот и ощупал под мышками ледяными пальцами, от которых она сразу же покрылась гусиной кожей.

— Это первый припадок? — спросил он Эдди.

— Да.

— Ты ела или пила что-нибудь странное на вкус? — обратился доктор к Харриет.

Острый, проницательный взгляд его темно-карих глаз с красноватыми белками заставил ее потупиться. Она отрицательно покачала головой: «Нет».

Доктор мягко взял ее рукой за шею и поднял пальцами подбородок.

— А горло болит? — спросил он вкрадчиво.

Откуда-то издалека до нее долетел испуганный голос Эдди:

— Боже мой, что это у нее на горле?

— Да, несколько пятен. — Доктор провел по ним рукой, затем резко нажал большим пальцем. — Больно?

Харриет издала неопределенный звук. Горло, конечно, болело, но шея ныла гораздо сильнее.

Когда доктор закончил осмотр, Харриет в изнеможении опустилась на подушки. Эдди разговаривала с индийцем.

— Невролог посещает клинику каждые две недели, — говорил он. — Может быть, мы сумеем вызвать его сюда из Джексона завтра во второй половине дня... — И так далее, монотонным, скучным голосом. Приступы рези в животе Харриет заставляли ее каждый раз вздрагивать и прижимать руки к животу.

— Харриет, — услышала она голос Эдди, — посмотри-ка на меня, детка.

Сквозь боль Харриет послушно открыла глаза.

— Посмотрите, доктор, вы видите? Глаза у нее красные, как у кролика. Это может быть воспаление.

— Симптомы вызывают сомнения, они весьма неоднозначны, в любом случае нам надо подождать результатов анализов.

— А вы не забыли про диарею? И почему держится высокая температура? А эти страшные пятна на горле? Господи, такое ощущение, будто ее кто-то душил...

— Да, инфекция есть, но судороги не фебрильной природы. Фебрильный это...

— Я знаю, что такое фебрильный, доктор. Я сама много лет работала сестрой, — отчеканила Эдди.

— Ну что ж, тогда вы должны понимать, что любая неврологическая дисфункция является для нас приоритетной... — в тон ей ответил доктор таким же резким голосом.

— А другие симптомы...

— Как я уже сказал, они весьма неоднозначны.

Харриет села на постели, глядя на них расширенными глазами. Она выпалила:

— Мне надо в туалет!

Доктор и Эдди повернулись к ней с таким удивлением, словно забыли, что она находится там же. Потом доктор сказал:

— Ну так *иди,* раз тебе надо! — И поднял руку в широком,

приглашающем жесте.

Харриет спрыгнула с высокой кровати и выскочила за зеленую занавеску. Она услышала, как доктор зовет сестру, но сестры в коридоре не было. Харриет быстро зашагала по коридору к двери в дальнем конце, на которой было написано «Дамы», как вдруг услышала за спиной высокий радостный голос: «Хэт»!

Это был Кертис, он возник прямо у нее перед носом, а за ним, положив ему руку на плечо, стоял проповедник, одетый во все черное. Красное пятно у него на щеке на фоне белых стен напоминало бычий глаз.

Харриет в ужасе замерла, затем повернулась и бросилась бежать прочь от них, назад к своей загородке. Она поскользнулась на влажном полу, проехалась пятками по мокрому кафелю, тяжело свалилась на бок, едва успев подставить руку, чтобы не упасть щекой на кафельные плитки, и закрыла лицо руками.

Быстрые шаги простучали по направлению к ней, и она услышала встревоженный голос сестры:

— Ударилась? Вставай, девочка, вставай.

Харриет прижалась к ее теплой руке, перечитывая имя, написанное на халате: *Бонни Фентон, Бонни Фентон, Бонни Фентон*...

— Вот почему в больнице не положено бегать по коридорам, — говорила сестра. Впрочем, она обращалась не к Харриет, а, по-видимому, ко всем окружающим, потому что голос у нее был излишне высокий и громкий. Эдди и доктор появились из-за занавески. Харриет вырвала руку у сестры и, чувствуя на себе внимательный взгляд проповедника, бросилась к Эдди.

— Эдди, Эдди, — закричала она, — забери меня домой, пожалуйста, *сейчас!*

— Харриет! Да что на тебя такое нашло?

— Если ты уйдешь от нас домой, — сказал доктор медленно и внятно, будто говорил с умалишенной, — как мы сможем выяснить, что у тебя не в порядке? — Хоть голос его звучал дружелюбно, глаза были колючими, а лицо вдруг стало восковым, неживым. Харриет прижалась к Эдди и расплакалась.

Эдди похлопала ее по спине в своей обычной, деловитой манере, от которой Харриет разрыдалась еще сильнее.

— Боже мой, доктор, наверное, у нее температура.

— Обычно после приступа больные хорошо спят. Но если она так беспокойна, мы можем кое-что ей дать, чтобы помочь расслабиться, хе-хе.

Харриет со страхом оглянулась, но в коридоре уже никого не было. Она дотронулась до шишки на колене — она ведь ее набила только что, когда убегала от кого-то, шишка была вполне реальной, это ей не привиделось...

Сестра Бонни отцепляла пальцы Харриет от юбки Эдди. Она взяла

Харриет за руку, увела обратно за занавеску, и набрала полный шприц из маленькой бутылочки...

— Эдди, нет!!!!! — изо всех сил заорала Харриет.

— Харриет, ну что ты кричишь, — голова Эдди появилась в просвете занавески. — Ты же не боишься уколов, правда?

— Забери меня домой, — кричала Харриет, икая от слез, — Эдди, я боюсь, мне страшно, они придут за мной, это страшные люди, Эдди...

Сестра вонзила шприц ей в руку, а на лице Эдди появилось недоуменное выражение.

— Послушай, — начала она, — мне надо съездить домой...

— Нет! Нет!!! Эдди, не уходи!!!

— А ну-ка давай говорить потише, деточка, — сказала сестра, хватая Харриет железной рукой и усаживая на кровать.

— Да подожди ты кричать! Я только заеду домой на минутку, возьму кое-какие вещи и сразу же вернусь. — Эдди повернулась к сестре. — Вы сможете поставить в ее комнату диванчик?

— Конечно, мэм.

«Диванчик». Какое приятное слово, домашнее, родное, почти как «сарайчик», или «куколка», или «хлопок». Или как старое прозвище Харриет: «Готтентот». Она попробовала пошевелить языком, произнося его и так, и этак.

— Ага, у кого-то глазки уже закрываются, — услышала она голос сестры.

А где Эдди? Харриет попыталась держать глаза открытыми, но стеклянный, прозрачно-голубой купол небес всей тяжестью навалился на нее, облака рванулись ввысь, весь мир заволокло тьмой, а через минуту ее отяжелевшие веки закрылись, и она погрузилась в крепкий сон.

Заложив руки за спину, Юджин бродил по коридорам больницы, заглядывая в палаты и внимательно изучая развешанные на стенах плакаты. Он видел, как санитар вывез кресло со спящей девочкой из смотровой комнаты, и последовал за ними на безопасном расстоянии. Они проехали через выстуженный кондиционером холл, и санитар нажал кнопку вызова лифта. Юджин прошел мимо них на лестницу, поднялся на второй этаж, заглянул в дверь и, увидев удаляющуюся зеленую спину, пошел следом, стараясь ступать как можно тише. Он заметил, в какую комнату санитар завез кресло, и прошел дальше, не останавливаясь. Он навестит девчонку позже, когда никого не будет поблизости. У него не было сомнений, что это была та самая девчонка, которую он допрашивал около своего дома, он хорошо ее разглядел в ту ночь, когда его укусила змея.

Говорят, собаки лают перед землетрясением. А этот черноволосый ребенок в последнее время с точностью хорошего сейсмографа попадался на его пути перед каждым несчастьем. Кто она такая, откуда

взялась? Юджин прошел мимо ее комнаты, заглянул внутрь. На кровати под одеялом лежало маленькое тело, но лица было не разглядеть, а рядом нависала стойка капельницы, от которой под покрывало тянулась тонкая прозрачная трубка.

Юджин прошел к питьевому фонтанчику, напился воды, искоса посматривая на дверь палаты. Вот зашла и вышла сестра. Решительной походкой он направился в палату, но, когда сунул в дверь голову, увидел, что девчонка не одна — рядом суетился санитар, раскладывая диван. Юджин увидел возвращавшуюся сестру с охапкой чистых простыней в руках и остановил ее.

— Это что за девочка тут лежит? — спросил Юджин самым доброжелательным голосом.

— Зовут Харриет, — ответила сестра. — Фамилия Дюфрен.

— А, так! — Имя было смутно знакомо Юджину, почему — он не мог вспомнить.

— А что, с ней никого из взрослых нет?

— Я не видела родителей, только бабушку. — Сестра отвернулась от него, показывая, что разговор закончен.

— Бедная крошка, — с ненатуральным сочувствием произнес Юджин. — А что с ней такое?

По лицу сестры Юджин понял, что зашел слишком далеко. Улыбка пропала с ее губ, и она сказала холодно:

— Я не имею права давать информацию о пациентах.

Юджин улыбнулся, энергично покивав:

— Да, конечно, мэм. Просто жаль стало девочку, только и всего.

Он повернулся и пошел к автомату, в котором продавались сладости. Купив себе шоколадный батончик, Юджин понял, что сегодня девчонку лучше не трогать; сестра, выходившая из палаты, посмотрела на него тяжелым взглядом. Ладно, он и так слишком засветился, надо уходить. Юджин спустился вниз в отделение интенсивной терапии, в комнату ожидания, где на диванчике спали Гам и Кертис. Ничего, он подождет до утра, все равно в девять часов эта раскрашенная кукла закончит смену.

Эдди проснулась от света, бьющего ей в лицо, и взглянула на часы. 8:15 — как вовремя, она успевает на встречу с адвокатом, которая назначена на девять. Она поднялась, подавив невольный стон (ребра у нее ужасно болели после ночи, проведенной на неудобном диване), и прошла в ванную. Ну и видок у нее! Краше в гроб кладут. Ничего удивительного, она почти не спала.

Она ополоснула лицо водой и упрямо принялась наводить красоту: подчернила брови, добавила немного цвета восковым щекам, провела помадой по губам. Она не любила докторов, не доверяла им вовсе. За свою долгую медицинскую карьеру она повидала достаточно врачей, чтобы уяснить следующее: в массе своей они не слушают пациента,

делают заключения, не имея перед собой полной картины заболевания, как этот доктор Даго, или как его там. Услышал слово «судороги» — и все, больше ни о чем и думать не хочет. Эдди вышла из ванной и сурово уставилась на спящую внучку. Какая там эпилепсия, вот глупости! Вовсе не в этом дело.

Несколько мгновений она с холодным, отстраненным интересом изучала маленькое лицо спящей девочки, потом опять направилась в ванную, чтобы одеться. Харриет — крепкая малышка, за себя постоять сумеет, волноваться за нее не стоит. Единственное, что действительно сильно взволновало Эдди, было состояние дома Шарлот. Она пришла в ужас от царившего там запустения. Как можно было довести свой дом до такого состояния? Везде грязь, стопки немытой посуды громоздились в раковине, а чего стоили одни эти горы газет! Горы! Да там наверняка давно уже мыши завелись, а уж о тараканах и говорить нечего, наверное кишмя кишели. Полное запустение — вот как можно было это описать, даже белая рвань такого себе не позволяла. Странно еще, что они не оказались в больнице все втроем. Конечно, бедная девочка попросту отравилась какой-нибудь дрянью. А может, ее укусила во сне крыса. Но как Эдди могла рассказать о своих подозрениях доктору? Не могла же она сказать ему: «Просто моя дочь превратила свой дом в настоящий свинарник»!

Что-то надо с этим делать, и она, Эдди, должна придумать, что именно. Неровен час, соседка миссис Фонтейн еще вызовет санитарную службу, вот стыда-то не оберешься! Но с Шарлот говорить бессмысленно, она опять начнет канючить да лить слезы. И зачем только она уволила свою цветную домработницу?

Эдди заколола волосы на затылке, проглотила две таблетки аспирина, запив их водой, и вошла в палату, полностью собранная и готовая к новому дню. «Все дороги ведут в больницу», — подумала она. Еще совсем недавно она вот так же ночевала на диванчике около кровати сестры, а теперь судьба опять привела ее сюда же, в палату, так похожую на ту, где лежала Либби.

Харриет спала, что ж, пусть ребенок поспит. Сестра сказала, что она будет спать большую часть дня. После встречи с адвокатом и очередного бессмысленного переливания из пустого в порожнее она должна была встретиться с юристом. Юрист призывал ее поскорее закончить переговоры с этим ужасным мистером Рикси и сделать это полюбовно, что означало выложить весьма крупную сумму денег. Эдди вышла из палаты, погруженная в свои мысли, и не обратила внимания на проповедника, болтающегося около автоматов с водой.

Гладкие и шелковистые простыни приятно ласкали тело. Харриет нежилась в лучах утреннего солнца, решительно отказываясь просыпаться, зажмурив глаза и призывая назад сон. Ей приснилось, что она идет по каменным ступеням в ярко-медном поле, вокруг колышется

высокая трава, а ступени такие старые, что крошатся под ногами; они ведут в никуда, но это «никуда» необыкновенно прекрасно, по крайней мере ей ужасно любопытно на него взглянуть...

Шаги в коридоре. Харриет не открывала глаз. Ей хотелось, чтобы к ней в палату зашел какой-нибудь добрый доктор, увидел бы ее, такую маленькую, больную и бледную, и погладил бы по головке.

Шаги приблизились к кровати и замерли. Харриет еще крепче зажмурилась, предоставляя доброму доктору возможность себя осмотреть. Затем приоткрыла глаза и в ужасе подскочила на постели, увидев нависшее над ней обезображенное ожогом лицо проповедника. В мягком утреннем свете шрам казался особенно уродливым, лишенный ресниц глаз под сморщенной кожей лба влажно моргал и свирепо смотрел на нее.

— Тише, тише, — сказал проповедник, по-птичьи наклонив голову набок. Его голос был высоким, певучим и не соответствовал страшному облику. — Ты же не будешь шуметь, правда?

Харриет очень хотелось поднять шум, но от испуга и замешательства она застыла и только во все глаза глядела на страшного гостя.

— Я знаю, кто ты. — Когда он говорил, его губы почти не двигались. — Ты была около моего дома в ту ночь. Я тебя хорошо запомнил.

Харриет скосила глаза на пустой проем двери. В висках ее стучали отбойные молотки.

Проповедник сердито нахмурил лоб и придвинулся к ней еще ближе.

— Ты возилась со змеями, так ведь? Это ведь ты их выпустила тогда ночью, правда? — Его помада для волос пахла сиренью. — И ты следила за моим братом Дэнни. Зачем?

Харриет молчала. Знает ли он про башню?

— Зачем ты убежала от меня вчера?

Нет, он ничего не знает. Харриет лежала очень тихо, неподвижно, глядя ему прямо в глаза. В школе никто не мог победить ее в игре в «гляделки», но сейчас ей было плохо, в голове шумело, ей хотелось потереть саднящие веки и начать утро заново. Ну что ему от нее надо?

Проповедник немного отстранился и прищурил глаза.

— Ты смелая девчонка, — сказал он медленно. — Бесстыжая и нахальная. Таких надо наказывать.

Похолодев, Харриет вспомнила, что около ее кровати есть кнопка вызова медсестры. Правда, она не знала точно, где именно располагалась эта кнопка, и боялась отвести взгляд от лица проповедника. А он рассматривал ее с очевидным интересом, как какое-то диковинное насекомое.

— Не пойму я что-то, — сказал он. — Чего же ты так боишься? Тебя ведь никто еще и пальцем не тронул, ведь так?

Харриет сделала над собой невероятное усилие и не отвела глаз под его испытующим взглядом.

— А может быть, ты сделала что-то гадкое и поэтому боишься? — Он наклонился еще ниже над ней. — Я хочу знать, что ты вынюхивала тогда около моего дома. Если ты не скажешь мне, я уж найду способ это выяснить, поверь мне.

Внезапно веселый голос у двери произнес:

— Тук-тук! Можно войти?

Проповедник поспешно выпрямился и повернулся к двери, а Харриет издала еле слышный вздох облегчения. В палату входил улыбающийся Рой Дайл с коробкой конфет под мышкой и брошюрами воскресной школы в руках.

— Надеюсь, я не помешал вам, — сказал он, приближаясь к кровати. Харриет привыкла видеть его в костюме, но сегодня утром он был одет неформально — в брюки цвета хаки и мягкий пуловер. — Ба, кого я вижу, *Юджин*. А ты здесь какими судьбами?

— Мистер Дайл!

Проповедник торопливо протянул руку. Тон его изменился, даже в своем теперешнем, больном состоянии Харриет невольно отметила это. «А ведь он сам чего-то боится», — подумала она.

— А, понимаю, — мистер Дайл взглянул на Юджина. — Вчера вечером в больницу поступил один из Ратклиффов. Это что, твой брат? В газете пишут...

— Да, это мой брат Фариш, — торопливо пробормотал Юджин, — его вчера подстрелили, сэр.

«Подстрелили?» — в изумлении подумала Харриет.

— Ранили в шею. Его нашли прошлой ночью. Он...

— Вы только подумайте! — игриво воскликнул мистер Дайл, поворачиваясь к двери с видом, ясно показывающим, как мало его интересуют подробности семейной жизни Юджина. — Какой ужас! Какой кошмар! Я обязательно навещу его, как только ему станет лучше. Я...

Юджин уже открыл рот, чтобы объяснить, что прогнозы врачей крайне неутешительны и что Фаришу вряд удастся пережить еще одну ночь, но мистер Дайл нетерпеливо вскинул вверх руки в жесте, означающем «Все в руках твоих, Господи», и повернулся к Харриет.

— Это, к сожалению, не тебе, малышка, — бодро объявил он, указывая на коробку. — Я тут как раз пробегал мимо да и решил заскочить, навестить нашу дорогую Агнес Апчирч (мисс Апчирч была маленькой хрупкой старушкой, но при этом вдовой банкира с большим списком недвижимости в собственности). И кого же я встречаю первым делом в коридоре? Твою бабушку! Боже правый, мисс Эдит, сказал я, что привело вас сюда опять?

Харриет увидела, что проповедник начал бочком продвигаться к двери. Мистер Дайл заметил ее напряженный взгляд и повернулся.

— Юджин, а ты откуда знаешь эту прелестную молодую даму?

Застигнутый врасплох, проповедник потер шею и с достоинством сказал:

— Ну, эту крошку привезли вчера вечером, совсем больна она была, даже ходить не могла, бедняжка. — Он постарался произнести это с убедительностью, исключающей вопросы.

— Так значит, ты... — мистер Дайл так удивился, что смог с трудом продолжить, — решил *навестить* нашу Харриет?

Юджин прокашлялся и произнес:

— Я здесь из-за моего брата, сэр. Но до тех пор, пока я жив, я несу слово Божье в мир, ибо ясно сказано в Писании: «Сейте семя среди малых сих»...

Мистер Дайл закатил глаза, а потом бросил на Харриет острый взгляд, как бы спрашивая: «Этот человек тебе докучает?»

— Мне ничего не надо от жизни, только пару колен да Библию, — продолжал Юджин, кивая на стоящий в углу палаты телевизор, — вот ящик греха, вот главный враг на пути к спасению наших детей...

— Мистер Дайл, вы не знаете, где моя бабушка? — спросила вдруг Харриет.

— Внизу, я полагаю, — сказал мистер Дайл, буравя ее бледно-голубым дельфиньим глазом. — Говорит по телефону. Тебе что-нибудь надо?

— Мне нехорошо, — прошептала Харриет.

Проповедник, пятясь, уже добрался до двери. Перед тем как исчезнуть за углом, он смерил ее недобрым взглядом.

— Что с тобой? — наклонился к ней мистер Дайл. — Тебе что-нибудь принести? Воды? Чаю? У тебя болит живот? Тебе хочется покушать?

— Я... — Харриет попыталась сесть. Как объяснить ему, что она боится оставаться одна? Она, которая ничего не боится?

В этот момент зазвонил телефон.

— Погоди, я тебе помогу. — Мистер Дайл снял трубку и передал ее Харриет.

— Мама? — тихо спросила она.

— Поздравляю! Как ты ловко все это провернула!

Это был Хилли. Его голос, хоть и был полон эмоций, звучал немного приглушенно. По шипению в трубке Харриет поняла, что он говорит в дурацкий шлем в своей спальне.

— Харриет, ты гений! Ты уничтожила его, ты его *победила!*

— Я... — Хоть мозг Харриет и работал на повышенной скорости, она не могла придумать, что ей ответить Хилли. К тому же она боялась, что мистер Дайл услышит восторженный щенячий визг на том конце провода.

— Ну ты даешь, Хар, — от возбуждения он с грохотом уронил телефон, потом его голос опять ворвался в ее уши, хрипловатый, оглушающий: — Утром это было в газетах...

— Что?

— Я *знал,* что это *ты* все устроила. Что ты делаешь в больнице? Что случилось? Тебя подстрелили?

Харриет прочистила горло особым образом, давая ему понять, что она не одна.

— Ах, *так,* — уже более серьезно произнес Хилли. — Извини.

Мистер Дайл поднялся, покрепче подхватил свою коробку и прошептал ей одними губами: «Мне надо бежать». Харриет проводила его тоскливым взглядом.

— Говори только «да» или «нет», — продолжал Хилли. — У тебя неприятности?

Харриет бросила испуганный взгляд в дверной проем. Похоже, что коридор был абсолютно пуст, но как можно знать наверняка? Впрочем, пока мистер Дайл поблизости, вряд ли они придут за ней.

— Эй, тебя арестуют? Там что, полицейские?

— Хилли, ты можешь мне помочь? — сказала она в трубку.

— Конечно! — Он сразу посерьезнел, насторожился, как терьер перед охотой.

Харриет, напряженно следя за дверью, сказала:

— Обещай.

— Да ладно тебе, говори, что надо!

— Около водонапорной башни. — Она пыталась говорить шепотом, но все равно слова громко разносились по комнате. — Там на земле лежит револьвер. Я хочу, чтобы ты пошел туда…

— Револьвер??

— …и забрал его, — безнадежно продолжала она. Можно и не шептать, откуда ей знать, кто стоит за дверью или подслушивает на том конце провода? Вот только что по коридору прошла сестра и с любопытством взглянула на нее.

— Господь всемогущий, *Харриет!!!*

— Хилли, я не могу пойти туда *сама!* — Она чуть не плакала от отчаяния.

— Слушай, но у меня репетиция оркестра, мы будем играть допоздна.

Репетиция оркестра? Сердце Харриет упало. Ее план не сработает. Да и какая разница? Что полиция найдет пистолет ее отца, что Хилли — все равно об этом завтра будет знать весь город.

— А вообще-то я могу сбегать туда прямо сейчас, до школы. Если потороплюсь. Мама отвозит меня через полчаса, — продолжал Хилли. — И что мне с ним делать? Спрятать у тебя на заднем дворе?

— Нет! — так резко воскликнула Харриет, что вошедшая в ее палату сестра удивленно подняла брови. — Ты… выброси его… — Господи, ну давай же, скажи это!

— В реку? — услужливо подсказал Хилли.

— Правильно, — с облегчением выдохнула Харриет, поудобнее

устраиваясь на кровати, в то время как сестра взбивала ее подушку.

— А если он не утонет?

Харриет потребовалось несколько секунд, чтобы обдумать очередную глупость своего дружка.

— Это... сделано из металла, — выдавила она наконец. Сестра провела рукой по лбу Харриет, отцепила ее карту от спинки кровати и вышла из комнаты.

— Ну ладно, мне пора идти! — взволнованно прокричал Хилли. — Я тебе потом позвоню.

Щелк. Харриет осталась сидеть, приложив трубку к уху, пока короткие гудки в ней не сменились ровным гудением. Потом она тихо положила трубку на рычаг, откинулась на подушки и, полная мрачных предчувствий, задумчиво оглядела комнату.

Это было самое долгое утро в жизни Харриет. Книги у нее не было, голова болела просто отчаянно, но она боялась засыпать, чтобы не проворонить проповедника или еще кого-нибудь из этой семейки. Однако больше всего ее мучил вопрос: правильный ли выбор она сделала? Где гарантия, что Хилли вообще пойдет туда? Или что он выбросит револьвер в реку? С его мозгами он вполне может отнести оружие на репетицию своего дурацкого оркестра, чтобы попугать друзей. «Эй, Дейв, руки вверх! Пиф-паф!» Она поморщилась и спрятала гудящую голову в подушках. Пистолет ее отца, с отпечатками ее пальцев... Но кого еще она могла попросить об этом, кроме Хилли? Н-и-к-о-г-о.

Медсестра по имени Глэдис Кутс, напоминающая доброго слона, иногда заходила к ней в комнату, брала кровь, выносила судно, капала в глаза Харриет жгучую жидкость, меняла капельницы, и Харриет искренне радовалась каждому ее появлению. Чтобы сестра почаще заходила к ней, она выдумывала ей поручения: то она хотела холодной воды, то лимонада, потом сестра принесла ей какого-то зеленого желе, которое Харриет попробовала и отставила в сторону.

Из коридора доносились сонные звуки больничного утра: кто-то шаркал шлепанцами по коридору, а вот кого-то провезли на каталке; постепенно холл заполнился выздоравливающими из терапевтического отделения, а время от времени оживал интерком и женский голос начинал раздавать непонятные команды: «Карла, зайди на пост номер два», «Санитара в пятую смотровую»...

Харриет, загибая пальцы и бормоча себе под нос как безумная, пыталась понять, что именно ей известно, чтобы оценить опасность своего положения. Проповедник явно не знал о башне. Он не сказал ничего, что показывало бы, что он знает, где сейчас находится Дэнни. С этой стороны она прикрыта. Однако ситуация может измениться, если доктор выяснит, что причиной ее заболевания стала отравленная вода. «Транс Ам», конечно, припаркован на приличном расстоянии от башни;

может быть, никому в голову не пришло его там искать, — *пока* не пришло.

Кто знает, а вдруг пустырь уже прочесывают? Может, они уже нашли револьвер ее отца? Из него стреляли — это они смогут определить сразу же. А раз он там валяется, логично, что им придет в голову заглянуть *наверх*.

Да еще Хилли и его дурацкие вопросы. «Тебя арестовали?» Он бы умер от зависти, если бы ее действительно арестовали, для него жизнь — это забавная игра. До сих пор. Вот младенец.

Тут ей в голову пришла ужасная мысль. А вдруг полицейские наблюдают за машиной? Как в фильмах, где они оцепляют место преступления и следят, не появится ли там преступник? Конечно, у Хилли достаточно ума, чтобы не лезть прямо в руки полиции, но вдруг они спрячутся и будут сидеть в засаде? Она выругала себя за то, что не предупредила Хилли об опасности. Впрочем, Харриет надеялась, что если он увидит людей, то просто повернет обратно.

Около полудня к ней зашел их семейный врач по фамилии Бридлав, которого Эдди за его высокие гонорары окрестила «мистер Жадюга». Это был высокий, довольно молодой человек с обвисшими щеками и таким неприветливым выражением лица, что напоминал бульдога на привязи. Говорил он всегда сухо, резко, язвительным тоном, как будто не доверял больным ни на грош, и Харриет терпеть его не могла, впрочем, как и другие его пациенты. Однако своей открытой неприветливостью доктор Жадюга избавлял ее от необходимости демонстрировать фальшивую общительность и улыбаться ему, когда ей того не хотелось, поэтому она невольно испытывала к нему что-то вроде уважения.

Доктор Жадюга мрачно обошел ее кровать, избегая смотреть ей в глаза, как дикий кот перед дракой. Потом он уставился на нее холодным взглядом и некоторое время рассматривал ее тело под одеялом. Наконец он спросил:

— Ты ешь много салата?

— Да, — сказала Харриет, хотя она вообще его не ела.

— А ты вымачиваешь его в соленой воде?

— Нет, — сказала Харриет, поняв, что он ожидает от нее именно такого ответа.

Доктор пробормотал что-то про дизентерию и немытый мексиканский салат и после паузы, повесив ее карту обратно на спинку кровати, вышел из палаты.

Зазвонил телефон. Забыв о капельнице, Харриет рванулась к нему и схватила трубку после первого звонка.

— Эй, привет! — Это был Хилли. Из трубки до Харриет доносились звуки из спортзала, в котором проходили репетиции их оркестра: нестройное звучание разных инструментов, — видимо, музыканты настраивали их перед репетицией.

— Подожди, — предотвратила она неудержимый поток слов, готовый излиться из Хилли. — Отвечай только «да» или «нет». Ты был там?

— Да, сэр! — Голос Хилли был вовсе не похож на голос Джеймса Бонда, но Харриет узнала его «бондовский» тон. — Я изъял орудие убийства.

— Ты выбросил его, куда я просила?

Хилли в восторге захихикал.

— Агент Хар! Неужели я когда-нибудь подводил тебя?

В маленькой паузе, последовавшей за этим, острые уши Харриет разобрали посторонние звуки на заднем плане — шепотки, толкотню и хихиканье.

— Хилли, — медленно произнесла она, садясь на постели, — кто это там с тобой?

— Никто! — Хилли сказал это слишком быстро, и слегка запнулся, как будто в это время толкнул кого-то локтем.

Шепот. Потом тихий смех: девчонка! Гнев пронзил Харриет как электрический разряд.

— Хилли, — прошептала она зловеще, — лучше, чтобы рядом с тобой никого не было, потому что… Послушай меня…

— Эй! — (Он что, *смеется?)* — В чем проблема, Хар?

— Потому что, — Харриет повысила голос, уже не заботясь о том, слышен он в коридоре или нет, — револьвер теперь весь покрыт *твоими отпечатками пальцев,* ты понял?

В трубке наступило молчание, только смешки и перешептывания все еще слышались на заднем плане.

— Хилли?

Когда он снова заговорил, его голос звучал мрачно и растерянно.

— Я… Да *убирайся* ты отсюда! — резко сказал он кому-то.

Трубка повисла на проводе, послышались звуки борьбы, приглушенные вскрики, потом быстро удаляющиеся шаги. Харриет терпеливо ждала. Когда Хилли снова взял трубку, голос у него был слегка запыхавшийся.

— Так нечестно! — выпалил он. — Ты меня подставила!

Харриет молчала. Ее отпечатки тоже были на револьвере, но напоминать об этом Хилли она не собиралась.

— Кому ты рассказал? — спросила она после холодной паузы.

— Никому… Ну, только Антону и Грегу. И Джессике.

«Джессике? — подумала Харриет. — *Джессике Диз?»*

— Да ладно тебе, Харриет, — теперь он говорил жалобным голосом. — Почему ты такая противная? Я сделал все, что ты велела.

— Я не велела тебе говорить об этом *Джессике Диз*.

Хилли в отчаянии хмыкнул.

— Видишь, ты сам во всем виноват. Ты не должен был никому говорить об этом. Теперь у тебя будут неприятности, а я не смогу тебе

помочь.

— Но ведь я… — Хилли запнулся. — Ведь я никому не сказал, что это *ты!*

— Что я — *что?*

— Ну, что это ты сделала… ну, то, что ты сделала.

— А почему ты думаешь, что я хоть что-то сделала?

— Ага, так я тебе и поверил!

— Кто был с тобой у башни?

— Никто… — Это было сказано несчастным голосом.

— Значит, пистолет этот теперь твой. Тебе никогда не доказать, что я просила тебя забрать его.

— Нет, я могу доказать, могу!

— Каким же образом?

— Ну я… — произнес Хилли без особой уверенности. — Я могу…

— Ничего ты не можешь, и теперь орудие преступления сплошь покрыто твоими отпечатками пальцев, — мрачно заявила ему Харриет. — И если не хочешь неприятностей, скажи своим дружкам, что ты все выдумал, а не то сядешь в тюрьму и умрешь на электрическом стуле.

Последнее было чересчур даже для Хилли, но по его молчанию Харриет поняла, что он это проглотил.

— Ну ладно, не дрейфь так, Хил, — сказала она, сжалившись над ним. — Я-то никому не скажу об этом, понял?

— Правда не скажешь?

— Конечно нет. Все останется между нами. Если только ты уже не растрепал всей школе.

— А что, если *его* найдут? — безнадежным голосом спросил Хилли. — Что тогда?

— Тебя видел кто-нибудь?

— Нет.

— А в каком месте ты выбросил его? — спросила Харриет, слабо маша рукой сестре Кутс, которая просунула в дверь голову, чтобы попрощаться, потому что у нее заканчивалась смена.

— С железнодорожного моста.

«Хорошо», — подумала Харриет. Это был один из самых пустынных участков.

— А ты видел машину?

— Какую машину? О чем ты говоришь?

— Так, ни о чем. Слушай, пойди и скажи Джессике и компании, что ты просто разыграл их. Если они не проболтаются, никому и в голову не придет разыскивать… объект.

— Да я им и так не рассказал всю правду.

«Уж это точно, — усмехаясь про себя, подумала Харриет. — Слава богу, что ты не знаешь всей правды».

— А что ты рассказал? — спросила она.

— Ну, что Фариша Ратклиффа застрелили, как написали в газетах. Правда, там было сказано, что его нашел ловец бродячих собак, когда охотился за дикой псиной, которая забежала на пустырь, но я сделал эту историю немного более… шпионской.

— Ну так сделай ее еще более шпионской и скажи им…

— Я знаю! — вскричал вдруг Хилли с былым энтузиазмом. — Как из жизни Джеймса Бонда, да? Помнишь, этот чемоданчик…

— … который стрелял отравленным газом…

— …и туфли, помнишь туфли? — он говорил про туфли агента Клебб, в носках которых были скрыты раздвижные лезвия.

— … ага, здорово. Хилли…

— А помнишь ее кастет, которым она врезала тому белобрысому прямо в живот?

— Хилли!

— Что?

— Я бы на твоем месте не стала слишком много болтать об этом, ты понял?

— Да, слишком много не стоит. Конечно. Просто, чтобы получилась хорошая история, — весело сказал Хилли, совершенно успокоившись.

— Правильно, просто хорошая история, — подтвердила удовлетворенная Харриет, улыбаясь.

— Лоренс Юджин Ратклифф?

Незнакомец остановил Юджина у лестницы как раз в тот момент, когда он собирался подняться наверх и снова навестить девчонку — может быть, удается выбить из нее хоть какую-то информацию. Это был высокий плотный человек с жесткой щеточкой усов и внимательными, цепкими серыми глазами.

— Куда вы направляетесь?

— Я… э… — Юджин уставился на свои руки.

— Можно мне прогуляться с вами?

— Нет проблем, — сказал Юджин своим «представительским» голосом.

Они прошли через вестибюль к двери, на которой было написано: «Выход». Незнакомец открыл ее, и они шагнули из пропитанной запахами антисептиков прохлады больницы в жгучее пекло солнечного дня.

— Не хочется вас напрасно беспокоить, — сказал незнакомец, — особенно в такое время, но мне необходимо задать вам парочку вопросов.

— Нет проблем, — повторил Юджин, гадая, что надо от него этому копу.

Тот удобно уселся на бетонную скамью и предложил Юджину сесть рядом.

— Мы разыскиваем вашего брата Дэнни.

Юджин свесил руки между колен и уставился на них. Из собственного опыта общения с полицией он знал, что, чем меньше она будет знать, тем лучше.

Полисмен вытащил из кармана пачку сигарет и, повозившись с зажигалкой, закурил.

— Ваш брат Дэнни был хорошо знаком с неким Альфонсо де Бьенвиллем, — сказал он. — Вы его знаете?

— Знаю, что такой существует, — осторожно проговорил Юджин.

— Любопытная личность. — Незнакомец доверительно нагнулся к Юджину. — А он имеет отношение к тому маленькому бизнесу, который вы развели там у себя?

Юджин, внутренне подобравшись, постарался, чтобы выражение его лица не изменилось.

Коп зевнул, потянулся и закинул обе руки за голову.

— Мы всё знаем, Юджин, — сказал он. — Всё, что вы там вытворяете. В настоящую минуту с десяток наших ребят прочесывают участок вашей бабушки. Поэтому давай, не стесняйся, выкладывай все, что знаешь.

— Ей же богу, офицер, — сказал Юджин честно. — Я-то не имею к этому никого отношения.

— Ага, значит, ты знал про лабораторию, так? Тогда расскажи мне, где они спрятали наркотики.

— Сэр, вы больше меня знаете обо всей этой истории.

— Не надо темнить, у меня сержант подорвался на мине, которые вы расставили там по всему периметру. Хорошо еще он заорал так, что другие вовремя остановились.

— У Фариша проблемы с головой, — пробормотал Юджин после неловкой паузы. Он с трудом сдерживался, чтобы не загородиться рукой от палящего солнца. — Он из-за этого лежал в клинике.

— Ну да, и к тому же он имеет пару сроков за особо тяжкие уголовные преступления.

— Слушайте, — сказал Юджин, — вы, наверное, думаете, что и я тоже опасный преступник. Но поверьте, я свое отсидел. На меня снизошло Откровение Божье, я изменился, спросите кого хотите. Моя жизнь сейчас принадлежит только Господу, больше никому.

— Ну ладно. — Коп немного помолчал, смягчаясь. — А какое отношение к этому имеет ваш брат Дэнни?

— Они с Фаришем вчера утром уехали на машине.

— Ваша бабушка говорила, что они поссорились.

— Ну, не то чтобы поссорились, так, слегка поцапались. — Незачем было осложнять Дэнни и без того тяжелое положение.

— А ваша бабушка говорила, что дело дошло до кулаков.

— Что ж, мне об этом ничего не известно.

— Ну ладно. — Коп затушил сигарету и поднялся. — Вы понимаете, это не допрос, просто мне хотелось в неформальной обстановке выяснить кое-что.

— Да, сэр. — Юджин поднял голову вверх, потом быстро отвел взгляд в сторону. — Спасибо, сэр.

— Ну а между нами, где, по-вашему, сейчас находится ваш брат Дэнни?

— Не имею понятия.

— А мне говорили, что вы с братом были близки, — сказал коп тем же доверительным тоном. — Неужели он мог уехать и ничего вам не сказать? Может быть, у него есть друзья, о которых мне следует знать? Он не мог уйти слишком далеко пешком, без посторонней поддержки.

— А почему вы думаете, что он смылся? Может, он лежит где-нибудь подстреленный, как и Фариш?

Коп наклонился и положил ему руку на колено.

— Интересно, что вы об этом сказали. Потому что сегодня утром мы арестовали Альфонсо де Бьенвилля, чтобы спросить его о том же.

Юджин выпрямился, нахмурив лоб.

— Вы что, думаете, это Кэтфиш?

— Что Кэтфиш?

— Ну, стрелял в Фариша.

— Ну не знаю, не знаю, — уклончиво промычал коп. — Альфонсо — любопытный тип. Если он углядел в вашем предприятии легкий заработок, он мог на многое пойти. Но вот в чем проблема, Юджин: мы не можем найти Дэнни и не можем найти наркотики. Улавливаете связь? И у нас пока нет никаких оснований считать, что Кэтфиш хоть как-то замешан в этом деле. Поэтому я и надеялся, что вы мне поможете.

— Мне очень жаль. — Юджин потер подбородок. — Я больше ничего не знаю.

— Может быть, подумаете еще? Мы все-таки здесь расследуем убийство.

— Убийство? Так что, Фариш умер? — Юджин вскочил на ноги. Он только час назад отошел от двери реанимации, повел Гам и Кертиса в буфет подкрепиться, потом отправил их назад, а сам решил пройтись, размять ноги да навестить девчонку.

Коп выглядел удивленным:

— А разве вы не знали? Я подумал, когда увидел вас у лестницы, что вы...

— Слушайте, — Юджин уже шел к двери. — Простите меня, но мне надо побыть с бабушкой и братом.

— Ну да, конечно, — растерянно сказал коп. — Не буду вам мешать...

Юджин почти помчался по коридору к палате интенсивной терапии. Он услышал Гам еще раньше, чем увидел ее: звенящий, безнадежный, пронзительный стон, от которого сердце у него в груди сжалось и ухнуло в желудок. Кертис с посиневшим лицом сидел на стуле и хрипел, прижимая к себе огромную мягкую игрушку. Дама из отделения работы с пациентами стояла рядом и держала Кертиса за

руку.

— Ну вот он идет наконец, — сказала она с облегчением, — не волнуйся, дружок, твой брат пришел. — Юджину она прошептала: — Ваша бабушка очень плоха...

Юджин пошел к Гам, раскинув руки для объятия, но она как будто не видела его. Бесконечно повторяя имя Фариша тонким, жалобным голосом, Гам слепо прошла мимо Юджина и мелкими шагами засеменила по холлу.

Дама из отделения работы с пациентами поймала за рукав доктора Бридлава:

— Доктор, у нас тут проблема с дыханием.

Доктор взглянул на посиневшее лицо Кертиса и гаркнул:

— Эпинефрин, живо!

Одна из сестер убежала прочь. Бридлав повернулся к другой сестре и свирепо рявкнул на нее:

— А почему вы еще не ввели снотворное миссис Ратклифф?

Посреди всей этой сумятицы, шприцев, мелькающих халатов сестер и санитаров откуда-то сбоку возник тот же самый полицейский и наклонился к уху Юджина:

— Нам с вами все-таки придется проехать в отделение. Дайте мне знать, когда будете готовы, хорошо?

Юджин в растерянности посмотрел в его доброжелательное лицо. Он еще не до конца осознал, что случилось. Его бабушка была теперь тиха, ее уводили под руки две медсестры. Кертис сидел на стуле, потирая руку, но его кашель и хрип чудесным образом прекратились. Он поднял игрушку и показал Юджину — большого плюшевого зайца.

— Мое! — сказал он, потирая припухшие глаза кулаком.

Коп все еще смотрел на Юджина, будто ожидал от него какой-то информации.

— Мой братик, — сказал ему Юджин. — Вы видите, он не совсем нормален. Я не могу оставить его здесь одного.

— Так заберите его с собой, — охотно предложил коп. — Мы найдем ему пару шоколадок в отделении.

— Малыш? — позвал Юджин. Кертис сорвался со стула, подбежал к нему и зарылся лицом в его рубашку.

— Люблю, — пролепетал он.

— Да, милый, — проговорил Юджин, мягко разжимая его пальцы. — Я тебя тоже люблю, но сначала нам придется поехать с этим дядей.

— Но я вовсе не хотела чаю, — услышала Харриет над ухом знакомый, чуть капризный голос.

В комнате было темно. У ее кровати сидели два человека, свет из коридора слабо освещал их головы. Затем, к неудовольствию Харриет, до нее донесся еще один приглушенный голос, который она не слышала уже очень долгое время, — голос ее отца.

— У них был только чай,— он говорил с преувеличенной вежливостью, граничащей с ехидством. — Если не считать кофе и сока.

— Я *говорила* тебе, что не надо идти в кафетерий. Здесь в холле стоят автоматы с колой.

— Ну так не пей чай, если тебе не хочется.

Харриет лежала очень тихо, прислушиваясь к родительским голосам. Как всегда, когда они были вместе, атмосфера постепенно накалялась, даже если они вели себя друг с другом подчеркнуто вежливо. «Что им тут нужно? — сонно подумала она. — Лучше бы Эдди со мной посидела».

А затем она услышала, как ее отец произнес имя Дэнни Ратклиффа.

— Ужас какой, ты слышала? — говорил он. — В кафетерии только и рассказывают об этом.

— О чем?

— О Дэнни Ратклиффе. Помнишь маленького дружка Робина? Ну того, что часто забегал к нам во двор поиграть.

«Какого еще *дружка!*» — подумала Харриет, внутренне холодея. Она уже полностью проснулась и, хотя ее сердце теперь стучало так бешено, что его, должно быть, было слышно из коридора, постаралась лежать неподвижно, не открывая глаз. Отец с шумом отхлебнул кофе и продолжал:

— Такой маленький оборванец, но довольно милый. Он еще зашел потом к нам домой и извинился передо мной, что не смог прийти на похороны, некому было отвезти его домой. Трогательный малыш.

«Нет, это неправда! — в панике подумала Харриет. — Они с Робином ненавидели друг друга. Так мне Ида говорила».

— Ах, да! — голос матери оживился. — Помню, бедный мальчик — он был такой худенький. О, действительно, просто ужас!

— Странно. — Отец Харриет тяжело вздохнул. — Как быстро летит время. Кажется, они только вчера играли с Робином у нас во дворе.

Харриет лежала не двигаясь, парализованная новым страшных подозрением.

— А мне было так жалко, — подхватила мать, — когда я узнала, что он пошел по наклонной дорожке.

— Что не удивительно с такой-то семьей.

— Ну, знаешь, они не все так плохи. Я встретила Роя Дайла в коридоре, так он сказал, что один из них зашел проведать нашу Харриет.

— Правда? Странно, ты думаешь, он знал, кто она такая?

— Я не удивлюсь, если так. Наверное, он поэтому и зашел ее навестить.

Их разговор перешел на другие темы, а Харриет, охваченная ужасом, спрятала пылающее лицо в подушках. Никогда раньше ей не приходило в голову, что она могла ошибиться в том, что Дэнни Ратклифф — и есть убийца ее брата. Но что, если он не убивал Робина?

Она не думала, что эта мысль вызовет такую мощную волну

кошмара, готовую целиком захлестнуть ее. В панике она внутренне заметалась, пытаясь оттолкнуть от себя это подозрение, выбросить его из головы. Дэнни Ратклифф был виновен, *виновен,* она знала это, *это было ясно как день,* даже если другие не думали так.

Но вместо того чтобы улечься, сомнения накрыли ее с головой. Да, она была уверена, что Дэнни Ратклифф — убийца, но откуда она узнала об этом? Кто сказал ей? Почему она сделала такой вывод?

Харриет закусила губы, чтобы не закричать от ужаса. Она настолько не сомневалась в своей правоте, что ей не пришло в голову перепроверить или хотя бы сопоставить факты. Какие же это были факты? Конечно, то, что говорила Ида, должно было быть правдой, но ведь Ида так много всего говорила. И Ида, к примеру, терпеть не могла Хилли — Хилли, который и мухи не мог обидеть. А сколько раз, когда они с Хилли ссорились, она слепо вставала на защиту Харриет, не удосуживаясь разобраться, кто прав, а кто виноват?

Может быть, она права, и он действительно совершил то ужасное убийство. Только как она теперь узнает *наверняка?* «Почему я прямо не спросила его об этом? — твердила себе Харриет. — Он ведь находился рядом со мной». Но, конечно, ей это и голову тогда не пришло, единственное, чего она хотела, — уйти оттуда живой.

— Ой, посмотрите, — внезапно сказала мать Харриет, и встала со стула. — Она проснулась!

Харриет замерла. Она так глубоко погрузилась в свои мысли, что случайно открыла глаза.

— Харриет, посмотри, кто к тебе приехал!

Ее отец тоже поднялся и подошел к изголовью кровати. Даже в темной комнате Харриет увидела, что он сильно поправился за то время, пока она его не видела.

— Что, соскучилась небось по своему старому папке? — спросил он. Когда он был в таком игривом настроении, он любил называть себя «старым папкой».

Харриет вытерпела поцелуй в лоб и пару шлепков по щеке — обычное отцовское проявление нежности.

— Ну как ты? — говорил отец. От него пахло сигарами и виски, приятные запахи, если бы они исходили от кого-нибудь другого. — Ты здорово провела этих врачишек, ха-ха! — Он говорил с такой гордостью, будто Харриет выиграла Олимпийские игры.

Мать Харриет озабоченно порхала вокруг.

— Может быть, ей не хочется разговаривать, Дикс!

Отец бросил не оборачиваясь:

— Что ж, пусть не разговаривает, если ей не хочется.

Харриет взглянула на округлившееся, красное отцовское лицо, его быстрые, внимательные глаза, и ей ужасно захотелось расспросить его о Дэнни Ратклиффе, но она не решалась начать разговор.

— Что? — спросил отец.

— Я ничего не сказала. — Ее голос прозвучал тихо и хрипло.

— Но ведь хотела сказать! — Отец изобразил приветливую улыбку. — Скажи мне, дочка.

— Оставь ее, Дикс, — еле слышно прошептала мать. — Ты же видишь, девочка устала.

Отец повернул к ней голову резким гневным движением, которое Харриет так хорошо знала.

— Ну и что ж, что устала? — спросил он. — Я тоже устал. Я проехал восемь часов на машине, чтобы повидать ее. Об этом ты забыла? И что, теперь мне уже нельзя и поговорить с моей дочерью?

Когда они наконец ушли в девять часов вечера, Харриет в изнеможении опустилась на высокие подушки. Она боялась заснуть, вполне допуская, что проповедник решит вернуться в ее комнату. Конечно, приезд отца был вовсе не ко времени, но сейчас семейные проблемы отошли по важности на самый задний план. Гораздо больше Харриет теперь занимала мысль: что сделает проповедник, когда узнает, что Дэнни Ратклифф мертв?

А потом она вспомнила про стеклянный шкафчик, где хранилось оружие, и сердце ее еще сильнее сжалось. А вдруг отец полезет проверять, все ли на месте? Он это делал не так часто, но все же. Может быть, не стоило выбрасывать револьвер в реку? Лучше было бы спрятать его у себя во дворе, а потом тихонько положить на место?

Слишком поздно, к тому же таким образом она заткнула самый болтливый рот в Александрии. Хилли теперь подумает дважды, прежде чем рассказывать небылицы. А потом пройдет время, и люди быстро обо всем забудут. Люди вообще ни на что не обращают особого внимания. Скоро все улики, которые она оставила, зарастут сором. Ведь то же самое случилось и с Робином, верно? Улики заросли сором, и теперь никто никогда не узнает о том, что произошло на самом деле. Внезапно ей пришла в голову неприятная мысль, что, возможно, двенадцать лет назад убийца Робина размышлял примерно о том же.

«Но я ведь никого не убивала! — чуть не закричала она. — Я не убивала! Он сам утонул! Что я могла сделать?»

— Что с тобой, малышка? — встревоженно спросила сестра, которая пришла поменять капельницу. — Тебе что-нибудь нужно?

Харриет лежала на постели, засунув в рот костяшки пальцев и полными слез глазами рассматривая щели на потолке. Нет, она его, конечно, не убивала, но он был мертв по ее вине. А теперь оказывается, что, может быть, он и пальцем Робина не тронул. В конце концов Харриет зажгла свет и раскрыла биографию капитана Скотта, которую оставил ей на тумбочке отец. Но слова расплывались перед глазами, а каждая фраза приобретала какой-то совершенно независимый, сверхъестественный смысл. Казалось, капитан Скотт пытался поговорить с ней со своих далеких заоблачных берегов, что-то

объяснить, доказать. Она представила себе, как он лежал в палатке, а рядом догорал огарок последней свечи и как он немеющей рукой писал в своем блокноте горькие строки о провале дела всей его жизни. Да, он пошел на риск, он храбро бросился на покорение ледяной пустыни, которую невозможно было покорить, он достиг мертвого центра земли, и что же? В конце концов, все его мечты оказались сломлены, надежды не оправдались. Какие горькие думы думал он, когда лежал среди тел мертвых друзей, готовясь перейти в мир иной? Харриет глядела прямо перед собой невидящими от слез глазами. Она тоже познала вещи, о которых еще пару месяцев назад не имела представления, и вдруг ей пришло в голову, что она разгадала тайное послание капитана Скотта: «Победа и поражение, в общем-то, ничем не отличаются друг от друга».

Утром Харриет проснулась поздно, совершенно разбитая и больная. Всю ночь ей снился отец: он расхаживал вокруг ее постели и занудным голосом ругал ее за то, что она разбила его любимую безделушку. Харриет протерла руками заспанные глаза. Около ее кровати сидела свежая, бодрая Эдди и пила кофе из термоса.

— Ага, проснулась наконец! — Воскликнула она весело. — Скоро придет твоя мать.

Харриет молча смотрела на нее, ужас, который за ночь никуда не исчез, железной рукой больно, крепко сжимал ее сердце.

— А теперь изволь позавтракать,— строго проговорила Эдди.— Сегодня большой день. К нам придет невролог, и, если у тебя все в порядке, тебя выпишут домой.

Харриет внутренне собралась. Ей надо уговорить невролога выписать ее домой, она не может здесь больше оставаться, это слишком опасно. Кто знает, что может сделать проповедник, если решит, что это она убила его брата? Главное — не забыть про немытый салат, прекрасное объяснение расстройства желудка. Нельзя допустить, чтобы врачи связали ее болезнь с водонапорной башней.

Сделав почти немыслимое усилие, она обратила внимание на завтрак, который ей принесли на пластмассовом подносе, и невольно поморщилась. Жидкий яблочный сок и чашка риса — что за завтрак такой? Она с отвращением ковырнула вилкой рис. Хорошо, пусть она будет Марко Поло в гостях у Кубла Хана. Как есть палочками, она не знает, значит, будет есть руками.

Эдди вернулась к своей газете. Харриет взглянула на заголовок передовицы и чуть не выронила из руки вилку. «Найден подозреваемый в убийстве!» На фотографии два человека тащили под руки висящее мешком изможденное тело. Лицо человека было мертвенно-бледным, черные волосы прилипли ко лбу. Оно скорее напоминало маску из парка ужасов, чем человеческое лицо: вместо рта — зияющая черная дыра, вместо глаз — провалы, как у черепа. Однако сомнений не было: этот полуживой, истощенный, измученный до предела человек был не кто

иной, как Дэнни Ратклифф.

Харриет села и попыталась заглянуть под руку Эдди, чтобы прочитать статью, но Эдди перевернула страницу и, видя странный взгляд внучки и ее повернутую под углом голову, резко спросила:

— Тебе плохо? Дать тазик?

— Можно мне посмотреть газету?

— Конечно. — Эдди рассеянно вынула страницу с комиксами и протянула ее Харриет. Та в гневе уставилась на тупые черно-белые картинки, борясь с желанием выспросить все у Эдди напрямую.

— Опять повысили налоги, представляешь? — проговорила Эдди. — Не понимаю, куда деваются все деньги, которые собирают с нас. Наверняка начнут строить еще одну дорогу, да так и бросят, как обычно. Только на это они, похоже, и способны.

Харриет боялась поднять голову, опасаясь, что глаза могут выдать ее. *«Найден подозреваемый в убийстве».* Раз он *найден,* так значит, он *жив?* Дэнни Ратклифф жив?

Она бросила еще один жадный взгляд на газету, но Эдди уже сложила ее пополам и начала работать над кроссвордом.

— Я слышала, Диксон навестил тебя вчера? — спросила она тем холодноватым голосом, которым всегда говорила о зяте. — И как все прошло?

— Нормально. — Харриет не могла думать ни о чем, кроме того, что события принимают другой оборот.

«Во-первых, он не знает моего имени», — мысленно загибала она пальцы. По крайней мере, ей кажется, что не знает. Впрочем, если бы ее собственное имя было упомянуто в газете, Эдди не сидела бы тут так спокойно.

«Так ведь он пытался *утопить* меня», — вдруг подумала Харриет. Вряд ли он побежит рассказывать об этом полиции.

После паузы она собрала в кулак все свое мужество и спросила:

— Эдди, а кто этот мужчина на первой странице?

— Этот? — Эдди рассеянно повернула к себе газету. — Ах, *этот!* Он кого-то убил, подожди-ка, ах да, брата. Потом спрятался в старой водонапорной башне, но сорвался с лестницы и чуть не утонул. Думаю, он был просто счастлив, когда полицейские пришли за ним. — Она еще раз взглянула на статью и подняла очки на лоб. — Знаешь, я когда-то знала одно семейство Ратклиффов, которые жили за рекой. Их старик работал у нас на полях. Мы с Тэтти его до ужаса боялись, потому что у него не было передних зубов.

— А что они с ним сделают?

— С кем?

— С этим человеком.

— Ну знаешь, он признался, что убил брата, — пробормотала Эдди, возвращаясь к кроссворду. — К тому же там еще замешаны наркотики. Полагаю, они доставят его прямиком в тюрьму, где ему и место.

— В тюрьму? — переспросила Харриет. — Об этом что, в газете так и написано?

— О, не волнуйся, он быстро выйдет из нее, ты даже не успеешь оглянуться,— проворчала Эдди.— Нынче всех сажают в тюрьму пачками, а назавтра выпускают. Почему ты не ешь завтрак? — спросила она, строго глядя на внучку поверх очков.

Харриет сделала вид, что возвращается к своему рису. «Если он не умер, значит, мне не о чем волноваться? Значит, я не убийца? Я ведь ничего такого не сделала? Или сделала?»

— Ну вот, так-то лучше. Ешь скорее, а то после обследования будешь совершенно без сил. А если будут брать кровь, то может закружиться голова.

Харриет прилежно жевала несоленый рис, как вдруг в голову ей пришла еще одна ужасная мысль. Глаза ее заметались по сторонам, как у посаженного в клетку зверька, и она выпалила:

— Эдди, а он болен?

— Господи, кто? Этот мальчик? — Эдди даже не подняла головы от своего кроссворда.— Знаешь, я не верю всей этой чепухе, что преступник может быть «болен».

Харриет поняла, что ничего от нее не добьется. В эту минуту на пороге палаты показался высокий мужчина в белом халате с чемоданчиком в руке.

— Доброе утро, я доктор Бакстер,— сказал он, протягивая Эдди руку. Он выглядел моложе, чем доктор Бридлав, но его макушка уже начинала лысеть. — Я невролог.

— Ах, так.— Эдди подозрительно поглядела на его обувь — спортивные туфли с синей замшевой каемкой.

— Удивительно, что у вас не идет дождь,— непринужденно продолжал доктор Бакстер, усаживаясь и начиная рыться в своем чемоданчике. — Когда я выехал сегодня из дома, по прогнозу ожидался ливень...

— Ну, вы первый врач в этой больнице, кого нам не пришлось ждать целый день, — не очень дипломатично заявила Эдди. Она все еще ела глазами его спортивные, совсем не «докторские» туфли.

— Я выехал из дома в шесть утра,— бодро объявил доктор Бакстер. — Был такой ливень, вы не поверите! Вода — сплошной стеной. Я даже думал, мне придется повернуть назад.

— Вы только подумайте! — вежливо сказала Эдди.

— Ну-с, юная леди, — проговорил доктор, оборачиваясь к Харриет, и вдруг увидел выражение ее лица. — Боже мой! Ты что, испугалась меня, малышка? Я не сделаю тебе больно!

Он тревожно взглянул на нее.

— Знаешь что, давай начнем с вопросов, хорошо? Ты ведь не боишься вопросов, а?

Харриет отрицательно покачала головой.

— Ну вот и славно. Как тебя зовут?
— Харриет Клив-Дюфрен.
— Сколько тебе лет?
— Двенадцать с половиной.
Доктор засыпал Харриет градом вопросов. Сперва он попросил ее сосчитать до десяти, а потом в обратном порядке, улыбнуться, нахмуриться, высунуть язык, следить за его ручкой, не поворачивая головы. Постепенно его тесты становились все сложнее и неприятнее: он засовывал Харриет ложку в горло, чтобы заставить ее подавиться, щекотал ваткой белки глаз, чтобы заставить глаза моргать, острой булавкой тыкал в разные части тела, чтобы проверить болевую реакцию.

Харриет стоически терпела пытки, иногда вздрагивая и невольно ойкая, но мозг ее не переставал работать. Первый и главный вопрос был таков: как заткнуть рот Хилли? Ведь как только он узнает, что Дэнни Ратклифф жив, у него не будет больше оснований молчать о револьвере. Что же делать? Ведь он сразу же притащится к ней домой, как только ее выпишут из больницы, и у него будет миллион вопросов. И что она сможет ответить на них? Что Дэнни Ратклифф чуть не убил ее? Или еще хуже: что теперь она даже не уверена, что это он убил ее брата?

«Ну, нет, — подумала она в панике. — Надо придумать что-нибудь получше».

— А так больно? — спросил доктор, ткнув булавкой ей в щеку.
— Больно!
— Очень хорошо, — сказала Эдди, — когда больно, это хороший знак.

«Может быть, — думала Харриет, разглядывая потолок и сжимая зубы, чтобы не дернуться, пока доктор водил чем-то острым по ее босой ступне, — может быть, Дэнни Ратклифф *действительно* убил Робина». Конечно, всем было бы проще, если бы так оно и случилось. Наверное, не нужно разочаровывать Хилли: она расскажет ему, что Дэнни Ратклифф признался ей во всем там, в водонапорной башне. Он ведь мог совершить то страшное дело не со зла, все могло произойти случайно, во время игры. И потом он всю свою жизнь мучился угрызениями совести. Правильно, а еще он молил ее о прощении! Да, это хороший ход: он молил о прощении, и она сохранила ему жизнь, потому что не хотела брать на себя великий грех, и оставила его там, в башне, потому что прекрасно знала, что рано или поздно его найдут. Уголки рта Харриет невольно приподнялись при мысли о тех возможностях, что открывались перед ней, подобно ядовитым цветам.

— Ну что, не страшно было? — спросил доктор, собирая инструменты.

Харриет быстро спросила:
— А что, теперь я могу пойти домой?
Доктор засмеялся:
— Нет, дорогая моя, не так быстро, сначала мне надо поговорить с

твоей бабушкой один на один, в коридоре. Ты не против?

Эдди встала. На пути к двери Харриет услышала, как она спросила:

— А вам говорили про другие симптомы? Про диарею, про рвоту? И у нее была высокая температура.

Они вышли из комнаты, а Харриет осталась сидеть на постели, разглядывая руки, лежащие на белом покрывале. Дэнни Ратклифф был жив, и теперь она была счастлива, что он не умер. Может быть, то, что она задумала, было изначально обречено на провал, но она была рада, что решилась и все-таки пошла на риск.

— Матерь Божья, — сказал Пем, отодвигая от себя тарелку с кремовым пирогом, который ел на завтрак. — Он пробыл там целых два дня. Бедняга, даже если он и убил своего брата.

Хилли поднял голову от миски кукурузных хлопьев и сумел промолчать.

Пем покачал головой. Его волосы были еще влажными после душа.

— Представляешь, он даже не умел плавать. Он отталкивался от дна и прыгал, чтобы не утонуть, и так два дня подряд. Это как в той заметке, которую я читал про Вторую мировую войну, когда американский самолет подбили над Атлантикой. Про тех парней, которые провели черт знает сколько дней в воде, а море вокруг кишело акулами. Спать они не могли, им надо было постоянно отгонять акул, чтобы те не откусили им ноги. — Он еще раз взглянул на фотографию и передернулся. — Вот бедняга. Два дня провести в этой дыре, как крыса в ведре с водой. Но, скажу я тебе, глупо прятать наркотики в цистерне, если не умеешь плавать.

Хилли, не в состоянии больше сдерживаться, выпалил:

— Это было не так!

— Ну да, ты лучше знаешь!

Хилли подождал немного, от нетерпения ерзая на стуле. Видя, что брат ничего не собирается ему говорить, он нахмурился и размазал хлопья по краям миски.

— Это Харриет все подстроила, — пробормотал он наконец.

— Хмм?

— Это она. Она его толкнула туда, в цистерну.

Пем взглянул на него в изумлении:

— Кого толкнула? Дэнни Ратклиффа?

— Да. Потому что он убил ее брата.

Пем презрительно хмыкнул.

— Дэнни Ратклифф не убивал Робина. С чего ты взял такую глупость? — сказал он, переворачивая страницу газеты. — Мы учились с ним в одном классе.

— Нет, убивал, — упрямо повторил Хилли. — У Харриет есть доказательства.

— Да ну? И что же это?

— Я не знаю точно, куча всего. Она точно может это доказать.

— Ага, конечно.

— Ты ничего не знаешь, — воскликнул Хилли, закусывая губы. — Она выследила их, потом погналась за ними с револьвером, а потом она застрелила Фариша Ратклиффа и загнала Дэнни Ратклиффа в цистерну с водой.

Пембертон притворно зевнул и открыл страницу комиксов.

— Мне кажется, напрасно мама разрешает тебе пить столько колы, — сказал он.

— Это правда! Клянусь! — Хилли чуть не запрыгал на стуле от возбуждения. — Я знаю, потому что… — И тут он вспомнил, что не мог рассказать Пему, *откуда* он все знает.

— Даже если бы у нее и был револьвер, — презрительно сказал Пем, — почему она тогда не застрелила их обоих? — Он отодвинулся от стола и посмотрел на Хилли, как на полного кретина. — Как *Харриет* могла заставить *Дэнни Ратклиффа* залезть в цистерну? Ты сам-то его видел хоть раз? Дэнни Ратклифф — еще тот сукин сын, законченный отморозок, если хочешь знать. Да он в два счета отнял бы у нее дурацкий револьвер. Если на то пошло, он в два счета отнял бы и *у меня* револьвер. Понял, тупица?

— Не знаю, как она все это провернула, — буркнул Хилли, — а только так оно и было.

Пем сунул ему в руки газету:

— На, прочитай сам, как оно было, тогда поймешь, какой ты идиот. Они прятали в башне наркотики. Понятно, тупая башка? Из-за них и передрались. Харриет тут абсолютно ни при чем. Полиция нашла полную цистерну наркотиков.

Хилли совершил над собой гигантское усилие, понимая, что и так сказал гораздо больше, чем надо. Однако молчать не было сил, и он сердито воскликнул:

— А что, если она подралась с ними и была ранена? И попала из-за этого в больницу? Что, если она оставила револьвер около башни и попросила *доверенное лицо* его забрать…

— НЕТ. Харриет в больнице, потому что у нее эпилепсия. *Эпилепсия,* понял? — Пембертон приставил палец ко лбу и крепко постучал несколько раз.

— Ох, Пем, — раздался голос матери от двери. Волосы ее были красиво уложены феном, и она с утра надела коротенькое белое платьице, которое выгодно оттеняло ее загар. — Я же просила тебя не говорить об этом Хилли!

— Да? — буркнул Пем. — Я забыл.

Хилли в растерянности переводил взгляд с матери на брата.

— Это такое испытание для ребенка, особенно в школе, — продолжала мать, присаживаясь за стол. — Ужасно, если об этом узнают. Хотя, — она подцепила на вилку большой кусок недоеденного пирога с

тарелки и отправила в рот, — я не удивилась, когда услышала об этом. Это многое объясняет.

— Что объясняет? — спросил Хилли неуверенно. — У нее что, крыша съехала?

— Нет, мой орешек, — быстро сказала мать, опуская вилку. — Нет, нет и нет. Не говори ничего подобного в школе, понял? Просто у нее бывают приступы. Иногда. Судороги…

— Вот такие. — Пем высунул язык, закатил глаза и дико задергался на стуле.

— Пем! — смеясь, сказала мать. — Прекрати сейчас же!

— Алисон все видела. Она говорила, что это продолжалось десять минут.

Мать Хилли, видя озабоченное выражение его лица, нагнулась и погладила сына по руке.

— Не беспокойся, детка, это не опасно. Кстати, Хилли, папа отвезет тебя сегодня на репетицию. Я еду в клуб, у меня занятия по теннису начинаются через полчаса. Да, и… Хилли. Помни, никому нельзя рассказывать об этом, хорошо?

Когда они услышали звук отъезжающей машины, Пем подошел к холодильнику и нашарил на верхней полке банку спрайта.

— Ты такой умственно отсталый, — сказал он, — что мне странно, как тебя еще в школе держат.

Хилли больше всего на свете хотелось рассказать брату, что это именно *он* ходил за револьвером к башне, но колоссальным усилием воли он сжал зубы и молча уставился в свою тарелку. Ничего, он позвонит Харриет в больницу сразу после репетиции! Конечно, открыто говорить она не сможет, но он придумает наводящие вопросы, на которые она будет отвечать «да» или «нет».

Пембертон с треском вскрыл банку и сказал:

— Знаешь, на твоем месте я бы перестал без конца рассказывать всякую ерунду. Может быть, тебе эти дурацкие истории и кажутся крутыми, но, ей-богу, скоро люди станут показывать на нас пальцами.

Хилли не слушал его. Если он сбежит с репетиции, то сможет позвонить ей даже раньше из школьного автомата. А потом, когда ее выпишут домой и они окажутся вдвоем в безопасной полутьме сарая для инструментов, она ему все расскажет: откуда она достала револьвер и как вообще она все это провернула — застрелила Фариша Ратклиффа и чуть не утопила крутого отморозка Дэнни в цистерне с водой. Теперь ее великая миссия была закончена, она отомстила за смерть брата, наголову разбила своих врагов, а сама оказалась ни при чем.

Он взглянул на Пема.

— Что ни говори, — сказал он, — а Харриет — гениальная девчонка.

Пем усмехнулся и закатил глаза.

— О да! — театрально воскликнул он, направляясь к двери. — По сравнению *с тобой* вне всякого сомнения.